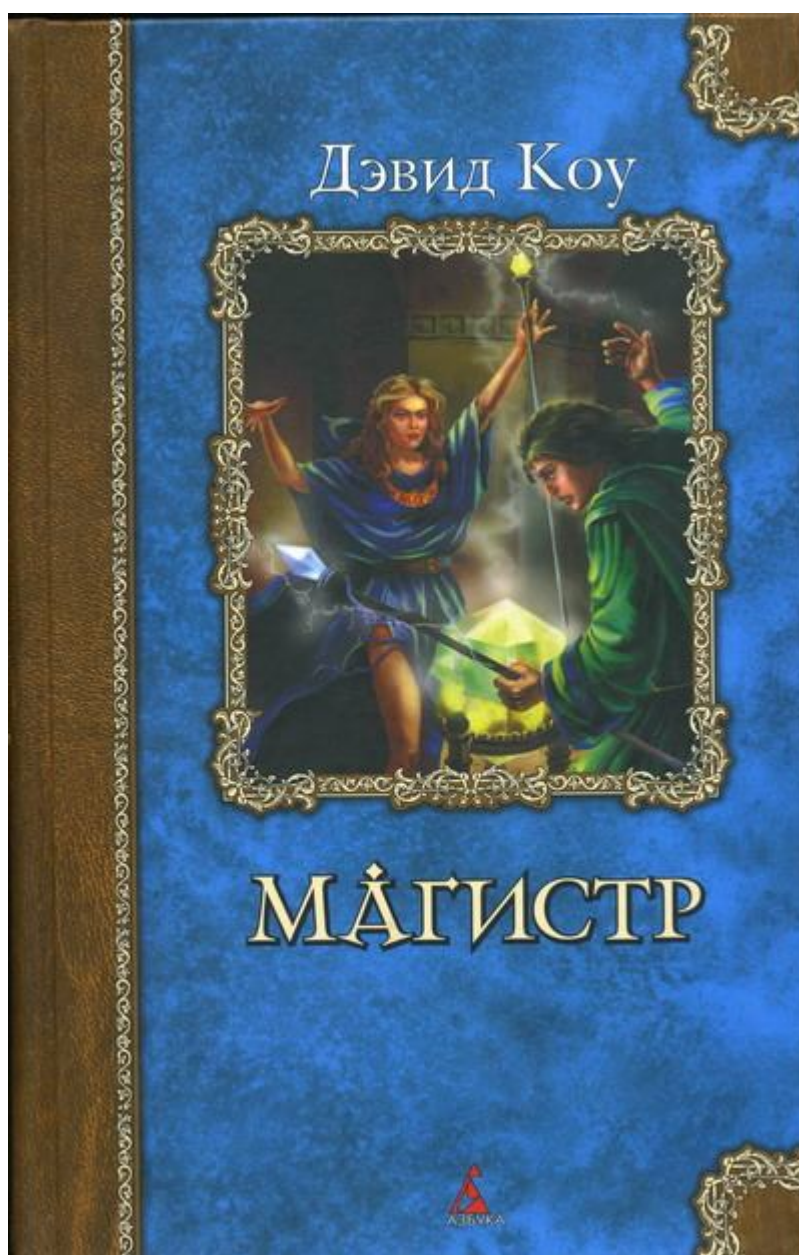

**Дэвид Коу
Магистр**

Хроники Лон-Тобина – 3

Scan - Alex1979. OCR & ReadCheck - TaF
«Дэвид Коу "Магистр"»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-352-00414-7

Аннотация

Угроза гибели нависла над Тобин-Сером — мирной страной с зелеными лесами. У Джарида и Кайлин, одаренных молодых магов, появляются орлы, а согласно древнему пророчеству это предвещает войну.

По другую сторону моря в Налях Лон-Сера тоже становится беспокойно. Во главе одного из них Мелиор — умная, выросшая в уличных боях женщина, которой удалось подняться из самых низов и стать правительницей. Она старается сохранить мир с Тобин-

Сером, но ее усилия вызывают неприятие в стране, привыкшей к постоянным раздорам.

Удастся ли этим молодым лидерам предотвратить войну между двумя государствами и избежать кровопролитной гражданской смуты?

Дэвид Коу «Магистр»

Посвящается Алексу и Эрин, которые, сами об этом не подозревая, вносят свет и магию в мою жизнь.

Даже с установлением торговых отношений между нашими странами, несмотря на то что семь лет прошло без конфликтов, наш народ по-прежнему с глубоким недоверием относится к Лон-Серу. Он принимает товары, которые вы поставляете, но только лишь потому, что они облегчают бремя его повседневных забот. Ваша страна вызывает у него сильное любопытство, и он полон желания узнать как можно больше о вашем обществе и его обычаях. Он даже признает, что наши языки похожи и что это подразумевает общую древнюю историю. И все-таки наш народ убежден, что война с Лон-Сером не только возможна, но и неизбежна. Многие из членов Ордена пытались убедить людей в том, что это не так, что нам не из-за чего вас бояться, но даже те, кто живет в селениях, приверженных к Ордену, настроены скептически. Более десяти лет прошло с тех пор, как пришельцы убивали нас и сжигали наши селения, но шрамы все еще свежи.

Из письма мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля, зима, год 4633

Он стоит в поле, которого не узнает, и, прищурившись, смотрит на яркое голубое небо.

В воздухе, выпустив когти и раскрыв клювы, сражаются две птицы, кружась и налетая друг на друга. Они огромны и, резко выделяясь на фоне солнца и голубого неба, кажутся совершенно черными.

На мгновение он с ужасом думает, что вернулись пришельцы. Но их птицы не стали биться друг с другом, и оба этих существа пронзительно кричат, чего механические ястребы из Лон-Сера никогда не делают. Поэтому он наблюдает за ними, дивясь размеру и грации крылатых бойцов, хотя их острые когти и мощные крылья его беспокоят. И даже несмотря на то, что его взор прикован к борьбе, развернувшейся в небе, он чувствует еще чье-то присутствие.

Оторвав взгляд от птиц, он видит женщину, стоящую на дальней стороне поля. У нее прямые каштановые волосы, светлые глаза, и в ее фигуре он ощущает что-то смутно знакомое. На мгновение чувствует себя сбитым с толку и думает, не его ли это дочь, неожиданно превратившаяся в женщину. Но когда он слышит ее резкий и злобный смех, он понимает, что этого не может быть. Он открывает рот, чтобы спросить, как ее зовут, но прежде чем он успевает задать вопрос, он слышит пронзительный вопль с неба.

Теперь птицы сцепились, вонзив друг в друга когти, и, несмотря ни на что, отчаянно машут крыльями, словно пытаясь даже в пылу борьбы удержаться в воздухе. Но их усилия напрасны. Одной из них удастся подмять под себя другую, и они падают на землю у его ног. Теперь птицы мертвы либо от удара, либо от ран, которые они нанесли друг другу, — невозможно точно сказать отчего. И видя их трупы, залитые солнечным светом, который скрывал цвет и строение их тел несколькими секундами ранее, он отчаянно кричит.

Резко вздрогнув, Джарид проснулся, и перед его глазами предстала кромешная тьма. Он почувствовал, что Элайна находится рядом с ним — она лежала, сохраняя полнейшую неподвижность, если не считать ее медленного и глубокого дыхания. Откинувшись на подушку, он перевел дух и закрыл глаза. Он был уже достаточно опытен, чтобы не пытаться снова заснуть. Сердце бешено колотилось, а волосы были мокры от пота. Новый день для него уже начался. Поэтому он снова открыл глаза и уставился в потолок, хотя из-за темноты ничего не было видно.

— Опять проснулся? — спросила его Элайна глухим, сонным голосом.

— Да, — прошептал он. — Спи.

Она что-то пробормотала в ответ, и вскоре ее дыхание снова замедлилось.

Джарид уже не мог вспомнить, когда в последний раз спал целую ночь. Дело было не в том, что сон был неглубок. Первые несколько часов он спал как убитый. Но уже неделями он все время просыпался до рассвета, иногда без причины, а временами, как вот сейчас, из-за кошмаров. Поначалу он считал бессонницу признаком какого-то надвигающегося события; возможно, скоро он наладит связь с новой птицей, и с этим бесконечным ожиданием будет покончено. Но, по мере того как один день сменялся другим, а новая птица все не появлялась, Джарид пришел к очевидному выводу: время его сна сократилось.

Обычно в эти предрассветные часы он пытался прояснить сознание, занимаясь упражнениями, которые он освоил давным-давно, еще будучи учеником мага — своего дяди Бадена. «Если я не сплю, — размышлял он, — то могу заниматься подготовкой к грядущей связи». Но вместо того, чтобы избавить его от переживаний и привести в порядок запутанные мысли, упражнения лишь усиливали чувство потери.

Его ястреб Ишалла умерла. Прошлым летом. И хотя Джарид надеялся, что горечь утраты его любимицы ослабеет со временем, он был вынужден признать, что этого не произошло. Ему было многое дано в жизни: любимые жена и дочь, брат и мать на севере и друзья по всей стране, ради которых он бы с удовольствием пожертвовал жизнью. Он служил общинам на западном побережье Тобин-Сера почти двенадцать лет и пользовался уважением и любовью многих обитателей тех мест. И все-таки отсутствие Ишаллы все еще оставляло в нем пустоту, которую он ничем не мог заполнить. Даже смерть отца не потрясла его в такой степени.

Не раз он видел, как люди, которых он любил, — Баден, Транн, Радомил — справлялись с потерей любимцев. Оррис потерял двух птиц за то время, что Джарид знал его, обе погибли насильственной смертью. Первая — крупный, красивый ястреб — была убита в лесу Терона большой совой предателя Сартола. А вторая — ястреб темного цвета — погибла в одной из многочисленных стычек Орриса с членами Лиги, которая давно решила, что дородный маг заслуживает смерти за то, что, по их мнению, он предал страну.

А сравнительно недавно Элайна потеряла Филимар, большого серого ястреба, который был так похож на Ишаллу Джарида, что многие в Ордене говорили, что боги предназначили Джарида и Элайну друг для друга, послав им столь схожих птиц. Как и Ишалла, Филимар умерла естественной смертью, какую она заслужила после жизни, посвященной работе на благо страны. Это, конечно, не смягчило удара для Элайны, как и для Джарида. Но она довольно скоро нашла новую любимицу после смерти Филимар.

Ах, что это была за птица! Элайна ушла из дому утром, оставив Джарида присматривать за Мин, их дочерью, а когда вернулась под вечер, на плече у нее сидела большая желтоглазая сова с пучками перьев на голове, походившими на большие уши. С подобною птицей был связан Сартол, ее наставник, поэтому и Джариду, и Элайне пришлось в голову, что боги предоставляли ей возможность загладить вину наставника перед страной. *«Много дурного было содеяно Сартолом, — казалось, говорили боги. — Иди же и твори добро там, где он сеял зло».*

Остальные тоже сделались связанными. Более того, Транн нашел сову всего через несколько дней после смерти своего ястреба, что заставило Орриса предположить, что совы в очереди стоят, желая стать птицей Транна. Оррис тоже обзавелся новой птицей довольно быстро. Теперь он был связан с другим ястребом, который был больше, чем его последняя птица, и белым как снег.

Никто из друзей Джарида не провел более трех месяцев несвязанным. А он жил уже почти полгода без птицы. Элайна уверяла его, что, несмотря на то что она или Транн быстро наладили новую связь, долго быть несвязанным — это обычное дело для мага. А Баден, который периодически общался с ним через церилл, напомнил как-то, что Премудрая Джессамин, тезка Мин, которая была главой Ордена, когда Джарид получил свой плащ, провела более года несвязанной.

Подобные заверения помогли, но ненадолго. Он не завидовал остальным с обретенными ими птицами. Он очень гордился Элайной, которая на его памяти стала самым юным Магистром. Но он не мог не думать о том, станет ли он снова связанным или же ему суждено умереть Неприкайнным, став еще одной жертвой Проклятия Терона.

Джарид когда-то разговаривал с Феланом, Волчьим Магистром. Он выдержал ужасы леса Терона и теперь носил его посох как свой собственный. Он видел, что значит быть Неприкайнным, и сама мысль об этом пронизывала его страхом. Но, не найдя за все это время новой любимицы, он вынужден был признать, что, возможно, это его судьба и что предчувствие какого-то несчастья, которое не давало ему покоя ни днем ни ночью, возможно, является пророческим.

Некоторое время он пытался преодолеть свой страх в одиночку, а потом упомянул о нем Элайне, которая отреагировала так, как он и ожидал.

— Да это же смешно, — сказала она ему. — Мы все боимся Проклятия Терона. А то, что ты не имеешь птицы, — обычное дело для мага. И, конечно, это не означает, что тебе суждено умереть Неприкайнным.

Он молча кивнул, признавая, что ее слова не лишены смысла. Но позднее в тот день он заметил, как она с обеспокоенным видом наблюдает за ним. И он знал, о чем она думает. *Он был несвязанным слишком долго...*

Странно, но он нашел утешение не в том, что говорили ему Элайна или Баден, а в уроке, который ему давным-давно преподавал отец. У Джарида никогда не было с ним доверительных отношений, и они еще больше отделились друг от друга после того, как Джарид стал магом. Но хотя Бернел был груб и неразговорчив, он обладал практической

мудростью, которая проявлялась в афористической форме, когда он изрекал свои жизненные принципы любому, кому охота была их послушать.

Один из таких афоризмов Джарид услышал впервые, когда отвез Элайну и Мин в Аккалию, чтобы показать своим родителям их внучку. Во время поездки Мин плохо спала, часто отказывалась сосать материнскую грудь, и Джарид с Элайной начали беспокоиться, не случилось ли с ней чего.

— Беспокойство — это прекрасный способ потратить впустую время, — сказал в конце концов Бернел, после того как целый день наблюдал за их тревожениями, — но это не приведет ни к чему толковому, а лишь растревожит остальных.

Элайна обиделась и оставшуюся часть дня побуждала Дрину выбрать как следует мужа. Но, лежа теперь в постели и наблюдая, как в комнате, в которой они с Элайной жили, постепенно светлеет, Джарид мог лишь улыбаться этим воспоминаниям.

Он взглянул на Элайну, которая все еще спала. В ее темных волосах появились седые пряди, а лицо похудело с тех пор, как они встретились одиннадцать лет назад. Но времени не удалось ослабить ее красоту.

«Я могу беспокоиться из-за того, что стану одним из Неприкаянных, — сказал себе Джарид. — Или же — наслаждаться тем, что боги мне даровали, пока они не решат, что я готов к появлению новой птицы».

В серебристом свете мелькнула его улыбка. Выбрать было нетрудно.

Он наклонился и осторожно поцеловал Элайну в лоб. Затем тихо выскользнул из постели, оделся и плотно закутался в свой зеленый плащ. Приближалась весна, но все еще было холодно.

Он направился в общую комнату, намереваясь разжечь огонь в камине, но, проходя мимо комнаты Мин, он заглянул туда и увидел, что его дочь сидит у маленького окна, закутавшись в толстое шерстяное одеяло, и читает потертую книгу басен Цецархолла.

— Доброе утро, доченька, — шепотом сказал Джарид.

Она оторвала взгляд от книги и улыбнулась ему. С длинными каштанового цвета волосами, правильными чертами лица и ослепительной улыбкой, она как две капли воды была похожа на Элайну. Во всем, за исключением глаз, которые были светло-серыми, точь-в-точь как у Джарида, а их он унаследовал от своей матери.

— С добрым утром, — ответила она.

Джарид поднес палец к губам и показал на спальню. Она замолчала, а ее глаза оставались широко открытыми.

— Почему ты проснулась так рано? — тихо спросил он.

— Я всегда просыпаюсь тогда же, когда и ты, — прошептала она.

— Откуда ты знаешь, когда я просыпаюсь?

Она пожала плечами:

— Понятия не имею откуда. Просто знаю, и все.

Джарид пристально посмотрел на нее несколько секунд, а затем кивнул. То, что она проявляла признаки Дара прозрения уже в возрасте шести лет, не удивляло их обоих. И он, и Элайна понимали с самого начала, что их ребенок не может родиться обычным. Она многое переняла от обоих родителей, но некоторые из ее способностей были настолько поразительными и выявляли такой талант, что были совершенно удивительными даже для них.

Джарид постоял на пороге ее комнаты еще немного, глядя на нее и широко улыбаясь. А она просто смотрела на него, ничего не говоря.

— Я собирался разжечь огонь и позавтракать, — наконец сказал он. — А ты есть хочешь?

Она кивнула, положила книгу на кровать и, по-прежнему не снимая одеяла с плеч, словно это был очень большой плащ, прошла за ним в общую комнату.

Разведя огонь, Джарид отрезал два больших куска черного хлеба с коринкой, который он испек накануне, и намазал их сладким маслом. Они сидели на кухне, и во время еды Мин

рассказала о басне, которую она читала, когда он зашел к ней. Она только училась читать, а в произведении Цеарбхолла было не так-то легко разобраться. Басня, которую она читала, была тем не менее одной из его любимых — «Лиса и скунс», и он ее не раз декламировал ей, когда она была младше.

— С твоей стороны было очень умно начать с той, которую ты уже знаешь, — сказал он все еще шепотом.

Рот ее был полон хлеба, и она улыбнулась:

— Это мама выбрала ее.

Джарид засмеялся:

— Значит, это с ее стороны было очень умно.

Он встал и отрезал себе еще хлеба, а затем услышал шорох одеял в другой комнате.

— Кажется, мама проснулась.

— Она проснулась чуть раньше, — сказала Мин. — Думаю, она слушала нас.

Джарид повернулся и снова посмотрел на нее.

— Откуда ты узнала, Мин-Мин? — спросила Элайна, появляясь на пороге кухни с Уиринвой, *большойсовой*, сидящей у нее на плече.

Мин посмотрела на свою мать, затем на отца с застенчивой улыбкой.

— Просто я знаю, — ответила она и, казалось, была смущена. — Я чувствую, когда вы просыпаетесь. Оба.

Элайна перевела взгляд на Джарида и улыбнулась.

— Это плохо, что у меня так получается?

— Нисколько, — ответил Джарид.

— Это значит, что я буду магом?

Джарид сдержал смех.

— Я была бы очень удивлена, если бы ты не стала магом, — ответила Элайна, все еще глядя на Джарида. — А также и все в Тобин-Сере.

На этот раз Джариду не удалось сдержать смех. Еще до того, как она научилась ходить, Оррис и Баден говорили, что ей суждено стать Премудрой, и хотя Джарид с Элайной были согласны позволить Мин идти собственным путем, никто из них не сомневался, что она в один прекрасный день установит связь, возможно, с Ястребом Амарида, как и они сами. Вопрос был в другом: присоединится она к Ордену или к Лиге? К тому же Джарид вовсе не был уверен в том, будут ли и Орден, и Лига все еще существовать к тому времени, когда Мин приготовится выбирать. Он мотнул головой. Не об этом ему хотелось думать в настоящий момент.

— Хорошо, — сказала Мин. — Я хочу стать магом. И мне нравится путешествовать в Амарид.

— Я рада, что тебе это нравится, — сказала Элайна, подходя к столу и беря нож, чтобы отрезать себе кусок хлеба. — Нам это тоже по душе.

— Вот почему я сегодня счастлива.

Элайна повернулась и посмотрела на Мин, а нож так и застыл над буханкой.

— Что ты имеешь в виду, Мин-Мин?

— Я счастлива, что мы скоро поедем в Амарид.

— Нет, доченька, мы не поедем, — мягко сказал Джарид. — Ведь еще зима. А Собрание будет не раньше лета.

Мин улыбнулась, словно он был ребенком.

— Мне это известно. Но мы все равно поедем.

Элайна подошла к девочке. Затем присела на корточки и посмотрела в глаза Мин.

— Почему ты думаешь, что мы отправимся в Амарид, Мин?

— Во сне я видела, как мы собираемся туда.

Элайна мельком взглянула на Джарида, а затем заставила себя улыбнуться.

— Сны бывают разными. Мы с папой тебе уже объясняли.

— Это был не просто сон, — серьезно сказала Мин. — Уверяю тебя.

Джарид перевел дух. Дар прозрения Мин окреп за прошлый год. Они с Элайной научились доверять ее видениям почти так же, как своим собственным. Он понятия не имел, почему им нужно столь неожиданно совершить поездку в Амарид, но ничуть не сомневался, что так и будет.

— Это скоро случится, доченька? Когда, по-твоему?

Мин посмотрела на него и сосредоточенно наморщила лоб.

— Думаю, завтра, — наконец ответила она. — А может, послезавтра.

Он снова повернулся к Элайне и увидел, что у нее на лице отразилось такое же беспокойство, как у него самого. Что же случилось? Что могло заставить Премудрого Радомила созвать магов Ордена в Амарид на Собрание? Случилось ли что-нибудь с самим Радомилом? Может, он заболел или умер? Джарид посмотрел на свой посох, прислоненный к стене у двери в их маленький дом. Сапфирового цвета камень, вделанный в старую обожженную древесину, по-прежнему равномерно светился. Ни Радомил, ни Первый Помощник Меред еще не пробудили Созывающий Камень. Если бы один из них сделал это, камень Джарида, также как и камни всех остальных магов Тобин-Сера, уже бы ярко вспыхнул к этому моменту.

— У нас еще есть время, — сказала Элайна, словно читая его мысли. — Наверное, нужно дать знать Нарелль об этом.

Джарид кивнул. Нарелль была главой городского совета Ластри, ближайшего из городов, расположенных на берегах Южного Шелтера. Или, скорее, ближайшего из тех городов, которые оставались верными Ордену, а не Лиге. Нарелль нужно было знать, что Джарид и Элайна отправятся в Амарид, оставляя на некоторое время Ластри и другие города без своих услуг.

— Пойду и сообщу ей, — сказал Джарид. — А также раздобуду немного еды. А вы с Мин можете начинать заниматься домом.

Элайна вздохнула:

— Этого я ожидала в последнюю очередь.

— Знаю. Я тоже.

— Очень жаль, — сказала Мин чуть дрогнувшим голосом.

Джарид и Элайна посмотрели на нее.

— Почему, доченька? — спросил Джарид.

Мин пожала плечами, не поднимая глаз. А по щеке ее прокатилась слеза и упала на стол.

Элайна положила руку ей на плечо, наклонилась и поцеловала ее в лоб.

— Ты не виновата, что нам нужно уезжать. Если у тебя было видение, это не значит, что ты способствуешь тому, чтобы оно сбылось. Мы ведь тебе уже говорили. Помнишь?

— Да, — тихо ответила девочка, вытирая еще одну слезу на лице.

— Поэтому мы не виним тебя. И в самом деле лучше, что мы знаем об этом сейчас, ведь так мы сможем подготовиться и предупредить людей в городе.

Мин подняла взгляд:

— Правда?

Элайна кивнула и приложила руку к щеке Мин.

— Правда. А теперь умывайся, одевайся, и потом мы займемся делом.

— Хорошо, мама, — сказала Мин. Она встала, снова закутавшись в одеяло, и пошла в свою комнату.

— Ты ведь не сомневаешься, не так ли? — спросила Элайна у Джарида, смотревшего вслед дочери.

Джарид покачал головой:

— Нет. Год назад я, может, и сомневался бы, но все видения, которые были у нее с прошлой весны, сбылись. Не вижу никакой причины, чтобы сомневаться сейчас.

Элайна провела рукой по волосам:

— Я тоже.

Он вздохнул:

— Пойду оседлаю одну из лошадей.

— Не стоит, — сказала она. — Я обещала Мин, что сегодня начну учить ее ездить верхом.

— Не самое подходящее время.

— Знаю, но я обещаю ей это уже с середины зимы. А теперь, раз мы едем в Амарид, кто знает, когда у меня еще будет возможность?

— Она будет ехать верхом две следующие недели, — ответил Джарид.

— Но один из нас будет сидеть позади нее. Ты же знаешь, что это — совсем другое.

Несколько секунд он смотрел на нее, качая головой. От солнечного света, который падал через окошко позади него, ее глаза заискрились. Они были зеленовато-карими, как лес в разгар лета.

— Ты знаешь, как ты прекрасна? — спросил он, улыбаясь и нежно целуя ее в губы.

Ее лицо расплылось в улыбке.

— Это значит, что ты пойдешь в город пешком?

— Разве у меня есть выбор? — спросил он, смеясь.

— Тогда тебе лучше поторопиться. Сегодня у нас много дел.

Она подтолкнула его к двери, но позволила перед этим еще раз поцеловать себя.

Он надел сапоги, которые стояли на полу у двери, и вышел на холодный утренний воздух. Его волосы и плащ развевались от западного ветра, который нес с собой знакомый запах моря и морских водорослей. Легкие облака плыли у него над головой, но небо было таким же голубым, как его церилл. Раньше в подобное зимнее утро он мог бы, выходя на берег, взять с собой Ишаллу и наблюдать, как она летает или охотится.

— Так ты себя еще больше изведешь, — сказал он вслух. Затем тяжело вздохнул и зашагал по направлению к городу.

Обычно, чтобы дойти до Ластри, ему требовался почти час. Когда-то это было приятной прогулкой по тропинке, которая вилась среди высоких дубов, кленов, ясеней и вязов. Изредка тропинка поворачивала к побережью, и деревья редели, позволяя путнику мельком видеть море Арика, волны которого разбивались внизу о прибрежные скалы.

Однако за последние годы тропа изменилась, как и все остальное в Тобин-Сере. Обширные участки великолепного леса вырубались, а древесина отправлялась в Лон-Сер или в некоторых случаях в Абборидж. На месте деревьев торчали теперь одни камни да голая земля. Только вырванные корни да пни, оставленные лесорубами, напоминали о том, что было здесь раньше. Тропинку расширили и превратили в просторную, изрезанную колеями дорогу, и по ней теперь упряжи лошадей везли большие телеги, груженные лесом, в город. А Ластри стал сильно зависеть от этой торговли. Как слышали Джарид и Элайна, он стал одним из самых крупных лесных портов в Тобин-Сере. Многие его жители в результате разбогатели, и трудно было найти в городе хотя бы одну семью, которая бы не процветала в той или иной степени за счет вырубки леса. Поэтому Джарид, когда бы он ни приезжал в город, старался скрыть свое отвращение к тому, что здесь было сделано.

Но не весь лес погиб. На пути Джарида все еще попадались участки, которые оставались такими же, какими он их помнил, за исключением самой тропинки, которая превратилась теперь в широкую прямую дорогу до самого города. Но каждый раз, как Джарид видел нетронутые участки, они становились все реже, а недавно он понял, что теперь вдоль дороги пней стало больше, чем деревьев.

В последний раз он был здесь всего две недели назад, и даже сейчас Джарид видел, что деревьев вырубili еще больше. От того, как быстро исчезал лес, ему становилось страшно.

Его единственным утешением было то, что на пути никогда не попадались лесорубы за работой. Не то чтобы они проявляли к нему или Элайне какие-то враждебные чувства, нет, ничего кроме уважения и вежливости. Более того, некоторые из них с удовольствием окликали Мин по имени, когда она проезжала мимо с одним из своих родителей. Но, казалось, они чувствуют отношение Джарида и Элайны к вырубке леса и поэтому смотрят на

магов подозрительно.

К тому же лесорубов наняли жрецы Храма Арика, владеющие теперь большей частью земли по обе стороны дороги и извлекающие больше всех выгоды от лесоторговли. Все в Тобин-Сере знали о вражде, существовавшей со времен Амарида между жрецами и Орденом. Появление Лиги, а потом все возрастающего числа так называемых свободных магов ничуть не уменьшило эту вражду, и Джариду казалось, что рискованная коммерческая деятельность Храмов только усилила ее. Даже если бы лесорубы ничего не понимали в разногласиях, которые разделяли Сынов Амарида и Детей Богов на протяжении тысячи лет, они должны были почувствовать, что, работая на Храмы, они стали участниками некоей междоусобицы.

Впрочем, возможно, Джарид все это сам себе напридумывал. Может быть, лесорубы чувствовали себя неловко в присутствии магов, потому что, как и многие в Тобин-Сере, испытывали перед ними благоговейный трепет и были немного напуганы той силой, которой они владели. Также не исключено, что они поддерживали Лигу, а не Орден. Какова бы ни была причина, Джарид чувствовал себя хорошо один на дороге. Это давало ему время подумать.

Созывающий Камень использовался последний раз почти четыре года назад, после смерти совы Сонель, когда возникла необходимость избрать нового Премудрого. А до этого им пользовались перед расколом Ордена, когда Магистр Эрланд потребовал от Сонель созвать Собрание, чтобы обвинить Орриса, Бадена и остальных в измене.

Еще до того, как Эрланд и его сторонники образовали Лигу, Созывающий Камень использовали в случаях крайней необходимости. Но когда Волшебная Сила была разделена, использование этого камня едва не прекратилось. Ибо, изменив гигантский кристалл и настроив его на цериллы всех магов в стране, Амарид и Терон не учли того, что в один прекрасный день у Ордена может появиться соперник. Несмотря на то что маги Тобин-Сера были разделены личными обидами и тяжелыми разногласиями относительно норм поведения мага, камень все еще объединял их. И всякий раз, когда большой церилл использовался, чтобы созвать тех, кто еще держался Ордена, камни всех свободных магов и членов Лиги тоже ярко вспыхивали.

Это означало, что, по какой бы причине Радомил или Меред ни созывали собрание, она была достаточно серьезной.

Движимый этой мыслью, Джарид снова взглянул на свой камень. Пока ничего. Но, переводя взгляд с камня на дорогу, он кое-что засек краем глаза и тотчас же замер.

Он находился на открытом месте, где деревья, здесь некогда росшие, были давным-давно вырублены и отвезены в Ластри. А перед ним неясно вырисовывался один из немногочисленных нетронутых участков леса. И у дороги в нескольких футах перед группой деревьев на покрытом зарубками пне сидела огромная темная птица. Ее оперение было ярко-коричневого цвета, за исключением пятна на шее, которое блестело в солнечном свете так, словно его выковали из золота. Ее темные глаза смотрели на Джарида с необыкновенным умом, что заставило мага вздрогнуть. Он уже почти не сомневался, что птица ждала именно его, что она заранее знала о его появлении.

Конечно, он понимал, что это значит, и знал, чего боги и эта птица ожидали от него. И он покачал головой.

Больше всего на свете он хотел снова стать связанным. Но даже у этого страстного желания были свои пределы. Ему очень не хотелось иметь такую любимицу.

— Нет, — тихо сказал он.

А это крупное творение божье бесстрастно уставилось на него.

Джарид отвернулся. Ему хотелось убежать, повернувшись спиной к этому дару богов, если подобную птицу можно было назвать даром. «Что произойдет, если я откажусь связать свою судьбу с этой птицей? — подумалось ему. — Сдоблаговоят ли боги послать мне еще одну любимицу?» Он покачал головой. Скорее всего нет. Потому что отказ от этой птицы будет значить гораздо больше, чем неповиновение богам. Это станет нарушением клятвы служить Тобин-Серу и его народу.

Боги послали ему орла. И хотя у него кровь стыла в жилах от того, что это означало, он знал, что ему ничего другого не остается, кроме как связать свою судьбу с этой птицей и принять все то, что за этим последует.

Он перевел дух, подготавливая себя к стремительному потоку образов и эмоций, которые, как он знал, обрушатся на него, как только он снова встретится взглядом с орлом.

«Я уже проходил через это раньше, — сказал он себе, вспоминая, как он связывал себя с Ишаллой. — Знаю, что смогу это выдержать».

Он еще раз перевел дух, а затем повернулся к большой птице.

Их глаза встретились. У Джарида было время, чтобы заметить, что это самая великолепная птица, которую он когда-либо видел. А затем все началось.

Благодаря Ишалле он был достаточно подготовлен к обычному связыванию. Но тут был орел, и в последний момент, пока его сознание еще не замутилось, он понял, что ничего привычного ждать не следует. И на некоторое время это стало последней его произвольной мыслью.

Видения и воспоминания неожиданно нахлынули на него, как воды Даалисмин во время наводнения: охота в Береговых горах; сражение с двумя меньшего размера ястребами; два орла кружат, сталкиваются друг с другом, устремляются вниз (что он инстинктивно принял за брачный полет); орел нападает на кролика, вонзая когти в его мягкие мех и плоть и убивая его острым как бритва клювом.

Он мысленно соприкоснулся с орлом и, почувствовав его присутствие в своем сознании, вспомнил, что делал подобное с Ишаллой. Но птица сопротивлялась, словно она была еще не готова принять его. *«Это не все, — казалось, говорила она ему. — Еще не время».*

Образы продолжали обрушиваться на него так быстро, что ему едва хватало времени, чтобы осмыслить их. Следующее видение, казалось, начинается раньше, чем заканчивается предыдущее. Он увидел родителей орла, его птенцов, всех тех существ, которых он когда-либо убивал, всех соперников, с которыми он успешно бился. Он увидел единственного самца этой птицы, который погиб со стрелой охотника в груди. Вся жизнь орла проходила перед ним в воспоминаниях, мыслях и чувствах. И хотя все это ошеломяло и сбивало с толку, он этого ожидал. В некотором смысле, все это было ему не в новинку. Он и прежде разделял свое сознание с птицей. Поэтому он подавил непреодолимое желание бороться с потоком образов и позволил сознанию орла войти в свое собственное.

Но, несмотря на свой опыт, несмотря на все старание воспользоваться уроками, которые он извлек из контакта со своей первой птицей, то, что произошло потом, потрясло его, подавило и напугало. Внезапно он перестал быть орлом. Или, скорее, он не был больше *этим* орлом.

Он кружил над высоким, крепко сложенным магом, с которым был связан. И видел, как две армии приближались друг к другу под подернутым дымкой небом. Одна армия шла под развевающимся флагом древнего Аббориджа. Другую вела фаланга магов. Далеко позади воинов он увидел воды пролива Аббориджа и понял, что находится на Северной равнине Тобин-Сера, наблюдая за первой войной с Аббориджем. Обе армии сошлись, послышались крики умирающих и вопли ужаса, и почти сразу же армия Аббориджа отступила — магия привела ее оружие в негодность.

Мгновение спустя он был связан с другим магом, на этот раз женщиной, которая была высокой и крепкой, как предыдущий маг. Ее серебристые волосы развевались от сильного и холодного ветра, а цериллы ее собратьев сверкали на ярком зимнем солнце. И снова по равнине приближалась армия, на этот раз более многочисленная. Она шла под другим флагом, но в нем тем не менее можно было узнать знамя Аббориджа. И на этот раз воинам Аббориджа не удалось стать достойными противниками магов Тобин-Сера.

Третий маг тоже оказался женщиной. Она была юной и невысокой, но при защите своей земли проявила ничуть не меньше свирепости, чем ее предшественники. Армия, приближающаяся к ней через густую серую мглу, была больше первых двух, вместе взятых,

и магам, которыми она командовала, пришлось гораздо дольше применять свое волшебство, чтобы справиться с ней. Но вскоре все было кончено. Он увидел, что народ Тобин-Сера празднует победу с тем же пылом, что и оплакивает мертвых. Он заметил, как огромный бородатый мужчина с топором (на лбу его и руках зияли кровавые раны и виднелись рубцы от ударов), взвалил себе на плечи Глениса. Этот мужчина шел вместе с магами, и, несмотря на наличие церилла, на его плече не сидела птица. Отдаленный уголок сознания, который все еще принадлежал ему, подсказал Джариду, что это Фелан, Волчий Магистр, который потерял Кальбу, своего единственного любимца, как раз перед третьим вторжением Аббориджа и поклялся никогда больше ни с кем не налаживать связь.

Другие образы накатили на него. Одна жизнь, другая, третья. Казалось, он становится связанным не с одной птицей, а со многими, и каждая несла воспоминания, как свои собственные, так и мага, с которым она была связана. Он видел сцены из жизни трех предыдущих Орлиных Магистров, которые пронеслись, вспыхивая перед его мысленным взором, так быстро, что у него не было времени ни на их истолкование, ни на то, чтобы даже предположить, к чьим жизням они относятся. Он по-прежнему ждал начала следующей серии образов, как это было во время связывания с Ишаллой. Но предыдущая все не заканчивалась; не за что было уцепиться. Да, раньше он уже проходил через чудо связывания. Но ничто не могло подготовить его *к этому*. Его уносил потоп. Он тонул.

И в тот момент, когда он наконец увидел знакомый образ и почувствовал, что появилась другая серия видений, а предыдущая завершилась, он был слишком утомлен, чтобы вновь обрести свое собственное сознание.

Джарид почувствовал, что орел снова затронул его разум, словно пытаясь пробудить его ото сна. И вот уже Джарид раскрывает себя, так же как и птица, демонстрируя свои воспоминания и чувства, а та их принимает. Джарид снова видел, как орел летает, охотится, сражается, но на этот раз его собственная жизнь была переплетена с жизнью орла. Образы войны с Аббориджем больше не появлялись, и в очередной раз, видя сцены из жизни птицы, он понял почему. Они не были ее собственными воспоминаниями. Это был не тот самый орел, который был связан с Форделе, Декле и Гленисом, тремя Орлиными Магистрами. Каким-то образом эта орлица — *его* орлица, которая назвала ему свое имя, а звали ее Ритлар — заключала в себе их воспоминания. Это было невозможно. Ведь указанные войны происходили сотни лет назад. Но Джарид знал, что он видел именно их.

Ритлар, казалось, почувствовала его сомнения — мгновение спустя он снова увидел те же самые армии, и в уме у него в точности повторилась последовательность событий, которую он недавно наблюдал. Тогда до него дошло.

— Так вот как это было дано тебе, — сказал он.

Его голос, казалось, разрушил чары. Он снова осознал, что стоит на вырубке. Все закончилось. Он теперь чувствовал присутствие орла в своем сознании и знал, что они связаны друг с другом.

Джарид продолжал пристально смотреть на птицу, которая все еще сидела на пне у дороги. Он в некотором смысле чувствовал себя неудобно. В тот момент, когда установилась его связь с Ишаллой, он полюбил ее так, как не любил ни одного человека. Даже его любовь к Элайне, хотя она и была очень сильной, не могла затмить его чувств к первому ястребу.

Но он уже знал, что у него с Ритлар будут иные отношения. Она была орлом, и, так как она выбрала его, он станет четвертым Орлиным Магистром в истории страны. Боги свели их вместе по одной причине: Тобин-Серу суждено воевать. Скоро. Их связь не была основана на любви или даже дружбе, хотя со временем она, возможно, и будет опираться на эти чувства. Она была вызвана необходимостью и основывалась на их горячей преданности стране. В мыслях птицы он ощутил лишь сдержанную гордость и необыкновенный ум, который он увидел в ее глазах, когда неожиданно встретился с ней. Было ли точно также с Гленисом и остальными?

Думая об этом, он задрожал. «Я — Орлиный Магистр, — сказал он себе. — Я буду руководить Тобин-Сером в предстоящей войне. Но с кем? Никаких новых конфликтов с

пришельцами не было с тех пор, как Оррис вернулся из Лон-Сера шесть лет назад. Абборидж определенно не представляет никакой угрозы — у Тобин-Сера был установлен мир со своим северным соседом уже более четырех веков».

— По крайней мере, я знаю, почему мы должны отправиться в Амарид, — мрачно произнес он.

Эти слова заставили большую птицу зашевелиться. Она раскрыла крылья и издала тихий крик. Он подошел к птице и протянул ей руку. Она сразу же вскочила на нее, и у него дыхание перехватило от боли. Мало того что ее когти были значительно длиннее, чем у Ишаллы, и такие же острые, она и весила гораздо больше, чем его первая любимица. Когти вонзились ему в предплечье, подобно ножам. Он тут же дал ей понять, что следует переместиться к нему на плечо, где на его плаще была кожаная накладка. Однако даже это не слишком помогло. Накладка на его плече была столь же эффективна против ее когтей, как пергамент.

— С этим надо что-то делать, — морщась, сказал Джарид, когда тронулся в путь. Сделав всего несколько шагов, он понял, что не сможет носить Ритлар так же, как Ишаллу. Орел был слишком большим и тяжелым. С каждым его шагом птице приходилось вцепляться ему в плечо, и он чувствовал, как его рубашка и плащ пропитываются кровью.

«Мне очень жаль, — мысленно сказал он, — но тебе придется лететь».

Она послала ему образ того, как будет лететь над ним, чтобы показать, что ей все понятно, и Джарид напрягся, зная, что, когда она будет взлетать, ее когти снова глубоко вонзятся в него. Вместо этого, однако, она спрыгнула на землю, а затем, широко и медленно взмахивая крыльями, взлетела. А когда он снова тронулся в путь и дошел до участка дороги, где все еще оставались деревья, Ритлар стала парить над вершинами.

В полете она казалась еще огромнее, чем сидя на пне. Размах ее крыльев превышал рост Джарида, а он был вовсе не маленьким человеком. Когда маг снова вышел на открытое место, она полетела, низко кружа у него над головой, а он дивился тому, что такая большая птица летает столь грациозно.

Ему и в голову не могло прийти, что у него будет подобная птица. По правде говоря, его ужасало то, что подразумевало появление орла. Но он не мог не улыбнуться, наблюдая за ее полетом. Ведь так много времени прошло с тех пор, как он делил свои мысли с птицей или ощущал особую осведомленность об окружающем мире, которая наступает, когда становишься связанным. И впервые за столь долгое время он снова чувствовал себя настоящим магом.

2

Ценю твою заботу о моей безопасности, но все же не беспокойся и скажи Джиббу, что я еще не созрел для того, чтобы нанять телохранителя. Это не означает, что конфликт между Орденом и Лигой улажен или что враждебность Лиги на меня не распространяется. Совсем наоборот: маги Тобин-Сера по-прежнему категорически расходятся во взглядах, и я провожу большую часть времени, остерегаясь возможного нападения.

Хотя в известном смысле я с этим смирился. Это подходящее наказание за мое открытое неповиновение воле Ордена. Страна сильно пострадала в результате моих действий; кажется, и мне придется страдать. Но не беспокойся, я вовсе не намерен позволить меня убить. Я не чувствую себя настолько виновным. Но, так как богам, кажется, было угодно больше никогда не посылать мне связи с совой, Лига сочла, что я не должен знать больше покоя. И я готов согласиться с обоими решениями.

*От мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
зима, год 4633*

К тому времени как Джарид со своим орлом добрался до Ластри, было уже за полдень. Джарид наскоро закупил необходимую в дороге провизию, затем отправился на поиски Нарелль, главы городского совета. Он нашел ее неподалеку от пирсов спорящей с купцом, приплывшим из Аббориджа.

Нарелль была тучной женщиной, с седыми, стального цвета волосами и крупными чертами лица. У нее был низкий зычный голос и голубые глаза, которые сердито вспыхивали во время разговора с купцом.

— Если вы будете разгружаться, то должны заплатить городу за работу грузчиков, — говорила она, когда Джарид приблизился. — А если вы не желаете платить — хорошо! Можете отвести свой корабль, куда вам угодно!

Мужчина покачал головой:

— Как я уже говорил, у меня нет другого выбора, кроме как разгрузиться здесь. Мой клиент...

— А как я уже говорила, — ответила Нарелль, — это не моя забота! Если вы пользуетесь пирсами Ластри, платите положенную пошлину.

Она развернулась, эффектно заканчивая спор, и чуть не столкнулась с Джаридом.

— Маг! — приветливо сказала она. — Очень рада видеть тебя!

Джарид с трудом удержался от смеха. Он и раньше удивлялся, как Нарелль это удается: она могла быть непреклонной и враждебной, а мгновение спустя необыкновенно приветливой и привлекательной. Насколько он мог судить, ни то ни другое не было рассчитано на внешний эффект; такова уж была ее манера общения с людьми.

— Мне тоже приятно видеть тебя, Нарелль, — ответил Джарид. — Кажется, мне ты рада больше, чем купцу.

Она рассмеялась и махнула рукой.

— Пустяки, — сказала она. — У меня подобные споры происходят по пять раз в день. — Она направилась к городской площади, приглашая Джарида следовать за ней. — Все хотят заниматься здесь бизнесом, но только на своих условиях. Они не понимают, что мне нужно управлять городом. Эти пирсы не восстали из моря сами по себе. Мы построили их, и это стоило нам немалого количества золота. Но купцы, кажется, этого не понимают. Они считают, что это им мы обязаны нашими пирсами.

Джарид улыбнулся, вспоминая, как в первый раз увидел этот город вскоре после того, как они с Элайной прибыли на берега Южного Шелтера десять лет назад. В то время весь город состоял из одной улицы и двух или трех строений, и жители оставляли свои лодки на песчаном берегу, потому что пирсов не было вовсе. Торговля ограничивалась тем, что обитатели Ластри могли получить за рыбу, которую ловили, и за корзины, которые плели.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Нарелль, искоса глядя на него. — Но даже если бы мы не поставляли лес Лон-Серу, нам бы все равно были нужны пристани.

— Вообще-то, я вспоминал свое первое посещение вашего города.

— А... — сказала она, кивая. — Я иногда тоже об этом думаю. В то время особо не на что было смотреть, не так ли?

Джарид выдавил улыбку, но ничего не ответил, и несколько шагов они шли молча.

— У тебя кровь на плаще! — с тревогой сказала Нарелль, неожиданно останавливаясь и указывая на его рукав. — С тобой все в порядке?

— Да. У меня появилась новая птица, а у нее довольно сильная хватка. — Он посмотрел на Ритлар, которая кружила над ними.

Проследив за его взглядом, Нарелль чуть не онемела от изумления.

— Она прекрасна, маг. Никогда не видела такого большого ястреба.

Он не стал поправлять ее. Вне всякого сомнения, она достаточно хорошо знакома с историей Тобин-Сера и знает, что означает появление орла, а он не хотел пугать ее.

Она снова взглянула на Джарида:

— Ну, так чем я могу помочь тебе, маг? Ты ведь, наверное, пришел ко мне по делу. —

Она взглянула на мешок с провизией, который он нес, и слегка нахмурилась. — Это плохо. Всегда, когда я вижу тебя с запасом еды, это означает, что мой город останется на некоторое время без твоих услуг.

Джарид засмеялся:

— Боюсь, ты права. Мы с Элайной утром отправляемся в Амарид. Точно не знаю, сколько мы будем отсутствовать.

Он хотел что-то добавить, но передумал. Возможно, они с Элайной не вернутся в течение некоторого времени. Он стал Орлиным Магистром, и это означало, что они будут жить в Великом Зале до тех пор, пока предстоящий кризис их не минует. Но он не мог сообщить ни о том, ни о другом. Он огляделся вокруг, замечая выгоревшие зеленые флаги, которые развевались над дверями жилых домов и общественных зданий. Этот город сохранил верность Ордену в значительной степени благодаря тому, что они с Элайной жили поблизости. Даже скептически относясь к деяниям Ордена, что было спровоцировано Эрландом и его союзниками, жители Ластри сохранили верность Ордену, потому что знали молодых магов, живших неподалеку от города, и доверяли им. Но сейчас Джариду хотелось бы знать, выдержит ли верность горожан их отъезд и появление другого мага в этих краях.

— Все в порядке, маг? — спросила Нарелль. — У тебя обеспокоенный вид.

— Да, Нарелль, все прекрасно, — ответил он, и эти заверения ему самому показались неискренними. — Я просто хотел дать тебе знать, что мы уезжаем.

Она снова нахмурилась, на ее лбу появились морщины.

— Ну а ты знаешь, зачем тебе нужно в Амарид?

— Нет, — ответил он, глядя нетвердым взглядом на Ритлар. — Понятия не имею.

Ему казалось, что он лжет ей. И лишь позднее, когда он шел домой по лесу, он понял, насколько правдив был его ответ. Даже зная, что стране придется воевать, он понятия не имел, с кем и почему.

Он вернулся домой, когда солнце скрывалось за Нижним Рогом на противоположной стороне Южного Шелтера. Остановившись у двери, он подождал, пока Ритлар не опустится рядом с ним на землю. Он сел на корточки и погладил ее по клюву.

«Ты самое чудесное создание, которое я когда-нибудь видел, — мысленно передал он. — Я не знаю, зачем ты появилась или почему выбрала меня, но прости, что я сначала хотел тебя отвергнуть. И обещаю, что, какое бы дело ни привело тебя сюда, мы займемся им вместе».

В ответ она дружелюбно ткнулась в него своим огромным, похожим на крюк клювом. Вопреки всему, Джарид улыбнулся. Возможно, в конце концов он сможет полюбить ее. Он встал, открыл дверь и вошел в дом, делая Ритлар знак следовать за ним.

Переметные сумки стояли около двери в общую комнату. Две из них были заполнены и стянуты ремнем. Последняя, очевидно предназначенная для еды, была все еще открыта, и в ней ничего не было, кроме одежды, посуды и нескольких любимых игрушек Мин.

Джарид услышал, как Элайна и Мин смеются в одной из задних комнат.

— Я вернулся, — окликнул он их.

— Мы вместе с Мин в ее комнате, — ответила Элайна. — Что тебя так задержало?

Он посмотрел на Ритлар, которая внимательно осматривалась вокруг. Затем она быстро переместилась на кухню, вскочила на стул, а с него прыгнула на стол.

— Выходите и посмотрите, — ответил Джарид, направляясь за орлом на кухню. — Кажется, я понял, почему мы едем в Амарид.

— Как это? — отозвалась Элайна. — Даже Радомил еще не понял. — Она появилась на пороге, а Мин стояла позади нее. — Наши цериллы еще не... — Она замерла, и краска сошла у нее со щек. — О боги... — прошептала она.

Мин прошла мимо нее и направилась к самому краю стола, уставясь на большую птицу. Ритлар тоже смотрела на ребенка, слегка наклонив голову в сторону, и так они глядели друг на друга несколько мгновений, и никто из них не отводил взгляда.

— Что это, папа? — спросила девочка.

— Это орел, доченька. Ее зовут Ритлар.

— Смешное имя.

— Вообще-то, — тихо сказала Элайна, прежде чем Джарид успел ответить, — так звали всех орлов, которые когда-либо были связаны с магами.

Джарид внимательно посмотрел на нее:

— Ты уверена?

Она кивнула.

— Кажется, мне не следует удивляться, — сказал он, снова повернувшись к своей птице. — Она носит в себе их воспоминания. Я видел вторжения Аббориджа, когда связывался с нею.

Элайна отбросила волосы со лба.

— Ты должен связаться с Радомилом, — сказала она. Она выглядела бледной, а ее голос казался сдавленным. — А он должен созвать остальных.

— Я знаю.

— Нарелль ты видел?

— Да.

— И ты к тому моменту уже был связанным?

— Да, но не беспокойся. Нарелль думает, что я нашел всего лишь очень большого ястреба.

Элайна издала короткий смешок, хотя почти сразу же снова стала серьезной.

— Орел, Джарид, — сказала она, качая головой, словно не веря в происходящее. — Ты знаешь, что это означает?

— А что это значит, мама?

Элайна быстро взглянула на Джарида, а затем на Мин, заставив себя улыбнуться.

— Ну, это значит, Мин-Мин, что... — Она запнулась и снова встретилась с Джаридом взглядом.

— Это означает, — сказал Джарид, — что я буду новым главою Ордена, поэтому мы некоторое время проживем в Великом Зале.

Мин изумленно уставилась на него:

— Ты станешь Премудрым?

— В некотором смысле да, — ответил Джарид. — Но меня будут называть Орлиным Магистром. И поскольку мы будем жить в Амариде и не скоро вернемся сюда, я хочу, чтобы ты сходила в свою комнату и проверила, все ли ты взяла с собой. Хорошо?

— Хорошо, папа, — ответила она уже на ходу, бегом направляясь в заднюю часть дома.

— Молодец, — сказала Элайна, глядя ей вслед.

— В конце концов нам придется рассказать ей, — сказал Джарид. — Она все поймет, когда увидит, как отреагируют остальные.

Элайна снова повернулась к нему:

— Я знаю. — Она обняла его, положив голову ему на плечо. — Ты боишься?

— Да, но не так, как сегодня утром.

— По крайней мере, ты снова стал связанным.

Она отстранилась и, через силу улыбаясь, бросила на него тревожный взгляд; Джарид ответил ей подобным же взглядом.

— Я тебе не завидую, — сказала она.

— Это касается не только меня, — ответил он. — Ты будешь моей Первой Помощницей.

Она снова положила голову ему на плечо.

— Разве ты бы не предпочел, чтобы им стал Оррис?

Он поцеловал ее в голову.

— У него не такие мягкие волосы, как у тебя.

— Откуда ты знаешь? — спросила она шутя.

Джарид широко улыбнулся.

— Пойду посмотрю, как там Мин, — сказала Элайна. — Она, наверное, пытается упаковать постельное белье.

Джарид, переводя дух, кивнул.

— А я пойду свяжусь с Радомилом.

Он вышел на улицу, и Ритлар последовала за ним. Уже почти стемнело. Только на западе горизонт был все еще желтовато-оранжевым, а в темно-синем небе уже появилось несколько звезд. Выдыхаемый воздух превращался в пар, и Джарид слегка задрожал от холода.

Со смерти Ишаллы он ни разу не пытался пользоваться Волшебной Силой, и теперь, столкнувшись лицом к лицу с необходимостью наладить связь через церилл, что являлось одной из самых сложных и утомительных процедур для любого мага, он почувствовал неуверенность в себе.

— В течение некоторого времени мне не приходилось этим заниматься, — сказал он орлу.

Ритлар внимательно посмотрела на него.

Он сел на землю возле нее и, закрыв глаза, возобновил связь, которая установилась между ними с утра. Он мгновенно ощутил ее присутствие, а когда стал посылать импульсы на восток, по направлению к Амариду, где сейчас жил Радомил, он почувствовал, как энергия струится сквозь него, подобно ледяным водам горного потока. Это ощущение было и знакомым, и каким-то новым, ибо, хотя энергия Ишаллы, протекающая сквозь его тело, тоже была прохладной и стремительной, его первая птица, ястреб, никогда не была столь сильной. Через несколько секунд Джарид обнаружил церилл Радомила цвета слоновой кости в кромешной тьме, в которой Премудрый направлялся к своему камню. Он настроил свой собственный церилл на камень Радомила и стал ждать, пока тот не ответит. Весь процесс не требовал почти никаких усилий.

— Джарид? — мысленно спросил Радомил.

— Да, Премудрый. Это я.

— Вот так сюрприз. Я и не знал, что ты снова стал связанным. Поздравляю.

— Спасибо тебе, Премудрый. — Джарид не смог сдержать улыбки. Он знал Радомила с детства. Пухлый глава Ордена когда-то служил в лесу Леоры в северо-западном Тобин-Сере, где находился родной город Джарида Аккалия. И даже сейчас, после того как они оба прослужили Ордену двенадцать лет, Джарид все еще чувствовал почти отеческую гордость в мыслях Радомила, когда Премудрый поздравлял его с обретенной связью с новой птицей.

— Ты стал связан с совой? Мы с Мередом так и предполагали с того момента, как Элайна сделалась связанной.

Джарид вздохнул. Сказать будет нелегко.

— Нет, Премудрый, не с совой.

Джарид почувствовал смущение Радомила.

— Прости, Джарид. Я не хотел позволить себе...

— Прошу тебя, не извиняйся, — мысленно сказал Джарид. Это известие никак не смягчить. — Я стал связан с орлом, Премудрый. Вот почему я решил поговорить с тобой. Я подумал, тебе следует знать.

Премудрый долгое время не отвечал. И действительно, если бы Джарид не почувствовал, что тот шокирован и напуган, он бы решил, что связь прервалась.

— Да хранит нас всех Арик, — наконец ответил Премудрый. — Ты уже сообщил Бадену?

— Нет. За исключением Элайны, ты единственный, кто оповещен. Я подумал, что ты захочешь созвать Собрание, чтобы сообщить остальным и решить, что делать дальше.

— Не важно, чего я хочу. Теперь ты возглавляешь Орден.

Джарид не почувствовал никакой горечи в мыслях Радомила, никакого гнева из-за того, что его правление так внезапно оборвалось. Он легко воспринял известную им обоим правду.

— Ты хотел бы, чтобы я воспользовался Созывающим Камнем, Орлиный Магистр?

Орлиный Магистр. Джарид почувствовал, как у него пересохло во рту. Он не был готов к подобному титулу.

— *Джарид?*

— *Да*, — наконец ответил он. — *Хотел бы.*

— *Прекрасно. Если хочешь, мы с Мередом останемся в Великом Зале, пока вы с Элайной к нам не придете. Я полагаю, что Элайна станет твоей Первой.*

— *Да. Спасибо, Радомил.* — Джарид почувствовал, как у него начинает кружиться голова. Возможно, сказалось напряжение, вызванное тем, что он впервые воспользовался Волшебной Силой после столь долгого перерыва. Или, возможно, осознание того, кем он стал. Но он почувствовал, что его связь с Радомилом слабеет.

— *Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще знал, Радомил*, — передал он, отчаянно пытаясь сохранить ясность мыслей. — *Только ты и Первый. И Баден, но я сам ему сообщу. Я не хочу, чтобы началась паника. Если кто-нибудь осведомится, ты сообщи, что я попросил созвать Собрание.*

— *Я понял*, — ответил Радомил, и, казалось, его мысли с каждым моментом все удаляются. — *Да хранит тебя Арик во время поездки, Орлиный Магистр. И да приведет он вас поскорее.*

Мгновением позже связь с Радомилом прервалась. Джарид открыл глаза, увидел звездное небо, и ему показалось, что оно кружится как детский волчок. Он почувствовал, что Ритлар совсем не устала, как и то, что ее сила не ослабевала ни на мгновение во время его связи с Премудрым. Но сам он чувствовал себя истощенным. И уже не в первый раз он задал себе вопрос, почему боги выбрали именно его для своих целей.

— *Ведь наверняка есть другие, которые лучше подготовлены к этому*, — сказал он в темноту. — *Ведь есть и другие, и они сильнее и мудрее.*

Ритлар провела по нему клювом, как раньше. «*Это я выбрала тебя*, — казалось, говорила она. — *Что бы ни случилось, я выбрала тебя*».

Джарид погладил ее по клюву и снова взглянул на звезды. Головокружение стало проходить, и он увидел созвездие Арика, а затем поднял руку, чтобы ударить ею по земле.

— *Грядет война*, — прошептал Джарид, чувствуя себя слабым и на редкость неопытным. — *И я должен исполнить волю богов.*

Он был скитальцем. Он всегда им был и ничуть не сомневался, что им и останется до конца дней своих. Оседлая жизнь никогда не привлекала его. Сама мысль о ней лишала его покоя. Он знал только двух женщин в своей жизни, которые могли бы, представься им такая возможность, убедить его осесть на одном месте и обосноваться там. Одна из них была теперь женой его лучшего друга, а другая жила за сотни миль отсюда, на противоположном берегу моря Арика, в стране чужой и настолько необычной, что даже звезды там выглядели по-другому.

Все маги в стране знали, что Джарид и Элайна подходят друг другу. Боги ясно дали это понять, послав им одинаковых первых птиц. А Оррис никогда бы не стал завидовать счастью самых близких друзей, в особенности после рождения у них прекрасной дочери.

Что касается Мелиор, которая правила сейчас Брагор-Налем в качестве первой Правительницы-гилдрин, Оррис был слишком мудр, чтобы сохнуть по ней. Несмотря на узкий перешеек, который соединял их страны, они жили в совершенно разных мирах. Не важно, что они любили друг друга. Они писали друг другу, и Оррис понимал, что это все, что могло быть им дано, по крайней мере сейчас. И хотя он никогда бы не сказал, что писем достаточно, они все-таки кое-что значили в его жизни. Именно через них она была рядом, здесь, в Тобин-Сере.

Он считал, что это положение — та цена, которую он платит за силу, данную ему богами, и он примирился с тем, что бесконечное одиночество — естественный результат его статуса кочующего мага. Никто не заставлял выбрать подобную долю, он сам так решил. И он дал клятву Ордену и стране задолго до того, как влюбился в Правительницу Брагор-Наля.

Но хотя он примирился со своим выбором, ему приходилось признать, что он и не ожидал, что его путешествия будут такими стремительными и столь суровыми по своим обстоятельствам. Даже в дни своей молодости, когда он пересек страну вдоль и поперек, намереваясь доказать более опытным скитальцам из Ордена, что он самый упорный среди них, он не покрывал таких больших расстояний с такой скоростью, как сейчас. Потому что, если в молодости им и двигало высокомерие и неверно направленное рвение, то на него никогда не охотились так, как сейчас.

Оррису иногда казалось, что не существует места, где бы он мог отдохнуть. Где бы он ни бродил, маги из Лиги Амарида находили его. Иногда им на это требовалось несколько дней, в редких случаях — неделя. В конце концов ему приходилось двигаться дальше. Немногие спокойные дни за последние несколько лет выдались, когда он навещал Джарида и Элайну на берегах Южного Шелтера. Маги, принадлежавшие Лиге, либо не могли найти его, либо, что более вероятно, были не расположены сталкиваться еще и с Джаридом и Элайной. Но хотя его друзья всегда были рады ему и никогда не ограничивали время его пребывания у них, Оррис не хотел оставаться там слишком надолго. Им нужно было заботиться о Мин, и, хотя члены Лиги до сих пор оставляли его в покое во время его визитов к ним, не было гарантии, что так будет всегда.

Поэтому после короткого отдыха, обычно не более трех или четырех дней, он оставлял их и возобновлял свои странствия, постоянно остерегаясь возможного нападения. Если ему предоставлялся выбор между стычкой или бегством, он неизменно выбирал последнее. Очевидно, сторонники Лиги нашли аргументы, позволяющие им совмещать нападения на Орриса с обязательством исполнять Законы Амарида, но Оррис дал клятву не использовать Волшебную Силу против другого мага и предпринимал все возможное, чтобы не нарушить ее.

В тех случаях, когда ему не оставалось ничего другого, кроме как вступить в бой, он придерживался оборонительной тактики, используя свою силу только лишь для того, чтобы защитить себя до тех пор, пока не удастся ускользнуть. Ему пришлось убить лишь одного из тех, кто нападал на него, несмотря на то что он сам несколько раз пострадал. И хотя ему бы хотелось выследить человека, который убил Анизир три года назад, его верность клятве не позволяла ему предоставить себе подобное удовольствие.

Ему ничего другого не оставалось, кроме как продолжить скитания, предлагая свои услуги тем, кто их примет. Но даже это было нелегко из-за Лиги. За последние годы он побывал во всех областях Тобин-Сера. Он останавливался буквально в сотнях городов и деревень и видел, как синие флаги Лиги развеваются примерно над половиной из них. Немногие оставались верными Ордену, и все возрастало число тех, кто желал, чтобы с ними работали только маги, заявившие о том, что они не принадлежат ни к одной, ни к другой стороне.

Эти так называемые свободные маги появились сравнительно недавно, но они представлялись Оррису гораздо более опасными, чем сама Лига. Они ни перед кем не отвечали. Если маг Ордена пытался использовать Волшебную Силу для получения богатства или власти или навредить каким-то образом народу Тобин-Сера, то его осудили бы и наказали остальные маги Ордена. И хоть казалось, что руководство Лиги поощряло или, по крайней мере, терпело нападения на Орриса, оно, насколько ему было известно, относилось к другим нарушениям Законов Амарида так же, как Орден. За последнюю тысячу лет было мало нарушений Законов Первого Мага, и в самом серьезном случае, когда Магистр Сартол предал страну, Орден действовал мучительно медленно. Но маги Ордена и Лиги тем не менее считались ответственными за свои действия. Свободные же маги не подчинялись никаким нормам поведения. Они не приносили никакой клятвы, у них не существовало процедуры для наказания преступников. Оррис содрогался при мысли о том, что бы случилось, если бы Сартолу представилась возможность быть свободным магом, а не членом Ордена.

Он шел на север по восточному краю равнины Тобина и сейчас остановился, глядя на

запад, чтобы понаблюдать, как солнце, огромное и оранжевое, частично скрытое тонкой грядой туч, начнет ускользать за линию горизонта. Почти сразу же ветер, проносящийся по пастбищам и фермам, сделался холоднее. Оррис вздрогнул под своим плащом и снова продолжил путь, сразу же входя в ритм, который достигается столь естественным образом. Впереди он видел лес Бога, примерно на расстоянии мили от себя. Было темно, когда он добрался туда, но на востоке возшла луна, желтая и почти полная. Его путь становился легче, когда темнело, а если ему недоставало света, он всегда мог вызвать магический свет из своего церилла. Он взглянул на свой камень и улыбнулся, его мысли снова устремились на запад к Лон-Серу. Когда-то он ходил с кристаллом, от которого исходил янтарный свет. Но семь лет назад, в Брагор-Нале, они с Мелиор воспользовались своими цериллами, чтобы одурачить Седрика, оверлорда, который нес ответственность за нападения пришельцев на Тобин-Сер. Их уловка сработала лишь на мгновение, но этого было достаточно. В бою, который за этим последовал, они убили Седрика, сбросив его с большой высоты из окна его роскошных апартаментов на аллею. Но посох Орриса упал вместе с Седриком, и магический церилл разбился вдребезги.

Вернувшись в Тобин-Сер, Оррис добыл новый у своего друга Кроба, купца из Аббориджа. Но когда Кроб положил новый камень Оррису на ладонь, цвет его церилла сделался красновато-коричневым. Казалось, что красный цвет из камня Мелиор каким-то образом подмешался в цвет его камня. Он улыбнулся. Он не знал точно, что это значит, но ему это было приятно.

Оррис продолжал идти на север, когда темнота опустилась над равниной и созвездия стали проступать на ночном небе. Впереди и немного к западу показался какой-то город, его маленькие дома светились огнями свечей и очагов, но Оррис не изменил своего маршрута. Он уже бывал там раньше. Город назывался Вудсвью, и это был город Лиги.

Завидев огни города, Оррис напрягся. Он крепче взялся за посох и заметил за собой, что постоянно вглядывается во тьму и время от времени оборачивается, чтобы убедиться, что за ним не следят. Криссан, парящая над ним, казалось, почувствовала изменения в его настроении и взлетела повыше, чтобы лучше видеть, что происходит вокруг. Он поднял взгляд на своего белого ястреба и кивнул с мрачным удовлетворением. Маловероятно, чтобы их застали врасплох здесь, на равнине. Как только они достигнут леса Тобина, они станут более уязвимыми, но он со своим ястребом и раньше бывал на враждебных территориях. Уж кто-кто, а они-то были способны себя защитить.

Временами он уставал жить, как воюющий генерал из Аббориджа, готовясь к схватке всякий раз, когда входил в новый город или пересекал незнакомые земли. Но теперь он уже привык к этому и думал о том, сколько раз элементарная предусмотрительность спасала ему жизнь. Казалось, стоит она немногочисленного. И все-таки он однажды допустил ошибку, пожаловавшись на это Мелиор в одном из своих писем. Она ответила довольно сухо, указав на то, что жила подобным образом с пятнадцати лет, когда стала изгоем.

— Такова сущность жизни в Брагор-Нале, — напомнила она ему, — Если ты сможешь жить таким образом в Тобин-Сере, возможно, ты будешь готов вернуться в Лон-Сер и быть вместе со мной, — Он больше не жаловался, а она не заикалась о том, что он может присоединиться к ней в Брагор-Нале.

Так как Вудсвью находился неподалеку от опушки леса Бога, Оррис и Криссан скоро добрались до нее. Мягкого света луны было достаточно, чтобы освещать им путь, когда они преодолевали последнюю милю по равнине, но, когда они оказались среди нависающих теней леса Тобина, Оррис вынужден был зажечь свой церилл. Он сделал это неохотно, зная, что этим выдает их присутствие любому, кто заметит свет в лесу. По крайней мере, лес защищал от ветра и представлял собой относительно сносное убежище.

Они продолжали углубляться в лес и остановились лишь тогда, когда Вудсвью совершенно пропал из виду и ничто не указывало на близость к нему. Но даже тогда Оррис проявил дополнительную предосторожность и нашел маленькую поляну, чтобы устроить привал и развести костер. А Криссан взлетела на высокую ветку, с которой была видна

поляна и ближайшие окрестности, а затем принялась чистить перья. Оррис же насобирав кучу дров, разжег костер, уселся, прислонившись спиной к стволу огромного дуба, чтобы поесть копченого мяса и сушеных фруктов, которые он носил в мешочках в складках своего плаща.

Днем он уже хорошо пообедал большой куропаткой, которую добыла для него Криссан, поэтому он съел лишь несколько кусков мяса и немного фруктов, а затем убрал еду. Он подумал немного о том, не продолжить ли свое письмо Мелиор, но из-за усталости решил отложить это на потом. Тогда он опустил свой посох к ногам, откуда легко мог взять его, и, закрыв глаза, снова прислонился к дереву. Когда он был моложе, то считал бы невозможным спать таким образом. Но, как и во многих других отношениях, крайняя необходимость вынуждала его приспособливаться.

Он был уверен, что заснул быстро, потому что следующим, что он осознал, была Криссан, которая тихо будила его, посылая ему образ приближающегося мага. Оррис почувствовал сильное возбуждение в мозгу ястреба, но не панику.

Он снова закрыл глаза и, установив с ястребом мысленную связь, еще раз посмотрел на приближающегося мага. Это был бородатый мужчина хрупкого телосложения с юношескими чертами лица. У него был церилл цвета морской волны и его сопровождал маленький серый лесной ястреб. Оррис не узнал незнакомца, но по его голубому плащу понял, что это маг Лиги и, следовательно, враг. По тому, как маг держится — посох выставлен перед собой, тело — в боевой стойке, шаги — легкие и осторожные, — Оррис понял, что тот готов к бою. Он знал, где находится Оррис.

Снова открыв глаза, Оррис быстро взглянул на костер. Он догорел почти полностью, и кучка тлеющих углей оседала и громко потрескивала в тишине леса Тобины. И все-таки в темноте Оррис видел, что тлеющие угольки достаточно хорошо освещают его. А тонкая слабая струйка дыма, поднимающаяся от костра и относимая ветром, как назло, в сторону равнины и Вудсвью, могла легко послужить сигналом для кого-нибудь, кто выслеживал его с той стороны.

Проклиная себя за глупость, Оррис подумывал о том, чтобы затушить остатки костра, но в этот момент услышал шаги незнакомца. Тот был близко; у Орриса даже не оставалось времени, чтоб убежать. Криссан тихо опустилась на землю около него, и маг поступил единственно возможным в данных обстоятельствах образом. Он отполз в тень на противоположную сторону поляны и стал ждать, пока не появится маг Лиги.

Оррис расположился за пнем с неровной поверхностью, там, где голые стелющиеся растения переплетались с кустарником. Он уже видел в темноте сияние цвета морской волны, исходящее от церилла незнакомца, и задержал дыхание, оставаясь в полной неподвижности. Снова мысленно связался с Криссан, подготавливая ее к тому, что собирался сделать, и опять почувствовал ее сильное желание вступить в бой, которое он заметил, еще когда она будила его.

— *Ты так их ненавидишь?* — спросил он ее с легким укором.

Она в ответ дружелюбно провела по нему клювом, и Оррис позволил себе улыбнуться.

Затем он увидел молодого мага, который желал убить его, и настроение испортилось. Птица мага сидела у него на плече, и на миг Оррис подумал о том, что неплохо бы отомстить за Анизир. Но — только на миг.

— Я ведь дал клятву, — напомнил он себе.

И лишь тогда, когда незнакомец остановился, с яростью глядя в его сторону, Оррис понял, что он говорил вслух. Прежде чем его возможный противник успел что-нибудь предпринять, Оррис приоткрыл свой церилл всего на секунду и послал поток огня, просвистевший рядом с головой незнакомца. Уклоняясь, тот пригнулся, а его серый ястреб взлетел на ближайшее дерево, несколько раз пронзительно вскрикнув. Мгновение спустя маг в ответ послал свой огонь в сторону Орриса, но его заряд пронесся далеко от того места, где прятался Оррис.

Оррис улыбнулся в темноте. Незнакомец был новичком в бою.

— Ты пришел умереть, маг? — крикнул Оррис.

Еще один поток цвета морской волны пролетел, на этот раз ближе к пню. Оррис немного пригнулся.

— Вижу твоего маленького ястреба, маг, — поддразнил его Оррис. — Убить его, а?

Никакого магического огня на этот раз не последовало, но лесной ястреб взлетел повыше и расположился с дальней стороны ствола, на что и надеялся Оррис. Пока птица пряталась, она не могла ничего сообщить о местонахождении врага своему магу.

— Выходи, друг, — позвал Оррис. — Ты наверняка не хочешь умереть здесь, вдали от дома и...

Еще два огненных луча пронесли в темноте, и один из них даже попал в пень, за которым укрывался Оррис. Он отодвинулся чуть дальше в кустарник. Возможно, незнакомец не так уж неопытен, как показалось сначала.

— Я не боюсь умереть! — презрительно бросил он в сторону Орриса. — По крайней мере, не в бою с тобой. Слава о твоей трусости распространилась по стране, маг! И если ты своим первым зарядом пытался лишить меня жизни, то мне вообще нечего тебя бояться!

«Я старался промахнуться, идиот ты несчастный!» — хотел прокричать в ответ Оррис. Но вместо этого он перевел дух. Такую тактику маги Лиги не раз использовали при последних столкновениях с ним. Они не могли воспрепятствовать попыткам уклониться от боя, и им трудно было преследовать его, если он ускользал, поэтому они старались спровоцировать Орриса, чтобы он остался и вступил с ними в бой.

— Если бы я хотел убить тебя своим первым зарядом, ты уже был бы мертв, — спокойно ответил Оррис.

Незнакомец снова открыл огонь, попав второй раз в пень, который загорелся.

— Ну, вот и я, предатель! — ответил он. — Почему бы тебе меня не убить?

Оррис покачал головой, хотя другой маг не мог его видеть.

— Не в моих привычках убивать детей! — Когда он сказал это, то пожалел, что выбрал такие слова.

— Не привык! — закричал маг, бросаясь вперед, как дикая кошка. — Ты слишком труслив даже для этого! Ты только помогаешь тем, кто убивает детей! Ты освобождаешь их из-за решетки и возвращаешь им покой домашнего очага!

Оррис закрыл глаза и заскрежетал зубами. Сколько еще оскорблений он должен снести? Как долго он еще должен выполнять свою клятву? Да, он вытащил Барама из-за решетки и вернул его в Лон-Сер. Он бы даже признал, что, поступив так, он нарушил волю Ордена, хотя по этому вопросу не было никакого официального решения. Но он поступил так, чтобы спасти страну, а не предать ее. А Барам умер в Брагор-Нале. Оррис все еще видел улыбку пришельца, когда тот, держась за подоконник в кабинете Седрика, ослабил свою хватку и стал падать с большой высоты на мостовую. Пришелец был мертв. Разве не этого они все хотели прежде всего?

Тем не менее еще один поток зеленого огня вылетел из церилла незнакомца, на этот раз просвистев чуть выше головы Орриса. Взглянув наверх, он увидел, что маленький серый ястреб снова сидит на ближней стороне дерева и, вне всякого сомнения, заметил, где прятались они с Криссан. Приоткрыв опять свой собственный камень, Оррис направил два маленьких снопа пламени в крону дерева, один — чуть выше птицы, другой — чуть ниже.

Ястреб, закричав, взлетел в воздух и начал кружить высоко над верхушками деревьев. Его заунывные крики казались слабыми и отдаленными.

Незнакомец снова выпалил, но струи огня пронесли над головой Орриса, не причинив вреда.

— На птицу нападаешь, а на меня боишься, предатель?

Он подвергался нападениям членов Лиги и терпел их оскорбления несколько лет, неоднократно подавляя желание применить в ответ насилие, которое когда-то было почти неотъемлемой частью его жизни. И все-таки именно последнее замечание подорвало его решимость не применять насилия. Он мог примириться с тем, что они сделали ему лично.

Мог он примириться даже с тем, что нужен им мертвым. Но они убили Анизир. И теперь этот парень имел наглость обвинить Орриса в трусости, потому что тот послал два пучка магического огня в сторону птицы мага, не собираясь при этом попадать в нее. Это уже было слишком.

Оррис встал, мысленно сделав Криссан знак сесть ему на плечо. Маг Лиги сразу же направил на него поток огня, но Оррис заслонил себя стеной красновато-коричневой лучистой энергии и начал наступать на него. Молодой маг еще раз направил на него огонь и от страха, смешанного с удивлением, разинул рот и широко распахнул глаза. Оррис снова отразил его атаку, почти не затрачивая усилий. Нападающий был не знаком с его силой, да и сам он был не особо силен. Оррис же, с другой стороны, долгое время бился с магами. Он улыбнулся и зашагал прямо к своему противнику.

Тот вскочил на ноги и пустился наутек, на бегу свистом подзывая свою птицу.

— *Взять его!* — скомандовал Оррис.

Криссан взлетела с его плеча и за несколько секунд догнала мага, чуть не сбив его с ног мощным ударом в спину. Затем птица Орриса отлетела в сторону и, не обращая внимания на крики меньшего размером лесного ястреба, спикировала на голову мага. Тот вскрикнул и остановился, чтобы защититься от нападения ястреба. Пока Оррис приближался к нему, он все еще закрывал лицо и голову обеими руками.

Видя, что Оррис уже рядом с ним, он в последний раз попытался выпустить заряд магического огня. Но прежде чем молодой маг успел сделать это, Оррис ударил его своим посохом по плечу, сбил с ног, а потом с силой швырнул посох мага в лес. Затем Оррис бросил на землю свой собственный посох и, подняв незнакомца за воротник голубого плаща, снова отправил его на землю ударом в челюсть.

Затем он поднял свой посох и, направив его на лежащего, заставил церилл цвета ржавчины угрожающе засверкать.

— Я, я думал, что ты дал клятву! — сказал маг Лиги, со страхом уставясь на светящийся камень. Тонкая струйка крови показалась у него изо рта и потекла по бороде.

— Моя клятва не обязывает меня терпеть таких, как вы! — прорычал Оррис в ответ.

Ястреб незнакомца тревожно закричал, а Криссан в ответ свирепо зашипела, и он тут же притих.

— Они все говорили, что ты не вступаешь в бой! Ты всегда отступаешь!

— И это дает вам право нападать на меня? — с яростью в голосе спросил Оррис. — Право убить меня? Это дает вам право называть меня трусом и предателем?

— Нет, маг! — ответил его противник, несмотря на свой очевидный испуг. — Ты давно заслужил эти прозвища!

Оррис сердито выдохнул и быстро поднес свой церилл поближе к его лицу. Тот вздрогнул и на мгновение закрыл глаза. Но затем он снова открыл их и встретил сердитый взгляд Орриса.

— А мужество у тебя есть, — неохотно признал Оррис. — Когда будешь рассказывать о событиях этой ночи своим детям, можешь сказать, что именно оно спасло тебе жизнь.

Оррис собрался уходить, но маг Лиги плюнул ему под ноги.

— Ты и не собирался убивать меня, — сказал он, насмехаясь над Оррисом. — Храбрости не хватает.

Оррис чуть не убил его тогда. Он быстро двинулся назад к магу, его церилл был как раз на уровне горла мага, а лицо исказила злобная улыбка. Но как раз в тот момент, когда он мысленно связался с Криссан, чтобы извлечь убийственную энергию, он увидел нечто, заставившее его похолодеть.

Его церилл стал светиться, подобно тому как бьется сердце. На миг его голова пошла кругом, и Оррис решил, что это знак от самого Амарида и нужно одуматься и сохранить жизнь этому человеку. Но затем он понял. Кто-то пробудил Созывающий Камень.

Маг Лиги изумленно уставился на камень Орриса.

— Что это значит? — чуть ли не шепотом спросил он.

— Ты не знаешь?
— Я новичок в Лиге, — признался он, — И никогда раньше этого не видел.
Оррис усмехнулся и покачал головой, снова собираясь уходить.
— Отправляйся домой и спроси своих учителей, — сказал он ему. — Они расскажут тебе, что это значит. Уверю тебя, они только об этом и будут говорить.
Он начал удаляться, но затем остановился и вернулся к магу, который все еще сидел на земле.
— Также скажи своим учителям: ты — последний.
Маг сузил глаза.
— Какой последний?
— Последний выживший. Следующего мага, которого они пошлют против меня, я убью. Клянусь Амаридом.
Маг открыл рот, чтобы возразить, но поднятый палец Орриса и стальной блеск его глаз остановили его.
— Ни слова. Я выбрал тебя своим посланником, но твой труп может сделать мои слова еще убедительнее.
Маг уставился на него на некоторое время, ничего не говоря. Потом наконец кивнул.
Оррис удалился, оставив его на поляне.
Криссан взлетела Оррису на плечо, но некоторое время она смотрела назад, на мага Лиги и его ястреба, пока он шел на север сквозь лес.
«Не беспокойся, — мысленно сказал он, стараясь успокоить ее. — Он не будет преследовать нас. Возможно, на нас еще будут нападать, но не сегодня, и не этот ребенок».
Он взглянул на свой камень. Теперь он мерцал равномерно — общий сбор. Произошло что-то важное. При этой мысли в его памяти появился образ Джарида и Элайны. И Мин, конечно. Он улыбнулся. По крайней мере, он их всех скоро увидит. Не думая о том, с каким бедствием придется столкнуться Ордену, он предвкушал встречу с друзьями.

3

Приятно слышать, что тебя с Шивонн радует торговля, которая развилась между нашими странами за последние несколько лет. Как бы я хотел разделить ваш энтузиазм. Но дело в том, что недавнее вовлечение Тобин-Сера в торговлю через перешеек вызвало непредвиденные и, на мой взгляд, нежелательные последствия для нашей страны, народа и культуры. Даже наш язык изменился. Я никогда не слышал слова «межперешейковый» и, услышав его несколько недель назад, до сих пор не могу к нему привыкнуть. Оно даже точно не отражает сущность этой торговли, потому что для перевозки всех товаров от Тобин-Сера к Лон-Серу и обратно используются корабли. И тем не менее это слово продолжает существовать, с каждым днем смущая меня все больше.

Ты, конечно, сейчас смеешься надо мной, забавляясь моей неспособностью привыкнуть к изменениям, которые я описываю. Несмотря ни на что, именно этот звук мне бы хотелось услышать. И все-таки трудно отнестись с юмором к этому новому миру, который был создан не без моего участия. Боюсь, что, хотя инструменты и приспособления, которые вы нам присылаете, действительно, по вашему утверждению, экономят нам время и силы, они могут принести тяжелые испытания моей стране.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
зима, год 4633*

Баден стоял на пороге маленького дома и вглядывался в ночную тьму. Четыре года назад, когда они с Сонель впервые пришли в эту хижину, они ничего вокруг не видели,

кроме маленького сада, который они устроили неподалеку от леса Бога, да вязов с кленами, окружавших сад. Даже сейчас, летом, все выглядело по-прежнему. Но левей из-за вырубки образовались участки, где вообще не было деревьев, и появился ряд широких дорог, по которым увозили срубленный лес, и все это уничтожало саму сущность леса Тобина. Этой зимой, когда деревья стояли голыми, а воздух был чистым, как сегодняшней ночью, Баден видел Изумрудные холмы с порога своего дома. Или скорее он видел тлеющие костры на вершинах холмов, на которых когда-то росли деревья.

Он чувствовал себя усталым и остро ощущал, как холодный воздух проникает ему под плащ, словно ледяная рука, но не мог оторвать взгляда от тех далеких огней. Он слышал, как открылась, а затем затворилась дверь позади него, и мгновение спустя он почувствовал руку Сонель на своей спине.

— Снова тоскуешь о тех днях, когда ты странствовал? — спросила она, становясь рядом с ним.

Он взглянул на нее и увидел, как на ее губах играет дружелюбная улыбка. Теперь на ее лице морщин было больше, чем раньше, а в ее волосах цвета пшеницы появились многочисленные седые пряди, которые отсвечивали серебром в лунном свете. Но во многом она по-прежнему оставалась такой, какой он помнил ее, когда впервые встретился с ней много лет назад: высокая, стройная, с девичьим овалом лица и потрясающими зелеными глазами. Глядя на нее, он чувствовал себя старым и неуклюжим, и уже не раз ему хотелось знать, за что она все еще любит его.

— Да нет, — наконец ответил он, обнимая ее за плечи.

— О чем тогда?

— Он пожал плечами.

— Просто смотрел на огни.

Она взглянула на холмы и нахмурилась:

— Их там так много. Кажется, что с каждой ночью их становится все больше.

Баден кивнул:

— Да.

— Наверняка они не смогут вырубать лес до бесконечности, Баден, — стала уверять его она, снова начиная разговор, который уже несколько раз повторялся за последние месяцы. — Храмам не принадлежит все на этих холмах.

— Дело не только в Храмах, — сказал он резче, чем хотелось бы. — Конечно, они пришли первыми, и им принадлежит больше земли, чем кому-либо еще. Но сейчас многие занимаются вырубкой леса.

— Я знаю, — тихо ответила она.

— Прости, Сонель, — прошептал он, целуя ее в лоб. — Я просто хочу, чтобы Радомил предпринял что-нибудь.

— Он не может действовать в одиночку, Баден. Ему нужна поддержка Ордена.

— Она у него есть! — сказал Баден, качая головой. — Между нами говоря, это Джарид с Элайной, Оррис, Транн, Меред и кое-кто еще. У него есть их голоса.

— Ты ведь не так наивен. Если он будет решать подобную проблему простым большинством, он спровоцирует то, что многие маги перебегут в Лигу. Он должен действовать осторожно. Ему нельзя слишком спешить.

Баден снова посмотрел на холмы:

— Он не может позволить себе подобного удовольствия.

Она мрачно кивнула:

— Я согласна. — Затем с менее мрачным видом добавила: — Но, может быть, все дело в том, что не весь Орден поддерживает его. Когда все наконец его поддержат, он сможет принять меры.

Баден посмотрел на свой посох. Оранжевый камень в верхней его части мерцал почти час.

— Может быть, — ответил он, хотя ему и не удалось скрыть в своем голосе

скептических ноток.

— Ты что, из вежливости со мной соглашаешься? — с улыбкой спросила она.

Баден усилием воли заставил себя рассмеяться:

— Боюсь, что так.

— Ты разве не знаешь, что угождать бывшей Премудрой — значит нарушать законы Амарида?

— Нет, об этом я не знал, — ответил Баден, удивленно поднимая бровь.

— Ну, этот закон мало кто знает, — с легкостью объяснила она. — Ты о нем ничего и не слышал, потому что многих из нас, Премудрых, уже нет в живых.

Он улыбнулся такому преуменьшению. Остался всего один, если быть точным. Сонель потеряла свою сову четыре года назад и по правилам Ордена была вынуждена отказаться от поста его главы. Предыдущие четверо Премудрых погибли во время своего пребывания в этой должности, включая друга Бадена Джессамин, непосредственную предшественницу Сонель; Джессамин была убита в лесу Терона предателем Сартолом.

Таким образом, Сонель пребывала в весьма странном положении: бывшая Премудрая, оставшаяся в живых. Они с Баденом не раз говорили о том, как ей повезло, что ее преемником стал Радомил, человек, чья скромность и отсутствие честолюбия позволили разглядеть в ней друга и советчика, а не угрозу его собственной власти. Ибо сейчас, когда она опять сделалась связанной, ничто не мешало ей снова претендовать на это место, если бы Радомил потерял своего любимца или же умер. Она заявила, что ничуть не заинтересована в возвращении в Великий Зал в качестве Премудрой, и не дала Радомилу ни малейшего повода сомневаться в ее словах. Но другой Премудрый, возможно, посчитал бы подобные заявления неискренними и воспринял бы ее поддержку как хорошо продуманную попытку втереться в доверие.

— Ну, пойдем же, — тихо поторопила его Сонель. — Уже поздно, а завтра нам предстоит тяжелый день.

— Сейчас иду, одну минуточку. — Он слегка сжал ей руку.

Она грустно улыбнулась и кивнула. Она не первый день его знала, чтобы определить, в каком он настроении. Если бы он сейчас пошел с ней, он бы все равно не заснул.

— Не задерживайся надолго, — сказала она на ходу.

— Хорошо.

Мгновение спустя он услышал, как открылась, а затем снова закрылась дверь, и опять посмотрел на холмы. Он мысленно связался с Голиवास и обнаружил, что она спит на своем обычном месте на верхней полке на кухне. Она все спала и спала в эти дни. Он был с ней более десяти лет, и, возможно, на ее долю осталось не слишком много Собраний.

«А сколько раз тебе самому еще становиться связанным, маг?» — спросил он себя, глядя на звезды в небе. От легкого ветерка зашевелились ветки деревьев вокруг, и он вздрогнул. Он не чувствовал себя старым, хотя знал, что его считают самым старшим членом Ордена. Несмотря на холод, они собирались пойти в Амарид пешком, как они и делали до сих пор, отправляясь на все Собrania. И хотя он больше не был скитальцем, он все еще забредал летом далеко от жилища, доходя до холмов и проходя большую часть леса Тобина и Северной равнины, где у него все еще оставалось много друзей.

Несмотря на то что он выглядел молодо для своих лет, он не был наивен. Он не надеялся жить вечно. И больше всего на свете, прежде чем умереть, он хотел видеть, как Орден займет свое законное место в качестве единственной организации магов и Магистров в стране. Он не раз говорил об этом желании многим своим друзьям в Ордене, и всегда спокойным и уверенным тоном. Но он видел немало городов, на домах и магазинах которых развеваются голубые флаги, и знал, что, даже если разногласия, разделяющие магов Лиги и Ордена, будут улажены, Ордену предстоит много работы, чтобы вновь заслужить доверие Тобин-Сера. Слишком много, по всей вероятности.

Он потряс головой, как будто таким образом мог отогнать мрачные мысли. Он знал, что ему нужно идти спать. Сонель была права: им предстоит долго идти пешком, а перед этим

многое нужно собрать в дорогу. Но что-то удерживало его на холодном ночном ветру под звездами, и он с удовольствием вдыхал едва уловимый запах дыма. Баден не знал, что именно, но он уже долго был магом и научился доверять своим инстинктам в таких ситуациях.

Поэтому, когда наконец голубой огонек камня Джарида появился на несколько секунд в оранжевом мерцании его церилла, Баден не был удивлен. Мысленно связавшись с Голиवास и закрыв глаза, он направил свои мысли на запад, в сторону Береговых гор.

Он обнаружил, что племянник ждет его по ту сторону леса, недалеко от своего дома.

— *Здравствуй, Джарид,* — мысленно сказал он.

— *Извини, что связался с тобой так поздно, Баден,* — ответил молодой маг. — *Я бы сделал это раньше, если бы смог.*

Баден почувствовал, как Джарид напрягается, поддерживая связь, и с опозданием вспомнил, что его племянник много месяцев пребывал без любимца.

— *Ты сделался связанным!*

— *Да.*

Баден хотел поздравить его, но замешательство, которое он прочел в мыслях Джарида, остановило его.

— *Что случилось?* — спросил он.

— *Я связался с орлом, Баден.*

Баден владел Волшебной Силой почти сорок лет, и так как его мать с отцом были магами, он посещал Собрания и был знаком с Орденом и его традициями большую часть жизни. Он говорил с Феланом, неприкаянным Волчьим Магистром, он разоблачил предателя и сражался с пришельцами, которые пришли в Тобин-Сер, чтобы уничтожить Орден. Он провел почти три года, допрашивая единственного пришельца, выжившего в бою у Отрога Фелана, и узнавая у него о людях, которые могли создавать оружие и вещи, с немыслимой точностью повторяющие некоторые явления природы. Он видел, как Орден был расколот и вытеснен из сердца народа Тобин-Сера другой организацией. И он видел, как саму землю избороздили шрамами люди, которые гонятся за богатством. Немногое после этого могло его удивить. И тем более лишить дара речи.

Но все же он не мог и помыслить о том, что сказать Джариду в ответ на его известие. Орел. Им суждено воевать. А Джарид будет их Орлиным Магистром.

— *Когда?* — наконец удалось спросить Бадену.

— *Сегодня. Сегодня утром.*

— *Так вот почему Радомил созывает нас.*

— *Да.*

Баден перевел дух.

— *С тобой все в порядке?*

— *День был тяжелым,* — ответил Джарид. — *Я сильно устал. И напуган.*

— *Естественно. Да и нам всем стоит бояться.*

— *Что, по-твоему, все это значит, Баден?*

— *Я и сам не знаю.*

Он почувствовал, что усталость Джарида к этому моменту возросла, и ему отчаянно захотелось завершить связь словами ободрения и поддержки. Но ничего не приходило ему в голову. Даже имея доступ к мыслям Джарида, он представить не мог чувств, обуревавших его племянника. Он ощущал мрачные предчувствия молодого мага, его неуверенность в себе и замешательство. Но связь, установленная между ними этой ночью, не позволяла ему проникнуть глубже.

— *Если я могу чем-то помочь тебе, Джарид...* — начал он, понимая, насколько неуместны эти слова. Он даже не стал заканчивать свою мысль.

— *Знаю, Баден,* — ответил маг. — *Благодарю тебя. Прежде чем все закончится, уверен, что мне понадобятся советы всех магов Ордена.*

Связь слабела. Через мгновение она, возможно, разорвется. Поэтому Баден прибегнул к

единственному заверению, которое пришло ему в голову.

— *Боги не выбрали бы тебя, если бы сомневались в твоей способности возглавить Орден, Джарид. Вспоминай об этом, если будешь сомневаться в себе.*

— *Хорошо. Спасибо тебе. Да хранит тебя Арик, Баден. И Сонель тоже. Скоро мы с тобой увидимся.*

— *Да хранит и тебя Арик!* — попытался послать ответ Баден. Но связь уже оборвалась. Магистр открыл глаза и сразу же снова взглянул на огни, горящие на Изумрудных холмах. — Да хранит Арик нашу землю, — сказал он вслух. Он понаблюдал за огнями еще несколько минут, а затем направился домой, где было тепло и уютно.

На следующее утро они проснулись рано, чтобы собраться в дорогу. После того как они скромно позавтракали, Баден рассказал, что Джарид снова стал связанным, и увидел, как в глазах Сонель отразились шок и страх, которые он пережил ночью.

— Орел, — вздохнула она. — Я и подумать не могла, что Собрание созовут из-за этого.

Баден кивнул:

— Я тоже.

— Я не очень довольна тем, что принесла нам торговля с Лон-Сером, — продолжила она. — Но я думала, что угроза войны миновала давным-давно.

— Так ты думаешь, что мы будем воевать с Лон-Сером?

— А с кем же еще? — спросила она с неподдельным удивлением.

Он пожал плечами:

— Точно не знаю. Но мне кажется, сейчас опасно делать поспешные выводы.

Сонель помолчала на несколько мгновений.

— Думаю, ты прав, — наконец сказала она, — хотя других предположений у меня нет. Ведь Абборидж не будет на нас нападать.

— Скорее всего нет.

Баден знал, что есть еще один вариант, который пугал его гораздо больше, чем война с Лон-Сером, но он не хотел произносить своих мыслей вслух. Еще рано говорить об этом, даже Сонель.

Она бросила на него пронизывающий взгляд, ожидая, что он продолжит. Но он ничего не сказал, а она больше не заводила речи на эту тему. Оставшуюся часть утра они почти не разговаривали.

Сразу после полудня они направились по узкой тропинке, ведущей от их сада в лес, пока не добрались до одной из прорубленных дорог, которых теперь много было в лесу Бога. Ступив на дорогу, они обменялись улыбками, как они часто делали, направляясь в Амарид. Никто из них не одобрял появление этих дорог, и в особенности — торговлю лесом, которая становилась возможной благодаря им. Но Магистры не могли отрицать того, что широкие проходы позволяли добраться до Амарида быстрее и легче, чем когда бы то ни было раньше. Они не раз с иронией признавались в этом друг другу.

В последние месяцы они также были вынуждены признать, что многие города, занимающиеся продажей леса, извлекали из этого выгоду. Лавки и жилые дома в них выглядели более солидными, люди казались сытыми и хорошо одетыми, а в тех поселениях, где развевались голубые флаги Лиги, Баден и Сонель чувствовали слабое, но несомненное уменьшение враждебности людей по отношению к Ордену. Процветание, казалось, было бальзамом для многочисленных ран, наносимых земле.

Это не означало, что Баден и Сонель приветствовали поразительный рост торговли лесом. Как раз прошлым вечером они говорили о том, что хотели бы, чтобы Орден смог предпринять некоторые действия для ограничения вырубки участков, находящихся в ведении Храмов. Но в отличие от многих своих единомышленников в Ордене, включая Транна и Урсель, они не считали торговлю, которую вел Тобин-Сер, вселенским злом.

И все-таки их не могло не беспокоить то, что они видели, когда проходили через южную часть леса Тобиана. Едва ли полгода прошло с Собрания, проведенного в середине лета, а за это время огромные участки леса были уже вырублены. Не было предпринято

никаких попыток привести в порядок землю или посадить молодые деревца, которые когда-нибудь заменили бы гигантские дубы, клены и вязы, которые оказались сваленными. Но везде торчали пни, поврежденные кусты, несколько забытых веток — и ничего больше. Один только вид всего этого переполнял сердце Бадена болью и заставлял думать о том, может ли какое угодно богатство и процветание доставаться такой ценой.

Оба Магистра добрались до южного берега Даалисмина через десять дней после того, как оставили свое жилище, и, повернув на юго-восток, они шли по течению реки два дня, пока не добрались до моста. Даже вдоль берега реки лес пострадал от рук лесорубов Храма, а воды Даалисмин помутнели от земли, смытой с оголенных участков, и в реке плавали кусты и зацепившиеся друг за друга ветки деревьев. Некогда стремительная и бурная, Даалисмин теперь стала медленной и тихой.

Через несколько дней после того, как они перешли Даалисмин, снова повернули на северо-восток и услышали рев реки Четырех Водопадов, доносящийся из-за леса, Баден и Сонель пришли в маленький городок, который уютился среди деревьев. Хотя он находился не слишком далеко от одной из больших вырубок, лес вокруг казался нетронутым, за исключением маленького оголенного участка на небольшом расстоянии от города, где стоял один из Храмов Арика, строгий и пострадавший от непогоды. Намереваясь пополнить запасы еды, если это окажется город Ордена, Баден и Сонель сошли с прорубленной дороги и свернули на тропинку, ведущую к группе домов и лавок.

Но когда они подошли к городу поближе, странная сцена предстала перед их глазами. Большая толпа людей собралась перед городскими воротами; люди стояли спиной к большой густой роще из дубов и кленов, образуя изогнутую линию. Перед ними скопилось около дюжины лесорубов с топорами и пилами и еще семеро людей — высоких, мускулистых, с лицами, отмеченными суровым выражением. На всех семерых были надеты одинаковые просторные серые рубахи. Между лесорубами и горожанами стояли трое магов, все без плащей, и еще один человек, высокий и грузный, облаченный в серебристо-серую мантию, выдававшую в нем жреца Храма Арика. Маги и жрец жарко спорили, а горожане казались взволнованными.

— Земля, окружающая город, принадлежит Храму, — говорил жрец трем магам, когда Баден и Сонель остановились в пределах слышимости. — Вы не имеете права приходить сюда и устраивать свару!

— Жители Праннай попросили у нас помощи! — ответил один из магов. Он тоже был высоким, хотя и куда менее дородным, чем жрец, и выглядел моложе. — Они видели, что жрецы сделали с лесом Тобина, и они не хотят, чтобы их часть леса Бога была уничтожена для пополнения казны Храма!

— Нечего рассказывать мне о жителях Праннай, — ответил жрец, повышая голос, и, не глядя на магов, окинул взглядом горожан. — Почти всех вас я знаю большую часть вашей жизни! Вы что, всерьез думаете, что я сделал бы что-нибудь, чтобы навредить вам или городу?

— Ваши люди убивают лес! — выкрикнула женщина из толпы. — Мы попросили вас остановить их, но вы нас не слушаете!

Остальная толпа криками выразила свое согласие, вызвав одобрительные улыбки у магов.

— Это наша земля! — снова сказал им жрец, и его круглое лицо покраснело. Он сделал паузу, словно пытаясь собраться с мыслями. — Мы понимаем, что изменения, которые сопровождают нашу новую деятельность, расстраивают некоторых из вас, — продолжил он. — Но уверен, что вы также увидите и все преимущества. Торговля лесом приносит Тобин-Серу такое богатство, которое вам и не снилось. А Праннай от этого богатства перепадет больше, чем положено по справедливости. Но мы должны делать свое дело.

— А что, если нам не нужны ваши богатства, жрец? — выкрикнул какой-то мужчина. — Что, если мы просто хотим, чтобы наши дома и деревья оставались такими, каковы они есть?

Жрец выпрямился и мрачно уставился на горожан.

— В таком случае, — неожиданно холодно ответил он, — я напомним еще раз о том, что вы и так прекрасно знаете: это не ваши деревья. Они принадлежат Храму, как и вся земля вокруг города.

— Эта земля была доверена Храму нашими предками сотни лет назад! — ответила женщина, которая говорила ранее. — Жрецы должны были заботиться о земле, а не уничтожать ее.

— Сыны Богов из поколения в поколение заботились о земле, — сказал жрец. — Мы всегда старались действовать в интересах Праннай и его жителей, и сегодня мы продолжаем делать то же. В глубине души вы сознаете, что это — правда. — Он презрительно указал на трех магов. — Но эти чужаки вмешались в наши внутренние дела и забили вам головы всякой чепухой! Это из-за них возникают проблемы, а не из-за Храма!

Высокий маг возмутился:

— Как я уже говорил, жители вашего города попросили у нас помощи! Они попросили нас прийти, потому что считают, что Храм и его жрец предали их интересы и злоупотребили оказанным доверием!

— Поосторожней, маг! — сказал жрец тихим голосом, в котором прозвучала угроза. — Лезть не в свое дело — это одно. А обвинять Храм в предательстве — совсем другое.

Маг грубовато осклабился, обнажая зубы:

— Вы своими действиями сами провоцируете подобные высказывания, жрец.

Жрец мгновение смотрел на него перед тем, как резко повернуться и уйти, сверкнув своей серебряной мантией.

— Не желаю больше этого слушать! — Он посмотрел на лесорубов. — Рубите деревья. — Затем, повернувшись к здоровяку, стоящему около них, добавил: — Убедись, что им никто не помешает.

Не медля ни секунды, семеро человек с суровым выражением лиц вытащили странного вида предметы из-под своих просторных рубаш и направили их на толпу. Жрец удовлетворенно кивнул.

Трое магов уставились на людей жреца. Стоящие позади них жители Праннай начали перешептываться.

— Рассказы о подобном я слышал, но не хотел в них верить, — сказал один из магов.

Баден ничего подобного не слышал и не знал, что имел в виду маг. Но у него появилась некая мысль, да и увидел он вполне достаточно.

— Может быть, мы тут сумеем помочь?! — крикнул он, выходя вперед. Сонель неотступно следовала за ним.

Никто не замечал Магистров до сего момента, и все, включая горожан, окинули магов взглядами, которые выражали всю гамму чувств — от плохо скрываемого недоверия до открытой враждебности.

— Ордену нечего здесь делать, — сказал жрец. Тон его был ледяным, хотя выражение лица выдавало его обеспокоенность. — Думаю, вам лучше идти своей дорогой.

— Мы идем в Амарид, — ответил Баден, не обращая внимания на его слова. — Мы зашли в Праннай, чтобы пополнить запасы еды. В обмен на свою помощь, конечно.

— Это не город Ордена, — сказал им высокий маг чуть более теплым тоном, чем жрец.

— Вижу, — ответил Баден. — Но я не замечаю и никаких признаков того, что это — город Лиги. Возможно, жители готовы принять Орден в качестве союзника хотя бы в данный момент.

— Какая самонадеянность! — сказал другой маг, выйдя вперед и став рядом с высоким магом. Им оказалась молодая женщина со светло-каштановыми волосами и серыми глазами. На плече у нее сидел большой коричневый с белым ястреб, и, как у двух ее спутников, на ней не было плаща поверх шерстяной рубашки и брюк. — Вы думаете, они могут выбирать только между Орденom и Лигой? Что, если они не хотят иметь ничего общего с вашими мелочными ссорами? Что, если они предпочитают магов, которые не связаны ни с Орденom, ни с

Лигой? — Женщина вскинула голову и с отвращением посмотрела на Магистров. — Жрец прав. Вам нужно уйти.

— Ну что ж, благодаря нам они хоть в чем-то сошлись во мнениях, — тихо сказала Сонель.

— Как вас зовут? — спросил Баден у женщины, не ответив на замечание Сонель.

Та сузила глаза:

— Почему вы хотите это знать?

— Потому что я хочу поговорить с вами, — ответил Баден, и нетерпение сквозило в его голосе. — И я предпочитаю знать имя того, с кем веду разговор.

Она сжала губы так, что они превратились в тонкую линию, и взглянула на своих спутников.

— Таммен, — наконец сказала она. — Меня зовут Таммен.

— Ну что ж, Таммен. Прежде чем говорить с такой уверенностью о том, чего жители Праннай хотят или не хотят от нас, не лучше ли сначала спросить их самих? И прежде чем мы спросим, не будет ли также лучше сказать им, что вон те люди держат в руках? Мы ведь хотим, чтобы они сделали выбор осознанно, не так ли?

— Вы напрасно тратите наше время, Магистр, — нарушил молчание жрец. — Я просил вас уйти и эти маги тоже. Никто из жителей Праннай не просил вас остаться. Кажется, вы единственный, кто думает, что вам здесь есть место. А теперь повторю в последний раз: уходите отсюда!

— Мне кажется, Таммен, вы настолько же хотите, чтобы мы остались, насколько жрец желает, чтобы мы ушли, — сказал Баден, пристально глядя на жреца.

— Нам не нужна ваша помощь! — не очень уверенно сказал маг — тот, который повыше.

Баден медленно повернулся к нему:

— А вас как зовут?

Тот на мгновение заколебался:

— Меня зовут Нодин.

— Вы когда-нибудь видели, Нодин, что оружие из Лон-Сера может сделать с одним из наших городов? — Баден взглянул на жреца. — Оно ведь из Лон-Сера, не так ли? — спросил он.

Жрец покраснел.

— Да, — ответил он. — Как и стулья в моей комнате в Храме. Что с того?

— Вы же стульями людей не убиваете! — ответила Сонель.

Жрец, словно предупреждая, поднял палец:

— Никого еще не убили, Магистр! Зарубите это себе на носу!

— Но ведь они говорят правду, не так ли, жрец? — воскликнул один из жителей. — Это ведь то оружие, которым пользуются пришельцы. И вы собирались приказать своим людям обратить его против нас.

— Я не приказывал им обращать это оружие против кого бы то ни было, — повысив голос, заявил жрец. — Эти маги забили вам головы всякой чепухой! — Он указал на вооруженных людей. — Храм нанял их только лишь для того, чтобы защитить лесорубов. Пока не будут мешать вырубке леса на нашей земле, никто не пострадает.

— Опять все возвращается к одному, — сказал Нодин.

Жрец заскрежетал зубами:

— Это наша земля!

— Может быть, — сказал ему Баден. — Но мне кажется, что вы сегодня ни одного дерева не срубите.

Жрец с вызовом поглядел на него:

— Вы собираетесь остановить меня, маг. Я полагаю, вы видели, на что способно это оружие. Вы что, в самом деле думаете, что сможете противостоять мне?

Баден печально улыбнулся:

— Да, жрец. Я был у Отрога Фелана, когда шесть магов Ордена вели бой с тринадцатью пришельцами, которые, я гарантирую, гораздо лучше управлялись с подобным оружием, чем ваши люди. Тогда мы одержали верх, и я не сомневаюсь в том, что мы с женой вместе с этими тремя магами победим вас.

— Мне почему-то кажется, что вы не очень-то нравитесь этим магам, Магистр. Что заставляет вас думать, что они будут сражаться на вашей стороне?

— Против вас и ваших наемников, — выходя вперед и становясь рядом с Баденом и Сонель, вмешался в разговор Нодин, — я бы объединил силы с самим Тероном. — Он подал знак Таммен и третьему магу стать рядом с ним.

Бадену показалось, что жрец смотрел на магов чуть ли не целую вечность. Магистр и вправду считал, что пять магов — это более чем достойный противник для наемников Храма, но у него не было ни малейшего желания проверять это на практике. Слишком много людей было здесь. Кому-то суждено пострадать или быть убитым. И он сам не хотел убивать наемников, хотя они были вооружены и служили жрецу.

К счастью, жрец не больше него хотел осложнять положение.

— Прекрасно, Магистр, — наконец сказал он, выдержав пристальный взгляд Бадена. — Наши деревья постоят еще денек. Если ваш вспыхивающий камень подаст какой-либо знак, вы очень сильно захотите попасть в Амарид. Вы не будете охранять эту рощу вечно.

Баден не дал никакого ответа, и жрец удовлетворенно осклабился. Он взглянул на Нодина и остальных магов, затем повернулся и зашагал по тропинке, ведущей в город.

— Мы будем здесь, жрец! — крикнул Нодин ему вслед. — Если вы захотите срубить эти деревья, вам придется сначала иметь дело с нами.

— Я на это и рассчитывал, маг, — ответил жрец, даже не удосужившись обернуться. Он подал знак, и сразу же лесорубы и охрана строем последовали за ним.

Баден и остальные наблюдали, как жрец со своими людьми возвращается в Храм. И только тогда, когда они скрылись из виду, Баден наконец повернулся к трем магам.

— На этот раз нам повезло, — мрачно сказал он. — Завтра он так легко не сдастся.

— Это наша забота, Магистр, а не ваша, — сказал ему Нодин.

Сонель с негодованием уставилась на него:

— Ты все никак не можешь отнестись к делу серьезно! Баден только что спас тебе жизнь и, вполне возможно, жизнь каждого второго из присутствующих. И теперь ты заявляешь нам, что это не наше дело? Да как ты смеешь!

— Мы не просили вашей помощи! — сказала Таммен. — Мы и раньше имели дело с Храмами без всякого вмешательства Ордена! Мы сегодня и без вас вступили бы с ними в бой!

— А вы раньше сталкивались с подобным оружием? — спросила Сонель. — Вы бы знали, как защитить себя и людей, которые рассчитывают на вашу помощь?

Таммен заколебалась, вызвав улыбку у Магистра.

— Мне показалось, что нет, — сказала Сонель. — Возможно, мы нужны вам больше, чем вы думаете.

— Нам не нужен ни Орден, ни Лига!

— Это не вам решать, — вмешался Баден. — Как и не нам.

Он окинул взглядом жителей и направился к ним. У многих из них был обеспокоенный вид, хотя одна из них, женщина, которая спорила со жрецом, уверенно сделала несколько шагов вперед, встречая его. Она была маленькой и худой, с седыми волосами и темными карими глазами. Ее лицо было испещрено морщинами, что придавало ей суровый вид, и, хотя она улыбнулась Бадену, ее взгляд оставался сдержанным.

— Меня зовут Майра, — сказала она, слегка наклонив голову. — Я возглавляю в Праннай Совет Старейшин.

— А меня — Баден.

— Я со своими людьми благодарна вам за помощь, Магистр, — сказала она. — Тот человек — это новый жрец нашего Храма. Прежний жрец никогда бы такого не устроил.

Баден спокойно кивнул:

— Тобин-Сер меняется. И эти перемены неизбежно сказываются на всех нас.

— Что правда, то правда.

— Но, возможно, действуя вместе, мы смогли бы извлечь из них пользу. Мы можем помочь друг другу привыкнуть к ним.

Майра слабо улыбнулась:

— У нас нет ни малейшего желания привыкать, Магистр. Мы не стремимся к переменам.

Баден уставился на нее, не зная, что сказать.

— Вы считаете нас сумасшедшими?

— Не сумасшедшими, — осторожно ответил Магистр. — Но вся страна...

— Нам плевать, что делают другие, — сказала Майра. — Мы не настолько глупы и не надеемся, что остальной Тобин-Сер перестанет меняться. Но мы собираемся препятствовать этим переменам изо всех сил. Мы видим, как странные товары, изготовленные пришельцами, наводняют нашу страну. Мы слышали разговоры о том, где чеканят монеты для использования по всей стране, словно мы живем в Абборидже. Прямо за воротами нашей деревни мы наталкиваемся на чужестранцев, которые ни слова не говорят на нашем языке. А сейчас мы видели, как жрец нашего Храма угрожал нам оружием пришельцев. Мы не хотим быть частью этого нового мира, который, кажется, разворошил всю страну. Нам не нужно богатство или то, что Лон-Сер считает роскошью и комфортом. Мы просто хотим жить, как мы жили всегда.

Она замолчала, медленно покачивая головой.

— Сегодня вы нас защитили, и за это мы вам благодарны. Но Орден не сделал ничего, чтобы защитить нас от более значительных вторжений в нашу жизнь.

Баден открыл рот, собираясь возразить, но она остановила его, подняв руку.

— Я знаю Магистр, Лига тоже ничего не сделала. Вот почему мы не хотим иметь что-либо общее ни с Орденom, ни с Лигой. — Она жестом указала на Нодина и его спутников. — Свободные маги прислушиваются к нам. Они разделяют наше беспокойство о том, что происходит со страной. И они не действуют, исходя из предположения, что знают нас лучше, чем мы сами. — Она грустно улыбнулась ему. Баден еще раньше заметил, насколько суровы черты ее лица, и теперь он был поражен тем, как улыбка смягчила их.

— Вне всякого сомнения, вы думаете, что мы рассуждаем странно, Магистр. Очень жаль. Кажется, вы и ваша спутница — хорошие люди. Насколько мне известно, вы были среди тех, кто выступал за казнь пришельца, которую Орден долго откладывал много лет назад. Возможно, если бы остальные маги послушались вас тогда, мы бы сейчас не оказались в таком положении.

Баден сначала ничего не ответил. Ведь они с Сонель были практически единственными, кто хотел оставить Барама в живых. Он не раз выступал против казни Барама, считая, что Орден может многое узнать от пришельца, а не лишать его жизни из чувства мести. И когда Орден все-таки проголосовал за казнь Барама, Сонель, бывшая в то время Премудрой, отменила это решение, на что имела право в подобных случаях. Но Баден не видел никакого смысла разубеждать Майру.

— Если бы к нам и прислушались, то сомневаюсь, что это особенно изменило бы что-нибудь, — сказал он. — Я думаю, что некоторые перемены просто неизбежны.

Майра подняла бровь, но ничего не сказала.

— Что касается того, считаю ли я ваши рассуждения странными или нет, — продолжил Баден, — я не в том положении, чтобы судить об этом. Я не в первый раз слышу подобную точку зрения.

— И не в последний, — со всей силой убежденности заявила женщина. — Помяните мои слова, Магистр: Народное Движение растет, как и мощь свободных магов. Орден и Лига игнорируют нас совершенно напрасно. Они рискуют.

Баден сузил глаза:

— Народное Движение?

— Так они сами себя называют, — ответил Нодин.

Баден повернулся и посмотрел на мага:

— Кто?

— Люди здесь и в других городах, которые думают так же, как Майра и ее сторонники.

— Ты говорил с ними? — спросил Баден.

— Да, со многими.

Когда Баден это осознал, его словно громом поразило, и он закивал.

— Как же благоприятно сложились обстоятельства, если ты со своими друзьями оказался здесь в тот момент, когда жители Праннай ссорятся с Храмом. — Он уставился на мага, который не побоялся встретить его взгляд. — Это было просто совпадение или что-то еще?

Нодин молча смотрел на него несколько секунд, а затем отвел взгляд.

— Жители города попросили нас остаться с ними и поддержать их начинание, — ответила Таммен, вступая в разговор. — И я что-то не слышала, чтобы вам или вашей спутнице было сделано такое предложение.

— Сколько времени вы планируете оставаться поблизости? — спросил ее Баден. — До самого конца? Или вы предпочитаете уйти до того, как дело примет крутой оборот?

— Не знаю, на что вы намекаете, Магистр, — сказала Майра, — но у нас не было ни малейшего желания позволить Храму срубить деревья даже до того, как эти маги пришли и рассказали нам об этом Движении. Вы можете считать нас слишком простыми и слабыми, чтобы вступить в бой только лишь собственными силами, но, уверяю вас, храбрости нам не занимать! И раз Орден и Лига оказались способными манипулировать народом Тобин-Сера, это не значит, что свободные маги тоже в этом повинны!

Баден вздохнул и взглянул на Сонель. Она смотрела на него, и боль была заметна в ее зеленых глазах.

— Уверяю вас, Майра, я не хотел вас обидеть.

Майра с сомнением взглянула на него:

— Возможно, и нет, но я все-таки думаю, что вам с вашей спутницей следует уйти. В нескольких милях к востоку есть город Ордена. Вы успеете добраться туда до наступления ночи и особо не удлините свой путь. Уверена, они будут счастливы снабдить вас провизией, которая вам необходима. — После этих слов она отвернулась и присоединилась к остальным горожанам.

Баден в очередной раз повернулся к свободным магам. Они уже снова смотрели на него с самонадеянным видом.

— Пойдем, — сказал он Сонель.

Он направился обратно по тропинке, которая вела к прорубленной дороге. Сонель зашагала рядом с ним. Однако через несколько шагов он остановился и оглянулся на Нодина. Тот все еще наблюдал за ним, как и остальные.

— У них мощное оружие, — сказал Баден. — Энергетический щит может отразить его огонь. Но берегите свои силы; используйте щит, только когда он действительно необходим. Ведь оружие не устает.

Нодин несколько секунд пристально смотрел на него, словно не зная, что отвечать. Затем, наконец, кивнул.

— Спасибо, — сказал он.

Баден и Сонель продолжили путь молча, пока не вернулись на прорубленную дорогу и не отошли на несколько миль от Праннай.

— Из-за этих магов горожан могут убить, — сказал наконец Баден с отвращением.

— Ты думаешь, Майра и остальные должны просто так позволить Храму вырубить деревья?

Он коротко взглянул на нее:

— Нет. Но я не уверен, что деревья дороже, чем жизни людей.

Сонель пожала плечами.

— Это решать не тебе.

— Разве? — спросил Баден. — Я могу защитить их. Мы можем защитить их. Именно это мы и должны делать, верно? «Я буду служить народу нашей страны, — стал он цитировать клятву, которую давал каждый член Ордена, получая свой плащ. — Я буду использовать свои силы, чтобы помогать людям и поддерживать их в трудную минуту».

— Ты не можешь защищать тех, кто не хочет, чтобы их защищали, Баден, — мягко сказала Сонель. — Мы можем предложить свои услуги, но, если нам говорят нет, нужно с этим смириться.

Внезапно ему стало холодно, хотя погода была спокойной и солнечный свет проникал сквозь голые ветви деревьев.

— Когда же это все произошло, Сонель? Люди ненавидят нас так сильно, что скорее предпочтут умереть, чем принять нашу помощь, как же так?

— Не знаю, — тихо ответила она. — Но боги послали нам Орлиного Магистра, значит, они все-таки считают, что мы еще можем сыграть свою роль в защите страны.

Баден кивнул и взял ее за руку. Она улыбнулась, и оба продолжили путь к Амариду. Он знал, что она права. Появление орла Джарида имело двойное значение: оно предвещало войну, но в то же время давало понять, что Орден все еще является стражем Тобин-Сера.

Или это означало?.. Была еще одна возможность, неожиданно понял он, которая ужасала его больше всего на свете, сильнее даже, чем перспектива войны с Лон-Сером.

4

Продолжаю удивляться переменам, которые произошли в Брагор-Нале за последние семь лет. Постоянная война между лордами и изгоями, которая когда-то грозила ввергнуть весь Ноль в хаос, сейчас почти прекратилась. Перестрелки все еще случаются время от времени, и убийства продолжают уносить жизни нескольких лордов ежегодно. Но я ясно дала понять своим оверлордам, что не потерплю подобного, и они сообщили об этом своим подчиненным. Прогресс, как я им сказала, будет основываться на достижениях в промышленности и поддержании порядка в Нале. Тот, кто хотя бы раз прибегнет к насилию, будет наказан; а тот, кто снова и снова будет обращаться к нему, будет лишен власти и заключен в тюрьму...

Как я уже говорила, я изложила свою позицию по этому вопросу совершенно ясно, и мои подчиненные, кажется, приняли это близко к сердцу, но с одним большим исключением: хотя они прекратили попытки убить друг друга, некоторые среди них — мне еще предстоит узнать, кто именно, — удвоили свои усилия, чтобы убить меня.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 4, неделя 8 зима, год 3067*

Звук взрыва заставил Мелиор неожиданно проснуться, сердце ее судорожно колотилось, а в ушах звенело. На какой-то момент она с ужасом подумала, что ей снова одиннадцать лет и она просыпается в маленькой спальне своего детства, разбуженная взрывом, который унес жизнь ее отца. Но воспоминания быстро иссякли. Мелиор поняла, что находится в своей комнате в Золотом Дворце Брагор-Наля и эта бомба предназначалась ей.

На деревянном полу и атласных покрывалах ее кровати валялись осколки стекла, а из разбитых окон стал струиться едкий и густой дым, смешанный с холодным воздухом позднего зимнего утра. Она слышала, как на улице под ее окном кричат люди. Люди Джибба. Она, возможно, слышала даже самого Джибба. Из-за шума в ушах она не была уверена.

Она посмотрела, не ранена ли, и ничего страшного не обнаружила, хотя чувствовала,

как по щеке что-то течет. Она дотронулась до нее, а затем взглянула на руку. Кровь. Возможно, ее порезал попавший в нее осколок стекла.

— Ублюдки! — сказала она, выскакивая из постели и набрасывая на плечи шелковый халат. Затем подошла к зеркалу, висевшему на противоположной стене, которое слетело с одной из петель, но все-таки выдержало взрыв, и осмотрела порез на щеке. Ничего страшного, царапина с подтеком крови. Но она была в ярости. — Ублюдки! — снова сказала она. Она попыталась перевести дух и поняла, что ее трясет.

В дверь постучали.

— Войдите! — произнесла она, пряча трясущиеся руки в карманы.

Дверь открылась, и вошел Джибб. Мелиор все еще не привыкла к его строгой голубой форме Правительственной Службы Безопасности, хотя он возглавлял эту службу почти семь лет. Она по-прежнему считала его изгоем, так же как и себя — лордом, а не Правительницей и Хранительницей Камня. Этому способствовало и то, что он выглядел почти так же, как и более десяти лет назад, когда она впервые встретила его на заставе в Четвертом квартале Брагор-Наля. Он по-прежнему был мощного телосложения и двигался грациозно. Его лохматые волосы так и остались темными, а седина, начавшая появляться в ее собственных янтарного цвета завитках, не тронула его шевелюры, и лицо у него, как и раньше, было круглым и выглядело молодо. Он стал более сдержанным, чем раньше, и, возможно, чуть осторожнее. Но это было вызвано не только течением времени, но и изменениями в их отношениях. В остальном он остался прежним, за исключением того, что теперь он лично отвечал не только за ее безопасность, но и за поддержание порядка на всей территории Наля.

— Правительница! — воскликнул он, быстро заходя в покои и глядя на постель. Он остановился, увидев, что ее там нет, и быстро осмотрел помещение. Когда он наконец ее обнаружил, у него широко раскрылись глаза. — Вы ранены! — взволнованно сказал он, подходя к ней.

Она нахмурилась:

— Кажется, нет. Джибб, докладывай. Что случилось?

— Нужно вызвать врача, — настаивал он. — У вас кровь идет.

Она засмеялась, хотя по-прежнему держала руки в карманах, и ей пришлось сделать усилие, чтобы сдержать внезапную дрожь, пробежавшую по спине. Сколько покушений может вынести человек?

— Все в порядке, Джибб. Уверяю тебя. Сообщи мне, что случилось.

Он еще мгновение пристально смотрел на нее, затем медленно покачал головой, и на лице у него появилось выражение покорности, которое она так хорошо знала. Несколько лет назад она стала бы поддразнивать его, говоря, что, если бы его работа была слишком легка, он бы ушел от нее из-за скуки. Такова была природа их дружбы.

Но все это изменилось несколько лет назад, когда Джибб наконец признался, что влюблен в нее, и попросил ее выйти за него замуж. В тот момент они шагали по парку Золотого Дворца, наслаждаясь легким прохладным ветерком и ранним осенним вечером. Сначала она решила, что он шутит, но, когда ее легкомысленный ответ не вызвал ничего, кроме молчания и боли в его темных глазах, она поняла свою ошибку. Борясь с внезапно охватившей ее паникой, она попыталась объяснить, что не любит его как мужчину и сомневается, что когда-либо полюбит.

— Ты мой самый близкий друг, — сказала она ему. — На большие чувства я не способна.

Джибба тем не менее переубедить не удалось. Он пытался уверить ее в том, что со временем ее чувства, возможно, изменятся. В конце концов ей ничего другого не оставалось, как сказать ему то, что расстроит его еще больше, но решит эту проблему.

— Я не могу любить тебя, — наконец сказала она, с удивлением заметив, что плачет, — потому что я люблю другого. Я люблю Орриса.

Джибб долго смотрел на нее, храня молчание и не двигаясь. Наконец он откланялся и ушел.

Мелиор боялась, что вслед за этим разговором он сложит с себя обязанности начальника ПСБ. Но на следующее утро он был на своем рабочем месте, занимаясь вопросами ее безопасности и отправляя группу людей разобраться с последствиями перестрелки в Семнадцатом квартале. Больше они не возвращались к этому разговору. Мелиор как-то попыталась, но Джибб дал ясно понять, что не склонен об этом говорить. И они стали притворяться, что ничего не изменилось.

Тем не менее их дружба с тех пор перестала быть прежней. Их разговоры неожиданно сделались затруднительными и напряженными. Раньше Мелиор свободно говорила с ним почти обо всем и шутила, ни на секунду не задумываясь, а теперь она следила за каждым словом из страха задеть его чувства или, хуже того, заставить думать, что готова согласиться на его предложение. Его готовность остаться на посту главы ПСБ принесла ей большое облегчение, но она знала, что бывшая непринужденность их дружеских отношений исчезла навсегда. Она видела его каждый день и все-таки скучала по нему прежнему так же, как по своему отцу.

Время от времени, когда они разрабатывали меры по обеспечению безопасности или обсуждали стратегию предстоящей встречи с Советом Правителей, Мелиор почти удавалось убедить себя, что их отношения сделались такими же, какими были много лет назад, когда они действовали в уличной среде Четвертого квартала. Но сейчас, когда она стояла среди осколков стекла, валяющихся на полу ее комнаты, и дым ел глаза, ей казалось, что пропасть, разделяющая их, была так же широка и глубока, как море Арика.

— Бомба была приведена в действие вручную, — сказал Джибб монотонным голосом, — очевидно, кем-то, одетым в форму ПСБ. Он добрался до ступеней у входа во дворец, прежде чем мои люди заметили его. Они застрелили его, но ему удалось произвести взрыв.

Мелиор кивнула. Эта тактика была старой, но эффективной. Дать убийце одурманивающее вещество, спрятать взрывчатку под одеждой, пригодной для маскировки, и послать несчастного дурака на смерть, надеясь, что ему удастся прихватить с собою того, кого нужно убрать. Седрика — оверлорда первого доминиона Брагор-Наля — едва не убили подобным образом, и шрамы от покушения сохранились у него на всю жизнь. Только за последний год Мелиор перенесла четыре подобных покушения. «Теперь уже пять», — сказала она себе, снова замечая порез на щеке и дрожь в руках.

Они с Джиббом понятия не имели, кто стоял за всеми этими посягательствами на ее жизнь. После первого покушения они получили сообщения, что ответственность за это несет Энрек, один из оверлордов Мелиор. Он признался в этом после допроса людьми Джибба и был брошен в тюрьму. Но нападения продолжались; Джибб знал, что все четыре убийцы пользовались взрывчаткой одного типа и в одной и той же оболочке. Это в сочетании со сходной тактикой убедило Джибба и Мелиор в том, что все они были посланы одним и тем же человеком. После последнего покушения Джибб допросил Энрека второй раз, но, хотя оверлорд признался в том, что получал указания и золото в количестве более чем достаточном, он также заявил, что все доходило до него через посредников. Джибб использовал все методы, имеющиеся в его распоряжении, — даже сейчас Мелиор не могла не содрогаться от мысли о том, что это значило, — чтобы заставить Энрека назвать того, кто стоит за ним, но оверлорд ничего не сказал.

— Он не слишком хорошо переносит боль, — сказал ей Джибб в тот момент. — Поэтому, я думаю, он и вправду не знает.

«Кто бы это мог быть?» — спросила себя Мелиор уже не в первый раз за прошедший год. У нее не было недостатка во врагах, она знала это. Мельком взглянув на свой посох, на котором сверкал красный камень, она грустно улыбнулась. В качестве Правительницы она была естественной мишенью для убийства. Несмотря на все реформы, которые она провела в Брагор-Нале, ей не удалось изменить одного фактора, присущего системе правления в Нале: мир и стабильность склонны ограничивать возможность прогресса. Насилие в Нале, которое Мелиор с Джиббом пытались обуздать, имело и практическую подоплеку. Изгоем оно давало

возможность стать лордами, а тем в свою очередь оверлордами. И если бы насилью удалось унести жизнь Правительницы, как то случилось семь лет назад, когда Седрик убил Правителя Дарелла, это отразилось бы на всей системе и создало благоприятные возможности к продвижению нескольких удачливых людей на всех уровнях иерархии Наля.

Но Мелиор считала, что в этом не единственная причина повторяющихся покушений на нее. Ведь она не просто Правительница Брагор-Наля. Она также являлась Хранительницей Камня и первым гилдрином в истории Наля, который не только не скрывает своего происхождения, но и обладает огромной властью, а не просто занимает Золотой Дворец. Из-за Дара прозрения — способности предсказывать будущее — людей, принадлежащих к ее сословию, преследовали тысячу лет. И будучи самым выдающимся и могущественным гилдрином во всем Лон-Сере, Мелиор не могла не стать мишенью из-за страха и ненависти, которую вызывали гилдрины.

— С вами точно все в порядке? — спросил Джибб, внимательно глядя на нее.

Ей удалось улыбнуться:

— Да, спасибо тебе.

— Мы выясним, кто за этим стоит, Правительница, — уверенно сказал он, выдержав ее взгляд. — Даю вам слово. Я уже поручил Премелю заняться этим, а так как данное покушение обросло дополнительными уликами, он очень скоро что-нибудь сыщет.

— Я ни на мгновение в этом не сомневаюсь, — ответила Мелиор.

— Но вас что-то беспокоит.

Она улыбнулась, не обращая внимания на вновь охватившую ее дрожь.

— Случившееся — не самый приятный способ будить меня по утрам.

— Конечно, Правительница. — Он смотрел в сторону. — Вам, наверное, нужно побыть одной. Я пойду.

Она покачала головой:

— Я не это имела в виду, Джибб...

— Все в порядке. Мне в любом случае надо проверить, как идет следствие. Я не хочу, чтобы было упущено что-нибудь из того, что может помочь Премелю.

Мелиор, еще раз переводя дух, кивнула.

— Дайте нам знать, если вам что-нибудь понадобится, Правительница.

«Правительница. Называй меня Мелиор! — хотелось сказать ей. — Ты же мой лучший друг!» Вместо этого она кивнула еще раз:

— Хорошо.

Он повернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Мелиор вытащила руки из карманов и провела ими по волосам. Дым немного рассеялся, и оставалась лишь небольшая серая дымка, но ее комната походила на помещение бара в кваде после перестрелки. Для того чтобы прибрать здесь и вставить стекла, понадобится почти целый день. Это, конечно, ее не беспокоило; у любой Правительницы имеются на то слуги. Но это означало, что ее комната и кабинет, примыкающий к ней, который, как она видела, тоже был поврежден, будут недоступны ей до самого вечера.

Она подошла к маленькой раковине у кровати, стерла осколки с ее края и плеснула себе в лицо холодной водой. От воды порез жег сильнее, но благодаря этому она стала чувствовать себя бодрее настолько, что приняла внезапно решение. Сняв халат, она быстро оделась и натянула сапоги. От Правителей Брагор-Наля ожидалось, что они будут носить платье золотого цвета; это так же свидетельствовало о занимаемом положении, как и сам дворец. Но Мелиор никогда не чувствовала себя удобно в чем-либо, кроме своих свободного кроя черных брюк и блузки цвета слоновой кости, и она продолжала носить их вместе с лучементом на ремне у бедра даже на собрание Совета Правителей. Марар, лидер Стиб-Наля, малозначительного южного соседа Брагор-Наля, совершенно ясно дал понять, что находит ее одеяние оскорбительным. Даже Правительница Уэрелла-Наля Шивонн, которая сыграла такую важную роль в событиях, приведших к противостоянию Мелиор и Орриса с Седриком, часто говорила с серьезностью, проступавшей, несмотря на улыбку, что Мелиор

походит на лорда, а не на Правительницу.

Мелиор, конечно, дела не было до того, что собратья Правители думают о ее наряде. Ведь она — гилдрин и Хранительница; она обязана выглядеть иначе, чем другие Правители. Но самое главное, она правила Налем, знаменитым своими изгоями и перестрелками. Не к лицу первой за всю его историю женщине-Правительнице прятать лучемер и одеваться в красивое платье.

И теперь, пристегнув лучемер и взяв посох, Мелиор вышла из спальни и прошла к лестнице, которая вела на улицу, где Джибб со своими людьми изучал повреждения, вызванные взрывом. Мраморные ступени, ведущие к входу во дворец, раньше были позолочены, а теперь почернели и были завалены стеклом и прочим мусором. Большинство из них были сильно повреждены, и их с трудом можно было отремонтировать, а вторая, третья и четвертая снизу полностью разрушены. Позолоченный фасад дворца также почернел и был весь в выбоинах, из которых торчали зазубренные обломки мрамора.

Около дюжины людей Джибба лежали на земле возле входа, их голубая форма была окровавлена. Нескольких уже перевязали, в то время как за остальными все еще ухаживали врачи. Трех накрыли белыми простынями, и Мелиор видела лишь черные сапоги и темно-красные ручейки крови. От убийцы, казалось, вообще ничего не осталось.

Те люди Джибба, которые остались невредимыми после нападения, искали на земле перед дворцом осколки бомбы или что-нибудь, что могло бы дать хоть какую-нибудь информацию об убийце. Некоторые из них осторожно извлекали обломки из стены дворца. Джибб стоял внизу у первой ступени того, что осталось от лестницы, тихо разговаривая с Премелем. Если Мелиор трудно было представить Джибба на посту главы ПСБ, то еще страннее было видеть Премеля в качестве заместителя командира подразделения Службы Безопасности. С гладко выбритой головой и золотым кольцом в ухе, он все еще очень походил на изгоя, даже в голубой форме. Несмотря на бойню, представшую перед ее глазами, она не смогла сдержать улыбки. Иногда ей казалось, что все они были просто детьми, притворяющимися Правителями и солдатами.

— Правительница! — с удивлением воскликнул Джибб, заметив ее в дверях. — Вам что-нибудь нужно?

— Нет. Я просто собралась помочь вам.

Он сузил глаза:

— Что вы имеете в виду?

— Ведь я была неплохим лордом, помнишь?

— Конечно. Но...

Она стала спускаться, легко перепрыгивая те ступеньки, которые были слишком повреждены и не могли бы выдержать ее. Она остановилась перед ним и спокойно встретила его взгляд.

— Я, может, и Правительница, — произнесла она со спокойной настойчивостью, — но это не значит, что я не в состоянии изучать обломки или заниматься еще чем-нибудь, что делаешь ты или твои люди.

— Я знаю, — ответил Джибб, также понижая голос. — Но это означает, что вы представляете собой еще более легкую мишень, чем раньше. И кто знает, нет ли поблизости второго убийцы.

Она улыбнулась:

— Ты прав. Хорошо, когда глава ПСБ рядом.

Джибб покачал головой:

— Не вижу в сказанном ничего смешного, Правительница.

— Да, конечно, это несмешно, — согласилась Мелиор, и ее улыбка угасла, когда она стала осматривать жуткое побоище вокруг. — Сегодня кто-то убил троих моих людей, и я хочу знать почему. — Она снова посмотрела на Джибба. — А что касается остального, я все еще лучше управляюсь с кинжалом или лучемером, чем любой другой из присутствующих. Включая тебя, Джибб. Никогда об этом не забывай.

Он широко улыбнулся, причем такой улыбкой, какой она не видела уже много лет.

— Я и не забывал. Рад, что и вы помните.

Она нахмурилась, не зная точно, что он имеет в виду.

— Пойдемте со мной, — сказал он, показывая на кучку мусора, которая валялась неподалеку от входа во дворец. — Позвольте мне показать то, что мы уже нашли.

Они присели на корточки и начали рассматривать почерневшие обломки камней, кожуха и металла. Мгновением позже к ним присоединился Премель.

— Мы нашли примерно то же, что находили в последние четыре раза, — сказал ей Джибб, внимательно рассматривая кусок металла в течение нескольких секунд и затем небрежно бросая его обратно в остальной мусор.

Мелиор грустно улыбнулась:

— Иначе говоря, ничего.

Глава Службы Безопасности кивнул ей:

— То же самое было каждый раз.

Премель громко фыркнул. Через секунду Мелиор поняла, что он смеется. Но когда она взглянула на лысого мужчину, то не увидела особой радости в его бледных глазах.

— Это хуже, чем ничего, — сказал Премель. — Похоже, они над нами насмеются.

— Так, значит, ты согласен с Джиббом, — сказала Мелиор. — Все бомбы были посланы одним и тем же человеком.

Он на минуту задумался.

— Или людьми, — поправил он. Но затем кивнул. — Да, я согласен.

— Ну, это уже кое-что. — Она снова повернулась к Джиббу. — Так что же мы о них знаем?

— Немного. Едва ли осталось что-нибудь, на что можно было бы посмотреть. Несколько кусков кожуха бомбы, кое-что из одежды убийцы. Они делают хорошие бомбы и с радостью пожертвуют несколькими людьми, чтобы убить вас. Но помимо этого... — Он замолчал.

— Вы ничего не узнали по кожуху или одежде?

— Пока еще нет. Но этот взрыв, возможно, даст нам кое-что.

— В смысле?

Он поднял еще один обломок из кучи мусора и протянул его ей. Он был черным, с неровными краями и чуть больше, чем ее ладонь.

— Вы, возможно, не поверите, но это самый большой обломок из тех, что мы находили после всех этих взрывов.

Мелиор перевернула обломок и, не увидев ничего особенного на другой стороне, вернула его Джиббу.

— Нелегко будет продолжать следствие, основываясь на этом осколке.

— Да, но есть несколько других обломков, которые почти такого же размера, как этот. Очевидно, эту бомбу делали не так тщательно, как остальные. Возможно, мы найдем еще что-нибудь.

— А если нет? — спросил Премель.

Все трое встали, но прежде чем Джибб или Мелиор успели ответить, один из людей, осматривающих фасад дворца, взволнованно окликнул Джибба. Он держал что-то в руке и, спустившись бегом по лестнице, устремился к ним.

— В чем дело? — спросил Джибб.

Тот широко улыбнулся:

— Кажется, это детонатор.

Затем он протянул руку, и Джибб поспешно схватил протянутый предмет. Начальник службы безопасности несколько секунд разглядывал его, прежде чем снова взглянуть на солдата.

— Молодец, — сказал он.

Тот улыбнулся еще шире.

— Спасибо, сэр. — Он развернулся и поспешил обратно к дворцу.

— Ну? — спросила Мелиор.

Здоровяк снова стал разглядывать предмет:

— Он прав. Это детонатор. — Затем он передал его Мелиор. — Взгляните, — мрачно сказал он.

Это был маленький металлический цилиндр с отверстиями на одной стороне, почерневший, как и прочие обломки. Два отверстия были просверлены с одного из концов цилиндра, возможно, для проводов, ведущих к взрывчатке. Однако этот кусок металла рассказал Мелиор все, что ей нужно было знать о ее предполагаемом убийце.

Она не была специалистом по взрывным устройствам. Даже в молодости, когда ей приходилось убивать довольно часто, она предпочитала точность лучемета и кинжала непредсказуемости взрывчатки. Но жизнь в квадах требовала, чтобы она знала кое-что и о бомбах. Подчас возможность выжить зависела от ее способности обезвредить бомбу с часовым механизмом. Поэтому она знала, что большинство детонаторов на взрывных устройствах, используемых изгоями и лордами, были гораздо грубее, чем тот, который она держала в руках. Человек, пытавшийся убить ее сегодняшним утром, был послан кем-то, кто мог снабдить его весьма совершенным устройством.

Но это было второстепенной деталью. У бомб, изготовленных в Брагор-Нале, были квадратные детонаторы. У всех. Этого требовали условия Прокламации, подписанной Правителями трех Налей Лон-Сера в 2899 году. От всех Налей требовалось стандартизировать определенные компоненты своих ведущих товаров. Это условие предназначалось для регулирования экспорта ведущих товаров, давая возможность отследить источник каждой единицы товара. Декларация включала перечень необходимых деталей для автомобилей, станков, говорящих экранов и прочих предметов повседневного обихода и, конечно, оружия. Включая детонаторы.

— Что скажете? — спросил Джибб, внимательно наблюдая за ней.

Мелиор перевела дух:

— Это было сделано не в Брагор-Нале.

— Да, — согласился он.

Мгновение она пристально глядела на него, а затем, вернув ему детонатор, повернулась на каблуках и направилась ко дворцу.

— Куда вы? — крикнул ей вслед Джибб.

— К себе в кабинет! — не останавливаясь, бросила она через плечо. — Мне нужно поговорить с Шивонн!

— Доброе утро, Правительница! — воскликнул один из рабочих, когда Шивонн показалась на низкой террасе, выходящей на пустые цветочные клумбы и любимые ею живые изгороди.

Она помахала рукой и улыбнулась, ее темно-красное платье и светлые волосы развевались от легкого ветерка. Еще несколько мужчин и женщин поприветствовали ее, она помахала и им.

Было еще холодно. Она знала, что, если они переставят цветы из теплицы в сад сегодня, они рискуют потерять их. Но хватка зимы ослабевала, и ей не терпелось увидеть, как цветы распускаются под Уэрелланским солнцем. Кроме того, она всегда следовала зову чувств, когда речь шла о садах. За все время, которое она была Правительницей, она не потеряла на морозе ни одного бутона.

Она спустилась по лестнице, которая вела от террасы к саду, и стала бродить по извилистым тропинкам, обозначенным хорошо ухоженными живыми изгородями.

Во многих отношениях ее жизнь с тех пор, как она стала Правительницей, утратила новизну: изоляция, постоянное заискивание подчиненных, пышность церемоний, которые больше не представляли для нее интереса. Она стала нетерпеливой из-за вечно усиливающихся раздоров среди своих легатов. Конечно, она понимала: все они мечтают

когда-нибудь стать Правителями, а она стареет. Но она устала от их честолюбия и была напугана жесточенностью их соперничества.

Даже собрания Совета Правителей, которые она посещала с интересом и энтузиазмом, когда Мелиор стала лидером Брагор-Наля, снова наскучили ей. Марар, Правитель Стиб-Наля, проявлял мало интереса к привнесению в Лон-Сер подлинных перемен, а Мелиор, несмотря на свои добрые намерения и сообразительность, должна была еще многое узнать о том, как управлять Налем и строить отношения с его соседями.

Она знала, что в этом заключается благоприятная возможность для Уэрелла-Наля. Стиб-Наль оставался слабым, а лидеру Брагор-Наля не доставало опыта. Десять лет назад более молодая Шивонн изыскала бы способ воспользоваться подобным обстоятельством, а теперь это могли сделать Вирсия или кто-нибудь другой из легатов. Но нынешняя, постаревшая Шивонн, слегка дрожавшая в своем темно-красном платье, была утомлена, а со смертью Дарелла ушла угроза войны, так что больше не было вызова, который стимулировал ее раньше.

Единственное, к чему она еще испытывала интерес, — это сад. Здесь она могла действовать, смело заполняя цветочные клумбы, словно бросая вызов зиме. Тут было ее поле боя, а рабочие служили ее солдатами.

Сейчас она шла среди них, заглядывая им через плечо, иногда давая совет или указание. Многих из них она знала не первый год. Старый Тиран был здесь дольше нее, а Крид, Лиретт и Аффрен появились здесь вскоре после ее вступления в должность. Некоторые были наняты позднее, и хотя их имена были ей неизвестны, она знала их в лицо. И как бывало почти каждый год, среди них попало ей новое лицо — женщина, которой она раньше не видела, и сейчас та направлялась к ней. Новеньким всегда нравилось знакомиться с ней.

— Правительница! — Она обернулась и увидела, как Лиретт делает ей знак подойти и взглянуть на что-то. Шивонн кивнула и направилась в ее сторону. Новенькой придется подождать.

— Да, Лиретт, — сказала Шивонн, подойдя к тучной женщине, которая копалась в большой цветочной клумбе. — Что-нибудь случилось?

— Конечно, случилось, Правительница! — ответила Лиретт, и голубые глаза ее засверкали, когда она положила мотыгу. — У них лобелия и гибискус посажены рядом! Дело не в том, что они по цвету друг другу не подходят. Но гибискус слишком высокий! К середине лета он будет отбрасывать на лобелию такую тень — ого-го!

Шивонн сдержала улыбку. Лиретт никогда не стеснялась в выражении своих чувств, и, хотя она с почтением относилась к положению, занимаемому Шивонн, своим поведением она всегда подчеркивала: сад был ее владением.

— Я понимаю тебя, Лиретт, — ответила Шивонн с подобающей серьезностью. — Вноси любые изменения, которые сочтешь необходимыми.

Та улыбнулась:

— Благодарю вас, Правительница.

Шивонн кивнула и продолжила прогулку. Затем, вспомнив о новой женщине, она остановилась и стала осматривать сад в поисках ее.

Но прежде чем найти новенькую, она услышала, как кто-то еще зовет ее. Тяжело вздохнув, она повернулась к террасе и увидела одного из охранников, который звал ее во дворец.

— В чем дело? — нетерпеливо воскликнула она.

— Ваш говорящий экран, Правительница! — ответил тот, — С вами желает говорить Мелиор!

Шивонн сделала кислое лицо.

— Ну, прекрасно.

Она повернулась, чтобы пойти к террасе по самой короткой дорожке, и чуть не столкнулась с одной из работниц. Мгновением позже она поняла, что это новая женщина.

— Ах, здравствуйте, — как можно любезнее сказала Шивонн. Затем она попыталась обойти ее. — Боюсь, наше знакомство будет...

Шивонн остановилась, с изумлением глядя в глаза женщины. Ее зрачки были огромными, и оставляли лишь тоненькое колечко светло-серого цвета вокруг бездонной черноты.

«Она одурманена», — поняла Правительница, и страх охватил ее сердце. Она попыталась отступить, внезапно осознав с поразительной ясностью, зачем пришла эта женщина, но позади оказалась изгородь.

Никто ничего не заметил. Ей предстояло умереть, хотя ее крик слышала бы дюжина рабочих и целая бригада охраны, потому что никто из них не успеет ей помочь.

— За что? — чуть ли не шепотом спросила она.

Но она знала, что женщина не сможет ответить.

А та слегка подняла руку, и Шивонн увидела, как утреннее солнце сверкнуло на металле квадратного детонатора. Правительница открыла рот, чтобы закричать, но прежде чем она успела это сделать, убийца шевельнула большим пальцем.

5

Я никогда не скрывал своих чувств к Лиге. Кроме того, я уверен, что ты была бы счастлива, если бы не прочитала больше ни слова об этой организации и ее членах. Мне трудно простить любого из них за тот вред, который они причинили мне, и даже еще труднее из-за того, что они сделали с Волшебной Силой. Ты, конечно, это знаешь. Обо всем этом я уже писал.

Поэтому может показаться удивительным, что есть некий член Лиги, к которому я не испытываю враждебности и чей отказ от вступления в Орден не могу считать ошибкой. Несомненно, ты удивишься еще больше, узнав, что этот человек считается одним из лидеров Лиги. Насколько мне известно, эта женщина — одна из тех, которые санкционировали покушения на мою жизнь. Однако, даже если бы это точно было известно, это не имело бы никакого значения...

Ее зовут Кайлин, и она так пострадала от рук пришельцев, когда была всего лишь ребенком, что я с трудом понимаю, как ей удалось дожить до зрелых лет. То, что она возлагает на Орден ответственность за неспособность защитить ее, кажется совершенно справедливым и убеждает меня в том, что, пока она служит Лиге, не важно в каком качестве, между двумя нашими организациями не произойдет примирения.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
зима, год 4633*

Кайлин снова вытерла глаза и с извиняющимся видом улыбнулась Линвен.

— Прости, Верховная Жрица, — сказала она все еще нетвердым голосом. — Это все столь непривычно для меня. Каждый раз, когда я начинаю говорить об этом, я чувствую себя так, словно потеряла его еще раз. — Она сглотнула, сдерживая новый поток слез. Прошло почти уже две недели со смерти Маркрана; чувство огромной пустоты в ее груди казалось ей теперь таким же знакомым, как присутствие маленького ястреба в ее сознании еще совсем недавно. И все-таки каждый раз, когда она говорила о его смерти, которую он принял спокойно во время сна, она снова чувствовала боль от его утраты, такую же сильную и изнуряющую, как в первый день.

Линвен стояла у окна в своей тускло освещенной комнате, ее грузная фигура казалась почти черной на фоне еще одного серебристо-серого дождливого дня. Но теперь она подошла к сидящей Кайлин и положила руку на голову девушки.

— Не нужно извиняться, дитя, — мягко сказала она. — Мне жаль, что я ничем не могу помочь тебе. Могу лишь сказать, что быть Неприкайнным — это обычное дело для мага, но,

похоже, тебе от этого не легче. Она поставила маленький деревянный стул рядом со стулом Кайлин и села на него. — Разве в Лиге нет человека, который мог бы помочь тебе? — спросила она. — Такого, кто уже проходил через это.

Кайлин пожала плечами.

— Думаю, лишь с несколькими я могла бы поговорить, — ответила она без особого энтузиазма. — Большинство из них боятся меня.

— Боятся тебя? — повторила Линвен, задыхаясь от смеха. — Они, наверное, плохо тебя знают.

Кайлин посмотрела на нее и широко улыбнулась. Линвен сильно постарела за последние годы, в особенности с тех пор, как перестала руководить Храмом более двух лет назад. Теперь ее волосы были седыми, а когда-то круглые щеки выглядели впалыми и были испещрены морщинами. И хотя Линвен все еще была крупной женщиной, она казалась какой-то хилой, как будто ее серебристо-серый халат был натянут почти на одну кожу да кости. Недавно Кайлин стала бояться, что Верховная Жрица, возможно, больна. Тем не менее хоть было заметно, что она слабела, ее голубые глаза оставались такими же яркими и острыми, как всегда. Они искрились от света из окна и вспыхивающих золотых отблесков церилла Кайлин.

— Ты, возможно, не считаешь меня страшной, Верховная Жрица, — сказала она, величая Линвен ее прежним титулом из уважения к ней. — Но маги Лиги, особенно более молодые... — Она запнулась, чувствуя, что начинает краснеть.

— Мешает легенда о твоём детстве? — рискнула продолжить ее мысль Линвен.

Кайлин робко кивнула:

— Да. Я не то, что хотела, чтобы со мной обращались проще, но вот во что я превратилась. — Она отбросила длинные каштановые волосы назад и пожала плечами. — Так или иначе, — сказала она Верховной Жрице, — я уверена, что в Лиге есть те, которые бы охотно помогли мне, но нет никого, к кому бы мне удобно было обратиться.

— Я думаю, что твои связи с Храмом мало помогут в этом отношении.

Кайлин засмеялась. Лига и Храмы были союзниками недолгое время после того, как Первый Магистр Эрланд основал Лигу семь лет назад, но трения между ними, проявившиеся в последние годы, стали почти такими же сильными, как между Детьми Богов и Орденом.

— Впрочем, проблем гораздо меньше, чем ты ожидала, — сказала она. — Будучи воплощенной легендой, я обладаю определенными преимуществами.

— Рада это слышать, — ответила Линвен с улыбкой. — Мне была бы ненавистна мысль о том, что наша дружба может помешать тебе стать Первым Магистром, когда ты будешь связана с совой.

— С каких это пор ты вынашиваешь столь честолюбивые замыслы относительно меня? — спросила Кайлин, не обращая внимания на внезапную острую боль в сердце. Ей все еще внушала трепет мысль о связи с любой другой птицей после ее любимого Маркрана.

Верховная Жрица загадочно улыбнулась:

— Ну а как Эрланд? Может он чем-нибудь тебе помочь?

Девушка улыбнулась:

— Он тебе никогда не нравился, правда?

— Не знаю, о чем ты говоришь, — стала отпираться Линвен, и ее глаза стали большими от напускной наивности. — Я лишь задала простой вопрос.

— В самом деле?

Линвен издала короткий смешок и снова подошла к окну.

— Это не важно, дитя, — сказала она неожиданно мягким тоном. — Мне просто интересно, может ли он тебе помочь.

Кайлин тоже встала:

— Посмотри на меня, Линвен.

Линвен повернулась.

— Посмотри на меня, — повторила Кайлин.

Она наблюдала за лицом старой женщины, видя, как взгляд ее светлых глаз смягчался, пока та оглядывала ее с головы до ног.

— Я больше не ребенок. Я даже не уверена, что когда-то я была им. После Каэры я уж точно не была ребенком. Но дело в том, что теперь я выросла. Мне восемнадцать лет. Если бы я была обычной женщиной, а не магом, я бы уже вышла замуж, и, возможно, у меня были бы дети. Но все обращаются со мной так, как будто я маленькая сирота, которая уцелела после нашествия пришельцев и завела себе красивого ястреба.

Линвен нахмурилась:

— Когда я называю тебя дитя, я...

— Мне все равно, как ты меня называешь, Верховная Жрица, — прервала ее Кайлин, качая головой. — Но как я могу убедить Лигу воспринимать меня всерьез в качестве одного из своих лидеров, если я даже тебя не могу заставить говорить об Эрланде не кривя душой?

Верховная Жрица пристально посмотрела на нее, ничего не отвечая. Наконец она легонько кивнула:

— Я тебя понимаю.

— Хорошо. Тогда скажи, за что ты так ненавидишь Эрланда?

— Я не отношусь к нему с ненавистью. Мы, люди Храма, не направляем ненависть на людей; делать так — значит повторять ошибки Тобины и Лона, рискуя, таким образом, прогневать Арика. Ты должна была бы знать это после того, как ты столь долго прожила среди нас.

— Конечно, Верховная Жрица, — сказала Кайлин. — Прости.

— Не нужно извиняться, ди... — Она широко улыбнулась, и ее щеки на секунду зарделись. — Я не отношусь к нему с ненавистью, — продолжила она после короткой паузы. — Я ему просто не доверяю. И никогда не доверяла.

— Но разве ты не сделала его союзником Храма, когда он ушел из Ордена?

— Мы поддержали Лигу. Мы надеялись, что, если Магическая Сила будет контролироваться и другой организацией, а не только Орденом, наша древняя вражда в конце концов прекратится. И в то время я думала, что, поддерживая Эрланда, я поддерживаю Лигу. — Она сделала кислое лицо. — Но даже тогда я не доверяла ему.

— Почему? Потому что он использовал меня? Потому что ему был нужен символ для своей Лиги и он выбрал меня?

Линвен посмотрела на нее с нескрываемым удивлением.

— Да, — сказала Кайлин, снова улыбаясь. — Я узнала. Не сразу, конечно. Я была слишком молода и слишком поглощена мыслью стать Первым Магом Лиги. — Она по-прежнему помнила тот день, когда Эрланд пришел к ней на вырубку около Храма, где ей нравилось выпускать Маркрана полетать, и предложил ей возможность носить голубой плащ. Лига была тогда стране в диковинку — о ней никогда и не слышали. Но в видении, которое было у нее почти двумя годами ранее, она созерцала себя в голубом плаще, убивающей людей, которые лишили жизни ее родителей. И поэтому она приняла его предложение, веря, что боги предопределили ее служение Лиге. — Но мне потребовалось немного времени, чтобы выяснить, почему Эрланд был так добр ко мне, — продолжила она. — Я поняла это по тому, как другие маги обращались со мной.

Линвен сузила глаза:

— И как же они обращались с тобой?

— Как с ребенком.

— А сейчас?

— Не все. Молодые обращаются ко мне за указаниями во время Конклавов. А для Эрланда и его союзников я почти как неодоушевленный трофей.

Верховная Жрица кивнула:

— Я знаю.

— Так почему ты не доверяешь ему?

Несколько секунд Линвен пристально смотрела на нее, ничего не отвечая.

— Ты действительно хочешь знать, в чем дело? — наконец спросила она.

Кайлин кивнула.

— Дело в церилле.

— В моем церилле? — недоверчиво спросила Кайлин, и ее взгляд снова упал на золотой камень. Эрланд отдал ей камень в тот день на вырубке с дружелюбной улыбкой на губах и добрым взглядом голубых глаз. И как только он положил его ей на ладонь, ослепительный свет вспыхнул в нем, как пламя. «Теперь ты владеешь всем необходимым для того, чтобы стать магом, — сказал ей Эрланд тогда. — Силой, которую ты носишь в себе, птицей и камнем».

Это был самый изысканный подарок, который кто-либо преподносил ей за всю ее жизнь. В последующие годы, когда ее осведомленность о мотивах всего этого возросла, она отчаянно цеплялась за воспоминание об этом чудном мгновении. Это было единственным проявлением неподдельной доброты, которое он выказал ей; это был дар такой исключительной щедрости, что в тот момент она не стала думать о мотивах его поступка, несмотря на все то, что она знала об Эрланде.

— Я причинила тебе боль, — с тревогой сказала Линвен. — Прости, дорогая моя.

— Ничего страшного, — тихо ответила Кайлин, все еще глядя на сверкающий кристалл. Усилием воли она заставила себя встретить пристальный взгляд Верховной Жрицы. — Расскажи мне о моем церилле.

Линвен вздохнула:

— Ты помнишь Сонель, она возглавляла Орден, когда ты впервые стала связанной?

— Да.

— Несмотря на существующую между Храмом и Орденом враждебность, я часто разговаривала с ней о твоих успехах в овладении Волшебной Силой. Она ясно дала мне понять, что до тех пор, пока ты не достигнешь зрелости и не научишься контролировать свою силу, опасно давать тебе церилл.

— И ты поверила ей? — уныло спросила Кайлин, хватаясь за все, что могло сохранить доброе воспоминание о поступке Эрланда. — Может, она пыталась помешать мне обрести свою силу?

Линвен покачала головой.

— Не думаю. Я не почувствовала никакого злого умысла. Мне кажется, она и вправду считала это самым лучшим для тебя и для тех, кто о тебе заботился.

— А ты пыталась помешать Эрланду дать его мне?

— Нет, — ответила Линвен с грустной улыбкой. — Когда я узнала о его намерении, было слишком поздно.

— И ты думаешь, он дал мне его, чтобы завлечь меня в Лигу. — Кайлин произнесла это как утверждение. Когда появилась причина усомниться в доверии, которое она испытывала к седовласому Магистру, она за последние годы не раз вспоминала все проявления доброты, которые он выказал со времени их первой встречи. Каждое из них можно было истолковать как попытку повлиять на нее или обмануть. А почему церилл должен быть исключением?

— Да, — ответила Верховная Жрица. — Ты была нужна ему. Твое присутствие в Лиге сразу сделало ее настоящей альтернативой Ордену. Без тебя ему бы потребовались годы, чтобы завоевать поддержку столь многих сел и городов в стране. Он сказал мне, что приобрел церилл как раз по этой причине.

Кайлин почувствовала, что бледнеет.

— Он сказал тебе это? — прошептала она.

— Да. А что?

Девушка невесело рассмеялась:

— Он сказал, что камень пылился годами где-то у него дома.

Линвен села рядом с ней и обняла ее за плечи:

— Мне очень жаль, моя дорогая.

— Не нужно, — сказала Кайлин. — Я должна была это знать. Она взглянула на

Верховную Жрицу и заставила себя улыбнуться. — Как я уже говорила, я больше не ребенок. И вообще, это многое объясняет.

— Каким образом?

Она снова убрала волосы с лица.

— На двух последних Конклавах я выступала против некоторых предложений Эрланда, в особенности против одобрения нападений на того человека в Ордене.

— Того, кого он считает предателем?

— Да. Те нападения являются прямым нарушением Третьего Закона Амарида, и не важно, как наши собственные законы оправдали бы их. Законы Лиги, принятые на первом Конклаве, нарочито попирают Третий Закон Амарида, который запрещает магам использовать Волшебную Силу друг против друга. Подобные нападения, как гласил поправленный закон, оправданны лишь в целях защиты страны. И с тех пор годами Эрланд и его сторонники использовали этот закон, чтобы оправдать свои нападения на мага Ордена. Как Лига может надеяться поддерживать веру людей в Волшебную Силу, — спросила Кайлин, — если мы не в силах придерживаться старейших законов магии?

Линвен широко улыбнулась, слегка качая головой.

— Чувствуешь иронию положения? — спросила она.

— Да, — ответила Кайлин, тоже улыбнувшись на мгновение. Когда, еще будучи девочкой, она стала связана с ястребом и ее преследовали воспоминания о смерти родителей, она так негодовала на Орден за его неудачную защиту ее семьи, что отказалась дать клятву придерживаться Законов Первого Мага. Когда она стала старше и осознала важность этих законов, она поняла, как глупа была. Хотя в ее сознании самая соль иронии заключалась не в ее собственной запоздалой приверженности законам, а в пренебрежении ими, проявленном ее старшими коллегами.

— Итак, Эрланд протестовал против твоего несогласия? — напомнила Линвен, возвращаясь к теме разговора.

— Это мягко сказано. Я всегда считала, что как у члена Лиги у меня имеется право высказывать свое мнение, и многое из сказанного мной находило поддержку у молодых магов. Но после того, как я впервые возразила ему по этому вопросу, Эрланд сказал мне, что ожидал от меня одобрения всех его решений. Я ответила ему, что не могу действовать слепо, и, когда я не согласилась с ним снова, на самом последнем Конклаве, он повел себя так, как будто я нарушила некую договоренность. Он прекратил разговаривать со мной, он перестал признавать меня на официальных совещаниях, он даже попытался изгнать меня с заключительной церемонии, хотя остальные ему не позволили.

Линвен покачала головой:

— Мне кажется, вашей Лиге нужен новый руководитель, по крайней мере, кто-нибудь, кто захочет противостоять Эрланду.

— Я согласна, — сказала Кайлин. — Но я мало что могу сделать. Особенно сейчас.

Линвен нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я потеряла Маркрана, я также лишилась положения Первого Мага.

— Но Эрланд потерял свою сову несколько лет назад, — сказала Линвен более громким голосом. — И смог удержаться на посту.

Кайлин кивнула:

— Я знаю. Ему хитростью удалось сместить человека, временно назначенного на пост Первого Магистра. Но сейчас он уже назначил мою преемницу. И он дал ясно понять, что она долго еще будет Первым Магистром после того, как я найду себе новую птицу. Я все еще могу возражать ему, но прежнего положения в Лиге у меня уже нет.

Линвен вздохнула:

— Плохо, что Эрланд назначил твою преемницу надолго.

— Возможно, — согласилась Кайлин. — Кажется, смена руководства всегда включает в себе некоторый риск.

— Ах, — сказала Верховная Жрица с грустной улыбкой. — Мы теперь говорим о Храме, не так ли?

— Ты должна сделать что-нибудь, Линвен, — сказала Кайлин. — Земли Храмов уничтожаются, и люди в городах Лиги начинают бояться.

Женщина бессильно развела руками:

— Что я могу сделать? Когда я уступила свое место Верховной Жрицы, я утратила свое влияние на Храм.

— Но ведь у тебя осталась хоть какая-то часть его. Наверняка.

— Меньшая, чем ты думаешь, — угрюмо сказала Линвен. — Слишком многое изменилось за последние годы. — Она улыбнулась. — Вот ведь ирония судьбы: у тебя имеется поддержка молодых магов, а у меня еще осталось некоторое влияние на старых жрецов. — Улыбка исчезла с ее губ. — Но не на молодых. Они ни о чем не думают, кроме золота и власти. У Храмов никогда не было столько золота, но тем не менее они хотят вырубать леса, чтобы получить еще больше. Некоторые из нас призвали к прекращению вырубки, хотя бы на время. Но остальные не желают ничего слышать. Как они считают, мы слишком стары для того, чтобы понять этот новый мир, созданный нашей торговлей с Лон-Сером. А с таким Верховным Жрецом, как Бревил, им и не надо нас слушать. Он одержим мыслями о золоте сильнее, чем любой из них.

— А это правда, что Храмы торгуют также и ради оружия?

Линвен кивнула, и лицо ее побледнело.

— Бревил нас даже об этом не спрашивал, — ответила она. — Он как-то раз просто объявил, что оружие приобретается. Насколько мне известно, они еще им не пользовались, — быстро добавила она. — Бревил говорит, что оно ему необходимо для защиты лесорубов.

Кайлин почувствовала, что выражение ее лица становится жестче.

— Брось, Линвен. Ты ведь не такая наивная. Если они его еще не использовали, то это лишь вопрос времени. Кого-нибудь точно убьют.

Верховная Жрица уставилась на нее широко раскрытыми глазами, и, несмотря на свои морщины и седые волосы, она выглядела как ребенок.

— Ты права. Я знаю. Но что я могу сделать?

— Не знаю, Верховная Жрица, — по-прежнему жестко ответила Кайлин. — Что-то. Хоть что-нибудь. Ты должна попытаться.

Некоторое время они молча сидели, избегая смотреть друг другу в глаза. Кайлин никогда не говорила с Линвен в таком тоне, и, хотя она считала свои слова оправданными, она боялась того, как Линвен отреагирует на них. Однако та удивила ее.

— Ты знаешь, — наконец сказала женщина, нервно смеясь, — мне, наверное, было бы легче, если бы ты пошла со мной на следующую Ассамблею жрецов.

Кайлин улыбнулась с облегчением.

— Только если ты согласишься прийти на следующий Конклав, — ответила она и сама засмеялась.

Линвен кивком указала на церилл Кайлин:

— Возможно, нам обеим следует отправиться в Амарид и присоединиться к Собранию, которое созвал Радомил.

Кайлин снова посмотрела на камень. Он мерцал уже более двух недель, а началось это за несколько дней до смерти Маркрана. Из-за потери своей птицы она почти не думала о том, для чего мог использоваться Созывающий Камень. Но сейчас, после того как слова Верховной Жрицы напомнили ей об этом, она заинтересовалась.

— У тебя есть какие-нибудь предположения о том, что могло случиться? — словно читая ее мысли, спросила Линвен.

— Никаких. — Кайлин подняла глаза и встретилась с пристальным взглядом Линвен. — Я была слишком поглощена смертью Маркрана. — Она на мгновение замолчала. — Возможно, что-нибудь случилось с Радомилом.

Верховная Жрица покачала головой:

— Нет. Это необычный вызов. Если бы им просто нужны были магистры, чтобы выбрать другого Премудрого, пауза между вспышками была бы гораздо длиннее.

Кайлин пристально посмотрела на Верховную Жрицу, сузив глаза:

— Откуда ты так много знаешь об Ордене?

Линвен хитро улыбнулась:

— Никогда не помешает знать кое-что о своем противнике.

Кайлин несколько секунд раздумывала. Затем показала на камень:

— Так это означает, что весь Орден созван в Амарид?

— Да.

— Часто ли они используют Созывающий Камень подобным образом?

— Очень редко, — ответила Линвен. А затем, словно предчувствуя следующий вопрос Кайлин, добавила: — Это всегда было нечасто, даже до образования Лиги.

Кайлин почувствовала, как волна предчувствия окатила ее, словно зимние воды моря Арика.

— А они использовали этот знак, когда появились пришельцы? — чуть слышно спросила она.

Линвен посмотрела на нее, и в ее взгляде чувствовалась боль.

— По правде говоря, дитя, я не знаю. Но, мне кажется, нам больше нечего бояться пришельцев. По крайней мере, настолько, насколько мы боялись, когда ты была ребенком.

Девушка чувствовала правоту Верховной Жрицы и попыталась найти в ней утешение. Но страх, словно когтями, охватывал ее сердце. Ведь камень мерцал. Значит, что-то случилось, даже если случившееся не имело ничего общего с нападением.

— Ты когда-нибудь думала, — спросила она, задумчиво вглядываясь в мерцающий церилл, — что, если бы мы с тобой могли попросту сесть и поговорить с лидером Ордена наедине, мы решили бы все проблемы и покончили бы с противостоянием и недоверием.

— Постоянно, — ответила Линвен таким тоном, что Кайлин оторвала взгляд от камня.

Девушка почувствовала, что сердце у нее забилося сильнее.

— Тогда как это можно устроить?

Линвен пожала плечами, хотя по-прежнему смотрела своими светлыми глазами на Кайлин.

— Точно не знаю. Многое должно произойти. Вот занять бы мне такое положение, при котором я могла бы рассчитывать на поддержку по крайней мере некоторых молодых жрецов.

— А мне бы снова стать связанной, и желательно с совой.

— И Премудрый новый не помешал бы, — добавила Верховная Жрица. — Насколько мне известно, Радомил достойный человек. Но он слишком осторожен.

— Что толку об этом говорить? — спросила Кайлин, чувствуя странное головокружение.

Линвен широко улыбнулась:

— Сама мне скажи. Ведь это была твоя идея.

— Это была не идея, а фантазия, праздная мысль.

— Тогда почему ты такая веселая? — напряженно спросила Верховная Жрица. — Почему у меня сердце так колотится?

— Не знаю.

— Что ж, я надеюсь, — продолжила Линвен, — что ты не будешь делиться своими фантазиями с кем-нибудь, кроме меня. Поддерживающих тебя магов может обеспокоить направление твоих фантазий.

Кайлин не стала спорить. Конечно, Верховная Жрица права. Линвен, Магистру и ей самой тайно встречаться, чтобы спасти страну? Такого никогда не произойдет. И все-таки по какой-то причине она не могла отогнать от себя эту мысль; как она знала, и Линвен тоже.

Некоторое время они сидели в тишине: Линвен уставилась на руки, а Кайлин снова

разглядывала церилл. Наконец, Верховная Жрица спросила ее о жреце в лесу Тобина — своем друге, которого Кайлин часто видела во время поездок. И всю оставшуюся часть дня они говорили о другом, избегая разговоров о политике.

Но позднее, под вечер, когда Линвен проводила Кайлин к главным воротам Храма, она снова вернулась к этой теме.

— Я не знаю, сколько времени у меня осталось до того, как Арик и Дуклея призовут меня к себе.

Кайлин почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах.

— Ты...

Верховная Жрица остановила ее, подняв палец и быстро мотнув головой. Одинокaя слеза стекла по ее щеке.

— Позволь мне закончить. Я не знаю, сколько времени мне осталось, и, конечно, никто из нас не знает, сколько пройдет времени, прежде чем у тебя снова появится сова или ястреб. Но, хоть это кажется абсурдным, я думаю, у нас обеих такие же возможности положить конец распрям, которые терзают Тобин-Сер, как и у любого другого. Еще до того, как ты сказала, что хотела бы встретиться со мной и Магистром, у меня была такая же мысль.

— Верховная Жрица, — ответила Кайлин, — ты хочешь сказать мне, что ты обладаешь Даром прозрения? — Она старалась говорить спокойно, но слова Линвен все еще звучали у нее в ушах: «Я не знаю, сколько времени мне осталось, прежде чем Арик и Дуклея призовут меня к себе...»

— Дар прозрения, у меня? — воскликнула Линвен, краснея до кончиков ушей. — Это же смешно! Я просто думаю, что боги предназначили тебе благоприятную связь. И мне кажется, она скоро наступит. Может быть, раз я посвятила свою жизнь богам, я могу мельком коснуться подобных вещей.

— А какова будет твоя роль в этом новом мире, который мы создадим? — спросила девушка. — Этого ты тоже коснулась?

— Как раз наоборот, — ответила Линвен, качая головой. — Я окунулась в прошлое, и оно мне не нравится. Ты права: пора мне снова заявить о себе на Ассамблее. У меня все еще есть союзники — люди, которые, так же как и я, несчастливы из-за того, что Бревил делает от имени Храма. Пора поступить таким образом, чтобы нас услышали.

Кайлин обняла старую женщину. Мысль о жизни без Верховной Жрицы сильно пугала ее. Она знала, как это — терять близких людей, и была вовсе не готова потерять и Линвен.

— Не бойся, дитя, — прошептала Линвен. — Мне еще отпущено некоторое время.

— Ты больна? — спросила Кайлин, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. — Могу ли я исцелить тебя? — Она пристально посмотрела в глаза Верховной Жрице. — Тебе стоит лишь попросить.

Линвен улыбнулась:

— Я знаю. Если бы я думала, что это под силу тебе или кому-нибудь еще, я бы попросила. Но боюсь, мне остается с пользой потратить отпущенное время. — Она вытерла слезы Кайлин и поцеловала ее в лоб. — Ты уверена, что не хочешь остаться на ночь? Место есть, и еды полным-полно.

Предложение Верховной Жрицы казалось заманчивым, особенно сейчас, когда она узнала, что ей не так уж и много времени удастся провести с нею. Но с тех пор как она оставила Храм три года назад, чтобы начать жизнь кочующего мага, она проводила ночь под крышей, только если было очень холодно. Маг принадлежит лесам, горам и равнинам, решила она давным-давно. Служить земле означало жить на ней. И хотя на сердце у нее было тяжело от известия о болезни Линвен, а дождь все еще шел, она не могла с чистой совестью спать где-нибудь, кроме Ястребиного леса. И странным образом она чувствовала, что обязана сделать для Маркрана хотя бы это.

— Спасибо, — сказала она. — Но я уверена, что скоро снова приду к тебе. Обещаю.

— Очень хорошо, моя дорогая, — сказала Линвен, целуя ее второй раз. — Да хранит тебя Арик.

— И тебя, Верховная Жрица.

Она быстро повернулась и зашагала прочь от Храма. Она снова плакала, и слезы смешивались с холодным дождем, который хлестал по лицу, и она не оглядывалась, хотя знала, что Линвен все еще смотрит ей вслед из ворот.

— Только не она, — шептала Кайлин деревьям и дождю, чувствуя, что отсутствие Маркрана словно рана, нанесенная в сердце. — Я не готова потерять и Линвен.

Еще издали она услышала, как стучат топоры дровосеков по еще одному беззащитному стволу, и содрогнулась. Она поплотнее завернулась в плащ и взглянула на мерцающий золотой церилл. Что-то происходило в Амариде, и она сгорала от нетерпения узнать, что именно.

Когда она только присоединилась к Лиге, все было намного проще, гораздо яснее. Она широко улыбнулась, несмотря на дождь. Скорее всего эта простота тоже была иллюзорной, как и великодушие Эрланда. Как она недавно сказала Линвен, со времен Казры она перестала быть ребенком. Но она была молода и слишком быстро поверила Эрланду и его обещаниям, она слишком пылко стремилась обвинить Орден во всех бедах своей родины. Они позволили убийцам прийти. Они позволили ее родителям умереть. Ничто более не имело значения. Жрецы ненавидели Орден и поддерживали ее после смерти ее родителей. Линвен ненавидела Орден и любила ее почти так же, как отец с матерью. Эрланд ненавидел Орден и дал ей церилл. Раньше это все казалось таким простым, таким ясным.

Теперь Храмы уничтожали леса, Эрланд обращался с ней, как с врагом, Линвен умирала. А в Амариде, всего в нескольких лигах отсюда, маги Ордена собирались на зов Созывающего Камня. Орден не зло и никогда им не был. Теперь она это знала. Он был таким же, как и Лига: группой мужчин и женщин, владеющих Волшебной Силой; у многих из них были добрые намерения, и все они могли ошибаться. Она осознала это постепенно, и потому ей было не легче, а труднее справиться с прошлым, с далекими воспоминаниями о детстве и о родителях. Какой-то части ее души было все равно, питается она иллюзиями или нет; она снова хотела, чтобы ей было одиннадцать. Она жаждала той же ясности. Но другая часть ее души была не так уж проста. Если она хочет возглавить Лигу и доказать Эрланду, что он не может игнорировать ее более, она должна примириться со всеми сложностями, с которыми сталкивается взрослый человек.

— Я больше не ребенок, — сказала она Верховной Жрице. — Правильно. В таком случае нужно перестать смотреть на мир глазами ребенка.

Тропа, по которой она шагала, пересекалась с вырубкой, и, повинуясь внезапному порыву, она повернула на север. На побережье выше Ястребиного леса находились деревни рыбаков. Это место вполне подходило, как и любое другое, чтобы предложить там свои услуги, на данный момент — ограниченные. Ей захотелось заплакать при воспоминании о яркой окраске и захватывающем дух полете Маркрана. Но мгновение спустя она вспомнила, что сказала Линвен перед уходом: «Боги предназначили тебе благоприятное связывание. И мне кажется, оно скоро наступит». Кайлин остановилась, чувствуя, что ее новая птица — здесь, на этой дороге, и наблюдает за нею. Неожиданно для нее самой, сердце у нее забилося так, что чуть не выскочило из груди. Она почувствовала присутствие птицы, словно та уже сидела у нее на плече, и подготовилась к тому, что, как она знала, произойдет, когда она встретит ее взгляд. Она помнила, как происходило связывание с Маркраном, словно это было вчера. Она почти целиком погрузилась в водоворот воспоминаний и чувств, которые он сообщал ей. Это было давным-давно. Тогда она была просто ребенком, и ей были неведомы особенности Волшебной Силы. За годы, прошедшие с тех пор, она привыкла делиться своими мыслями с диким существом и хотя знала, что связывание с новой птицей — дело нешуточное, она также знала, что готова к этому. Переводя дух и медленно поворачиваясь, она подняла взгляд на нижнюю ветку, на которой, как она знала, сидела птица.

И, увидев ее, она почувствовала, что у нее кружится голова, словно весь мир вокруг взял и повернулся. Она снова слышала пророческие слова Линвен о том, что ей скоро предстоит связывание.

«Но не такое!» — успела подумать Кайлин, прежде чем поток образов нахлынул на нее. Такого она точно не хотела!

6

Появление Народного Движения — это относительно новое событие, хотя и неувиданное. Так как Орден и Лига ищут способы смягчить результаты торговой деятельности Тобин-Сера, но при этом враждуют между собой, а Храмами движет только жажда золота, раньше не существовало организованных попыток прекратить торговлю с Лон-Сером. Народное Движение, как я слышал, жаждет бороться со всеми переменами, произошедшими в нашей стране со времени моего путешествия в Брагор-Наля. Само собой разумеется, оно стремится изничтожить торговлю с вашей страной. Но это еще не все. Оно хочет уничтожить все современные товары, которые попали к нам в страну, и желает изгнать из наших морских портов граждан Лон-Сера, поселившихся там. Некоторые дошли до того, что предлагают нам прекратить торговлю с Аббориджем, которая ведется с незапамятных времен.

И хотя требования Движения кажутся чрезмерными, я не считаю слишком опасным его существование. Насколько я понимаю, это — неизбежное следствие многочисленных перемен, произошедших в Тобин-Сере за последние несколько лет. Однако союз между Народным Движением и свободными магами меня пугает.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
зима, год 4633*

Таммен мрачно улыбнулась, изучив картину, представшую ее глазам. Несмотря на людей Храма с их грозным оружием и испуганное выражение на лицах горожан, она чувствовала себя уверенно. За последние шесть дней жители Праннай присоединились к ней и ее спутникам-магам в противостоянии жрецу и его наемникам. Горожане сначала делали это не очень охотно. Возможно, присутствие всего лишь трех магов не очень их вдохновляло. Она с Нодином и Хенриком не сомневалась в своей способности защитить город от Храма, но потребовалось время, чтобы убедить Майру и остальных старейшин, что их городок не пострадает. И в конце концов именно неспособность или нежелание жреца действовать склонила горожан на их сторону.

Все началось во время первого спора, когда вмешались два магистра из Ордена и жрец Пэджетт отступил. С тех пор каждый день происходило почти одно и то же, за исключением того, что через городок больше не проходили маги Ордена. Жрец со своими лесорубами в сопровождении вооруженного эскорта приближался к роще, только чтобы поспорить с горожанами и тремя магами. Пэджетт угрожал позволить своим людям убить любого, кто помешает лесорубам, но, когда Майра и другие старейшины при поддержке Таммен и ее друзей не позволили рубить деревья, он ничего не сделал. Возможно, он боялся, что Таммен со своими друзьями в отместку убьет его самого, или, возможно, ему просто не доставало мужества прибегнуть к насилию. Как бы то ни было, по истечении шести дней деревья все еще стояли.

И с каждым днем доверие горожан росло. Таммен видела это по их лицам, слышала это в их радостных возгласах каждый день, когда жрец со своими людьми отступал к Храму. И в конце концов скоро Таммен, Нодину и Хенрику пришлось бы уйти. Существовали другие города и другие леса. Если Народное Движение хотело добиться успеха, никто из приблизительно дюжины бесплацовых, как свободные маги называли себя, не мог оставаться на одном месте слишком долго. И так как их цериллы мерцали в ответ на вызов Премудрого Ордена, Таммен со своими спутниками знали, что они не могут больше задерживаться в Праннай. Что-то происходило, и Таммен была уверена, что Движение сыграет свою роль в любых переменах, происходящих в Тобин-Сере. К счастью, она больше

не сомневалась, что Майра с горожанами сможет продолжить борьбу, как только она со своими братьями уйдет. Оружие, которое носили охранники жреца, конечно, пугало их. Как же иначе. Этому способствовало и то, что Пэджетт увеличил число вооруженных охранников, сопровождающих лесорубов, с семи до четырнадцати. Но даже это не могло изменить самого главного, что было достигнуто за шесть дней противостояния. Здесь, в Праннай, Народное Движение стало влиятельным.

В глубине души ей было интересно, позволит ли Пэджетт своим людям применить оружие, как только они уйдут. Но такие опасения, считала Таммен, к делу не относятся. Как ей представлялось, свободные маги были ответственными за то, чтобы приводить Народное Движение в города и села Тобин-Сера. Таммен и такие, как она, должны организовывать жителей и заставлять их поверить в свою способность покончить с разрушительными переменами, происходящими вокруг. Но как только свободные маги сделают это, уже сами жители должны поддерживать Движение, даже рискуя своей жизнью. Это в некотором смысле было войной за будущее страны. Потери были неизбежны.

— Вот он, — сказал Нодин низким, напряженным голосом.

Таммен сразу же посмотрела в сторону Храма и увидела, как жрец большими шагами движется в их направлении, и его серебристая мантия развевается от легкого ветерка, а круглое лицо покраснело под седыми волосами цвета стали.

— Раньше он выглядел не так, — шепотом сказал Хенрик. — Что-то случилось.

Таммен услышала напряжение в его словах, и на мгновение ей стало смешно.

— Он выглядит побежденным, — сказала она ему. — Он знает, что мы победили.

— Не знаю, — осторожно заметил Нодин. — Я согласен с Хенриком: он действительно выглядит как-то не так.

— Я же только что объяснила, — нетерпеливо сказала Таммен. Она знала, что Нодин считает себя довольно важной фигурой среди свободных магов; конечно, он считал себя лидером и их маленькой группы, а Хенрик к нему так и относился. Но, несмотря на свое тщеславие и вызывающее поведение, высокий маг не был ни наглым, ни особо храбрым. Он, конечно, не глуп, должна была признать Таммен, но, если бы не она, он бы бросил Праннай на произвол судьбы после встречи с двумя Магистрами. Даже тогда он послушал ее только из-за того, что она интересовала его как женщина.

— Ты же слышала, что сказал Баден об этом оружии, — беспокоился он. — Из-за нас этих людей могут убить!

— Баден пытался запугать нас, — ответила Таммен. — Он хотел, чтобы мы ушли. И даже если все то, что он нам рассказал — правда, он также сказал, что мы можем блокировать их огонь.

— На время, — ответил Нодин. — Но не постоянно.

В тот момент она была близка к тому, чтобы махнуть на него с отвращением рукой и действовать в одиночку. Ей не нужны были Нодин и Хенрик. Если они собирались распространять Движение по стране таким образом, она не хотела иметь с ними ничего общего. Но в конце концов она решила, что трое магов могут добиться большего, чем один, и хотя на это потребовалась почти вся ночь, ей удалось убедить их в необходимости остаться еще на несколько дней. Успех, которым они пользовались с тех пор, доказал, насколько она была права.

Наблюдая, как Пэджетт приближается, чтобы провести еще один день в противостоянии с магами и горожанами, Таммен не могла не вспомнить об их первой встрече. Жрец был таким самодовольным в тот день, словно он сам держал в руках оружие. И видя сейчас его толстое, покрытое красными пятнами лицо, залитое утренним солнцем, она чувствовала, как у нее голова кружится от радости. «Это — наша первая победа, — поняла она, и улыбка скользнула по ее губам. — Движение поистине на правильном пути».

— Доброе утро, Пэджетт! — воскликнула Таммен, не скрывая своего торжества. — Вы пришли отозвать своих наемников? Или мы должны выкрикивать оскорбления в адрес друг друга еще один день?

Жрец остановился перед тремя магами и мрачно их оглядел. Он плохо выглядел. Под зелеными глазами залегли темные круги, и пот градом катился с него, хотя утро было прохладным.

— Я пытался переубедить вас последние несколько дней, — сказал он, и даже Таммен услышала мольбу в его голосе. — Я пытался объяснить вам, что не желаю ни малейшего вреда жителям этого городка и ожидаю, что для них торговля лесом будет выгодна так же, как и для Храма. — Он замолчал и сглотнул.

Таммен на мгновение подумала, не станет ли ему плохо.

— Но сейчас, — продолжил он, — я прошу — нет, умоляю сказать этим людям, чтобы они не стояли у нас на пути.

— Зачем? — спросила Таммен. — Чтобы вы могли уничтожить лес? Чтобы вы могли украсть эту землю у жителей Праннай? Разве вы не слышали нас? Разве вы не слышали Майру?

— Да, я слышал! — с неожиданным пылом ответил Пэджетт. — А вот вы — нет! — добавил он, глядя на Нодина и Хенрика. — *Это не их земля!* И не моя! Она принадлежит Храму, и поэтому, что с ней делать, решает Верховный Жрец Бревил! Вы должны понять это!

Таммен грубовато рассмеялась:

— А вы должны понять, что...

— А какое он имеет отношение ко всему этому? — спросил Нодин, пристальным взглядом заставляя Таммен замолчать.

Жрец заколебался, облизывая губы.

— Я получил от него послание сегодняшним утром. Он находился на пути к лесу Тобина и собирается сам посмотреть, как производится вырубка на землях Храма. Согласно его посланию, он выехал из Ястребиного леса почти две недели назад. Завтра или послезавтра он уже будет в Праннай.

— Я вам не верю, — сказала Таммен.

Нодин повернулся и пристально посмотрел на нее:

— Помолчи, Таммен!

Она почувствовала, что краснеет. Она была уверена, что Хенрик смотрит на нее с насмешливым выражением в темных глазах, которое так хорошо ей знакомо, и она с трудом подавила желание развернуться и отвесить ему пощечину.

— Что вы имеете в виду, жрец? — спросил Нодин, снова поворачиваясь к Пэджетту. — Что случится, когда приедет Бревил?

Пэджетт перевел дух.

— Трудно сказать. Если деревья не будут срублены к его прибытию, он прикажет их вырубить даже ценой человеческой жизни.

— Хорош же глава Детей Арика, — сказал Нодин, поднимая бровь.

Жрец пожал плечами:

— Я просто сообщаю о том, что знаю совершенно точно. Верховный Жрец — достойный человек, но, как и любой находящийся на таком важном посту, он привык, чтобы его приказы исполнялись. Он не любит отсрочки и еще меньше — легкомысленных людей, бросающих вызов его власти. — Он посмотрел мимо Нодина и Таммен на жителей села. — Я сделал все, что мог, пытаясь спасти жизни этих людей, потому что забочусь о них. Я забочусь о Праннай. — Он снова взглянул на Нодина. — Бревил подобные чувства не остановят.

Нодин кивнул, словно взвешивая его слова.

— Так что вы предлагаете? — спросил он наконец.

— Позвольте нам заняться вырубкой, и мы вырубим только половину. Когда Бревил прибудет, я скажу ему, что мы намереваемся вырубить целый лес. Удовлетворенный нашими успехами, он уедет и никогда не узнает о сделке, которую мы заключили.

— Ты ведь не веришь ему, не так ли? — воскликнула Таммен, не в силах сдерживаться

больше. — Он лжет! Он не заботится об этих людях! Он беспокоится о том, что с ним случится, когда Бревил увидит, что мы его победили!

Нодин провел рукой по коротким темным волосам.

— А она дело говорит, — сказал он жрецу. — Откуда мы знаем, что Бревил действительно приезжает? И даже если это и правда, как мы можем быть уверены, что, как только вы вырубите половину, вы не возьметесь за вторую?

— Что касается приезда Бревила, — ответил Пэджетт, — я могу показать вам послание. Что касается остального, то вам придется поверить мне на слово. Я — честный человек. Если я говорю, что вырублю половину, то я этим и ограничусь.

— «Я — честный человек», — передразнила его Таммен, и в ее голосе звучало презрение. — И все? Это все, что вы можете нам предъявить?

— Вы можете дать нам какие-нибудь гарантии? — спокойно спросил Нодин, словно не слышал того, что сказала Таммен. — Например, вы могли бы уступить вторую половину леса городу?

Пэджетт несколько секунд сердито смотрел на Таммен, прежде чем наконец ответил.

— Боюсь, я не могу, — сказал он, с трудом сдерживая гнев. — Только Верховный Жрец может приобрести или даровать земли от имени Храма. И как я уже пытался вам объяснить, Бревил не пожелает этого сделать.

Таммен покачала головой:

— Так, значит, вы не можете представить гарантий? Вы хотите, чтобы мы не мешали вам вырубить половину леса в обмен на пустые обещания, что вы не тронете другую половину, когда вам приспичит.

— Возможно, маг, — сказал жрец, снова вспыхивая от гнева, — тебе следует спросить у Майры и остальных, что они думают о моем предложении, прежде чем с ходу отметить его! И когда ты это сделаешь, сообщи им, что другой вариант — это то, что мы вырубим весь лес немедленно, а наше оружие будет нацелено прямо им в сердце!

— Будь что будет, жрец, — раздался голос со стороны, — но мы не позволим срубить ни единого дерева.

Все повернулись и увидели Майру, стоящую рядом. Она казалась маленькой и хрупкой по сравнению с Нодином и грузным жрецом. Ее седые волосы развевались от легкого ветерка, а руки были скрещены на груди, словно ей было холодно. Но решимость, застывшую в ее карих глазах и сжатых челюстях, нельзя было спутать ни с чем.

— Эти маги забили вам головы всякой чепухой, — с отвращением сказал Пэджетт. — Они убедили вас, что где-то есть какое-то большое движение, — когда на самом деле ничего нет. Лишь несколько магов, желающих сделать себе имя. Они вас морочат, и многих убьют по их вине.

— Мы стоим на своем не из-за магов, жрец, — спокойно ответила Майра. — И не из-за Движения. Вы считаете, что мы так просты, что не способны решать сами за себя, но вы ошибаетесь. Мы делаем это, потому что кто-то должен остановить Храмы прежде, чем они уничтожат в стране все леса. Мы делаем это ради наших детей.

— Видите, Пэджетт? — с удовлетворением спросила Таммен. — Мы говорили вам все время: жителям Праннай не нужно ни ваше золото, ни то будущее, которое вы хотите на него приобрести. Поэтому отведите своих людей в другой город! — продолжила она, повысив голос, чтобы остальные горожане слышали ее. — Лес Праннай — не для вас!

Ее слова были встречены громкими одобрительными возгласами.

Жрец посмотрел на Нодина, который пожал плечами.

— В конце концов, это решение Майры, — сказал высокий маг. — Ее и остальных старейшин. А мы служим городу.

— Вы служите себе! — Жрец посмотрел на них всех с горьким выражением на лице. — Хорошо! — сказал он. — Я вас предупредил! — Он направился к тому месту, где стояли его люди, но затем остановился и повернулся к толпе горожан. — Я пытался объяснить Майре и магам, что это — ваш последний шанс! — крикнул он им. — Я пытался сказать им, что

Верховный Жрец Бревил направляется в Праннай. У меня нет выбора. Я должен начать вырубку сегодня. Если вы попытаетесь остановить меня, вы умрете. Но если вы позволите нам рубить деревья, обещаю вам, что мы вырубим только половину. Остальной лес не будет тронут, пока я ваш жрец.

— А что на это сказала Майра? — выкрикнул какой-то мужчина.

— Она сказала, что скорее умрет, чем позволит срубить хоть несколько деревьев, — ответил жрец.

— Молодчина! — воскликнул мужчина, вызвав гул одобрения у остальных горожан. — Я и сам бы сказал то же самое!

И снова Пэджетт покачал головой.

— Вы все сумасшедшие! — сказал он и взглянул через плечо на Нодина. — Это — на твоей совести, маг. Запомни.

Жрец подошел к лесорубам и их охране и несколько секунд говорил с одним из вооруженных людей. А затем направился к Храму.

— Куда это он? — тихо спросила Таммен.

— Точно не знаю, — ответил Хенрик. — Но если бы нужно было угадывать, я бы сказал, что он идет туда, откуда не увидит, что здесь будет происходить.

Она поняла, что он прав, как только эти слова сорвались с его губ, и почувствовала, как сердце у нее сжалось. Отба, великолепный коричневый ястреб, ощутив ее напряжение, крепче вцепился в ее плечо.

— *Все в порядке*, — мысленно сказала ей Таммен, но она сама в это не верила. Когти Отбы глубже вонзились ей в плечо. — Что они собираются делать? — прошептала Таммен.

Нодин мрачно посмотрел на нее:

— Они собираются рубить деревья. Вопрос в том, что будем делать мы?

Словно в ответ на его слова, лесорубы зашли в ближайшую рощу, а охранники угрожающе выставили оружие.

— Ну? — спросила Майра, выжидающе смотря на Таммен и ее товарищей. — Вы остановите их?

Таммен посмотрела на горожан, стоящих за Майрой. Некоторые с расширенными от страха глазами наблюдали за тем, как лесорубы вынимают топоры, но остальные смотрели на магов, так же как и Майра.

— Ну? — повторила та.

Нодин и Хенрик уставились друг на друга, оба выглядели бледными и растерянными. Никто из них ничего не сказал, и Таммен поняла, что они в полном замешательстве.

Один из лесорубов выбрал дерево. Он встал поудобнее, поднял топор и взмахнул им, собираясь нанести первый удар.

Таммен оставалось только одно. Она подняла посох и почти без усилий послала голубой огненный шар. Момент был выбран удачный, а прицел — отличный. Магический огонь попал в обух топора как раз в тот момент, когда он застыл на мгновение в воздухе и не начал еще опускаться. Сильный удар вырвал топор у лесоруба из рук, а топорище с лезвием разлетелось в разные стороны. Обуглившееся топорище раскололось и приземлилось в нескольких футах от лесоруба, а дымящееся почерневшее лезвие пролетело несколько ярдов и, не причинив никому вреда, вонзилось в землю.

Возгласы одобрения раздались среди горожан, но почти сразу же все затаили дыхание, так как охранники навели оружие на Таммен.

— Не надо! — крикнул им Нодин. — Мы не хотим вас калечить!

— У нас приказ! — ответил охранник, с которым разговаривал Пэджетт. — Он говорил неуверенно, а глаза нервно перебегали с магов на сельчан.

— Разве приказы обязывают умирать ради нескольких деревьев?

Тот заколебался.

— Да, — наконец ответил он. — Обязывают.

Второй лесоруб вышел вперед, выбрал дерево и приготовил топор. И не успел он

начать замахиваться, как четверо других сделали то же самое. Маги навели на них посохи и послали потоки огня в их топоры. Нодин попал в цель, а Таммен и Хенрик промахнулись и вместо этого поразили людей. Двое лесорубов упали, крича и корчась от боли, у одного из них обгоревшее плечо было в крови, а у другого оторвало кисть.

Охранники сразу же открыли огонь, направив лучи шипящего красного пламени на магов. Таммен установила мерцающую защиту из голубой энергии, к которой мгновением позже добавились фиолетовый щит Нодина и цвета морской волны — Хенрика. И хотя мощь огня охранников заставила пошатнуться Таммен с Нодином, а Хенрика встать на одно колено, волшебные щиты выдержали.

Но в то же самое время остальные лесорубы начали рубить деревья, и, прежде чем маги успели остановить их, горожане ринулись вперед. Некоторые были вооружены мотыгами, цепями и другими сельскохозяйственными орудиями. У нескольких были собственные топоры. И они наступали на лесорубов.

Увидев это, охранники навели оружие на горожан.

— Нет! — закричала Таммен, направив поток голубой энергии на одного из охранников. Магический огонь попал ему прямо в грудь, отбросив назад, и пламя охватило его, словно он был тряпичной куклой. Двое других также упали, когда лучи фиолетового и зеленого цвета пронзили утренний воздух.

Двое охранников повернулись к магам, и, прежде чем Таммен и ее товарищи успели атаковать их, они открыли огонь, вынуждая магов защищаться. А остальные открыли огонь по жителям Праннай. Крики боли и ужаса эхом отдавались от деревьев, когда мужчины и женщины с дымящимися черными ранами падали на землю.

— Хенрик! — крикнул Нодин. — Прикрывай нас, сколько сможешь! А мы с Таммен попытаемся защитить жителей.

Хенрик кивнул, сжав зубы, и в следующее мгновение его щит цвета морской волны ярко вспыхнул.

Слаженно действуя, Нодин и Таммен выставили щиты перед собой и направили потоки энергии на сельчан, пытаясь защитить их. Казалось, что фиолетовая энергия слилась с голубой в мерцающую стену бледно-лилового цвета, которой удалось отразить первые залпы красного огня. Но оружие охранников было слишком сильно, а сельчане находились так далеко. У Таммен уже дрожали руки от усталости. Спина и плечи ее болели, и она боялась, что ноги могут ей отказаться в любой момент. Она чувствовала изнеможение. Отбы так же остро, как свое собственное, и хотя у нее не было сил, чтобы взглянуть на Нодина, она не сомневалась, что он и его птица тоже слабеют. Возможно, если бы они подошли к горожанам поближе, это помогло бы, но, сделав так, они растянули бы энергетический щит Хенрика и подвергли свои жизни опасности.

Очередной шквал огня из оружия охранников прошел сквозь их защитную стену, словно ее там и не было, и поразил нескольких горожан.

— Черт возьми! — сплюнул Нодин.

— Сделайте что-нибудь! — крикнула Майра, когда вопли людей и запах горящей плоти в очередной раз наполнили воздух.

Нодин и Таммен обменялись молчаливыми взглядами. В глазах высокого мага стояли слезы.

Все теперь зависело от нее, и Таммен показалось, что остается только одно. Двое охранников продолжали вести огонь по магам, но волшебный барьер Хенрика все еще держался. А остальные охранники были слишком заняты жителями, чтобы заметить ее. Вздохнув, она снова подняла посох и стала поливать охранников магическим огнем. Она старалась попасть в их оружие, но была слишком усталой, так что целилась не так точно, как раньше. А когда все охранники поворачивали оружие в ее сторону, ей приходилось поддерживать щит Хенрика собственной магией, а по охранникам открывать огонь, только когда появлялась возможность. В конце концов ей удалось убить троих из них и покалечить четверых, прежде чем остальные бросились в лес, как испуганные кролики, в сопровождении

лесорубов, не отстававших от них ни на шаг.

Она долго смотрела им вслед; ее лицо и одежда были мокрыми от пота. Она почувствовала, что Нодин рядом, и с усилием повернулась, чтобы посмотреть на него. Его лицо тоже было мокрым, но от слез, а не от пота, и у него в глазах было такое дикое и страшное выражение, что она содрогнулась. Он ничего не сделал, чтобы помочь ей в бою с охранниками. Он даже не поднял щит, чтобы защитить себя. Просто удивительно, что он уцелел.

— Такое не должно было случиться, — прошептал он, и слезы по-прежнему текли у него по лицу. — Мы не должны были никого убивать.

— У нас не было выбора, — уныло сказала Таммен. — Они убивали жителей.

— Но мы же маги! — быстро повернувшись к ней, сказал он. — Законы Амарида запрещают нам использовать свою силу подобным образом! Мы «должны использовать ее, чтобы оказывать помощь и поддержку в трудные времена!» — процитировал он. — Мы не должны убивать!

— Мы никогда не давали клятвы, Нодин! Мы — бесплановые! Мы не нарушали никаких запретов! Мы сделали то, что должны были сделать! Никто не может винить нас за это! Кроме того, — добавила она, смотря в сторону, — ты никого не убил. Ты просто стоял, как статуя Амарида.

— Я убил раньше, — снова ответил он тихим голосом. — Если он и почувствовал обвинительные нотки в ее тоне, то не подал вида. — Я убил охранника раньше.

— Верно. Ты это сделал.

Таммен услышала звук шагов поблизости и, повернувшись, увидела, как приближается Майра. Лицо ее было мертвенно-бледным, а выражение глаз — почти таким же, как у Нодина.

— Шестнадцать жителей мертвы, — сказала она звонким голосом. Затем сглотнула. — Почти три дюжины ранены и нуждаются в вашей помощи.

— Конечно, Майра, — сказала Таммен. — Идем немедленно.

Но женщина не шелохнулась.

— Как это случилось? — спросила она после продолжительного молчания. — Как подобное могло произойти?

— Этого и не должно было случиться, — ответил Нодин. — Это было ужасной ошибкой.

— Нет! — нашла в себе силы сказать Таммен. — Нет, это не было ошибкой. Это несчастье, возможно, даже трагедия. Но не ошибка.

Нодин открыл рот, собираясь что-то возразить, но она прервала его резким жестом.

— Мы пришли сюда, чтобы помешать Храму уничтожить лес, — сказала она. — Вы думаете, жрец отказался бы от золота, которое он получил бы за эти деревья, без борьбы?

— Час назад ты говорила нам, что Пэдджетт побежден, — напомнил ей Хенрик. — Или ты об этом уже забыла?

— Нет, не забыла, — ответила она, а щеки у нее горели, так как он задел ее за живое. — Я вела себя глупо, так же, как Нодин — сейчас. Она некоторое время смотрела на Хенрика, но он стоял с непроницаемым лицом. — Речь не идет о мирном движении, — сказала она, снова поворачиваясь к Нодину. — Это — война, и мы только что сражались в первом бою.

— Маг, тебе следовало сообщить нам об этом раньше, — сурово произнесла Майра. — Мы, возможно, не присоединились бы к вам так легко, зная, что вы считаете нас подспорьем в вашем конфликте с Храмом.

— Вы и жители очень хотели согласиться на нашу защиту, Майра. Вы не просили у нас никаких объяснений, а мы не ставили условий в обмен на свою помощь. Не думайте, что вы можете снять с себя ответственность в этом деле. Так нельзя. Вы так же виноваты в случившемся, как и мы, и едва ли приличествует той, что называет себя лидером, убегать и прятаться, как только дело приняло угрожающий оборот.

Майра зло посмотрела на нее. Она тяжело дышала, а руки были сжаты в кулаки так

сильно, что костяшки побелели.

— Как это возможно, чтобы столь юное создание было таким бессердечным? — спросила она наконец тихим голосом, больше похожим на шепот. — Жизнь была к тебе так жестока?

Таммен смотрела в сторону. Вопросы женщины задели ее за живое.

— Вашим подопечным требуется лечение, Майра, — сказала она. — Почему бы вам не отвести нас к ним?

Седовласая женщина смотрела на нее еще несколько секунд, но Таммен не стала встречаться с ней взглядом. Наконец, не говоря больше ни слова, Майра повернулась и повела трех магов туда, где лежали раненые и мертвые.

Свет. Желтый, как песок на берегах Океана Дуклеи. Это было все, что он видел. Иногда казалось, что это — суть всего его существования. Свет, тяжесть ястреба на плече и жгучие воспоминания о жизни и смерти. Это сияние вонзалось ему в глаза, подобно кинжалам. Он мог закрыть глаза, но после стольких лет, казалось, оно преследовало его даже в этом убежище. Одна молодая, малоизвестная женщина назвала это жизнью в церилле, и это было очень точным определением. Он был заключен в тюрьму света и магии. Он пребывал в своем церилле. «А мог бы, — подумал он с горькой улыбкой, — оказаться в Созывающем Камне, которым едва не завладел».

Птица на его плече взъерошила перья и начала их чистить. Он рассеянно провел рукой по ее клюву. Это была не Хуван, большая сова, бывшая с ним во времена его могущества, которую он убил в конце концов, чтобы стать бессмертным и попытаться хоть как-то отомстить. Это был Мирон, светло-коричневый ястреб его молодости. И хоть проклятый свет не позволял ему ничего видеть вокруг в течение дня, он знал, что находится на Северной равнине, где пасмурным днем бесконечное число лет назад он стал связанным с ней.

Сейчас он помнил тот день более отчетливо, чем в течение последних лет своей жизни — что у него осталось, кроме воспоминаний? В то время он был почти ребенком, потрясенным мириадами возможностей, которые были заключены в этой прекрасной птице. Перед ним лежало так много путей — казалось, им суждено было привести его к власти и славе.

Это было еще до проклятий и оскорблений, которыми его осыпали собратья маги из Ордена. В то время он был лишь магом Сартолом. У него было мало влияния и известности, и он ничего не знал о Волшебной Силе. И тем не менее это было, по иронии судьбы, единственным периодом его жизни, когда он был по-настоящему счастлив. Все это слишком быстро закончилось после того, как он стал Сартолом, который взимал плату за службу народу равнины; Сартолом, которого порицали его собратья маги; Сартолом, которого обходили вниманием его собратья Магистры каждый раз, когда их созывали выбрать нового Премудрого. И наконец посмертно он стал Сартолом-убийцей и предателем, который был лишен жизни объединенными усилиями всего Ордена. Сегодня он был Сартолом Неприкайнным, которого ненавидели еще больше, чем Терона. Даже в плену у света и магии он знал, что они говорили о нем. Как и все Неприкайнные, он являлся олицетворением Волшебной Силы. У него все еще оставался Дар прозрения, и благодаря тому, чему он научился, будучи жертвой Проклятия Терона, он многое мог знать из того, что происходит в Тобин-Сере. Так что он был хорошо осведомлен. Иногда он даже слышал, как Баден и остальные говорят о нем.

Больше всего на свете он хотел уничтожить их, чтобы отомстить за свое поражение в Великом Зале, чтобы заставить их заплатить за то, что они вынудили его сделать с Хуван. Отомстить не только Бадену, которого он ненавидел больше, чем всех остальных, но также Джариду и Элайне, этим щенкам. Именно они случайно наткнулись на него, когда он стоял над трупами Джессамин и Передура. Именно им удалось выжить в лесу Терона, когда он был уверен, что они умрут там. Именно их появление в Великом Зале во время отсутствия

Бадена, Орриса и Транна разрушило все то, над чем он так долго и упорно работал. Прежде чем все будет кончено, каждый маг в Тобин-Сере понесет наказание за то зло, что было причинено ему, особенно эти трое: Баден, Джарид и Элайна.

Он попытался отомстить в самую первую ночь своего вечного скитания. Когда Фелан, Терон и прочие Неприкайнные предложили магам помощь в борьбе с бандой пришельцев под руководством Калбира, Сартол использовал всю свою силу, чтобы помешать их стараниям. И хотя он еще не был опытен в том, как действовали Неприкайнные, и не был знаком с действием Волшебной Силы в этом странном царстве, ему удалось помешать Фелану и остальным отнять оружие у пришельцев. В результате Ньялль погиб, а Баден оказался без птицы.

Но это очень мало удовлетворило его чувство мести и дорого ему обошлось. С того момента он был изгнан остальными странствующими призраками. Он стал изгоем среди отверженных. Не считая Мирона, он был совершенно один. В каком-то смысле это было смешно: наказывая его, остальные Неприкайнные предоставляли ему свободу и уединение, необходимые для составления плана мести. Среди призраков Тобин-Сера мысль была средством общения. Соизволь Терон, Фелан или еще кто-нибудь заговорить с ним, реши они просто оскорбить его или посмеяться над ним, они бы прочли его мысли и нашли бы способ остановить его. Но вместо этого от злости и глупости они просто изолировали его.

Поэтому он таился и наблюдал, выжидая благоприятного случая, ведь время — это единственное, что у него было в изобилии. Он видел Джарида и Элайну в их доме у Южного Шелтера и наблюдал за появлением их маленького отродья. Он знал об открытом неповиновении Орриса воле Ордена и с интересом и удовлетворением наблюдал, как Эрланд и его союзники сформировали свою маленькую Лигу и разделили Волшебную Силу. А позднее он наблюдал, как так называемые свободные маги борются за приобретение известности в стране и видел в их повторяющихся неудачах и растущем отчаянии возможность, которой так долго ждал.

«Еще многое должно произойти», — приходилось ему напоминать себе снова и снова. Даже сейчас он видел, как цериллы мерцают по всей стране, и хотя он знал почему, ему было интересно, можно ли обратить это себе на пользу. Как-никак, они использовали его камень. Его посещали видения. И в этом потоке образов, который считался сном в царстве Неприкайнных, он мельком увидел будущее. Или, точнее, он разглядел один из возможных вариантов будущего. В чем он увидел возможность отомщения. До этого он узнал все, что мог, о силе, которой он все еще обладал, как один из Неприкайнных. Ему были известны как ее ограничения, так и возможности. Когда придет время, он будет готов. Ему нужно лишь ждать и быть терпеливым. Ибо время — это единственное, что у него в избытке.

7

В своем последнем письме ты выразил удивление, что я сообщала тебе столь подробно о политических маневрах в Совете Правителей и каждом из Налей. Как ты пишешь: «Я с удовлетворением узнал, что ты и Шивонн по-прежнему у власти и союз между вашими Нолями не нарушен. Все остальное меня мало волнует».

Я категорически не согласна. Судя по тому, что ты рассказывал мне раньше, мне кажется, что ты разошелся со своими коллегами по Ордену из-за такого же узкого видения мира. В свете расширяющейся торговли Тобин-Сера его лидеры должны обращать внимание на все, что влияет на власть их торговых партнеров, — неважно, насколько запутанными эти вопросы могут казаться. Если ты хочешь узнать все, что можно, о деятельности внутри Лиги, ты должен быть в курсе всего того, что происходит в Лон-Сере.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля магу Оррису,
день 1, неделя 11, зима, год 3067*

— Мне очень жаль, Правительница, — сказала женщина, улыбаясь с говорящего экрана такой улыбкой, что Мелиор сразу поняла — ей вовсе не жаль. — Вирсия не может в настоящее время поговорить с вами. Она ужасно занята подготовкой к вступлению в должность Правительницы. Возможно, если вы свяжетесь с ней после...

Мелиор покачала головой, ее планы расстраивались.

— Дело не терпит отлагательств.

Лицо женщины посуровело.

— Боюсь, что потерпит! — Она протянула руку, словно собираясь выключить экран.

— Нет! — резко сказала Мелиор, вызвав у той очередную широкую улыбку. Мелиор закрыла глаза и перевела дух. «Она всего лишь легат, — сказала она себе. — Так с ней и обращайся».

— Пожалуйста, — снова начала она. — Это очень важно. Я понимаю, что у Вирсии много дел, но это касается того, что случилось с Шивонн.

Легат сузила глаза:

— Мы знаем, что случилось с Правительницей Шивонн. Вирсия собирается поднять этот вопрос на следующем заседании Совета.

— Она не сможет! — сказала Мелиор.

— Сможет, сможет. Я уверена, что Марара очень заинтересует то, что убийца из Брагор-Наля убил Правительницу Шивонн.

Мелиор снова покачала головой:

— Дело куда сложнее! — Но она знала, что у нее нет ни единого шанса убедить женщину. За последние несколько дней она вела подобные переговоры бесчисленное количество раз со многими из легатов. Возможно, она даже говорила с этой женщиной раньше. Трудно сказать. С лицами, обрамленными черными шляпами, все легаты Уэрелла-Наля выглядели как один: суровыми и холодными. И все они были одинаково непреклонными в своем нежелании выслушать ее или позволить поговорить с Вирсией.

По всей вероятности, она добьется не большего успеха с новым лидером Уэрелла-Наля, даже если ей представится возможность поговорить с ней, но она должна попытаться. Слишком многое было поставлено на карту.

В ушах у нее все еще стоял звук взрыва, который убил Шивонн, словно он передавался посредством говорящего экрана. Так как и часа не прошло после покушения на ее собственную жизнь, убийство Шивонн показалось ей совпадением, в которое очень трудно поверить.

Ее подозрения подтвердились спустя два дня, когда она получила сообщение от разведывательной сети Джибба о том, что найден детонатор бомбы, убившей Шивонн, и определено: он произведен в Брагор-Нале. Две бомбы, одна — с детонатором из Уэрелла-Наля, которая едва не убила Правительницу Брагор-Наля, а другая — с детонатором из Брагор-Наля, которая убила Правительницу Уэрелла-Наля. Столь примитивный заговор мог быть начат только одним человеком — Мараром, Правителем Стиб-Наля. Кто еще мог извлечь столь многое из конфликта между Уэрелла-Налем и Брагор-Налем? Со вступления Мелиор в должность многовековое противостояние между двумя самыми большими Налями Лон-Сера сменились беспрецедентным периодом согласия. В результате случайные приработки, которыми Стиб-Наль пользовался в качестве союзника Брагор-Наля в Совете, хотя они были незначительны, исчезли, оставив маленькую территорию Марара в качестве немногим больше, чем политический призрак. Конечно, он стоял за этими покушениями. Это казалось почти до смешного очевидным. По крайней мере, ей.

Но Вирсия и ее легаты по-прежнему не были в этом уверены. Мелиор показала им детонатор бомбы, повредившей Золотой Дворец, держа его прямо перед экраном, чтобы они видели. Но все легаты, с которыми она говорила, отметили этот аргумент, считая его не более чем деталью схемы, разработанной в Брагор-Нале, чтобы убить Шивонн. Словно Мелиор делать было больше нечего, кроме как инсценировать покушения на свою жизнь и

убивать самого могущественного союзника, который у нее был в Лон-Сере.

Это было нелепо. И все же при всей своей неуклюжести задумка Марара срабатывала. За одно единственное утро прервалось почти семилетнее сотрудничество между двумя его гигантскими конкурентами. Вирсия и ее подчиненные считали, что Шивонн была убита агентами Брагор-Наля, а Мелиор не знала, как убедить их в том, что они ошибаются.

— Послушай, — уныло сказала она, снова уставясь в говорящий экран, — в тот же день, когда была убита Шивонн, состоялось покушение на мою жизнь. Мы нашли детонатор и...

— Да, я знаю, — прервала легат, на которую, казалось, ее слова не произвели впечатления. — Детонатор той бомбы был из Уэрелла-Наля. Мы уже это слышали, Правительница. Мы с вами говорили всего несколько дней назад. Вирсия рассмотрит ваше доказательство на следующем собрании Совета.

Мелиор сердито выдохнула сквозь зубы и потерла рукой лоб. Она не переносила глупцов и была готова вот-вот сказать об этом и легату, когда ей в голову пришла мысль. Она особо и не надеялась, что это сработает, но другие возможности давным-давно были исчерпаны.

— Скажи Вирсии, что я желаю поздравить ее лично с предстоящим вступлением в должность и что я хочу сделать это не только как Правительница Брагор-Наля, но и как Хранительница Камня и эмиссар гилдринов Лон-Сера.

Легат скептически смотрела на нее несколько мгновений.

— Скажи ей также, — добавила Мелиор, небрежно поднимая свой посох со сверкающим ярко-красным камнем и кладя его на стол так, чтобы его было видно на говорящем экране, что я желаю передать послание доброй воли от Ордена Магов и Магистров в Тобин-Сере.

Глаза женщины расширились, и после недолгого колебания она кивнула и отошла от экрана.

Мелиор казалось, что ее ожидание затянулось, и по истечении нескольких минут она стала сомневаться, удалась ее уловка или нет. Но наконец, когда она решила, что Вирсия в очередной раз отказалась говорить с ней, та подошла к экрану и села перед ним.

Раньше Мелиор лишь однажды видела ее, семь лет назад, когда вместе с Гвилимом, Носителем Камня, и Оррисом она была арестована и брошена в Уэрелльскую тюрьму. Отчаянно желая поговорить с Шивонн и заручиться ее поддержкой в борьбе против Седрика, Брагорского оверлорда, стоявшего за нападениями на родину Орриса, Мелиор сказала охране, что они втроем находились в Уэрелла-Нале в качестве гостей Шивонн. Конечно, она лгала, но именно из-за явной бесцеремонности подобного заявления Шивонн послала Вирсию, бывшую легатом в то время, разузнать, в чем дело.

Вирсия особо не изменилась за прошедшие с тех пор годы. Возможно, стало чуть больше морщин вокруг голубых глаз и широкого рта и чуть больше седых прядей в золотистых волосах. Но в остальном ее лицо было таким же, каким его помнила Мелиор: привлекательным, но суровым, с холодной слабой улыбкой на губах. Мелиор также заметила, что, хотя Вирсия еще только должна была вступить в должность, она уже носила ярко-красное платье, надеваемое всеми Правительницами Уэрелла-Наля.

— Здравствуй, Вирсия, — сказала Мелиор с преувеличенным энтузиазмом. — Как любезно с твоей стороны согласиться поговорить со мной.

— Ты наконец добилась моего внимания, Мелиор, — равнодушно ответила женщина. — Не трать попусту мое время на свои сарказмы. — Что тебе нужно?

— Как я уже сказала твоему легату, я лишь желаю поздравить тебя от имени своего сословия и моих друзей в Тобин-Сере.

— Да, она мне так и сказала. Упоминание о твоих друзьях-волшебниках привело меня сюда. А сейчас я даю тебе последний шанс. Что тебе нужно?

— Как идет расследование убийства Шивонн? — спросила Мелиор.

Глаза Вирсии сердито вспыхнули.

— Да как ты смеешь? — прошипела она. — Я не намерена сидеть здесь и терпеть насмешки, в особенности — твои!

— Вопрос был задан серьезно, — произнесла Мелиор, с трудом сдерживая гнев.

— Эта твоя игра затянулась! — наклонилась вперед Вирсия, приближая лицо к экрану. — Единственной ошибкой Шивонн было чрезмерное желание видеть только хорошее в людях. Возможно, тебе обманом и удалось заставить ее поверить в то, что ты многое изменила и превратила Брагор-Наль в респектабельное и спокойное место. Но я не так глупа. Детонатор бомбы, убившей Шивонн, только подтвердил то, что я подозревала все время. Ты просто злодейка, которой случайно выпало управлять шайкой бандитов.

— Поосторожнее, Вирсия, — сказала Мелиор. — Ты ведь не хочешь разозлить меня. Если я отклоню твою петицию на вступление в Совет, твоим легатам придется выбрать кого-нибудь еще. Ты ведь определенно этого не хочешь, не так ли?

Лицо женщины побледнело.

— Ты не посмеешь! Петиция всего лишь формальность и ничего более! Ты не сможешь отклонить ее!

Мелиор одарила ее ледяной улыбкой:

— Не смогу? Если я решилась убить Шивонн, почему я не должна пойти и на это?

Вирсия пристально посмотрела на нее, сжав зубы.

— Чего ты хочешь? — спросила она, и на этот раз в ее голосе чувствовалось смирение.

— Я хочу, чтобы ты выслушала меня без предубеждения, — ответила Мелиор. — Оставь на время свои подозрения и послушай, что я хочу тебе сказать. — Она снова улыбнулась. — Это ведь недорогая цена за вступление в Совет, тебе так не кажется?

Та ничего не ответила, но спустя несколько мгновений слабо кивнула.

Мелиор вздохнула. Это ее единственный шанс. Ей нужно тщательно выбирать слова.

— Я не ожидаю, что ты поверишь в это с ходу, но я считала Шивонн своей подругой.

Вирсия издала резкий недоверчивый смешок.

— Ты ведь согласилась послушать.

— Я ожидала услышать нечто большее, чем ложь!

Это почти довершило дело. Мелиор уже протягивала руку к говорящему экрану, чтобы выключить его, когда голос в ее сознании остановил ее. Голос Шивонн. *«Не позволяй делу закончиться ничем, — услышала она слова Правительницы. — Не позволяй им победить, борись».*

Положив руку обратно, Мелиор медленно выдохнула:

— Ты считаешь меня дурой, Вирсия?

Та моргнула:

— Что?

Мелиор широко улыбнулась:

— Ты думаешь, я глупа?

— Нет, — ответила Вирсия после короткой паузы. — Я думаю, ты чрезвычайно умна.

— Тогда для чего мне убивать Шивонн?

Она заколебалась, и по неуверенности в ее светлых глазах Мелиор поняла, что та даже не задумывалась о мотивах убийства Шивонн.

— Ну...

— Ты сама только что сказала, сколь глубокое доверие Шивонн оказывала мне; что она очень хотела верить в то, что я изменилась, — продолжала Мелиор, закрепляя свое преимущество. — Зачем мне нужно, чтобы на ее место пришла та, которая, скорее всего, не будет мне доверять?

Вирсия тупо уставилась на говорящий экран.

— Ведь в этом нет никакого смысла, согласишься?

Та долго молчала, и когда наконец заговорила, ее ответ удивил Мелиор.

— Я слушаю, — просто сказала она.

— Если бы не Шивонн, я бы никогда не стала Правительницей. Кроме того, я бы

погибла от рук убийц, посланных Седриком. И даже несмотря на то, что мы не были согласны по всем вопросам, которые возникали на Совете, действовали мы слаженно. К тому же я считаю, что отношения между нашими Налями стали лучше, чем когда бы то ни было.

— Думаю, это так.

— Отсюда возникает вопрос, — продолжила Мелиор, — кто больше всего выиграет от прекращения нашего сотрудничества?

Казалось, Вирсия обдумывает услышанное.

— Наверное, Стиб-Наль.

Мелиор кивнула.

— Прекрасно. — Она показала детонатор бомбы, повредившей Золотой Дворец. — Вот это — осколок бомбы, которая взорвалась прямо перед окном моей спальни, менее чем за час до того, как была убита Шивонн. Форму узнаешь?

— Да, — спокойно ответила та. Вне всякого сомнения, легаты подготовили ее к этому вопросу. — Это один из наших.

— Тебе это ни о чем не говорит?

— Слабый довод, — ответила Вирсия, пожав плечами. — Ты могла легко провезти это в Брагор-Наль и инсценировать покушение на свою жизнь.

— Да, — нетерпеливо сказала Мелиор. — Так же как и ты могла сделать то же самое с устройством, убившим Шивонн!

— Я?

Мелиор высказала очевидное: Вирсия выигрывала больше всех в Матриархии от смерти Шивонн. Но она знала, что такое утверждение принесет больше вреда, чем пользы. Вирсия имела не больше отношения к смерти Шивонн, чем Мелиор.

— Не ты лично, — сказала она. — Кто угодно. Любой. Дело в том, что, хотя убийство Шивонн и покушение на мою жизнь могли быть осуществлены людьми из любого Наля, мне кажется — это не простое совпадение — то, что оба покушения произошли в одно утро.

— А мне кажется абсурдным, что Марар мог действовать столь прямолинейно и примитивно.

Мелиор закрыла глаза и потерла лицо рукой. Вирсия была права. Это действительно казалось абсурдным. Но она обдумывала это не раз. Это было единственным объяснением, которое имело хоть какой-то смысл.

— Ты знаешь Марара, Вирсия? Ты когда-нибудь встречалась с ним?

— Нет, — призналась та.

— Ну а я знаю его несколько лет. Нельзя пробыть в Совете с кем-нибудь так долго и не понять, как работает его ум. Прежде чем я стала Правительницей, Марар играл решающую роль в поддержании превосходства Брагор-Наля в Совете. И как таковой, он обладал определенной властью и влиянием. Он потерял все это, когда мы с Шивонн стали союзниками, и он искал способ вернуть утраченное влияние!

— Я в этом и не сомневаюсь. Но... — Вирсия развела руками и покачала головой. — Даже Марар не может быть таким глупым.

— Глупым? — повторила Мелиор. — Ты разве не видишь? Ты думаешь, что я убила Шивонн. Понадобился не один день на то, чтобы ты хотя бы согласилась поговорить со мной. Представь, если бы я тоже погибла. Наши Нали могли бы уже воевать. — Она мрачно улыбнулась. — Возможно, это несколько примитивно, но план Марара оказался каким угодно, но не глупым.

Вирсия снова замолчала и сидела совершенно неподвижно, уставясь на руки.

— Если ты права, — наконец сказала она, — что же мы будем делать?

— Еще точно не знаю, — призналась Мелиор, внимательно глядя на свой светящийся красный камень. — Мне нужно знать, попытается ли он убить меня еще раз не откладывая дела в долгий ящик или будет пока вбивать клин между Матриархией и Брагор-Налем. — Она снова подняла взгляд, и ее глаза встретились с глазами Вирсии. — Ну а пока мы можем, по крайней мере, поддерживать связь друг с другом. Нельзя позволять Марару думать, что

он выигрывает.

— А почему? — спросила та. — Если он убедится, что ему удалось разрушить союз между нашими Налями, он вообще больше не будет пытаться убить тебя.

Мелиор почувствовала, как ее лицо расплывается в широкой улыбке. В конце концов она смогла бы сотрудничать с этой суровой женщиной.

— Ты предлагаешь интересный вариант. Хотя я не думаю, что это спасло бы мне жизнь.

— Почему?

Она показала ей посох.

— Я не кто иная, как гилдрин и Хранительница. Марар никогда мне не доверял. Рано или поздно он снова подошлет убийцу. Но, наверное, ты права: мы можем, по крайней мере, выиграть время, заставив его думать, что все идет по его плану.

— И как мы это сделаем?

— Притворимся, что не доверяем друг другу. — Она улыбнулась. — Тебе это будет легко.

К удивлению Мелиор, Вирсия улыбнулась в ответ.

— Какая жалость. Мне нравится принимать вызовы. — Однако мгновением позже ее улыбка исчезла. — Ты понимаешь, что если твои слова подтвердятся, у нас возникнет другая проблема.

Мелиор оставалась совершенно неподвижной и ждала. Она знала, что собирается сказать Вирсия, ибо сама думала о том же несколько дней. Марар сам по себе был наименьшим поводом для беспокойства.

— Если Марар действительно провез эти бомбы в наши Нали, — говорила Вирсия, и ее правильные черты лица бледнели, словно она впервые слышала свои собственные слова, — значит, у нас обеих затаились предатели в Службах Безопасности. Это означает, что наши жизни в опасности.

— Я знаю, — ответила Мелиор. — Будь осторожнее с теми, кому доверяешь.

Вирсия издала короткий безрадостный смешок.

— И эти выбивающие из колеи слова исходят от тебя.

— Что поделаешь, — ответила Мелиор, безуспешно пытаясь улыбнуться. — Добро пожаловать в Совет Правителей.

Сначала он был синевато-багровым от злости. Он заплатил охраннику щедро — гораздо больше, чем человеку из службы безопасности Шивонн, — и взамен за все это золото он ожидал эффективности и компетентности. Он потратил так много времени и еще больше денег, воплощая этот план в жизнь, и вот — его испортила небрежность одного человека. Именно это он и сказал охраннику в ту самую ночь, в то время как остальные люди Мелиор все еще ремонтировали фасад Золотого Дворца Брагор-Наля. И ему было приятно видеть, как тот дрожит от его громового тона и угрозы наказания за дальнейшие провалы.

Мелиор и Шивонн считали его жалким лидером, он знал это. Они считали его дураком. Но даже если Стиб-Наль считался самым маленьким и самым слабым из Налей, стать его Правителем было немалым успехом. Марар не сомневался в том, что путь Мелиор к власти весьма похож на его собственный. Как и Брагор-Наль, Стиб-Наль управлялся строгой иерархией, в которой продвижение являлось результатом вероломства, силы и некоторого везения. Брагорская система действовала в гораздо больших масштабах, но сходство было слишком значительным, чтобы не обращать на него внимания. Те в Стиб-Нале, кто недооценивал его, погибали. Прямо как Шивонн. Во многих отношениях у него с Мелиор было много общего.

Вот почему после нескольких дней размышлений его ярость стала слабеть. Раньше Мелиор нужна была ему мертвой. Она была гилдрином, а он очень даже боялся сил, заключенных в этом светящемся кристалле, который она носила с собой. Но у нее также были связи с магами Тобин-Сера, и не важно, кем она стала за последние годы, ведь когда-то

она была такой же безжалостной и честолубивой, как любой из лордов Брагор-Наля. Если бы союз между Уэрелла-Налем и Брагор-Налем удалось разрушить и если бы Мелиор еще раз можно было убедить, что путь к власти и золоту ведет через Тобин-Сер, ошибка охранника обернулась бы очень большой удачей. Ее связи с Орденом Магов и Магистров в Тобин-Сере были бы неоценимыми, если бы они сочетались с отношениями, которые сам Марар наладил со жрецами той страны. Конечно, он строит лишь планы на будущее. Но у него все еще есть тот охранник. Если все пойдет не так, как нужно, он просто пошлет еще одну бомбу для Мелиор.

Он впервые узнал о возможности завоевания Тобин-Сера семь лет назад во время того необычного ночного заседания Совета, когда Шивонн выступила против тайного плана Дарелла о покорении таинственной страны по ту сторону моря Арика. Марар был так шокирован ее осведомленностью и напуган тем, что за ней скрывалось, что сам открыто возразил Дареллу, на что раньше никогда не осмеливался. Он боялся, что Брагорский Правитель накажет его за подобную дерзость, но Дарелл не дожил и до утра. Седрик, оверлорд-отступник, убил его и подал прошение о принятии в Совет, как оказалось, только лишь для того, чтобы его самого убили Мелиор и ее колдун, прежде чем Марар и Шивонн успели ответить.

Но за годы, прошедшие с тех пор, Марар узнал, что он может выиграть от завоевания Тобин-Сера. Как он слышал от купцов из Аббориджа, страна магов имела в изобилии все сырьевые товары, которые иссякли в Налях Лон-Сера: лес и минералы, а также чистую воду, воздух и пространство, где можно развернуться. Вот почему, когда те же самые торговцы сказали ему, что жрецы Тобин-Сера ищут оружие в обмен на золото, Марар ухватился за шанс провести целый ряд тайных сделок с оружием. Это было удобным случаем. И упускать его нельзя, он знал это. В Стиб-Нале не было ни средств, ни технологий, чтобы побеждать магию волшебников даже с помощью жрецов. Но, очевидно, этот Седрик когда-то верил в то, что делал. И так как он назначил Мелиор главой отряда, который отправлялся в Тобин-Сер, это означало, что она знала обо всем, что у Седрика на уме.

Марар кивнул самому себе и улыбнулся. На данный момент, по крайней мере, Мелиор будет гораздо полезнее ему живой, а не мертвой. Если она откажется сотрудничать, ее можно будет убрать. Тогда он обратится к новому Правителю Брагор-Наля по поводу Тобин-Сера. Прекрасная гилдрин многое изменила в Брагор-Нале, но Марар подозревал, что северный сосед Стиб-Наля во многом остался таким же, как раньше. Возможно, тяга к золоту у Мелиор ослабла, но едва ли тот, кто ее заменит, будет обладать такими же твердыми устоями.

Он перевел дух и уселся перед говорящим экраном. Пока у него есть другое задание для сотрудника службы безопасности Брагор-Наля. Мелиор была не единственной угрозой, с которой он столкнулся в этой стране.

Премель присутствовал на совещании службы безопасности, когда поступил вызов. Джибб, который еще раз просматривал данные, полученные о бомбе, повредившей дворец, дошел как раз до середины предложения, когда раздалось пиканье.

— Что это? — спросил он, отрывая взгляд от бумаг, лежащих перед ним, и осматривая комнату.

— Ничего особенного, генерал, — ответил Премель, прилагая усилия к тому, чтобы его голос не дрожал. — Просто дистанционный сигнал от моего говорящего экрана. — Джибб слегка сузил глаза, и Премель выдавил улыбку. — Наверное, девушка, с которой я был прошлой ночью.

Начальник службы безопасности одарил его широкой улыбкой и вернулся к прерванному занятию. Но Премель почти не слышал, о чем говорил Джибб оставшееся время, и когда он вернулся в свою комнату, руки у него дрожали от ярости и еще одного чувства, в котором ему не хотелось себе признаваться.

Включив экран на своем письменном столе, он сразу же оказался лицом к лицу с

Правителем Стиб-Наля.

— Ну, наконец-то, — сказал Марар, растягивая свое тонкое костлявое лицо в неискренней улыбке. — Я уж начал было думать, что ты меня игнорируешь.

— Вы со мной связались в самый разгар совещания, — напустился на него Премель. — Я полагал, вы будете со мной связываться только после работы.

Правитель с раздражающим безразличием пожал узкими плечами.

— Мне нужно было поговорить с тобой. И следи за своим тоном. Ведь я тебе плачу, не забыл?

Премель пристально посмотрел на него, но ничего не ответил. Ему становилось все обременительней это сотрудничество. Спору нет, вознаграждение большое, но и риск возрастает слишком быстро. Все начиналось достаточно безобидно: стандартные разведданные, логистическая информация, несколько подробностей о технологии изготовления оружия. Казалось, это не слишком угрожало безопасности, как его собственной, так и его друзей в ПСБ.

А затем начались покушения. Премель не выказал большой проницательности и не понимал, что к чему, покуда Марар не начал задавать ему вопросы о том, как реагирует на нападения Служба Безопасности; тут он больше не мог отрицать очевидного.

Но даже тогда он нашел способ оправдать свое предательство и богатство, которое оно принесло ему. Мелиор была гилдрином; у нее не было никакого права управлять Брагор-Налем. Стоило лишь посмотреть на то, что она сделала, будучи Правительницей, чтобы понять это. Система Нaley всегда основывалась на строгой иерархии, которая вознаграждала силу и находчивость. Она была сурова или даже жестока к тем, кто был слишком слаб, чтобы двигаться к власти. Но она работала. Веками. Мелиор знала об этом так же, как и любой другой, потому что была, на взгляд Премеля, идеальным лордом. Но тот камень изменил ее. Он сделал ее щепетильной. Ее усилия избавиться от очагов насилия только ослабили Брагор-Наля. И даже хуже того, она заключила плохо продуманный и опасный союз с Уэрелла-Налем, который угрожал подвергнуть риску военное и экономическое превосходство Брагор-Наля.

Поэтому, когда Марар дал ему указание организовать следующее покушение на Мелиор, он колебался, но недолго. Он делает это ради блага Наля, сказал он себе. Ни один столь же слабый Правитель, как она, долго не прожил бы при старых порядках. Чтобы Брагор-Наля остался самым сильным Налем, она должна умереть.

Но хотя Премель уже давно примирился с тем, что он предал Мелиор, предательство по отношению к Джиббу все еще угнетало его. По его мнению, именно Джиббу следовало быть Правителем. Начальник Службы Безопасности все-таки понимал, как нужно управлять Налем, и он никогда бы не допустил, чтобы положение Брагор-Наля в Лон-Сере пошатнулось. Только его неослабевающая преданность Мелиор мешала ему сказать об этом откровенно. И хотя Премель совершенно не понимал причин неизменной верности Джибба по отношению к Мелиор, он не мог не восхищаться его твердостью. Джибб был достаточно силен, чтобы выжить в системе Наля и в то же время благороден настолько, чтобы завоевать доверие и уважение людей, которые работали под его началом. У Джибба предательство Премеля вызвало бы отвращение. Но, как казалось самому Премелю, его поступок дал шанс вернуть все на свои места и сделать Джибба Правителем.

Фокус был в том, чтобы преследовать свою собственную цель и при этом не сердить Марара. Поэтому до поры до времени он решил спокойно мириться с высокомерием Правителя. Когда Джибб станет Правителем, а Премель — главой ПСБ, они отомстят.

— Что вам угодно, Правитель? — как можно учтивее спросил Премель.

Марар широко улыбнулся:

— Так-то лучше.

Премель просто ждал, никак не реагируя на замечание Правителя.

— Я вот тут думал, Премель, — мгновением позже продолжил Марар. — Твоя ошибка в тот день может сыграть мне на руку. Я пришел к выводу, что действовал несколько

опрометчиво, пытаюсь убить Мелиор прямо сейчас. Она в настоящее время будет гораздо полезнее мне живой, а не мертвой.

«Ишь ты!» — Ему пришлось сдержать готовое сорваться с губ возражение. Это была не его ошибка. По какой-то причине — то ли из-за того, что подосланный убийца был слишком одурманен и плохо соображал, то ли потому, что был глуп, — он совершенно легкомысленно отклонился от графика. Не сильно, конечно, но все-таки отклонился. Премель уже несколько раз объяснял это Марару, но тот отказывался его слушать.

— Рад это слышать, Правитель, — изловчился Премель. — Вы для этого вышли на связь? Чтобы предложить мне... выйти из игры?

— Едва ли, — ответил Марар, слегка улыбаясь. — Нет, у меня есть для тебя другое задание.

Премель почувствовал, как кровь отхлынула у него от лица. Если он не хочет, чтобы Мелиор была мертва, о чем же он может просить?..

— Я хочу, чтобы ты избавился от Джибба.

Премель уставился на экран.

— Вы шутите, — наконец сказал он, и его слова больше походили на шепот.

— Я человек, не склонный к шуткам, Премель.

— Но Джибб... — запнулся он. — Почему?

— По ряду причин, — весело ответил Марар. — В определенный момент мне понадобится убить Мелиор. И когда это потребуется, убить ее будет гораздо легче, если Джибба не будет рядом. Кроме того, ты знаешь так же хорошо, как и я, что, если Джибб когда-нибудь узнает, что это я виновен в смерти Мелиор, он позаботится, чтобы я тоже был мертв. — Правитель сузил глаза. — Какие-нибудь проблемы, Премель?

Он облизал губы. Во рту у него пересохло, словно от жажды знойным летом.

— Убить Джибба... это — нелегко.

Марар усмехнулся:

— Ничуть не сложнее, чем убить Мелиор. — Он нахмурил брови, хотя улыбка не сошла с его губ. — Ну же, Премель. Я надеялся, что ты обрадуешься этому заданию. Ты сам сказал мне, что, если Джибб покинет когда-нибудь СБ, ты займешь его место. Вот где твой шанс.

Премель выдохнул сквозь зубы и ненадолго закрыл глаза, проклиная себя за то, что доверился этому человеку.

— Я не могу этого сделать, — сказал он, снова открывая глаза. — Джибб — мой друг. Он хороший человек. Он станет Правителем. Я не могу этого сделать, — повторил он.

— Можешь! — жестко сказал Марар. — Ты сделаешь это, и скоро.

Премель сглотнул, собираясь с силами.

— А если я откажусь?

— Сомневаюсь, что откажешься, — ответил Правитель. — Я думаю, ты слишком хорошо представляешь, что сделают с тобой Мелиор и Джибб, если узнают о твоём предательстве.

Премель открыл рот, чтобы ответить, но обнаружил, что ничего не приходит в голову. Впервые за столько лет ему захотелось заплакать.

— В жизни часто приходится выбирать, друг мой, — говорил Марар, хотя Премель едва слышал его. — Некоторое время тому назад ты выбрал богатство. После операции за этот выбор придется платить. Тебе еще повезло. Когда это произойдет, ты получишь не только золото, но и власть. ПСБ будет твоей. И мне кажется, что жизнь Джибба — сравнительно небольшая цена за все это.

Премель уставился на свой стол — он не мог больше выносить пристального взгляда Правителя — и ничего не ответил.

— Думай об этом деле как о возможности оправдаться передо мной, — продолжал Марар. — Я жажду услышать от тебя, когда ты этим займешься.

В душе у него бушевала буря. Слова Марара доходили до него как бы с большого

расстояния. Но он заставил себя кивнуть. Правитель ожидал этого.

— Не подведи меня снова, Премель. Или я буду вынужден разоблачить тебя и найти другого человека в ПСБ, который станет с большей ответственностью выполнять мои задания.

Мгновением позже костлявое лицо Правителя исчезло. А Премель все еще сидел на месте не в состоянии собраться с силами даже настолько, чтобы выключить экран.

Раньше он и мечтать не мог о таком количестве золота, которое есть у него сейчас. И ПСБ будет принадлежать ему, если он захочет. Но он никогда за всю свою жизнь не чувствовал себя настолько беспомощным. Марар поймал его на крючок. И ему не к кому было обратиться за поддержкой.

При этой мысли он замер, ибо вспомнил об одном человеке. Каким бы удивительным и странным это ни казалось, он неожиданно осознал, что у него еще есть надежда. Он никогда не предполагал, что сможет хотя бы думать об этом, как и не ожидал, что окажется в таком затруднительном положении.

— *В жизни часто приходится выбирать,* — сказал Марар.

Премель кивнул и, наклонившись вперед, выключил экран. Возможно, на этот раз он сделал правильный выбор.

8

Как мне кажется, появление в Тобин-Сере свободных магов опасно по многим причинам. Кроме того, озабоченность, которую я выразил тебе в своем последнем письме — что они ни перед кем не отвечают, в отличие от магов и Лиги и Ордена, — является лишь одним из поводов для беспокойства и к тому же не самым серьезным...

Впервые за тысячу лет Волшебная Сила контролируется двумя организациями, а не одной. Отношения Ордена со жрецами остаются в лучшем случае напряженными, и кажется, что раннее сотрудничество между Храмами и Лигой дало повод для конфликтов и недоверия. Если добавить к этому новое Народное Движение, которое открыто заявляет о своей враждебности к Лиге, Ордену и Храмам, то можно сделать вывод, что нестабильность и возможность доселе невиданного конфликта возрастают.

Сейчас существует слабое равновесие, которое поддерживает хрупкий мир между всеми этими организациями. Но свободные маги быстро поймут, что они в силах его нарушить тем или иным способом. И боюсь, что, когда они это осознают, жажда власти приведет к тому, что они ввергнут страну в пучину хаоса и разорения.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
зима, год 4633*

Таммен сидела напротив него, уставясь на огонь, ее лицо выглядело молодым, несмотря на морщины у рта и хмурый взгляд, которым, казалось, она постоянно глядела на мир в эти дни. Отблески пламени и огоньки от сверкающего голубого камня плясали в ее глазах, а светло-каштановые волосы прельстительно ниспадали на лоб. Нодин подумал, что она никогда не смотрелась так хорошо.

Он поглядел в сторону и погладил по клюву своего ястреба, сидевшего рядом с ним на широком бревне. Он знал, что она не любит его, и хотя он все еще чувствовал, как сердце сжимается, когда он думал об этом, большая часть боли от ее равнодушия прошла. Но ему было невыносимо сознавать, что она считает его трусом, как она ясно дала понять после инцидента в Праннай несколькими днями ранее. Он чувствовал это по ее голосу, когда она говорила с ним. Он видел это в ее глазах в тех редких случаях, когда она устаивала его взглядом. «Я не виноват! — хотелось ему сказать ей. — Я не хотел, чтобы кто-нибудь

погиб». Но он знал, что это не выход. Теперь было не важно, как это началось или каковы были их намерения. Шел бой, а он под прикрытием мерцающего зеленого щита Хенрика смотрел, как она убивает людей, нанятых Храмом. Это не было трусостью. Но чем это было, он точно не знал. Но он заслужил ее презрение своим поведением.

— Наверное, нам следует вернуться, — предложил он, пристально глядя на нее сквозь пламя. Он взглянул на Хенрика, который облокотился на дерево неподалеку от костра; глаза у него были закрыты, а ноги лежали на широком плоском камне. — Пэджетт может снова предпринять что-нибудь. И Майре, возможно, потребуется наша помощь.

— Мы уже прошли это, — устало сказала Таммен. — Майра просила нас уйти. И, кроме того, я не думаю, что жрец снова придет за деревьями.

— Ну а если придет? Мы должны...

— Прекрати, Нодин, — отрезала она. — Там все закончилось, и нам теперь стоит беспокоиться о другом! То, что произошло в Праннай, больше не имеет значения!

Он почувствовал, как его лицо краснеет, и был благодарен темноте и неровному свету костра. Он снова посмотрел на Хенрика и увидел, что тот наблюдает за ним с непроницаемым выражением лица.

— Прости, — пробормотал он.

Таммен отклонила его извинения нетерпеливым жестом и подняла посох.

— Хотела бы я знать, что они замышляют, — сказала она, глядя на мерцающий голубой церилл. — Мне плевать, что в Лиге сейчас больше людей. Орден — вот реальная опасность. Именно за ним мы должны следить.

Нодин быстро взглянул на Хенрика, который покачал головой. Она говорила подобное и раньше, и, хотя никто из них не соглашался с ней, они оба понимали, почему она так считала.

Таммен была одной из немногих выживших после вероломных нападений пришельцев на Вотерсбанд, последний город в Тобин-Сере, который опустошили налетчики. Ее родители и сестры погибли той ночью, как и большинство ее соседей и друзей, и хотя она давно знала, что нападавшие не были магами, она никогда не переставала обвинять Орден в том, что случилось.

— С чего бы им устраивать Собрание сейчас? — спросила она, все еще глядя на камень.

— Скоро выясним, — ответил Хенрик с усталым видом. — Наверное, это имеет какое-то отношение к Лиге. Нам не о чем беспокоиться.

— Нет, — сказала Таммен. — Все не так просто. Я в этом уверена. Нельзя доверять им.

Нодин с Хенриком опять обменялись взглядами, но ничего не сказали.

Некоторое время они сидели молча, Таммен по-прежнему смотрела на свой церилл, а Хенрик, сидевший у костра, помешивал угли длинной веткой. Нодин отчаянно думал о том, что сказать. Он был самым старшим членом их троицы. Он был связан со второй птицей почти столько же, сколько его спутники с первыми. Именно ему приходилось принимать те или иные решения в трудных ситуациях. По крайней мере, раньше. Но после Праннай...

— Ну, так куда мы пойдем дальше? — наконец спросил Хенрик, снова облокотившись на дерево.

— Вот уж это не вопрос, — ответила Таммен. — Неважно, куда мы пойдем или кого встретим. Нам нужно найти способ стать сильнее. Мы не можем позволить себе повторения того, что произошло в Праннай.

— Обещаю, что в следующий раз все будет по-другому, — сказал ей Нодин.

Она покачала головой:

— Я говорю не о тебе, Нодин! Я говорю обо всех нас, обо всем Движении!

— Я не понимаю, — сказал Хенрик.

— Сколько, по-твоему, свободных магов во всем Тобин-Сере? — спросила она его.

Темноглазый маг пожал плечами:

— Не знаю. Десять. Может быть, дюжина.

— Правильно. И это — меньше чем половина всех членов Ордена или Лиги.

— Мне кажется, что нас будет больше, — сказал Нодин. — На это может потребоваться время...

— У нас нет времени, — прервала она. — Народное Движение рассчитывает на нашу защиту и руководство. Если мы не сможем помочь им сейчас — неважно, сколько бесплатовых будет в следующем году. Еще несколько таких случаев, как в Праннай, и Движение захлебнется. Никто больше не захочет, чтобы мы им помогали.

— Что ты предлагаешь? — спросил Хенрик.

— А вот что: Лига и Орден превосходят нас числом, у Храмов, очевидно, есть доступ к оружию из Лон-Сера, и это вопрос времени, когда они станут слишком сильны для нас. — Она замолчала и посмотрела на них обоих. — Нам также необходимо оружие. Нам нужно что-то, что позволит нам соперничать с численностью Лиги, Ордена и оружием жрецов.

Нодин уставился на нее:

— Может, ты и права, но что именно?

Таммен заколебалась, и неожиданно показалось, что она пребывает в замешательстве. Она быстро взглянула на Хенрика, а затем повернулась к Нодину.

— Нам нужна помощь, — ответила она, выглядя далеко не такой уверенной, как минуту назад. — И я не знаю, кто согласится помочь нам. — Она перевела дух. — По крайней мере, среди живых.

— Среди живых? — повторил Хенрик с озадаченным выражением на угловатом лице.

Но Нодин уже понял. Сказанное действительно не лишено определенного смысла. Все знали, что Неприкайнные помогли Ордену нанести поражение пришельцам у Отрога Фелана двенадцать лет назад. Очевидно, они все еще владеют некоей силой. И если их можно будет убедить помочь бесплатовым, Народное Движение могло бы сравняться в силах со своими противниками. Нодин не мог не видеть смысла в том, что предлагала Таммен.

Но также он не мог не обращать внимания на холодный страх, который охватил его, как только сказанное сорвалось с ее губ, словно один из призраков сжал ледяной рукой его сердце. Проклятие Терона было не пустым звуком; ни один маг, который провел хотя бы один день несвязанным, никогда в этом не сомневался. А среди тех, кто пал жертвой Проклятия, тех, кого Таммен ждала, чтобы заручиться их поддержкой в общем деле, были некоторые из самых грозных и зловещих фигур в истории страны.

— Ты не можешь предлагать такое всерьез, — задыхаясь, сказал Хенрик, широко распахнув от ужаса темные глаза, когда, наконец, до него дошло то, что она предлагает. — Ты хочешь, чтобы мы обратились за помощью к Неприкайнным?

— Да, — вызывающе ответила она. — Я думала об этом несколько дней, и я не знаю никакого другого способа помочь Движению выжить.

— Но это бессмысленно! С чего это они будут помогать нам? Все Неприкайнные были когда-то членами Ордена. Они не заинтересованы помогать ни нам, ни Движению.

— Кое-кому плевать на Орден, — многозначительно ответила Таммен.

Хенрик направил в ее сторону указательный палец:

— Я не пойду в лес Терона!

— Тебя никто и не просит, Хенрик! — ответила она.

— Ну, а кто же нам поможет?

Нодин знал, что скажет Таммен, еще до того, как она назвала имя. Она была в Вотерсбанде. И это означало не только, что она никогда не будет доверять Ордену, но и то, что в человеке, в котором остальная страна видела предателя и убийцу, она будет видеть героя, спасшего ей жизнь и то, что осталось от ее родного дома.

— Сартол, — ответила она.

Один лишь звук имени Магистра заставил Нодина содрогнуться. Было неважно, что Сартол убил захватчиков в Вотерсбанде, чтобы сохранить в тайне свое вероломство. Было неважно, что он помогал им, и сам в первую очередь помог осуществить нападение на Вотерсбанд. Все, что имело значение для Таммен и остальных, кто выжил в ту ужасную,

несущую смертельное пламя ночь, — это то, что он отразил нападение и отомстил за тех, кто погиб. Для них Сартол был героем. Им дела не было до того, что думал остальной Тобин-Сер.

— Сартол? — спросил Хенрик. — Он был предателем! Он поддерживал захватчиков! Ему нет смысла помогать Движению!

Таммен холодно взглянула на него:

— Ты говоришь, как маг Ордена, Хенрик.

Хенрик вскочил, и в его глаза вспыхивало пламя от костра и отблески церилла. Но каким-то образом ему удалось сдержать гнев, и когда он заговорил, его голос был на удивление спокоен.

— Я говорю тебе правду. Сартол предал Орден и Тобин-Сер. Он убил Премудрую и ее заместителя. — Хенрик развел руками, словно оправдываясь перед ней. — Все это — достояние истории. Это не какие-нибудь выдумки Ордена. Это факты.

— А я могу назвать фактом то, что он спас мне жизнь. Если бы не Сартол, весь мой город был бы уничтожен, а я бы умерла, так же, как и мои родители. Так же, как и моя сестра.

Хенрик открыл рот, собираясь что-то сказать, но сдержался. Он долго смотрел на нее с грустью во взгляде.

— Я — против, — наконец сказал он. — Я знаю, что ты доверяешь ему — наверное, я даже понимаю почему, — но я знаю также, кем он был при жизни, и я не обращусь к нему за помощью даже сейчас.

— Нам придется! — настаивала Таммен. — Нам нужна помощь!

— Может, ты и права, — ответил Хенрик. — Но не от Неприкаянных!

Она в отчаянии воздела руки горе.

— Тогда от кого же? Как еще мы можем противостоять мощи оружия Лон-Сера и численному превосходству магов Ордена и Лиги?

Хенрик отвел глаза:

— Я не знаю. Но то, что ты предлагаешь, безумие! Это слишком опасно!

— Итак, ты признаешь, что боишься.

— Да, — ответил Хенрик, снова встречая ее сердитый взгляд. — Боюсь. Я боюсь Неприкаянных. И я в ужасе от Сартола.

— И ты позволишь своим страхам уничтожить Движение.

Она произнесла это как утверждение; Хенрик снова отвел взгляд и промолчал.

— Ну, а ты? — спросила она, повернувшись к Нодину. — Ты тоже боишься?

Как и в Праннай. Она этого не сказала, конечно. Этого и не нужно было. Нодин слышал намек в ее голосе, видел вызов в ее серых глазах. Он взглянул на Хенрика и увидел, что темноглазый маг тоже наблюдает за ним с не менее решительным видом, чем Таммен. Найти компромисс, который бы удовлетворил их обоих, будет нелегко.

К счастью, Хенрик, сам того не желая, предоставил ему возможность маневра.

— Я согласен с Хенриком, что Сартолу нельзя доверять, — ответил он. — Риск слишком велик. Но, — быстро добавил он, видя как Таммен с отвращением усмехается, — я не готов отказаться от мысли искать помощи у Неприкаянных. Я не ожидаю, что они помогут нам, но мы должны попытаться.

— Хорошо, — неохотно сказала Таммен. — Но если не Сартол, то кто же?

— Я не помнил об этом, пока Хенрик не упомянул, что Сартол убил Премудрую и ее Первого Мага давным-давно. Первого звали Передур, и он стал несвязанным до того, как умер. Он нашел свою первую птицу на западной опушке леса Тобина. Если мы поторопимся, то доберемся туда за шесть или семь дней.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Хенрик.

— Я рос неподалеку от тех мест. Передур с моим отцом были друзьями.

— Так он, может быть, выслушает тебя.

— Не исключено. Попытка не пытка. — Нодин посмотрел на Таммен. — Я думаю, в

тех краях есть несколько свободных городов. Возможно, они будут готовы присоединиться к Движению. Даже если Передур не захочет помогать нам, путешествие будет не напрасным. — Это походило на мольбу больше, чем ему бы хотелось, но в тот момент ему было все равно. Несмотря на все то, что произошло между ними, он был еще не готов потерять ее.

— На запад, говоришь? — спросила она рассеянно.

Он кивнул утвердительно.

— Недалеко от Северной равнины?

— В двух милях от нее. Ты знаешь это место?

Таммен покачала головой:

— Нет. — Мгновение спустя она еще раз покачала головой, словно сбрасывая пелену с глаз. — Хорошо, — сказала она. — Мы поговорим с Передуром. — Она улыбнулась ему. — Это хорошая идея.

Нодин широко улыбнулся в ответ — как он мог удержаться — и повернулся к своему другу:

— Хенрик?

Тот переводил взгляд с Нодина на Таммен; темные глаза его были мрачны.

— Мне это не нравится, — ответил он. — Я соглашаюсь, но мне это не нравится.

Нодин кивнул, все еще улыбаясь:

— Хорошо. — Страхи Хенрика, вероятно, были обоснованны, но он не мог заставить себя думать о них в тот момент. У них составилась план, который объединит их на некоторое время. И к тому же она улыбнулась ему.

Поздним утром Джарид, Элайна и Мин добрались до места, с которого был виден Амарида. Оттуда, с одной из скал гор Парне, город Первого Мага походил на расстеленное бело-серо-зеленое стеганое одеяло. Хрустальные статуи на крыше Великого Зала искрились в лучах солнца, а вдаль, как хорошо наточенные клинки, сверкали белые и голубые шпили Ассамблеи Амарида, места проведения собраний Лиги.

Им бы потребовалось всего несколько часов, чтобы добраться до Великого Зала, но Джарид с Элайной посчитали, что лучше подождать наступления темноты, когда Ритлар будет менее заметна. Проезжая по Тобин-Серу, они избегали городов и деревень, а когда встречи с незнакомцами казались неизбежными, он велел Ритлар отлетать в сторону, чтобы большого орла не видели рядом с магом. Многие в Тобин-Сере знали, что означает появление орла, а они меньше всего хотели сеять панику среди людей.

Во время поездки им удавалось объяснять все это таким образом, чтобы не напугать девочку, но при виде Амарида ее волнение возросло, и ей захотелось поскорей добраться до великого города. И теперь обычные объяснения Джарида и Элайны не удовлетворяли ее. Джарид в конце концов почувствовал, что ничего другого не остается, нежели сообщить ей правду, по крайней мере, частичную.

— Нам нужно подождать до ночи, потому что мы не хотим, чтобы кто-нибудь увидел Ритлар.

— Почему? — озадаченно спросила девочка.

— Люди могут испугаться ее, — ответил он, глядя на птицу, которая кружила высоко над ними, напоминая темное пятнышко в ярком голубом небе. — Иногда люди боятся орлов.

— Они думают, что орлы злые?

Джарид перевел дух и посмотрел на Элайну. Он еще плохо справлялся с ситуацией.

— Люди боятся орлов, — с серьезным видом объяснила Элайна, — потому что обычно орлы появляются у магов, когда происходит война.

— Война? — прошептала Мин, и ее личико побледнело. — А сейчас разве идет война?

Элайна улыбнулась:

— Нет, Мин-Мин. Не идет.

Джарид тоже заставил себя улыбнуться, надеясь, что ответ Элайны удовлетворит его

дочь. Год назад, наверное, удовлетворил бы.

— А скоро начнется война?

Улыбку Элайны как ветром сдуло, и его собственную тоже.

— Мы не знаем, Мин, — ответил он. — Мы приехали в Амарид, чтобы вместе с дядей Баденом, Транном, Оррисом и остальными магами постараться предотвратить войну. Но сейчас мы не хотим никого пугать в городе, позволив им увидеть Ритлар. Понимаешь?

Девочка кивнула, широко распахнув глаза, а длинные каштанового цвета волосы по-прежнему слегка развевались от горного ветра.

— А с кем мы могли бы воевать? — спросила Мин мгновение спустя.

— Не знаю, доченька, — тихо ответил Джарид. — Никто не знает.

Остаток дня они провели, отдыхая возле уединенного уголка Озера Дакии в предгорье, и эта передышка позволила развеяться как Джариду с Элайной, так и их дочке. Только когда солнце исчезло за горами, они наконец направились к городу Первого Мага.

Несколькими часами позже они добрались до берега Лариан, перешли ее по одному из маленьких древних мостов, попав в старый район городских слобод, и тихо направились к Великому Залу. Мин, которая сидела впереди Элайны на лошади, уже давным-давно заснула, и даже когда та передала ее Джариду, она не проснулась. А Ритлар прыгала рядом с Джаридом, который, держа посох под мышкой, донес девочку до больших деревянных дверей куполообразного строения и постучал один раз. Прошло несколько секунд, прежде чем одна из служанок в голубом одеянии открыла двери. Она выглядела молодо, а лицо ее было опухшим от сна, но, казалось, она тут же его узнала.

— Маг! — сказала она с непритворным удивлением. — Чем могу служить?

— Мне и магу Элайне нужно где-то переночевать, — ответил он. — А затем, широко улыбаясь и кивая на Мин, спящую на его руках, добавил: — И нашей дочери тоже.

Она наморщила лоб:

— Я не понимаю. В гостиницах нет мест?

Очевидно, Радомил слишком хорошо хранил секрет Джарида.

— Наверное, вам следует позвать Премудрого, — мягко произнес Джарид. — Он знает, что делать.

— Премудрый спит, маг, — ответила женщина, глядя на него так, словно он сошел с ума. — Все сейчас в Зале спят.

Несколько мгновений Джарид пристально смотрел на нее, а затем, переведя дух, направил яркий свет из своего кристалла на Ритлар, стоящую около него на пороге Зала.

Увидев большую птицу, женщина от удивления открыла рот и отступила назад.

— О боги! — чуть слышно произнесла она. — Это самый большой ястреб, которого я когда-либо видела.

— А все потому, что это не ястреб, — пояснил Джарид. — Это — орел.

Поначалу казалось, что женщина не услышала его слов. Она продолжала смотреть на птицу с нескрываемым изумлением. Но через несколько мгновений ее взгляд внезапно устремился на Джарида.

— Орел? — повторила она.

Джарид кивнул.

К этому моменту Элайна уже стояла на пороге и смотрела на женщину с явным нетерпением.

— Мне кажется, Орлиный Магистр Джарид попросил вас разбудить Премудрого Радомила, — резко сказала она. — Пожалуйста, не вынуждайте нас просить снова.

— Конечно, Магистр, — ответила служанка, поспешно кивая и поворачиваясь. — Пожалуйста, входите! — крикнула она на ходу через плечо. — Премудрый сейчас придет.

Женщина исчезла за дверью, но почти сразу же появилось несколько слуг, а еще через несколько минут во всем Зале уже бушевала кипучая деятельность. Слуги несли блюда с едой и ставили их на стол, стоящий в центре Палаты Собраний. Джарид мельком видел, как остальные несли постельное белье в маленькую комнату в задней части Зала, а пожилой

мужчина, тоже в голубом одеянии, сообщил ему, что их лошадей отвели в ближайшую конюшню, где их накормят и вычистят.

Мин проснулась и, увидев маленький пир, устроенный по случаю их приезда, заявила, что она очень голодна и не сможет заснуть. Элайна взяла ее на руки и понесла к столу, и в то же самое время Радомил вышел из своей комнаты в сопровождении своей жены Илианны.

— Орлиный Магистр! — воскликнул он глубоким голосом, идя большими шагами по мраморному полу. — Добро пожаловать в Амарид!

Джарид почувствовал, что краснеет.

— Радомил, это всего лишь я.

Грузный мужчина жестом указал на огромную золотисто-коричневую птицу, сидевшую рядом с Джаридом.

— А ты разве не связан с этим великолепным созданием?

Джарид улыбнулся и смущенно пожал плечами.

Подойдя к Джариду, Радомил заключил его в горячие объятия.

— Рад тебя видеть, — прошептал он, похлопывая его по спине. — Даже при таких обстоятельствах рад видеть тебя.

Мгновением позже Радомил выпустил Джарида из своих объятий и повернулся к Элайне и Мин.

— Здравствуй, Элайна! — весело сказал он. — А кто эта девочка, которая ест вместе с тобой?

Мин посмотрела на него широко раскрыв глаза.

— Это я, Премудрый! — ответила она. — Мин!

— Мин? — спросил Радомил с преувеличенным удивлением, — Не может быть! Мин еще совсем малышка. Ты слишком большая и не можешь быть ею.

— Нет, ну правда же, — настаивала девочка. — Это я!

Премудрый присел на корточки возле нее.

— Ты уверена? — спросил он. Она кивнула, а Радомил засмеялся. — Очень хорошо, — сказал он. — Я тебе верю. — Он снова встал и обнял Элайну. — Она выглядит прямо как ты, Элайна. — Он лукаво взглянул на Джарида. — Повезло тебе.

— Не слушай его, Джарид, — сказала Илианна с улыбкой на миловидном круглом лице. — Я вижу, что в Мин от тебя столько же, сколько от Элайны. А вообще, на кого она действительно похожа, так это на твою мать.

— Я знаю, — согласился Джарид. — У нее и характер моей мамы.

Радомил снова засмеялся, но через мгновение его веселье испарилось, а лицо помрачнело. Он постарел, понял Джарид. В его усах и козлиной бородке седых волос стало больше, чем темных, и несмотря на то что его лицо опухло от сна, оно казалось морщинистым и тронутым старостью. Премудрый оглядел Ритлар во второй раз и затем осторожно подошел к ней.

— Она позволит мне прикоснуться к ней? — спросил он через плечо, не сводя глаз с орла.

— Да, — ответил Джарид. — Она не такая свирепая, как кажется.

Премудрый кивнул.

— Никогда не стоял так близко к орлу, — прошептал он, снова присаживаясь на корточки, чтобы рассмотреть ее получше. Никогда и не думал, что они могут быть такими большими. Или такими прекрасными, — быстро добавил он, на секунду оглянувшись на Джарида. Он погладил птицу по клюву, а она закрыла глаза и вытянула шею. — Как ее зовут?

— Ритлар.

Премудрый снова кивнул.

— Как и всех остальных.

Радомил через плечо посмотрел в сторону Илианны, и они обменялись взглядами.

— Мин, — сказала она. — Почему бы нам не пойти с тобой и не постелить простыни

тебе на кровать? У нас приготовлена для тебя отдельная комната.

Мин взглянула на Элайну с немым вопросом в светлых глазах.

— Все в порядке, Мин-Мин, — сказала Элайна. — Я скоро приду.

Мин взяла Илианну за руку, и они вместе направились в заднюю часть Зала, где располагались жилые помещения.

— Завтра я освобожу комнату Премудрого, — сказал Радомил, снова поднявшись и разглаживая плащ. — Мы не знали точно, когда вы приедете. Меред уже освободил комнату Первого. Нам показалось, что именно там вы захотите поселить Мин.

Элайна улыбнулась с усталым видом:

— Спасибо. Она прекрасно ей подойдет. А что касается другой комнаты, мы не спешим. Если вам нужно еще время, Виреста.

— Конечно, — согласился Джарид. — Нам будет хорошо где угодно.

— Ты очень любезен. Но, хоть боги и взвалили многое на твои плечи, в удобствах у тебя недостатка не будет.

— Остальные уже прибыли? — спросила Элайна.

— В большинстве да. Транн прибыл несколько дней назад, Оррис — тоже. Баден и Сонель также здесь уже некоторое время. — Мудрец улыбнулся. — В основном мы ждали вас. Мы с Мередом сделали, как вы просили: никто не знает о твоей птице. Мы лишь сказали, что ты попросил созвать Собрание.

— Спасибо. У некоторых, должно быть, удивленно приподнялись брови.

— Да, — сказал Радомил, широко улыбаясь. — Кажется, я вспоминаю, что ответ Орриса был особенно темпераментным.

Элайна засмеялась:

— Он, наверное, Бадена ни на минуту в покое не оставил.

Все трое немного посмеялись, а затем опять посерьезнели.

— Что ты намерен делать, Джарид? — спросил Радомил.

Джарид отбросил волосы, спадающие ему на глаза, и перевел дух.

— Сам еще точно не решил, — признался он. — Мы еще многого не знаем о том, почему появилась Ритлар. И даже когда узнаем, я не считаю, что в состоянии принимать решения в одиночку. Мне нужны советы всех вас.

— Понимаю, — сказал Радомил, кивая. — Действительно, понимаю. Я никогда не считал, что идеально подхожу на пост главы Ордена, и никогда не сталкивался с бременем связи с орлом. Я тебе не завидую.

— Нам нужно поспать, — сказала Элайна после наступившей тишины. — По крайней мере, мне. Ночью мы все равно ничего не решим.

— Ты права, — согласился Премудрый, сдерживая зевоту. — Давайте я покажу вам, где вы будете спать сегодня.

Джарид с Элайной проследовали за Премудрым в свою комнату и через несколько минут забрались в кровати и погрузились в глубокий сон. На следующее утро они проснулись рано и, быстро позавтракав, услышали, как один из слуг созывает Орден в Палату Собраний, звоня в колокольчики, висящие в Великом Зале.

Вместе с Радомилом они ждали в комнате Премудрого, пока не придут маги. Лучше ответить на все вопросы сразу, решили Джарид с Элайной, чем отвечать каждому по отдельности. Джариду ожидание казалось бесконечным, хотя он знал, что оно длится недолго. Сейчас, столкнувшись лицом к лицу с перспективой принять на себя руководство Орденom, он чувствовал, как возвращаются все его страхи и сомнения. «Я не готов к этому, — сказал он себе. — Почему же боги выбрали меня?»

Элайна, словно читая его мысли, взяла его за руку, а Ритлар послала ему один из эпизодов того, как они становились связанными, словно свидетельствуя о том, что она действительно предназначалась ему.

— Пора, — тихо сказал Радомил, вставая и глядя Джариду в лицо. — Он ободряюще улыбнулся. — Иди вперед, Орлиный Магистр.

Борясь с накатившей от волнения тошнотой, Джарид тоже встал и попытался улыбнуться в ответ. Он позвал Ритлар к себе на плечо и сморщился от боли, когда ее когти вонзились в его тело. Даже несмотря на наплечники, он чувствовал себя так, словно когти разрывают ему кожу. Но он хотел, чтобы в этот момент она сидела у него на плече. Бросив последний взгляд на Элайну, он направился к двери, открыл ее и вошел в Палату Собраний.

Пребывавшие в Зале повернулись, чтобы посмотреть на него, и шуршание их плащей с неестественной громкостью отдалось от куполообразного потолка палаты. Звук шагов его самого и Элайны с Радомилом, идущих следом, также были слышны во всем помещении, но других звуков слышно не было. Не двигаясь и не говоря ни слова, его собраты маги смотрели на него или скорее на большую птицу, которая сидела у него на плече, вонзив когти в его плоть. Баден и Оррис находились в зале, также как и Сонель с Транном, Мередом и Урсель. Они были его друзьями, людьми, которые научили его магии, а ему предстояло руководить ими. Он видел страх в их глазах — как он мог не заметить его? — и ему уже не в первый раз после того, как у него появилась Ритлар, пришлось с трудом сдерживать охватившую его панику.

Дойдя до кресла Премудрого — теперь это было его кресло, — он остановился и оглядел овальный стол. Прошло много лет с тех пор, как Эрланд и Арслан увели своих сторонников из Зала и создали Лигу, и тем не менее Джариду по-прежнему было непривычно видеть, как за столь длинным столом сидит так мало людей. Странно, но он поймал себя на мысли о размере стола в Ассамблее Амарида. Нашел ли Эрланд стол поменьше, или он ожидает, что в один прекрасный день в Ассамблее разместятся все маги Тобин-Сера?

Элайна и Радомил стали по обе стороны от него, и подобная смерти тишина повисла в Великом Зале. Казалось, само здание затаило дыхание, словно ожидая увидеть, что произойдет теперь, когда Орлиный Магистр снова появился в Палате Собраний. Единственной казавшейся безучастной ко всему была Ритлар, которая вертела головой из стороны в сторону, хищно глядя на других птиц, собравшихся вокруг стола.

— Боги послали нам Орлиного Магистра, — наконец объявил Радомил. — Теперь Джарид возглавляет Орден, и он выбрал Элайну своим Первым Магом. — Чуть заметная улыбка появилась у него на губах. — Я бы посчитал этот выбор удачным, даже если бы она не была его женой.

Все пребывавшие в палате рассмеялись, и напряжение, охватившее всех минутою раньше, почти полностью исчезло. Джарид с признательностью улыбнулся дородному магу, думая про себя, что, вопреки своим собственным словам, Радомил был прекрасным руководителем.

— Право вести Собрание я предоставляю Джариду, — продолжил Радомил, по-прежнему улыбаясь. — Спасибо вам всем за вашу мудрость и уважение, которое вы проявляли ко мне, когда я был вашим Премудрым. — Он ненадолго положил руку на плечо Джариду и кивнул Элайне перед тем, как пройти на свое привычное место за столом, где он сидел до того, как стал Премудрым.

Элайна подошла к Джариду и пожала ему руку. Затем опустилась в кресло, предназначенное для Первой.

Джарид оглядел всех присутствующих и перевел дух.

— Это — Ритлар, — сказал он, показывая на орла свободной рукой. — Она появилась у меня несколько недель назад, и я сразу же связался с Радомилом, чтобы попросить его созвать вас всех в Амарид. *Почему боги выбрали меня?* Я с радостью выслушаю все, что вы скажете. Я не понимаю, почему эта птица повстречалась мне, а не кому-нибудь из вас, но мы все знаем, что означает появление орла.

Он оглядел сидящих за столом, приглашая их высказаться. Поначалу маги молчали, но затем Транн наклонился вперед, переводя взгляд с Джарида на остальных.

— Знаем ли мы в точности? — спросил он. — В прошлом это предвещало войну. Но означает ли ее появление то, что война неизбежна, или то, что она только возможна?

— Я точно не знаю, что это означает, — мрачно ответил Оррис. — Мы должны предположить самое худшее и соответственно к этому готовиться.

Сонель кивнула:

— Оррис прав. Я надеюсь, что войны можно избежать, но было бы глупо позволить подобным соображениям влиять на наши планы.

— Но как мы подготовимся? — спросила Урсель. — Мы даже не знаем, кто является нашим врагом.

— Нет, знаем! — сказал Трамис, один из новых членов Ордена. — Это — Лон-Сер. И никто иной.

— У нас несколько лет не было неприятностей с Лон-Сером, — возразил Оррис. — Что заставляет тебя думать, что там вдруг захотели воевать?

— Они нападали на нас раньше! — ответил Трамис. — Не так давно. Я знаю, что положение изменилось к лучшему после твоего путешествия. Но ведь нельзя ожидать, что оно изменилось навсегда. По крайней мере, так радикально.

Дородный маг покачал головой:

— Я не думаю, что нам следует опасаться чего-то со стороны Лон-Сера.

Встал еще один молодой маг — женщина по имени Орланн.

— А как же разговоры, что у охранников Храма оружие из Лон-Сера?

— Я тоже этим встревожен, — ответил Оррис. — Но это не значит, что Правители хотят войны.

Трамис широко развел руками:

— Но кто же еще? Абборидж? Мы поддерживаем мирные отношения с ним веками.

— В Абборидже новая Правительница, — заметил Меред. — Возможно, ей не так хочется связывать себя мирными отношениями с нами, как ее предшественникам.

— Нам следует также помнить, — добавил Транн, — что три других Орлиных Магистра сражались с Аббориджем. Основываясь на этом, мы готовы предположить, что появление орла неизбежно означает войну. А разве не является также возможным, что это означает войну с Аббориджем?

— Кем бы ни был наш враг, — сказала Элайна, — мне кажется, нам нужно признать, сколь ограничены наши силы. Если мы должны воевать, с Лон-Сером ли, с Аббориджем или с кем-то еще, я считаю, что нам нужно подумать о переговорах с Лигой и Храмами. Мы не можем действовать в одиночку.

— Если Храмы действительно получают оружие из Лон-Сера, — сказала Орланн, нам следует рассмотреть возможность того, что они объединили силы с нашими врагами.

Трамис и другие молодые маги одобрительно загудели.

— Даже если так, — сказал Джарид, — предложение Элайны полностью принимается. Нам следует обратиться к Лиге и сообщить о моем связывании. Если нам суждено воевать, нам понадобятся все маги Тобин-Сера. И кто знает? — добавил он. — Может быть, с этого начнется наше примирение с Лигой.

— Ничто бы не сделало меня счастливее, — прокомментировал Баден, впервые заговорив после того, как Джарид вошел в палату. — Но я думаю, нам следует рассмотреть еще один вариант.

Все повернулись к нему.

— Возможно, этот орел появился, потому что мы находимся на пороге гражданской войны.

У меня нет времени написать длинное письмо, а даже если б и было, я не думаю, что смогла бы найти слова, чтобы спокойно сообщить подобные новости. Поэтому я пишу, как пишется, а ты будь терпелив, потому что знаешь так же, как и я, что пройдет время, прежде чем оно дойдет до тебя.

Шивонн мертва, она погибла от взрыва бомбы. Я подозреваю, кто виновен в этом, но не буду называть его, ибо наши письма, возможно, просматривают, хотя когда-то мы думали, что этого не делается. Я напишу тебе подробно обо всем, когда смогу, но сейчас позволь мне попрощаться с тобой следующим предупреждением: в Лон-Сере, вероятно, грядет великая смута, а то и гражданская война. Лишь вопрос времени, когда этот конфликт затронет весь Тобин-Сер и Абборидж. Насколько я понимаю, события уже начались.

Береги себя, Оррис, и не позволяй, чтобы бдительность, с которой ты со своими собратьями магами защищаешь Тобин-Сер, ослабла хоть на мгновение.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 6, неделя 4, весна, год 3068*

Наблюдая, как Вирсия мерит палату Совета, доходя от одной стены до другой всего за несколько шагов благодаря длинным ногам, Мелиор не могла не вспомнить об их разговоре, состоявшемся несколькими днями ранее. В тот день она выключила говорящий экран, будучи убежденной, что ей удалось завоевать, хотя бы частично, доверие Вирсии. Им еще многое предстояло пройти, прежде чем они станут союзниками — она это знала, и, вероятно, с Вирсией у нее никогда не будет таких доверительных отношений, как с Шивонн. Но она чувствовала, что достигла с ней понимания. И все-таки сейчас, слушая тираду новой Правительницы Уэрелла-Наля, пока волны моря Арика с силой накатывались на Уэрелланский берег прямо под окнами, она думала, не вообразила ли она себе все нижеперечисленное.

Да, они говорили о необходимости заставить Марара поверить, что ему удалось вбить клин между Матриархией и Брагор-Налем. Если Вирсия действовала в соответствии с их договоренностью, то она устроила на редкость хорошее представление.

— Я, возможно, и новенькая в вашем Совете, — говорила высокая женщина, и ее ярко-красное платье шуршало, когда она, дойдя до противоположной стены, поворачивала обратно к столу, за которым сидели Мелиор и Марар. — Но я не позволю запугивать Уэрелла-Наля! Брагор-Наль понесет подходящее наказание за свои преступления, или мы будем вынуждены отплатить ему тем же! Мои легаты поддерживают меня в этом, Правительница! — добавила она, и ее глаза вспыхнули, когда она взглянула на Мелиор. — Ее лицо было налито кровью, и она резко жестикулировала. — Если Брагор-Налю нужна война, тогда, с божьей помощью, мы объявим войну! — Она обратила пылающий взор на Марара. — И если ты думаешь, что Стиб-Наль выиграет что-нибудь от этого конфликта, подумай еще раз, Марар! Любое вмешательство с твоей стороны — вообще любое — будет воспринято Матриархией как повод к войне!

Мелиор взглянула на Правителя Стиб-Наля и обнаружила, что он уже смотрит на нее и легкая ухмылка играет в уголках его рта. Он держался с уверенным видом, которого она раньше никогда не замечала: он не сидел сгорбившись, как обычно; даже его плечи не казались такими узкими.

«Ах ты ублюдок, — подумала Мелиор. — Шивонн мертва, и ты думаешь, что выиграл».

Она снова посмотрела на Вирсию, но та уже повернулась и направлялась к противоположной стене.

— Тебе разве нечего сказать в свою защиту, Мелиор? — спросила Вирсия через плечо. — Или ты просто собираешься прятаться за той бесстыдной ложью, которую наговорила моим легатам после смерти Шивонн?

Так или иначе, именно так Вирсия собиралась действовать, и Мелиор только и оставалось, что ей подыгрывать.

— Возможно, нам следует позволить Марару судить о том, какие заверения должна я представить, Правительница, — ответила она с ледяной улыбкой. — То, что Матриархия отклоняет как ложь, может иметь некоторый вес для добропорядочного народа Стиб-Наля.

Вирсия перестала ходить взад-вперед и повернулась, чтобы посмотреть на Мелиор, но выражение ее лица мало о чем говорило.

Остановив взгляд на лице высокой женщины, Мелиор вытащила детонатор бомбы, которая повредила Золотой Дворец, и бросила его на стол.

— Это — от взрывного устройства, которое едва меня не убило. Как видишь, — добавила она, ненадолго поворачиваясь к Марару, — он был сделан в Уэрелла-Нале.

— Когда произошло нападение? — спросил Марар, не удосуживаясь скрыть своей радости.

— Оказалось, — ответила Мелиор, внимательно наблюдая за ним, — это произошло в тот самый день, когда погибла Шивонн.

Его лицо расплылось в улыбке, как будто он совсем не мог сдерживать восторг, охвативший его.

— Вот это да, вы обе прямо настоящие сыщики, — воскликнул он, переводя взгляд с одной на другую.

Вирсия сделала шаг вперед и ткнула в сторону Марара пальцем.

— Я ничего не предпринимала! Этот детонатор ничего не доказывает!

— Это доказывает то же, что и детонатор бомбы, убившей Шивонн, который ты нашла! — выпалила Мелиор в ответ. — Двух вариантов быть не может, Вирсия! Если Брагор-Наль виновен, то и Матриархия — тоже!

— Ты забываешь об одном важном отличии, Мелиор, — возразила та. — Ты уцелела. Как ты это объяснишь?

Мелиор сглотнула. Вирсия действительно великолепно играет. Так она, во всяком случае, надеялась.

— Наверное, мне просто повезло.

Вирсия издала резкий безрадостный смешок.

— Повезло? Ты ожидаешь что мы в это поверим? — Она покачала головой. — Я думаю, что, скорее всего, ты убила Шивонн, а затем изобразила покушение на свою жизнь, чтобы нас запутать.

— Должен сказать, — нарушил молчание Марар, а широкая улыбка все не сходила с его костлявого лица, — что мне тоже так кажется.

Мелиор посмотрела на Вирсию, наблюдая за ее реакцией. И у нее кровь застыла в жилах от того, что она увидела. Светлые глаза Правительницы сверкали триумфом, а губы изогнулись в свирепой хищной улыбке.

Мелиор почувствовала, как все внутри сжалось. А как же их уговор? Разве они не сошлись на том, что Марар выиграет многое от конфликта между их Налями?

— Марар, не оставишь ли нас на минутку? — выдавила она. Во рту у нее пересохло. — Нам с Правительницей Вирсией нужно обсудить кое-что наедине.

— Я сделаю еще лучше, Мелиор, — самодовольно ответил тот. — Я дам вам все время, которое вам нужно. — Он спокойно встал и вышел из-за стола.

— Я не хочу оставаться наедине с этой преступницей даже на минуту! — разъярилась Вирсия, снова глядя на Мелиор. — Все, что мы хотим сказать друг другу, можно сказать в присутствии всего Совета. Ты и раньше пыталась сделать нечто подобное, Мелиор. Все попытки, которые ты предприняла, чтобы связаться со мной по говорящему экрану, должны были тебе сказать кое о чем! Я не позволю как манипулировать собой, так и запугивать себя!

Слишком поздно Мелиор осознала свою ошибку. Все было игрой. Каким бы невероятным это ни казалось, Вирсия делала именно то, о чем они договорились. Даже проклиная себя за то, что не распознала этого раньше, Мелиор не могла не улыбнуться про себя. Вирсия была прекрасной актрисой. Даже лучшей, чем сама Мелиор, как оказалось. Вирсия еще некоторое время продолжала гневно смотреть на Мелиор, словно наказывая ее. Затем повернулась к Марару.

— Прошу тебя остаться, Правитель, — тепло попросила она. Народ Уэрелла-Наля оценит вашу компетентность в этом вопросе.

— Ты очень любезна, Вирсия, — ответил Марар. — Но мне кажется совершенно очевидным, что этот спор не имеет никакого отношения к народу Стиб-Наля. — Он улыбнулся и слегка развел руками. — Я буду только мешать, если останусь.

Через несколько секунд он ушел. Вирсия и Мелиор уставились друг на друга, но ничего не говорили, пока не услышали, как воздухолет Марара не поднялся над древним дворцом, в котором они сидели, и не полетел в сторону Стиб-Наля.

— Идиотка! — воскликнула Вирсия, чуть ли не крича на нее. — О чем ты думала?

Мелиор слегка пожала плечами.

— Я точно не знала, что думать, — призналась она. — Все, что ты говорила...

— Я делала именно то, что ты подсказала мне делать! Я думала, ты хотела убедить Марара в том, что ему удалось настроить нас друг против друга!

Мелиор широко улыбнулась:

— Хотела. Я просто представить себе не могла, что у тебя так хорошо получится.

Вирсия пристально смотрела на нее несколько секунд. Затем стала качать головой, тихо смеясь:

— Ну что ж, пусть это послужит тебе уроком, Правительница: нельзя недооценивать меня или моих людей.

— Постараюсь запомнить.

— Хорошо. — Высокая женщина улыбнулась и спустя мгновение села. — А что дальше?

— Будем ждать. В свете твоего представления я сомневаюсь, что нам придется ждать слишком долго.

Вирсия слегка наклонила голову, благодаря за комплимент:

— Что, по-твоему, Марар предпримет теперь?

— Я ожидаю, что он свяжется с одной из нас, предлагая союз в обмен на огромную награду.

Вирсия подняла бровь:

— Да, но с кем?

Мелиор недолго раздумывала.

— Как сказать. Ему нужно решить, кто из нас может предложить ему больше, кто из нас нуждается в нем больше, кем из нас легче манипулировать. — Она снова замолчала. А затем наконец улыбнулась. — Я думаю, он свяжется со мной.

— Почему с тобой?

— Потому что он меня знает и потому что он ожидает, что ты окажешься слишком принципиальной для того, чтобы объединить с ним силы. Я — гилдрин, и это приведет его в замешательство, но когда-то я была лордом. Он понимает меня — по крайней мере, думает, что понимает. Стиб-Наль не так сильно отличается от того, чем был Брагор-Наль. Осуществленное устройство было весьма хорошо продумано. — Она улыбнулась про себя. Несмотря на все реформы, которые она провела в Брагор-Нале, бывали времена, когда она горячо желала простой грубой ясности старых порядков. — Он свяжется со мной, — повторила она. — Вероятно, сегодня вечером.

Вирсия широко улыбнулась.

— Прекрасно, — сухо сказала она. — Я его не переносу.

Чтобы добраться даже на воздухолете от Мыса Правителей на восточном побережье Уэрелла-Наля до дворца в Стиб-Нале, потребовалось несколько часов. И весь полет Марар улыбался. Он не мог вспомнить, когда последний раз это случалось. Наверное, никогда. Сколько он ни горевал о днях, когда они вместе с Дареллом противостояли Шивонн, он знал, что даже тогда был несчастлив. Дарелл, может, и нуждался в нем, но никогда не уважал его, и Шивонн, видит Арик, тоже не испытывала к нему этого чувства.

Но все это вот-вот изменится. Сидя за письменным столом во Дворце и уставясь на Горы Зеленой реки, на которые падали прохладные голубые тени раннего вечера, Марар

широко улыбнулся. Как ему было удержаться? Сегодня на лице Мелиор он видел страх, и в каждом жесте Вирсии выражалась едва сдерживаемая ярость. Он видел также, что обе они ломали комедию, которая играла ему на руку. Это было очевидно. Обе его противницы выяснили, что это он несет ответственность за смерть Шивонн и за покушение на жизнь Мелиор. Возможно, они выяснили это сообща. Что не имело никакого значения.

Ибо, присмотревшись к их обману, он также увидел слабые места недавно заключенного ими союза. Страх Мелиор был неподдельным. Она еще не была уверена, что завоевала доверие Вирсии. И хотя Уэрелланская Правительница притворялась, что была в ярости, ложь давалась ей слишком легко. Ясно, что она наполовину верила, что Мелиор участвовала в заговоре против Шивонн. Да, обе женщины действовали сообща — он в этом не сомневался, — но ни та, ни другая не были рады этому. И каждая не прочь была считать другую врагом.

Это вполне его устраивало. Ему нужно было вбить клин между ними, и он уже знал самые слабые места их отношений. Было бы легче, если бы он был заинтересован в сотрудничестве с Вирсией. Ее сомнения относительно союза Уэрелла-Наля с Брагор-Налем были гораздо сильнее сомнений Мелиор. И конечно, она не была гилдрином. Но она ничего не знала и о волшебниках Тобин-Сера.

Он взглянул на бумаги, которые Грэгор, его Первый министр, только что положил перед ним, и снова заулыбался. Как ему было сдержаться? Ведь ранее, в этот же день, он получил груз золота от церковников Тобин-Сера, который превзошел даже его самые большие ожидания. В этой необыкновенной стране содержались богатства, которые только того и ждали, чтобы их взяли, и, будучи таким же осторожным, каким он был в своих делах с Мелиор, он понимал, что в этой ситуации выбор не так уж велик. Возможно, скоро, если его торговля с церковниками расширится, Мелиор будет ему больше не нужна. Тогда он ее и убьет. Ну, а сейчас ему придется довольствоваться тем, чего он уже добился: смертью Шивонн, открытием нового, по-видимому, нескончаемого источника богатства и подкупом двух подходящих людей в службе безопасности Мелиор и Вирсии. Все, что ему остается сделать, — это завершить начатое убийством Шивонн: уничтожить союз между Уэрелла-Налем и Брагор-Налем.

Протянув руку к говорящему экрану, он нажал желтую кнопку, которая соединяла его с Золотым Дворцом Брагор-Наля, предварительно приняв обычные предосторожности, ведущие к тому, чтобы его разговор не записывался и не прослушивался. Через мгновение перед ним появилось лицо одного из охранников Мелиор. Марар его не узнал.

— Да, Правитель, — произнес тот с подобающей вежливостью. — Чем могу служить?

Марар снова взглянул на письменный стол, словно этот разговор ему уже наскучил.

— Я хотел бы поговорить с Правительницей.

Охранник кивнул:

— Конечно. Минутку.

Он протянул руку к кнопке на пульте, и на несколько секунд изображение пропало с экрана. Затем появилось лицо Мелиор. Она была одета так же, как и ранее в этот день — так, как всякий раз, когда Марар видел ее, — в блузку цвета слоновой кости и темные брюки свободного покроя. Ему не были видны ее бедра, но он предполагал, что к поясу у нее прикреплен лучемер. Она всегда так делала. Многие считали ее прекрасной, и он видел почему.

Как только она появилась, на пульте Марара вспыхнула лампочка.

— У тебя включено записывающее устройство, — с улыбкой сказал Марар.

Мелиор кивнула:

— Да. А что такого?

— Я хотел бы, чтобы ты его выключила.

— Почему? — сдержанно улыбаясь, спросила она.

Марар пожал плечами, притворяясь безразличным.

— Как правило, я не позволяю, чтобы мои разговоры записывались. Если мы хотим

поговорить, тебе придется выключить его.

— Это ты со мной связался, Марар. Почему ты думаешь, что я заинтересована в разговоре с тобой?

— Возможно, ты права. Как самонадеянно с моей стороны. Поговорим в другой раз?

Она несколько секунд смотрела на него, ее лицо ничего не выражало. Наконец, она протянула руку и нажала кнопку на экране. Лампочка на его пульте погасла.

— Спасибо, — улыбаясь, сказал он.

— Что я могу для тебя сделать, Марар? — спросила она с явным нетерпением.

— Разве я не могу связаться с тобой, чтобы просто поболтать?

— Ты никогда так не поступал. Кроме того, я сказала все, что нужно, на заседании Совета.

Он поднял бровь.

— Искренне в этом сомневаюсь.

— В смысле? — спросила Мелиор, сузив глаза.

— Кажется, на сегодняшнем заседании многое было недосказано.

— Не понимаю.

Марар улыбнулся во второй раз. По тревожному выражению в ее глазах было ясно, что она прекрасно все понимает.

— Давай покончим с играми, Мелиор. Они оскорбляют нас обоих.

Некоторое время Мелиор пристально смотрела на него, ничего не говоря. Затем она кивнула, словно приняв решение. Возможно, она даже на мгновение улыбнулась — трудно было сказать.

— Хорошо, Марар, — произнесла она. — Что тебе надо? Почему ты убил Шивонн и почему подослал убийцу ко мне?

Он поднял бровь:

— Ты думаешь, это все я?

— Я думаю, ты не хотел играть в игры.

— Я и не играю. — Он ненадолго замолчал, затем улыбнулся: — Проблема в следующем: говоря гипотетически, если бы я сделал все то, что ты говоришь, мне было бы трудно отвечать честно на твои вопросы.

Она скептически посмотрела на него:

— Почему?

— Ты задаешь их так, словно на них можно дать только один ответ, — пояснил он. — Но это не так. Чего я добиваюсь? Почему я убил Шивонн? Почему я пытался убить тебя? Это три отдельных вопроса.

— Три или два?

Марар издал короткий смешок и слегка наклонил голову, признавая ее правоту.

— Хорошо, наверное, два.

— Тогда дай мне два ответа, — сказала Мелиор, удобнее усаживаясь на стуле и скрещивая руки на груди. — И лучше, чтобы они были честными. Строго говоря, то, что ты сделал, является поводом к войне, и, несмотря на любые достижения, которых, как ты считаешь, Стиб-Наль добился за последние годы, мне не следует напоминать тебе, что моя военная мощь гораздо больше твоей.

Марар обезоруживающе улыбнулся:

— Конечно, Правительница.

«А тебе хорошо бы иметь в виду, — хотел сказать он, — что, если я смог убить Шивонн и едва не убил тебя, я могу рискнуть еще раз». Но подобная наглость была бы несколько преждевременной.

— Пожалуйста, не забывай, что мы говорим гипотетически, — сказал он.

Она кивнула и сделала нетерпеливый жест, словно побуждая его продолжать.

— Теперь о том, чего, как ты выразилась, я добиваюсь, — продолжил он. — Это вряд ли кого-нибудь сильно удивит. — Я хочу богатства и власти.

— У тебя уже есть и то, и другое, — сказала она. — Ты — Правитель Стиб-Наля. Ты ни перед кем не отвечаешь, и, несомненно, твое положение приносит тебе немало золота.

Он кивнул.

— Это, может, и так, Мелиор, но позволь спросить тебя: все то, что я имею, удовлетворило бы тебя?

— Что?

— Ты правишь Брагор-Налем уже почти семь лет. Ты знаешь, что значит командовать самой большой армией в стране, что значит называть себя Правительницей самого большого Наля в стране, что значит иметь в своем распоряжении самую богатую в стране казну. Ты бы променяла все это на то, что имею я?

Она заколебалась, и Марар улыбнулся.

— Конечно, нет, — произнес он, отвечая на свой собственный вопрос. — Я бы на твоём месте тоже бы не променял. — Он наклонился вперед, оперевшись локтями на подлокотники вырезанного из дерева кресла и всматриваясь в экран. — Но я не на твоём месте, ведь так? У меня нет всего того, что есть у тебя. У меня нет даже того, что есть у Вирсии. Тут и сравнивать не стоит.

— Так, значит, на самом деле ты добиваешься не власти или богатства, не так ли, Марар?

Настала его очередь колебаться.

— Я что-то не улавливаю.

— Послушай себя, — сказала она с обескураживающей невозмутимостью. — Ты ведь на самом деле не заинтересован в золоте или влиянии. Ты просто завидуешь. Тебе нужно то, что есть у нас. Вероятно, всегда было нужно, но у тебя никогда не было достаточно средств, чтобы получить это.

— Смешно! — сказал он.

— Разве? Мне также кажется, что сказанное мной объясняет убийство Шивонн и бомбу, которую ты послал в Золотой Дворец. — Она грустно улыбнулась. — Ты можешь наслаждаться тем, будто ты выражаешься таинственно и запутанно, но если копнуть поглубже, ты просто ребенок. Тебе нужно все, что есть у твоих друзей, а если ты не можешь этого заполучить, ты находишь новых.

— Да как ты смеешь! — прошипел он. — С кем ты, по-твоему, разговариваешь?

Ее улыбка исчезла, и она зло уставилась на него своими зелеными глазами.

— Я говорю с человеком, который пытался меня убить и который нарушил столько условий Договора об автоматизированном производстве и Прокламации о защите зеленых насаждений, что мне даже считать не хочется! Учитывая все эти нарушения, я имею право захватить Стиб-Наль завтра же. Или мы с Вирсией попросту можем изгнать тебя из Совета. Не вынуждай меня, Правитель!

Он открыл рот, собираясь выпалить угрозу в ответ. В тот миг он больше всего на свете хотел видеть ее мертвой. Но он подавил желание сказать слишком много. Он стиснул зубы, стараясь взять себя в руки.

Мелиор, казалось, читала его мысли. Она протянула руку и достала посох со сверкающим красным камнем.

— На тот случай, если ты попытаешься еще что-нибудь предпринять, — предупредила она, — знай, что гилдринов редко застают врасплох дважды.

— Ценю этот совет, — выдавил он. Затем протянул руку к экрану, чтобы закончить разговор.

— Мы уже закончили? — спросила она.

Он уставился на нее, а рука застыла над кнопкой. Он знал, что она разгромила его. Если бы это была уличная драка, он был бы уже мертв. Но она все еще могла так много дать ему: план Седрика о завоевании Тобин-Сера, связи с тамошними волшебниками и отдаленную, как сейчас казалось, возможность получить все то, что мог дать союз между Брагор-Налем и Стиб-Налем.

— Ты ведь связался со мной по какой-то причине, не так ли, Марар? — допытывалась она. — Нам еще многое надо обсудить.

Он медленно убрал руку и некоторое время смотрел на нее.

— Что, например? — наконец, спросил он.

Она снисходительно улыбнулась, словно он действительно был ребенком, а она — доброй мамочкой.

— Это ты мне скажи. Ты подослал убийц к Шивонн и ко мне. Это смелый ход. Лидер с твоим опытом не предпримет такого шага, повинуясь минутному порыву. У тебя должно было быть что-то на уме; план, которому ты следовал.

— Возможно, — сказал он. — Что с того?

— Может быть, тебе для выполнения этого плана была нужна я. — Ее улыбка стала шире, когда она провела пальцем по грани сверкающего кристалла. — Вот почему ты связался со мной, не правда ли? Чтобы завоевать мое доверие?

Он нервно облизал губы. Внезапно он сам задумался, зачем с ней связался.

— Мы оба знаем, что ты не хочешь быть моим врагом, — продолжала она. — Стиб-Наль не готов к войне с Брагор-Налем. К тому же ты достаточно мудр, чтобы понять, насколько велика моя ценность в качестве потенциального союзника. — Она ненадолго замолчала, словно давая ему время обдумать свои слова. — Поэтому скажи, — продолжила она, — зачем ты со мной связался?

Она предлагала ему то, что ему было нужно. Он именно об этом и думал после того, как впервые услышал об ошибке Премеля. И все-таки что-то его остановило. Может быть, вид ее посоха пробудил в нем давние страхи. Скорее всего, дело было в том, что ее предложение было слишком хорошим, слишком близким к тому, что ему было нужно. Какой бы ни была причина, он не мог заставить себя довериться ей. Она была могущественной, блестящей, чрезвычайно богатой, но также она была безжалостна, и она была гилдрином. Хотя важнее всего то, что она была его врагом, и ничто никогда этого не изменит. Он был бы просто дураком, если бы хоть мгновение надеялся на обратное.

— Нет, — ответил он, покачивая головой. — Это было ошибкой. Извини, что побеспокоил тебя, Правительница. — Он знал, что выглядит смешным. Он не обманывал ее. Но ему нужно было как-то закончить этот разговор, пока он все не испортил. Очевидно, он ее недооценил. Связался с ней, чтобы соблазнить ее возможным союзом, а вместо этого сам чуть не угодил в ловушку.

— Ты думаешь, я поверю, что ты вызвал меня по ошибке? — спросила она с непритворным удивлением.

— Да.

Ее лицо стало суровым.

— А того убийцу ты тоже по ошибке подослал?

Он ничего не ответил, но снова потянулся, чтобы выключить свой экран.

— Хорошенько подумай, Марар, — предупредила она. — Если ты прекратишь этот разговор, ты останешься совершенно один. Никто в Лон-Сере не сможет помочь тебе.

Он заколебался, но только на мгновение.

— Ну что ж, я рискну. — Он выключил говорящий экран и тяжело откинулся на спинку кресла с закрытыми глазами.

Однако мгновением позже он снова наклонился вперед, включил детектор обнаружения записывающих устройств и набрал код Премеля. Говорящий экран пикал несколько минут, прежде чем перед ним появились острые черты лица сотрудника Службы Безопасности. Премель казался сердитым — вероятно, еще одно совещание было в самом разгаре, но Марара это не трогало.

— Да, Правитель, — нетерпеливо начал он. — Что вам?

— Джибб уже мертв? — спросил он.

Премель ненадолго отвел глаза, прежде чем снова встретить пристальный взгляд Марара.

— Нет, — вяло ответил он.

— Что ж, убей его. В ближайшее время. И Мелиор тоже.

Глаза у Премеля расширились, и он уставился на собеседника:

— Теперь вы хотите, чтобы они оба были мертвы?

— Да.

— Но в прошлый раз вы сказали мне...

— Я знаю, что я сказал в прошлый раз! А сейчас я приказываю тебе убить обоих! И рассчитываю на то, что это будет сделано!

Марар ткнул пальцем кнопку на пульте, прерывая связь, прежде чем Премель успел ответить.

Снова откинувшись на спинку кресла, Марар перевел дух. Ему уже было лучше. Мелиор сильно выбила его из колеи, но, зная, что она скоро умрет, ему было гораздо легче успокоить нервы.

Однако ему нужно было провести еще один разговор. Мелиор, как он с опозданием понял, была неудачно выбрана им с самого начала. Она была слишком проницательна, чтобы ею можно было манипулировать, и слишком опасна, чтобы быть союзником при любой политической обстановке. Но если Брагорскую Правительницу не удалось использовать в своих целях, то, может быть, Уэрелланскую удастся.

Вирсия уже говорила с Мелиор, когда ее экран во второй раз запыкал.

— Минутку, Мелиор, — сказала она, прервав пересказ разговора с Мараром. — У меня еще один вызов.

— Это он, — сказала Мелиор с такой уверенностью, что Вирсия и не пыталась сомневаться в ее правоте.

— Что я должна делать?

Мелиор пожала плечами.

— Поговори с ним. Узнай, чего он хочет. А мы с тобой свяжемся позже.

— Хорошо, — сказала Вирсия. — Позже так позже.

Она нажала кнопку на экране, чтобы включить обзор и, как и предсказывала Мелиор, обнаружила ожидающего ее Марара с кислой улыбкой на узком лице.

— Марар, — сказала она, стараясь, чтобы ее тон казался непринужденным. — Какой приятный сюрприз.

— Сомневаюсь, — ответил он.

Она почувствовала, что сердце у нее забилося сильнее.

— Что ты имеешь в виду?

— Полагаю, ты уже говорила с Мелиор. И конечно, ты знала, что это я, еще до того, как включила прибор.

Несколько мгновений она пристально смотрела на него. Возможно, они с Мелиор недооценили Марара. Она внезапно растерялась. И Марар, и Мелиор играли в эти игры гораздо дольше нее. Она выпрямилась, сидя на стуле, и постаралась встретить его пристальный взгляд как можно уверенней.

— Ты прав. Говорила.

В это мгновение его улыбка сделалась шире и стала казаться почти искренней.

— Прекрасно, — сказал он. — Ценю твою искренность.

Она почувствовала подначку в его словах, но не обратила на нее внимания.

— Что тебе нужно?

— Мелиор рассказала тебе о нашем с ней разговоре?

«Ему нужна искренность? — подумала она. — Сейчас он ее получит».

— Мы говорили недолго до того, как ты прервал нас, — ответила она. — Но Мелиор успела сказать мне, что ты признался в убийстве Шивонн и в том, что послал убийцу в Золотой Дворец.

Марар засмеялся — у него был удивительно глубокий смех для человека с такой

щуплой фигурой — и кивнул, словно оценив хорошую шутку.

— Это очень забавно, Правительница, — сказал он через некоторое время. — Я бы никогда не подумал, что ты из разряда шутников.

Прилагая усилия, чтобы не обращать внимания на неприятное ощущение в желудке, Вирсия просто сидела, спокойно глядя на экран, пока Марар наконец не перестал веселиться и не посмотрел на нее сузившимися глазами.

— Ты шутишь, не так ли? — спросил он.

— Нет. И я не нахожу твое притворство слишком убедительным.

Последние следы улыбки исчезли с его лица.

— Она действительно сказала тебе это?

— Да.

— И ты ей поверила?

Вирсия заколебалась:

— Кажется, я...

— Ты в самом деле считаешь меня таким дураком? — спросил он. — Ты действительно веришь в то, что, если бы это было именно так, я бы признался в этом Мелиор?

— По ее словам, выбора у тебя не было, — ответила она, защищаясь.

Он кивнул.

— Да, боюсь об заклад, она это сказала. — Он на мгновение отвел взгляд, и его губы сжались в тонкую линию. — А она удосужилась сказать тебе, — спросил он, снова повернувшись к ней, — что она упомянула о возможности союза между Брагор-Налем и Стиб-Налем?

— Ты лжешь! — воскликнула Вирсия с большей горячностью, чем хотела.

— Думаю, она сказала, что я был достаточно мудр, чтобы признать ее ценность как потенциального союзника.

Руки Вирсии дрожали, а в ушах словно шумел ветер, дующий в кладах Уэрелла-Наля. Ей отчаянно хотелось закончить разговор, но она не могла заставить себя сделать это. Он лгал. Он должен был лгать. А что, если нет? Что, если Мелиор все это время вводила ее в заблуждение, заставляя ее поверить, что Марар стоял за убийством Шивонн, когда в действительности это был заговор Брагор-Наля?

— Мне кажется, что ты лжешь, — сказала она.

Марар кивнул:

— Да, ты уже это говорила. Но подумай немного: если я пошел на такое, если я подослал убийц к Шивонн и Мелиор, зачем же я тогда раскрыл свои планы одной из тех, кого хотел убить? Каким дураком надо быть, чтобы сделать такое?

— Но она сказала...

— Уверяю тебя, Вирсия — что бы ни говорила Мелиор, я никогда не признавался в том, что виновен в этих нападениях.

Вирсия некоторое время внимательно смотрела на него и молчала. Она точно не знала, чему верить.

— Ты признаешь, что связывался с ней?

Он кивнул.

— Скажи мне зачем.

Он пожал плечами:

— По той же причине, что я связался с тобой: обсудить сегодняшнее заседание Совета. — Марар грустно улыбнулся. — Оно не было одним из удачных. Боюсь, что дело у вас с Мелиор идет к некоторого рода вооруженному конфликту, и я хочу сделать все возможное, чтобы предотвратить его.

— Как благородно с твоей стороны, — сказала она.

— Едва ли, — ответил он ледяным тоном. — Я думаю только о своем народе и о себе. Такой маленький Наль, как мой, может с легкостью быть уничтожен в конфликте, даже если в нем не участвует.

Конечно, он был прав. Будь она на его месте, она беспокоилась бы не меньше.

— Тогда союз с Брагор-Налем должен быть весьма заманчивым для тебя, — сказала она. — Что заставляет меня поинтересоваться, для чего вообще весь этот разговор.

— По правде говоря, — сказал Марар, — если бы Брагор-Налем руководил кто-нибудь другой, он бы не состоялся. Я бы уже обязался помочь Брагорской Правительнице, и мы бы уже занялись приготовлениями к войне.

— Продолжай, — сказала Вирсия после короткой паузы.

— Мелиор пугает меня. Мне не стыдно признаться в этом. — Он наклонился вперед, приблизив свое худое лицо к экрану. — Оставь в стороне на время тот факт, что она когда-то была изгоем, что она убивала намного больше, чем мы с тобой можем себе представить. Она также гилдрин. Я совсем ей не доверяю ни как врагу и уж, конечно, ни как союзнику.

— Этим ты хочешь сказать, что доверишься мне?

— Этим я хочу сказать, что хочу доверять. Конечно, на основе взаимности.

Вирсия не шевелилась и продолжала пристально смотреть Марару в лицо. Она ему не доверяла. Но она не была уверена и в том, что было бы разумным довериться Мелиор. Многие из того, что она сказала, звучало весьма правдоподобно. Казалось, у нее имелся ответ на любой вопрос. И ей показалось невероятным, что Марар признался в своих преступлениях сразу же, как только Мелиор с ним заговорила.

И к тому же ее настораживало происхождение Мелиор. Вирсии не нравилось признаваться в этом даже самой себе, но она тоже находила мысль о сотрудничестве с гилдрином неприятной. Не то чтобы ей доставало терпимости. Она просто предпочитала иметь дело с теми, кого она понимала, с людьми, которые были похожи на нее. Вполне возможно, что она слишком поторопилась довериться Мелиор. Правительница Брагор-Наля была убийцей и была гилдрином. Правда, Шивонн доверяла ей, но она мертва. Сейчас было не время слишком поспешно полагаться на что-либо. Но и не время исключать какой-либо вариант.

— Пойми, — сказала она наконец, — я принесу гораздо меньше потенциальному союзнику, чем Мелиор. Уэрелла-Наль силен и процветает, но тягаться с Брагор-Налем ему не под силу.

В это мгновение Марар широко улыбнулся, показывая ослепительно белые зубы, казавшиеся слишком большими для его узкого лица.

— Я знаю об этом, Правительница, — сказал он. — Но я думаю, ты удивишься, узнав, как много Стиб-Наль может принести своему союзнику.

10

С наступлением холодов я получал мало известий от тебя и еще меньше от Шивонн. Надеюсь, что вы обе здоровы и ваше неожиданное молчание — это не признак того, что следует ждать дурных новостей. Кроме того, нехватка общения с тобой особенно тревожит меня сейчас из-за недавних событий здесь, в Тобин-Сере.

У моего друга Джарида, о котором я тебе столько рассказывал за последние годы, появился орел, и он стал первым Орлиным Магистром в стране за четыреста с лишним лет. На протяжении всей истории Тобин-Сера появление орла у мага предвещало войну, и мои собратья — маги Ордена, боятся, что и сейчас это не станет исключением. Многие убеждены, что Лон-Сер должен быть нашим врагом в подобном конфликте, и, хотя я уверял их, что нам нечего бояться агрессии со стороны Налей, я постоянно думаю о том, что может стать с дружескими отношениями между нашими странами, случись что с Шивонн или, Арик избави, с тобой. Я знаю, что это письмо дойдет до тебя не сразу, и уверен, что письмо от тебя уже в пути через море Арика. А если нет, прошу тебя, напиши, как только получится, чтобы я мог забыть о своих страхах и рассеять опасения братьев магов.

от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,

Уже давным-давно наступили сумерки, когда они, обескураженные и утомленные, сделали перерыв на ночь. Джариду было очень жаль, что он не мог ничего предложить им. Это было его обязанностью, он знал. Ведь он их лидер. И будущее страны возложено на его плечи. Но они еще многого не знали. Уже две недели прошло с его приезда в Амарид, а он все еще не получил ответов на свои послания Первому Магистру Эрланду и Бревилу, Верховному Жрецу. Ордену только и оставалось, что ждать и думать, прав ли был Баден, считая, что их враг не чужеземец, а один или несколько соперников здесь, в Тобин-Сере.

Следовательно, их ежедневные обсуждения почти превратились в мрачное бодрствование в ожидании посланников Лиги или Храма. И все-таки, когда Джарид предложил своим собратьям магам не проводить заседаний, пока не придет какое-либо известие, почти все единодушно отказались.

— Нам следует оставаться в Великом Зале, — сказал Баден, выражая мнение подавляющего большинства, — на случай, если потребуются срочно предпринять какие-нибудь действия.

Поэтому они собирались, рассаживались по местам, а когда слуги приносили еду, ели. Но они говорили мало, делали еще меньше, и с каждым днем беспокойство Джарида усиливалось. Магам удалось сохранить в тайне появление орла, хотя в последние дни слухи о новом магистре начали распространяться по городу. Но даже этот маленький успех казался ему бесполезным; это всего лишь вопрос времени, прежде чем кто-нибудь узнает, что в Тобин-Сере появился Орлиный Магистр. И он пока еще не был готов к панике, которая, как он знал, за этим последует. Он не хотел верить, что им придется воевать с Лигой или Детьми Богов, но также он не мог не обращать внимания на возможные причины молчания Эрланда и Бревила.

— Вероятно, я слишком молод ничего не поделать, — сказал он Элайне, когда они медленно возвращались в свою комнату позади Зала. — Более опытный Магистр, наверное, уже знал бы ответ.

Она пожала плечами:

— Ты наш лидер. У них не больше права игнорировать нас из-за своей молодости, чем у тебя игнорировать Лигу, потому что Эрланд стар.

Джарид улыбнулся:

— Он не старый, а почтенный.

— Нет, старый, — настаивала она. — Он был старым уже десять лет назад, а сейчас он еще старее. У них даже нет слов, чтобы выразить, насколько он стар.

Джарид засмеялся и покачал головой:

— Ты черствая женщина. Надеюсь, я не стану старым и дряхлым раньше тебя.

— Лучше не становись. Мне нравится, когда близкие мне люди молоды.

Перед дверью в комнату Мин они встретили Валли, горожанку, которая заботилась об их дочери, когда они были заняты делами.

— Она уже спит, — прошептала седовласая женщина, когда они остановились перед ней. — Она широко улыбнулась беззубым ртом. — Она хотела дожидаться вас, но была слишком усталой и заснула.

— Спасибо, Валли, — тихо сказала Элайна. — До завтра. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Первая. — Она кивнула Джариду. — Спокойной ночи, Магистр.

Когда женщина, шаркая ногами, удалилась, Джарид с Элайной потихоньку открыли дверь в комнату Мин, и приглушенный свет их цериллов проник в комнату. Девочка растянулась на кровати и крепко спала. Элайна широко улыбнулась, и они вошли в комнату, чтобы поправить одеяло и поцеловать ее в щечку.

— Вот уже третью ночь подряд мы так делаем, — прошептала Элайна, когда они вышли из комнаты и закрыли дверь. — Терпеть не могу, когда не желаю ей спокойной ночи.

— Думаю, она понимает.

Элайна кивнула:

— Я уверена, что понимает, но все равно мне это не нравится. Давай завтра закроем заседание чуть пораньше.

— Хорошо, — ответил Джарид, беря ее за руку. — Если это вообще возможно, так и сделаем.

Они вернулись к себе в комнаты, закрыли двери и зажгли несколько свечей. Джарид опустился на кровать, а Ритлар заняла свое обычное место на большой каминной доске. Элайна села рядом с ним и взяла его за руку, но никто из них ничего не говорил. Джарид от усталости не мог вымолвить ни слова и, несмотря на это, очень сомневался, что сможет заснуть. Он почти не спал ночами со времени их приезда в Амарид.

— А что, если это ничего не значит, Джарид? — без предисловий спросила Элайна.

Он открыл глаза и посмотрел на нее:

— Что?

— Что, если появление орла ничего не значит? Что, если мы делаем все это впустую?

— Ты действительно думаешь, что это один из вариантов?

Она пожала плечами и отбросила темные волосы со лба.

— Я уже сама не знаю, — ответила она. — Я...

Она замолчала при звуках голосов, доносящихся из Палаты Собраний. Они обменялись взглядами.

— Наверное, это просто слуги, — сказал Джарид, садясь.

Элайна покачала головой:

— Днем я их почти не слышу. Они бы не шумели в такое время без причины.

Она была права, конечно. Джарид повернулся и, встав с постели, направился к двери, но не успел дойти до нее, как кто-то постучал. Он остановился и оглянулся на Элайну. Она опять пожала плечами.

— Да? — громко спросил он, снова поворачиваясь к двери.

Дверь открылась, и одна из служанок осторожно заглянула в комнату с порога.

— Простите, что беспокою вас так поздно, Орлиный Магистр, — тихо сказала женщина. — Но кое-кто хочет вас видеть.

— Кто, Грита? — спросила Элайна.

— Какая-то женщина, Магистр. Наверное, она из Лиги Амариды. У нее голубой плащ.

— Она назвала свое имя? — спросил Джарид.

— Нет, Магистр, не назвала. — Служанка запнулась. — Она хотела поговорить с Премудрым Радомилом, и я точно не знала, что делать.

Джарид попытался улыбнуться.

— Все в порядке, — сказал он. — Скажи ей, что мы сейчас выйдем.

Женщина кивнула и снова закрыла дверь, оставив Джарида и Элайну одних.

— На редкость поздно для посланника, — сказал Джарид, когда их глаза встретились.

— Я согласна. Ты думаешь, это маг Лиги, который хочет перейти к нам?

Он покачал головой:

— Не знаю. Думаю, это не исключено. Также возможно, что она убийца.

— Ты ведь на самом деле в это не веришь, правда?

— Я точно не знаю, во что теперь верить, — ответил он.

Она подошла к нему и снова взяла его за руку.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Думаю, тебе стоит. Я не готов позволить магу Лиги увидеть Ритлар. И я не хочу встречаться с ней лицом к лицу, не имея доступа к Волшебной Силе.

Она кивнула, и они вместе направились в Палату Собраний: Элайна со своей большой совой на плече, а Джарид шел рядом с ней, неся посох и остро чувствуя отсутствие Ритлар.

Но когда он дошел до больших деревянных дверей Зала, он обнаружил, что у их гостей вообще не было птицы. Она оказалась молодой женщиной с каштановыми волосами,

ниспадавшими прямо на плечи и на лицо с изящными чертами, которые походили на черты лица Элайны. У нее был простой посох, увенчанный блестящим золотым камнем, и голубой плащ мага Лиги. Но внимание Джарида привлекли ее глаза. Они были голубыми, как небо прохладным осенним утром, и в них отражалась мудрость и осведомленность о капризах и жестокости жизни, что как-то не соответствовало ее возрасту. Он видел эти глаза прежде, много лет назад, когда эта женщина была просто девочкой, которую захватчики из Лон-Сера сделали сиротой и которая не доверяла никому, носившему зеленый плащ Ордена, поэтому он знал ее имя еще до того, как она заговорила.

— Меня зовут Кайлин, — сказала она.

— Да, Кайлин, — ответила Элайна. — Мы помним тебя.

Молодая женщина сузила глаза.

— Мы встречались?

— Один раз, — ответил Джарид. — Давным-давно, когда ты все еще жила в Великом Зале. *Как раз после того, как твои родители были убиты вместе с каждым вторым человеком в твоём маленьком мире.*

Кайлин переводила взгляд с Джарида на Элайну.

— Так это вы ходили в лес Терона, не так ли?

Элайна кивнула:

— Да.

— Какой посох принадлежал Магистру? — спросила она с благоговейным трепетом.

— Этот, — ответил Джарид.

Он протянул ей свой посох, чтобы она его взяла и рассмотрела, но хотя она и шагнула вперед, чтобы взглянуть на него поближе, казалось, она не решалась взять его в руки.

— Меня зовут Джарид. А это Элайна. — Затем он указал рукой на стол. — Не хотите ли присесть?

— Нет, спасибо. — Она перевела дух. — Кто из вас новый Премудрый?

Джарид с Элайной снова переглянулись.

— Я, — ответил Джарид мгновение спустя. — А Элайна — моя Первая Помощница.

— Мы слышали, что у Ордена появился новый лидер, — сказала ему Кайлин. — Надеюсь, ничего не случилось с Премудрым Радомилом. Как мне сказали, он, кажется, достойный человек.

Джарид выдавил улыбку, хотя почувствовал, как у него внутри все сжалось.

— Спасибо за заботу, — ответил он. — С Радомилом все в порядке.

— Тогда почему вы теперь Магистр?

— Вы уверены, что не хотите присесть, Кайлин? — нарушила молчание Элайна. — Если не здесь, так в нашей комнате?

Кайлин слабо улыбнулась.

— Здесь чуть больше доверия, чем в Зале Лиги, — сказала она как себе, так и Джариду с Элайной. — Ценю вашу вежливость, — продолжила она через мгновение, снова глядя на них обоих. — Но я сомневаюсь, что вы захотите сидеть со мной, как только узнаете причину моего прихода.

Она направилась ко входу в Зал, открыла тяжелые деревянные двери и издала резкий недолгий свист.

Почти сразу же Джарид услышал взмахи крыльев и в следующее мгновение увидел нечто, так поразившее его, как он и представить себе не мог. На пороге стояла птица, которая была больше и величественнее, чем любая другая, которую он когда-либо видел, за исключением одной, — там стояла орлица. Как и Ритлар, она была яркого коричневого цвета, не считая затылка, который был золотистым. Глаза у птицы были темными и придавали ей свирепый и умный вид, который шокировал бы его, если бы он не видел точно такого же выражения у своего собственного орла. Смотря на нее и борясь с мыслями, вызванными простым ее присутствием, Джарид поймал себя на воспоминании о том странном видении, бывшем у него во сне, перед тем как он стал связанным. Некоторое время

тому назад он понял, что Ритлар была одним из тех орлов, бившихся насмерть в небе над его головой. А здесь, как оказалось, находилась вторая птица. Он еще раз посмотрел на Кайлин, думая, была ли она той женщиной, которую он видел. Но, хотя она походила на героиню его сна, это была не она. И все-таки чего-то не доставало. Тот сон не был истинным Видением. Он знал это еще тогда. Но, увидев вторую птицу, он был вынужден подумать, что в его сне была хотя бы крупица правды.

— Знаю, это, наверное, вас шокировало, — услышал он, как говорит Кайлин, хотя в действительности он ее почти не слушал. — Меня тоже. По правде говоря, я не знала, что делать. Но Эрланд созвал магов Лиги в Амарид в ответ на то, что вы воспользовались Созывающим Камнем, и поэтому я посчитала необходимым что-нибудь сделать. И я подумала, что должна сначала прийти сюда, поскольку традиционно Орлиный Магистр становится главой Ордена.

Джарид взглянул на Элайну, но ее глаза были прикованы к птице, и казалось, она не заметила его взгляда.

— Как ее зовут? — сумел все-таки спросить Джарид, снова уставясь на птицу. Он точно не знал, что означает появление орла еще у одного мага, но у него были кое-какие предположения, и ни одно из них не было особо приятным.

— Ритель.

— И когда она у тебя появилась?

— Более двух недель назад.

«После моего связывания», — подумал он, хотя от этого легче почти не стало.

— Я не знаю, что вы собираетесь делать в связи с этим. Хотите ли вы сами сообщить другим магам или хотите, чтобы я это сделала?

При этих словах Элайна наконец подняла взгляд:

— Сообщить им что?

Кайлин моргнула:

— Что я должна возглавить Орден.

— Так вот почему ты пришла сюда? — спросила Элайна. — Потому что ты думаешь, что мы отойдем в сторону и позволим Лиге захватить Орден?

Лицо Кайлин стало жестким.

— Я не это сказала! — Она замолчала, переводя дух. — Послушайте, — сказала она более спокойно, — так уж случилось, что боги послали мне орла, и мы все знаем, что это означает. Тобин-Серу суждено воевать. Сейчас не время для мелочных раздоров и соперничества. Сейчас, по крайней мере, мы должны действовать вместе. Как только враг будет разбит, вы вправе снова выбрать себе лидера.

— У тебя есть какие-нибудь предположения относительно того, кто наш враг? — спросил Джарид.

Кайлин отвела взгляд:

— Нет. Но я надеюсь, что у Эрланда и остальных есть. — Мгновение спустя она снова встретила его пристальный взгляд. — Также я буду рада выслушать ваши мысли и соображения ваших коллег.

Джарид стал было отвечать, но затем остановился, вспомнив кое-что.

— Ты сказала, что пришла сначала к нам? — спросил он.

— Да, я...

— Так, значит, Эрланд и остальные еще об этом не знают?

И снова она отвела взгляд в сторону:

— Нет, не знают. Мое положение в Лиге... не такое, каким было когда-то.

— И ты подумала, что, взяв контроль над Орденом, ты сможешь улучшить свое положение в Лиге, — сказала Элайна.

— Я не поэтому пришла! — снова стала настаивать молодая женщина. Несколько секунд она стояла в полной неподвижности, сердито глядя на Элайну. Затем покачала головой. — Мне вообще не следовало приходить.

Она развернулась и направилась к дверям.

— Кайлин, подожди, — крикнула Элайна.

Та повернулась с явной неохотой и снова посмотрела на Элайну. На ее лице было кислое выражение, но она ничего не сказала.

Элайна улыбнулась:

— Прости. Но мы должны были быть уверены.

— Уверены в чем? — спросила Кайлин с нескрываемым скептицизмом.

— Это ты должен сказать, — ответила Элайна, поворачиваясь к Джариду. — Но я не думаю, что у нас слишком большой выбор.

— Я согласен, — сказал он, кивая. — Он посмотрел на Кайлин. — Пойдем со мной и возьми свою птицу.

Кайлин нерешительно взглянула на Элайну, но тем не менее направилась вместе с Джаридом в задние комнаты Зала.

— Говори, Виреста, потише здесь, — попросил Джарид, когда они подошли к его с Элайной комнате. — Наша дочь спит рядом.

Кайлин улыбнулась.

— Сколько ей лет? — спросила она, понизив голос.

— Недавно исполнилось семь.

Улыбка женщины внезапно померкла, и Джарид вспомнил, что ей было семь, когда захватчики напали на ее родную деревню.

Дойдя до их комнаты, Джарид открыл дверь и жестом пригласил Кайлин войти. Она нерешительно прошла рядом с ним, а он вошел за ней следом. Ритлар, все еще сидевшая на каминной доске, не шелохнулась и стала осторожно наблюдать за ней.

Поначалу Кайлин ее даже не заметила.

— Что я ищу? — спросила она, осматривая комнату. — Я не... — Увидев, наконец, большую птицу, она громко вскрикнула и отскочила назад, едва не налетев на Джарида. — О боги! — прошептала она. — Широко распахнув глаза, она повернулась, чтобы посмотреть на него. — Как... — Она замолчала, так как ее собственный орел плавно подлетел к комнате и, приземлившись на пороге, бесстрастно уставился на нее. Она снова повернулась, чтобы взглянуть на Ритлар. — О боги! — повторила она.

— Ее зовут Ритлар, — сказал Джарид, — Она появилась у меня незадолго до того, как ты оказалась связанной с Ритель.

Молодая женщина кивнула, хотя по-прежнему смотрела на орла Джарида.

— Так вот почему воспользовались Созывающим Камнем?!

— Да.

Она еще некоторое время смотрела на Ритлар, ничего не говоря, и казалось, она даже не шелохнулась. Наконец, она повернулась к Джариду.

— Что, по-вашему, это означает?

— Хотел бы я знать. Самым очевидным выводом было бы то, что Лиге и Ордену суждено сражаться друг против друга.

Кайлин побледнела и покачала головой:

— Я не хочу в это верить.

Джарид грустно улыбнулся:

— Я тоже.

— Тогда не позволяйте, чтобы это произошло, — раздался третий голос.

Джарид и Кайлин повернулись к дверям, откуда Элайна наблюдала за ними.

— Вы — Орлиные Маги, вы оба, — продолжала она. — Ты возглавляешь Орден, Джарид, а ты Кайлин, скоро будешь руководить Лигой. Даже Эрланд не отверг бы твое требование при таких обстоятельствах. Поэтому в ваших силах предотвратить войну.

— Разве? — спросила Кайлин. — Боги послали нам орлов. Если их желание заключается в чем-то еще, вероятно, мы не сможем противиться их воле. — Она замолчала, отведя взгляд. — Я даже не уверена, что смогу контролировать остальную часть Лиги, а вы

хотите, чтобы я противилась воле богов?

— Не думаю, что тебе придется, — мягко ответила Элайна. — Боги всегда посылают орлов, чтобы защитить Тобин-Сер, а не уничтожить его. И я не думаю, что на этот раз будет по-другому.

Кайлин подняла взгляд:

— Что вы имеете в виду?

— Боги послали двух орлов, одного тебе, другого Джариду. Мне кажется, что этим они хотят сказать нам, что Лиге и Ордену необходимо объединиться, что врага, с которым нам придется столкнуться, можно победить, лишь объединив силы всех магов страны.

— Вы находите в этом утешение, не так ли? — спросила Кайлин.

Слабая улыбка проскользнула по лицу Элайны.

— Да, нахожу.

— Я тоже, — сказал Джарид. — А разве нам всем не следует?

Кайлин покачала головой:

— Если бы вы знали Эрланда, как я, вы бы так не думали. Он с такой страстью ненавидит Орден, что вы этого даже представить себе не можете. Он никогда не позволит Лиге объединиться с Орденом, какой бы ни была причина.

— Это еще одна причина, — сказала Элайна, — чтобы ты заняла свое законное место главы Лиги как можно быстрее.

— Вы не понимаете Лигу, — ответила Кайлин, подойдя к камину и глядя на Ритлар. Орел равнодушно поглядел на нее, а затем начал чистить перья.

— Эрланд для Лиги — это то, чем когда-то Амарид был для Ордена. Он создал ее, он возглавляет ее, он управляет ей. Даже молодые маги, которые, как вы, возможно, ожидаете, могли бы противостоять ему, по многим вопросам чаще уступают ему, чем спорят.

— Но они должны чувствовать то же самое по отношению к тебе, — сказал Джарид. — Когда ты присоединилась к Лиге семь лет назад, все в Тобин-Сере считали, что Орден в течение года распадется.

При этих словах она повернулась с чуть заметной улыбкой на губах. Она казалась такой молодой, ну просто почти девочкой. И все-таки, как и он, она была Орлиным Магом.

— Вы правы, — сказала она. — Именно так они и думали. Даже Эрланд. Вот почему он так старался, чтобы я присоединилась к Лиге. Но ведь ожидаемого не произошло, так? Орден все еще здесь, не такой сильный, как раньше, но и не такой слабый, каким бы он мог стать. — Она издала слабый звук, похожий на смех, но мгновение спустя ее улыбка исчезла. — Они разочаровались во мне. Они совершенно ясно дали это понять. Особенно Эрланд. Он не отдаст власть, по крайней мере, мне.

— Но у тебя появился орел, — сказал Джарид. — Неважно, что они о тебе думают. Ты их Орлиный Мудрец. Ничто этого не изменит.

Кайлин сделала нетерпеливый жест:

— Лига — это не Орден. Вы этого не понимаете! Даже когда его сова умерла, он умудрился остаться Первым Магистром. Орел ничего не значит. Вот почему я сначала пришла сюда. Моей единственной надеждой было то, что я смогу прийти на Конклав, став главой Ордена.

— Совершенно очевидно, что этого не будет, — сказала Элайна.

Кайлин кивнула:

— Я это понимаю.

— Поэтому тебе придется поискать другой способ.

— Вы слышали хоть что-нибудь из сказанного мной?

Темные глаза Элайны сердито вспыхнули.

— Да, все слышали. Но ты больше не ребенок, Кайлин. Ты маг, у которого появился орел. А это означает большую ответственность. Боги выбрали тебя, поэтому они, наверное, полагают, что ты готова. И сейчас все зависит от тебя.

Некоторое время Кайлин сердито смотрела на нее, не говоря ни слова.

— Наверное, в том, что вы говорите, есть доля правды, — наконец сказала она. — Вероятно, она больше, чем та, с которой я бы согласилась. Но раз уж вы все обо мне знаете, вам известно, что я никогда не была ребенком. У меня никогда не было такой возможности. — Обе женщины смотрели друг на друга еще несколько секунд, прежде чем Элайна отвела взгляд.

— Я сделаю, что смогу, — произнесла Кайлин ледяным тоном. Затем взглянула на Джарида. — Да хранит тебя Арик, Орлиный Магистр. Я надеюсь, мы будем действовать вместе, пока это все не закончится.

— Береги себя, Кайлин, — ответил Джарид. — Если мы хоть чем-то сможем помочь, дай нам знать.

Кайлин кивнула и вышла из комнаты. Некоторое время Джарид с Элайной молча стояли, слушая, как шаги Кайлин эхом отдавались от куполообразного потолка Палаты Собраний. Когда она наконец ушла, Элайна повернулась к нему с мрачным видом:

— Мне не следовало так сурово с ней обходиться.

Джарид пожал плечами:

— Трудно сказать. Она так молода.

— Она не моложе, чем были мы, когда отправились в лес Терона.

— Я знаю, — ответил он с улыбкой. — Помнишь, как молоды мы были тогда?

Элайна было засмеялась, но быстро снова стала серьезной.

— Если я права и мы не сможем справиться с этим врагом сами, ей придется поискать другой способ обойти влияние Эрланда.

— Да, — сказал Джарид, кивая. — И это единственное, в чем мы как маги Ордена совсем не можем помочь.

— Мне это не нравится, — наверное, уже в тысячный раз сказал Хенрик. — Мне это совсем не нравится.

Таммен мельком взглянула на него, а затем снова стала рассматривать группу деревьев, стоявших перед ней.

— Ты нам уже говорил, — ответила она, даже не пытаясь скрыть презрения. — Если хочешь, уходи, я тебя задерживать не стану.

Темноглазый маг было зашевелился, но не ушел. Таммен точно не знала, вздохнуть ли ей с облегчением или разочаровываться в нем.

Они находились на западной опушке леса Тобины, менее чем в дне пути от Северной равнины и, если верить Нодину, на расстоянии крика от того места, где Передур встретил свою первую птицу более шестидесяти лет назад. Но тем не менее не было видно ни малейшего признака неприкаянного духа.

— Ты уверен, что это то место? — спросила она Нодина, ненадолго встретившись с его пристальным взглядом, который в последние дни, казалось, постоянно был прикован к ней.

Он нахмурился:

— Кажется, да. Я давным-давно не был в этой части леса. Я знаю, что мы близко, но это, возможно, не совсем то место.

Она сердито посмотрела и встала с большого гниющего пня, на котором они сидели с самого заката.

— И когда ты собирался сказать об этом?

— Это пришло мне в голову как раз тогда, когда ты спросила, — оправдываясь, ответил он.

Она громко выдохнула:

— Так что, нам нужно идти?

Нодин осмотрел лес, и в его светлых глазах ясно читалось замешательство.

— Я точно не знаю, — признался он. — Я не думаю, что мы так уж и далеко от того места, но...

— Но ты ведь в этом не уверен, ведь так?

— Плохо начинать с такой мысли, — ответил Хенрик, покачивая головой. — Мы должно просто...

— Хенрик! — сказала Таммен, поворачиваясь к нему. — Если я услышу от тебя еще одно слово... — Затем она замолчала. — Нигде от вас толку нет.

— Что, Таммен? — спросил Хенрик, вставая на ноги.

Нодин тоже поднялся:

— Прекратите, вы, оба!

— Нет, — сказал Хенрик. — Я устал оттого, что она заставляет меня чувствовать себя трусом. Ты не боишься Неприкаянных, — сказал он, произнося это как утверждение. — Совсем.

Она постаралась выдержать его взгляд, как можно увереннее.

— Я здесь, потому что считаю, что Движению нужна помощь, — наконец заявила она. — Это единственное, что имеет значение. А боюсь я или не боюсь — это к делу не относится.

— Ну а ты, — спросил Хенрик, поворачиваясь к Нодину. — Ты тоже не боишься?

Нодин на мгновение метнул взгляд на Таммен.

— Как она сказала, — ответил он низким голосом, — самое главное — то, что Движению нужна помощь.

Хенрик отвел взгляд:

— Правильно. Движению.

Мгновением позже он повернулся, словно собираясь сказать что-то еще, но тут же странный перламутровый свет стал просачиваться сквозь лес, подобно свету факела сквозь прибрежный туман.

Трое магов, замолчав, повернулись к нему. Сердце Таммен билось так сильно, что ей казалось, что она слышит его, а в желудке ощущались тяжесть и холод. Даже Отба, ее прекрасный коричневый ястреб, который обычно так спокойно сидел у нее на плече, тихо зашипел и вцепился когтями ей в плечо.

Когда свет приблизился и стал ярче, Таммен увидела в центре его фигуру мужчины. Он был высоким, тощим и шел большими уверенными шагами. В его правой руке был посох, а когда он подошел ближе и остановился, она увидела, что у него на плече сидит маленький лесной ястреб. Его глаза были яркими, как звезды, а лицо, хотя и изборожденное морщинами и обрамленное седыми волосами, выглядело до странности молодым, словно свет, исходящий от него, отогнал прочь годы.

Призрак остановился перед ними и холодно их оглядел. Когда же его глаза остановились на ней, Таммен почувствовала, словно холодный ветер пронизал ее, леденя ей сердце. Мгновение спустя он обратил свой пристальный взгляд на Нодина, и она снова смогла вздохнуть свободно.

— Ты сын Прина, не так ли? — спросил дух голосом, походившим на сильный ветер, дующий в лесу.

— Да, Первый, — смущенно ответил Нодин с тяжестью в голосе. — Меня зовут Нодин. Со мной вместе маги Таммен и Хенрик. Для нас является большой честью встретиться с вами.

Передур посмотрел на Хенрика, затем на Таммен, прежде чем снова повернуться к высокому магу:

— Где ваши плащи?

Нодин сглотнул и взглянул на своих спутников:

— Мы не носим плащей, Первый. Мы — свободные маги.

— Что это значит? — спросил призрак, сузив яркие глаза.

— Это значит, — нарушила молчание Таммен, — что мы не принадлежим ни к Ордену, ни к Лиге. Мы просто служим людям.

Призрак бросил на нее сердитый пронизывающий взгляд.

— *«Мы просто служим людям»*, — передразнил он. — Что же я делал, по-твоему, в

течение сорока двух лет? И я делал это, принадлежа к Ордену!

— Да, Первый, — быстро произнес Нодин. — Конечно.

— Так для чего же, во имя Арика, стране нужны свободные маги?

Прежде чем ответить, Нодин быстро взглянул на Таммен.

— Возможно, вам кое-что известно о вражде между Орденем и Лигой, — сказал он.

Первый поморщился:

— Конечно известно. Все это бессмысленно.

— Нам тоже так кажется, — сказала Таммен, позволив себе улыбнуться. — Как маги могут служить стране, если они так заняты ссорами друг с другом?

Передур скептически оглядел ее, словно ему было не очень-то приятно соглашаться с ней.

— Продолжай.

Таммен пожала плечами:

— Мы нашли другой способ. Мы служим стране, но не участвуем в ссорах магов.

— А кто присматривает за вами? — спросил дух. — Кто гарантирует, что никто из вас не нарушает законов Амарида?

— Мы сами не позволяем друг другу нарушать законы, — ответила Таммен. — Так же, как в Ордене и Лиге.

Призрак Магистра сделал шаг вперед:

— Но этого — явно недостаточно! У вас нет формальной организации, поэтому у вас не существует методов поддержания дисциплины и системы наказаний. Я был убит отступником, человеком, который предал не только Волшебную Силу и Орден, но и всю страну. И даже несмотря на все правила и процедуры, которые имелись у нас для разрешения подобных трудностей, в конце концов потребовалась объединенная мощь всех магов Ордена, чтобы остановить его. Как бы вы смогли остановить одного из ваших «свободных магов», который бы совершил нечто подобное?

Сартол. Он говорил о Сартоле. Таммен с трудом удалось удержать сердитый ответ, готовый сорваться с ее губ.

— Свободным магам вверено служить народу Тобин-Сера и защищать его, Магистр, — произнес Нодин, и в его голосе звучало столько гордости, что Таммен не смогла сдержать улыбки. — Мы часть большого Движения — Народного Движения, которое стремится избавить Тобин-Сер от иностранного влияния, нанесшего огромный ущерб стране. Он снова взглянул на Таммен и, видя, что она улыбается, заулыбался сам.

— Я ничего об этом не слышал, — сказал дух. — Я видел, как рубят деревья, и видел странное оружие в руках людей Храма. Но Народное Движение? Нет...

— Раз вы видели все остальное, — сказала Таммен, — чужое оружие и уничтожение леса Тобина, тогда вы, конечно, увидите и то хорошее, что может принести наше Движение.

Призрак заколебался.

— Возможно, — наконец признал он. — Что из этого следует?

Нодин перевел дух, словно собираясь с силами:

— Нашему Движению нужна помощь, Первый. Маги Лиги и Ордена значительно превосходят численностью свободных магов. Нас слишком мало, чтобы сражаться с людьми Храма, когда у них есть оружие из Лон-Сера. Среди населения Тобин-Сера многие нас поддерживают, но мы не в состоянии защитить тех, кто на нашей стороне. — Он сглотнул, и даже при неярком свете, отбрасываемом их цериллами и духом, стоящим перед ними, Таммен заметила, как его лицо побледнело. — Как раз несколько дней назад в городке Праннай шестнадцать людей погибли, потому что у нас не хватило сил защитить их.

От лица Передура словно повеяло холодным зимним ветром, когда он вперил свой взор во всех троих магов.

— Если вы не в состоянии защитить их, вы не имеете никакого права втягивать их в свои дела! Раз вы маги, вы должны это знать!

— Они сами попросили у нас помощи! — сказала Таммен.

— Вам следовало отказаться!

Таммен захотела ответить, однако Нодин остановил ее, положив ей руку на плечо.

— Возможно, вы правы, Первый, — признал Нодин. — В стремлении оберегать свою страну мы, скорее всего, действовали слишком опрометчиво. Мы молоды, и мы все еще учимся. Но это лишний раз доказывает нашу правоту. Нам нужна не только помощь, чтобы стать сильнее, но и руководство, которое подскажет нам, как лучше служить Народному Движению.

Таммен кивнула. Нодин, когда хотел, мог быть исключительно умным.

— Нодин прав, — сказала она. — Мы должны многому научиться от вас и других Неприкаянных. И я прошу прощения за то, как разговаривала с вами раньше, — добавила она, робко потупив глаза.

Дух быстро взглянул на нее с безразличным выражением лица. Затем повернулся к Хенрику:

— Ну а ты, маг? Похоже, весь разговор ведут твои спутники. Ты и слова не сказал. Ты тоже готов вступить в союз с Неприкаянными?

Темноглазый маг растерянно взглянул на Таммен и Нодина.

— Я поддерживаю Движение всем сердцем, — наконец ответил он, встретив пристальный сверкающий взгляд духа. Если Неприкаянные могут помочь нам оберегать Тобин-Сер, я готов принять вас в качестве союзника.

Передур широко улыбнулся:

— Bravo, маг. — Затем он снова повернулся к Нодину: — Прекрасный у тебя спутник. У него серьезнейшие сомнения насчет того, что вы делаете, но он поддерживает вас. Очень плохо, что чувство верности возобладало над здравым смыслом.

— Я не понимаю.

— Вы пытаетесь воспользоваться силами, которые вам, возможно, непонятны, и все это ради Движения, которое в конечном счете приносит больше вреда, чем пользы.

— Вы этого не знаете! — возразил Нодин.

— Разве? Вам не удастся заморочить мне голову своей лестью и почитанием. Вам и дела нет ни до какого руководства. Вам нужна помощь Неприкаянных, чтобы противостоять Лиге, Ордену и оружию Храмов. Это единственное, что имеет для вас значение. К тому же все в стране идет к насилию и перевороту. Ваша маленькая группа свободных магов лишь ухудшит положение. Даже если бы я мог помочь вам, я бы не стал.

— Даже если бы могли? — повторила Таммен. — Что это значит?

— Это значит, что у Неприкаянных очень мал доступ к силе вашего мира. Кроме того, я почти ничего не смогу сделать для вас без помощи всех остальных Неприкаянных, а с тех пор, как Сартол стал одним из нас, нет ни малейшей возможности для этого.

— Так, значит, вы ничего не можете сделать? Получается, Неприкаянному магу никак не повлиять на наш мир? Я вам не верю.

— Верьте, во что хотите, — ответил дух. — Путь к силе, открытый для одинокого Неприкаянного мага, — это не тот путь, по которому мне хочется идти. Если вам нужна помощь одного из нас, вам придется поискать ее где-нибудь еще.

Таммен сдержала улыбку. Это было подтверждением, которого она искала. Теперь она твердо знала, что способ есть, и, так как они находились на северо-западной опушке леса Бога, им нужно было идти всего несколько дней.

— А теперь оставьте меня, — приказал Передур. — Я не желаю больше, чтоб меня беспокоили.

— Но Первый, — стал умолять Нодин. — Нам нужна ваша помощь. Стране нужна ваша помощь!

— Я служил стране, — ответил дух. — Более полувека я охранял людей, исцелял их, чинил сломанные заборы и покосившиеся дома. И я всегда делал это с чистой совестью, потому что знал, что, являясь членом Ордена, я шел по стопам Амарида. — Он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на них, и его глаза показались еще более сияющими, словно они

были цериллами. — Я не буду губить того, что сделал за свою жизнь, проведенную в праведном служении ради таких, как вы. — Он повернулся к ним спиной и зашагал прочь, больше не оборачиваясь.

Они наблюдали, как он удаляется, его жемчужное свечение растворялось в темноте, как в тумане, и наконец они остались одни, и теперь свет в лесу исходил только от их цериллов. Таммен почувствовала, как что-то ослабло у нее в груди, когда призрак исчез среди пней и веток, и не в первый раз она задумалась о том, готова ли она к задаче, которая на самом деле и привела ее в эту часть Тобин-Сера.

— Ну, что дальше? — спросил Хенрик, проведя рукой по темным выющимся волосам.

Нодин пожал плечами. Он выглядел усталым и разбитым.

— Я не знаю. В этих краях есть несколько свободных городов. Думаю, нужно посмотреть, не сможем ли мы убедить их присоединиться к Движению. — Он поглядел туда, куда ушел призрак. — Я действительно начал думать, что он нам поможет. До этой ночи я на это особо не надеялся, уверяю вас, — добавил он, повернувшись к Таммен и Хенрику. — Но когда он сказал, что вражда между Орденом и Лигой — это сумасбродство, я начал думать, что, может, все и получится.

— А если бы и получилось, то что? — спросил Хенрик, — Ты всерьез думаешь, что мы втроем смогли бы управлять Неприкаянными и пользоваться ими, словно оружием?

— Я не искал оружия, — ответил Нодин. — Я искал союзника. А раз ты почти не верил в то, что мы пытались сделать, может, тебе вообще не стоило приходить с нами сюда?

Хенрик отшатнулся, словно его ударили, а его лицо стало пунцовым. Несколько секунд он простоял, ничего не говоря. Затем повернулся на каблуках и зашагал прочь.

— Хенрик! — закричал ему Нодин вслед. — Я не хотел... — Он запнулся. Хенрик не вернется, по крайней мере, этой ночью. Он посмотрел на Таммен и покачал головой. — Не нужно было мне так говорить.

— Не важно, — сказала Таммен. На самом деле она была рада, что Хенрик ушел. Возможно, ей будет легче сделать то, что она должна сделать, без Хенрика, который вечно с ней спорит.

— Ну, так куда, по-твоему, мы должны пойти? Свободные города есть на юге и на западе.

— Думаю, нам нужно пойти на север, — ответила она.

— На север? Зачем?

Она перевела дух.

— Передур — не единственный Неприкаянный маг в этих краях. И возможно, другой дух даст нам иной ответ.

Минуту он думал. Затем глаза у него внезапно расширились, и он даже отступил от нее на шаг.

— Ты имеешь в виду Сартола?

— Да.

Он нервно облизал губы.

— Нет, — подумав, сказал он. — Это слишком опасно. Ты же слышала, что сказал Передур: Сартол убил его, сделав его Неприкаянным. Он предал страну.

— Он спас мне жизнь! Он спас Вотерсбанд! Я видела, как он это делал! Я видела, как он убивал людей, лишивших меня родителей!

— Я знаю, — сказал Нодин. — Но он делал это, чтобы спасти самого себя.

Таммен отвернулась от него.

— Так говорят в Ордене.

— Таммен... Но Хенрик...

— Это не имеет значения, — сказала она. — Хенрик все равно никогда бы не согласился. Я пойду сама. А ты с ним можешь идти в свободные города.

Нодин долго молчал, а она в ожидании неподвижно стояла спиной к нему. По правде говоря, она не хотела совершать задуманное в одиночку. Несмотря на всю свою уверенность,

что Сартол поможет им, несмотря на то что он не был воплощением чистого зла, вопреки тому, что говорили маги Ордена, — она боялась. Встреча лицом к лицу с духом Передура была достаточно серьезным испытанием для нервов, а Сартол при жизни был гораздо более страшной фигурой, чем Первый.

Нодин все еще стоял позади нее. Она чувствовала его неуверенность и его нежелание оставить ее. Раньше его привязанность была ей неприятна, но сейчас она представляла возможность уговорить Нодина пойти с ней.

Повернувшись, она подошла к нему, встала на цыпочки и поцеловала его в губы, а ее грудь слегка коснулась его груди.

— Береги себя, Нодин, — прошептала она, отстраняясь. — Я буду скучать по тебе.

Она собралась уходить, но он не дал ей сделать и двух шагов.

— Таммен, подожди.

Она повернулась к нему, сдерживая улыбку. Возможно, она могла убедить его как-нибудь иначе. Но она должна была признать, что питала к нему интерес. И она определенно предпочитала быть с ним, а не в одиночестве.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — Я бы не хотел, чтобы ты осталась одна.

«Много ли вреда принесет то, что он позаботится обо мне короткое время?» — спрашивала она себя, наблюдая, как его лицо расплывается в улыбке.

— Спасибо, Нодин. Я рада, что ты со мной.

Его улыбка сделалась еще шире. Ну разве в этом было что-то плохое?

11

Вот уже несколько лет члены Ордена действуют исходя из предположения, что необходимо наладить отношения с Лигой. Мы все признаем опасность того, что контроль над Волшебной Силой разделен, и многие также считают, что, раз мы позволили Ордену разделиться, следовательно, мы и должны привести все в норму. Однако я вынужден признать, что, если бы сегодня мне была дана возможность объединить Волшебную Силу еще раз, это было бы нелегко. После всего того, через что я прошел, мне будет очень трудно представить когда-либо мага Лиги другом или даже равным себе. И хотя остальных из Ордена не преследовали так, как меня, — я уверен, что не единственный испытываю подобные чувства.

Остается посмотреть, станет ли все это предметом для обсуждений в течение моей жизни. Маги Лиги по-всякому давали понять, что они не хотят иметь ничего общего с Орденом. Но если вдруг представится возможность для объединения либо в ближайшем будущем, либо спустя много лет, те, кто пожелает воссоединить Лигу и Орден, встретят сопротивление в обеих организациях.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, год 4633*

Баден сел и уставился на Джарида и Элайну в таком изумлении, что не мог вымолвить ни слова, и стал думать о том, возможно ли, чтобы два человека одинаково заблуждались. Судя по полной неподвижности окружающих его людей, Магистр полагал, что остальные в Зале разделяют его удивление. Он перевел взгляд на огромную птицу, сидящую на спинке стула Джарида, и покачал головой. Орел появился у мага, и не просто мага, а у его собственного племянника — это, конечно, весьма удивительно. Но два Орлиных Магистра в Тобин-Сере в одно и то же время — это уже совсем не поддавалось пониманию. Он не знал, приходить ли ему в ужас или ликовать, но почему-то он испытывал не что иное, как благоговейный трепет. Он никогда и не думал, что доживет до таких времен.

— Ты уверен, что орел сначала появился у тебя? — спросил Трамис, нарушив затянувшееся молчание. — Ты это уточнил?

— Не понимаю, какая разница, — сказала Орланн, прежде чем Джарид успел

ответить. — Если нам предстоит война с Лигой, не имеет никакого значения, у кого орел появился раньше.

— Но если нам предстоит война с Лон-Сером, — ответил Трамис с серьезным выражением молодого лица, — это имеет огромное значение. Маг, у которого орел появился раньше, будет командовать армией нашей страны. — Он снова взглянул на Джарида. — Вы согласны, Орлиный Магистр?

Джарид, на лице которого застыло кислое выражение, перевел дух:

— В тот момент я не знал всего этого.

Встал еще один молодой маг:

— Если бы боги хотели сказать, что мы должны сражаться бок о бок с Лигой, они бы не послали двух орлов. Они бы послали одного. Это, наверное, означает, что нам предстоит гражданская война, как и предположил Баден несколько дней назад.

— Необязательно! — сказал Меред, также вставая. — Боги могли послать двух орлов из-за того, что на этот раз наш враг могущественнее, чем все, с которыми мы сталкивались раньше. Определенно, это так и было бы, если бы нам пришлось сражаться с Лон-Сером.

Остальные кивнули.

— Может быть, это знак того, что нам предстоит столкнуться более чем с одним врагом, — добавила Нейса. — Не исключено, что Лон-Сер будет угрожать нам вместе с Храмами. Ведь Дети Богов приобретают оружие.

Меред скептически посмотрел на нее:

— А послали ли бы нам боги хотя бы одного орла, если бы нам предстояло сражаться с Жрецами?

Высокая женщина кивнула:

— Если бы в погоне за золотом Дети Богов бросили народ Тобин-Сера, тогда я бы поверила, что такое возможно.

Несколько магов вслух выразили согласие, и почти сразу же за столом вспыхнули жаркие споры.

— Это все преждевременные выводы, — громко сказал Джарид, прерывая перепалки, как только они начались. — Мы знаем слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы. Такие домыслы ни к чему не приведут.

— Что вы с Кайлин сказали друг другу обо всем этом? — спросил Баден. — Ты рассказал нам о ее орле, но меня больше интересует ваш разговор.

Орлиный Магистр слабо улыбнулся и слегка наклонил голову, словно благодаря Бадена за вопрос.

— Этот разговор был не из легких, — начал он, быстро взглянув на Элайну. — Кайлин хочется верить, что Ордену и Лиге суждено стать союзниками в предстоящей войне, но она совсем не убеждена, что остальных членов Лиги устроит такой поворот событий. Она даже не уверена, что Эрланд уступит ей дорогу и позволит руководить ими.

— Они еще не сделали ее Орлиным Мудрецом? — спросила Сонель с удивлением.

— Они даже не знают, что у нее появился орел.

Баден широко распахнул глаза:

— Что?

— Ну, может быть, сейчас уже знают, — поправился Джарид. — Но прошлой ночью — не знали.

Сонель покачала головой:

— Как такое возможно?

— Похоже, влияние Кайлин в Лиге не то, каким было раньше, — объяснила Элайна. — Эрланда все еще почитают даже самые молодые маги, а Кайлин утратила его благосклонность.

— Но почему? — допытывалась Сонель. — Когда-то она была для них всем.

Баден помнил, что она встретилась с Кайлин давным-давно, когда была еще Премудрой, и хотя Кайлин тогда была всего лишь ребенком, у которого только появился

первый ястреб, она произвела впечатление на Сонель.

Элайна тускло улыбнулась:

— Очевидно, члены Лиги, в особенности Эрланд, обвиняют ее в том, что Орден выжил за прошедшие семь лет.

— Это же смешно, — сказала Сонель.

— Возможно, — согласился Радомил. — Но это не удивительно. Я и сам никогда не понимал Эрланда, что бы он ни делал.

— Ну, так чем закончился разговор с Кайлин? — спросил Баден.

Тот пожал плечами:

— Мы не пришли ни к какому соглашению, если ты об этом спрашиваешь. Я, конечно, не собирался втягивать Орден во что бы то ни было, не посоветовавшись со всеми вами, а Кайлин была не в том положении, чтобы говорить от имени Лиги. Ей предстоит немало потрудиться, прежде чем она вообще сможет претендовать на какую-либо власть.

— А можем ли мы как-нибудь помочь ей в этом? — спросил Транн, почесывая клюв своей большой круглоголовой совы.

— Сомневаюсь, — ответил Джарид. — Потеря ею своего положения почти полностью вызвана тем, что наша организация все еще существует. Любая помощь, которую мы могли бы попытаться оказать ей, принесла бы больше вреда, чем пользы.

— А зачем нам нужно помогать ей? — спросил Трамис. — Мне плевать на то, что Эрланд потерял в нее веру, и — простите меня, Орлиный Магистр — мне плевать на то, что у нее появился орел. Она точно такой же маг Лиги, как и все остальные.

Орланн кивнула:

— Я согласна с Трамисом. Я знаю, что в детстве ей через многое пришлось пройти, но я все равно ей не доверяю. В любом случае, зачем она пришла сюда? Что она могла надеяться получить от нас, чего она не могла получить от Лиги?

Джарид заколебался и мельком взглянул на Бадена, словно рассчитывая на его помощь.

— Она не знала о том, что у меня тоже появился орел, — ответил он приглушенным голосом. — И поскольку Орлиные Магистры традиционно становятся лидерами Ордена просто благодаря появлению у них орла, она пришла сюда, думая, что примет на себя руководство Орденом и затем отправится к Эрланду.

Молчание, вызванное шоком, повисло над Палатой Собраний. Даже Баден почувствовал, как у него отвисла челюсть, хотя он быстро оправился от потрясения. Это действительно имело смысл. Был ли еще способ лучше для того, чтобы завоевать поддержку своих собратьев, магов из Лиги?

— Какая самонадеянность! — тихо произнес Трамис. — Она что, в самом деле думала, что мы не обратим внимания на цвет ее плаща и просто примем ее в качестве Премудрой?

— А почему нет? — спросил Оррис, заговорив в первый раз за все утро. Маги повернулись к нему. — Если бы у нас уже не было Орлиного Магистра, мы бы обсуждали этот вопрос прямо сейчас. Никогда не было Орлиного Магистра, который бы не возглавлял Орден. — Он указал в направлении Джарида. — При любых других обстоятельствах у нее было бы весьма серьезное право сидеть на том стуле. Мне кажется, что именно благодаря необычным временам, которые мы сейчас переживаем, мы и смогли сразу же отклонить ее требования.

— Но, Оррис, — возразил Трамис, — ведь мы говорим о Кайлин. Она практически основала Лигу вместе с Эрландом. Ты больше всех...

— Да, Трамис, я больше других нахожу в себе силы понять ее и согласиться с тем, что она сделала. Это тебе ни о чем не говорит?

Молодой человек ничего не ответил и мгновение спустя опустил взгляд.

Оррис окинул палату своими темными глазами, словно предлагая кому-нибудь еще бросить ему вызов.

— Дело, может быть, в том, что мы, по крайней мере, пока еще не можем помочь Кайлин. Как сказал Джарид, многие в Лиге ожидали, что она уничтожит Орден, просто надев

голубой плащ. Но в какой-то момент это может измениться, и если такое произойдет — я думаю, мы должны оказать ей посильную помощь.

— Даже если это будет означать также и помощь Лиге? — спросила Орланн.

— Да, даже тогда.

Молодая женщина покачала головой, и ее светлые глаза приобрели холодное выражение.

— Откровенно говоря, я поражена, что ты можешь даже думать о чем-то подобном. Они преследуют тебя годами. Ради всего святого, они же убили твою птицу!

Баден увидел, что Оррис стиснул зубы. Он знал, как большому и сильному магу приходится нелегко. Несколько лет назад Оррис поддержал бы Трамиса и Орланн. «Вообще-то, — подумал Баден, улыбаясь про себя, — я бы первым выступил против помощи Кайлин». Поведение Орриса свидетельствовало о том, насколько он повзрослел за последние годы; он даже способен простить Лигу. Баден не был уверен, что любой другой маг в палате поступил бы подобным образом. Включая его самого.

— Я помню, как они поступали со мной, Орланн, — наконец ответил Оррис низким голосом. — И я не готов начинать какие бы то ни было переговоры с Эрландом. Но Кайлин для меня — это совсем другое дело, особенно если учесть, что она — Орлиный Магистр. Может, Лиге суждено быть нашим врагом в предстоящей войне. Но если боги послали этих двух птиц в знак того, что Орден и Лига должны действовать вместе, чтобы спасти Тобин-Сер... — Он пожал плечами. — Я не настолько тщеславен, чтобы оказать открытое неповиновение воле богов из чувства личной мести. — Он взглянул на Бадена и улыбнулся. — По крайней мере, теперь.

Баден засмеялся, как и несколько других магов. Но он заметил, что Трамис и Орланн даже не улыбнулись.

— Ты знаешь, что я вижу, когда оглядываю этот Зал? — спросил Трамис суровым тоном, хотя взгляд его зеленых глаз и был грустен. — Я вижу магов, которые все еще чувствуют вину за то, что давным-давно позволили Эрланду уйти. Ты все еще видишь Орден не в полном составе; ты считаешь, что он не будет единым целым, пока мы снова не воссоединим Волшебную Силу. — Он покачал головой. — Те из нас, кто присоединился к Ордену после раскола, поступили так, потому что считали Орден истинным хранителем наследия Амарида. Мы выбрали зеленые плащи. Вот почему мы здесь. Мы не виним тебя за то, что сделал Эрланд, но мы не хотим видеть магов Лиги за этим столом. Для нас Лига — это мошенничество. Если бы ее члены действительно чтили память Амарида, они бы остались верны его законам. — Он повернулся к Оррису. — Прости, Оррис, но так я считаю. Даже если ты сам можешь простить их за то, что они сделали с тобой, я — не могу. — Он посмотрел на остальных. — Примирение, которого вы ожидаете, никогда не произойдет. Магам Лиги оно не нужно, и даже появление сотни орлов ничего бы тут не изменило.

Баден почувствовал правоту в словах Трамиса. Глядя через стол на Сонель, он по выражению ее лица понял, что и она почувствовала. Он не знал, что и сказать.

Он мог лишь кивнуть в молчаливом согласии, когда Элайна, уставясь на Трамиса с унылым выражением прекрасного лица, выразила свои собственные опасения.

— Я лишь надеюсь, Трамис, — сказала она, — что участники Лиги найдут в себе силы превозмочь свою враждебность к Ордену. Потому что, если ты прав и они не смогут этого сделать, наш народ обречен.

Она коротко обдумала, стоит ли идти сначала к Эрланду. «Возможно, — думала она, — если я смогу поговорить с ним наедине, я смогу заставить его понять, что мой орел — это нечто большее, чем угроза его положению в Лиге». Однако ей не потребовалось много времени, чтобы отклонить подобную мысль. Он никогда не был с нею честнее наедине, чем в присутствии остальных. «Будет лучше, — наконец решила она, — застать его врасплох на глазах всех членов Лиги».

Поэтому на следующее утро после своего неудачного визита в Великий Зал Кайлин

наблюдала издали, как ее собратья маги, одетые в свои яркие голубые плащи, входят в Зал Лиги на заседание Конклава. И только когда она была уверена, что все уже собрались, она покинула свое укромное место в узком переулке и подошла к большим дверям зала, а Ритель плавно летела над ней.

Несмотря на все старания Эрланда и остальных магов, место сбора Лиги в конце концов все-таки стало во многом походить на Великий Зал Ордена. Оба здания были овальными, с голубыми куполообразными крышами и большими деревянными дверями в форме арки. На крыше Зала Лиги были размещены мраморные статуи, вместо ослепительных хрустальных фигур, установленных на крыше Великого Зала, а окна здания Лиги были украшены панелями из блестящего цветного стекла, но во всех других отношениях здания были совершенно одинаковыми. Кайлин считала это иронией судьбы, которая становится все мучительнее с каждым годом.

Дойдя до деревянных дверей, она перевела дух, затем открыла их и вошла. Ритель вошла следом, а затем прыгнула ей на плечо, и железная хватка ее огромных когтей заставила Кайлин поморщиться от боли.

Эрланд стоял в противоположном конце длинного деревянного стола, беседуя с остальными магами с широкой улыбкой на румянном лице. Он был высоким и все еще держался, как молодой человек, поэтому его серебристого цвета борода и седые волосы придавали ему не вид человека в возрасте, а почти царственный облик. Не обращая внимания на то, что он сделал лично ей, или на то, что она думала о тех решениях, которые он принял как глава Лиги, Кайлин не могла отрицать, что его речь и внешность были такими, какие и должны быть у Первого Магистра. Она почувствовала, что начинает дрожать, и ей пришлось усилением воли успокоить нервы. Но в это мгновение она остро ощущала свою собственную молодость и хрупкость.

«У меня появился орел, — напомнила она себе. — Боги решили, что я должна быть лидером этой организации».

— Кайлин! — сказал Эрланд, делая широкий жест рукой в ее сторону. — Остальные маги повернулись на стульях, чтобы взглянуть на нее. — Как приятно тебя видеть! Мы уже стали опасаться, придешь ли ты вообще.

Она хотела ответить, но, прежде чем она успела, глаза Эрланда слегка расширились.

— Я смотрю, у тебя и птица появилась. Замечательно! Мы слышали о смерти Маркрана, но не знали...

Он внезапно умолк, и Кайлин с удовлетворением заметила, как румянец сошел с его лица.

Она подошла поближе к столу, и шелест разговоров шепотом наполнил комнату.

Эрланд, не двигаясь, все еще молчал, но, наконец, поднялся Арслан, и солнечный свет через одно из окон попал на его рыжие волосы, словно воспламенив их.

— У тебя появился орел! — сказал он, и в его голосе звучало удивление.

Кайлин улыбнулась. Из всех магов Лиги Арслан был добрее всех к ней и ободрял ее, когда слова Эрланда, обращенные к ней, становились суровыми, и защищал ее, когда остальные ставили под сомнение ее верность.

— Да, — ответила она. — Ее зовут Ритель, и она появилась у меня две недели назад.

Вавния, еще один молодой маг, тоже встала, и в ее зеленых глазах читалось изумление.

— Боги послали нам Орлиного Магистра!

— Это — титул, принятый в Ордене! — сурово сказал Эрланд.

— Ну, тогда Орлиного Мудреца, — ответила она. — Это все равно удивительно.

Эрланд скептически посмотрел на нее.

— В самом деле? — спросил он. — Или это — какой-то фокус?

— Да, Эрланд, — ответила она, не в силах сдержаться. — Это — фокус. Ритель на самом деле не моя птица; это просто птица, которую я уговорила сесть мне на руку, чтобы всех позабавить.

— Отвечая подобным тоном, ты позоришь и себя, и нашу организацию, маг.

Она сердито посмотрела на него. Он уже долго обращался с ней, как с ребенком.

— Ко мне следует обращаться «Орлиный Мудрец», Эрланд!

— А ко мне следует обращаться «Первый Магистр»! Хорошо бы тебе это запомнить!

— Я забыла, но, возможно, ваше время в качестве Первого Магистра подходит к концу. Седовласый мужчина сузил глаза:

— В каком смысле?

Кайлин оглядела огромную палату, надеясь, что кто-нибудь ей поможет; она не хотела делать того, что не следует, в одиночку. Но никто не выказал ни малейшего желания прийти ей на помощь. Даже Арслан избегал ее взгляда. Она находилась в Зале только несколько минут, но уже весьма серьезно заявила о своих притязаниях. Она вспомнила о своем разговоре с Орлиным Магистром и его Первой прошлой ночью. Если бы они видели ее сейчас, они бы, наверное, поняли, что она пыталась сообщить им о Лиге.

— В том смысле, — ответила она, наконец, — что каждый маг в этом помещении знает, какое значение придается появлению орла. Грядет война, и тому или той, у кого появился орел, предстоит руководить Тобин-Сером во время этой войны. — Она знала, что вводит их в заблуждение, но ее единственная надежда заключалась в том, что Эрланд клюнет на приманку, приготовленную для него.

— У нас не было Орлиного Мага более четырехсот лет, — сказал Стефан, один из самых верных сторонников Эрланда среди старых магистров. — Появление орла может больше ничего и не означать.

Арслан покачал головой:

— Ты ведь на самом деле в это не веришь, не так ли, Стефан?

Старик пожал плечами:

— Я не знаю, чему верить. Я точно знаю, что в законах Лиги нет ничего, что могло бы заставить Эрланда уступить свое место Кайлин. — Он взглянул на нее с усмешкой на широком одутловатом лице. — Это в Ордене существует такая традиция.

— Кайлин и не предлагала Эрланду уступить власть, — сказал Арслан. — Она просто предлагала...

— Вообще-то, Арслан, — нарушила молчание Кайлин, — именно это я и предлагала.

Рыжеволосый маг нахмурился и покачал головой.

— Как Стефан только что напомнил нам, — сказал Эрланд, — в наших законах нет ничего, что подтверждает твое право на мое место. Твои речи — не что иное, как явная попытка захватить власть, и она ни к чему не приведет. Маги Ордена, возможно, позволили бы тебе взять руководство над ними, Кайлин, а мы — нет. — Он ухмыльнулся. — А ведь это мысль: почему бы тебе не отнести своего орла в Орден; может, они сделают тебя Орлиным Магистром?

Стефан засмеялся, как и несколько других магов, но большинство из них остались в полной неподвижности и молчали, словно желая увидеть, чем закончится это столкновение основателей Лиги.

В свою очередь Кайлин тоже улыбнулась. С Эрландом было нелегко справиться, но он был лишен воображения. Не составляло почти никакого труда заставить его сделать такое предложение.

— Пойти в Орден — это прекрасная мысль, Эрланд. Вообще-то, я уже ходила.

Его ухмылка исчезла, и он уставился на нее с жадным интересом.

— И? — неожиданно тихо спросил он.

— У них уже есть Орлиный Магистр.

Она ожидала, что эта новость будет встречена взрывом громких вопросов и выкриков недоверия, и не ошиблась. Однако она также надеялась, что Эрланд будет громче всех называть ее лгуньей, но старик удивил ее. Казалось, он каким-то образом почувствовал, что она говорит правду, и, хотя его лицо стало пунцовым, его голос оставался спокойным. Все же молчание остальных магов пресекло поднявшийся шум, подобно остро отточенному клинку.

— Кто это? — спросил он. — Не Баден ли?

— Нет, не Баден. Это — молодой маг по имени Джарид.

— Джарид? — спросил Арслан, широко раскрыв глаза. — А Элайна — его Первая?

— Да.

— Джарид, — тихо повторил Эрланд. — Он сказал нам, что произойдет что-то подобное.

— Кто сказал, Первый Магистр? — спросил Стефан.

— Баден, конечно, — пробормотал седовласый старик. Минутой позже он покачал головой и оглядел комнату, словно внезапно вспомнив, что остальные присутствуют там. — Это — интересный поворот событий, — сказал он. — Признаю. Но это ничего не меняет.

— Разве? — спросила Вавния. — В Ордене есть Орлиный Магистр, и тем не менее боги также послали орла одной из нас. Это должно что-то означать.

— Я согласна.

Все посмотрели на стул у противоположного конца стола, рядом с Эрландом. И в первый раз за день у Кайлин забрезжила надежда.

— Ты, Тоинан? — спросил Стефан тоном, в котором сквозило изумление и, как показалось Кайлин, немалая горечь.

Тоинан была Первой у Премудрой Сонель до создания Лиги, и поэтому долго являлась самым уважаемым магом, носившим голубой плащ, за исключением Эрланда. С ее поддержкой у Кайлин мог появиться шанс.

— Да, — ответила старая женщина. Она встала, тяжело опираясь на посох. У нее были седые волосы и синие глаза, которые начали гноиться в последние годы. Но ее голос остался сильным, и она привлекла внимание всех присутствующих в зале. — Я прожила долго — дольше, чем любой из вас, осмелюсь сказать, — и я никогда не видела даже одного орла на плече мага. А сейчас их целых два. — Она попыталась улыбнуться, но ей помешал приступ кашля. — Боги бы не совершили подобного просто так, — продолжила она, когда снова смогла говорить. — В этом содержится предупреждение, намек на силу врага, с которым нам предстоит столкнуться. И опасно не обращать на это внимания.

— Означает ли это, что, по твоему мнению, Кайлин должна возглавить нас? — спросил Арслан.

Эрланд сделал нетерпеливый жест и вышел из-за стола.

— Это не Тоннан решать, — сказал он, а затем, вернувшись к столу, быстро добавил: — И не любому другому магу.

— Конечно, — согласился Арслан. — Но я бы хотел услышать, что скажет Глава Лиги. — Он улыбнулся одними губами. — По столь важному вопросу мы должны выслушать каждого. — Вы не согласны, Первый Магистр?

— На что ты намекаешь? — спросил Эрланд низким голосом.

Арслан покачал головой:

— Ни на что. Но это — вопрос, который лежит выше личных интересов любого члена нашей организации. Даже твоих, Эрланд. — Он перевел дух и провел рукой по непослушным волосам. — Большинство из нас в этом зале ушло вместе с тобой с Собрания семь лет назад, потому что мы были согласны с твоей критикой Бадена и того, что они сделали с Оррисом. Ты должен знать, как трудно было нам поступить подобным образом. Но мы доверились тебе, и если бы была возможность еще раз пережить тот день, я, ни минуты не сомневаясь, снова бы последовал за тобой. Не уверен, что любой из нас поступил бы так же. Но ты вывел нас из Великого Зала потому, что Баден и остальные стали заботиться о своих интересах и собственном благополучии больше, чем о стране и народе. И я не позволю никому в нашей Лиге поступить на этот же лад. Ни Кайлин, ни тебе в том числе.

Эрланд оглядел комнату так же, как и Кайлин, и по его реакции было заметно, что он видит такую же решимость на лицах магов, какую и она.

— Очень хорошо, — сказал Эрланд, возвращаясь к своему стулу. Он сел и снова осмотрел комнату с мрачным выражением лица. — Очень хорошо, — повторил он.

— Тоинан? — произнес Арслан, снова поворачиваясь к старухе.

Магистр слегка пожала плечами:

— Как сказал Эрланд, не мне решать. Но вот что я скажу: у нас есть Первый Магистр, которого мы уважаем, и Орлиный Мудрец, который пришел к нам, воплощая знамение богов. Имея двух таких лидеров, мы станем только сильнее.

Тоинан села со слабой улыбкой на сморщенном лице.

На время воцарилось молчание, а затем, мгновение спустя, казалось, повсюду вспыхнули споры.

И тем не менее Кайлин знала, что Тоинан нашла решение. Магам Лиги, возможно, потребуется весь день на обсуждение этого, но ей слова старухи казались пророческими.

Глядя через стол на Эрланда, она обнаружила, что он уже наблюдает за ней, так же не обращая внимание на шум вокруг них, как и она. Она увидела смирение в его синих глазах, и затем, к своему удивлению, она даже заметила, как он кивает ей, словно уже признав неизбежность разделения власти.

Как Кайлин и ожидала, остальные маги реагировали на произошедшую перемену гораздо медленнее. Слишком медленно, как ей казалось. Все, что Лига делала в последние дни, казалось, разжигало скандал. Их обсуждения, как она недавно с некоторой тревогой осознала, походили на то, что она слышала о последних днях Ордена, перед тем как Эрланд вывел своих сторонников из Великого Зала.

Наконец маги пришли к соглашению, и это было уже кое-что. Кайлин будет Орлиным Мудрецом, а Эрланд останется Первым Магистром. И пока предстоящий кризис не пройдет, они будут управлять Лигой вместе, с согласия остальных.

«Это — прекрасное начало, — думала она, покидая Зал чуть ли не ночью и возвращаясь с Ритель к покою и одиночеству Ястребиного леса. — Прекрасное начало, но не более того». Их партнерство обещало быть трудным. Он согласился лишь разделить с ней власть, а не подчиняться и уж конечно не поддерживать ее. Что касается тех случаев, когда они не придут к единому мнению, а таких возникнет немало, Кайлин почти не сомневалась, на чьей стороне окажутся остальные. И зная, что ей никогда не удастся убедить Эрланда и его сторонников принять Орден в качестве союзника, она в каком-то смысле чуть ли не надеялась, что предстоит война с Орденом.

Дойдя до уединенной вырубki на берегу Лариан, Кайлин остановилась и присела на камень. Ритель плавно опустилась на землю возле нее, и Кайлин наклонилась, чтобы почесать ей клюв. Она вытащила из-за пазухи хлеб с засохшим сыром и стала есть. Но прежде чем она успела откусить еще кусок, она услышала, как какой-то мужчина зовет ее по имени.

Кайлин встала, поеживаясь от страха. «Я снова стала связанной, — напомнила она себе. — Хотя я и одна, мне нечего бояться».

Мгновение спустя она увидела церилл, а затем и того, кому он принадлежал.

— Кайлин, — снова крикнул Стефан, подходя ближе.

Она подумала о том, чтобы уйти в лес. Даже если бы она доверяла ему, у нее не было особого желания разговаривать с ним. Но она была Орлиный Мудрец, а он всего лишь член Лиги. Теперь у нее были обязанности. Она подняла посох над головой, и золотистое сияние осветило лес вокруг.

Несколько секунд спустя он стоял перед ней, тяжело дыша. Даже если бы не красный свет камня, падающий на потное лицо старика, его покрасневшее лицо могло бы вызвать тревогу. Он согнулся, открыв рот, словно пытаясь отдышаться. Если он пришел убить ее, сначала ему придется передохнуть.

— Что ты здесь делаешь, Стефан?

Ритель прыгнула вперед, став рядом с ней, и издала короткое шипение. Маленькая сова Стефана зашипела в ответ.

Магистр выпрямился и холодно посмотрел на нее:

— Я пришел поговорить.

«Я не верю тебе, — хотела она сказать. — И даже если бы верила, то не захотела бы тебя слушать».

— О чем?

— Ты неправильно повела себя сегодня. Тебе не следовало бросать вызов Эрланду.

— А, понимаю, — сказала Кайлин, кивнув. — Ты пришел как лакей Эрланда.

Магистр грустно улыбнулся:

— Вряд ли. Если бы Эрланд знал, что я здесь, он был бы... разочарован.

Она скептически посмотрела на него.

— Ты мне не веришь, — сказал он.

— А почему я должна верить?

Он признал этот довод, слегка пожав плечами.

Несколько минут они стояли молча, а Стефан, бледное лицо которого ничего не выражало, наблюдал за ней. Наконец, Кайлин с шумом выдохнула.

— Хорошо, Стефан, — скучным голосом сказала она. — Что мне следовало сделать иначе?

Он жестом показал на камни на берегу реки:

— Давай присядем.

Она не шелохнулась, и некоторое время спустя он покачал головой:

— Как хочешь, но я все-таки сяду.

Он подошел к берегу и осторожно присел на один из больших камней.

— Ты — маг уже в течение некоторого времени, и ты была частью Лиги с самого начала. Мы все знаем, насколько ты выделяешься, и мы признаем, что ты мудра не по годам. Но тебе еще многое нужно узнать об использовании своего влияния и власти.

— Что именно?

— Ты упустила великолепную возможность. У тебя появился орел, Кайлин, и тебе хватило ума скрыть это от нас до своего прихода в зал. Но, с другой стороны, ты свела на нет преимущества, которые ты бы получила, сразу же потребовав, чтобы мы выбирали между тобой и Эрландом.

Она уставилась на него, не вполне веря тому, что слышит.

— А как мне следовало поступить? — спросила она.

— Тебе нужно было дать тем, кто мог бы склониться на твою сторону, возможность помочь тебе.

— Не понимаю.

Он опустил глаза, вытирая рукой мокрый лоб:

— Ты знаешь, что Эрланд значит для нас. Никто из тех, кто ушел вместе с ним из Ордена, никогда не сделает ничего, чтобы смутить или обидеть его.

— А я тебя и не просила.

— Нет, Кайлин, просила. И я понимаю почему. Он плохо обращался с тобой в последний год. — Стефан снова отвел взгляд. — Все мы — тоже. Но когда ты превратила свое требование на лидерство в атаку на Эрланда, ты лишила всех членов Лиги возможности поддержать тебя. Откровенно говоря, тебе повезло, что Тоинан сказала то, что хотела сказать, потому что в противном случае ты бы могла уйти из зала, вообще ничего не добившись.

Она села на камень рядом с ним:

— Почему ты мне это говоришь?

Стефан заколебался.

— Потому что я напуган, — наконец ответил он. — Я никогда не думал, что увижу хотя бы одного Орлиного Му... — Он замолчал и улыбнулся, хотя ненадолго. — И уж конечно я не думал, что увижу, как к двум магам одновременно нисходят орлы. Несмотря на возражения Эрланда или мои собственные, это должно что-то означать. Боги бы не послали двух подобных птиц без причины.

— Значит, ты считаешь, что я должна возглавить Лигу.

Магистр внезапно встал:

— Я этого не говорил.

Она в отчаянии воздела руки:

— Тогда что же ты говоришь? Если ты так напуган, почему же ты выступил против меня сегодня?

— Я же сказал почему: Эрланд — мой друг, и он Первый Магистр нашей Лиги. Я не позволю, чтобы ты или кто-нибудь еще унизили его. — Он сглотнул. — Возможно, ты должна возглавлять нас, по крайней мере, пока мы не узнаем, почему у тебя появился орел. Но тебе придется найти способ более искусно выражать свою волю. Ты не завоеешь необходимую тебе поддержку, сражаясь с Эрландом.

— Но нам с Эрландом суждено не соглашаться друг с другом. Ты хочешь сказать, что я всегда должна уступать?

— Вовсе нет. Я просто говорю, что ты должна полемизировать с осторожностью.

Кайлин покачала головой:

— Но как...

— Не мне тебя учить, как руководить, Кайлин, — ответил он почти доброжелательно. — Несомненно, возможны случаи, когда я буду выступать против тебя, и я не намерен помогать тебе больше, чем то продиктует необходимость. Но ты — умная молодая женщина. Я доверяю твоей способности осознать это.

Они снова замолчали. Становилось холодно. Кайлин неожиданно захотелось развести костер и обдумать в одиночестве то, что Стефан сказал ей.

— Я должен оставить тебя, — сказал наконец Магистр. Он колебался и затем добавил: — Я бы хотел, чтобы ты никому не говорила о нашем разговоре. Я не хочу, чтобы Эрланд узнал, что я приходил к тебе. — Он грустно улыбнулся. — Кажется, я дал тебе против себя кое-какое оружие, в котором ты нуждаешься.

Кайлин встала и посмотрела на него.

— Я никому не скажу, — произнесла она, не сводя с него глаз. — Клянусь памятью своих родителей.

При этих словах его глаза расширились, и через несколько секунд он кивнул.

Она заставила себя улыбнуться:

— Благодарю тебя за совет, Стефан. Кажется, у меня есть некоторое представление о том, что тебя побудило вот так просто прийти ко мне. Я у тебя в долгу.

— Я сделал это ради Лиги и Тобин-Сера, — резко сказал он. — И полагаю, я сделал это и для Эрланда тоже.

Она снова улыбнулась, и на этот раз искренне:

— Каковы бы ни были причины, я тебе благодарна. Постараюсь найти способ воспользоваться твоим советом.

— Спокойной ночи, Орлиный Мудрец. — Он взглянул на Ритель, которая стояла на земле у ног Кайлин, глядя на него хищным взглядом. И ей показалось, что он кивнул птице, прежде чем повернуться и направиться в Амарид.

Когда красное свечение церилла Стефана пропало в глубине леса, Кайлин начала искать сухие ветки, чтобы развести костер. Но она искала недолго. Она устала и довольствовалась маленьким пламенем, у которого и закончила скромный ужин. Стефан был прав как минимум в одном: у нее не было опыта в руководстве и умении убеждать. И там, в темноте Ястребиного леса, в одиночестве, если не считать большой птицы, которая была с ней, Кайлин не могла не думать о том, не приведет ли ее неумение к краху всего Тобин-Сера.

и изгои остаются верны старым традициям. Непрерывные покушения на мою жизнь являются очевидным доказательством этого, как и перестрелки, которые с раздражающей регулярностью все еще вспыхивают в различных кварталах. Как я тебе не раз уже говорила, мне удалось добиться некоторого прогресса в улучшении положения. Я очень горда своими достижениями, но должна признать, что мои успехи достаточно скромны.

...Опасность, конечно, заключается в том, что с одним из нас может случиться что-нибудь, прежде чем трансформация Лон-Сера будет завершена. Смерть Джибба, моя собственная или даже смерть Шивонн могла бы иметь разрушительные последствия для всех людей в каждом кваде любого из трех Налей. Успехи несомненны, но опасность вернуться к хаосу и насилию также постоянна. Все, что для этого понадобится, — это удачно произведенный взрыв, точный залп из лучемета, незаметный удар кинжалом...

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 1, неделя 11, зима, год 3067*

Они снова были в туннелях, пробираясь к Четырнадцатому кварталу, чтобы все-таки подавить еще одну перестрелку, разразившуюся между двумя соперничающими лордами. Мелиор могла рассказать этим лордам и их подчиненным, как управлять кварталами, она могла научить их, как вести дела друг с другом, но она не могла изменить сущность их натуры. Поэтому сотрудникам ПСБ приходилось претворять в жизнь указы Правительницы независимо от того, соглашались они с ними или нет.

При обычных обстоятельствах Премель бы об этом не беспокоился. Обычно он получал удовольствие от этих набегов на квады. Было приятно снова полагаться на свои инстинкты и обширное знание улиц и дорог второстепенного значения. Он был в своей стихии, как и Джибб.

Премель знал, что начальник службы безопасности не признался бы в этом никому. Джибб рассматривал бы такое признание как предательство доверия Мелиор. Но нужно было только посмотреть на него, когда он бежал вприпрыжку по туннелям с лучеметом в руке, на его настороженный взгляд, на зубы, оскаленные в свирепой улыбке, чтобы понять, что его сердце все еще в квадах. Кроме того, само его присутствие здесь было признанием очевидного. Слевин, его предшественник на посту главы ПСБ, ни за что бы не отправился на подобное задание, а поручил бы его своим подчиненным. Но не Джибб. И при обычных обстоятельствах Премель был бы рад, что темноволосый здоровяк рядом с ним.

Но данные обстоятельства не были обычными. Марар ожидал от Премеля, что тот убьет и Джибба, и Мелиор в ближайшие день или два. И по правде говоря, данное задание предоставляло ему наилучшую возможность выполнить первую половину этого поручения. Им придется столкнуться с сопротивлением, когда они достигнут Четырнадцатого. Если случайный залп из лучемета попадет в Джибба, это не вызовет подозрений. Подобное случалось в Брагор-Нале постоянно. Возможно, Премелю удалось бы все сделать так, чтобы обвинили кого-нибудь другого — охранника или даже одного из изгоев. Обставить все это — не проблема.

У него никогда не было старшего брата, но он относился к Джиббу так же, как, казалось, его младший брат относился к нему самому, пока тот не погиб несколько лет назад в перестрелке в Двенадцатом. Мысль о потере названного брата была ему невыносима. И тем не менее за отказ убить Джибба он мог поплатиться жизнью. Он подумал о единственном возможном решении после одного из последних разговоров с Правителем Стиб-Наля, но оно было настолько рискованным, что вся его смелость улетучилась. Затем Марар снова связался с ним и потребовал, чтобы Премель убил и Джибба, и Мелиор. С тех пор они разговаривали еще раз, и Марару хватило времени спросить, были ли совершены эти убийства, а Премелю объяснить, что возможность еще не представилась. Марар воспринял это без особенной радости, но у Премеля осталась слабая надежда на то, что он сможет снова отделаться от Правителя. Так или иначе, ему скоро придется действовать.

Джибб, который находился впереди него, поднял руку, оторвав Премеля от мрачных мыслей. Начальник службы безопасности повернулся к ним и показал на маленькую голубую лампу, вмонтированную в изогнутый цементный потолок. Они достигли границы Четырнадцатого квартала. Премель и остальные десять охранников плотным кольцом окружили Джибба.

— Теперь будьте настороже, — прошептал здоровяк. — Люди Грибона могут быть где угодно и, согласно последнему донесению, захватчики Туллиса были в этой части квартала.

Остальные кивнули, что сделал и Премель после некоторого колебания. Он глубоко вздохнул, пытаясь прочистить мозги. Ему нужно было сосредоточиться. Если быть невнимательным, в туннелях могут убить.

— Должны ли мы разделиться, генерал? — низким голосом спросил один из охранников.

— Я как раз пытался это решить, — ответил Джибб. Он взглянул на Премеля. — Что скажешь?

— *Если мы разделимся, я никак не смогу убить тебя.* Я точно не знаю. Наверное, это хорошая идея.

— Но?

Он был невероятно проницательным. Премель прочистил горло, заставляя себя не думать о собственных проблемах.

— Но лучше покончить с конфликтом, найдя одного из них и убедив его покончить с враждой. Сделать это мы сможем, если тот, кого мы найдем, будет убежден, что ПСБ здесь в полном составе.

Казалось, Джибб взвешивал его слова несколько мгновений, пока наконец не кивнул утвердительно:

— В этом есть смысл. Мы останемся вместе.

Он снова стал двигаться вперед, а Премель последовал за ним, не зная, вздохнуть ли ему с облегчением или приходить в ужас.

— С тобой все в порядке? — спросил Джибб, когда они крались по коридорам.

— *Нет, я предатель.* Да, все нормально.

— Я думал, ты будешь рад снова попасть в квады.

Невероятная проницательность.

— Да. Это я так. Все еще пытаюсь приспособиться. *И пытаюсь решить, будет мне легче убить тебя или просто позволить убить себя и покончить со всем этим.*

Джибб широко улыбнулся:

— Давай побыстрей. Туллис и Грибон вряд ли будут такими же терпеливыми, как я.

Премель попытался улыбнуться, но, видя хмурое выражение, появившееся на лице Джибба, понял, что это ему не удастся. Джибб снова пошел впереди, и они продолжили идти по туннелям, дошли до развилки, повернули направо, а через несколько минут дошли до второй.

Джибб оглянулся на него еще раз и открыл рот, собираясь что-то сказать. Но в это мгновение какой-то человек показался в конце коридора, и, хотя туннели были тускло освещены, а появившийся человек был едва виден, Премель заметил, что у него в руке лучемет. Не мешкая ни секунды, плавным движением, которое он совершал, наверное, тысячу раз, тот человек поднял руку, выстрелил, и из его оружия вылетело красное пламя. Даже не задумываясь, Премель сделал единственное, что было возможно, единственное, что он всегда был способен сделать. Он крикнул, предупреждая остальных об опасности, и, бросившись вперед, опрокинул Джибба на холодный цементный пол левой рукой, одновременно наводя свое собственное оружие на изгоя.

Премель услышал, как Джибб вскрикнул от боли и был не уверен, попал ли в него выстрел из лучемета или он просто неудачно упал. Но в следующее мгновение это стало особенно важно. К тому человеку присоединилось несколько товарищей, и все были вооружены. Они по очереди стали вести огонь по коридору, используя угол в качестве

прикрытия.

Премель и остальные охранники были хорошо подготовлены и прекрасно обращались со стрелковым оружием. Но в узком коридоре им было негде спрятаться, и они почти не могли защитить себя. По крайней мере, пятеро упали при первом залпе — Премелю было трудно сосчитать точно, — и лежали они плашмя. Остальные, судя по углу их ответного огня, казалось, упав, использовали тела мертвых в качестве прикрытия, но долго им было не продержаться.

— Применяйте гранаты! — крикнул Джибб сквозь сжатые зубы.

«Изгой, наверное, попал в него», — подумал Премель, и его охватила дрожь.

— Конечно, — ответил Премель. — Гранаты! — крикнул он остальным. — Быстро!

Несколько секунд ничего не происходило, и противник продолжил атаку. Затем один из охранников сзади издал предостерегающий крик, а мгновение спустя туннель затрясся от сильного взрыва.

Куски цемента посыпались на голову и шею Премеля, а коридор стал заполняться дымом. Но огонь прекратился, и, несмотря на звон в ушах, он услышал крики с того места, где были нападающие.

— Веди ребят вперед, — сказал Джибб надтреснутым голосом. — Не позволяйте изгоям уйти.

— Но ты...

— Я смогу защитить себя. У меня еще есть оружие и одна здоровая рука.

— *Одна здоровая...* Так тебя ранило в руку? — спросил Премель, вставая и помогая Джиббу сесть.

— В левое плечо.

Премель присмотрелся, и даже при тусклом свете различил пятно крови на голубой форме Джибба. На мгновение он подумал, что ему станет плохо. Он опять задрожал и точно не знал почему. Он солдат — раньше он был изгоем, — и подобное не должно было беспокоить его. Но ведь это Джибб был ранен. Это Джибба он должен был убить!

— Ты мог бы сказать, чьи это люди? — спросил Джибб, вытирая пот со лба здоровой рукой.

— Нет.

Джибб закрыл глаза и прислонился головой к каменной стене.

— Лучше бы тебе поспешить. Я не хочу, чтобы они ушли.

Премель сглотнул, а затем кивнул.

— Вперед! — сказал он остальным слегка взволнованным голосом. — За ними!

Все начали двигаться, но Джибб схватил Премеля за ногу, останавливая его.

— Премель.

— Да.

— Спасибо.

Премель снова кивнул — почему-то он не мог выдать из себя ни слова — и затем последовал за другими бойцами.

Взрыв убил троих нападавших и разогнал остальных. И когда к Премелю постепенно стала возвращаться способность слышать, он смог различить звук их шагов, удаляющихся вниз по коридору. Очевидно, остальные тоже их слышали, потому что с минуту они осторожно ступали по обломкам, оставшимся после взрыва, а в течение следующей мчались по коридору, вытащив оружие.

Они не видели беглецов, а пока бежали, даже и не слышали их, но Премель почувствовал, что он со своими людьми не сумел сократить расстояние между ними. Он знал, что на развилке, которая обязательно будет, они их потеряют. Они оказались у развилки даже раньше, чем он ожидал. Пройдя изгиб в туннеле, они пришли ко второму коридору, который резко поворачивал направо. Все остановились, и Премель поднял руку, давая понять охранникам, что следует молчать.

— Туда! — сказал он спустя несколько секунд, — Направо!

Они снова бросились за ними, но почти сразу же увидели вспышки красного света, отражающиеся от стен.

— Они стреляют! — крикнул один из охранников.

— Вижу!

Они снова замедлили шаг, осторожно всматриваясь вперед, пока, наконец, преследуемые не оказались в поле их зрения. Те припали к полу у входа в еще одну развилку в туннелях, стреляя по какому-то невидимому врагу и время от времени ложились плашмя, чтобы в них не попал ответный залп. Они пока еще не заметили Премеля и других бойцов, и тот начал рассматривать их лица, пытаясь определить, чьими людьми они были. К своему огромному удивлению, он скоро узнал самого Туллиса, который целился вместе с остальными и отдавал приказы резкими бесшумными жестами.

До сих пор Премель и его люди не пользовались фонариками — Джибб боялся, что они выдадут изгоем присутствие ПСБ, прежде чем охранники смогут подобраться на достаточно близкое расстояние, чтобы предпринять что-нибудь. Но сейчас Премель вытащил фонарик из-за пояса и направил его прямо на Туллиса.

— Бросай оружие! — крикнул он. — И не вздумай двинуться!

Туллис повернулся к ним и выстрелил, за ним последовали и несколько его людей.

Премель бросился на пол и сплунул, проклиная Туллиса. Так управлять Налем нельзя. Лучше позволить им довести бой до конца.

— ПСБ! — услышал он крик Туллиса. — Бегите!

Лорд, следуя собственному совету, бросился по левой стороне коридора, повернув голову один раз, чтобы выстрелить наугад через плечо. Премель выстрелил в него трижды, и, хотя он промахнулся, огненные лучи пронеслись на таком близком расстоянии от шеи и лица лорда, что заставили его растянуться на полу и закрыть голову руками.

— Прекратите огонь! — крикнул он. — Я сдаюсь.

Несколько охранников произвели предупредительные выстрелы над головами людей Туллиса, и те побросали оружие. Если Туллис был готов трястись от страха за свою жизнь, они, казалось, решили, что не готовы рисковать своими, защищая его.

Премель большими шагами подошел ко все еще лежащему Туллису и рывком поставил его на ноги.

— Правительница хотела бы поговорить с тобой, Туллис, — сказал он, поворачивая его к себе лицом и глядя ему в глаза.

— А Грибон? — нетерпеливо спросил лорд.

— Мы в квартале Грибона. Агрессор здесь ты.

— Он начал эту перестрелку! А я просто защищался. Если бы я не напал первым, он бы сам это сделал!

— Расскажешь это Правительнице, — произнес Премель. — Мне это неинтересно.

— Эта сучка гилдрин не узнала бы...

Премель, не дослушав, ударил его кулаком в живот, и тот согнулся вдвое. Премель не знал, почему это сделал. Он сам называл Мелиор про себя почти точно так же бесчисленное количество раз.

— Ты о Правительнице говоришь, не забывай! — прорычал он.

Премеля опять охватила дрожь. Сначала он спас жизнь Джиббу, а теперь он защищал Мелиор, словно она была его сестрой. Он чувствовал себя так, словно терял контроль над собой.

Премель дернул Туллиса за руку:

— Пошли.

— А остальные? — спросил один из охранников, показывая на изгоев, которых они поймали.

— Мы отведем их к генералу и посмотрим, что он скажет.

Охранник кивнул.

Оглянувшись через плечо на другой коридор, Премель увидел, что за ними наблюдают

несколько людей Грибона, привычно держа под рукой оружие.

— Отведите их к Джиббу, — приказал Премель, снова поворачиваясь к охраннику. — Я скоро вернусь.

— Да, сэр.

Премель направился к людям Грибона, посчитав нужным убрать оружие.

— Что тебе нужно? — спросил один из изгоев, когда Премель приблизился. — Мы слышали, что ты сказал Туллису, и ты был прав: это он начал, а не мы.

Премель развел руками и улыбнулся:

— Я просто хочу поговорить.

— Нам нечего сказать ПСБ.

Улыбка Премеля исчезла так же быстро, как и появилась, и он, схватив изгоя за рубашку, подтащил его к себе.

— Зато ПСБ хочет кое-что сказать вам или скорее вашему боссу. Скажи Грибону, что на этот раз он отделается легко. Правительница охотно верит, что он защищал себя. Но при попытке отомстить, при любом шаге против Пятнадцатого она лишит его квартала, арестует всех его людей и позволит остальным лордам в доминионе поделить его богатства между собой. Понял?

Тот с ухмылкой на губах встретил пристальный взгляд Премеля, но ничего не сказал.

Подобная реакция не была редкостью среди бандитов. Они боялись ПСБ, даже если и не признавались в этом друг другу, но при этом казалось, что, видя голубую форму, они до некоторой степени наглеют. Премель и сам был таким в бытность свою изгоем, и наблюдал подобное не раз за последние годы. Но после всего, что произошло за этот день, учитывая то, что так терзало его, ярость, в конце концов, вспыхнула в нем, подобно взрыву бомбы — неожиданно и бесконтрольно.

Все еще держа изгоя за рубашку, Премель свободной рукой двинул его в живот, почти так же, как и Туллиса несколькими минутами ранее. Но на этот раз, когда изгой перегнулся пополам, Премель хватил его коленом в лицо и почти сразу же приложил лицом о стену. Тот ударился о цемент с неприятным глухим звуком, а затем сполз на пол, словно кукла.

— О боги! — чуть слышно произнес другой изгой, уставясь на Премеля, словно тот был каким-то существом из ночного кошмара. — Ты его, наверное, убил!

Премель посмотрел на того, кто сказал это, а затем на двух других, которые стояли не двигаясь.

— Я попросил его передать сообщение. Он отказался. А теперь согласится ли кто-нибудь из вас добровольно сделать то, от чего отказался он, или мне и с вами поступить так же?

— Нет! — быстро ответил первый. — Мы передадим Грибону все, что ты сказал.

Премель кивнул:

— Хорошо. Его гнев прошел, и он с ужасом стал думать, не убил ли он на самом деле того человека. Когда изгой зашевелился и издал тихий стон, он с облегчением вздохнул.

— Отведите своего друга к врачам и держитесь подальше от туннелей. — Премель не стал ждать ответа. Он оставил их и зашагал к Джиббу и остальным. Его тошнило. Он не чувствовал себя, как человек, который избил кого-то впервые. Когда он был изгоем, он часто творил и не такое. Но на этот раз все почему-то было по-другому. Он вообще не собирался этого делать. Он нападал не задумываясь и был не в состоянии остановиться.

— Я даже не знаю, кто я теперь, — пробормотал он в темном коридоре. И его внутренний голос ответил: «Ты — предатель. Ты был готов убить Правительницу и своего лучшего друга ради золота».

Он покачал головой:

— Нет! — Он произнес это громко, чтобы его слова эхом отдались от стен. — «Тогда ты покойник, Марар об этом позаботится. Так что выбирай: предателем ты будешь или же трупом».

Нет. Должна быть еще какая-нибудь возможность. Это, конечно, заставило его снова

вспомнить о варианте, который он уже обдумывал, о мысли, пришедшей ему в голову той ночью, когда он разговаривал с Правителем Стиб-Наля. Это было не бог весть каким вариантом. От одной мысли о нем мурашки пробежали по телу. Но ничего другого ему не оставалось. Марар заманил его в ловушку.

— Нет, — сказал он в темноту в третий раз. — Ты сам это сделал с собой.

Он увидел обломки гранаты, валяющиеся вокруг тел изгоев, которые погибли от взрыва. В то же самое время до него донесся звук голосов, и, перешагнув через осколки и повернув за угол, он увидел Джибба. Начальник службы безопасности все еще сидел, прислонившись спиной к стене. Он разговаривал с двумя охранниками, которые стояли рядом с ним, показывая на других уцелевших и на трупы тех, кого они потеряли. Джибб повернулся, услышав, как приближается Премель, и сделал ему знак здоровой рукой, прежде чем снова взглянуть на охранников.

— Трупы отнесут к коронеру этого Наля, — сказал он. — Правительница пришлет за ними позднее.

— Хорошо, генерал, — сказал один из охранников, прежде чем они оба отодвинулись.

Джибб повернулся к Премелю, когда тот приблизился.

— А, вот и ты, — сказал он. Его голос звучал громче, чем раньше. — Почему так долго?

Премель остановился перед ним и присел на корточки, чтобы посмотреть получше на плечо Джибба.

— Мне нужно было передать людям Грибона сообщение для их лидера. Я не хочу возвращаться сюда в ближайшее время.

— Правильно мыслишь.

— Нам нужно доставить тебя к врачам. Ты не слишком хорошо выглядишь.

Джибб сделал кислое лицо:

— Все в порядке. Со мной все будет в порядке.

— Я и не говорил, что не будет. Но все-таки нужно, чтобы тебе рану подлечили.

Генерал кивнул головой на другого человека, словно не расслышав слов Премеля.

— Мне рассказали, как ты поймал Туллиса. Молодец.

Премель почувствовал, что краснеет.

— Спасибо, сэр.

— Сначала ты спас мне жизнь, а затем схватил лорда-отступника. Ты становишься настоящим героем, не так ли?

Он отвел взгляд в сторону, не желая снова встречаться с Джиббом глазами.

— Нужно уходить. — Он встал и осторожно стал помогать Джиббу подняться.

— У тебя кровь на форме, — стиснув зубы, сказал генерал, когда оказался на ногах. — Ты не ранен?

Премель взглянул на свою гимнастерку, запачканную кровью в нескольких местах. Наверное, это кровь того изгоя, которого он избил.

— Нет, все в порядке. Один из бандитов, с которым я разговаривал, оказался менее сговорчивым, чем мне бы хотелось.

Джибб поднял бровь:

— Так тебе и повозиться пришлось?

Премель попытался выдавить улыбку, у него это не получилось.

— Все нормально?

— Да, генерал. Но мы должны отвести вас обратно.

На этот раз Джибб кивнул.

Премель щелкнул пальцами и махнул двум охранникам, чтобы они помогли генералу. Минутой позже его товарищи двинулись по коридору, но Премель ненадолго задержался, глядя в самый последний раз на развороченный туннель и качая головой. «Все могло быть гораздо хуже, — сказал он себе. Джибба могли убить. *Ты мог убить его* ». Он снова покачал головой, пытаясь прояснить свои мысли. Затем он последовал за остальными.

Но даже когда он шел, в его ушах звучал лишь голос Джибба: «Ты становишься настоящим героем, не так ли?»

Возможно, он не так уж далек от истины.

Дневной свет еще только пробивался сквозь окна, а Мелиор уже пила третий бокал вина. Обычно она не пила так рано и так много, но сегодня был необычный день. Не важно, что Вирсия отказалась говорить с нею снова или что она получила донесения разведки, указывающие на то, что Марар накапливает золото и новое оружие с внушающей тревогу скоростью. Это все мелочи.

Чуть не убили Джибба. По словам ее личного хирурга, к которому она направила главу Службы Безопасности, как только узнала, что его ранили, плечо было серьезно повреждено. Врач заранее предупредил, что Джибб, возможно, никогда не сможет действовать этой рукой, как раньше. И хоть это и была левая рука, но все-таки...

К тому же пятеро вообще не вернулись.

Она осушила бокал и налила себе еще один.

Так не должно было случиться. Она, пользуясь теми средствами, которые были доступны ей как Правительнице, посвятила себя изменению Брагор-Наля, пытаясь положить конец насилию. Люди говорили о Консолидации, о затянувшемся периоде гражданского конфликта, который терзал страну более века несколько сотен лет назад, как о трагическом эпизоде в истории Лон-Сера. И тем не менее в действительности Брагор-Наль с тех пор переживает свою собственную Консолидацию. Как еще можно назвать постоянную войну, которая бушевала, не ослабевая, среди оверлордов, лордов и изгоев? Была ли она единственной, кто понимал, насколько это опасно? Была ли она единственной, кто хотел видеть, как это закончится? Иногда именно так и казалось. Несмотря на все ее усилия, слишком многие лорды и изгои упрямо придерживались старых привычек. Ее оверлорды Доб, Брен и Бауэн заявляют, что поддерживают ее усилия положить конец кровопролитию, но если бы они действительно этого хотели, они бы не потерпели такого количества перестрелок. Казалось, Доб — единственный, кто искренне с ней согласен, но, к сожалению, он пользуется слишком слабым влиянием на своих коллег.

Она провела рукой по янтарного цвета волосам и сделала еще один глоток вина. Она отберет у Туллиса квартал и бросит его в тюрьму на десять лет. А всех остальных, которых они поймали, она заключит в тюрьму на пять лет и поделит богатства Туллиса среди его соседей, включая Грибона, решила она с некоторой неохотой. Она также удержит некоторое количество золота с Бауэна, оверлорда Туллиса, когда придет время выплачивать жалование доминиону. Она знала, что все это не исправит положения, особенно если учесть, что пятеро охранников убиты, но и это — хоть что-то; Мелиор считала необходимым показать всем в Нале, что старые способы решать проблемы не только не приносят выгоды, но и влекут за собой расходы.

Глядя на посох, прислоненный к стене рядом с письменным столом, стоящим поперек комнаты, Правительница не могла не думать, добилась бы она больших успехов, если бы не была гилдрином. Если бы она была просто Мелиор И Лакин, пытающейся изменить Наль, а не Мелиор И Лакин, Хранительницей Камня, прислушались бы к ней? Вопрос, конечно, спорный, но она находила некоторое утешение в мысли, что те, кто выступает против нее и желает ее смерти, делают это из-за своих предрассудков, а не из-за того, что считают ее взгляды на ситуацию в Нале неправильными.

Она снова поднесла бокал к губам, но не стала пить. Сентиментальная жалость к самой себе ведет ее в никуда. Поставив бокал на низкий столик у кровати, она подошла к переговорному устройству, стоящему на письменном столе, которое соединяло ее с кабинетом Джибба. Из обрывочных донесений, которые она получила от выживших охранников, явствовало, что Премель не только спас жизнь Джиббу, но также арестовал Туллиса и его людей. По какой-то причине высокий заместитель главы Службы Безопасности ничего не сообщил непосредственно ей, впрочем, пора его поблагодарить.

Если ранение Джибба не позволит ему исполнять обязанности главы ПСБ, Премелю придется заменить его, а с тех пор, как она стала Хранительницей, в их отношениях появилась известная напряженность.

Однако она не успела включить переговорное устройство, так как раздался стук в дверь.

— Кто там? — крикнула она.

— Премель.

Она улыбнулась, подошла к двери и открыла ее.

Заместитель главы Службы Безопасности, стоящий перед ней, был бледен и выглядел каким-то растерянным; она не видела его таким за многие годы, что знала его. Его форма была еще окровавлена, он лишь мельком взглянул на нее, а затем опустил глаза, чтобы избежать ее взгляда. Мелиор знала, что Джибб — самый близкий его друг, — это единственное, что связывало ее с Премелем. Вне всякого сомнения, ранение генерала его потрясло.

— Можно поговорить с вами минутку, Правительница?

— Конечно, Премель. Входи.

Он огляделся, словно проверяя, не наблюдает ли за ним кто-нибудь из коридора, и затем вошел к ней в комнату.

— Я как раз собиралась послать за тобой, — сказала Мелиор, закрывая за ним дверь. — Похоже, у тебя был нелегкий день.

— Да, Правительница. — Он начал ходить по комнате, по-прежнему избегая ее взгляда. Затем подошел к письменному столу и остановился на минуту, чтобы посмотреть на ее посох и сверкающий алый камень на нем.

— Я хочу поблагодарить тебя, Премель. Как говорится в донесениях, которые я получила, ты спас жизнь Джиббу.

Он поднял взгляд при этих словах, и его глаза расширились, словно она уличила его во лжи.

И вдруг Мелиор почувствовала, как у нее внутри все сжимается. Что-то было не так. Ее рука невольно потянулась к бедру, где был лучемер. К счастью, Премель в это время отвел взгляд и ничего не заметил.

— Мне трудно полностью выразить свою благодарность, — продолжила она, стараясь говорить обычным тоном. — Я очень беспокоюсь о Джиббе. Возможно, так же сильно, как ты.

Наконец он встретился с ней взглядом:

— Я знаю это, Правительница. Я думаю, вы бы сделали то же самое, будь вы на моем месте.

— Очень любезно с твоей стороны.

Он отклонил ее замечание коротким жестом и снова начал ходить по комнате. Двигаясь медленно, чтобы не выдать своих подозрений, Мелиор перешла на другое место. Ей нужно находиться около письменного стола на тот случай, если придется вызывать Службу Безопасности.

— Ну так чем я могу помочь тебе, Премель? — спросила она. — Ты ведь в конце концов пришел ко мне.

Он остановился и снова посмотрел на нее. Он тяжело дышал, и Мелиор уже стала думать, что в следующее мгновение он схватится за свой лучемер. Но вместо этого он опять отвел взгляд.

— Я точно не знаю, — чуть слышно ответил он.

Она положила руку на оружие:

— Точно не знаешь что?

Он покачал головой:

— Ничего: почему я здесь, сможете ли вы мне помочь. Ничего.

Мелиор ждала, ничего не отвечая. Она не понимала, чем объяснить странное поведение

Премеля, но видела, что его растерянность была неподдельной.

— Мне нужна ваша помощь, Правительница, — произнес он после долгой паузы. Он перестал расхаживать и снова встретился с ней взглядом. — Я попал в беду по собственной воле.

— Постараюсь помочь тебе, Премель, чем смогу. Ты же знаешь, что я всегда забочусь о тех, кто на меня работает.

Он издал слабый смешок и покачал головой:

— На вашем месте я бы не был таким заботливым. По крайней мере, пока.

— Не понимаю.

Он перевел дух:

— Возможно, вам было интересно, как это убийце, который погиб на ступеньках под вашим окном, удалось подобраться так близко к дворцу.

Она уставилась на него. Минутой раньше ей хотелось знать, собирается ли он убить ее. И она не должна была позволить застать себя врасплох. Но то, что должно быть сказано — совсем другое дело. В каком-то смысле, это — даже хуже. Она знала, что ей нужно как-нибудь ответить, но обнаружила, что едва может говорить.

— Это ты? — наконец, удалось выдать ей.

— Да.

Каким-то образом лучемер оказался у нее в руке, и она махнула им на стул возле кровати.

— Сядь, — приказала она ледяным тоном.

Он беспрекословно повиновался, не сводя глаз с ее лица.

— Почему, Премель?

— Мне предложили большое количество золота, о котором я даже мечтать...

— Это был Марар? Это он нанял тебя?

Премель сглотнул:

— Да.

Мелиор села на угол письменного стола, несколько раз глубоко вздохнула.

— Ты мне так и не сказал почему, — произнесла она некоторое время спустя.

— Да нет же, сказал. Золото...

Она заставила его замолчать резким жестом:

— Я не об этом. Марар предложил тебе золото, чтобы ты помог ему убить меня, а ты хотел стать богатым. Это я понимаю. Чего я не понимаю, так это почему ты желал моей смерти. — На мгновение Мелиор подумала, что заплачет, но затем отогнала это проявление чувств. «Сейчас не время, — сказала она себе. — Позже, когда ты будешь одна». — Что я сделала тебе, — настаивала она, — кроме того, что дала тебе работу, когда никто другой этого не делал, и взяла к себе во дворец, когда стала Правительницей?

Он отвел взгляд:

— Это трудно объяснить.

— Попытайся.

Он шевельнулся на стуле:

— Когда вы стали гилдрином...

— Я всегда была гилдрином, Премель. Получение этого посоха ничего не изменило. Оно просто показало всем то, что я знала всегда.

— Нет, — возразил он. — Вы ошибаетесь! Это изменило вас! Вы стали пытаться превратить наш Налъ в то, чем он не должен быть! Казалось, что вы хотели, чтобы мы стали еще одним Уэрелла-Налем.

— А разве это так плохо? — спросила она.

Он посмотрел на нее с отвращением:

— Та Мелиор И Лакин, которой я клялся в верности много лет назад, никогда бы не задала такой вопрос, — сказал он.

Она начала было спорить, но затем остановилась. Несколько минут спустя она кивнула:

— Ты прав, не задавала бы. Наверное, я изменилась и попыталась изменить и Наль тоже.

— Не было нужды в переменах.

— Не было? Сегодня ты видел в действии старые методы. Тебе это понравилось. Мы потеряли пятерых; Джибб едва не стал шестым. Мы убили троих людей Туллиса. И я даже не получила данных о том, сколько людей погибло в той перестрелке между изгоями. Ты хочешь продолжать жить подобным образом?

Казалось, он хотел что-то сказать, но Мелиор не позволила:

— А сколько жизней это еще унесет, Премель? Сколько еще должно умереть, прежде чем ты захочешь применить мои методы? Или это не вопрос количества? Хватило бы смерти Джибба?

Его глаза сердито вспыхнули, и на мгновение показалось, что он хочет ударить ее. Но затем он опустил глаза на свои руки.

— Да, возможно, этого было бы достаточно, — тихо ответил он.

Мелиор чуть не рассмеялась вслух, хотя она и не знала почему.

— Прекрасно, — сказала она, качая головой.

Он ничего не ответил, и они долго сидели в тишине.

— Так почему же ты пришел ко мне, Премель? — наконец спросила она. — Ты сказал, что ты в беде, что тебе нужна моя помощь. Почему после всего сказанного я должна тебе помогать? Ты получил золото; так почему бы тебе просто не откупиться от неприятностей?

— Это не так легко. Марар поймал меня... в ловушку. Ситуация вышла из-под контроля, и я не знаю, как мне выпутаться.

— А какое мне до этого дело? Почему бы мне просто не прогнать тебя и не позволить Марару делать с тобой все, что он захочет?

— Потому что, если вы меня выгоните, — горько ответил Премель, снова глядя на нее, — Марар найдет кого-нибудь еще. В ПСБ найдутся люди, которые согласятся работать на него.

Мелиор почувствовала боль в груди, и во второй раз ей показалось, что она заплачет. Конечно, он прав. Она была в этом уверена.

— Хорошо. Но ты так и не сказал, почему ты пришел ко мне. Какая у тебя беда?

Премель заколебался, но ненадолго.

— Марар хочет, чтобы я убил Джибба. Он говорит, что, если Джибб когда-нибудь узнает, что Марар стоит за всем этим, его жизнь будет в постоянной опасности. Джибб ни за что бы не успокоился, пока не отомстил бы за вас. — Он замолчал, по-прежнему глядя ей в глаза. — Он прав. Думаю, вы это знаете.

Она кивнула. Действительно, все это имело смысл.

— Так ты собирался убить меня, а столь щепетильным тебя сделала необходимость убить Джибба?

Он покраснел.

— Не волнуйся, — сказала она. — Отвечать не нужно. Но, тем не менее, скажи мне: чего ты от меня ожидал? Как я должна помочь тебе?

Премель пожал плечами:

— Просто будь осведомлена обо всем. Марар угрожал разоблачить меня, если я не убью вас обоих. Теперь, когда вы все знаете, его угрозы ничего не значат. В некотором смысле, я уже выпутался.

— За исключением того, что я могу приказывать убить тебя как предателя.

Он храбрец, надо отдать ему должное. Он не отвел взгляда. И даже не моргнул.

— Если вы именно так решили поступить, я с радостью умру. По крайней мере, именно я рассказал вам все. И не позволил Марару победить.

Она улыбнулась. В последнее время попытки не дать Марару победить стали у нее чем-то вроде хобби. Она была готова сказать ему именно это, когда ее остановил стук в дверь.

Глаза Премеля устремились на дверь, а румянец сошел с его лица.

— Кто там? — спросила Мелиор.

— Это я. — Голос принадлежал Джиббу.

Она встала:

— Входи.

Дверь открылась, и атлетически сложенный мужчина вошел в комнату. Его рука была на перевязи, он был одет в гражданскую одежду, а не форму: темные брюки, рубашку цвета слоновой кости, мягкие кожаные туфли. Он был бледен, но улыбался. И его улыбка сделалась еще шире, когда он увидел Премеля.

— Надеялся найти здесь вас обоих.

— Как ты? — спросила она, не скрывая своего беспокойства.

Он пожал плечами и сморщился от боли.

— Хирург сообщил, что сейчас со мной все в порядке. Он еще точно не знает, как будет заживать плечо, но при этом заметил, что теперь он больше уверен в успехе, чем тогда, когда меня только внесли. И все-таки я не буду некоторое время принимать участия в акциях Службы Безопасности. — Он повернулся к Премелю. — Что, как я думаю, делает тебя действующим главой СБ. — Он улыбнулся. — Ну как тебе это, полковник?

Премель опустил глаза и нервно облизал губы. Он минуту смотрел на Мелиор с мольбой в глазах.

— Нет, — сказала она. — Ты сам должен все рассказать.

— Что происходит? — спросил Джибб. — О чем... — Он замолчал, только сейчас заметив, что Мелиор держит в руке лучemet. — Что все это значит?

— Расскажи ему, — сказала Мелиор. — Тебе нужна моя помощь? Сначала расскажи ему.

Премель еще минуту пристально смотрел на нее, прежде чем кивнуть.

— О чем рассказать? — спросил Джибб голосом, в котором зазвучал холод, глядя то на Премеля, то на Мелиор.

— О том, что я предатель, — ответил он. — Что Марар нанял меня, чтобы я убил Правительницу. Что благодаря мне человеку с бомбой удалось так близко подойти к Золотому Дворцу.

У Джибба буквально отвисла челюсть, словно охранник каким-то образом изуродовал себя, словно он отрубил себе руку и оставил ее истекать кровью на полу. Прошло довольно много времени, и он снова взглянул на Мелиор:

— Премель говорит правду?

Она кивнула.

Снова повернувшись к Премелю, генерал сделал неуклюжий шаг вперед и оказался прямо перед ним.

— Встать, — приказал он.

Премель мельком взглянул на Мелиор и затем поступил так, как ему было приказано. Когда они стояли рядом, было заметно, что Премель чуть выше Джибба, но в тот момент генерал смотрел на него свысока. Они стояли так некоторое время, уставясь друг на друга. И затем, с такой стремительностью, что Мелиор даже вздрогнула, Джибб ударил Премеля. Тот пошатнулся, но быстро выпрямился, и у него на щеке почти сразу же появился ярко-красный след от удара. Мгновение спустя Джибб ударил его опять. На этот раз Премель упал на одно колено. Из уголка глаза у него текла кровь, и он моргнул несколько раз, словно пытаясь собраться с мыслями. Но через несколько секунд он с трудом встал на ноги и снова оказался перед Джиббом. Джибб опять ударил его, а Премель упал на пол, и теперь кровь текла и из его скулы. С минуту он лежал неподвижно, а затем попытался приподняться, опираясь на локоть.

— Встать! — сказал Джибб.

Мелиор обнаружила, что дрожит, скрестив руки на груди.

— Хватит, Джибб.

— Встать! — повторил он, не обращая на нее внимания, снова заноса кулак.

— Я сказала — хватит, генерал!

При этих словах Джибб посмотрел на нее:

— Мы с вами давно договорились, что я имею неограниченное право муштровать своих людей.

Она вспомнила. Это случилось давно, в тот день, когда она встретила его, и она была тогда еще неопытным лордом, а он — дерзок и независим. Это было единственным условием, которое он поставил, когда соглашался работать на нее.

— Да, верно, — уступила она. — Но...

— Тогда позвольте мне заняться своим делом!

— Нет, на этот раз — нет.

Он начал протестовать, но она остановила его, подняв палец:

— Он пытался сделать так, чтобы меня убили, Джибб. Марар нанял его, чтобы убить меня.

— Да! И он заслуживает, чтобы его забили за это! Он заслуживает смерти!

— Может быть, — сказала Мелиор. — Но не сейчас. Мне нужно, чтобы он помог мне добраться до Марара.

Некоторое время Джибб сохранял полную неподвижность, а его темные глаза неотступно следили за ее взглядом. Наконец, он расслабился, и, казалось, все его тело осело. Он резко опустил на стул, на котором несколько минут назад сидел Премель, и спустя еще минуту кивнул:

— Хорошо.

Премель медленно сел и осторожно дотронулся до кровоподтека под глазом.

— Как? — спросил он, глядя на нее. — Я сделаю все, чего вы хотите, но как мы его поймем?

Она покачала головой:

— Еще не знаю. — У нее было искушение приказать, чтобы ее армия пересекла Горы Зеленой реки и раздавила Стиб-Наль, как жука. Но меньше всего Мелиор хотела войны с Уэрелла-Налем, и она не сомневалась в реакции Вирсии на столь агрессивный шаг. — Я не знаю, — повторила она. — Но я что-нибудь придумаю. Так или иначе, я его уничтожу.

При этих словах Джибб поднял темные глаза, и взгляд их был столь энергичен, что Мелиор, Вире, не видела подобного со времен их жизни в квадах.

13

Несмотря на опасения моих собратьев магов и твое молчание в последнее время, я по-прежнему убежден, что Лон-Сер не представляет никакой угрозы для нашей страны. Орел Джарида, как мне кажется, появился для того, чтобы, помочь нам одолеть какого-то другого врага. Но кого? Если боги послали орла, наш враг должен быть поистине страшным. Многие в Ордене даже предполагали, что нам предстоит гражданская война, это почти как ваша Консолидация, и подобная точка зрения была подкреплена появлением в Тобин-Сере второго орла. Орлица появилась у Кайлин — молодой женщины из Лиги, о которой я тебе столько рассказывал.

Два мага, связанные с орлами одновременно, — это беспрецедентное явление в нашей истории. Многие даже представить себе не могут, что это может означать. Но, мне кажется, я знаю. Я думаю, что Тобин-Сер столкнется с врагом столь ужасным в своей силе и способности к разрушению, что боги решили — одного орла будет недостаточно... Если я прав, то необходимость того, чтобы Лига и Орден пришли к некоторому согласию, становится важнее, чем когда бы то ни было. Ибо, если Волшебная Сила разделена, то никакое количество орлов не спасет нас от такого врага.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, год 4633*

Мальчиком Нодин изъездил Северную равнину вдоль и поперек со своим дядей-разносчиком, общество которого было ему очень по душе. Они бывали во всех частях равнины, включая восточный край, соседствующий с лесом Тобина и северным участком реки Даалисмин, которая, как помнил Нодин, ничем не отличалась от остальных: ее берега населены трудолюбивыми фермерами и покрыты низкими однообразными холмами и небольшими группами не защищенных от ветра дубов.

Сейчас, оглядываясь вокруг, когда солнце начало опускаться в направлении отдаленных вершин Береговых гор, Нодин подумал про себя, что эти равнины все еще выглядят почти так же, как много лет тому назад. Они по-прежнему обладали утонченной, запоминающейся красотой; высокая трава, как и раньше, качалась от постоянного ветра, а небольшие селенья, дома которых отличались низкими кровлями, по-прежнему дополняли пейзаж.

Разница заключалась в том, что сейчас эти села были покинуты, дома пустовали и разрушались, а поля были заброшены. Потому что одиннадцать лет назад на расстоянии ста миль отсюда один человек, которого вот-вот должны были убить маги Ордена, сделал себя несвязанным и стал, таким образом, одним из Неприкаянных, обрекая себя на вечное блуждание по ночам вместе с духом своей первой птицы. Это было случайным событием в истории, не более того, которое изгнало людей с Восточной равнины. За десятки лет до его смерти у него появился здесь первый ястреб. Потому что это место, бывшее когда-то домом для людей Тобин-Сера, принадлежало ветру днем и призраку Сартола ночью.

— Ты уверен, что это то самое место? — спросила Таммен.

Нодин покачал головой:

— Нет. Не уверен. Я никогда не утверждал, что много знаю о Сартоле. Я думал, ты знаешь больше.

Она сжала губы в тонкую линию, но ничего не ответила.

Так продолжалось весь день. Нодину почти что казалось, что событий предыдущей ночи не было, что это — всего лишь сон. Однако воспоминание о том, как они занимались любовью, было слишком ярким, чтобы оказаться простым наваждением. Он все еще чувствовал на своих губах ее губы, он по-прежнему ощущал вкус ее кожи и видел ее лицо, на которое падал свет костра: глаза были закрыты, рот полуоткрыт, когда он своими губами путешествовал по ее телу. Ритм их движений был такой же частью его самого, как биение сердца и необходимость дышать. Да, это был сон, но сон наяву.

Она использовала его. И он это знал. Он был нужен ей в этом путешествии — ей было страшно встречаться с Сартолом без него. Вот почему она позволила ему любить себя, а не потому, что ее чувства переменялись. Он был слишком умен, чтобы не показывать, что он все понимает, и даже если бы он не проявил благоразумия, Хенрик, который все же остался с ними, быстро уразумел, что к чему, и гордо растворился в ночи, оставляя их одних. Он мог любить ее только на этих условиях; что ж, пусть так и будет. Возможно, со временем она сможет полюбить его так же, как он ее.

— Получается, что никто из вас не знает, то ли это место? — голосом, полным нетерпения и досады, спросил Хенрик, как он спрашивал почти каждый день после Праннай.

— Это — то самое место, — низким голосом ответил Нодин. Он указал на заброшенные дома фермеров. — Оглянитесь. Люди покинули это место, и не из-за погодных условий. — Он взглянул на Таммен. — Ты уверена, что хочешь сделать то, что собиралась?

Она кивнула, хотя, как он заметил, скрестила на груди руки, будто ей холодно.

— Хорошо. Тогда разведем огонь и поедем. Солнце скоро зайдет.

Ни еда, ни костер особо не помогли. Никто из них не был слишком голоден, и, так как на равнине было мало деревьев, а лес Бога находился как минимум в часе ходьбы на восток, им пришлось оторвать для костра несколько досок от полуразвалившихся заборов ближайшего поселения. Они было решили взять для костра что-нибудь из любого заброшенного дома, но Хенрик был против.

— Я знаю, что жители скорее всего не вернутся, — сказал темноволосый маг, — но все равно это как-то нехорошо.

Таммен заявила, что он валяет дурака, но Нодин согласился с Хенриком. И они оставили дома в покое.

Сидя возле маленького костерка в тревожной тишине, трое магов наблюдали за тем, как солнце исчезает за горами, а звезды начинают загораться над ними в небе цвета темного индиго.

— Что мы ему скажем? — наконец, спросил Нодин.

Таммен пожала плечами:

— Наверное, то же самое, что и Передуру.

Хенрик покачал головой и рассмеялся:

— Правильно, в первый раз это очень хорошо сработало.

— Он бы не стал помогать нам при любых обстоятельствах, — бросила Таммен в ответ. — Он был Первым у Премудрой Ордена. Он бы рассматривал любую помощь нам как предательство. — Она провела рукой по светло-каштановым волосам и с досадой скривила губы. — Не стоило к нему обращаться.

— Нет, — возразил Хенрик. — Это к Сартолу не следовало обращаться. Мы зря пришли сюда. Думаю, наши жизни в опасности.

— Мы уже это проходили, — сказала Таммен. — Если не хочешь с нами быть, уходи. А я больше не хочу это обсуждать.

С минуту лицо Хенрика сохраняло такое выражение, словно он и вправду собирается уйти, но потом он тяжело вздохнул и бросил в костер последний обломок забора.

Нодин посмотрел на запад, где последние лучи уходящего света все еще отдавали оранжевым, как угли затухающего костра. Его ястреб издал приглушенный крик, и он погладил его по клюву. Птица крикнула еще раз, и Нодин ощутил внезапный холодный страх, который заставил его содрогнуться. *Он здесь.*

Нодин услышал, как Таммен затаила дыхание.

— Смотрите, — прошептал Хенрик.

Повернувшись на восток в направлении леса Тобина и наступающей ночи, Нодин увидел вдали светящуюся фигуру, бредущую среди руин фермерского поселения. Он видел, что это — мужчина, высокий и грациозный, с большим ястребом на плече и посохом в руке. От них исходило светлое желтое сияние цвета песка, на который упал золотистый луч заходящего солнца. Когда этот человек или, скорее, призрак Сартола приблизился, Нодин обнаружил, что видит большую часть его лица, как он видел и лицо духа Передура несколькими днями ранее.

Учитывая то, что он знал или думал, что знает, о жизни Сартола, он ожидал, что его внешность будет грубой и отталкивающей. Это ведь как-никак человек, убивший Передура и Джессамин, человек, помогавший захватчикам. Он не ожидал увидеть столь красивого мага, который приближался к ним; его темные волосы были тронуты сединой, а лицо — обветренным, как у моряка. Призрак широко улыбался, а его руки были распростерты в приветствии. Только его глаза привели Нодина в замешательство. Они светились ярко, как факелы, не позволяя увидеть, что скрывалось за этой улыбкой. Почти то же самое было с призраком Передура, понял Нодин, за исключением того, что глаза Первого были светлее. Но той ночью это не беспокоило его, потому что он знал Передура с юных лет, или, возможно, он так много слышал о зле, которое являл собой Сартол, что боялся именно этого.

Он покосился на Таммен, стоящую рядом, но по ее лицу мало что можно было понять. Она тоже следила за тем, как Сартол к ним приближается, и, хотя казалось, что она дрожит, ее лицо оставалось бесстрастным. Хенрик, напротив, выглядел напуганным: его темные глаза расширились, а лицо казалось бледным в сиянии церилла и свете, исходящем от духа. На мгновение он взглянул на Нодина, словно бы сообщая в последний раз, что их идея была неудачной. Затем они оба снова вперили взгляды в приближающегося призрака.

Она снова была ребенком, ожоги на шее сильно пульсировали, лицо было перепачкано слезами, потом и сажей, а образ родителей и сестер, горящих, как дрова в печке, навсегда запечатлелся в ее памяти. Она чувствовала запах того пожара. Горели люди, деревья, ее собственные волосы. Казалось, горело все. Кто-то выносил ее из огня и при этом бежал так быстро, что она подпрыгивала в его руках. Она знала, что это мужчина, но пока еще не знала, кто он.

Неожиданно они остановились, несмотря на магов и птиц, которые их преследовали. Ибо перед ними стояли еще двое магов — один из них тощий и лысеющий, а другой — темноволосый и могучего телосложения, как герой одной из драм Цеарбхолла. И, как подобает герою, этот маг сделал то, на что был неспособен или чего не желал сделать другой. Выставив вперед посох и вызвав из камня в его повершии ярко-желтый огонь, он поразил людей, уничтоживших город и убивших ее родителей.

Снова и снова эта картина всплывала у нее перед глазами: то, как огонь разделился и, повалив нападающих на землю, сжег их. Она слышала крики других горожан и видела, как они собираются вокруг него, обступают со всех сторон, чтобы поблагодарить за то, что он спас их и отомстил за тех, кого они так любили.

Ей являлись все эти образы тысячу раз в кошмарах, после которых она просыпалась в поту, тяжело дыша. Но никогда они не приходили к ней с такой ясностью и такой исчерпывающей полнотой. Потому что никогда за все годы, прошедшие с той ужасной ночи, она больше не видела этого человека, этого героя, этого темноволосого мага.

Не видела до сегодняшней ночи. Он мерцал мягким желтым светом, словно сам был магическим огнем. А птица на его плече не была большой совой, которую она помнила со времен Вотерсбанда. Но она узнала бы его лицо где угодно. Это был человек, который спас ее жизнь.

Она сохранила полнейшую неподвижность, когда он приблизился, боясь, что если она хотя бы выдохнет, то не выдержит и расплачется. Часто она мечтала снова увидеть своих родителей. И почти так же сильно она хотела увидеть Сартола.

— Приветствую вас! — сказал дух Сартола; руки его были все еще распростерты. Большой ястреб на его плече холодно оглядел Таммен и ее спутников. — Мы с птицей вас ждали.

Хенрик и Нодин переглянулись.

— Ждали? — спросил Нодин.

— Конечно. После вашего неудачного разговора с Передуром я предположил, что вы придете ко мне.

Таммен улыбнулась, хотя сердце ее бешено колотилось в груди, а руки дрожали.

— Тогда вы знаете, почему мы пришли, — сказала она с трепетом в голосе.

— Да, знаю. Должен сказать, что, по-моему, напрасно вы обратились к Передуру. Человек с его характером никогда бы не поддержал такое Движение, как ваше. Он никогда бы не смог быть столь храбрым, столь мужественным.

Она едва верила в то, что слышала.

— Вы знаете о нашем Движении? — спросил Нодин. — Как такое возможно? Передур ничего о нем не знал.

— Те из нас, которые предпочли наблюдать за миром живых, кое-что знают о них. Мне известно о вашем Движении уже некоторое время. Вы заслуживаете похвалы за то, что сделали; думаю, что для народа Тобин-Сера вы являетесь весьма ценной альтернативой Ордену и Лиге.

— Очень своевременное замечание, — тихо сказал Хенрик.

Улыбка на лице призрака стала еще шире.

— А, так ты мне не веришь?!

— Я просто нахожу это странным, — ответил Хенрик. — Передур понятия не имел о нашем Движении, а вы тем не менее заявляете, что не только знаете о нас, но и восхищаетесь нашей работой.

— В этом нет ничего странного, — сказал Сартол. — Я жаждал альтернативы Ордену во время всего моего служения стране, но возможность все не представлялась. А что до Передура, — добавил дух, пожав плечами, — даже при жизни Первый не был склонен широко мыслить.

— Из-за этого вы его и убили?

— Хенрик! — оборвала его Таммен, поворачиваясь к нему.

Улыбка Сартола исчезла, и, казалось, огонь в его светящихся глазах сделался ярче.

— Не забывай, с кем говоришь, маг! — ответил он тоном, жар и твердость которого напоминали только что выкованное железо. — Я, может, и не был Премудрым, и даже Первым, но я был Магистром еще до того, как ты родился, и в свое время я был таким же могущественным, как любой маг, который когда-либо кочевал по нашей стране!

— Примите наши извинения, Магистр, — быстро произнесла Таммен все еще не вполне твердым голосом. — Он ничего дурного не хотел этим сказать. Мы пришли к вам как друзья. У нас нет ни малейшего желания обидеть вас.

Сартол еще некоторое время недовольно смотрел на Хенрика перед тем, как перевести взгляд на Таммен.

— Конечно, — сказал он, и улыбка снова возникла у него на лице. — Я все понимаю. Вне всякого сомнения, вы слышали кое-что обо мне и о том, что я, по мнению некоторых, сделал. От вас требовалось большое мужество, чтобы прийти сюда.

— Вообще-то, Магистр, — сказала Таммен, — я уже давно хотела прийти сюда. Я была в Вотерсбанде. Я видела, как вы спасали наш город от пришельцев.

— В самом деле? — дружелюбно спросил Сартол. — Так, значит, ты знаешь о том, какую чудовищную ложь сплели обо мне маги Ордена, чтобы скрыть свое собственное вероломство?

— Вот поэтому мы и пришли к вам. Вы, как никто другой, наверное, поймете наше противодействие Ордену и Лиге. — Она заколебалась. — Возможно, вы даже захотите помочь нам.

— Помочь вам?

— Народное Движение пользуется поддержкой по всей стране, но свободных магов всего лишь несколько. Мы не можем быть достойным противником ни Ордену, ни Лиге, а сейчас, когда Храмы получают оружие из Лон-Сера, мы даже не уверены в том, что равны по силам хотя бы им.

Дух кивнул:

— Ах да, Храмы. Здесь я тоже кое-что видел.

— Тогда вы знаете, сколь отчаянно наше положение.

Сартол наморщил лоб и отступил на несколько шагов, погружившись, казалось бы, в размышления. Он простоял так несколько минут, спиной к ним, слегка наклонив голову и крепко держа посох в руке. Его ястреб сидел совершенно неподвижно у него на плече, и даже ветер, дующий на равнине, не взъерошил ни перьев птицы, ни волос мага.

Таммен затаила дыхание. Она уже не представляла, что они будут делать без Сартола.

— Прекрасно, — сказал он наконец, повернувшись к ним. — Я помогу вам.

— Спасибо, Магистр, — сказала она, чувствуя облегчение, как от прохладного ветерка в летний полдень. — Я знала, что вы нам не откажете.

— Я рад, что могу посодействовать вашему Движению, моя дорогая. Вряд ли я могу найти лучшее применение силам, которыми все еще владею.

— Как вы собираетесь помочь нам? — спросил Хенрик.

Сартол слегка нахмурился, словно вопрос его озадачил.

— Любым способом, каким смогу, разумеется.

— Я не об этом. Передур сказал нам, что способность Неприкаянных влиять на мир живых ограничена, а то небольшое, что они могут, должно делаться совместными усилиями и со всеобщего согласия. Он даже намекнул, что с тех пор, как вы стали одним из них, такое сотрудничество среди вас подобных стало почти невозможным.

— Передур — глупец, — сказал раздосадованный Сартол. — Как я вам уже говорил, Передур никогда не был особенно умен или способен мыслить творчески.

— Так, значит, у вас есть способ помочь нам? — спросила Таммен.

— Да.

Она взглянула на Нодина, торжествующе улыбаясь:

— Я так и знала!

— Но мне понадобится ваша помощь, — добавил дух.

Таммен снова повернулась к нему:

— Что вы имеете в виду?

— Передур отчасти прав. Я не могу использовать свою силу так, как я мог при жизни. Все не так просто.

— Но вы сказали...

Он обезоруживающе улыбнулся:

— Я сказал, что помогу вам, моя дорогая. И я это сделаю. Но я больше не маг, и таких, как я, сдерживает не только Проклятие Терона, но и сама природа Волшебной Силы.

— Так что же вам от нас нужно?

Улыбка Сартола сделалась еще шире.

— Сущий пустяк, право. Не более того...

У Нодина внезапно появилось необъяснимое чувство, что вся его жизнь балансирует на лезвии меча. Внимательно наблюдая за духом в ожидании ответа на вопрос Таммен, он увидел, что Сартол с чем-то борется. Ему потребовалась минута, чтобы понять, с чем именно. Но теперь он знал. Призрак пытался сдержать смех, напрягался, чтобы держать под контролем прилив своего ликования. Он почувствовал, как холодная дрожь пробежала по телу, словно один из Неприкаянных провел пальцем по позвоночнику. Он хотел предупредить Таммен. Он хотел схватить ее за руку и бежать с ней отсюда сломя голову. Но он знал, что уже слишком поздно. Они привели цепь событий в движение, и он понятия не имел, как их теперь остановить. Все, что он мог сделать, — это смотреть, слушать и надеяться, что Таммен поймет, что приходить сюда было ошибкой.

На губах призрака все еще сияла доброжелательная улыбка, и он сделал шаг вперед. Он приблизился к ним лишь ненамного, но у Нодина внезапно появилось желание отступить.

— Мне нужен доступ к вашим цериллам, — сказал Сартол.

Таммен в ответ уставилась на него, словно не вполне веря в то, что услышала.

— Нашим цериллам?

— Не ко всем, а к одному.

— Вы, наверное, шутите. Не можете же вы ожидать, что мы позволим вам использовать наши цериллы, как вам будет угодно.

Улыбка призрака померкла.

— Именно этого я и ожидаю. Вы пришли ко мне за помощью, и я рад оказать ее. Но я мало что могу сделать, не получая от вас помощи в ответ. Как я сказал вам минуту назад, мои силы ограничены. Если вы хотите, чтобы я вам помог, вам сначала придется помочь мне, чтобы мы смогли преодолеть их ограниченность. — Он мрачно оглядел всю троицу. — Кроме того, — продолжил он, — почему я должен доверять любому из вас, если вы не доверяете мне?

Хенрик уставился на него, разинув рот:

— Что? Вы хотите сказать, что вам есть дело до нашего доверия?

— Хватит, Хенрик! — сказала Таммен. — Она повернулась к Сартолу и перевела дух. — Что именно вы имеете в виду, говоря о том, что вам нужен доступ к одному из наших цериллов?

— Это трудно объяснить, — ответил дух. — Мы, Неприкаянные, существуем как Волшебная Сила, не более того. Мы являемся олицетворением силы, но одновременно мы привязаны Проклятием Терона к местам, где впервые встретили своих птиц. — Он указал на

свой собственный церилл. — В моем мире этот церилл — настоящий, но в вашем его не существует. Поэтому мне нужен ваш церилл, чтобы сфокусировать силу, которой я все еще владею. Без него я никоим образом не смогу использовать свою силу и буду не в состоянии покинуть это место.

— Таммен, — сказал Хенрик с мольбой в голосе, — ты не должна думать о том, что позволишь ему сделать это.

— А что мешает вам воспользоваться цериллами без нашего согласия? — спросила Таммен, не обращая внимания на Хенрика.

Сартол покачал головой:

— Ничто не мешает мне. Совершенно. — Он улыбнулся ей. — Если бы я на самом деле был чудовищем, как полагает твой друг, я бы уже это сделал.

Таммен взглянула на Хенрика, а затем на Нодина с видом, который, казалось, говорил: «Видите? Я же настаивала на том, что ему можно доверять».

— Вы не возражаете, Магистр, если мы немного обсудим ваше предложение без вас? — спросила она. — Вы дали нам пищу для размышлений, и мы хотели бы должным образом рассмотреть ваше предложение.

— Да, — согласился Хенрик. — Я, возможно, смогу отнестись ко всему сказанному с большим энтузиазмом, если у меня будет возможность обсудить это дело с друзьями.

Таммен открыла рот, несомненно, чтобы возразить, но Нодин заставил ее замолчать пристальным взглядом, прежде чем снова обратился к Сартолу.

Дух наблюдал за ними сузившимися глазами. Нодин видел, как тот стиснул зубы.

— Очень хорошо, — сказал он наконец со слабой улыбкой. — Вы знаете, где меня найти.

Он повернулся и зашагал прочь через разрушенное село, а его желтое сияние становилось все слабее, поглощаемое ночью.

Нодин повернулся и зашагал в противоположном направлении, сделав знак своим спутникам следовать за ним, но ни слова не произнес, пока они не оказались на достаточном расстоянии от старых домов фермеров и призрак Сартола не исчез.

— Что, во имя Арика, это все значит? — спросила Таммен, поворачиваясь к ним обоим, когда они, наконец, остановились. — Он был готов помочь нам!

— Я не знаю, что он был готов сделать, — ответил Хенрик. — Но у меня такое чувство, что он меньше всего заботился о том, чтобы помочь нам.

Нодин кивнул:

— Я согласен. Он что-то замышляет. Я в этом уверен. Ему позарез нужно было добраться до наших цериллов.

— Идиоты! Вы что, не слышали, что он сказал? Если бы ему были нужны наши цериллы, он бы мог овладеть ими в любой момент.

Нодин заколебался, но лишь на минуту:

— Да, Таммен. Я его слышал. Но не поверил ему.

— Ну а я — поверила! И мне плевать, чему ты веришь, а чему нет. Я возвращаюсь, чтобы найти его, прежде чем он передумает помочь нам.

— Таммен, не надо! — сказал Хенрик. — Я знаю, ты думаешь о нем иначе, и там, где мы видим злодея, ты видишь человека, который спас тебе жизнь. Но не показалось ли тебе слишком странным, что он так много знает о нас, и что он так охотно согласился помочь нам, и что он знает способ обойти все ограничения, о которых упоминал Передур? Все это слишком идеально. Ты разве этого не заметила?

Она уставилась на него и в мерцающем свете их цериллов выглядела бледной и растерянной.

— Знаете, что я думаю? — наконец спросила она, и в ее серых глазах читалось пренебрежение. — Я думаю, вы оба боитесь, что мы добьемся успеха.

— Что? — воскликнул Нодин. — Это не так!

— Разве? Мы вот-вот объединим силы с тем, кто может поставить Движение в равное

положение с Храмом, Лигой и Орденом, а вы оба, кажется, ищете причины отказаться от его помощи!

— Это неправда, — сказал Нодин. — Мы попросту не уверены, что разумно позволить Сартолу использовать свою силу в нашем мире. — Он положил руку ей на плечо, но она сбросила ее. — Я знаю, что ты доверяешь ему, — продолжил он, стараясь не обращать внимания на внезапную боль в сердце. — Я даже понимаю почему. Но мы с Хенриком не можем просто проигнорировать все, что мы знаем о нем. Он убил Передура и Джессамин, и он помогал захватчикам. Ты в самом деле винишь нас за то, что мы осторожны?

Их глаза встретились, и Нодин обнаружил, что в его горле застрял комок. «Я люблю тебя, — хотел он сказать. — Я не хочу рисковать тобой». Но он промолчал.

— Нет, — наконец ответила она. — Я не виню вас. Но я знаю, что вы ошибаетесь на его счет, знаю, что Орден распустил о нем ложь. И даже если вы не можете заставить себя принять его помощь, я — могу.

С этими словами она пошла от них по направлению к Сартолу.

— Таммен, нет! — воскликнул Нодин, хватая ее за руку.

Она посмотрела на его руку, и ее лицо стало жестоким.

— Отпусти меня!

— Нет. Я не позволю тебе сделать это.

Она издала короткий грубый смешок:

— Ты мне не позволишь? С кем это ты, по-твоему, говоришь? Одна ночь вместе еще не делает тебя моим мужем или хозяином! Ты мне ничего не можешь запретить!

Нодин почувствовал, что краснеет. Неожиданно он осознал, что Хенрик стоит рядом, наблюдая за их перепалкой. Он ненадолго закрыл глаза:

— Таммен...

— Нет! — сказала она, вырывая руку. — Я ухожу! А вы оба поступайте, как хотите.

Она зашагала прочь, и Нодин последовал за ней. Она обернулась и направила на него посох, а голубой церилл угрожающе замерцал.

— Не надо, Нодин! Я не дам тебе остановить меня.

Он увидел, что руки ее дрожат, но не сильнее, чем его собственные. Несколько мгновений спустя он успокаивающе развел руками и кивнул, проклиная слезу, которая потекла у него по щеке.

Казалось, Таммен это видела, потому что мгновение спустя она грустно улыбнулась. Нодину даже показалось, что он заметил слезы в ее глазах. Трудно было сказать. Но она взглянула на него и прошептала: «Прости!» — так тихо, что, если бы он не видал, как шевелятся ее губы, он бы решил, что ему почудилось.

Затем она повернулась и продолжила свой путь по направлению к Сартолу.

Нодин стоял, наблюдая, как она уходит, чувствуя себя так, словно кто-то нажал ему коленом на грудь. «Я люблю тебя».

— Мы что, просто позволим ей сделать это? — спросил Хенрик. — Мы возьмем и позволим ей отдать ему свой церилл?

— А что мы можем сделать? — ответил тот приглушенным голосом. — Это ее жизнь. Мы не можем помешать ей, если она действительно хочет так поступить.

— Ты ошибаешься! — произнес темноволосый маг с таким пылом, что Нодин повернулся к нему. — Речь идет, конечно, и о ее жизни, Нодин, но, если она предоставит Сартолу доступ к своему цериллу, она подвергнет опасности всех в Тобин-Сере!

Он прав. Нодин сразу же это понял.

— Но как мы ее остановим?

— Любым возможным способом.

— Я не могу причинить ей боль. И тебе не позволю. Ты это понимаешь?

Хенрик отвел взгляд, но кивнул:

— Нам нужно найти какой-нибудь другой способ.

Мгновением позже они мчались по траве вслед за Таммен, обратно к тому месту, где

они встретили призрак Сартола. Но они пробежали не очень долго — совсем не столько, сколько нужно было, — когда увидели светящуюся фигуру Магистра, стоящую перед ними. Таммен уже была с ним.

— Мне казалось, что мы ушли на гораздо большее расстояние, — сказал Нодин.

Хенрик тяжело дышал, стараясь поспевать за большими шагами Нодина.

— Мы и ушли, — с трудом сказал он. — Сартол, наверное, шел за нами следом.

Они не останавливались, стараясь как можно быстрее сократить расстояние между ними и призраком. Но Нодин каким-то образом понял, что они опоздают.

Как раз в этот момент, словно подтверждая его правоту, Сартол подошел к женщине и протянул руки к ее цериллу.

— Нет! — крикнул Нодин.

Но было слишком поздно. В следующее мгновение очень яркая вспышка желтого света озарила равнину, словно само солнце упало с небес на землю. Нодин с Хенриком перестали бежать и закрыли глаза. А когда они снова их открыли, духа уже не было. Таммен стояла одна среди рушащихся домов. Ее большого ястреба нигде не было видно, а светящаяся птица Сартола сидела у нее на плече, словно провела там всю жизнь.

Он знал, что они придут. С каждым днем, который проходил в тюрьме из света, его уверенность росла, пока это чувство не стало таким сильным, что время от рассвета до заката казалось невыносимым. Он наблюдал за тем, как они идут по лесу Тобины после разговора с Передуром, мысленно взывая к ним, чтобы они двигались быстрее. Его нескончаемое ожидание подходило к концу, и все же казалось, что эти последние дни тянутся медленнее, чем предыдущие одиннадцать лет.

Из смутных образов, которые он созерцал, и обрывков разговоров, дошедших до него через паутину сознания, связывающую Неприкайнных друг с другом, он знал, что они были свободными магами и искали помощи для своего драгоценного Движения. Но пока они не достигли Северной равнины, он не почувствовал, что среди них есть женщина. И пока он не начал говорить с ними, он не понимал, что ее-то так долго и ждал.

Это походило на неожиданный подарок. Любая женщина вызовет гораздо меньше подозрений, чем мужчина, она позволит ему выполнить значительную часть плана, прежде чем он должен будет использовать силу. А то, что эта женщина была из Вотерсбанда, казалось ему почти невероятной удачей. То, что она была исключительно привлекательной, делало перспективу предстоящих событий еще более заманчивой. Не будь он таким осторожным, он бы поклялся, что боги ему покровительствуют.

Ее спутники вызвали раздражение, но не более. При иных обстоятельствах их внезапный уход встревожил бы его. Но эта женщина, Таммен, гораздо раньше приняла решение. Давным-давно он спас ей жизнь, а сегодня вечером завоевал ее доверие, искусно сочетая частичную правду с умеренной ложью. Он следил за их Движением некоторое время, но лишь потому, что видел в нем средство для выполнения своих замыслов. Ограничения, наложенные на него Проклятием Терона, делали крайне необходимым использование ее церилла, хотя и не таким образом, как она думала, и не для того, чтобы сражаться с жрецами и магами. И он мог воспользоваться их цериллами в любой момент, но только за тем, чтобы уничтожить их на месте. А для получения доступа, который был ему нужен, она должна была отдать церилл добровольно.

Но она верила ему или, скорее, в него, и, что бы ни говорили ее спутники, им бы не удалось убедить ее не верить себя ему полностью. Ему нужно было лишь предоставить ей возможность. Поэтому он последовал за ними, держась на некотором расстоянии. Вскоре он увидел, что она возвращается к нему с выражением мрачной решимости в серых глазах.

Увидев, что он приближается, она пошла медленнее, и казалось, что она слегка вздрогнула.

Он улыбнулся, и поднял руку, приветствуя ее:

— Я надеялся, что ты вернешься. Затем он нахмурился: — Где твои друзья?

— Они не придут, — ответила она дрожащим голосом.

— Мне очень жаль. Надеюсь, я никого не обидел. — Он остановился прямо перед ней. Ее светло-каштановые волосы слегка развевались на ветру, и, отражая его собственное сияние, ее глаза светились. Она и вправду была прекрасна.

Она быстро оглянулась назад, словно ожидая, что они появятся на горизонте в любой момент.

— Нет, Магистр, вы никого не обидели, — ответила она, снова поворачиваясь к нему и переводя дух. — Они просто... не уверены, что вам можно доверять.

— Понятно. Ну а ты?

Она попыталась улыбнуться:

— Ведь я-то здесь.

— Вот и отлично.

— Ну а что дальше?

Он напрягся, чтобы сдержать прилив ликования. Он ждал этого одиннадцать лет. Одиннадцать лет изоляции и однообразного утомительного света.

— Все очень просто. Когда ты будешь готова, я положу руки на твой церилл и таким образом помещу свою сущность, свою квинтэссенцию в твой камень, ибо сейчас я всего лишь Волшебная Сила. — Отчасти это была правда — он действительно собирался направить свою силу в ее камень, чтобы таким образом завладеть ее телом. — И в этот момент мы с тобою станем связаны друг с другом так, как немногие были связаны когда-либо. — Он сказал правду, но не собирался объяснять ей, что это значит на самом деле. — Я больше не буду существовать независимо от тебя. Моя жизнь будет связана с твоей. — Это тоже правда. Ее тело станет сосудом для его силы и его сознания. И пока она жива, он будет жить внутри нее. А она будет жить вечно.

Таммен слегка вздрогнула.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да. Все хорошо. — Она прикусила губу. — И как только это будет сделано, вы сможете покинуть это место? И будете в состоянии помочь нам?

— Дорогая моя, как только это будет сделано, мы сможем отправиться куда угодно в Тобин-Сере. И вся сила, которою я владею, будет протекать через твой церилл. Все это правда.

Она задумалась еще на минуту. Когда она думала, он почувствовал приближение ее спутников. Надо было спешить.

«Быстрее! — хотелось ему прикрикнуть на нее. — Я не позволю тебе все погубить!»

Но в следующее мгновение она кивнула; ей даже удалось слегка улыбнуться.

— Хорошо, — сказала она. — Я готова.

А она храбрая. Надо отдать ей должное.

— Закрой глаза. И протяни мне свой церилл.

Она сделала, как ей было сказано. В этот момент показались ее спутники.

— Ты предоставляешь мне доступ к своему цериллу добровольно и безоговорочно?

— Да.

Он протянул руку к светящемуся голубому камню.

— Нет! — крикнул один из магов.

Он засмеялся. Теперь они уже ничего не могли поделать.

У Таммен неожиданно широко открылись глаза, но даже она теперь была не в силах остановить его. Она дала свое согласие. Он положил руки на ее кристалл, и желтый свет вырвался из него так внезапно и так ярко, что даже ему пришлось закрыть глаза, ему, так долго не видевшему ничего, кроме света.

И, используя ее церилл в качестве входа в ее сознание, он вошел в нее. Она закричала и протянула руку к своему ястребу, пытавшемуся использовать ее силу, чтобы изгнать его. Но было слишком поздно. Он снова засмеялся и, используя свою силу, направил ее через церилл Таммен, убив птицу выбросом энергии, столь мощным, что от нее не осталось ничего, даже

пепла. Точно так же, как и огонь, убивший его в Великом Зале давным-давно, не оставил по себе ничего.

Через минуту, когда темнота снова спустилась над равниной, Мирон — птица его молодости — села к нему на плечо. Или, скорее, на плечо Таммен. Они теперь были одним целым. Он чувствовал, как она борется с ним. Он слышал ее крики, хотя и не позволял, чтобы они прозвучали вслух.

— *Ты не можешь сражаться со мной,* — сказал он ей. — *Твое тело теперь принадлежит мне. Оно никогда не умрет и даже никогда не почувствует боли. Но оно никогда не будет больше твоим.*

— *Почему ты это сделал?* — всхлипнула она.

Он отстраненно наблюдал за приближением ее друзей, решив проявить к ней некоторое снисхождение, пока они не подойдут к нему. После этого он не позволит ей даже общаться с ним.

— *Потому что могу,* — ответил он. — *Потому что ты мне позволила. Потому что это — единственный способ, дающий мне возможность отомстить.*

— *Но...*

— *Твои друзья почти уже здесь, и я не могу позволить, чтобы твой голос звучал у меня в голове, когда они подойдут к нам.*

— *Ты никогда не заставишь меня замолчать,* — ответила она. — *Никогда. Мне плевать, что когда-то ты был самым могущественным магом в истории Тобин-Сера, тебе не победить меня. Я найду способ...*

— *Хватит!* — оборвал он, надавив всей своей силой на ее разум. — *Я уже сломил тебя. Ты никак не сможешь спасти себя. И скажу, чтобы все было ясно: я не был самым могущественным магом в истории страны при жизни — то есть моей первой жизни, — но скоро буду. И даже все маги Тобин-Сера не смогут противостоять мне. Благодаря тебе я могу никого и ничего не бояться.*

Он даже не позволил ей ответить. Наверняка она снова плачет, прося у него пощады. Но он никогда больше не будет слушать ее мысли.

Ее друзья уже были совсем близко, и он улыбнулся, наблюдая, как они подходят.

— *Ты должна сказать, чтобы они бежали,* — поддразнил он ее, раздирая ей душу своим хохотом. — *Ты должна попросить их спастись, пока еще можно.*

Он чуть не рассмеялся вслух. Он так хотел насладиться происходящим. И это лишь начало, только первые шаги на пути, который в конце концов приведет его к Бадену, Транну, Оррису и, конечно, к Джариду с Элайной.

— *Но я забегаю вперед,* — сказал он ей. — *Все это произойдет в свое время. Сначала — эти двое. После одиннадцати долгих лет я наконец могу начать мстить.*

Она ничего не могла поделать. Она была не в состоянии даже закричать. Сартол, казалось, похоронил ее разум и душу за каменной стеной. За исключением того, что она чувствовала все — боль, горе, унижение. Смех Сартола был подобен ножу, вонзающемуся в грудь. Но она не могла выразить ни одно из этих чувств. Отба — единственная птица, которую она когда-либо знала, — была мертва, стертая с лица земли выбросом энергии из ее собственного церилла. И она не могла даже слезинки пролить по ней.

— *Ты никогда не заставишь меня замолчать,* — сказала она ему, но это было впустую. — *Ты не победишь меня.* — Она бы сама смеялась над своей глупостью, если бы могла. Ее победили и заставили замолчать. И это сделал человек, спасший ей жизнь. Теперь она принадлежала ему. Полностью. Он был внутри, терзая ее тело и разум. И все, что она могла сделать, — это слушаться каждого его приказа, словно детская кукла.

Сартол спас ей жизнь и ее родной город. Он убил пришельцев, лишивших жизни ее родителей, и он сделал это, несмотря на то что его спутник, маг Ордена, пытался его остановить. Благодаря ему Таммен стала свободным магом, превращая в нечто положительное свою ненависть к Ордену и преодолевая отвращение, которое она

чувствовала к себе, когда была еще просто магом. То, кем она стала сегодня, и все, что она сделала в своей жизни, могло быть приписано трем людям: Сартолу и родителям, чьи жизни он не смог уберечь.

В считанные минуты духу Магистра удалось разрушить все, во что она верила, все, что, как ей казалось, произошло той ночью в Вотерсбанде одиннадцать лет назад, все, что она думала о гибели своих родителей, об Ордене и пришельцах, о Волшебной Силе и больше всего — о себе. Она хотела уничтожить его. Она хотела кричать. Она готова была, не задумываясь ни на минуту, лишиться себя жизни, лишь бы не становиться его помощником в завоевании Тобин-Сера.

Нодин с Хенриком стояли почти вплотную к ней и осторожно ее разглядывали. Ей хотелось крикнуть, чтобы предупредить их об опасности, хотелось сказать им, чтобы они бежали и дали всем знать, что Сартол возвращается. Но вместо этого она подняла руку в приветственном жесте.

— *Как их зовут?* — спросил Магистр.

Она попыталась скрыть свои мысли от него, и мгновение спустя она пребывала в агонии, так как огонь призрака стал жечь ее разум. Притом она знала, что на ее лице сияет улыбка.

— *Не сопротивляйся мне. Это бесполезно и принесет тебе страшные страдания.* — Словно в подтверждение своих слов он снова стал истязать ее, пока ей не захотелось выцарапать себе глаза, чтобы только избавиться от боли.

После этого все прекратилось.

— *Нодин и Хенрик.*

— *Спасибо.*

Она даже не знала, что сказала ему.

— Нодин, Хенрик, как приятно снова вас видеть.

— Таммен? — спросил Нодин, сузив глаза. — Это ты?

— В известном смысле, да.

— Что ты с ней сделал? — жестко спросил Хенрик. — Что случилось с ее ястребом?

— *Он убил его! Так же, как он собирается убить вас! Бегите отсюда! За помощью!*

Даже Сартол не слышал ее. Она стояла достаточно близко к Нодину и могла взять его за руку, но хотела, чтобы он находился за тысячу миль отсюда.

— Теперь мы с Сартолом объединились, — услышала она себя. Она постучала себя по виску. — Здесь его знания и мудрость, а его сущность вошла в мой церилл — видите, как он изменился?

Ей отчаянно захотелось узнать, что имеет в виду Сартол, и, словно читая ее мысли или, возможно, считая, что это еще один способ помучить ее, он позволил ей взглянуть на камень. Он все еще был голубым, практически не отличаясь от того, каким он был раньше. Но в самом центре его горела искорка желтого света, как свеча в голубоватой дымке. Ей захотелось закричать. Сначала Отба, а теперь еще и камень. Он действительно все у нее отнял.

— Что до ястреба, — продолжил Сартол, притворяясь ею, — то с ним все в порядке. Отба оставила меня. Хотя нас с Сартолом двое, пока мы связаны, у нас может быть только одна птица. Поэтому мы отпустили Отбу.

Нодин и Хенрик переглянулись.

— Ну, — сказала она радостно. — Куда мы идем дальше? Теперь Сартол на нашей стороне; что будем делать?

— Нет, — решительно сказал Хенрик. — Мы никуда не идем. Я тебе не верю. Я вижу свет Сартола в твоих глазах, птицу Сартола у тебя на плече, цвет церилла Сартола в твоём камне. И ты еще хочешь, чтобы я поверил, что ты — прежняя Таммен. Забудь об этом. Это не сработает. А теперь скажи, что ты с ней сделал.

Она пожала плечами.

— Прекрасно, — сказал Сартол; казалось, ему все это наскучило. — Было бы проще,

если бы вы оба отправились со мной. Но я прекрасно обойдусь и без вас.

Таммен почувствовала, что подняла свой посох, и мгновенно струя огня, обрамленная желтым и голубым, как ленточки в волосах какой-нибудь девочки, ударила Хенрика в грудь, швырнув его на землю. Таммен, даже не глядя, знала, что он мертв.

Нодин закричал и выставил вперед свой церилл. Совершенно без всякого усилия Сартол поднял энергетический щит, который переливался голубым и желтым, как море в лучах полуденного солнца. Но струя огня так и не появилась. На лице Нодина были слезы, а в глазах — ярость. Таммен знала, что он все еще видит ее перед собой и любит ее.

Вместо этого маг повернулся спиной, чтобы спастись бегством, а его серая птица взлетела в воздух. И не спеша, словно у нее была уйма времени, Таммен, ведомая волей Сартола, навела посох на птицу и уничтожила ее вторым выбросом энергии.

— Где у тебя появилась первая птица, Нодин? — услышала она свой крик. — Где ты проведешь вечность?

Высокий маг во весь дух мчался к реке, но бежать нужно было очень далеко, потому что на равнине негде было спрятаться.

Таммен была беспомощна и думала, что это сведет ее с ума. Она никогда не любила Нодина. Они оба это знали, что причиняло ему сильную боль. Но сейчас она поняла, что любила его по-своему, и в этот момент она бы с радостью пожертвовала жизнью, чтобы спасти его.

В третий раз Сартол заставил ее поднять посох. Таммен попыталась закрыть глаза и, потерпев неудачу, постаралась не думать о том, что вот-вот совершит. Но даже в этом утешении ей было отказано. Третья струя огня вылетела из ее церилла, ударила Нодина в спину и швырнула на землю в вихре пламени. Последнее, что она увидела прежде, чем Сартол заставил ее отвернуться и направиться на восток по направлению к лесу Тобина, был Нодин, который дергался на земле, как рыба, вытащенная из воды, пытаясь погасить пламя, охватившее его плащ и волосы.

— Тебе, наверное, интересно, куда мы идем, — мысленно спросил он, и его слова налетали на ее разум, подобно шторму. — Мы держим путь в Амарид. Там есть люди, которых я мечтал убить много лет, и есть камень, которым я почти овладел когда-то. Пора сделать его своим.

14

Приняв меры предосторожности против того, чтобы наши письма просматривались, я могу рассказать тебе о том, что происходит здесь в последние дни. Легат Вирсия сменила Шивонн в качестве Правительницы Уэрелла-Наля. Ты, возможно, помнишь Вирсию как женщину с довольно суровой внешностью, которая сопровождала нас из Уэрелльской тюрьмы во дворец Шивонн семь лет назад. Новые отношения с Вирсией начались с трудностей, и я опасаюсь, удастся ли сохранить союз между нашими Налями. По большей части наши отношения являются жертвой обстоятельств ее восхождения к власти и успеха убийцы Шивонн представить дело так, будто Брагор-Наль виновен в смерти прежней Правительницы.

Я все время считала, что Марар, Правитель Стиб-Наля, стоял за взрывом, унесшим жизнь Шивонн, так же как и за нападением на Золотой Дворец, когда меня чуть не убили, но я не могла доказать этого. Но теперь один из людей Джибба признался, что работал на Стиб-Наль, и рассказал о приказах, которые он получил — убить Джибба и меня. К сожалению, я не могу заставить Вирсию хотя бы поговорить со мной и уж конечно рассмотреть это доказательство двулчия Марара. Я не знаю, что Марар надеется выиграть от моей смерти или от враждебности, которую он посеял между Брагор-Налем и Уэрелла-Налем. Но я отчетливо вижу, что Марар проявляет себя как гораздо более страшный враг, чем мне казалось когда-то.

Они вместе сидели в ее комнате у окна, выходящего во внутренний двор Дворца, где Премель занимался с охранниками ежедневной строевой подготовкой. Она чувствовала растущее напряжение Джибба и знала, что он скоро вскочит и станет бродить по комнате взад-вперед.

— Вы еще не получали известий от Вирсии? — внезапно спросил он, нарушая затянувшееся молчание.

Мелиор покачала головой:

— С того вечера после заседания Совета не получала. И от Марара тоже. Насколько мне известно, они теперь союзники, строящие планы войны с нами.

— Сомневаюсь, — сказал Джибб. — Вирсия слишком осторожна, а Марар не проявил никаких признаков готовности предпринять что-либо настолько дерзкое. Он довольствуется тем, что нанимает предателей и убийц. Вот это — действительно в его стиле.

Мгновение спустя он вскочил со стула и снова начал мерить шагами покой.

— Он не должен быть там, — пробормотал Джибб, глядя в окно. — Он должен сидеть в тюрьме, а все, кому он приказывает, должны знать, что он сделал. Мы им многим обязаны.

— Ты прав, мы им многим обязаны. И возможно, когда-нибудь мы им скажем. Ну, а Премель, Джибб? Разве мы ничем ему не обязаны?

Генерал посмотрел на нее, словно она ненормальная.

— Премель? Мы ничем ему не обязаны! За исключением, может быть, казни!

— Он спас тебе жизнь. И он во всем мне признался, вместо того чтобы выполнить приказ Марара и убить тебя. Это кое-чего стоит.

— Ему едва не удалось сделать так, чтобы вас убили, — ответил Джибб. — И если бы Марар не боялся, что я приду за ним, Премель все еще пытался бы найти способ убить вас. Насколько нам известно, ему бы это уже удалось.

Она улыбнулась:

— О, я в этом сомневаюсь. Я слышала, что глава моей ПСБ хорош во всем, что он делает.

— Я серьезно, Мелиор. Одно дело — избавить его от тюрьмы и совсем другое — вернуть его на прежнюю должность, особенно в качестве временного начальника. Как мне кажется, все им сказанное было уловкой, которую они с Мараром придумали, чтобы дать нам расслабиться.

— Думаю, это возможно, — сказала она, пожав плечами. — Но у меня не сложилось впечатление, что он ломал комедию, когда признавался. Казалось, что он был искренен. А что до остального, — продолжила она, снова выглядывая в окно, — у меня нет выбора. Я не хочу, чтобы Марар узнал, что мы что-то подозреваем, по крайней мере сейчас. А мы не знаем, насколько хорошо работает его разведка. Достаточно того, что у него есть еще другие лазутчики в Брагор-Нале, включая тех, которые доставили золото и отдали его Премелю. Теперь нам известны их имена, но мы не можем пойти на риск и арестовать их. Если он узнает, что ты ранен, а я отдала ПСБ не Премелю, а кому-то другому на время твоей болезни, это вызовет у него подозрения, — подытожила Мелиор.

Гигант осторожно согнул руку, словно упоминание о его ранении напомнило о том, что ему больно.

— Никак не могу поверить, что тот ублюдок все же попал в меня.

— Могло быть и хуже, Джибб, — сказала она. — Если бы Премеля там не оказалось, так бы и получилось.

— Почему вы его защищаете? Он ведь вас предал!

Она встала и подошла к письменному столу, где, как обычно, стоял ее посох, прислоненный к стене.

— Ты думаешь, я сильно изменилась, Джибб? — Взяв посох, она повернулась и посмотрела на него. — Ты думаешь, я сейчас сильно отличаюсь от той, какой я была до встречи с Гвилимом и Оррисом?

Его лицо слегка покраснело при упоминании имени волшебника, и он отвернулся.

— Не знаю.

— погоди. Прошу, будь со мной откровенен.

Он снова встретился с ней взглядом и перевел дух.

— Прекрасно. Да, вы изменились. Сильно.

— В худшую сторону?

— Не уверен. Вы не столь безрассудны, как раньше. Вы лучше владеете собой. Вы стали мудрее. Это хорошие перемены.

— Но?

На мгновение он отвел взгляд, смущенно улыбаясь уголками рта:

— Но вы также стали осторожной. Слишком осторожной. Вы все время так беспокоитесь о том, чтобы не ошибиться, чтобы ничего из того, что вы делаете, не шло вразрез с теми изменениями, которые вы пытаетесь осуществить в Нале, что вы кажетесь... нерешительной или даже слабой.

Она кивнула, стараясь не показать ему, насколько его слова задели ее. Как-никак, она просила его быть честным.

— А сами эти изменения? Их ты тоже не одобряешь?

Он нахмурился:

— Я не могу одобрять или осуждать их. Это дело — не моего уровня. Даже если бы оно было моим, я бы не осмелился его комментировать. Вам это должно быть известно.

— Но ты думаешь, что попытка изменить Наль была ошибкой.

— Вообще-то, нет. Я думаю, что Наль нуждается в переменах, если хочет выжить. Старые методы управления, методы Седрика, губили нас. И если мы действительно заботимся о сохранении мира с магами Тобин-Сера, мы должны найти иной способ правления.

Она едва верила в то, что слышит, и отчаянно хотела считать, что он говорит ей правду.

— Спасибо, — сказала она. — Мне нужно было это услышать.

— Я не поэтому сказал то, что сказал.

— Приятно слышать.

— Если быть вполне откровенным, я должен сказать, что, по-моему, вы ожидаете слишком быстрых перемен. Вы можете издать новые законы и считать людей виновными, когда они их нарушают, но вы не сможете заставить людей изменить свои привычки. Вам нужно быть терпеливей. Люди в квадах целую жизнь жили по одним и тем же обычаям, а вы враз изменили их. Им необходимо время, чтобы перестроиться. А некоторым это не удастся.

Она кивнула, снова выглядывая в окно:

— Ты прав. Постараюсь это запомнить.

— Вы мне так и не ответили, — напомнил он. — Какое все это имеет отношение к тому, что вы защищаете Премеля?

Она провела рукой по волосам:

— Он сказал мне, что помогал Марару, потому что считал, что я веду Наль к гибели. Он сказал, что я пытаюсь превратить его в Уэрелла-Наль. Он сказал, что также в ПСБ есть и другие, которые думают, как он.

Джибб неохотно кивнул:

— Возможно, это и так. Но это не оправдывает того, что он сделал.

— Да. Но, может, из этого следует, что и я отчасти виновата. Может, я слишком многого требовала.

— Это же смешно. Премель — предатель. Он не заслуживает того, чтобы вы входили в его положение или чувствовали себя виноватой. Определенно, он не сделал ничего, чтобы заслужить подобное отношение.

— Ошибаешься, — сказала она, глядя на Джибба. — Он спас тебе жизнь. Я в неоплатном долгу перед ним.

Джибб отклонил это замечание взмахом руки, но снова отвел взгляд.

— Ты не можешь просто отмахнуться от этого, Джибб. Как бы ты ни рассматривал его поступок, ты не можешь отрицать, что он беспокоится о тебе.

— Он избрал странный способ, — сказал Джибб со страдальческим выражением на лице. — Вы — не единственная, кого он предал.

— В каком-то смысле, единственная. Одно мне совершенно ясно — мысль о том, что нужно убить тебя, оказалась для него невыносимой. За эти три дня, с того момента, как ты узнал, что он сделал, подумал ли ты, как ему должно было быть тяжело признаться мне во всем?

Он уставился на нее.

— Нет, — наконец, ответил он. — Наверное, нет.

— А следовало бы. Возможно, это бы объяснило тебе, чем ты ему обязан.

Джибб покачал головой, чувствуя себя очень неловко:

— Я бы предпочел не думать на данную тему. Было бы легче, если бы мы могли наказать его и покончить с этим.

Мелиор улыбнулась:

— Когда я в последний раз облегчала тебе жизнь?

Джибб засмеялся.

— Подумай об этом, Джибб. Поговори с ним. Несмотря на все, что он сделал, я думаю, что он по сути своей порядочный и верный человек. И я убеждена, что до того, как все это закончится, нам потребуется его помощь.

Он сжал губы в тонкую линию, как делал всякий раз, когда Мелиор просила его сделать то, чего он не хотел. Вообще, это нечестно с ее стороны, подумала она, улыбаясь про себя. Он никогда не мог отказать ей.

— Хорошо, — наконец, сказал он. — Я об этом подумаю.

— Спасибо. — Она снова улыбнулась ему. — Знаешь, — сказала она, — я почти рада, что тебя ранили.

Он поднял бровь:

— Не понял.

— Это самый долгий наш разговор за столько лет. Я соскучилась по подобным беседам. Я соскучилась по тебе, Джибб.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Я тоже соскучился.

Она подошла к нему и взяла его за руку:

— Ты когда-нибудь простишь меня?

Он нахмурился:

— За что?

— За любовь к Оррису.

— Я простил тебя давным-давно, — сказал он, опуская взгляд на свои руки. — Я никогда не переставал любить тебя.

Она перевела дух, не зная, что отвечать. Было бы легче, если бы он рассердился на нее.

— Мне очень жаль, — прошептала она спустя некоторое время.

Их глаза встретились, и он улыбнулся:

— Не нужно меня жалеть.

Они стояли в тишине и слышали, как Премель отдает приказ закончить тренировочные упражнения.

— Он поднимется сюда, — сказал Джибб, а выражение его лица снова стало суровым. — Я не уверен, что от этих допросов есть хоть какой-нибудь толк. Мы от него так ничего и не узнали.

— Да, не узнали, — согласилась она. Идея этих допросов принадлежала ей, это был компромисс некоего рода, целью которого было успокоить Джибба, после того как она

отказалась бросить Премеля в тюрьму. Когда бы Премель ни освобождался от служебных обязанностей, он должен был являться на допрос в кабинет Мелиор. — Но, по крайней мере, мы всегда знаем, где он, — заметила она после краткой паузы. — Я думаю, ты захочешь встретаться с ним только лишь из-за этого.

Джибб слегка наклонил голову, признавая ее правоту.

— Кроме того, — продолжила она с улыбкой, у меня такое чувство, что эти разговоры заставляют Премеля чувствовать себя неопытным изгоем, арестованным по обвинению в пьяной выходке.

Он улыбнулся. Минутой позже раздался стук в дверь.

— Войдите, — крикнула Мелиор.

Дверь открылась, и вошел Премель. Его лицо покраснелось, а форма потемнела от пота. Подходя к стулу, на котором он обычно сидел во время допросов, он смущенно взглянул на Мелиор. Но он ничего не сказал и даже не взглянул на Джибба.

— Как прошла строевая подготовка? — спросила Мелиор.

— Прекрасно, Правительница, — ответил он, опускаясь на стул.

— Хорошо. — Она посмотрела на Джибба и подняла брови. — С чего начнем сегодня? Генерал покачал головой. С приходом Премеля выражение его лица помрачнело.

— Я не знаю, — ответил он.

— Вернемся к золоту, — предложила Мелиор после недолгого молчания. — Сколько ты от него уже получил?

— Двадцать два слитка, Правительница.

— Двадцать два слитка, — повторила она низким голосом. Он ей уже это говорил, день или два назад, но она все еще с трудом верила в это. Это было гораздо больше, чем она платила Джиббу за целый год, а ведь, как явствовало из слов Премеля, Марар нанял кого-то и в службе безопасности Вирсии. Вне всякого сомнения, он немало платил и другому лазутчику. Она подошла к окну, рассеянно проведя пальцем по краю своего светящегося красного церилла. — Откуда он берет все это золото?

— Я не знаю, — ответил Премель.

При этих словах она подняла взгляд.

— Я и не думала, что ты знаешь. Я просто размышляла вслух. — Она замолчала, вспоминая свой последний разговор с Мараром. Он говорил о том, что хочет еще больше богатства, о неудовлетворенности своим положением в Лон-Сере. *«У меня нет всего того, что есть у тебя. И даже того, что есть у Вирсии. Даже сравнивать не стоит»*. И тем не менее он разбрасывает золото направо и налево, как пьяный лорд. Она снова посмотрела на Премеля. — Ты сказал вчера, что Марар передумал убивать меня, что он решил, что живой я буду полезнее ему, чем мертвой, так?

— Да, Правительница.

— Он сказал тебе почему?

— Нет, не сказал. Он редко что-либо мне объясняет. Он дает мне приказы и золото. Вот и все.

— Ты жалуешься? — сурово спросил Джибб.

Премель нервно потирал руки все это время, а сейчас опустил на них взгляд.

— Нет, генерал. Я просто отвечаю на вопросы Правительницы.

— Что ж, делай это без жалости к самому себе. Нам это неинтересно.

— Да, генерал.

Мелиор хотела, чтобы Джибб был с Премелем помягче, но не собиралась обсуждать это в его присутствии. Она думала о другом. Золото — ключ ко всему, осознала она с внезапной уверенностью. Она не знала, откуда берутся эти вспышки интуиции, но за годы, прошедшие после получения камня, она научилась доверять им почти так же, как своему Дару прозрения.

— В чем дело? — спросил Джибб, внимательно глядя на нее.

— Я думаю о Мараре. Последний раз я говорила с ним после заседания Совета; он

связался со мной по своей инициативе. Раньше я об этом особо не задумывалась, но сейчас поняла: он собирался предложить мне союз.

— Союз? — спросил Джибб скептически. — Но он пытался убить вас.

— Да. И затем он решил, что это ошибка.

Она посмотрела на Премеля:

— Правильно?

Тот кивнул:

— Он мне так говорил.

— Если бы только мы могли выяснить, почему он передумал, — продолжила она. — Если бы я знала, почему он связался со мной в тот...

Она замолчала, ее прервал плачающий звук, исходящий от пояса Премеля. Они с Джиббом уставились на него, а тот в свою очередь стал таким же белым, как стены ее комнаты.

— Что это было? — спросила она.

Премель нервно сглотнул и затем, отстегнув прибор, протянул его Мелиор.

Тот запиликал во второй раз.

— Изделие не из наших, — сказала она.

— Да, Правительница, — подтвердил Премель. — Мне передали его вместе с первой партией золота. Через него Марар связывается со мной.

Джибб схватил Премеля за рубашку и приподнял его со стула:

— Почему ты нам раньше об этом не сказал?

— Я об этом просто не подумал, — ответил он довольно спокойно. — Я ношу эту штуку на поясе. Большую часть времени я даже и не помню, что она там.

— Я тебе не верю!

— Все в порядке, Джибб, — сказала Мелиор.

Джибб метнул на нее взгляд и открыл рот, собираясь возразить. Но вместо этого он снова сердито уставился на Премеля и бросил его обратно на стул.

— Ну, так что должно произойти сейчас? — спросила Мелиор.

Премель облизал губы:

— Это — вызов. Обычно я возвращался к себе в комнату и связывался с ним с помощью говорящего экрана.

— Тогда пошли, — сказала она, направляясь к двери.

— Подождите! — На лице Премеля появилось паническое выражение. — Он захочет узнать, мертвы ли вы. — Он нервно метнул взгляд на Джибба. — Вы оба.

— Я пока еще не мертва, — сказала Мелиор. — А ты?

Джибб покачал головой.

Она снова повернулась к Премелю:

— Мне это не кажется очень сложным вопросом.

— Но...

Мелиор почувствовала, что теряет терпение.

— Придумай что-нибудь, Премель. Солги ему. Это ведь не так трудно. Нам ты лгал достаточно долго.

Тот снова опустил взгляд.

— Да, Правительница, — упавшим голосом сказал он.

— Или еще лучше, — добавила она, ибо в этот момент ей в голову пришла мысль, — скажи ему, что ты уже разработал план. И завтра о нас позаботишься.

— Завтра? — спросили мужчины в один голос. Затем посмотрели друг на друга, и Джибб нахмурился.

Мелиор пришлось сдержать улыбку:

— Да. А теперь в комнату Премеля. И соображайте быстрее, мальчики. Нам нужен план.

Ожидание казалось Марару бесконечным, хотя он уже должен был привыкнуть к этому. Премель в последнее время отвечал на его вызовы на редкость медленно. Ему нужно создать у Премеля впечатление, что если он больше не хочет получать золото от Стиб-Наля, то кто-нибудь еще из Службы Безопасности Мелиор с радостью согласится.

Марар осознал, что проблемы с Премелем начались, когда он приказал ему убить Джибба. Очевидно, он просто не годится для этого задания. Возможно, если учесть его неудачу при попытке убить Мелиор в первый раз, он не способен даже и с гилдрином разобраться. Марару было настолько приятно то, что он смог нанять человека, который по должности был третьим после Мелиор и Джибба, что он даже не подумал, подходит ли Премель для выполнения этих заданий. Охранник с радостью взял золото и открыто заявил о чувстве глубокой враждебности по отношению к Мелиор, но он более десяти лет был частью команды Службы Безопасности под руководством Джибба. За столь долгий срок невозможно не достигнуть определенного уровня преданности, с которым даже золото, вероятно, ничего не может поделать.

Это разочаровывало, потому что в других отношениях его планы осуществлялись вполне успешно. Он разговаривал с Вирсией еще два раза с того вечера, когда происходило заседание Совета, и хотя Уэрелльская Правительница еще не созрела для союза, она уже проявляла растущий интерес к этой идее. И не было никаких признаков, что она снова склоняется к дружественным отношениям с Мелиор. Добавить к этому предупредительное отношение человека из Уэрелльской службы безопасности, нанятого им на случай, если Вирсия окажется чересчур непреклонной в будущем, и постоянный поток золота из Тобин-Сера, что подтверждалось последними цифрами, которые предоставил ему Грэгор, и Марар едва смог сдержать свой восторг. Если бы забыл о Премеле.

Словно в ответ на последнюю мысль, говорящий экран Марара внезапно ожил, являя ему лицо заместителя Джибба. Тот выглядел даже бледнее обычного. Взгляд его серых глаз был беспокоен; он выглядел удивительно незащищенным и уязвимым, словно большое золотое кольцо в левом ухе было прицеплено там ради шуток. Что-то случилось.

— Вы вызывали меня, Правитель? — спросил он.

— Некоторое время назад да, — ответил Марар, не скрывая раздражения.

— И-извините. Мне трудно было уйти.

— Премель, я вынужден сомневаться, подходишь ли ты для задуманного дела. Не поискать ли мне кого-нибудь еще?

Тот покачал головой и сглотнул:

— Нет, Правитель. У меня все нормально.

— Хорошо. Но не заставляй меня так долго ждать, когда я в следующий раз захочу поговорить с тобой.

Премель кивнул, но ничего не ответил.

— Ну? — сказал Марар после недолгого молчания. — Докладывай. Ты о них уже позаботился?

— Еще нет. Но завтра к этому времени они будут мертвы.

Марар в непритворном удивлении поднял брови:

— Завтра?

— Да. Джибб и Мелиор отправляются в квады поговорить с лордом, который беспокоит Правительницу. Я был в контакте с самостоятельными ребятами, которые собираются как раз организовать перестрелку, там и я поучаствую, чтобы удостовериться, что оба не уцелеют.

— Но Джибб ранен, не так ли? С чего б ему ехать?

— Правитель, из-за того что Джибб ранен, Мелиор и отправится. В противном случае он бы поехал от ее имени. Но пока новичок во главе ПСБ, ей неудобно оставаться в стороне. А куда бы она ни поехала, Джибб потащится вместе с ней.

Марар кивнул, обдумывая услышанное:

— Должен сказать, Премель, я приятно удивлен. После наших недавних разговоров я

стал думать, что ты или не хочешь, или не можешь исполнять мои приказы. — Он улыбнулся. — С радостью прихожу к выводу, что ошибался.

Премель отреагировал на это лишь подергиванием уголка рта. И во второй раз у Марара создалось несомненное впечатление: что-то здесь не так.

— В чем дело, Премель? — спросил он. — Ты мне хочешь что-то сказать?

— Нет. — Охранник сделал кислое лицо. — Мне это по-прежнему не нравится, вот и все. Я не понимаю, почему вы так хотите, чтобы убили Джибба или Мелиор, коли на то пошло. Неделю назад она вам была нужна живой.

— А ты и не обязан понимать, Премель. Это не твоего ума дело. Ты, парень, действуй, как я прошу, наслаждайся золотом, и мы с тобой прекрасно поладим. Хорошо?

— Само собой. Но я лишь хочу сказать, что мне было бы легче выполнять ваши приказы, если бы я понимал их. Разве не так?

Марар сузил глаза. Здесь определенно что-то не так.

— Нет. Раньше с этим проблем не было.

Премель заколебался, затем попытался слабо улыбнуться:

— Вы правы. Пожалуйста, забудьте, мои глупые речи.

— *Размечтался*. Конечно, Премель.

Марар наклонился, чтобы выключить экран.

— Правитель.

Он остановился и снова выпрямился:

— Да, Премель.

Тот перевел дух:

— Мне давно не платили. Мне кажется... мне кажется, вы должны мне три слитка золота.

Марар улыбнулся:

— *Так вот в чем дело*. Да, я знаю. Как я тебе говорил, в последнее время я был обеспокоен твоим поведением. Но этот разговор в какой-то мере развеял мои опасения.

— Так вы мне заплатите?

— Скоро. Как только я узнаю, что Джибб и Мелиор мертвы, я пришлю тебе то, что задолжал. Можешь считать это наградой за хорошо выполненную работу.

— Но мы так не договаривались. Мы составили график выплат.

Марар почувствовал, что ожесточается.

— Премель, ты, кажется, решил, что я не могу без тебя обойтись. А я — смогу. Мне ничего не стоит выдать тебя Мелиор и подыскать тебе замену. Предлагаю не забывать об этом в следующий раз, когда ты сочтешь необходимым жаловаться мне на изменения в нашем соглашении. — Он снова наклонился и положил палец на кнопку управления. — Нам еще что-нибудь нужно обсудить?

Премель пристально смотрел на него несколько минут, краснея, словно Марар сделал ему строгий выговор в присутствии самых близких друзей. Но когда он заговорил, его голос был тихим и покорным:

— Нет, Правитель.

— Хорошо. Я поговорю с тобой снова, когда они будут мертвы. Не раньше.

Марар ткнул пальцем в клавишу на экране, прерывая связь. Затем он опустился на стул, покачивая головой. Ему не понравилось то, что он только что заметил, общаясь с Премелем. Тот вел себя странно. Вероятно, охранник был попросту расстроен из-за оплаты, но его слова о том, что он поедет в Наль вместе с Мелиор и Джиббом, вызывали у Марара некоторый скептицизм. Слишком простым все казалось, чтобы поверить в это.

Марару пришлось подумать о том, что Премеля следует заменить независимо от того, удастся ли ему убить их или нет. Охранник становится слишком непредсказуем. Он задает слишком много вопросов и оспаривает слишком много приказов. И ему еще предстоит как следует проявить себя, чтобы отработать все то золото, что он получил.

Да, пришло время произвести замену. К счастью, у него уже были имена нескольких

людей в ПСБ, которых, как ему казалось, он мог подкупить.

Был также другой человек, которого он нанял несколько месяцев назад. Он был не из Службы Безопасности. У него не было навыков Премеля в обращении с оружием. Но Марар не сомневался, что он будет полезен в другом. Возможно, пора задействовать этого человека.

Экран опустел, и Премель откинулся на стул, закрыв глаза и переводя дух. Он чувствовал себя таким же опустошенным, как после напряженной перестрелки.

— Не думаю, что нам удалось провести его, — сказал Премель усталым голосом. — Уверен, он что-то подозревает.

— Возможно, — согласилась Мелиор. — Но твои жалобы насчет золота вроде бы смутили его. Ты проявил сообразительность, Премель. Молодец.

— Благодарю вас, Правительница. — Ему пришлось сдерживать улыбку — странно, что ее похвала могла все еще быть столь приятна, — и затем он поглядел на Джибба.

Генерал, однако, даже не смотрел на него, что и не удивляло. Так и было с тех пор, как он признался. Джибб, казалось, не хотел ему большего зла, чем побои и угрозы. По правде говоря, Премель едва ли мог винить его. Мелиор же, с другой стороны, обращалась с ним на удивление хорошо. Казалось, она почти согласна с тем, что он сделал, понимает причины этого и готова закрыть глаза на его преступления. Еще несколько дней назад он бы насмеялся над таким состраданием, считая его очередным доказательством ее слабости. Настоящая Правительница Брагор-Наля казнила бы его, не задумываясь. Только гилдрин могла дойти до того, чтобы пощадить не только его жизнь, но и чувства. Вот что как минимум он бы сказал себе.

Но, увидев ее сострадание, ее милосердие и — осмеливался он думать — ее прощение, Премель не смог не думать об этом. Возможно, перемены, которые произошли в ней за прошедшие годы, вовсе и не ослабили ее. То, как она обращалась с ним в последние три дня, не заставило его думать о ней хуже. Напротив, это смирило его. Он предал ее. Даже не наказывая его, она нашла способ обратить его предательство себе на пользу. И, поступая так, она предоставила ему шанс, свидетельствующий об исключительном великодушии: возможность искупить собственную вину. Он бы никогда не смог сделать того же, как, впрочем, и Джибб. Может быть, она сильнее и мудрее их обоих.

Сама мысль об этом поразила его. Это в корне изменило все его видение мира. И заставило думать, что изменения, которые она пыталась осуществить в Нале, возможно, не были столь уже безрассудными. Стало быть, он был идиотом, предавая ее.

И, наверное, в этом все дело. Она могла бы приказать убить его или заключить в тюрьму — любой из этих поступков был бы целесообразен в рамках ее полномочий. Но его публичная казнь еще больше озлобила бы тех, кто стоял против нее. А в тюрьме его ненависть к ней только росла бы, а вместе с ней и вера в то, что он был прав, предавая ее. Вместо этого она начала завоевывать его уважение. Снова. Он был гораздо выше ее ростом и более крепкого телосложения, но в этот момент он чувствовал себя рядом с ней ребенком.

— Что дальше? — спросил Джибб, нарушая кратковременную тишину.

— Нам нужно инсценировать перестрелку. Думаю, нам придется обставить все так, будто мы в ней погибли.

— Вы несерьезно смотрите на ситуацию! — сказал генерал. — Насколько далеко это зайдет? Сделаем ли мы Премеля Правителем и позволим ему заключить союз с Мараром? Может быть, нам следует позволить им обоим напасть на Уэрелла-Наля и втянуть полностью пришедшую в упадок страну в гражданскую войну?

Мелиор бросила на него кислый взгляд:

— Успокойся, Джибб. Я не собираюсь выпускать власть из-под контроля. Но я хочу, чтобы Премелю снова заплатили, и тогда мы сможем схватить курьера. Мне нужно знать, откуда идет это золото.

— А разве оно не из Стиб-Наля?

— Я в этом сомневаюсь, — ответила Правительница. — Когда я плачу тайным агентам

в других Налях, я делаю это через купцов или других агентов. Я редко посылаю золото сама.

Джибб широко улыбнулся.

— Правительница! — воскликнул он в притворном ужасе. — У вас есть тайные агенты в других Налях?

Мелиор криво улыбнулась, но ее улыбка быстро исчезла.

— Ну, так кто же он, этот причиняющий нам беспокойство лорд? Есть какие-нибудь идеи?

Джибб даже не колебался.

— Кто-нибудь в доминионе Доба. Он — единственный оверлорд, на которого бы я мог положиться в таком деле.

Премель про себя улыбнулся. Семь лет назад в отсутствие Мелиор Доб напал на Джибба и отобрал у него Четвертый квартал. Он сделал это с помощью Седрика, оверлорда, который едва не захватил власть в Нале и не убил Мелиор, но это не меняло того, что Джибб винил во всем Доба и отчаянно хотел убить его. Вот как сильно все изменилось, раз Джибб теперь считает, что из всех оверлордов Брагор-Наля Доб вызывает наибольшее доверие. «В этом содержится урок, — осознал Премель. — Еще один урок о преимуществах перемен».

— Я согласна с тобой, — сказала Мелиор. — Я свяжусь с Добом и договорюсь с ним обо всем. А пока вы нужны мне, чтобы выбрать два отряда ваших лучших людей для выполнения этого задания. Мы будем играть в очень опасную игру, и я не хочу, чтобы кто-нибудь совершил ошибку.

Джибб кивнул:

— Разумеется.

Мелиор направилась к двери, но затем остановилась и снова повернулась к Джиббу:

— Возьми Премеля с собой. Он отправляется завтра с нами; он должен быть с тобой и тогда, когда ты будешь подбирать людей.

Генерал взглянул на Премеля с явным отвращением.

— Не понимаю зачем, — сказал он. — Не исключено, что мы дадим ему, таким образом, возможность взять с собой одного из своих собратьев предателей.

— Мы оба прекрасно понимаем следующее, Джибб. Даже если есть в ПСБ и другие, подкупленные Мараром, он бы не сказал Премелю, кто это. Для Марара гораздо безопаснее, если каждый из нанятых им считает себя единственным. Кроме того, Премель знает людей почти так же хорошо, как и ты. Он может помочь тебе при отборе.

— Но...

— Бойцы ожидают, что он будет с тобой, Джибб, особенно с тех пор, как ты ранен. Если ты не возьмешь его, это вызовет у них подозрения. И один из тех предателей, из-за которых ты так беспокоишься, возможно, сообщит об этом Марару.

Джибб плотно сжал губы.

— Хорошо. Сообщите мне, когда вы все сделаете. Я должен знать, в какой квартал мы поедем.

Через минуту она ушла, и впервые с того момента, как Премель признался в своем предательстве, он оказался наедине с Джиббом. Когда он это осознал, у него пересохло во рту, и он нерешительно поднял взгляд на генерала.

Он обнаружил, что Джибб уже смотрит на него, его округлое лицо необыкновенно сурово, и на секунду Премель подумал, не собирается ли темноволосый гигант его убить. Они не сводили взгляда друг с друга и, как казалось Премелю, долго молчали.

Наконец Джибб отвел глаза.

— Вставай, — приказал он.

Премель поднялся со стула, чувствуя слабость в ногах.

Генерал резко двинулся к двери, и они оба вышли из комнаты Премеля, а затем направились вниз по коридору к лифту, который должен был отвезти их к месту проведения тренировок. Ожидание лифта, казалось, заняло целую вечность, и, даже сев в него, они не заговорили.

Но когда они почти доехали до этажа, где проводились тренировки, Джибб внезапно нажал на кнопку на стене, и лифт остановился.

— Почему ты это сделал? — спросил он и так быстро повернулся к Премелю, что тот даже отпрянул. — Почему после стольких лет ты предал ее?

Премель уныло уставился на него:

— Не знаю.

— Не знаешь? — презрительно повторил Джибб.

— Я не это хотел сказать, — произнес Премель, на мгновение закрыв глаза. — Конечно, я знаю. Я поступил так из-за того, что она пыталась сделать с Налем, и из-за того, что она — гилдрин. Но больше я не могу оправдывать себя подобным образом.

— Почему? Она до сих пор — гилдрин. И она по-прежнему пытается изменить Наль.

— Я знаю. Но теперь это все не кажется мне плохим.

Джибб отвернулся:

— Я тебе не верю. Сейчас ты говоришь это, чтобы спасти себя.

— Я и не ожидал, что ты поймешь, — тихо сказал Премель.

— Если тебе не нравилось то, что она делает, тебе нужно было уйти из ПСБ и вернуться в квады. Человек с твоими навыками легко бы нашел работу в любом квартале Наля. Даже если все и меняется, лорд или оверлорд всегда воспользуется услугами того, кто хорошо владеет ножом и лучеметом. Но продаться Марару... — Джибб запнулся и покачал головой. — Пока ты говорил с ним, я мог думать лишь об одном: «Он предал Мелиор ради этого ублюдка».

— Я это сделал не ради Марара, а ради золота.

— Золота Марара, — оборвал Джибб, снова поворачиваясь к нему. — Это не просто жадность! А гораздо хуже! Ты предал всех нас! Мелиор, меня, остальных бойцов! — Он во второй раз покачал головой. — Как мы теперь сможем тебе доверять?

«Я спас тебе жизнь, — хотел сказать Премель. — Разве это ничего не значит?» Конечно, он промолчал. Он не осмелился. Вместо этого он отвел взгляд и пробормотал:

— Не знаю.

— И я тоже, Премель. Ты был самым лучшим у меня, и все это ты разрушил в один момент.

Они постояли некоторое время молча, и казалось, что каждый из них ждет, что другой скажет что-нибудь.

— Можно задать тебе вопрос? — наконец нарушил молчание Премель.

Джибб с минуту пристально смотрел на него:

— Задавай.

— Если бы ты не любил ее, ты бы одобрял то, как она управляет Налем?

Джибб покраснел и сжал руки в кулаки; он некоторое время не отвечал. И когда, наконец, заговорил, его голос был удивительно тих.

— Да, — ответил он. — Но мне понадобилось много времени, чтобы осознать это. Она умнее, чем остальные, Премель. Сейчас ты уже должен понимать это. Она видит то, чего остальные не замечают. Вот почему она смогла победить Седрика. Вот почему она Правительница.

Премель кивнул, и ему даже удалось улыбнуться.

— Мне тоже потребовалось некоторое время, но сейчас я начинаю понимать это.

— Поздновато.

— Разве, генерал? — отважился спросить Премель, — Правительница, кажется, так не считает.

Джибб грозно посмотрел на него:

— Иногда она слишком снисходительна в ситуациях, подобных этой.

Премель покачал головой, открыто выражая несогласие:

— Нет. Нельзя одновременно утверждать и одно, и другое. Если она права в том, что пытается изменить в Нале старые порядки, тогда ты должен признать, что и относительно

меня она тоже права.

— Не смей советовать мне, что я должен делать! — сказал Джибб, повышая голос. Премель снова подумал, не собирается ли генерал ударить его, но тот стал ходить взад-вперед по маленькому лифту, а его темные глаза смотрели в пол. — Ты — предатель! Из-за тебя чуть не убили Мелиор, ты косвенно виновен в смерти трех моих людей! И ты еще интересуешься, почему я не желаю простить тебя?

— Я также спас тебе жизнь, а когда Марар приказал мне убить тебя, я предпочел признаться в том, что сделал.

Джибб остановился перед ним, и на этот раз все-таки ударил его по щеке тыльной стороной здоровой руки. Премель пошатнулся, но быстро выпрямился.

— Никогда больше не смей говорить со мной о том, что ты спас мне жизнь! — воскликнул Джибб, ткнув в его сторону пальцем. — Речь идет не обо мне! А о Мелиор и о том, что ты ей сделал!

— Тогда почему ты это воспринимаешь так лично?

Джибб угрожающе шагнул к нему, но Премель не шелохнулся.

— Потому что она — моя Правительница, — ответил Джибб. — И она — мой друг. И потому что она и для тебя была Правительницей и другом, а ты предпочел ей золото. Я никогда не смогу простить тебя за это, даже если она сможет. — Он замолчал и провел рукой по своим непослушным темным волосам. — И, кроме того, ты был моим другом. Я доверил тебе ее безопасность, потому что ты знал, как много она для меня значит, и я думал, что ты, так же, как и я, готов умереть, чтобы спасти ее.

Премель стоял совершенно неподвижно, борясь с желанием заплакать и отчаянно пытаясь найти, что сказать. Но ничего не приходило в голову, или, по крайней мере, ничего такого, что бы смогло хоть как-то изменить ситуацию. В конце концов неважно, хочет ли Мелиор дать ему еще один шанс. Именно уважение Джибба он хотел вернуть, а его он, похоже, лишился навсегда.

— Это — все? — наконец выдавил Премель, с трудом проглатывая комок в горле. — Это все, что ты можешь сказать? Значит, я никогда не смогу снова завоевать твое доверие?

Джибб пристально смотрел на него несколько минут, а затем покачал головой:

— Думаю, никогда.

Премель кивнул:

— Хорошо. А ты сможешь, по крайней мере, обращаться со мной... вежливо в присутствии наших людей?

— Постараюсь.

Премель снова кивнул, а затем неопределенно махнул в сторону панели управления лифтом.

— Пора ехать.

Джибб смотрел на него еще несколько секунд, прежде чем нажать на нужную кнопку. Кабина дернулась вниз, а минутой позже снова остановилась, и двери, заскользив, открылись. Но ни тот, ни другой не шелохнулись.

— Ни на что не рассчитывая, я хочу извиниться, — сказал Премель.

Генерал отвел взгляд.

— Хотелось бы тебе верить.

Джибб вышел из лифта и направился по коридору в помещения для тренировок. Премель последовал за ним, не зная, что еще делать. Его лицо продолжало гореть в том месте, куда генерал ударил его, и он представлял след от удара, который появился на его щеке на всеобщее обозрение, словно надпись: «Я — предатель. Я предал вас всех». Все это вполне закономерно. Это была эмблема, которую он заработал, так же как и золото Марара.

Мой друг Кроб, купец из Аббориджа, о котором я тебе уже говорил, стоит возле меня, ожидая, когда я закончу это письмо, чтобы взять его с собой в долгую поездку в Брагор-Наля. Мне приятно сознавать, что оно отправится в путь так быстро, и тем не менее я вспоминаю еще раз о том, что пытаюсь забыть: нас с тобой разделяет слишком большое расстояние. Это беспокоит меня не только по очевидным причинам, но также и потому, что мне нужна твоя помощь в очень срочном деле, которое требует твоего непосредственного внимания.

Кто-то из вашей страны снабжает Храмы Тобин-Сера оружием. Благодаря всему тому, что ты рассказала мне о новейших изделиях Лон-Сера, я уверен, что это — нарушение ваших законов. И тем не менее оружие продолжает поступать. Оно используется для того, чтобы убивать наших людей и защищать жрецов, когда они губят нашу страну...

Я не думаю, что ты или Шивонн позволили бы произойти чему-нибудь подобному, но лидер третьего Наля Лон-Сера, чье имя я забыл, кажется мне тем человеком, который бы это позволил. Очевидно, мне и моим братьям магам предстоит помешать Храмам наносить ущерб нашей стране. Но, если вы с Шивонн не сможете предотвратить утечку оружия из Лон-Сера, наши усилия принесут мало пользы.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, 4633 год*

— Орлиный Магистр! Орденом руководит Орлиный Магистр!

— Так это правда. Нам предстоит война!

Послышался третий голос:

— Это еще не все. Говорят, что и у Лиги появился Орлиный Мудрец. И что члены Лиги объединили силы со жрецами, чтобы уничтожить Орден.

— Значит, грядет гражданская война!

— Это абсурд!

— Эрланд и Кайлин так бы не поступили!

— Не поступили бы? Они уже не первый год пытаются избавиться от Ордена.

Сидя в задней комнате и слушая разговоры, гул от которых в таверне был подобен жужжанию мух в конюшне, Оррис не знал, то ли смеяться над тем, что он слышит, то ли поспешить в Великий Зал и предупредить Джарида о панике, растущей на улицах Амарида.

Вообще-то, он был совершенно уверен, что Джарид уже все знает. Сегодня они разговаривали, когда Оррис ходил к нему, чтобы спросить разрешения у Джарида послать письмо Мелиор. В обычное время он, конечно, не стал бы спрашивать разрешения; он бы просто обратился к ней за помощью. Но сейчас настали опасные времена, и они все еще точно не знали, с кем им суждено сражаться в предстоящей войне. Кроме того, если бы это было оставлено на рассмотрение всех членов Ордена, считал Оррис, ему бы не позволили просить помощи у Мелиор. Но Джарид не предоставил остальным возможности помешать этому.

— Некоторые вопросы лучше решать Орлиному Магистру, — сказал он в тот момент, а его молодое лицо выглядело измученным и усталым. — Ты ей доверяешь. — Он произнес это утвердительным тоном, но Оррис понял, что ему требуется подтверждение.

— Да, — сказал Оррис. — Даже если наш враг из Лон-Сера, это — не Мелиор. Уверяю тебя.

Джарид кивнул:

— Хорошо. Отправляй письмо. И дай мне знать, как только ты что-нибудь услышишь.

— Конечно. — Оррис улыбнулся ему, но, казалось, Джарид от усталости не может даже улыбнуться в ответ, — С тобой все в порядке? — спросил маг, улыбка которого померкла.

— Да. Я просто устал.

— А где Элайна? — спросил Оррис, оглядывая комнату Премудрого.

— Она с Мин. Кажется, они пошли в старую часть города. Я бы хотел пойти с ними — с того времени, как мы здесь, я с Мин еще толком не виделся, — но я считал, что не стоит уходить из Зала. — Он пожал плечами. — На всякий случай.

— Иногда и тебе нужно выходить отсюда. Ты не принесешь нам никакой пользы, если из-за усталости не сможешь руководить Орденом.

— Ты прав. Я не хотел показываться с Ритлар на улицах, но не думаю, что сейчас это имеет значение.

В тот момент Оррис не обратил особого внимания на последнее замечание Джарида, но сейчас, слушая разговоры, он понял, что оно означало...

— Извините, маг, — сказал один из тех, кто говорил перед этим. — Мы вот тут любопытствовали, сможете ли вы рассказать нам, что вы знаете об Орлином Магистре.

Оррис перевел взгляд со своего эля на трех мужчин, сидевших за соседним столом. Двое из них были молоды, один был смуглокож, кареглаз и черноволос; второй — потяжелее, с бледным лицом и волосами такого же желтого цвета, как у Орриса. У третьего тоже были светлые волосы, но в них встречались седые пряди, а лицо было морщинистым и дубленным, словно он провел большую часть жизни, работая на солнце. Он был старше двух других; именно он и заговорил с Оррисом.

— Что вы хотите знать? — спросил Оррис.

Тот пожал плечами:

— Для начала, наверное, его имя. — Они рано или поздно узнают. Так пусть лучше это произойдет в случайном разговоре, а не во время кризиса, когда Лиге, Храмам или кому-нибудь еще, возможно, представится случай распространять о нем лживые слухи. — Его зовут Джарид. А его жена Элайна стала Первым Магом при Премудром.

— Джарид и Элайна, — тихо повторил тот. — Они молоды, не так ли? Это они говорили с Тероном?

— Да, верно.

— Мы всегда утверждали, что им предстоят великие дела.

Оррис улыбнулся ему:

— Мы тоже.

— А правда, что у Лиги тоже есть Орлиный Магистр? — спросил смуглый.

Маг заколебался, но только на мгновение.

— Да. Но я думаю, они называют ее Орлиным Мудрецом.

— Это женщина?

— Это Кайлин.

— Кайлин? — повторил пожилой мужчина, широко распахнув глаза. — Но она так молода! Они оба молоды для такого дела. — Он вздохнул. — Время проходит у меня перед глазами. В стране два Орлиных Мага, один из них так молод, что годится мне в сыновья, а другая — чуть ли не во внучки.

Оррис сочувственно улыбнулся. В последнее время он иногда чувствовал себя старым, а этот человек был, по крайней мере, на двадцать лет старше него.

— Вы ожидаете, что Лига и Орден будут воевать? — спросил второй молодой человек.

Оррис смотрел на него несколько секунд, оценивая то, что он увидел в бледных глазах этого парня. Именно он рассказывал дику историю о союзе между Лигой и Храмами, и Оррис видел, что он получал от этого удовольствие.

— Мне кажется, Джарид и Кайлин сделают все, что в их силах, чтобы предотвратить это.

— Но если боги решили...

— А решили ли? — спросил Оррис. — Что вы знаете о подобных вещах? Я, например, ничего точно не знаю.

— Ну уж нет, — ответил бледноглазый, внезапно занервничав. — В смысле, я ничего не знаю наверняка. Но боги послали двух орлов. Это ведь должно что-то значить.

— Согласен, — сказал Оррис. — И маги — как Лиги, так и Ордена — все еще

пытаются выяснить, в чем тут дело. А пока мы не выясним, мне кажется, нам всем лучше бы воздержаться от диких предположений. Как-никак, мы ведь не хотим без необходимости страшить людей, не так ли?

Его собеседник заколебался и промолчал.

— А у вас есть какие-нибудь мысли о том, что могло бы значить появление двух орлов, маг? — спросил пожилой мужчина после краткого неловкого молчания.

Оррис еще на некоторое время задержал взгляд на молодом человеке, наблюдая за тем, как тому становится все больше не по себе.

— Есть кое-какие, — ответил он наконец, поворачиваясь к пожилому. — Но только они. Мысли. Мне бы приличествовало говорить о них здесь не более, чем вашему другу.

Пожилый кивнул:

— Понимаю. Можете ли вы сказать нам, кто, по-вашему, является нашим врагом?

Оррис нахмурился:

— Мог бы, но это будет не более чем догадка.

Тот взглянул на своих спутников и сделал кислое лицо.

— Я вовсе не стараюсь как-то вывернуться, — сказал Оррис. — Правда, не стараюсь. Мы просто еще не знаем.

Его слова, казалось, не убедили никого.

— Тем не менее я должен сказать следующее, — продолжил Оррис мгновение спустя. — Кайлин и Джарид уже дважды говорили друг с другом, и они планируют встретиться еще в ближайшее время. А я общался с людьми из Лон-Сера, из тех, которые дружески относятся к нам. Может быть, орлы — это своего рода предупреждение, и, получив его и примирившись со старыми врагами, мы бы смогли избежать войны.

Он не был уверен, что верит в свои слова, но в последние дни ему пришло в голову то, что появление орлов Джарида и Кайлин сделало больше для улучшения отношений между Орденом и Лигой, чем что бы то ни было за последние семь лет. Это, конечно, еще немного — все сводится к тому, что оба Орлиных Мага общаются друг с другом. Но и это уже кое-что. Он надеялся, что люди за соседним столом не обратят внимания на одного из возможных врагов, которого он не упоминал. Он должен быть осторожен.

— А жрецы? — спросил смуглый. — Кто с ними утрясет дела?

Оррис собрался было соврать, но передумал.

— Не знаю, — признался он. — Я не уверен, что вообще этим занят хоть кто-нибудь.

Пожилый поднял бровь:

— Кому-нибудь следовало бы этим заняться, если то, что я слышал — правда.

— Вы говорите об оружии? — спросил желтоволосый.

— Да, Трет, — ответил пожилой, с ноткой нетерпения в голосе. — Об оружии. — Он снова повернулся к Оррису. — Эти рассказы тоже — правда?

Маг кивнул:

— Боюсь, что да.

— Так, значит, ваши друзья в Лон-Сере не так надежны, как вы предлагаете нам поверить?

Оррис уставился на него, раздумывая, не пытается ли он затеять ссору. Но казалось, что это не в его привычках. Он просто утверждал нечто, и все. И если честно, он дело говорил.

— Это не совсем так, — ответил Оррис, тщательно выбирая слова. — Мои друзья совершенно надежны, но Лон-Сер — большая страна, и у моих друзей есть враги, которых ни они, ни я не в силах держать под контролем.

Тот выдержал его взгляд:

— Понятно. Ценю вашу прямоту, маг. Меня зовут Дельсин и должен сказать, что я из города Лиги и поддерживаю ее. Но я уважаю любого, кто честен, вне зависимости от цвета его плаща.

— Спасибо, Дельсин, — ответил маг, пытаясь улыбнуться. Вопросы пожилого человека встревожили его, и чем больше он их обдумывал, тем большее беспокойство его охватывало.

Насколько он знал, никто не говорил со жрецами, а раз у них есть доступ к оружию из Лон-Сера, они быстро сделаются такой же сильной угрозой, как Лига и свободные маги. Маг неожиданно почувствовал необходимость обговорить все это с Джаридом и убедить его обсудить этот вопрос с Кайлин.

Внезапно он поднялся из-за стола:

— Мне пора. Было приятно поговорить с вами. И если когда-нибудь вам потребуется моя помощь, дайте мне знать.

Дельсин наморщил лоб:

— Надеюсь, я ничем вас не обидел, маг.

Оррис вздохнул. Ему никогда не удавалось непринужденно общаться с людьми.

— Вовсе нет, но вы дали мне пищу для размышлений, и я хотел бы обсудить все это с Орлиным Магистром.

Его собеседник прямо расцвел при этих словах:

— Спасибо, маг. Рад, что помог вам.

— Спасибо и вам, сэр. Храни вас Арик.

Маг кивнул на прощание обоим молодым людям и, подзвав Криссан к себе на плечо, быстро вышел из таверны. Было поздно: Джарид, Элайна и Мин, наверное, ужинают, но так как дни становились длиннее, было еще достаточно света, чтобы он мог идти по узким улочкам и безлюдным дорогам, не прибегая к помощи церилла. Он спешил, так как ему было необходимо поговорить с Джаридом. Недавний разговор все еще звучал у него в голове, и он едва глядел, куда идет. Оррис уже дюжину раз проходил по всем закоулкам этой дороги, вспоминая их почти не задумываясь.

И только когда он отошел уже на приличное расстояние от таверны, Оррис вернулся к реальности. Внезапно остановился, и сердце неожиданно заколотилось в груди. Он был совершенно один в маленьком внутреннем дворике среди узких проходов, уже слишком далеко от таверны и все еще недостаточно близко к Великому Залу. Приехав в Амарид, Оррис ограничил свои передвижения и по возможности старался выходить вместе с другими магами Ордена. Ибо здесь была Лига, и, несмотря на строгое предупреждение, которое он дал молодому магу из Лиги, встреченному им в лесу Тобина несколькими неделями ранее, он почти не сомневался, что Эрланд со своими сторонниками все еще жаждет его смерти.

Он быстро огляделся кругом, пытаясь определить свое местонахождение и найти кратчайший путь к главной дороге города. Но было уже поздно.

— Я чувствую запах предателя, — донесся до него голос сзади.

Оррис обернулся и увидел мага в голубом плаще, приближающегося к нему из соседнего переулочка. У него были длинные темные волосы и угловатое лицо, на котором застыло выражение зловещей улыбки. Его церилл был насыщенного оранжевого цвета, напоминавшего осеннюю луну, повисшую низко в небе, и на его плече сидел темный ястреб, очень похожий на Анизир, которую другой маг Лиги убил несколько лет назад.

— Я чувствую запах труса, — произнес другой голос. Еще двое магов Лиги вступили в переулок с той стороны, откуда он пришел. Очевидно, за ним следили. Они оба были молоды — в одном из них он узнал паренька, напавшего на него в лесу Тобина, — и тоже ухмылялись.

Оррис знал, что сам навлек на себя беду. Он все еще слышал, как говорит молодому человеку, что тот — последний, что следующий маг Лиги, который придет по его душу, будет мертв. Оррис едва ли не смеялся над своей глупостью. Ему и в голову не пришло, что они пришьют троих.

Криссан издала тихое шипение и подняла крылья. Один из говоривших засмеялся.

— Кажется, твоя птичка испугалась, маг, — сказал тот, у которого был оранжевый камень, и снова тихо засмеялся. — И ты тоже.

— Нахожу это очень интересным, — ответил Оррис, и ему было приятно, что его голос не дрожит. — Члены Лиги всегда называют меня трусом, и тем не менее именно Лига присылает троих людей, чтобы они напали на одного. — Он взглянул на молодого мага, над

которым взял верх в лесу Бога. — Кажется, я тебя уже здорово поколотил.

Лицо юноши стало пунцовым, и он придвинулся ближе к Оррису.

— Стой! — сказал первый маг. — Он старается спровоцировать тебя. Мы сделаем это, как и договаривались — вместе.

— Я и в одиночку могу его одолеть! — ответил молодой маг, не сводя глаз с Орриса.

— Кажется, мы уже установили, что не можешь, — сказал Оррис с усмешкой. — Припоминаешь?

Тот направил посох на Орриса, и его церилл цвета морской волны засветился. Оррис быстро присел, а Криссан снова зашипела, вызвав резкий крик маленького серого ястреба молодого мага.

— Я же приказал тебе остановиться! — крикнул другой маг.

С минуту молодой маг колебался, но затем опустил посох с выражением едва сдерживаемой ярости в глазах.

Оррис повернулся к магу с оранжевым камнем.

— Ну, а ты? — спросил он. — У тебя хватит мужества сразиться со мной или тебе нужна помощь этих детей?

Тот свирепо улыбнулся, показывая зубы:

— Я бы отдал все, чтобы сразиться с тобой один на один. Мне бы доставило величайшее удовольствие убить тебя. — Он выдохнул сквозь зубы. — Но у меня есть приказ.

— Чей? — спросил Оррис. — Кто велит тебе это делать?

Тот снова улыбнулся:

— Орлиный Мудрец, конечно. Кто же еще?

У Орриса челюсть отвисла. «Не может быть, — хотел сказать он. — Кайлин бы этого не сделала». Ему нечем было подкрепить подобное утверждение. Все, что он знал о ней, он услышал от других. Они даже никогда не встречались. Но он пришел к мысли, что именно она сможет изменить Лигу и справиться со всем тем, что сделал Эрланд, попирая законы Амариды. То, что она послала этих людей по его следу, казалось невыносимым.

Он уже было собрался сказать об этом длинноволосому магу, но прежде чем успел, тот кивнул двум своим спутникам и затем выставил посох перед собой, послав струю оранжевого магического огня в сторону Орриса.

Оррис решил было уклониться, но, вспомнив о двух магах позади, передумал. Вместо этого он окружил себя и Криссан барьером красновато-коричневой энергии. Оранжевое пламя врезалось в его энергетический щит с такой силой, что он чуть не упал, а в следующее мгновение зеленые и серебряные потоки пламени также ударили по защитному кокону. Оррис упал на одно колено, открывая рот от усилия, которое требовалось, чтобы отразить их атаку, а Криссан издала пронзительный крик. Но энергетический щит выдержал.

— Сколько ты еще выдержишься, маг? — крикнул ему длинноволосый с насмешкой в голосе. — Ведь мы не спешим.

Оррис ничего не ответил. Он просто закрыл глаза, вкладывая всю свою силу без остатка в отражение магического огня. И он уже знал, что ее не хватит. Молодые были не очень сильны — с любым из них он бы справился легко, возможно, даже с обоими. Но маг с оранжевым цериллом — это совсем другое дело. В одиночку он бы не был трудным противником. А вместе со своими спутниками он был Оррису не под силу.

Криссан крикнула второй раз, и Оррис открыл один глаз, чтобы взглянуть на нее. Клюв был раскрыт, словно она задыхалась, и она сидела съежившись, перья были слегка взъерошены, а глаза полузакрыты. Птица быстро теряла силы.

И он тоже. Его волосы и плащ промокли от пота, который струился по лицу и рукам. Мышцы ног и рук дрожали от натуги, и он чувствовал головокружение.

— Сдавайся, маг! — сказал самый главный из них. — Тебе не победить.

— Ни за что!

— Если ты сдашься и позволишь нам закончить начатое, обещаю, что мы не причиним никакого вреда твоей птице.

Оррис открыл глаза:

— Точно?

На лице его врага мелькнула улыбка, и магический огонь сверкнул в его глазах.

— Да. Мы ее отпустим.

Но, видя выражение его лица, Оррис все понял. Он намеревался сначала убить Криссан, а затем послать Орриса к Неприкайнным, чтобы он вечно странствовал там, в компании Терона и Фелана.

— Ты лжешь! — прорычал Оррис. — Ты бы лучше надеялся, что убьешь меня, потому что в противном случае я убью тебя как собаку!

— Пустая угроза, предатель. Ты об этом знаешь, так же как и я.

Он был прав. В тот момент, когда Оррис собрался с силами, чтобы возразить, он почувствовал, что его щит ослабевает. Жар от их огня уже начал обжигать ему лицо и руки.

«Прости, моя хорошая, — мысленно сказал он Криссан. — Я тебя подвел».

Она слабо дотронулась до него клювом и в ответ послала образ места, где они встретились, — северной опушки леса Леоры.

Оррис снова открыл глаза и быстро посмотрел на трех магов, прикидывая, удастся ли захватить с собой хотя бы одного из них на тот свет.

И вдруг он увидел, что троица из таверны приближается к ним.

— Что здесь происходит? — крикнул Дельсин. — Почему вы напали на этого мага?

— Это тебя не касается, старик! — ответил длинноволосый, даже не удосужившись прервать свою атаку. — А теперь уходи, пока ты и твои друзья не пострадали или не случилось чего похуже.

— Ты угрожаешь мне, Сын Амарида?

На этот раз маг все-таки опустил посох, а минуту спустя его товарищи сделали то же самое.

Доведенный почти до полного изнеможения Оррис убрал энергетический щит. Он настороженно смотрел на двух других магов, но, даже если бы они возобновили атаку, он был не уверен, что смог бы собраться с силами, чтобы снова поднять барьер.

— Я не хотел вас обидеть, — говорил маг Лиги с улыбкой на лице, которая бы не могла никого обмануть.

— Может, и не хотел, — сказал Дельсин. — Но, кажется, вы точно пытались убить этого мага.

— Он трус и предатель! — сказал молодой маг, над которым Оррис взял верх в лесу. — Он заслуживает смерти!

Старик покачал головой:

— Убийство другого мага есть нарушение Законов Амарида. Даже я знаю это.

— Это не совсем так, — сказал длинноволосый маг. — Законы Лиги позволяют нам использовать наши силы против других магов, когда это не противоречит нашей клятве служить народу Тобин-Сера.

Дельсин сузил глаза:

— Я об этом ничего не слышал.

— Это правда, — сказал Оррис. — В этом — одно из отличий Лиги от Ордена. Мы стремимся соблюдать Законы Первого Мага, а они изыскивают способы обойти их, чтобы оправдывать свои преступления.

Молодой маг свирепо уставился на него:

— Закрой пасть, предатель!

— Даже если то, что ты говоришь, правда, я не понимаю, как убийство этого человека может принести пользу стране.

— Я не собираюсь тратить время на объяснения, — сказал длинноволосый маг. — Это не твоё дело.

— Ну что ж, — произнес Дельсин. — Я делаю его своим.

Тот сердито уставился на него и с такой силой сжал посох, что аж костяшки пальцев

побелели. Затем он повернулся к Оррису:

— Теперь мы видим степень твоей трусости, маг. Ты бы позволил этим людям рисковать жизнью, чтобы спасти свою.

— Нет, — спокойно возразил Оррис. — Я бы умер, прежде чем позволил вам причинить им вред. Но, полагаю, даже законы Лиги не позволяют вам калечить невинных людей.

— Ах ты, ублюдок! — воскликнул тот. И, двигаясь так быстро, что Оррис даже не успел защититься, он взмахнул посохом и ударил его в бок.

Оррис упал, тяжело дыша, а маг Лиги замахнулся, чтобы ударить его еще раз.

Но Дельсин встал перед ним.

— Хватит! — сказал он. — Вы и так сделали достаточно. Уходите!

Длинноволосый снова оскалил зубы, и Оррис испугался, что он собьет Дельсина с ног. Но через несколько мгновений маг Лиги опустил голову. Он кивнул своим спутникам, и они все вместе зашагали прочь. Однако, дойдя до одного из переулков, маг обернулся и посмотрел на Орриса:

— Это еще не все! Мы снова тебя найдем. Даю тебе слово.

Затем он отвернулся, и маги ушли.

Оррис медленно встал на ноги и перевел дух. Бок болел, но ни одно ребро, похоже, не было сломано.

— Спасибо, — сказал он, глядя на Дельсина. — Вы спасли мне жизнь.

— Нельзя было вот так нападать на вас. Мне грустно, что члены Лиги совершают подобное. — Он взглянул на бок Орриса. — Вы сильно пострадали? Может, вам нужна помощь?

— Нет, спасибо. Со мной все в порядке.

Дельсин кивнул:

— Прекрасно. — Он поколебался, но затем взглянул Оррису в глаза. — Почему они называют вас предателем?

Этот человек спас ему жизнь, а совсем недавно он говорил с Оррисом о честности и уважении. Какой у него был выбор?

— Именно я вернул того пришельца в Лон-Сер. Он нужен был мне в качестве проводника, и в то время я хотел удостовериться, откуда именно пришли люди, напавшие на нашу страну. Эрланд и его друзья усмотрели в этом измену и навесили на меня ярлык предателя.

Признание Орриса заставило глаза Дельсина расшириться, но никакой другой реакции не вызвало. Двое его спутников обменялись короткими взглядами, но и у них выражение лиц осталось спокойным.

Они молчали, как ему показалось, довольно долго и оценивающе смотрели на него, словно никогда раньше его не видели.

— Требовалось большое мужество, чтобы рассказать нам об этом, — наконец сказал Дельсин.

— Требовалось мужество, чтобы помешать им убить меня. Я считаю, что и вы в свою очередь заслуживаете не меньшего восхищения.

— Вы позволите проводить вас до Великого Зала, маг?

Оррис улыбнулся:

— Это очень любезно с вашей стороны, но...

— Те маги все еще поблизости. Вам не следует оставаться одному.

Он был прав, и, хотя Оррис чувствовал себя глупо, принимая их предложение, он был бы еще большим дураком, если бы отказался.

— Хорошо. Спасибо.

Шли они молча. К тому моменту, когда они добрались до Великого Зала, молчание сделалось неловким, но Оррис был благодарен им за компанию.

— Еще раз большое спасибо вам, — сказал маг, стоя на ступеньках куполообразного

здания. Его слова едва ли соответствовали той помощи, которую Дельсин ему оказал, но он точно не знал, что еще прибавить.

— Да хранит вас Арик, маг, — пожелал ему Дельсин. — Если в Ордене таких, как вы, будет больше, я, наверное, перестану поддерживать Лигу.

— Да хранит Арик и тебя, Дельсин. И твоих друзей.

Оррис стал было подниматься по ступенькам, но не успел он сделать и шага, как его окликнул другой юноша. Он снова повернулся к ним и стал ждать.

— Нам сказали, что пришелец погиб в Лон-Сере, — сказал он. — Это ты убил его?

Оррис вздохнул. Хоть рана и стара, но все еще болит. Он хотел спасти жизнь Бараму, и именно его смерть сделала неповиновение Орриса воле Ордена приемлемым для некоторых.

— Пришелец сам себя убил, — ответил он. — Я видел, как он падает, но я его не убивал.

Тот уставился на него, обдумывая услышанное.

— По крайней мере, он умер, — сказал Дельсин. — Вы проследили за этим. — Он постоял еще некоторое время, прежде чем кивнуть на прощание и уйти со своими друзьями.

Оррис наблюдал за тем, как они уходят, поглаживая клюв Криссан и грустно покачивая головой. Ему по-прежнему было так больно от этого, даже после стольких лет. Некоторое время спустя он огляделся, словно ожидая снова увидеть магов Лиги. Но улица была пуста. Он осторожно потер ушибленный бок и затем поднялся по ступенькам в Великий Зал. Ему нужно было многое сказать Джариду.

Кайлин сидела, уставившись на свои руки, которые были скрещены у нее на коленях. Оба орла сидели вместе на большой каминной полке, неподвижные, как статуи, осторожно разглядывая друг друга, и тем не менее казалось, что присутствие одного успокаивает другого. «Ну прямо как маги, у которых они появились», — подумала она, сдерживая улыбку.

Какой-то частицей своей души она считала, что разговор с Джаридом означает предательство Лиги. Не то чтобы она рассказала ему о чем-то, что должно было остаться в тайне. Более того, она ничего не сказала ему о том, что не относилось напрямую к ее обязанностям как Орлиного Мудреца. И все-таки она знала, что Эрланд и остальные не одобрили бы ее разговоров, если бы о них узнали. И ей не нравилось прятаться, как какому-нибудь разбойнику, всякий раз, как они с Орлиным Магистром должны были встретиться.

Но она понимала, как важно то, что они с Джаридом делятся друг с другом всем, что знают о возможном враге, и как члены Лиги и Ордена реагируют на появление двух орлов в Амариде. И она должна была признать, что ей нравится разговаривать с ним. Несмотря на разные цвета их плащей, у них было много общего. Она считала, что Орлиный Магистр не питает злобы по отношению к Лиге, а пообщавшись побольше с Элайной, она пришла к такому же выводу относительно нее. Временами Кайлин казалось, что у нее больше общего с Орлиным Магистром и его Первой, чем с кем-либо из Лиги. Конечно, они разделяли ее веру в то, что война между их сообществами может привести лишь к катастрофе. А Эрланд и остальные — нет.

Именно это она и собиралась сказать Джариду.

— Кайлин, — спросил он, глядя обеспокоенно, — с тобой все в порядке?

Она заставила себя улыбнуться:

— Да. Все хорошо. О чем ты меня спрашивал? — Она вспомнила его вопрос, но ей не очень-то хотелось отвечать на него. И снова, как было не раз за последние месяцы, она смутилась из-за того, что носит голубой плащ.

— Я спросил, как Эрланд воспринял идею собрать всех магов Тобин-Сера вместе для обсуждения того, что может означать появление наших орлов. Кажется неразумным, чтобы каждое из сообществ проводило такие обсуждения по отдельности. И это могло стать одним из способов наладить доверие между Лигой и Орденом.

— А маги Ордена уже согласились на это? — спросила она.

Он заколебался:

— Нет, еще нет.

— А вы это обсуждали?

Он, казалось, снова замялся:

— Я сказал об этой возможности нескольким магам лично. Но я ждал известий от тебя, прежде чем поднять этот вопрос перед всеми членами Ордена.

Она улыбнулась:

— Тогда тебе, возможно, придется еще немного подождать.

— Ему эта идея не понравилась?

— Я о ней даже не упоминала. — Премудрый открыл рот, собираясь что-то сказать, но она остановила его, подняв палец. — Я пыталась объяснить тебе раньше, но ты, кажется, не понимаешь. Эрланд не заинтересован в улучшении отношений с Орденом. И немногие маги из Лиги заинтересованы. Они тебе не доверяют.

— Они не доверяют мне?

Кайлин покачала головой:

— Не именно тебе. А всем вам, любому в зеленом плаще. С самого своего создания Лига определилась в своей враждебности к Ордену. Она существует, чтобы неустанно следить за вами, чтобы не позволить Ордену стать слишком могущественным. Не стоит надеяться, что она возьмет и изменится, приняв Орден в качестве союзника, только потому, что у нас появились орлы.

Джарид смотрел на нее несколько минут.

— Ну, а ты? — спросил он. — Ты, говоря об Эрланде и остальных, называешь их «они». Значит ли это, что ты доверяешь нам?

Она пожала плечами и отвела взгляд:

— Я ведь здесь, не так ли?

— Да. Но тебе это трудно дается, Кайлин.

— Разве это имеет значение?

— Да, Кайлин. Имеет. Мы с Элайной не предлагали для обсуждения идею о встрече со всеми членами Лиги, потому что мы думаем, что большинство магов Ордена не согласятся на это. В Ордене недоверие к Лиге столь же сильно, как и недоверие Лиги к Ордену.

— Сомневаюсь, — сказала Кайлин. Но она задрожала. Она меньше всего ожидала это услышать.

— Хорошо, — согласился Джарид. — Может, это и преувеличение, но не слишком большое. Недоверие существует с обеих сторон, и, если мы хотим его преодолеть, нам с тобой необходимо поддерживать дружеские отношения.

— Я настроена дружески.

— Но ты все еще беспокоишься о том, что бы сказали Эрланд и остальные, если бы увидели тебя здесь.

Она тревожно шевельнулась:

— Значит, я не должна беспокоиться? Вы предлагаете мне предать Лигу, и тем не менее я не вижу никакого желания с твоей стороны сделать то же самое по отношению к Ордену. Ты даже не говорил с магами о том, чтобы они встретились с членами Лиги, и ты меня осуждаешь?

— Я не прошу тебя никого предавать, Кайлин, — мягко сказал он. — И я тебя вовсе не осуждаю. Я просто прошу тебя поставить свою любовь к стране выше забот о том, что Эрланд подумает о наших встречах. В Ордене есть такие, которые считают, что я предал их доверие, но мне все равно. Я, так или иначе, встречаюсь с тобой и сообщаю Ордену о всех наших разговорах. Я бы не просил тебя делать того, чего я не хочу делать сам. Но, — вздыхая, сказал он, — я понимаю, что мы с тобой в разных условиях, и не буду отрицать, что ты находишься в более тяжелом положении.

Кайлин ничего не ответила. Она помнила, как повысила тон минуту назад. Она казалась молодой и капризной, совсем не такой, каким подобает быть Орлиному Мудрецу, и это еще

больше подчеркивалось спокойствием Джарида. В этот момент она отдала бы все на свете, лишь бы оказаться в другом месте, и предпочитала ничего не говорить, чтобы не ставить себя в еще более неудобное положение.

Он, казалось, неправильно истолковал ее молчание:

— Я знаю, как тебе тяжело, Кайлин. Я с этим не спору.

При этих словах она улыбнулась и покачала головой:

— Нет, Джарид. Я думаю, ты не понимаешь, насколько мне тяжело. Никто не понимает. И никто не смог бы понять. — Она встала и подошла к каминной полке. — Ты знаешь, что я выросла, ненавидя Орден, — сказала она, глядя на Ритель. — Всем это известно. — Она повернулась к нему. — Но знал ли ты, что я ненавидела его так сильно, что презирала себя за появление моей первой птицы? — Ее глаза наполнились слезами при этом воспоминании. Она видела Маркрана, сидящего перед ней, его блестящее оперение переливалось в лучах осеннего солнца, как и в день их встречи. — Ты знал, — продолжила она, не обращая внимания на слезы на щеках, — что я месяцами отказывалась пользоваться своими силами потому, что считала, что, если я стану магом, это будет означать забвение памяти родителей?

Она видела печаль в его глазах, и ей необходимо было подавить рыдание. Сейчас она не могла выносить даже его сочувствия.

— Кайлин...

— Не надо. Это не имеет значения. Словами ты мне не поможешь. — Она сглотнула, чтобы успокоиться. — И не говори, что знаешь, что я чувствую, или что понимаешь, как мне тяжело. Ты не в состоянии. Никто не в состоянии. Потому что никто не проходил через то, что прошла я.

Она знала, что это все выглядит как безнадежная жалость к себе. Но она знала также, что так оно и есть.

Он беспомощно развел руками:

— Не знаю, что и сказать.

— Все в порядке, — сказала она. — Тебе не нужно ничего говорить. — Она провела рукавом по лицу, вытирая слезы, и заставила себя перестать плакать. — Мне пора.

— Может быть, останешься и поешь с нами? Элайна и Мин должны скоро вернуться. Уверен, что Мин будет очень рада тебя видеть.

Кайлин покачала головой:

— Спасибо, но мне нужно кое с кем встретиться.

Это была ложь, но в тот момент ей меньше всего хотелось провести время в компании семилетней девочки.

Джарид улыбнулся ей:

— Понимаю.

Она увидела, что он и в самом деле ее понимает.

— Приходи снова поскорей, — сказал он. — Пожалуйста.

Она кивнула и направилась к двери.

Но, не успев дойти до нее, она услышала голоса, доносившиеся снаружи.

— Я бы хотела, чтобы меня никто не видел, — сказала она, снова подходя к Джариду.

— Это, наверное, Элайна и Мин.

Но когда он закончил говорить, они слышали мужской голос, громким эхом отдающийся от куполообразного потолка Зала.

— Пойду посмотрю, — сказал Джарид.

Он прошел мимо нее в приемную, которая была больше, чем его комната, закрыв дверь за собой, и Кайлин слышала, как он приветствует пришедшего. Минуту она стояла на месте, но затем, сама точно не зная почему, шагнула к двери и прижалась ухом к дереву.

— Трое... — сказал незнакомец. — Все трое — из Лиги. Если бы не несколько человек, с которыми я разговаривал в таверне, они бы, наверное, убили меня. А так мне придется лишь немного подлечиться.

— Что тебе повредили?

— Бок.

Шорох одежды. Громкий вдох.

— Выглядит хуже, чем есть на самом деле, — сказал незнакомец. — Я не думаю, что он сломал мне что-нибудь. Он ударил меня посохом.

— Вижу по синяку. Ты что, не защищался?

— Они атаковали меня магическим огнем. А посохом он ударил меня уже после того, как вмешались люди, о которых я упоминал. К этому я не был готов.

Кайлин услышала достаточно. Она распахнула дверь и вышла в Зал.

— Кто тебя ударил? — спросила она. — Кто были те люди?

Джарид поднял изумленный взгляд, но Кайлин внимательно смотрела на второго мага. Он был крепкого телосложения, с длинными желтыми волосами, темными сердитыми глазами и короткой взъерошенной бородой. До ее появления он снял плащ и рубашку, и она увидела длинный темный синяк у него на боку.

— Орлиный Мудрец Кайлин, — сказал Джарид, — это маг Оррис. Он друг, и ему можно доверять.

Ей потребовалась минута.

— Оррис? — повторила она, и ее глаза устремились на Джарида, а затем снова на большого и сильного мага. — Ты Оррис?

Он настороженно посмотрел на нее:

— Да, Орлиный Мудрец.

— Это ты вернул пришельца в Лон-Сер?

Она увидела, как что-то промелькнуло у него на лице, выражение боли или, может быть, сожаления. Трудно было сказать, и это выражение исчезло так же быстро, как и появилось; на лице сохранилась только усталость.

— Да, — сказал он низким голосом. — Я.

Она точно не знала, что ею двигало в тот момент. Может быть, то, что она видела в его темных глазах — глазах, которые уже не были такими сердитыми, или, возможно, то, что члены Лиги сделали ему. Но даже она сама удивилась тому, что сказала: — В таком случае мы должны поблагодарить тебя за тот мир, который у нас установлен с Лон-Сером.

Казалось, сама Леора возложила руки на лицо Орриса, настолько оно просветлело.

— Никогда не думал услышать такое от члена Лиги, — прошептал он. — Спасибо.

Она покачала головой:

— Прощу тебя, не благодари меня. Просто прими мои извинения за тот вред, который Лига причинила тебе за последние годы. — Ее лицо посуровело. — Не было ли у одного из людей, напавших на тебя, длинных волос и острого, узкого лица?

— Был такой.

— Я так и думала. Его зовут Ковет. И если я не ошибаюсь, он был с Бринли и Дриссом.

Оррис слегка пожал плечами:

— Я не знаю, как их зовут, хотя один из них уже пытался убить меня этой весной в лесу Тобина.

Она кивнула:

— Это Бринли. Я слышала о твоей стычке с ним. Вот почему они на этот раз послали троих.

Оррис грустно улыбнулся:

— Я так и подумал. В следующий раз я не буду таким самонадеянным.

Она улыбнулась, хотя и не могла не сознавать, что теперь ее предательство по отношению к Лиге было окончательным. Человек, стоящий перед ней, был самым ненавистным врагом их сообщества, а она беседует с ним о магах из Лиги, напавших на него сегодняшним вечером. Если бы Эрланд вошел в этот момент, он бы не знал, кого из них убить раньше.

— Вам также нужно знать следующее, Орлиный Мудрец, — продолжил Оррис

минутой позже, пристально глядя на нее. — Ковет заявил, что это вы дали ему приказ напасть на меня.

Кайлин внезапно почувствовала, что в ней закипает ярость, словно в ее жилах течет магический огонь, а не кровь. Но она сделала все от нее зависящее, чтобы скрыть свой гнев от других. Это дело надо обсуждать в Зале Лиги, а не здесь, среди магов Ордена.

— Клянусь памятью своих родителей, это неправда.

Оррис улыбнулся. Как ни странно, он был довольно красив, когда не хмурился.

— На самом деле я ему не поверил.

Джарид подозвал своего орла к себе и затем положил руки на бок Орриса.

— Отныне я не желаю, чтобы ты ходил по этому городу один, — сказал Премудрый, не переставая заниматься лечением Орриса. — С тобой всегда должен быть кто-нибудь из Ордена.

— Это приказ, Орлиный Магистр? — спросил тот, веселясь.

Джарид покраснел и широко улыбнулся. Но все-таки кивнул утвердительно:

— Да, приказ. И если ты ослушаешься, я пошлю за тобой Элайну. — Он отошел от Орриса, и Кайлин увидела, что синяк исчез.

— А это — уже угроза, — сказал Оррис Кайлин, подмигивая ей.

— Я все слышала! — сказала Элайна, входя в Зал из другой комнаты и ведя за собой Мин. — Если ты будешь настолько глуп и не послушаешься Джарида, ты заслужишь то, что я с тобой сделаю.

Оррис поднял бровь, и Кайлин обнаружила, что улыбается, несмотря ни на что. А ведь она должна была ненавидеть их, ненавидеть каждого из них. И не могла.

— Шутки в сторону, — продолжила Элайна минутой позже, посмотрев на Джарида, а затем на Кайлин. — Вам обоим следует подумать о том, что, если Орриса будут сопровождать маги Ордена, а по Амариду рыскать банды магов Лиги в его поисках, этот город может легко превратиться в поле боя.

— Кажется, есть способ предотвратить это, — сказала Кайлин.

Все посмотрели на нее, но она не сводила взгляда с Орриса.

— Ты сказал, что какие-то люди спасли тебя от Ковета и остальных.

— Да.

— А они были непосредственными свидетелями самого нападения?

Он кивнул.

— Хорошо. Ты бы смог найти их?

Маг заколебался:

— Наверное. Они были в таверне, но я не знаю, остановились ли они там. И я не знаю, долго ли они пробудут в Амариде. У меня такое чувство, что Дельсин — странствующий торговец.

Она на некоторое время прикусила губу:

— Может, это ничего и не значит, но на всякий случай мне нужно действовать быстро. — Она взглянула на Джарида. — Мне пора, — сказала она уже во второй раз за этот вечер. — Надеюсь, скоро мы сможем еще поговорить.

— Я тоже.

— Вот еще что, — сказал Оррис, — Дельсин и его спутники хотели узнать, связывался кто-нибудь из Лиги или Ордена со жрецами. Мне это показалось важным вопросом.

Джарид выдохнул сквозь зубы:

— Это хороший вопрос, но должен признать, что у меня слабые связи со жрецами. Лидеры Ордена редко пользовались любовью Детей Богов.

— Может, я и с этим смогу помочь, — сказала Кайлин.

Джарид улыбнулся:

— Для лидера, заявляющего, что у него мало полномочий, ты, несомненно, взваливаешь на себя большую ответственность. Благодарю тебя, Орлиный Мудрец.

Кайлин почувствовала, что краснеет. Она отвернулась и начала свистом подзывать к

себе Риель. Но прежде чем орел успел подскать к ней, кто-то дернул ее за плащ. Она опустила взгляд и увидела, что перед ней стоит дочь Джарида и Элайны. Она была чудной девочкой с длинными темными волосами, такими же, как у ее мамы, и серыми глазами, как у Джарида.

— Вы — Орлиный Мудрец? — спросила она.

Кайлин взглянула на Джарида, чувствуя себя неловко.

Дети приводили ее в смущение.

— Да.

— Как вас зовут?

— Кайлин.

Девочка продолжала смотреть на нее, и несколько секунд спустя Кайлин начала прочищать горло.

— Гм... а тебя как зовут?

— Мин. Как, по-вашему, вы с моим папой будете воевать друг с другом?

— Мин, — сказал Джарид, выходя вперед и положив руку на плечо ребенка, — это не совсем вежливый вопрос, доченька.

Мин повернула голову и посмотрела на него:

— Но ты сказал мне, что означают орлы, и я просто подумала, что нужно спросить у нее, не кажется ли ей, что вы станете врагами.

Орлиный Магистр открыл рот, собираясь сказать что-то еще, но Кайлин остановила его, подняв руку и покачав головой:

— Все в порядке. — Она посмотрела на Мин и улыбнулась. — Нет, я не думаю, что мы с твоим папой будем врагами. И вообще для этого уже как-то поздно. — Она взглянула на Джарида, а затем на Орриса и Элайну. — Мы уже стали друзьями.

16

Вспоминая свои последние письма, я осознаю, что большая часть написанного мной создаст у тебя впечатление, что товары, присланные сюда из Лон-Сера, не принесли ничего, кроме горя. Но это совсем не так. Многие в Тобин-Сере восхищаются и радуются тому, что вы присылаете нам. Дети теперь играют в игрушки, которых их родители даже представить себе не могли. Мужчины и женщины довольны инструментами и приспособлениями, которые делают приготовление еды, занятие сельским хозяйством и множество других дел проще, чем когда бы то ни было. Повседневные заботы, которые когда-то отнимали часы, теперь требуют лишь нескольких минут, благодаря тому что пришло к нам из Лон-Сера.

Помня, что ты мне рассказывала, и то, что я видел за время пребывания в твоей стране, я знаю, что присылаемое вами — примитивно по вашим стандартам. Более того, мне кажется, что закон запрещает вам присылать нам продукцию более высокого уровня. Это не имеет значения. Для нас эти инструменты, игрушки — просто чудо какое-то, и, несмотря на все трудности, которые появились у нас в стране за последние годы, мне кажется, большинство людей неохотно рассталось бы с новыми товарами.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, 4633 год*

Лесса старалась идти как можно быстрее, мышцы у нее на ногах горели от веса двух ведер с водой, и ей в конце концов захотелось поставить их на землю. Но ее дом был всего лишь в нескольких причиняющих боль шагах, а из-за холодного дождя, хлещущего ей по глазам и попадающего под одежду, она не могла остановиться. Дойдя до единственной ступеньки, ведущей в дом, она наконец опустила ведра и медленно разогнула затекшие

пальцы. Затем толчком открыла дверь и по очереди поставила их в дом.

Войдя и закрыв за собой дверь, она сразу же заметила, что в общей комнате было слишком темно. *Огонь!* Лесса повернулась к очагу и, как она и боялась, увидела, что огонь снова потух. Даже дыма не шло от пропитанных дождем дров.

— О боги!

Адлир с детьми все еще был в кузнице, но уже поздно. Если так дело пойдет, ужин не будет готов, пока не стемнеет.

Она убрала мокрые волосы со лба и опустилась на колени перед очагом, подрагивая от холода. У нее еще было полно веток и березовой коры для разведения огня, но в очаге даже искорки не осталось. Сегодня была очередь Телара следить за огнем, но, радуясь тому, что идет в кузницу вместе с отцом и старшим братом, он обо всем забыл. Поленья были сырыми от дождя. Лессе было необходимо все начинать сначала. Она закрыла глаза, тяжело вздохнула и затем протянула руку за кремнем.

— Почему нет какого-нибудь мага поблизости? — пробормотала она вполголоса, когда готовилась высекать искру.

При этой мысли она остановилась и посмотрела на маленькую коробочку, которая все еще лежала на полу возле кучи дров, на том месте, куда ее положил Адлир две недели назад. Спички из Лон-Сера. Адлир теперь часто ими пользовался, чтобы разжечь трубку. А Лесса к ним даже не прикасалась. Дело было не в том, что они ей не нравились. По правде говоря, они ее немного пугали. Они странно пахли и при чирканье о камень неожиданно и довольно ярко вспыхивали.

Но ей было холодно, становилось все темнее, и за этот день она уже четыре раза пыталась развести огонь с помощью кремня.

Она наклонилась и подобрала коробку, слыша, как спички гремят внутри. Сердце у нее бешено колотилось, а руки слегка дрожали, когда она открывала коробок. Даже сейчас, не зажигая ни одной из них, она чувствовала их запах, резкий, но уже не такой неприятный. Она внимательно наблюдала за Адлиром, когда он разжигал свою трубку, и поэтому знала, что надо крепко держать спичку и чиркнуть ее по камню очага. Но все-таки, когда яркое пламя вырвалось из желтой головки спички, она слегка вскрикнула и уронила спичку на пол. Тяжело дыша, она сразу же подняла ее, но затем вспомнила, что забыла подготовить лучину для растопки. Неохотно она задула пламя и начала класть кору и ветки под сырые поленья, тщательно прячя горящую спичку среди дров. Адлир был человеком добрым и терпеливым, но он бы рассердился на нее за то, что она сожгла напрасно одну из этих спичек. Они были дорогими, а много и так было израсходовано.

Взяв вторую спичку из коробка, она снова чиркнула по камню, на этот раз поборов желание бросить ее, когда появилось пламя, и голубой дымок, кружась, стал подниматься к потолку. Она поднесла ее к лучине и не смогла не улыбнуться, когда ветки и кора загорелись и стали потрескивать.

В течение нескольких минут Лесса добавила еще лучин, пока окончательно не уверилась, что пламя разгорелось, а огонь осветил комнату. Поленья продолжали дымить и шипеть от сырости. Но вскоре пар уже поднимался над котелком для тушения мяса с овощами, а в комнате начало становиться теплее. «Возможно, эти новые товары не так уж и плохи, — подумала она, улыбаясь. — Я бы к ним скоро привыкла».

Она подошла к обеденному столу и стала шинковать корни и зелень, но вскоре послышался стук в дверь. Вытерев руки о платье, она ее распахнула.

Дождь перестал, но она едва обратила на это внимание. Ибо перед ней стояла женщина с длинными каштановыми волосами, которые все еще были мокры, и бледными серыми глазами, в которых было какое-то диковатое выражение, словно то, на что она смотрела, и то, что она видела, не было одним и тем же. При ней был посох с ярким голубым цериллом, но плаща на ней не было, и это подсказывало Лессе, что перед нею свободный маг. Однако на плече женщины не было птицы.

— Я — маг Таммен, — сказала женщина. — Я шла по лесу и заметила вашу деревню.

— Приветствую вас, маг, — ответила Лесса, чувствуя себя несколько неловко. — Я польщена этой встречей. Чем могу помочь?

— Что это за место?

— Гринбау, маг, свободная деревня. Вы из Движения?

Женщина заколебалась, но только на мгновение:

— Да. В этом районе нас несколько, все мы останавливаемся в деревнях, подобных вашей, чтобы побуждать жителей присоединиться к Движению.

— Понятно, — ответила Лесса, — Если хотите, я могу устроить вам встречу со старейшинами деревни. Они будут...

— Нет. Не нужно. Вы сами можете сказать им, что я была здесь. Этого будет достаточно.

Лесса уставилась на мага, не веря тому, что услышала:

— Я мало что знаю о вашем Движении, маг, и еще меньше — о политике Ордена и Лиги. Не уверена, что я — самый подходящий человек для того, чтобы говорить со старейшинами вместо вас.

Таммен улыбнулась, хотя пугающее выражение в ее глазах сохранилось.

— Ничего, вы будете в самый раз. Можно попросить у вас немного еды для этого тела?.. — Она замолчала, и снова улыбнулась. — Я голодна. А с тех пор, как я потеряла свою птицу, я еще ни разу нормально не поела.

— Конечно, маг. Я еще не закончила готовить ужин, но с радостью приглашаю вас поесть с нами.

— Нет, — живо откликнулась та. — Я не могу надолго оставаться. Мне пора идти дальше. Немного сыра или сушеного мяса будут в самый раз.

Лесса на мгновение нахмурилась:

— Хорошо, маг. Посмотрю, что у нас есть. Но, боюсь, этого будет немного. Вам, возможно, стоит зайти к купцу. У него наверняка много чего можно купить.

— Уверена, что, сколько бы вы ни дали — этого хватит.

Лесса зашла в дом, чувствуя себя неловко и остро ощущая присутствие мага у себя за спиной. На улице темнело, и ей пришлось зажечь несколько свечей. Единственным светом в доме был тот, что проникал через маленькие окна в общей комнате и исходил от мерцающих языков пламени в очаге. Как бы ей хотелось, чтобы Адмир и ребята были дома.

Год назад она бы мало что смогла предложить магу, но с появлением в Тобин-Сере закрывающихся стеклянных сосудов из Лон-Сера у нее было два куска сыра и немного сушеных фруктов помимо сухарей.

— Вот, маг, — сказала она, протягивая Таммен один из кусков сыра и сушеные фрукты. — Хотела бы предложить вам побольше, но у меня двое мальчиков растут, и частенько у меня в кладовке еще меньше, чем сейчас.

Лесса улыбнулась, но женщина-маг на это никак не прореагировала.

— Этого хватит, — сказала она. — Благодарю.

Женщина повернулась, собираясь уходить.

— Уверены, что не останетесь на ужин?

— Совершенно, — ответила та, качая головой. Она бросила тревожный взгляд на окно. — Темнеет. Я должна найти место, где провести ночь.

— У нас здесь не слишком просторно, но, прошу вас, оставайтесь.

Таммен снова повернулась к Лессе и улыбнулась, но в выражении ее лица была какая-то надломленность, словно ей было необходимо идти дальше. Ее глаза казались даже еще более дикими, чем раньше.

— Вы очень добры. Но я не могу остаться.

Лесса также заставила себя улыбнуться:

— Жаль это слышать. — Ложь. На самом деле она испытывала глубокое облегчение. Она никогда не встречала такого мага. Кроме того, Лессе пришло в голову, что отсутствие связи могло свести женщину с ума. Она никогда не слышала, чтобы такое раньше случалось,

но всякое бывает. Говорили, что маги очень привязаны к своим птицам, и, конечно, те, которые потеряли птиц, беспокоились о Проклятии Терона. Таммен казалась совсем юной — возможно, слишком юной, чтобы справиться с горем и страхом. Как еще можно было объяснить ее странное поведение?

Она положила еду в мешочек, который висел у нее на поясе, и снова направилась к двери.

— Что мне передать старейшинам? — спросила Лесса.

Таммен снова остановилась — как раз на пороге. Лесса увидела, как она на мгновение сжала кулаки, прежде чем посмотрела на нее через плечо со все той же слабой улыбкой на лице.

— Скажите им, что Движению нужна вся поддержка, которую они могут дать. Им нужно сделать все, что в их силах, чтобы убедить другие деревни в этой части леса присоединиться к нам. Скажите им также, что в ближайшем будущем с лидерами всех свободных общин свяжутся и скажут, что делать. Сможете все это запомнить?

Лесса кивнула.

— А теперь мне действительно пора.

Не говоря больше ни слова, женщина поспешила выйти из дома и пропала из виду.

Лесса подошла к одному из окон и увидела, как Таммен быстро удаляется от деревни, возвращаясь к теням леса Тобины. Она скоро потеряла мага из вида, хотя могла проследить за передвижением женщины по свечению голубого церилла, который та несла. Лессе показалось, что она на мгновение увидела светящуюся желтую фигурку на плече Таммен. В следующее мгновение она вообще ничего не видела — ни свечения церилла, ни фигурки — и была вынуждена думать, не было ли все это иллюзией, шуткой, которую сыграли с ее глазами свет от огня в очаге и неровное стекло окна. Вне всякого сомнения, так и было. Должно было быть. За исключением того, что эта фигурка выглядела точь-в-точь, как ястреб.

Она слегка задрожала от холода и поняла, что дверь все еще открыта. Она направилась к ней, собираясь захлопнуть, но когда она ее закрыла, услышала голос Адлира и смех мальчиков.

— А обед еще даже еще и не готовится, — сказала она вполголоса.

Она поспешила к огню и подбросила туда еще одно сырое полено, а затем вернулась к столу и продолжила резать зелень. Она ненадолго остановилась, когда муж с сыновьями подошли ближе, и выглянула в окно, думая, не увидит ли она еще раз страшного мага. Но, ничего не увидев, она переключила свое внимание на обед.

— При всем должном уважении, Верховный Жрец, — сказала Линвен, повышая голос, — все ваши уверения и извинения не могут изменить того факта, что погибли люди. В первый раз в истории нашей страны смерть мужчин и женщин Тобин-Сера является явным результатом действий Храма. Кто-то должен ответить за это.

Бревил неловко шевельнулся на стуле, но больше ничем не выразил того, насколько он был встревожен тем, что услышал.

— Я уже говорил тебе, Линвен: если ты ищешь кого-нибудь, чтобы обвинить его в этом печальном инциденте, предлагаю тебе обратить внимание на свободных магов, которые спровоцировали это столкновение. — Он развел мясистыми руками, словно в мольбе. — Эти смерти на их совести. Наши люди просто защищали себя и лесорубов, которых они были наняты охранять.

Линвен пришлось сделать усилие, чтобы держать себя в руках. Она слышала те же самые абсурдные речи от жрецов во всем Восточном Тобин-Сере. Бревил весьма преуспел в рассылке своего послания всем Храмам в стране, и многочисленные сторонники поддерживали его. Вот почему она снова пришла сюда, в эту палату, которая когда-то была ее резиденцией, и спорила с человеком, сменившим ее на посту Верховного Жреца. Обычно они избегали друг друга, что не всегда было легко, учитывая, что она все еще жила в главном Храме Детей Богов. Но в этот день она разыскала его и, поступившись своей гордостью,

попросила аудиенции. Она знала, что бесполезно настраивать других против него, поэтому ей почти ничего не оставалось, нежели попытаться заставить его передумать. И она уже знала, что потерпит неудачу.

— Маги были там по просьбе жителей Праннай, — произнесла она сквозь зубы. — И если бы у ваших людей не было оружия, они бы ни за что не напали.

— Линвен, — сказал он, улыбаясь ей так, как будто она была наивным ребенком, — вы ведь на самом деле в это не верите, не правда ли? От этих свободных магов столько же вреда, сколько от Ордена. Может, они даже еще хуже. Вы знаете, каково иметь с ними дело. Ведь не так давно вы сидели на моем месте. — Он улыбнулся еще шире. Вот уже в третий раз за этот разговор он подчеркивал, что теперь он ее начальник, — По правде говоря, — продолжил он минутой позже, — я удивлен, что вы говорите такие вещи.

— Я и сама удивлена, Бревил.

— Видишь, сестра? Ты просто немного не в духе. Учитывая все то, что происходит в последнее время, я не так уж и удивлен этому. Мы все немного выбиты из колеи.

Она покачала головой:

— Я не это имела в виду. Я удивлена потому, что никогда не думала, что мне придется спорить с Верховным Жрецом нашего Храма по подобному поводу. Вы опозорили нас, Бревил.

Бревил вскочил со стула, а его лицо стало пунцовым.

— Да как ты смеешь! — воскликнул он. Он стоял, возвышаясь над ней, держа дрожащий от напряжения палец в нескольких дюймах от ее лица. — Я Верховный Жрец Богов! Никто не имеет права так разговаривать со мной! Даже ты!

— Возможно, в этом-то и проблема, — сказала Линвен, не позволяя запугать себя. — Все жрецы так боятся тебя, что никто не осмеливается оспорить ни одно из твоих решений.

— Мои решения и не должны оспариваться!

— Не будь смешным, Бревил, — сказала Линвен, зная, что ее слова кажутся такими же снисходительными, как и его несколькими минутами ранее. — Ты — идеал. Не позволяй своему титулу и этой красивой мантии убедить себя в обратном. — Он начал было говорить что-то, но она остановила его, подняв руку: — Выслушай меня. Я много знаю об опасности считать себя непогрешимым. Каждый день тебе говорят, что твоими устами глаголят боги, что ты орудие Арика на нашей земле. И слыша это, легко забыть, что боги несовершенны, так же как и мы. Лон и Тобин дрались, как мальчишки, Леора в своем тщеславии подогревала их соперничество, а Арик в порыве злобы разделил страну.

Он отвернулся и подошел к единственному в палате окну.

— Я не мальчишка, Линвен, — сказал он злым голосом. — Я знаю богов; я, осмелюсь сказать, знаком также и с их достоинствами, и недостатками.

— Тогда обрати внимание на то, что они говорят тебе.

Он снова повернулся к ней, и его глаза сузились.

— В каком смысле?

— Ты допускаешь ошибки, Бревил, так же как и многие из нас. А в последнее время ты совершил их больше, чем надо.

— Не понимаю почему.

— Значит, ты слеп. Люди погибли, Бревил, страну раздирают противоречия, ходят разговоры о гражданской войне.

— Последнее уж точно не моя вина! Ты не можешь обвинить меня в том, что у магов появились орлы!

Линвен покачала головой. Бревил был безнадёжен.

— Я и не пытаюсь, Верховный Жрец. Я просто указываю тебе на то, что настали трудные времена и все действия Храма, которые способствуют нагнетанию опасности, должны быть взяты под сомнение.

Бревил пристально смотрел на нее несколько секунд с задумчивым выражением лица.

— Ты права: настали трудные времена. Но нужно ли обвинять меня в том, что я хочу

воспользоваться нынешними обстоятельствами в интересах Храма? — Он вернулся к своему стулу и сжал в кулак толстые пальцы. — Не является ли моей обязанностью как Верховного Жреца Богов сделать все возможное, чтобы Храм в наступающем кризисе оказался, по возможности, в наиболее сильном положении? Ты бы поступала иначе, Линвен? — спросил он, поднимая бровь.

Она заколебалась, и Бревил усмехнулся.

— Конечно нет, — сказал он, довольный собой. — Это только сейчас, после того, как ты отказалась от власти, ты начинаешь думать по-другому. — Он наклонился вперед. — Разумеется, это можно понять: тебе почти нечем заняться, а это нелегко вынести тому, кто когда-то был самым могущественным человеком в Храме. Но не ожидай, что я восприму твою критику всерьез, Линвен. Ты, так или иначе, критиковала бы меня, что бы я ни делал. Если бы я делал то, что ты предлагаешь сейчас, ты была бы здесь и интересовалась, почему я не вооружаю охранников и не заготавливаю еще больше леса.

— Это не так! — сказала она. Но она понимала, что ее слова звучат почти как оправдание, и знала, что у нее нет никакой надежды убедить его. Он принял решение относительно оружия и принял решение относительно нее.

— Ты, по крайней мере, позволишь мне поднять эти вопросы на следующей Ассамблее жрецов? — спросила она со смирением в голосе. Она заранее знала, что он ответит.

— Нам еще долго ждать до Осенней Ассамблеи, Линвен. Я даже еще представить не могу, что мы можем обсуждать там. — Он улыбнулся ей так, что она поняла все, что ей нужно было понять. — Но если у нас будет время на это, я не стану мешать тебе предложить эту тему на обсуждение.

Бревил взглянул на свой письменный стол, прежде чем снова посмотреть на нее с той же самой слабой улыбкой на губах, и Линвен поняла, что их встреча окончена.

— Извини, — сказал он, — но сегодня у меня много дел. Уверен, ты меня понимаешь.

— Конечно.

Линвен с трудом встала со стула, морщась от боли. Болезнь подобно собаке грызла ей кости, продвигаясь по ее телу все глубже. Несмотря на то что она уверяла Кайлин, что еще поживет на этом свете, она знала, что ей осталось недолго.

— Вы здоровы, Верховная Жрица? — с неубедительной заботой спросил Бревил. — Принести вам что-нибудь?

— *Умираю я, ублюдок ты этакий. Не видишь, что ли? Разве нельзя было понять за все это время?* Нет, Бревил, спасибо. Со мной все в порядке. Просто ноги немного затекли от долгого сидения.

— Рад это слышать. Мы бы не вынесли, если бы что-нибудь с вами случилось. Такие, как вы, — редкость в Храме, Линвен: Верховная Жрица, которая отказалась от власти, вместо того, чтобы сохранить ее до смертного часа. Не могу припомнить, когда последний раз такое случалось.

Линвен устала на него на некоторое время, перестав обращать внимание на боль.

— Что ты пытаешься сообщить мне, Бревил?

Он развел руками и поднял брови, что, должно быть, означало попытку изобразить святую невинность. Усилие оказалось напрасным.

— Я просто говорю, что вы занимаете особое место в наших сердцах.

— И?

Он заколебался, но лишь на мгновение.

— Ну, это заставляет задуматься над тем, почему вы так поступили. Особенно с тех пор, как вы с таким пылом критикуете все, что я делаю.

Линвен перевела дух. У нее не было ни малейшего желания рассказывать ему, почему она так поступила, но он был прав. Она не имела права критиковать его, если учесть решение, которая она приняла. Теперь он был Верховным Жрецом, и, хотя она считала, что он ведет Храм к краху, а возможно, и страну тоже, не ее делом было осуждать его. По крайней мере — открыто.

— Я поступила так, — ответила она наконец, — потому что устала от споров и политики и еще потому что хотела немного насладиться жизнью перед... — Она замолчала и сглотнула. Странно, что ей удалось с таким стоицизмом говорить об этом с Кайлин, но разговор с Бревилем заставил ее сердце болеть от жалости к себе. — У меня было предчувствие, что мне мало осталось. Поэтому я уступила свое место.

Бревил смотрел на нее раскрыв рот, со смятением на лице. И Линвен была вынуждена подумать, не слишком ли строго она судила его.

— Вы хотите сказать... — Он закрыл рот. Моргнул. — Вы хотите сказать мне, что умираете?

— Да, — ответила она ровным голосом.

— Вы обращались к целителям Храма?

Она рассмеялась:

— Целители давным-давно признали меня безнадежной.

— А Кайлин?

Вопрос удивил ее. Они с Бревилем редко говорили о девушке-маге, а когда говорили, он давал ясно понять, что не одобряет отношений с ней Линвен. Став Верховным Жрецом, он во время одного из самых жарких споров на эту тему намекнул, что ей не подобает встречаться с любыми членами Лиги или Ордена, даже с Кайлин. Естественно, она предпочла послушаться его, и это только усилило их взаимное недоверие. Но спустя некоторое время Бревил пустил это дело на самотек.

— А что Кайлин? — осторожно спросила она.

— Она не может вас вылечить?

— Она хотела попытаться. Но я отказалась.

— Но почему? — спросил он, и глаза его расширились, — Если она...

Она снова отвела взгляд. Его вопрос показался ей слишком похожим на те, которые она продолжала задавать себе. Было время, когда Кайлин, возможно, могла спасти ее, когда энергия Волшебной Силы, вероятно, была бы достойным противником зверю, сидящему внутри нее. Но как могла та, которая провела жизнь, противостоя Ордену от имени богов, принять подобное исцеление с чистой совестью?

— Настал мой черед, Бревил, — наконец, ответила она. — Даже если бы Кайлин могла помочь, я не знаю, согласилась ли бы я на это. Арик и Дуклея призвали меня к себе. Кто я такая, чтобы заставлять их ждать? — Она принужденно улыбнулась. — Твоя забота удивляет меня, — сказала она, стараясь говорить непринужденно. — Я думала, ты был бы рад избавиться от меня.

— Это злая мысль, Линвен, — сказал Бревил. — Ты несправедлива и по отношению к Храму, и ко мне лично.

Она опустила взгляд. Она никогда особенно хорошо не умела ладить с людьми — вот почему дружба, которую ей каким-то образом удалось завязать с Кайлин, была так важна для нее.

— Ты прав, Верховный Жрец. Пожалуйста, прости меня.

Бревил жестом отмахнулся от ее извинений.

— У меня и на самом деле множество дел, — сказал он резким тоном.

Он не очень-то вежлив, и тем не менее она задержалась, неожиданно расхотев уходить после такого поворота разговора.

— Мне и в самом деле очень жаль, если я обидела тебя, Бревил. Я этого не хотела.

— А имеет ли это значение, Линвен? Кажется, это подходящий способ закончить наш разговор, независимо от того, чего ты хотела.

Его слова звучали удивительно грустно, и Линвен думала, не сказать ли ей еще что-нибудь. Но отчужденность между ними стала слишком явной, чтобы преодолеть ее прямо сейчас. Год назад, может быть. Но не сейчас.

Она кивнула ему на прощание и затем, не говоря ни слова, оставила его и направилась в свои скромные покои в дальнем конце храмовых строений.

Она устала и с трудом шла по внутреннему каменному дворику, чувствуя, как каждый шаг отдается в ее хрупких костях, словно удар молота.

«Мне нужен покой, — сказала она себе, мрачно улыбаясь двойному смыслу этой фразы. — Скоро, — сказала она. — Очень скоро».

Но когда она добралась до своих апартаментов, она обнаружила, что ее ждет Кайлин. Она поднялась со стула в углу с улыбкой на юном лице, когда Линвен открыла дверь.

— Я позволила себе войти. Надеюсь, ты не сердишься, я просто не хотела, чтобы кто-нибудь... — Она запнулась, и ее улыбка сначала сменилась озабоченным выражением, а затем — испугом.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала она, подходя, чтобы помочь Линвен войти в комнату. — Входи и присядь.

— Со мной все хорошо, моя дорогая, — сказала Линвен. — Устала немного, и все.

— Где ты была? — спросила Кайлин, далеко не убежденная ее словами.

— Говорила с Бревилем.

— Об оружии?

— Да.

— Разговор прошел плохо?

Линвен слабо улыбнулась:

— Мягко выражаясь, да.

— Ты сказала ему, как ты больна?

— Да, сказала, — ответила Линвен, осторожно садясь на кровать. — Я думала, что после того, как сообщу ему эту хорошую новость, все пойдет как по маслу. Но ничего не вышло.

По крайней мере, на этот раз шутка вызвала смех, хотя и слезы — тоже.

— Ненавижу его, — сказала Кайлин, подходя к стулу и вытирая слезы рукавом плаща. — Почему не он заболел?

Линвен нахмурилась:

— Нехорошо так говорить, Кайлин. Никому нельзя желать зла.

Кайлин грустно улыбнулась:

— Да, Верховная Жрица.

Некоторое время они сидели молча, и Линвен, закрыв глаза, чувствовала, как боль отступает, подобно отливу.

— Ну, так что привело тебя в Храм? — наконец спросила она, открывая глаза и поворачиваясь к Кайлин. — Ты здесь как Орлиный Мудрец или просто как Кайлин?

— И то и другое. Я хотела узнать, как твои дела, но также мне нужно задать тебе несколько вопросов. Однако я и так узнала почти все, что нужно, услышав о твоём разговоре с Бревилем.

— О чем?

— О том, можно ли убедить Храмы перестать вооружать своих лесорубов и по возможности прекратить вырубку леса.

Верховная Жрица покачала головой:

— Сомневаюсь в этом. Я говорила со жрецами на всем протяжении Ястребиного леса, восточных районов леса Тобина и равнины Тобина и даже с несколькими на границе Отрога Фелана...

— Неудивительно, что ты выглядишь такой усталой! Линвен, ты прямо с ног валишься!

— Позволь мне закончить, — попросила Линвен. — Никто из жрецов, с которыми я говорила, не хочет поступать наперекор Бревилу. А Бревил ясно дал мне понять, что не намерен идти на уступки.

— Разве он не понимает, насколько близка наша страна к гражданской войне? — спросила Кайлин. Она рывком встала со стула и начала ходить по маленькой комнате. — Разве он не видит опасности?

— Нет, видит. Но для него эта опасность является оправданием того, что он делает. Он

видит, что Лига и Орден готовы вцепиться друг другу в глотку, что свободные маги присоединяются к Народному Движению, и считает, что и Храмы должны быть в состоянии защитить себя.

Кайлин остановилась и с недоверием на нее уставилась:

— Кажется, что ты с ним почти согласна.

— Я бы так далеко не зашла, — возразила Линвен. — Но я действительно понимаю его. И думаю, что, если бы я все еще была Верховной Жрицей и если бы мы с тобой не были друзьями, я, возможно, следовала бы подобному курсу.

— Линвен! Не может быть!

— Я бы, наверное, не вырубала столько деревьев, но подумай об этом, дитя! Волшебная Сила и те, кто ею владеют, являются врагами Храмов тысячу лет. А сейчас перед нами не один враг, а три. Правда, никто не является таким же могущественным, как Орден, когда он был единым, но тем не менее мы окружены недругами, и, как ты говоришь, Тобин-Сер на краю гражданской войны.

— Так кто же я? Враг?

— Брось, Кайлин. Ты ведешь себя как ребенок. Конечно, ты не враг. Но если тебе придется руководить Лигой, ты должна уметь видеть мир так, как его видят твои противники, будь это маги Ордена, свободные маги или даже жрецы. А сказать я тебе хочу, что, хоть я не согласна с тем, что делает Бревил, я его понимаю. Теперь ты видишь разницу?

Несколько секунд Кайлин пристально смотрела на нее. Ее щеки ярко горели, как будто ее ударили по обеим щекам, а голубые глаза вызывающе сверкали. Но затем она перевела дух и улыбнулась.

— Да, Верховная Жрица, — ответила она наконец. — Я вижу разницу.

— Хорошо.

— Но мы по-прежнему не знаем, как решать все эти проблемы.

Линвен признала ее правоту легким кивком:

— А у тебя есть новости? Как там Эрланд в связи со всем этим? А Орлиный Магистр?

— С Эрландом ничего не изменилось. И коли на то пошло, и с Орденom — тоже ничего, хотя мы с Орлиным Магистром во многом согласны, в большем даже, чем я когда-либо могла ожидать.

— Ты ему доверяешь?

— Да, — ответила Кайлин, удивляя Линвен уверенностью своего ответа. — Я доверяю ему и его друзьям больше, чем многим членам Лиги.

Линвен подняла бровь:

— Ты думаешь, не поменять ли тебе цвет плаща?

Кайлин улыбнулась:

— Нет. Я думаю, что смогу принести больше пользы, оставаясь в Лиге. То, что я сказала об Эрланде, не было полной правдой. Кое-что изменилось. Он и его друзья стали беспечны и, кажется, нарушили законы Лиги.

Линвен резко посмотрела на нее:

— Ты сможешь это доказать?

— Да, но, возможно, это потребует показаний мага Ордена. И не какого-нибудь, а того, кто вернул пришельца в Лон-Сер.

Линвен уставилась на нее, раскрыв рот:

— Позволят ли ему члены Лиги хотя бы войти в их Зал?

Молодая женщина пожала плечами:

— Есть и другие свидетели, но я их еще не нашла.

— Я думаю, лучше их найти.

— Наверное, — ответила Кайлин, криво усмехаясь.

Линвен попыталась сдержать зевоту, но безуспешно. Она сконфуженно улыбнулась.

Кайлин наклонилась вперед и пожала ей руку:

— Мне пора.

При обычных обстоятельствах Линвен стала бы уговаривать ее остаться, но сегодня у нее не было сил даже на это.

— Приходи еще, поскорей, хорошо?

— Конечно.

Кайлин встала и направилась к двери. Однако, когда она уже взялась за ручку, Линвен остановила ее, позвав по имени.

— Извини, что с Бревиллом я тебя подвела, — слабым голосом сказала Верховная Жрица. — Мне жаль, что я не смогла остановить его.

Кайлин обнадеживающе улыбнулась, хотя выражение ее глаз осталось мрачным.

— Не нужно извиняться, Линвен. Нам придется поискать другой способ.

Орлиный Мудрец Кайлин вернулась в Амарид днем, но сначала она оставила Ритель, плащ и посох на вырубке в Ястребином лесу. Ей требовалась помощь, но следовало соблюдать осторожность при ее получении, как ради себя, так и ради того, чье содействие ей было необходимо.

Таверна, в которой, как говорили, он часто бывает, находилась в узком переулке почти рядом с Залом Лиги. Она знала, что и другие члены Лиги там часто бывают и узнают ее даже без плаща и церилла. Но нужно было попытаться счастья.

Осмотрев себя еще раз, чтобы удостовериться, что она выглядит точь-в-точь как юная беднячка, Кайлин вошла в таверну.

Хозяин окликнул ее почти сразу же, как она и ожидала.

— Эй, ты! Мы здесь детей не обслуживаем! Хочешь, чтоб мое заведение закрыли?

Кайлин сдержала улыбку.

— Я сюда не пить пришла, — кротко ответила она. — Я ищу своего дядю. Пожалуйста! Мне нужно поговорить с ним! Это займет не больше минуты.

Тот нахмурился и оглядел зал, который был почти пуст.

— Ладно, — тихо ответил он. — Только побыстрей.

— Хорошо, господин. Спасибо.

Она поспешила вглубь, осматривая тускло освещенные столики, пока не заметила Стефана, который сидел у задней стены, читая письмо. Она подошла к его столику, села напротив него и тихо прочистила горло.

Магистр поднял взгляд:

— Да? Что-нибудь...

Он замолчал, глаза его расширились, и он нервно огляделся вокруг.

— Ты что, с ума сошла? — прошептал он, — Ты знаешь, что сделает Эрланд, если увидит, как я здесь с тобой разговариваю?

— Никто не узнает меня без плаща, Стефан. Хозяин думает, что я — твоя племянница.

— Племянница? — повторил он, повышая голос.

— Кроме того, что Эрланд сможет сделать? Я — Орлиный Мудрец, ты — член Лиги. Нам что, и поговорить нельзя?

— Ты знаешь, о чем я. А теперь оставь меня в покое.

Она покачала головой:

— Нет, не спеши. Через минуту я уйду, но сначала ты мне поможешь.

— Шутишь?

— Я похожа на шутника?

Он несколько минут смотрел на нее, а его пепельно-серое лицо казалось еще бледнее обычного.

— Хорошо, — наконец, сказал он, и его глаза снова обежали таверну. — Что тебе нужно от меня?

— Ты слышал о Ковете, Дриссе и Бринли?

Он издал короткий смехок, хотя его лицо оставалось мрачным.

— Глупцы, — сказал он. — Плохо, что они пытались убить Орриса здесь, в городе, на

расстоянии крика от всех магов Лиги и Ордена. Но угрожать тем людям... — Он покачал головой. — Ужас какой-то.

— Для тебя — ужас, — сказала Кайлин. — А для меня — подходящий случай.

— Не понимаю.

— Эти маги нарушили законы Амарида и наши законы, а поступили они так, следуя приказам Эрланда.

— Ты не сможешь этого доказать.

— А мне и не нужно, Стефан. Все об этом знают. Ненависть к Оррису снедает его уже семь лет. Мы все знаем, что Ковет и остальные двое поступали так, как того хотел Эрланд. Я могла бы настоять, чтобы их исключили из Лиги; могла бы использовать этот инцидент, чтобы скомпрометировать Эрланда настолько сильно, что он никогда не смог бы возглавить Лигу снова.

— Ты бы так не поступила.

— Поступила бы, но мне не хочется. Ты был прав в том, что сказал мне той ночью в лесу. Ради благополучия Лиги мне нужно найти способ руководить, не ослабляя сообщества. Это означает, что положение Эрланда должно оставаться неприкосновенным.

Он поднял бровь:

— Я приятно удивлен. Я не был уверен, правильно ли ты поняла меня там, в лесу. — Он еще некоторое время смотрел на нее, словно взвешивая то, что собирался сказать. — Ну, так чего тебе от меня нужно? — наконец спросил он.

— Мне нужно, чтобы ты нашел людей, которым угрожал Ковет. У меня не получилось, а ты знаешь этот город гораздо лучше меня.

— Но для чего они тебе? Ты только что сказала...

— Я сказала, что постараюсь кое-что предпринять, не уничтожая Эрланда. Но мне нужно, чтобы он поверил, что я могу это сделать, поэтому я должна иметь доказательства того, что случилось тогдашней ночью.

Его глаза сузились.

— На каком основании я могу быть уверен, что ты не передумаешь и не воспользуешься свидетельствами этих людей для уничтожения Эрланда?

— Ни на каком, Стефан, — ответила она, даже не скрывая своего гнева. — Тебе просто придется поверить мне. Именно ты пришел ко мне и сказал, что я должна найти более искусные способы отстоять свое положение в Лиге. Ну что ж, это я и пытаюсь сделать. Так или иначе, я буду руководить вами во время войны. А сейчас ты можешь помочь мне, не привлекая всеобщего внимания и позволив мне пойти к Эрланду со всей той информацией, которая нужна, чтобы склонить его к сотрудничеству; или ты вынудишь меня провести эту процедуру перед всем Конклавом — в таком случае Эрланд будет унижен.

Они уставились друг на друга через стол, и ни тот, ни другой не отводил взгляда.

— А что, если ты не сможешь убедить его? — наконец спросил Стефан. — Ты же знаешь, каким он может быть упрямым.

— Если он поверит, что я нахожусь в контакте с теми людьми, у него не останется другого выбора, кроме капитуляции.

Магистр грустно улыбнулся:

— Ты его плохо знаешь. Ему не нравится сдаваться при любых обстоятельствах.

— Вообще я знаю его лучше, чем ты думаешь. Найди мне этих людей, Стефан. А за остальное не беспокойся.

Он заколебался, но лишь ненадолго:

— Хорошо. Дай мне день или два.

Кайлин улыбнулась, удивленная тем, какое облегчение она испытала:

— Спасибо.

— Не нужно меня благодарить. Как я тебе уже говорил, что бы я ни делал по твоей просьбе, я делаю это ради Тобин-Сера, Лиги и Эрланда.

— Да, я знаю, — сказала она. — Как я уже говорила, я благодарна тебе в любом случае.

Старик улыбнулся при этих словах:

— Надеюсь, что все получится.

Она встала и направилась к выходу.

— Да хранит тебя Арик, — сказал он ей вслед. — Племянница.

17

Я не знаю, много ли сведений ты получаешь о событиях в Лон-Сере, помимо тех, которые посылаю тебе я. Перед поездкой в мою страну ты не получал никаких; по крайней мере, ты мне так говорил. Но благодаря купцам, регулярно путешествующим между Тобин-Сером и Лон-Сером, это положение, кажется, изменилось. Насколько мне известно, ты узнал о смерти Шивонн задолго до того, как услышал о ней от меня.

Вот почему я посылаю тебе это коротенькое письмо так скоро после предыдущего. Здесь происходит много такого, чего я пока не могу объяснить тебе, но я хочу, чтобы ты знал о том, что на самом деле происходит в Брагор-Нале. По крайней мере, на данный момент не верь ничему, если ты узнаешь это не от Джибба, Премеля или меня. Прости за таинственность. Надеюсь, ты доверишь мне, когда я говорю, что это совершенно необходимо.

Да хранит тебя Арик, Оррис. Никогда не забывай, что я люблю тебя.

*От Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 4, неделя 7, весна, год 3068*

Он бы не выбрал Хонида. Джибб мог бы припомнить как минимум трех других лордов, которые были умнее, храбрее и искуснее в обращении с оружием. Но не ему было это решать; Мелиор предоставила это Добу, и Доб выбрал Хонида.

По крайней мере, в одном отношении это имело смысл. Хонид управлял Вторым кварталом, который граничил с бывшим кварталом Мелиор — Четвертым. Эта территория была знакома всем, но не настолько, чтобы вызвать подозрения Марара. Доб также старался изо всех сил уверить Мелиор в том, что Хонид был самым честным лордом в доминионе, и, хотя несколько лет назад Джибб счел бы невозможным положиться на слово Доба в подобном вопросе, сейчас оно значило много для них обоих.

И все-таки почему Хонид? Ему это не нравилось. Конечно, ему и весь план не нравился, но это — другое дело.

— Ты ужасно молчалив, — сказала Мелиор, сидевшая рядом с ним в длинном черном мобиле, который мчался на север по Верхней дороге. — Думаешь о чем-то?

Джибб пожал плечами и открыл рот, чтобы ответить. Но, заметив Премеля, сидевшего напротив них, передумал.

— Нет, — ответил он низким голосом. — Ни о чем не думаю.

Премель на мгновение пристально взглянул на него, а затем шевельнулся, поворачиваясь к окну.

— Хорошо, — беззаботно сказала Мелиор, но если вы будете мрачными и угрюмыми, сегодняшний день грозит стать на редкость тоскливым.

— Тоскливым? — повторил Джибб, не веря тому, что слышит. — Вы что, издеваетесь? Мы отправляемся в квады, чтобы инсценировать...

Он замолчал, чувствуя, что начинает горячиться. Она смеется над ним, как всегда в подобные моменты.

Она медленно покачала головой, а на лице ее по-прежнему сохранилась улыбка. Ну почему она так красива?

— Ты должен перестать быть таким серьезным, — сказала она. Потом взглянула на Премеля. — Он всегда был таким: таким серьезным, таким обязательным.

«Не всегда, — хотел он сказать. — Только с тех пор, как я с тобой. Только с тех пор, как ты доверила мне свою жизнь». Но он промолчал. Он знал, что она пытается сделать, и не хотел, чтобы ей это удалось. Они с Премелем сказали друг другу все, что им нужно было, еще в лифте.

Премель, похоже, испытывал те же чувства. Он вежливо посмеялся над словами Правительницы, но не приложил никаких усилий, чтобы продолжить разговор. А спустя минуту снова отвернулся к окну.

Мелиор посмотрела на них обоих, а затем, сжав губы в тонкую линию, снова покачала головой.

— Прекрасно, — тихо проговорила она. — Мне все равно, что вы делаете. Пока ПСБ продолжает функционировать, оправдывая мои ожидания, я вообще могла бы интересоваться этим поменьше.

Джибб снова взглянул на Премеля, но охранник продолжал внимательно рассматривать улицы Наля, проносящиеся за окном. След от удара начал проходить, но все еще был весьма заметен и, видя его, Джибб не мог не хмуриться. Он знал: эта ссадина заставила удивленно поднять брови многих охранников, а Мелиор, у которой не было ни малейших сомнений, откуда она взялась, вышла из себя. Джибб понимал, как глупо все получилось, — если он хотел ударить Премеля, надо было бить в живот, где синяков никто бы не увидел. Джибб не то чтобы не хотел унижать Премеля, но он не мог себе позволить подвергнуть риску безопасность Мелиор, давая другим предателям возможность заподозрить неладное. Он горячо извинялся перед ней, и она, конечно, его простила. Но он не мог перестать беспокоиться о том, что непоправимое уже произошло.

Они, казалось, целую вечность ехали, ни о чем не говоря и глядя в окно. Через некоторое время Джибб прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза, безуспешно пытаясь заснуть.

— Вам обоим хотя бы ясно, что мы должны делать? — спросила Мелиор, неожиданно нарушая молчание.

— Мне все ясно, — ответил Премель, когда Джибб повернулся к ним. — Но мне это не нравится.

Джибб быстро посмотрел на него, затем отвел взгляд. Он хотел сказать то же самое.

— Какая жалость, — сказала Правительница. — Но мы это сделаем, нравится тебе это или нет. Кстати, если бы не ты, у нас бы с самого начала не было всех этих неприятностей.

Премель покраснел и снова отвернулся к окну, ничего не ответив.

— Ты ему веришь? — спросила Мелиор у Джибба.

Генерал прочистил горло.

— Вообще-то, — сказал он, чувствуя себя неловко, — я в этом не уверен.

— Прекрасно, — сказала Мелиор. — Вы друг другу за последние дни и двух слов не сказали, и единственное, на чем вы сошлись, так это на том, что я поступаю неправильно.

Джибб покачал головой:

— Я этого не говорил. Независимо от того, что я думаю о самом плане, я не уверен, что Хонид со своими людьми — самая подходящая кандидатура для этого дела.

— Доб говорит, что во всем доминионе Хонид заслуживает наибольшего доверия.

— Это, может быть, и так, — сказал Премель, — Но нам нужен не просто честный человек, — И снова его лицо покраснело, и он посмотрел на Джибба в поисках поддержки. Ему действительно было очень неудобно спорить на эту тему.

— Думаю, мысль Премеля заключается в том, что Хониду и его людям придется быть очень точными при стрельбе, и, хотя никто из нас не сомневается в их верности, они могут не справиться с заданием из-за недостаточно хорошего владения оружием.

— Совершенно верно, — добавил Премель.

Мелиор посмотрела на них обоих, словно взвешивая то, что они говорили ей.

— Ну что ж, — наконец сказала она. — Наверное, поэтому я и взяла вас с собой.

— Нас двоих может не хватить, — сказал Джибб. — У меня только одна здоровая рука,

а он... — Джибб замолчал.

— Что он, Джибб?

— Он предатель, — сказал Премель, заканчивая эту мысль.

— И ты собираешься снова нас предать?

— Нет, Правительница, не собираюсь, — ответил Премель. — Но, несмотря на все мои заверения, с вашей стороны было бы глупо поверить мне, особенно при таких чрезвычайных обстоятельствах.

Она с минуту внимательно смотрела на него, прежде чем снова повернуться к Джиббу:

— Ты это хотел сказать?

— В целом, да.

Она кивнула и стала смотреть в окно. Они приближались к огромным стеклянным зданиям Фермы. Теперь уже недолго осталось.

— Я не беспокоюсь о Хониде и его людях, — сказала она после продолжительного молчания. — Я полагаюсь на мнение Доба. О твоей руке, Джибб, я тоже не беспокоюсь. Я бы доверила тебе защищать меня, даже если бы у тебя обе руки ни на что негодились. И может быть, я сошла с ума, но я не думаю, что Премель снова нас предаст. — Она покачала головой. — Нет, все это меня не беспокоит. — Она снова повернулась к ним, и ее лицо выглядело бледным. — А вот то, что вы оба почти не разговариваете, действительно меня беспокоит, потому что, если что-то пойдет не так и нам нужно будет действовать быстро, это может стоить нам жизни. Так что можете проводить время, которое у нас осталось, обдумывая, как вы будете уживаться с собственной совестью и друг с другом, если из-за вашего упрямства и гордости меня убьют.

Она снова отвернулась от них, и Джибб обнаружил, что они с Премелем смотрят друг на друга, не отводя взгляда.

— Ты помнишь, о чем мы говорили в лифте несколько дней назад? — наконец спросил Джибб.

— Да.

— Может быть, я смогу заставить себя доверять тебе, хотя бы в этом деле.

Премель кивнул:

— Хорошо.

— Но если ты разочаруешь меня, Премель, если ты дашь повод думать, что снова собираешься предать нас, — я убью тебя на месте, как должен был сделать сразу же.

Последние слова Джибб сказал специально для Мелиор, но она никак не показала, что слышала его.

— Понимаю, — ответил Премель, кивая вторично. — А что если я не разочарую тебя? Что если я сделаю как раз то, что ты с Правительницей ожидаешь от меня? Начну ли я тогда снова завоевывать твое доверие?

Если бы Мелиор там не было, он бы, наверное, ударил его. Он предлагал Премелю способ искупить свою вину, по крайней мере до некоторой степени, а Премель уже претендовал на большее. Он свирепо посмотрел на охранника, чтобы тот увидел, насколько он зол, но тот никак не прореагировал. Некоторое время спустя Премель опустил взгляд.

Вскоре водитель Мелиор съехал с Верхней дороги и направил мобиль в битком набитые квады Второго квартала.

Джибб внезапно насторожился и выпрямился на своем месте. Он посмотрел в заднее окно, чтобы убедиться, что автомобиль больших размеров, в котором размещалось два взвода его лучших людей, по-прежнему едет за ними. Видя, что все в порядке, он кивнул и снова стал смотреть вперед. Его рука скользнула к лучемету, укрепленному на бедре, и прикосновение к холодному металлу придало ему дополнительной уверенности. Премель, как он заметил, тоже выпрямился, а Мелиор положила обе руки на свой посох, словно красный камень, вделанный в него, был способен защитить их от тех, кто мог напасть.

Водитель почти сразу же свернул с главной улицы и несколько раз сворачивал переулками, пока они не добрались до заднего входа в дом Доба. Второй мобиль остановился

сразу за ними.

Доба еще не было, по крайней мере, не было никаких признаков присутствия его мобиля или людей, и Джибб почувствовал, что его дурные предчувствия усиливаются, а вместе с ними растет и его злость. Да кто такой Доб, чтобы заставлять Правительницу ждать, когда она так узвима?

— Ничего страшного, — тихо произнесла Мелиор, осторожно кладя ладонь на его руку. — Он появится.

И в следующее мгновение, словно ее заверения оказались пророческими, два мобиля въехали в проход, оба — большие и черные. Они остановились рядом с мобилем Мелиор и того, в котором были люди Джибба, и Доб вылез из мобиля в сопровождении дюжины своих людей, которые были одеты в черную форму все до одного.

Увидев Доба, Премель внезапно побледнел.

— Он? — Он заколебался, словно не зная, как продолжить.

Мелиор мягко улыбнулась:

— Он знает лишь то, что было покушение на мою жизнь и что мы здесь для того, чтобы изобразить перестрелку. Больше я ему ничего не сказала.

— Благодарю вас, Правительница, — чуть слышно произнес Премель.

Мелиор кивнула.

— Я буду готова, когда и ты, — сказала она Джиббу.

Он вытащил рацию из мундира и нажал на кнопку сбоку.

— Правительница готова, — произнес он. — По местам.

Незамедлительно дверцы мобиля позади них открылись, и двенадцать человек в голубой форме ПСБ появились из автомобиля и стали полукругом около мобиля Мелиор.

— Мы готовы, генерал, — сообщил один из командиров взвода по рации.

Джибб повернулся к Мелиор:

— Они на месте, Правительница.

Она перевела дух и мельком улыбнулась им обоим:

— Начнем. — Она прикрыла дверцу, но затем остановилась. — Держите себя в руках, — сказала она неожиданно низким голосом.

Все трое вышли из мобиля и направились по переулку к Добу. Джибб осматривал крыши и окна в поисках убийц; то же самое, как он заметил, делал и Премель.

— Здравствуй, Доб, — приветствовала его Мелиор, — Приятно снова видеть тебя.

— Это и мне очень приятно и большая честь для меня, Правительница, — ответил он, улыбаясь и кланяясь подобающим образом. Теперь он был оверлордом Мелиор — не самым сильным, но в то же время и не самым слабым — и был элегантно одет в черное, как и положено оверлорду. Его длинные черные волосы были с проседью, и он завязывал их узлом на затылке. С тех пор как Джибб видел его в последний раз, у него появилась борода, с такими же седыми прядями, как и на голове, и генерал должен был признать, что Доб выглядел весьма достойно. Но для Джибба Доб навсегда оставался ловким бандитом, который с помощью Седрика отобрал у него квартал, принадлежащий Мелиор.

По всей видимости, Доб испытывал похожие чувства, потому что, когда он затем повернулся к Джиббу, он казался значительно менее уверенным в себе.

— Доброе утро, генерал, — сказал он, избегая взгляда Джибба. — Мы польщены вашим присутствием в нашем доминионе.

— Спасибо, Доб. Для меня большое удовольствие — быть здесь.

— Ты помнишь Премеля, не так ли, Доб? — спросила Мелиор, небрежно показывая на охранника. — Заместителя Джибба?

— Да, конечно.

— Премель — временный глава ПСБ на то время, пока рука Джибба не заживет.

— Хорошо, — произнес Доб, кивая. — Я слышал о вашем ранении, генерал. Мне очень жаль. Я также слышал, — добавил он, поворачиваясь к Премелю, — что мы обязаны тебе спасением жизни генерала.

Премель слегка нахмурился, но не отвел взгляда:

— Это — несколько преувеличенные сведения.

— Нет, не преувеличенные, — поправила Мелиор, на мгновение метнув взгляд на Джибба. — Премель просто скромничает, Доб. Не обращай на него внимания.

— Какова обстановка, Доб? — спросил Джибб, пытаясь сменить тему.

Доб еще мгновение смотрел на Мелиор и Премеля, прежде чем ответить на вопрос.

— Хонид и его люди организовали налет на Третий квартал прошлой ночью. Они убили несколько человек, произвели немалые разрушения в нижних этажах зданий и захватили большой склад с гранатами и лучеметами.

Джибб знал, что по большей части это было правдой. Они инсценировали набег за ночь до этого, чтобы дать Мелиор повод здесь появиться. Кардену, лорду Третьего квартала, мало что объяснили. Его предупредили, что произойдет набег, и ему была обещана щедрая компенсация, если тот позволит набегу быть успешным, благодаря внешне эффективной, но на деле слабой обороне. Согласно всем донесениям, он постарался на славу. Были изготовлены подложные трупы. Мелиор настояла на этом. И хотя они преуспели и в этой военной хитрости, Джибб не имел ни малейшего желания узнавать, как они этого добились.

— Так вот почему вы вызвали сюда Правительницу и генерала? — спросил Премель, хорошо исполняя отведенную ему роль. — Чтобы разобраться с вероломным лордом!

Доб пристально посмотрел на него:

— Нет. Я пригласил Правительницу, потому что Хонид сделал кое-что еще — нечто, относящееся к ней лично.

— И что же? — спросил Джибб, позволяя нотке нетерпения проскользнуть в своем голосе.

— Он также напал на собрание Сети. Кажется, он со своими людьми убил девятих гилдринов.

Несколько секунд никто из них не говорил ничего, хотя Джибб заметил, как несколько людей Доба шепчутся между собой.

— С чего бы ему это делать? — наконец спросила Мелиор. Она выглядела бледной и, казалось, дрожала.

Джиббу пришлось сдерживать улыбку. Это не должно было его удивлять; как-никак она была до нелепого хороша во всем, что бы она ни делала. Почему же сейчас должно быть иначе?

Доб покачал головой:

— Я не знаю, Правительница. Вот почему я и связался с вами. Хонид, кажется, решил не только бросить вам вызов, но и выставить напоказ это неповиновение, нападая на ваших людей. Я подумал, что вы захотите поговорить с ним сами.

Джибб не воспользовался бы подобной историей. Уж слишком много в ней было неувязок, начиная с очевидной: почему бы Добу и его людям было самим не поймать Хонида, а затем не доставить отступника в Золотой Дворец? Но Мелиор решила незамедлительно выяснить, что собирается делать Марар, оставляя им слишком мало времени на подготовку. И это оказалось самым лучшим, что они успели придумать.

— Прекрасно, — сказала она, кивнув. — Доб, я хочу, чтобы твои люди расположились вокруг дома. Никто не должен входить или выходить, пока я там. Понял?

— Да, Правительница.

— Джибб, Премель, вы с вашими людьми пойдете со мной. Мы будем брать здание. Как только Хонида и его людей разоружат, охранники займут первый этаж, пока мы трое и Доб будем говорить с нашим мятежным лордом.

— Я? — спросил Доб с глазами, расширившимися от показной тревоги, которая также была отрететирована заранее.

— Да, Доб. Я здесь потому, что тебе не удалось удержать под контролем одного из твоих лордов. Кажется, правильное всего будет, чтобы и ты с ним встретился.

— Но...

— Джибб?

В ответ Джибб кивнул, и Премель вытащил лучемет и направил его Добу в сердце.

— Хорошо, — быстро сказал оверлорд. — Я согласен.

Правительница оглядела мужчин, стоящих рядом с ней в переулке.

— Вы все знаете, что вам делать. Начнем.

Премель выкрикнул приказ, и через мгновение фаланга бойцов во главе с Мелиор, Джиббом, Добом и им самим вошла через черный ход в дом. Почти сразу, как только они переступили порог здания, вспышка красного огня пронизала воздух над ними.

— Засада! — крикнул один из бойцов. Все мгновенно бросились на пол и открыли ответный огонь.

Люди Хонида также продолжали стрельбу, хотя очень старались не обнаружить себя, и в течение нескольких минут здание казалось полностью охваченным огнем от неутихающей перестрелки.

Джибб старался держаться поближе к полу и оставался рядом с Мелиор. Это было самой опасной частью их плана. Его люди понятия не имели, что имеет место инсценировка — если среди них был второй предатель, было крайне необходимо, чтобы он поверил в реальность происходящего. Пока людям Хонида удавалось оставаться необнаруженными и они не убили ни одного из бойцов, все должно было получиться и никто не мог пострадать. Но как только...

— Там! — крикнул один из бойцов, указывая на что-то, находящееся над ними. Через мгновение еще трое бойцов начали стрелять в направлении, указанном первым.

— Прекратите огонь! — раздался крик сверху.

— Не раньше, чем вы сдадитесь и отведете нас к Хониду! — ответил Премель. — Сама Правительница пришла, чтобы поговорить с ним!

— Лорд ушел! — послышался другой голос. — Он направился в туннели, как только вы вошли! Прекратите огонь!

— Бросайте оружие! — приказал Премель.

Стрельба прекратилась, и мгновением позже Джибб услышал звук от лучеметов, падающих на ступеньки и на первый этаж.

— Подберите их! — крикнула Мелиор, бросаясь к проходу в туннель на противоположной стороне здания. — Не позволяйте никому из них сбежать, но не причиняйте им вреда! Джибб, Премель и Доб, за мной!

Все трое предвидели этот приказ и были готовы последовать за ней. Любой, кто знал их, ожидал бы этого. Невероятно, но пока их план удавался.

Добравшись до низкой двери, Мелиор распахнула ее и погрузилась в темноту, держа свой посох перед собой. Все трое последовали за ней, спускаясь по ступенькам в вонючую неподвижную атмосферу туннеля.

Добравшись до основания лестницы, они повернули направо и устремились к первому крутому повороту. Но там они остановились. Хонид ожидал их, его блестящая лысая голова сверкала в тусклом свете туннеля, а на его квадратном лице застыла кривая улыбка.

— Добро пожаловать в туннели, Правительница. Кажется, вы не бывали тут некоторое время.

Мелиор холодно посмотрела на него:

— Пока ты все делал отлично, Хонид. Не губи теперь все своей самонадеянностью.

Его улыбка внезапно исчезла.

— Приношу извинения, Правительница. Я не хотел никого оскорбить.

— Ты ведь ни с кем об этом не говорил, правильно?

— Только с пятью своими людьми, Правительница. И я лично ручаюсь за их молчание.

— А если они не оправдают твоего доверия?

Хонид снова улыбнулся:

— Я пообещал каждому из них медленную и тяжелую смерть.

Мелиор пристально смотрела на него, до тех пор пока его улыбка снова не угасла и он

не стал суетиться.

— Очень хорошо, — сказала она. Затем повернулась к Джиббу. — Отныне мы с тобой мертвы. — Она оглянулась через плечо. — Хонид, боюсь, что и ты являешься трупом, по крайней мере на данный момент. Премель всех нас убил, и они с Добом пришли к соглашению. Премель возьмет руководство над ПСБ и в нужный момент бросит все силы Службы Безопасности для поддержки усилий Доба стать Правителем. — Она повернулась к Добу. — По крайней мере, такая история должна распространиться по квадам в ближайшие день или два.

— Хорошо, — сказал Доб. — Но мы можем здорово влипнуть, пытаясь обдурить кого-то. Я бы хотел знать кого.

— Это тебя не касается.

Джибб вздрогнул от тона Мелиор, и, быстро посмотрев на Доба, он даже при тусклом освещении увидел, что лицо оверлорда покраснело.

Казалось, Мелиор тоже это заметила.

— Извини, Доб, — сказала она, переводя дыхание. — Это было нечестно с моей стороны после всего того, что ты сделал. Ты имеешь право знать цель операции, как и Хонид, но я вынуждена попросить вас быть терпеливыми. Прямо сейчас я не могу сказать. Чем меньше людей в курсе дел, тем лучше.

Доб сохранил полнейшую неподвижность, избегая смотреть Мелиор в глаза.

Она шагнула вперед и положила ладонь на его руку. Возможно, это было игрой света от ее красного камня, но казалось, что оверлорд от этого почувствовал себя еще более неудобно.

— Обещаю тебе, Доб, как только я смогу рассказать тебе, я расскажу. Прошу тебя понять.

Он неохотно кивнул и на мгновение встретился с ней взглядом.

Она улыбнулась и пожала ему руку:

— Спасибо.

— Что дальше? — спросил Премель.

— Сначала вы с Добом должны пострелять немного в разных местах туннеля. На стенах должны быть следы от лучей, и ваше оружие должно быть теплым. Как-никак вы участвовали в перестрелке. — Она снова улыбнулась, хотя только на секунду. — Затем вы оба вернетесь в дом Хонида и скажете всем, что произошло. — Она повернулась к Хониду. — Твои люди получили указание делать вид, что пытаются занять твоё место, верно?

— Да, Правительница.

— Хорошо. Премель, я хочу, чтобы ты взял ситуацию под контроль. Веди себя так, как будто ты все время хотел занять место Джибба. Если кто-нибудь из бойцов бросит тебе вызов, отстаивай свои права; дай ясно понять им, что ПСБ теперь за тобой. Очевидно, тебе никому не следует позволять спускаться сюда — скажи им, что ты проведешь официальное расследование обстоятельств нашей смерти. Не беспокойся, что это будет выглядеть подозрительно. Это могло бы сыграть нам на руку.

— Как вы с Джиббом собираетесь вернуться во дворец?

— Ты отвезешь нас.

— В вашем мобиле? — спросил Премель. — А ваш водитель?

— Виан? — уточнила Мелиор. — А что он?

— Вы ему доверяете?

— Полностью. Виан был со мной дольше, чем любой из вас. Даже дольше, чем ты, Джибб.

— Быть с вами долгое время необязательно что-то значит, — многозначительно сказал Джибб.

Премель стиснул зубы, но больше никак не прореагировал.

— Не беспокойся о Виане, — сказала Мелиор. — Просто делай то, что я тебе велела. —

Она повернулась к Премелю. — Ты должен уйти из дома Хонида последним. Опечатай его для коронера — ему уже заплачено — и убедись, что никто больше не вошел. Затем возьми мой мобиль; мы будем ждать тебя в четырех квадрах к востоку отсюда на перекрестке малолюдных дорог.

— Все это кажется слишком нетрудным.

Мелиор усмехнулась:

— Тебе легко говорить. Ты ведь не мертв, как мы.

Все засмеялись, но смех быстро умолк.

— Пошли, — сказала Мелиор мгновением позже. — И не забудьте выстрелить несколько раз из своего оружия.

— Да, Правительница, — сказал Премель. — До скорой встречи. — Он с торжественным видом повернулся к Джиббу. — Генерал...

Джибб ничего не ответил, но через несколько секунд кивнул.

Премель открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но затем, похоже, передумал, и вместо этого они с Добом стали удаляться, разряжая оружие в стены туннеля.

— У нас уйма времени, — сказала Мелиор, поворачиваясь к Джиббу, — но я была бы не против отправиться к месту встречи прямо сейчас. Нам нужно пойти в обход, чтобы нас не видели.

— Хорошо.

Джибб огляделся, пытаясь сориентироваться.

— Сюда, — сказала она, показывая направо своим посохом. Он бы не выбрал это направление, но был уверен, что она права. Он провел много времени в туннелях, когда был изгоем, и научился путешествовать по ним давным-давно. Но его знание туннелей было приблизительным, неточным. Мелиор была единственной из всех, кого он когда-либо встречал, которая всегда точно знала, где находится. В бытность ее лордом ее способность путешествовать по туннелям вошла в легенду, увеличивая уже и без того грозную репутацию.

— Что вы хотите, чтобы я сделал, Правительница? — спросил Хонид. Джибб забыл, что и он был с ними, и Мелиор, кажется, тоже.

— Хороший вопрос, Хонид. Кажется, я должна исчезнуть из твоего поля зрения на некоторое время. Всего на пару дней.

Лорд кивнул, хотя он и не казался слишком довольным.

— Вы хотите, чтобы я остался в туннелях, — сказал он.

— Только в качестве последнего прибежища, — хмурясь, ответила Мелиор. — У тебя должны быть убежища, где бы ты мог спрятаться, куда ты пойдешь, когда дела примут слишком жаркий оборот.

Он уставился на нее с озадаченным видом.

— У меня были кое-какие, когда я был изгоем, — ответил он наконец. — Но ни в одном из них я не был уже много лет.

— У тебя нет ни одной подходящей норы?

— А зачем это ему? — мягко спросил Джибб. — Теперь быть лордом не то, что раньше. Наль изменился.

Она резко взглянула на него, словно подумала, что он ее критикует. Но через мгновение она слегка наклонила голову, соглашаясь с его доводом. Возможно, она даже улыбнулась.

— Ну что ж, это вроде бы создает Хониду некоторые проблемы, не так ли? С нашей стороны было бы нехорошо бросать его в туннелях, чтобы он сам выкручивался.

— Действительно, нехорошо, — согласился Джибб. — Мы могли бы взять его с собой во дворец. Уж там-то он был бы в безопасности.

Лицо Мелиор просветлело.

— Прекрасная мысль. Ты был когда-нибудь гостем Правительницы? — спросила она лорда.

Хонид застенчиво улыбнулся:

— Нет, никогда.

— Тогда решено. Ты пойдешь с нами.

— Правительница, генерал, благодарю вас.

Они примерно час шли по закоулкам туннелей, но все время двигаясь на запад. И когда наконец Мелиор повела их вверх по лестнице, возможно, пятнадцатой, которую они видели, после того как покинули дом Хонида, Джибб был изумлен, обнаружив, что они попали как раз туда, куда нужно. А лорд совершенно лишился дара речи.

— К-как? — наконец удалось ему спросить Джибба шепотом.

Генерал пожал плечами.

— Ведь это — Мелиор И Лакин, — словно это все объясняло.

Казалось, Хонида это не удовлетворило.

— Как она мне говорила, существует схема туннелей.

— Схема? Я ее никогда не видел.

— Я ее тоже не нашел. По всей видимости, структура туннелей повторяется примерно через каждые шесть квадов. Секрет состоит в том, чтобы выяснить, где ты находишься, и следить за направлением.

Лорд покачал головой.

— Схема, — усмехнулся он. — Наверное, вот почему она — Правительница.

Джибб засмеялся:

— Теперь ты знаешь, как я себя чувствую каждый день.

Все трое почти час ждали у входа в узкий переулок, прежде чем наконец показался мобиль Мелиор. Оглядевшись, чтобы убедиться, что их не видно, они поспешили сесть в него.

— Поехали! — крикнула Мелиор водителю, едва Джибб захлопнул за ними дверцу. Мобиль рванул вперед, выехал из переулка, и через несколько минут они уже мчались к Золотому Дворцу.

— Докладывай, — приказала Правительница, усевшись поудобнее. — Все прошло нормально?

— Кажется, все идет прекрасно, — ответил Премель удивленным тоном. — Я сделал, как вы мне велели. Никто не стал оспаривать мое право на ПСБ, и, мне кажется, все поверили в нашу историю. Доб оказал мне большую помощь. Он был очень убедителен. — Он взглянул на Хонида. — Существуют изменения в наших планах?

— Никаких изменений, которые бы имели отношение к тебе, — ответила Мелиор. — Хониду просто нужно где-нибудь спрятаться на несколько дней.

— Моя квартира опечатана?

— Да, и ваши люди уверили меня, что глаз с нее не спустят.

Хонид кивнул, хотя он казался немного обеспокоенным. Джибб ему посочувствовал. Даже несмотря на все изменения, происходящие в Нале, никому из лордов не нравится очень долго находиться за пределами своих жилищ и кварталов. Было известно, что даже самые надежные изгои предавали своих лордов при таких обстоятельствах.

— Что теперь? — спросил Премель, снова глядя на Мелиор.

— Поговорим во дворце, — ответила она, метнув взгляд в направлении Хонида. — Достаточно сказать, что мы должны распространять слух. Ты меня понимаешь?

Премель заметно побледнел:

— Да, Правительница.

Оставшаяся часть пути в Золотой Дворец прошла без разговоров. Хонид и Премель, казалось, были слишком погружены в размышления, чтобы говорить, и, хотя Джиббу хотелось поговорить с Мелиор о Мараре и ее планах относительно Премеля, он не мог свободно говорить в присутствии обоих мужчин.

Подъехав ко дворцу Мелиор, Джибб и Хонид пробрались внутрь через вентиляционную шахту. Премель воспользовался главным входом. Оставив Хонида в

маленькой комнате на подземном этаже, Мелиор с Джиббом пробрались в покои Премеля и сразу же велели ему связаться с Мараром.

— Что мне ему сказать? — спросил Премель. Он казался напуганным.

— Мы уже это проходили, Премель. Это не так трудно. Просто скажи ему, что мы с Джиббом мертвы, потребуй свое золото и закончи разговор. Легче ничего и быть не может.

При этих словах охранник улыбнулся, Джибб тоже. Для нее это может быть и легко. Как и все остальное. Но, несмотря на свои чувства к Премелю, Джибб не мог не пожалеть его хотя бы чуть-чуть. Тяжело звонить Марару, особенно когда твоя Правительница и твой командир сидят за столом напротив.

— Хорошо, — сказал Премель, обращаясь к самому себе и к Мелиор. Он наклонился вперед, чтобы набрать код Марара на говорящем экране.

— Премель, — сказала Мелиор, останавливая его.

Он поднял взгляд на нее и стал ждать.

— Веселее. Независимо от того, что произойдет, это твой шанс поквитаться с ним. Сделай это для меня и для Джибба.

Премель кивнул. Затем, снова глядя на экран, он набрал номер.

Джибб и Мелиор молча сидели рядом. Сердце у Джибба билось так сильно, что он даже стал беспокоиться, как бы Марар его не услышал.

Через несколько минут Марар наконец ответил на вызов Премеля.

— Да, Премель. В чем дело?

На лице охранника промелькнула улыбка.

— Вы, кажется, не очень рады меня видеть, Правитель.

— А я должен радоваться? Кажется, я тебе сказал, что не хочу ничего от тебя слышать, пока ты не сделаешь дела.

— Я тоже это помню.

— Так ты хочешь сказать, что?..

— Они мертвы, Правитель. По официальной версии, они погибли сегодня днем в перестрелке с вероломным лордом, который тоже погиб. Само собой разумеется, вы можете получить подтверждение их смерти из любого источника, какой имеется в вашем распоряжении.

— Я так и сделаю, — удивленно ответил Марар. — Никто не видел, как ты это делал?

— Только один человек — это Доб, оверлорд, который хочет заменить Мелиор на посту Правителя.

— Ты ему доверяешь?

— Я никому не доверяю, — ответил Премель, обнажая зубы в жестокой усмешке. — Даже вам, и уж конечно Добу. Но ему нужна помощь ПСБ, чтобы стать Правителем, а сейчас я руковожу ей.

— Ну что ж, Премель, должен сказать, что для человека, который, казалось, неохотно выполняет мои приказы, ты не замедлил воспользоваться ситуацией.

— Не буду обманывать вас, Правитель, я был напуган. Я сделал это ради золота, но вы предлагали мне гораздо больше. Вы давали мне возможность удовлетворить все мои честолюбивые замыслы, и это пугало меня. Но после нашего последнего разговора я понял, что устал бояться, устал оттого, что меня используют и мной манипулируют другие люди, включая вас.

— В смысле?

— В том смысле, что я теперь — глава ПСБ и мне необходимо мое золото. И если возникнут еще какие-нибудь задержки в его доставке мне, я воспользуюсь всеми средствами, которые имеются теперь в моем распоряжении, чтобы получить его.

Мелиор и Джибб обменялись взглядами. В подходе Премеля заключался определенный риск, но Марар вполне мог на это клюнуть. И охранник выглядел гораздо убедительнее, чем на днях, когда Марар звонил ему.

— Я, конечно, понимаю твоё желание побыстрее получить вознаграждение, Премель.

Но тем не менее ты должен учесть, что мне нужно проверить то, что ты сообщил, прежде чем заплатить тебе.

— Конечно, Правитель. У вас есть на это один день.

Марар засмеялся:

— Один день? Вряд ли я успею проверить твои слова и тем более связаться со своими курьерами. Мне понадобится как минимум три дня, и даже этого хватит с трудом. Кроме того, если ты — глава ПСБ, что тебе теперь мое золото? По сравнению с тем, что у тебя будет, это ничто.

— Возможно, вы правы. Но я рассматриваю это как возможность проверить вашу порядочность. Вы должны мне. Независимо от того, кто я сейчас или даже кем я стану, у нас был уговор. И я ожидаю, что вы отнесетесь к нему с уважением. Даю вам два дня.

— Премель, не стоит так начинать новую стадию наших отношений.

— Что еще за новую стадию?

— Раньше я давал тебе работу. А сейчас, мне кажется, мы готовы стать партнерами.

— При всем своем уважении к вам, я скоро буду партнером нового Правителя Брагор-Наля. Что можете предложить мне вы, чего не в состоянии дать он?

Мелиор с Джиббом снова переглянулись, и на этот раз она широко улыбалась, а глаза ее удивленно расширились от того, в какое русло направил разговор Премель.

Наступило долгое молчание, и Джибб затаил дыхание в ожидании ответа Марара. Премель, как он видел, тоже.

— Позволь мне спросить у тебя кое-что, — наконец произнес Правитель. — Ты когда-нибудь встречался с магом, тем самым, которого знала Мелиор?

— Магом?

Лицо Мелиор приобрело пепельно-серый оттенок, каким оно становилось всегда, когда кто-нибудь заговаривал об Оррисе. Но она кивнула так, чтобы Премель заметил это, не отводя глаз от экрана.

— Да, — ответил Премель. — Встречался.

— Он бы тебя вспомнил? Он бы тебе доверился?

Она снова кивнула.

— Думаю, да.

— В таком случае могу предложить тебе такие богатства, о которых ты даже и помыслить не мог.

Премель улыбнулся:

— Да ладно вам, Марар. Правитель Брагор-Наля сможет предложить мне гораздо больше золота, чем у Стиб-Наля есть во всех...

— Это золото не из Стиб-Наля, Премель. Оно из Тобин-Сера, и его будет все больше — больше, чем ты можешь вообразить.

Джибб увидел, как у Мелиор отвисла челюсть.

— Тобин-Сер? — спросил Премель. — Каким образом?

— Не думай пока об этом. Хочешь стать моим партнером или нет?

Премель оторвал взгляд от экрана, словно обдумывая это предложение, и стал ждать знака Мелиор. Через некоторое время она снова кивнула. Охранник выждал еще несколько секунд для пушного эффекта и затем повернулся к Марару.

— Да, — ответил он. — Хочу. Вышлите мне золото, и после того, как я его получу, мы обсудим это подробнее.

— Прекрасно.

Мгновение спустя Премель откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Все было проделано мастерски, — сказала ему Мелиор, хотя она была заметно обеспокоена. — Ты был очень убедителен.

— Благодарю вас, Правительница.

Премель взглянул на Джибба, и генерал заставил себя не отводить взгляда.

— Молодец, — неохотно признал он.

Премель улыбнулся во весь рот, глядя радостнее, чем следовало бы. Джибб собрался было сказать что-нибудь, чтобы слегка умерить его радость, но вместо этого снова переключил внимание на Мелиор. Она покачивала головой, ее безукоризненной красоты лицо все еще было бледным, а глаза расширены и полны тревоги.

— Что же ему нужно от Орриса? — спросила она низким голосом. — Кто в Тобин-Сере мог бы давать ему золото?

Он едва мог поверить в это. Естественно, ему придется проверить сообщенную Премелем новость через своих шпионов, но Премель не стал бы обманывать его, как бы сильно он ни хотел выпутаться из неприятного положения, в которое попал из-за своего предательства.

Мелиор мертва. И впервые за все время руководства Стиб-Налем в качестве Правителя у него был настоящий союзник в Золотом Дворце. По правде говоря, Премелю он не нравился, но несколько дополнительных слитков золота все уладят. Это небольшая цена за сотрудничество с главой ПСБ.

Марар улыбнулся — как ему было сдержаться, — встал из-за письменного стола и начал ходить по кабинету. Было бы гораздо легче, реши Премель стать Правителем, а не главой ПСБ. В этом случае Марар мог бы прекратить тщетные усилия завоевать доверие Вирсии и сосредоточить силы на улучшении взаимоотношений с Премелем. Но теперь ему придется ждать, чтобы увидеть, кто поднимется на трон в Золотом Дворце. И даже если это окажется Доб, о котором говорил Премель, нет никакой гарантии, что он будет поддаваться контролю легче, чем Мелиор. Он покачал головой. Нет. От Вирсии еще пока нельзя отделяться.

Остановившись около одного из своих окон, Марар стал смотреть на свои сады. Последние лучи солнца падали под острым углом на цветники, кусты и на все еще работающих там садовников в рубашках, придавая всему яркий золотистый оттенок.

Он не мог вспомнить, когда он в последний раз прогуливался мимо живых изгородей из цветов, лежащих перед ним, или по мягко извивающимся дорожкам в роще Стиба. Он так долго строит планы, что, кажется, вся его жизнь превратилась в серию переговоров по говорящему экрану: он отдает приказы Премелю, договаривается о доставке золота, спорит с Мелиор, ведет переговоры с Вирсией. Ему нужен отдых. Ему нужно время, чтобы расслабиться. А разве сейчас не самое подходящее время? Было недалеко до заката — его любимое время дня.

Он почти уже принял решение. Он даже направился к коммуникатору, которым он пользовался для вызова Бэйна, начальника службы безопасности. После того что он сделал с Шивонн, он не был готов выйти на такую прогулку без сопровождения.

Но затем он остановился. Сначала ему нужно поговорить с Вирсией. Вполне возможно, что смерть Мелиор будет событием, которое прочно скрепит их союз. Выгоды от союза между Матриархией и Стиб-Налем вряд ли будут когда-нибудь еще такими заманчивыми.

Вернувшись к письменному столу, он нажал на кнопку, которая соединяла с ней по говорящему экрану, и устроился поудобней на стуле.

Очень скоро она появилась перед ним.

Он с трудом сдержал улыбку. Не следовало слишком проявлять свою радость.

— Добрый день, Правительница.

— Здравствуй, Марар, — сказала она, и, казалось, она вовсе не взволнована его появлением у себя на экране.

— Ты здорова, я надеюсь.

— Вполне. Чего ты хочешь?

— Ты разве не слышала? — Было так трудно сохранять лицо бесстрастным.

Она наклонилась вперед, сузив глаза:

— Не слышала чего?

— Мелиор мертва.

— Что? — неожиданно перейдя на шепот, спросила она. Затем покачала головой. — Как это произошло?

— Кажется, ее убили в перестрелке. Она отправилась к мятежному лорду и больше не возвращалась.

— Ничего об этом не слышала. Когда это произошло?

— Сегодня утром.

— Странно, что ты об этом уже узнал.

Марар заколебался, и из дальних уголков его разума он услышал голос, который подсказывал, что он совершает ошибку, что ему нужно немедленно закончить этот разговор.

— Офицер разведки сообщил мне об этом несколько минут назад.

— В самом деле?

— *Выключи экран. Просто возьми и выключи.* Да. Он сказал, что сразу пришел ко мне, узнав об этом.

— И ты посчитал себя обязанным сообщить мне об этом, как только он ушел.

— *Это безумие! Скажи ей, что к тебе с визитом пришел один из лордов; скажи ей, что ты с ней свяжешься позже.* Мне показалось, что ты захочешь узнать. Если я ошибся, прости меня. — Он наклонился вперед, чтобы выключить экран, проклиная дрожание своей руки.

— Подожди, Марар.

Он замер и спустя мгновение неохотно убрал руку.

— Я хочу знать истинную причину того, почему ты со мной связался.

— Я ж только что сказал. Мне по...

— Я тебе не верю, — перебила его она. Она сжала губы, словно бы погрузившись в размышления.

Марар захотел сказать ей, что ему пора уходить, но она подняла палец прежде, чем он успел что-нибудь произнести, и покачала головой. Он почувствовал, что его левый глаз задергался, и ему пришлось подавить желание потереть его.

— Ты думал, что этим меня убедишь, не так ли? Думал, что известие о смерти Мелиор заставит меня объединиться с тобой?

— Я просто решил, что тебе следует знать, что случилось, Правительница, — сказал он. Он старался выглядеть возмущенным, но вся его поза казалась упорным отрицанием очевидного. *Вся затея была ошибкой.*

— Ты думал, это меня напугает, Марар? Ты хотел намекнуть, что меня постигнет та же участь, если я откажусь с тобой сотрудничать?

— Не понимаю, о чем ты?

— Это ты убил ее, не так ли?

— Конечно нет. Она погибла во время перестрелки в Брагор-Нале!

— Но ты устроил ее. — Она безрадостно усмехнулась. Ее квадратное лицо выглядело бледным, но страха в голубых глазах не было. Только ярость. — Она все время была права, не так ли? Ты послал бомбу, убившую Шивонн, и ту, которая едва не убила Мелиор. А сегодня тебе наконец удалось уничтожить ее.

— Не смейся! — Он был в отчаянии.

— Ты подвел меня к мысли, что она убила Шивонн, а затем инсценировала взрыв в Золотом Дворце. Но сейчас она мертва. Что я должна думать? Что она и это тоже подстроила? Или что она говорила правду? Что именно ты все время пытался убить их обеих.

— Ты, видно, рехнулась с горя, Вирсия, — сказал он, пытаясь сохранить хотя бы крупицу достоинства и доверия к себе. — Я поговорю с тобой в ближайшие дни, после того как ты сможешь успокоиться.

— Не утруждай себя, Марар. Мы встретимся на следующем заседании Совета и сможем обсудить это с новым Правителем Брагор-Наля.

Она выключила пульт управления, и экран сделался черным.

— О боги! — пробормотал он, также выключив пульт управления. Он положил локти на стол и уронил голову на руки. Столько усилий приложено, чтобы заслужить доверие Вирсии. И он уничтожил все это за считанные минуты. Как он мог оказаться таким глупцом? Теперь придется и ее убить тоже.

Мгновение спустя экран пикнул. Ему бы хотелось не обращать на это внимания, но... Но он пикнул снова. Марар ткнул в него пальцем. Но не попал по кнопке. Затем ткнул еще раз.

С первого взгляда он не узнал лица, появившегося перед ним. Они разговаривали один раз, несколько месяцев назад, когда этот человек впервые согласился работать на него. С тех пор он многого не сделал — лишь изредка передавал Марару крупницы информации, за которые Монарх платил ему слиток или два золота. Только недавно Марар начал думать о нем как о человеке, который может помочь ему в более значительной степени. Потому что только недавно Марар осознал важность того, что и Джибба надо было убить тоже.

А этот человек ненавидел Джибба. Марар точно не знал почему. Вроде как из-за единокровного брата, которого начальник Службы Безопасности убил в кладах год или два назад.

— Чего ты хочешь? — спросил Марар.

— У меня новость, Правитель.

Марар провел рукой по лицу:

— Я уже слышал. Мелиор и Джибб мертвы. Мне больше не нужно будет...

— Нет, — прервал тот. — Они живы.

Правитель с удивлением уставился на него, раскрыв рот:

— Что? Этого не может быть!

— Уверяю вас, это так.

— Но Премель сказал... — Он запнулся. Премель. Конечно. — Ты точно это знаешь? — спросил он через мгновение. — Ты видел их?

Виан ухмыльнулся:

— Видел ли я их? Да я сам отвез их обратно в Золотой Дворец. Как еще, по-вашему, они попали домой?

Марар закрыл глаза. Она жива. Это значит, что ей все известно. Каким-то образом Премелю удалось завоевать ее доверие, и затем он все ей рассказал. А он, Марар, выдал себя Вирсии. Но хуже всего то, что он сообщил Премелю, а стало быть, и Мелиору тоже, что он получает золото из Тобин-Сера. Ему стало плохо.

Снова открыв глаза, он увидел, что водитель Мелиор в ожидании уставился на него. Он перевел взгляд в сторону окна. Солнце скрывалось за горизонтом, отбрасывая тени по всему Налю, его последние лучи отражались от окон и металла мобилей, едущих по Верхней дороге Стиб-Наля.

«Нужно было пойти погулять, — подумал Марар. — Ведь собирался же».

18

То, что Ковет, Дрисс и Бринли напали на мага Ордена Орриса — бесспорно, — они все это признают. Но не поэтому я предъявляю это официальное обвинение, хотя я по-прежнему убеждена, что их действия нарушают дух, если не букву наших законов. Эти обвинения являются результатом их столкновения с тремя людьми из Тобин-Сера, которых они сначала подвергли опасности своим безрассудным нападением на Орриса и которым затем угрожали, напрямую нарушая Первый Закон Амарида. Этими действиями они опозорили себя, нашу организацию и надругались над памятью Первого Мага, которого мы должны чтить, несмотря ни на что.

Ни одно нарушение наших законов не должно восприниматься спокойно; никто пренебрегающий Законами Амарида не должен избежать наказания. Но, так

как эти маги посягнули на них в то время, когда наша страна находится на пороге гражданской войны и нам еще больше нужна поддержка населения, их действия кажутся особенно вопиющими. По этой причине, я полагаю, этот вопрос должен быть незамедлительно вынесен на обсуждение нашей ассоциации.

***Официальные обвинения, подаваемые на рассмотрение Седьмого
Конклава Лиги Амарида Орлиным Мудрецом Кайлин в соответствии с
Законами Лиги Амарида,
весна, год 4633***

Эрланд откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он перечитал обвинения Кайлин во второй раз. Он чуть было не поддался искушению бросить пергамент в огонь, потрескивающий у него в камине, просто ради того, чтобы заставить ее переписывать документ заново. Но вместо этого он сделал еще один глоток чая шэн и стал читать его в третий раз.

Он должен был признать, что документ блестяще продуман. Она проявила осторожность и не стала основывать свои обвинения на нападениях на Орриса, хотя и считала их незаконными. Она просто воспользовалась случаем, представленным действиями Ковета, чтобы осудить эти нападения, которые уже становились предметом спора в Лиге. Арслан и его сторонники, скорее всего, одобряют эти обвинения, как и те, кто уже поддержал Кайлин в ее противостоянии ему, Эрланду. Из-за полнейшей глупости поступка Ковета и его товарищей даже самые рьяные его сторонники поддержат некоторого рода наказание для них, возможно, даже исключение их из Лиги. Что лишит Эрланда трех верных голосов по всем последующим вопросам.

— Идиоты, — пробормотал он вполголоса, отпивая глоток чая. — Что на них могло найти, чтобы они стали угрожать посторонним? О чем они думали?

Он вызвал Ковета в зал, чтобы задать ему как раз эти вопросы, но маг так еще и не явился. Несомненно, он знал, каким будет разговор с Первым Магистром. Эрланд едва ли мог винить его за то, что он избегает встречи с ним.

Он снова поднес чашку к губам, но не успел сделать и глотка, как кто-то постучал в дверь.

— Да? — крикнул он.

Дверь отворилась и одна из помощниц по залу просунула голову в его покои.

— Первый Магистр, пришла Орлиный Мудрец, — сказала женщина. — Сообщить ей, что вы хотите ее увидеть?

— Нет, спасибо, — ответил Эрланд, вставая. — Я сам попрошу ее войти.

Женщина слегка наклонила голову:

— Хорошо.

Он заставил себя улыбнуться.

— Спасибо, — повторил он, чувствуя некоторую неловкость. Он должен был знать ее имя. Он по долгу службы прожил в Зале Лиги шесть лет, а эта женщина служила здесь с самого начала.

Она тонко улыбнулась и удалилась.

Он простоял на месте до тех пор, пока не затихли шаги женщины, затем выждал еще несколько секунд, не желая показаться слишком встревоженным. Кайлин, вероятно, достаточно умна, чтобы знать, в чем у нее перевес, но на тот случай, если она не знает, он ничем себя не выдаст.

Он быстро перевел дух, растянул губы в улыбке и зашагал к центральной палате зала.

Он надеялся создать видимость того, что пребывает в отличном настроении, но Кайлин стояла на противоположном конце стола, за которым проводились заседания, пристально глядя на него так, словно все прекрасно понимала.

Для столь поздней весны стояло необычно холодное утро, и у нее на щеках играл румянец, придавая ее юному лицу почти детский вид. Ее большой орел сидел у нее на руке,

заставляя Кайлин казаться маленькой и придавая ей еще более молодой и менее впечатляющий вид. И тем не менее, было что-то в ее манере держаться и нести птицу, которая ее выбрала, что заставило Эрланда почувствовать себя лицом незначительным и даже слегка напуганным.

«Почему боги выбрали столь юное создание? — подумал он. — Почему они выбрали ее вместо меня?»

— Вы меня ждали? — спросила она, встретившись с ним взглядом.

Какой смысл лгать?

— Да.

— Чтобы обсудить обвинения против Ковета и остальных?

— Да.

Она показала жестом на дверь, через которую он вошел.

— Только после вас.

Эрланд вернулся в палату в сопровождении Орлиного Мудреца.

— Присаживайся, — сказал он, махнув рукой в сторону одного из больших стульев возле камина и закрывая дверь. — Чаю не желаешь? — Это была его комната, и он решил взять под контроль предстоящий разговор, что вполне соответствовало его возрасту и положению в Лиге. Гордость требовала того же.

И все-таки Кайлин, похоже, собралась лишиться его даже этой маленькой компенсации.

— Не нужно, благодарю вас, — ответила она, становясь около огня, когда ее орел спрыгнул с руки на каминную доску и стал чистить перья клювом. — Давайте покончим с этим делом, Эрланд. Вы хотели поговорить со мной. Говорите.

Первый Магистр сглотнул и опустил на стул. Он обдумывал почти целый час, как повести разговор. Он решил немного поторговаться, выбрал тон голоса, определился с рядом уступок, на которые готов был пойти, и с теми, которые собирался потребовать от нее. Но внезапно он почувствовал себя куда менее уверенно.

— Обвинения очень серьезные, Кайлин, — начал он, надеясь, что его голос звучит ровно. — Если эти люди окажутся виновными и будут наказаны в соответствии с нашими законами, это ослабит Лигу. Как ты сама знаешь, мы живем в опасное время. Мы не можем позволить себе пошатнуть сейчас наше положение в стране.

— Вам следовало об этом подумать, прежде чем вы послали Ковета и его друзей убить Орриса.

— Оррис предатель. Он этого заслуживает.

— Может быть. Но если ваша одержимость вредит Лиге, вы никого не должны винить, кроме себя самого.

Эрланд сузил глаза:

— Все-таки суть дела в Оррисе.

— Нет, — быстро сказала она. — Суть дела в том, что Ковет сделал торговцу и его друзьям.

— Да. Ты ясно дала это понять в своих заявлениях. Но ведь мы с тобой прекрасно все понимаем, не так ли? Ты хочешь прекратить нападения на Орриса. Вот в чем состоит твоя цель.

— Нападения на *Орриса* приносят вред Лиге, Эрланд. Мы оба это знаем. — Она отбросила волосы со лба жестом, который выдавал ее волнение. — Эти действия ничего нам не принесли, а, по сути, продолжают разделять нас и мешают служить стране.

Он улыбнулся, чувствуя, что она утратила преимущество, бывшее за ней несколько минут назад.

— Что за ерунда, — сказал он. — Возможно, мы не все сходимся во мнениях по этому поводу, но я не думаю, что наше стремление к справедливости вредит нам. По сути, я ни от кого, кроме тебя, этого не слышал. — Конечно, это было неправдой, но он не дал ей возможности сказать это. — В чем дело, Кайлин? Почему ты так беспокоишься об Оррисе? Может быть, твои встречи с Орлиным Магистром являются причиной этого?

У нее буквально челюсть отвисла.

— Да, — сказал он, по-прежнему улыбаясь, — мне известно о твоих тайных визитах в Великий Зал. Раньше я об этом ничего не говорил, потому что думал, что они могут принести пользу. (И еще потому, что ему не хотелось признавать, что он поручил следить за нею.) — Но, кажется, я ошибался. Случилось лишь то, что ты нарушила свою клятву Лиге.

— Я ничего не нарушила, — ответила она ровным голосом. Если ему и удалось лишить ее самообладания, то эффект был мимолетным. — Я ничего не говорила Джариду о наших Конклавах и никогда не забывала о цвете своего плаща.

Он начал было возражать, но она подняла палец, заставляя его замолчать.

— Но я также не забывала, что боги ниспослали мне необычную птицу и это налагает на меня определенные обязанности по отношению к стране. Я встречаюсь с Джаридом, потому что это может помочь нам избежать гражданской войны, и я буду продолжать встречаться с ним до тех пор, пока наши разговоры остаются дружескими и продуктивными.

— А Оррис? — язвительно спросил Эрланд. — С ним ты тоже встречалась?

Она заколебалась, но лишь на мгновение.

— Он пришел в Великий Зал, когда я в последний раз была там. Он пришел как раз после столкновения с Коветом.

— И именно тогда он убедил тебя предъявить эти обвинения?

Ее глаза сверкнули.

— Никто меня ни в чем не убеждал!

— Я тебе не верю, — сказал он, качая головой. — Наверное, кто-то заставил тебя сделать это. Потому что Кайлин, которую я знаю, никогда бы не пошла против своих.

— Кайлин, которую вы знали, была ребенком, Эрланд. И она уже давно перестала существовать, как раз примерно в то время, когда поняла, что вы лгали ей и использовали ее с самого начала.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. — Он произнес эти слова достаточно убедительным тоном, но все же не смог не отвести взгляда.

— Конечно, не знаете, — мягко сказала она.

Они оба замолчали, и в комнате было слышно лишь потрескивание огня. Через некоторое время он решился взглянуть на нее, но она смотрела на свою орлицу, мягко поглаживая ее перья. Вскоре послышались голоса из центральной палаты зала — остальные маги начали собираться на дневное заседание, — но оба по-прежнему молчали.

Наконец он медленно вдохнул и снова повернулся к ней:

— Ну, так что ты собираешься делать?

— Я сформулировала обвинения, Эрланд. И я намерена представить их на рассмотрение Лиги. А насколько далеко все это зайдет, зависит только от вас.

— От меня?

— Да. Если вы хотите превратить все это в обсуждение нападений на Орриса и моих разговоров с Джаридом, дело ваше. Но обещаю, что, если вы это сделаете, я вас разгромлю. Возможно, на это потребуется время, и не исключено, что это нанесет ущерб Лиге, но я возьму над вами верх. Думаю, мы оба это знаем.

Казалось, он был менее уверен в сказанном ею, чем она сама. И даже если бы он с ней полностью согласился, он бы в этом не признался. Но нельзя было отрицать, что перспектива предстоящей схватки пугала его.

— Ты говорила с людьми, которым угрожал Ковет? — спросил он низким голосом. — Ты знаешь, где их найти?

— Да.

Она могла и солгать; трудно было утверждать что-то определенное. Год назад сама мысль об этом не пришла бы ему в голову, но Кайлин в совершенстве овладела искусством политики.

— Вы мне не верите, — произнесла Кайлин.

— Я точно не знаю, — признал он.

Она улыбнулась и совершенно неожиданно стала походить на ребенка, играющего в игру.

— Хорошо. — Однако через мгновение ее лицо снова стало серьезным. — Вполне возможно, что я пытаюсь обмануть тебя, Эрланд. Амарид — большой город — найти тех людей было бы задачей не из легких. Не исключено, что я днями напролет безуспешно искала их и, наконец, сдалась, решив вместо этого солгать вам. — Она пожала плечами, глядя на него с раздражающим спокойствием. — Но, опять же, я ведь могла и найти их в конце концов. Я не из тех, что играют в игры, Эрланд. — Она снова улыбнулась. — По крайней мере, я к этому не привыкла. На основе того, что вы знаете обо мне, придется решить, пошла бы я на то, чтобы представить эти обвинения на рассмотрение, если б не знала, где эти люди. А затем вам придется спросить себя, — продолжила она, и на этот раз улыбка исчезла, — можете ли вы позволить себе предположить, что я их не нашла. Потому что если вы ошибаетесь и я все-таки знаю, где они, Ковет, Дрисс и Бринли никогда больше не будут носить голубой плащ.

Она давала ему шанс, он знал это. В тот момент, когда она угрожала ему, она также предлагала пойти на компромисс.

— Но как я могу все это решить? — спросил он, не желая сдаваться так быстро. — Ты, конечно, не думаешь, что я могу читать твои мысли. Мои возможности заходят далеко, моя дорогая, но не настолько.

— Простака из себя разыгрываете, Эрланд, не так ли?

Он кивнул, затем облизал губы, которые внезапно стали сухими. Он разыгрывал, но у него не очень-то получалось.

— Ну что ж, это тоже неплохо. Вы должны решить, чем готовы рискнуть, основываясь на том, что вы можете угадать о сильных и слабых сторонах моей позиции.

— *Но я ничего не могу угадать! Я даже не знал, что ты способна поставить меня в подобное положение!* Дела Лиги — не игра. И в них не играют!

— Чепуха! — прервала она, и ее улыбка внезапно исчезла. — Вы годами играли в подобные игры. Как, по-вашему, я научилась играть? — На мгновение она уставилась на него. — Хорошо! Поступайте как хотите. — Она повернулась к каминной доске и подняла руку, подзывая орла к себе, словно собираясь покинуть Палату.

Эрланд закрыл глаза и принял решение. Лучше уступить сейчас, чем оказаться поверженным перед всей Лигой.

— Чего ты хочешь, Кайлин?

Она бросила на него взгляд через плечо. Ее птица еще даже не шелохнулась, и он подумал, собиралась ли она вообще уходить. Сейчас это уже не важно. Каким бы играм она ни научилась от него, она овладела ими в такой мере, какой он и представить не мог.

— Я хочу сотрудничать с тобой. Я хочу, чтобы ты перестал превращать каждый вопрос в проверку лояльности Лиги по отношению к тебе.

— Хорошо.

Она снова повернулась к нему:

— Нападения на Орриса должны быть немедленно прекращены.

— Ты не можешь ожидать, что я смогу контролировать действия каждого члена Лиги, Кайлин. И конечно, ты не можешь надеяться, что я смогу контролировать тех, кого мы исключаем. — Он не собирался во всем ей уступать.

— Нет, именно этого я от вас и жду, Эрланд. Если вы прикажете им оставить Орриса в покое, так и будет сделано. А что касается Ковета и его друзей, то, я думаю, мы сможем заменить исключение их из Лиги наказанием несколько менее строгим.

— Мне кажется, — сказал Эрланд, стараясь не выдать своей радости, — что такое решение будет в интересах Лиги. Сейчас не время подталкивать наших магов к Ордену или Народному Движению.

— Я согласна. Мне бы очень не хотелось, чтобы пришлось забирать у них плащи.

Он сжал зубы.

— И что же удержит тебя от этого?

— Обещание, что я получаю вашу полную поддержку по всем вопросам, касающимся Ордена, свободных магов и Храма.

— Да ты что! — выдохнул он. — Ты ведь просишь меня передать тебе управление Лигой!

Она безразлично пожала плечами с непроницаемым выражением лица:

— Я не собираюсь заходить так далеко.

— Как это не собираешься? Ты хочешь, чтобы я уступил тебе по всем самым важным вопросам.

— Только на время. Только до тех пор, пока этот кризис — какую бы форму он ни принял — не пройдет.

Эрланд заколебался, снова соблазненный перспективой того, о чем она не упоминала.

— А потом?

— Учитывая все то, что я слышала о предыдущих Орлиных Магах Тобин-Сера, я предполагаю, что, как только необходимость в орле проходит, птицы исчезают, оставляя своих магов несвязанными.

Эрланд кивнул:

— Я слышал почти то же самое.

— Так что, как только кризис пройдет, Лига снова будет вашей. Маг без птицы не может быть Первым или Вторым Мудрецом.

— Но ты же не останешься без птицы навечно, — сказал он, скептически глядя на нее. — Ты хочешь сказать мне, что у тебя нет желания возглавить нашу организацию?

— Нет, Эрланд, я ничего подобного не говорила. Я напоминаю тебе о том, что мы и так оба знаем: у меня масса времени. Когда-нибудь я стану Первым Магистром. И я готова ждать.

— Откуда я знаю, что ты сдержишь свое слово? — спросил он. — Нелегко отказаться от власти, как только получил ее.

Она глубокомысленно кивнула:

— Я это заметила.

Он почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, и отвел взгляд.

— Вам придется поверить в то, что я уступлю вам ваше место, — добавила она мгновением позже. — Боюсь, у вас нет другого выбора.

— Я мог бы потягаться с тобой. — Он указал на дверь, ведущую в центральную палату. — Я мог бы сделать так, чтобы тебе пришлось убеждать их выступить против меня.

— Могли бы. Но, как я уже говорила, вы бы проиграли.

— Ты этого не знаешь.

Орел внезапно запрыгнул Кайлин на руку, и она направилась к двери.

— Вы правы. Так пойдете и выясним, хорошо?

Он не стал сразу же останавливать ее; он хотел знать, далеко ли она пойдет. Но когда она взялась за ручку двери и начала открывать ее, ему ничего другого не оставалось, как окликнуть ее.

Она закрыла дверь и повернулась к нему.

— Хорошо, — сказал он. — Я обещаю свое сотрудничество. Но взамен я хотел бы попросить держать нашу договоренность в секрете. Называй это тщеславием, если хочешь, но я бы предпочел, чтобы никто не узнал об этом разговоре.

— Даю вам слово, — торжественно сказала она.

— И ты обещаешь, что Ковет, Дрисс и Бринли не будут наказаны?

Она покачала головой:

— О нет. Этого я не обещаю. Они будут наказаны. Я обещаю тебе, что они не будут изгнаны из Лиги.

— Но ты сказала...

— Я обещала только это и не более, Эрланд. И вы должны считать, что вам повезло,

что я столько вам наобещала. Ваши друзья сохраняют свои плащи, и им будет позволено посещать наши Конклавы, но они будут молчать и в течение года у них не будет права голоса.

— Года?

— Да. Это будет им уроком и помешает вам нарушить обещания, которые вы мне сегодня дали.

— Мы говорим только о трех людях, Кайлин. Этого хватит, чтобы одержать надо мной верх по нескольким вопросам, но не по всем. Если ты попытаешься безрассудно воспользоваться той властью, которую я тебе предоставляю, или если ты отклонишься слишком далеко от того, что я буду считать разумным курсом, я тебя остановлю. И ты ничего не сможешь с этим поделать.

Впервые за день она выглядела немного напуганной, а побледневшее лицо придало ей слишком юный вид.

— Иными словами, вы не собираетесь выполнять наше соглашение.

Эрланд покачал головой:

— Я этого не говорил. Несмотря на то что ты, возможно, думаешь обо мне, Орлиный Мудрец, я держу свое слово. Я согласился на твои условия, и я верю, что и ты будешь придерживаться тех обещаний, что дала мне. У каждого из нас есть некоторое преимущество перед другим, мы боимся, что привыкнем заставлять друг друга выполнять свои обещания. Но в конце концов, Кайлин, все сводится к доверию. Мне приходится поверить, что ты откажешься от власти, когда твой орел оставит тебя, а тебе придется поверить, что я буду поддерживать тебя до этого момента. — Он развел руками. — Неужели я дал тебе так много поводов сомневаться во мне?

Некоторое время она ничего не говорила. Она просто не отрывала от него взгляда своих сапфирового цвета глаз.

— Помните тот день, когда вы дали мне мой церилл, Эрланд? — спросила она наконец, удивляя его.

Он вряд ли забыл бы это. Он до самой смерти будет помнить ослепительный золотой свет, который вырвался из камня, как только она положила на него руку. Казалось, что чуть не сама Леора была на той поляне в лесу и одновременно с Кайлин положила руку на кристалл, наполняя камень своим сиянием. Но еще больше этого Эрланд будет помнить радость, которую он почувствовал, когда Кайлин склонилась на его сторону. До этого он сомневался, станет ли его Лига и вызов Бадену, Сонель и остальному Ордену чем-то большим, чем мечта или, хуже того, трагичная шутка. Но когда Кайлин согласилась присоединиться к нему, он понял, что добьется успеха. Кроме того, он убедил себя в том, что Лига займет место Ордена в течение года или двух. День, о котором она говорила, был, возможно, самым счастливым днем в его жизни.

— Да, — ответил он. — Помню.

Она кивнула, словно воскрешая в памяти тот момент.

— Это был самый прекрасный подарок из всех, что мне когда-нибудь делали, — сказала она. — Во многом он остается таким до сих пор.

— Я рад.

— Но теперь я знаю, почему вы его сделали. Я знаю, что он не просто пылился у вас дома, как вы заявили, что на самом деле вы купили его для того, чтобы с его помощью завлечь меня в Лигу.

Он стал думать, как все оспорить, но быстро отказался от этого. Бессмысленно. Она бы ему не поверила, а те непрочные узы, которые еще сохранялись между ними, стали бы еще слабее.

— Я очень сожалею, — сказал он. — Ты была нужна нам, и я сделал то, что считал необходимым, чтобы ты присоединилась к нам.

Она снова кивнула, но промолчала.

— Так вот почему ты мне не доверяешь? Из-за церилла?

Кайлин издала непродолжительный ломкий смешок:

— Эта причина — всего лишь одна из многих. За последние годы ни один из нас особо и не пытался укрепить нашу дружбу.

Он грустно улыбнулся:

— Верно. Но, с другой стороны, сегодняшний разговор, возможно, станет началом.

— Возможно, — ответила она, выдерживая его взгляд.

Еще некоторое время они стояли, глядя друг на друга. Наконец, она снова открыла дверь, и они вместе вошли в центральную палату Зала.

Он гнал ее, как аббориджский воин своего коня, нещадно подгоняя и давая передохнуть лишь тогда, когда она уже едва не валилась с ног. Он изо всех сил старался кормить и поить ее, а когда она становилась слишком слабой, он поддерживал ее силы своей энергией. Но ему нужно было спешить, и он не мог позволить слабому телу Таммен задерживать его. Не сейчас, не тогда, когда он подобрался так близко.

Он с радостью сел бы на лошадь или мула и ехал бы верхом. Это значительно сократило бы его путешествие. Но маг на лошади, особенно свободный маг, привлек бы внимание. У Сартола не было выбора, кроме как довольствоваться скоростью, которую он мог развить, передвигаясь пешком. На своем пути он прошел через свободные города — Гринбау, Старвью, Вильпар, Киттра. Их было больше, чем он мог себе представить; Движение расширялось. И в каждом из них ему удавалось пополнить запасы еды и уйти прежде, чем темнота обнаружит призрак Мирона у него на плече.

Дни тянулись долго. Он выходил с первыми лучами солнца и шагал до наступления темноты, останавливаясь лишь для того, чтобы попить и съесть несколько кусочков сыра или сушеных фруктов. Иногда, когда он был уверен, что не встретится ни с кем на пути, он съедал легкий ужин и затем продолжал упорно продвигаться в сторону Амарида. Темнота не представляла никакой проблемы для него. Вообще, даже глядя на мир глазами Таммен, он ночью видел больше, чем днем. Теми ночами, когда они не шли к Амариду, он позволял Таммен поспать и отпускал свою душу странствовать, как делали Неприкаянные, когда искали покоя. Иногда, однако, прежде чем он позволял телу Таммен погрузиться в сон, он заставлял ее снять одежду и трогал ее так, как, он думал, ему никогда больше не суждено прикоснуться к женщине. Он ждал так долго, и теперь это тело принадлежит ему, и он мог делать с ним все, что угодно.

На пятый день после Гринбау показались горы Парне. Он знал, что по ту сторону заснеженных вершин и зеленых долин лежит Амарид. И в том городе находится Великий Зал, а в нем покоится на пьедестале огромный и бездействующий Созывающий Камень. Однажды он чуть не завладел им. Он так близко подобрался к овладению большим кристаллом, что потребовались силы всех магов Тобин-Сера, чтобы остановить его. И если он прав, если он правильно истолковал все, что он узнал о Неприкаянных и их возможностях, то камень мгновенно среагирует на его прикосновение. То, что он едва не свершил при жизни, он мог сделать и после смерти. Дело оставалось лишь за тем, чтобы добраться туда и наложить руки — руки Таммен — на Камень.

Но сначала — самое важное. На день или два еды хватит, а вот на переход через горы — нет. К счастью, существовало несколько городов и сел, лежащих вдоль предгорья, и после поисков, занявших почти целое утро, Сартол обнаружил город, в котором развевались коричневые флаги Народного Движения. Войдя большими шагами в город и держа крепко посох Таммен в ее тонких руках, Сартол ощутил, как на него накатывает волна ликования. Это — последняя остановка перед Амаридом. Какую еду он здесь ни раздобудет, ее хватит на оставшуюся часть пути к Великому Залу. Обычно, когда он входил в город, он заставлял Таммен улыбаться — не было смысла привлекать к себе внимание угрюмым видом. Но сегодня для этого не требовалось никаких усилий; он едва сдерживал радость. Пока он не добрался до городских кварталов. К тому времени было уже слишком поздно.

Там было трое, и все они оказались свободными магами. Они разговаривали с

пожилыми мужчиной и женщиной, вне всякого сомнения, городскими старейшинами. Сартол подумывал о том, чтобы развернуться и как можно скорее выбраться из города обратно в лес Тобиана. Но в следующее мгновение один из магов, худой лысый мужчина с темной бородой, заметил его или, скорее, ее и махнул ей.

— Приветствуем тебя! — крикнул он. — Ты пришла, чтобы присоединиться к нам?

Ему захотелось убежать, захотелось сказать им, что он не хочет иметь ничего общего с ними или их Движением. Но у него был посох и не было плаща. При подобных обстоятельствах единственное, что ему оставалось, — это притвориться, что он готов присоединиться к ним.

— Возможно, — ответил Сартол, останавливаясь перед ним, в то время как остальные оценивающе смотрели на Таммен. — Я слышала, что в этом районе находится группа свободных магов. И если окажется, что мы идем в одном и том же направлении, я буду счастлива присоединиться к вам.

— Замечательно! — воскликнул тот с энтузиазмом. — Меня зовут Хивел. — Он указал на остальных. — А это Шэви и Ортан.

Сартол быстро взглянул на двух других и заставил Таммен улыбнуться. Один из них был худощавым, среднего роста, с вьющимися волосами и голубыми глазами. Другой, повыше ростом, имел длинные черные волосы с проседью, которые были собраны в узел на затылке.

— Приятно познакомиться с вами всеми, — сказал он. — Меня зовут...

— Таммен.

Сартол резко взглянул на Ортана, который сказал это. Теперь он увидел, что тот постарше, чем его спутники, и более крепкого телосложения. У него на виске краснел незаживший шрам, а в его глазах трудно было что-либо прочесть. Сартол также заметил, что у него на плече сидел ястреб из Амариды.

— Да, — подтвердил Сартол. — Верно. Мы встречались?

— Как-то раз, давно. Ты тогда путешествовала с Нодином и еще одним человеком, чье имя я забыл.

Он порылся в памяти Таммен.

— Хенрик?

Тот широко улыбнулся, хотя глаз его улыбка не коснулась.

— Да, Хенрик. А как Нодин? Он мне всегда нравился.

Сартол пожал плечами:

— Я его некоторое время уже не видела. Мы агитировали за Движение на Северной равнине. Думаю, с ним по-прежнему все хорошо.

— Почему вы разделились?

— Это долгая история. Мы расстались друзьями, уверяю тебя, но мне не очень хочется об этом говорить.

— Прошу прощения за Ортана, — вмешался Хивел. — Он любит задавать слишком много вопросов. Он с подозрением относится к незнакомцам. Но пусть это тебя не смущает. Мы рады, что ты с нами. Нам отнюдь не мешает еще один маг, даже если он еще не нашел свою новую птицу.

— Благодарю тебя, — сказал Сартол. Он бросил взгляд на Ортана и увидел, что тот по-прежнему внимательно разглядывает Таммен, хотя по нему не было заметно, что замечание Хивела разозлило его.

— Мы как раз спрашивали старейшин, где можно найти следующий свободный город, — продолжил Хивел. — Люди здесь полностью поддерживают Движение, но другие города, возможно, не так хорошо осведомлены. — Он мельком улыбнулся старейшинам.

— Я бы предложил вам отправиться на юг вдоль предгорья, — произнес один из пожилых мужчин. — Там вы скорее найдете свободные города, чем если отправитесь на север.

Хивел кивнул:

— Спасибо. Мы так и сделаем.

Старейшины и маги начали прощаться друг с другом, но Сартол остановил их.

— Мне очень жаль обременять вас, — обратился он к старейшинам. — Но есть ли здесь поблизости кто-нибудь, кто мог бы выделить мне немного еды в обмен на мои услуги? — Он посмотрел на Хивела и смущенно улыбнулся. — Без своей птицы мне слишком долго пришлось питаться корнями и зеленью.

— Мы способны помочь тебе, — сказал Хивел, — Не нужно никого беспокоить.

— Ценю это, — ответил Сартол, с трудом сдерживая нахлынувший гнев. — Но, как оказывается, мне не придется путешествовать с вами. Я направляюсь на восток через горы в Ястребиный лес. Сожалею.

— И все-таки мы можем тебе помочь, — сказал Хивел, — и, возможно, это убедит тебя остаться с нами на время.

Если бы они были одни, Сартол убил бы его на месте. Он не мог позволить себе остаться с ними после захода солнца, и сейчас ему было не до задержек. Но что он мог сделать?

— Спасибо, Хивел. Ты очень любезен.

Несколько мгновений спустя маги попрощались со старейшинами и направились к тенистому лесу Бога.

— Так куда ты идешь, Таммен? — спросил Хивел, как только они тронулись в путь. — Почему ты не хочешь путешествовать с нами?

Сартол заставил Таммен рассмеяться:

— Не говори глупостей. Я бы с радостью отправилась с вами. Но я держу путь в Амарид.

— В Амарид? — с расширенными от удивления глазами повторил тот, кого звали Шэви. — Зачем?

Сартол заставил Таммен покачать головой.

— Не волнуйтесь. Вы, наверное, подумали, что это глупо.

— Нет-нет, — уверил ее Хивел. — Пожалуйста, расскажи нам.

— Ну что ж. Движению нужны маги, не так ли?

— Конечно. Мы все знаем, что нужны.

— Вот именно. А сейчас все маги и Ордена, и Лиги находятся в Амариде. Поэтому я хочу посмотреть, удастся ли мне убедить кого-нибудь из носящих плащи присоединиться к нам.

Шэви остановился и посмотрел на нее, раскрыв рот от удивления.

— Ты, наверное, шутишь! Все знают, что плащи думают о нас. Они никогда не покинут свои залы.

Остальные тоже остановились.

— Может, ты и прав, — ответил Сартол. — Но Движению нужна помощь. Если мы не найдем еще магов, оно угаснет прежде, чем у него когда-нибудь появится возможность добиться успеха.

— Нодин из-за этого больше не сопровождает тебя? — спросил Ортан. — Потому что он не одобрил то, что ты хочешь сделать?

Сартол заколебался и отвел взгляд.

— Да, — ответил он наконец.

— Не могу сказать, что я виню его за это, — произнес Шэви. — Этого никогда не произойдет. Движению не место в Амариде. Оно существует здесь — в городах и селах. Вот в чем все дело.

Ортан кивнул:

— Должен сказать, я с ним согласен. На мой взгляд, это неудачная идея.

Сартол сдержал усмешку.

— *Хорошо. Тогда веди свое маленькое жалкое Движение в следующий город и оставь меня в покое.* Мне жаль это слышать. Но, так или иначе, я собираюсь сделать это, даже если

мне придется пойти на это в одиночку.

— Не придется, — сказал Хивел. — Я пойду с тобой.

— Что? — прошипел Шэви. — Ты оставишь нас? Ни с того ни с сего?

Хивел повернулся к нему:

— Я бы не хотел этого. Я предпочел бы, чтобы ты и Ортан пошли с нами. Мне кажется, что идея Таммен — стоящая, и она не должна осуществлять ее в одиночку. Если придется выбирать между тем, чтобы позволить ей делать это одной, и тем, чтобы расстаться на некоторое время с вами, я выберу второе.

— Ну что ж, тогда тебе придется так и поступить, — настаивал Шэви. — Потому что я не пойду в Амарид.

Хивел повернулся к Ортану, что сделал и Шэви.

— Я пойду с Шэви в следующий город, — ровно произнес темноглазый мужчина. — Надеюсь, ты нас снова скоро найдешь.

Хивел кивнул, но ничего не сказал, и по тому, как двигались его челюсти, Сартол понял, что тот огорчен.

— Я не хочу быть причиной распада вашей группы, — сказал Сартол, по очереди глядя на каждого мага. Его взгляд наконец остановился на Хивеле. — Со мной все будет в порядке. Я уже давно одна. *Держись от меня подальше. Иди со своими друзьями, если хочешь жить.*

— Я уже принял решение, Таммен. То, что ты пытаешься сделать, достойно уважения, и я хочу принять в этом участие. А когда мы все закончим, мы снова присоединимся к Шэви и Ортану в сопровождении новых бесплащовых, которых мы убедим присоединиться к Движению.

Лысый улыбнулся ей, и Сартол заставил себя улыбнуться в ответ:

— Спасибо, Хивел. Мне будет приятно, что ты со мной. *И мне будет приятно убить тебя.*

— Поверить не могу, что ты это делаешь, — глухим от обиды голосом сказал Шэви. — Мы столько времени провели вместе... — Он запнулся, покачивая головой и стараясь не смотреть на Хивела.

— Мы скоро встретимся, ты и оглянуться не успеешь, Шэви. Обещаю тебе.

Желтоволосый маг ничего не ответил, и Хивел повернулся к Ортану:

— У вас обоих достаточно еды?

— Да. Мы не пропадем. Да хранит тебя Арик, Хивел. Возвращайся к нам поскорей. — Ортан повернулся к Таммен и выдавил тонкую улыбку. — Всего хорошего, Таммен. Может, мы снова встретимся.

Он повернулся, положил ненадолго руку на плечо Шэви и зашагал прочь. Шэви на мгновение взглянул на Хивела и в последний раз покачал головой, прежде чем снова повернуться и последовать за Ортаном. А на Таммен он даже не взглянул.

— Он порадует, когда мы снова присоединимся к ним, — сказал Хивел после того, как оба мага скрылись из вида. Он мельком улыбнулся Таммен и махнул в направлении тропинки. — Идем?

Они направились на восток и уже через несколько минут начали медленно подниматься по подножию холмов.

— Ты давно уже без птицы, Таммен? — спросил Хивел после продолжительного молчания.

— Нет, не очень.

Снова молчание.

— Откуда ты родом?

— С равнины Тобина. Из города Вотерсбанд.

Молчание.

— А давно ты стала магом?

И так продолжалось оставшуюся часть дня. Хивел задавал вопрос, Сартол давал лаконичный ответ, и они шли молча до тех пор, пока свободному магу не приходило в

голову спросить что-нибудь еще. Сартол так злился на самого себя за то, что вообще подошел к этим магам, что не мог заставить себя поддерживать разговор. А Хивелу не доставало ума прекратить попытки его завязать. Пока, в конце концов, под вечер, когда они взобрались на вершину еще одного холма и наконец увидели горы Парне, неясно вырисовывающиеся перед ними, Сартол не решил, что пора заканчивать совместное путешествие.

— Ну так как ты потеряла своего ястреба? — спросил Хивел, по всей видимости отчаявшись завязать разговор и не понимая, насколько бестактен подобный вопрос.

— Вообще, — ответил Сартол, останавливаясь посреди тропы и поворачиваясь к нему, — я убил его.

Хивел издал неловкий смешок:

— Извини, если вопрос оказался неуместным.

— Вовсе нет. Если бы я считал его неуместным, я бы не отвечал.

— Но ты ведь не имела в виду... — Он облизал губы. — Ты не могла говорить такое всерьез.

— Еще как мог.

Хивел побелел и уставился на него:

— Ты убила свою собственную птицу.

Сартол улыбнулся:

— Ну, она не была моей.

— Не была твоей? Не понимаю.

— Та птица принадлежала Таммен, как и тело, которое ты видишь перед собой.

Глаза Хивела расширились, и он сделал шаг назад. Но прежде чем он успел сделать еще один, Сартол вытянул вперед руку Таммен и схватил его за горло. Маленький ястреб мага взлетел и начал кричать, но Сартол утихомирил его вспышкой желто-голубого пламени. И тлеющий трупик ястреба упал на землю.

— Ты не должен был идти со мной, Хивел. И ты не должен был задавать мне столько вопросов. — Он приподнял мага в воздух и еще сильнее сжал его горло.

— Кто ты? — с выпученными глазами выдавил Хивел, тщетно пытаясь оторвать руку Таммен от своего горла.

Сартол приблизил его лицо к лицу Таммен.

— Посмотри мне в глаза, — приказал он. — Что ты видишь?

Тот посмотрел, и через мгновение его глаза расширились еще больше, потому что он понял. Он издал звук, который мог быть истолкован как возглас удивления.

— Видишь, Таммен там не одна.

— Кто ты? — снова выдавил Хивел, несмотря на то что сейчас он не мог издать ни звука.

— Меня зовут Сартол. Возможно, ты слышал обо мне. — Он сжал руку Таммен чуть ли не в кулак, и горло мага захрустело, словно осенняя листва под ногами. Несколько мгновений спустя Хивел обмяк, и Сартол отнес его в сторону от тропы и бросил в сосновом бору. Он снял мешочек с едой у него с пояса и затем, словно спохватившись, вернулся к останкам птицы Хивела и тоже бросил их среди деревьев. Вероятно, никто ничего не заметил, но он не хотел рисковать.

И лишь когда Сартол снова продолжал свой путь, наблюдая, как постепенно темнеет небо у него над головой, он понял, какую ужасную ошибку совершил. Кроме того, он вдруг осознал, что совершил эту ошибку дважды: один раз с Нодином, а теперь снова — с Хивелом.

Он послал их к Неприкайнным. А поступив так, он, возможно, осведомил Терона, Фелана и остальных о своих планах.

— Идиот! — разъярился он на себя. — Болван!

Через мгновение у него на плече появился желтый призрак Мирона, подобный лунному свету в летней мгле. Птица на миг уставилась на него, а затем начала чистить свои

призрачные перья.

«Дело уже сделано, — казалось, говорила она ему. — Смирись с этим и продолжай путь».

— Ты прав, — сказал он вслух. И даже улыбнулся. Не было никаких признаков того, что Терон и остальные осведомлены о его плане, а Нодин был мертв уже несколько дней.

— Это они болваны, а не я.

И сказав это, он продолжил путь к Амариду и Великому Залу, поклявшись не отдыхать до тех пор, пока не окажется перед Созывающим Камнем.

19

Я подробно писал тебе о свободных магах и их усиливающих связях с Народным Движением. Наверное, ты уже устала читать о них, и если так, прошу прощения. Потому что я снова пишу о них. В последнее время я много думаю о них, пытаюсь вспомнить, когда они впервые стали играть роль во все более запутывающейся политической жизни моей страны. Мы с моими друзьями в Ордене не можем точно вспомнить, когда в первый раз услышали, что кто-то говорит о «свободном маге»; кажется, это слово вошло в наш язык совершенно незаметно.

Однако я уверен, что, несмотря на их нынешнюю тесную связь, свободные маги и Народное Движение возникли по отдельности, и свободные маги появились первыми год или два назад. Мне кажется, что изначально этими магами были мужчины и женщины, которые отказались участвовать в непримиримом соперничестве, которое возникло между Лигой и Орденом, и они предпочли служить стране на своих собственных условиях. Кто может винить их за это? Возможно, ты удивишься, услышав это от меня, но я думаю, что их первоначальная цель была благородной. И только позднее, когда их подход к решению проблем не был подхвачен другими и они оказались в одиночестве, в количестве слишком малом, чтобы их воспринимали всерьез, они обратились к более опасной и сомнительной деятельности.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, год 4633*

Он был жив. По каким-то непонятным причинам ему удалось выжить после нападения Сартола. Его тело было покрыто ожогами, но так как его ястреб погиб, он почти ничего не мог сделать, чтобы исцелить кровоточащие раны Или облегчить боль, которая пронзала его при каждом движении. Он смог с усилием, которое едва не стоило ему жизни, поползти до покинутых домов и амбаров на равнине, которые были словно памятниками вероломства Сартола. И после тщательных поисков в домах, которые были покинуты в спешке, как будто ужас, навеянный на сельчан призраком Магистра изгнал их всех в одночасье, Нодин обнаружил целебные мази и бинты, которыми можно было смазать и перевязать покрытую волдырями кожу. Он нашел одежду и смог снять с себя почерневшие лохмотья, в которые превратилась его собственная одежда после того, как Сартол направил на него огонь Таммен. Также ему попала старая шляпа, и он мог защитить ею свою обожженную голову от солнца, лучи которого, некогда мягкие и ласковые, сейчас были подобны скребущим когтям.

Он нашел и еду или, по крайней мере, то, что раньше ею было. Но употреблять ее в пищу было уже нельзя. Поэтому, жадно попив из наполненного дождем корыта в одном из дворов, он покинул деревню, оставив ее на попечение ветра и трав. Он направился на восток, так же как и Сартол, укрывшийся в теле Таммен несколькими ночами ранее. Пока у него были силы и он мог терпеть боль, он шел. Но так продолжалось недолго. Под вечер он уже полз на коленях и руках, не сводя взгляда с леса Тобина, который все еще казался невероятно далеким. Когда он несколько дней назад шел от леса вместе с Хенриком и Таммен до места

обретения Сартолом уз, им потребовался на это всего лишь час, но теперь он был не уверен, что сможет добраться туда до наступления ночи.

«Наверное, Сартол все-таки убил меня», — подумал он, и его сердце заболело от горя, по сравнению с которым физическая боль казалась ничем. Дух Магистра опережал его на два дня, и Таммен была сильна. Она могла быстро нести Сартола по Тобин-Серу, куда бы тот ни захотел. Скорее всего, в Амарид. Именно там находились Орден и Лига. Если Сартол желал разгромить их и сделаться единственным хозяином Волшебной Силы, он должен был направиться туда.

Нодин не знал, как остановить дух Магистра. Он был без птицы и полумертв от ожогов. И он был не так наивен, чтобы думать, что он может спасти Таммен. Он видел желтый огонь Сартола в ее глазах как раз перед тем, как она подняла свой посох и попыталась его убить. Она уже умерла.

Но он любил ее, а она как-то по-своему любила его; их единственная ночь убедила его в этом. Поэтому он должен попытаться. Он обязан сделать это ради нее. А если даже не ради нее, то ради самого себя. Он не мог допустить, чтобы в истории Тобин-Сера запечатлелся тот факт, что Таммен позволила Сартолу уничтожить страну.

И поэтому он полз, солнце светило ему в спину, и он отбрасывал перед собой тень, похожую на тень какого-то зверя, бредущего с большим трудом из-за раны на спине в том месте, куда попал огонь Сартола. Он прижимал к себе посох и часто останавливался и перекладывал его на другую сторону, чтобы не опираться слишком долго на одну руку, и все время старался, чтобы фиолетовый камень был перед ним, словно его постоянное свечение напоминало ему о том, что он все еще жив. Все его тело болело. Колени были одним из немногих мест, которые не были обожжены, и он натирал их все больше с каждой минутой. А сгоревшие руки, которые вряд ли заживут когда-нибудь полностью, так пульсировали от боли, что, если бы даже он нашел еду в деревне, он, наверное, не смог с нею управиться.

Он почувствовал стук копыт раньше, чем услышал его. Он доходил до него через землю равнины и отдавался в его коленях и руке, на которую он опирался.

Он перестал ползти и с усилием, от которого у него перехватило дыхание, встал на колени и выпрямился. Всадник ехал на юг в сторону леса и, по всей видимости, не замечал Нодина. Маг поднял посох над головой и, напрягая оставшиеся силы, заставил свой церилл замерцать.

Почти сразу же всадник направился к нему, и через несколько мгновений он спешился и опустился на колени рядом с Нодином.

— О боги! — прошептал он. У него были молодое лицо и голос, но Нодин заметил в нем кое-что еще. — Что случилось с тобой, Сын Амарида?

Маг даже не подумал о том, что он скажет людям. Он думал, что никогда больше не заговорит ни с кем из живых. Поверят ли ему люди? Посчитают ли они, что он сошел с ума от боли и голода? А если они ему действительно поверят, не посеет ли панику новость о том, что Сартол избавился от ограничений, накладываемых Проклятием Терона, и снова, обладая Волшебной Силой, идет по стране?

— На меня напала женщина-маг, — наконец, ответил он, с трудом заставляя себя говорить так, чтобы его услышали. — Она сумасшедшая, и мне нужно найти ее прежде, чем она нападет на кого-нибудь еще.

— Вам нужен целитель, маг, — сказал его спаситель. — Или еще лучше — другой маг, который о вас позаботится. А остальное подождет.

— Нет! — поморщился Нодин. — Даже говорить ему было больно. Тот был прав. — Прошу прощения, — выдохнул он. — Ценю вашу заботу и буду благодарен вам, если вы поможете мне добраться до целителя. Но нам нужно спешить. Эту женщину нужно остановить.

Тот кивнул:

— Встать сможете?

— С вашей помощью.

— А ехать верхом?

Нодин сглотнул. Он знал, чего ему это будет стоить, но также он знал, что выбирать не приходится.

— Попробую.

Как оказалось, ехать верхом было так больно, что Нодин потерял сознание едва ли не после первого же шага животного. Но это было к лучшему. Когда он снова пришел в себя, он уже лежал на боку на кровати в маленькой комнате. Ночь еще не закончилась; свет исходил лишь от его церилла, который лежал рядом с ним, и от свечи, горящей на столе. Всадник тоже был там и стоял рядом с молодой женщиной, которая, по-видимому, была его женой. Женщина постарше, нахмурившись и сжав губы в тонкую линию, села на кровать и начала класть резко пахнущие примочки на его ожоги.

— Ваше прикосновение приятно, целительница, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Но ваши травы пахнут так, словно они прямиком из конюшни.

— Это, может, и не от моих трав, — сухо возразила она. — Когда вы последний раз мылись?

Смеяться было больно, и Нодин зажмурился от боли, которая пронзила его.

— Мадам, у вас замечательное чувство юмора.

Она положила последнюю примочку ему на спину и встала:

— Они должны быть на вас как минимум два дня. Желательно — еще дольше. — Она повернулась к всаднику и его жене. — Кормите его тушеным мясом с овощами и поите водой. Никакой твердой пищи, пока не окрепнет. Пошлите за мной, если ему станет хуже.

— Мне нужно идти, — сказал Нодин, несмотря на то что в этот момент ему хотелось спать. — Я должен найти мага, который со мной это сделал.

Женщина снова повернулась к нему, подняв бровь:

— Зачем? Чтобы он вас прикончил? Не ведите себя глупо. Он просто маг. Другие займутся им. Считайте, что вам повезло, что он вас не убил.

Она собралась уходить.

— Послушайте! — стараясь говорить как можно громче, выдавил он.

Целительница остановилась и стала ждать.

— Это не просто еще один маг. — Он перевел дух и мельком посмотрел на мужа с женой, прежде чем обратил взгляд на целительницу. Они могут посчитать его сумасшедшим, но нужно рискнуть. — Ее зовут Таммен. Она... она была моим другом. Но мы обратились к Неприкаянному за помощью Народному Движению. — Ему пришло в голову, что он даже не знает, свободный ли это город, но это уже едва ли имело значение. — Один из них отказал нам, и поэтому мы отправились к Сартолу. И теперь она у него в руках. Он контролирует ее душу, и каким-то образом он воспользовался ею, чтобы получить доступ к Волшебной Силе и оставить то место, где он встретил первую птицу. Это он чуть не убил меня, а не Таммен.

Они пристально смотрели на него, и он стал бояться, что они и вправду считают его сумасшедшим. Целительница подошла к нему и положила холодную руку ему на щеку.

— У него жар, — сказала она через плечо, хотя и не сводила взгляда с Нодина.

— Это не бред, вызванный жаром, целительница. Уверю вас: я говорю правду. Сартол снова ходит по стране под видом мага по имени Таммен.

Она прикусила губу на несколько секунд и продолжала внимательно смотреть на него.

— Кажется, он пока еще в своем уме. — Она оглянулась на остальных. — Даже не знаю, что и думать.

— Перестаньте говорить обо мне, словно меня здесь нет, и послушайте! Меня зовут Нодин. Я свободный маг. Моя птица погибла, а меня чуть не сожгли. Я не мог сам себя исцелить, но мне удалось найти бинты и целебные мази в заброшенных домах на равнине, и я кое-как перевязал свои раны. Ну что, это похоже на воспоминания человека, который бредит от высокой температуры?

Целительница скрестила руки на груди.

— Нет, — признала она.

— Тогда послушайте, что я вам говорю. Сартол убедил Таммен дать ему доступ к ее цериллу, и, получив его, он превратил ее тело во вместилище своего духа. Он теперь свободен. Он нашел способ покинуть место, где встретил свою первую птицу, и одному Арику ведомо, что он собирается делать. Нам необходимо предупредить лидеров Ордена и Лиги.

Она еще несколько секунд смотрела на него.

— Давно ли это, вы говорите, случилось?

— Две ночи назад.

— Вы знаете, где Таммен сейчас?

— В смысле, Сартол. Нет, не знаю. Думаю, он направляется на восток, к Амариду.

Она кивнула:

— Вполне возможно. — Казалось, она обдумывает что-то. — Он был верхом?

— Насколько мне известно, нет. Мы трое пришли на равнину пешком.

Она сузила глаза:

— Вас было трое?

— Да. Таммен, я и маг по имени Хенрик.

— А где сейчас Хенрик?

— Мертв. Его убил Сартол.

Она снова кивнула.

— Вам нужно отдохнуть, — сказала она после непродолжительного молчания. — А я подумаю над тем, что вы мне сказали. И поставлю в известность городских старейшин. Им нужно об этом знать.

Нодин сел, снова сжав зубы от боли.

— У меня нет времени на отдых, и я не могу ждать, пока вы со старейшинами будете обдумывать все это. Вы меня что, не слушали?

— Нет, маг, — решительно ответила она, — я вас слушала. И я услышала невероятную историю о Неприкаянном духе, который контролирует живого мага, о давно мертвом злодее, угрожающем нам из могилы, и все это от человека, который несколько дней не ел, который больше похож на мертвеца, а не на живого человека, у которого жар и который потерял свою птицу и друзей и, вероятно, несколько обезумел от горя. Простите меня за мой скептицизм.

Он посмотрел на всадника и его жену, стоящих за целительницей.

— Вы думаете, я ненормальный? Я кажусь вам сумасшедшим?

Тот прочистил горло:

— Простите меня, Сын Амарида, но я — не целитель. Я ничего в этом не смыслю.

— Неважно, что он думает, — сказала целительница. — Вы все равно не в состоянии идти куда бы то ни было. Поэтому вы можете подождать до утра. Обещаю, что расскажу вашу историю старейшинам первым делом.

— А я обещаю вам, что, как только вы уйдете из этой комнаты, я тоже уйду. Сартол уже опережает нас на несколько дней. И мне нужно его догнать.

— Далеко вы не уйдете, — сказала она, словно предлагая ему попробовать.

— Я прополз большую часть пути до леса Тобины к тому моменту, когда этот добрый человек нашел меня, — ответил Нодин. — Можете спросить у него. И если понадобится, я проползу весь путь до Амарида на коленях и руках. И я все равно пойду.

Целительница выдохнула сквозь зубы:

— Глупец. Мне придется отпустить вас. Если вы так хотите убить себя, мне не стоит мешать вам.

— Вы для этого слишком хорошая целительница.

Она посмотрела на него, ничего не говоря. По движению челюсти и напряженности взгляда он видел, что она борется с сомнениями.

— Помогите мне, целительница. Помогите остановить его.

— Глупец, — снова сказала она. — А я, наверное, еще глупее.

Нодин улыбнулся с облегчением, которое было таким же бальзамом для его ожогов,

как примочки целительницы.

— Фаррек, — сказала она, снова поворачиваясь к всаднику, — у тебя еще есть телега, на которой ты прошлым летом отвозил товары на рынок?

— Да, целительница, конечно.

— А ты можешь одолжить на время лошадь, на которой ты пашешь?

— Пахотная лошадь? — вмешался Нодин прежде, чем тот успел ответить. — Вы, наверное, шутите! Как мы догоним Сартола на телеге, запряженной пахотной лошадью?

— Я вас лучше положу на телегу, чем на погребальный костер! — ответила целительница, оборачиваясь к нему. — Фаррек вот сказал мне, что вы потеряли сознание, как только он положил вас на свою лошадь. Это так?

Нодин неохотно кивнул.

— Так я и думала. А сейчас я хочу отвезти вас в Амарид, но мы поедем туда по-моему. Вы, может, и хотите спасти страну, маг, а я решила спасти вас, хотите вы этого или нет.

— Вы правы, целительница, — ответил он, все еще избегая ее взгляда. — Примите мои извинения и мою благодарность.

— Впряги лошадь в телегу, Фаррек, — распорядилась она, как будто вовсе и не слышала Нодина. — И приготовь всю еду, которую ты можешь нам дать.

— Вы сейчас уезжаете, целительница?

— Ты же его слышал. Если мы будем ждать до утра, он всю ночь проползет по лесу, как червяк, срывая все мои бинты и примочки. — Она пожала плечами. — Я не могу просто так это оставить.

— Хорошо, целительница, — ответил Фаррек, скрываясь за дверью. — Сию минуту.

Она снова посмотрела на Нодина и покачала головой:

— Да поможет тебе Арик, если окажется, что ты сумасшедший.

Оказалось, что Нодин не смог вынести даже боли, которую он испытал, когда его пересаживали с кровати на постель, устроенную в телеге. Он потерял сознание и не приходил в себя до самого утра. Лишь тогда он убедился в том, что целительница поверила его рассказу, поскольку в противном случае его бы поместили в его маленькой спальне, как только он лишился чувств.

Его постель, сработанная из соломы, была удивительно толстой и удобной. Дорога в лесу, по которой они ехали, была ухабистой, и телегу постоянно трясло и раскачивало из стороны в сторону. Тем не менее Нодин почти ничего не чувствовал.

— Пришел в себя, наконец, — сказала целительница безразличным голосом, даже не взглянув на него.

— Да, — ответил он. Затем осторожно сел, и, хотя его ожоги все еще болезненно пульсировали, он, по крайней мере, мог двигать руками и ногами. — Вы хорошо знаете свое дело, целительница. Ваши примочки, кажется, действуют.

— В бурдюке позади тебя есть бульон, — сказала она. — Он не очень теплый, но и такой сойдет.

Он нашел бурдюк, завернутый в тряпки, и сделал большой глоток. Бульон был соленый и вкусный.

— Спасибо, — сказал он, сделав еще глоток. — Замечательный бульон.

— Допивайте. Есть еще три полных бурдюка, а когда они опустеют, мы остановимся на постоялом дворе и купим еще.

— Вы знаете о других свободных городах в лесу Бога?

При этих словах она повернулась:

— Какое это имеет значение?

— Я просто хотел сказать, что свободный город с радостью даст нам еду. И все.

— Наш город поддерживает Орден, и я вам все-таки помогаю. Вы действительно думаете, что любой другой город независимо от своей принадлежности откажет в помощи человеку в вашем состоянии?

Он ничего не ответил, и она через мгновение покачала головой и снова стала смотреть

вперед.

— Мы проедем еще несколько миль, — сказала она через плечо, даже не оборачиваясь. — Затем остановимся, чтобы я смогла осмотреть ваши ожоги. А пока вам стоит еще немного поспать.

Он кивнул и затем, осознав, что она не ожидает ответа, сказал:

— Прекрасно. Спасибо, целительница.

— Меня зовут Янзе.

— Спасибо, Янзе.

Она оглянулась на него:

— А вас как зовут?

— Нодин.

Она кивнула, затем прикрикнула на лошадь. Он наблюдал за ней минуту или две, а затем лег на бок и закрыл глаза. С такой скоростью они доберутся до Амарида не раньше чем за две недели, но едва ли он мог жаловаться. Ему повезло в том, что он остался в живых, и еще больше повезло, что он вообще преследует Таммен.

«Сартола, — сказал он себе. — Ты преследуешь Сартола. Таммен мертва. Если богам ведомо хоть какое-то милосердие, она мертва».

Ронуэн узнала, что к ним присоединился еще один, сразу же, когда это произошло. Словно она ощущала себя частью большого круга, который внезапно расширился, чтобы принять еще одного. В этом месте, где свет был силой, а мысль — средством общения, ее круг, круг Неприкаянных, только что увеличился.

Она помнила свой первый день в качестве Неприкаянного мага с такой ясностью, от которой до сих пор щемило сердце. Тревдан, чей призрак сейчас сидел у нее на плече и чистил перья, был убит стрелой охотника несколько месяцев назад. Это было несчастным случаем; тот человек не хотел причинить ей вреда. Он плакал, когда снова и снова извинялся перед ней. И хотя она горевала, она все время считала, что скоро найдет нового любимца и будет служить стране всю свою жизнь. Но когда ее охватил жар, у нее не достало энергии исцелить себя, и она была слишком слаба, чтобы вернуться в Амарид и обратиться за помощью к другим магам.

Прежде чем она поняла, что произошло, она обнаружила себя в окружении такого яркого света, который почти ослеплял ее. Тревдан снова был с ней, что должно было все ей объяснить. Но только тогда, когда к ней пришел Терон, сдержанный и холодный, она полностью осознала свою смерть.

Она стала призраком, которому отказано в вечном покое и утешении. Она проведет вечность, погруженная в свет — фиолетовый, как цвет ее церилла, — и будет бродить в тени леса Тобина в пределах слышимости реки Халкии и в пределах видимости гор Парне. По крайней мере, таким она помнила это место, место, где она встретила Тревдана — свою первую и последнюю птицу. Она многое слышала и многое видела, когда кочевала по стране, но она не находила удовольствия в журчании реки и красоте гор. Прелесть подобных звуков и подобного зрелища были ей недоступны. Она находилась в сияющей тюрьме; она была мертва.

Там же находился еще один маг. Новый. «Хивел, — прошептали голоса у нее в голове. — Его зовут Хивел». Теперь он был в лесу Леоры, в том месте, где он встретил своего первого ястреба, хотя он погиб и не там. Она подойдет к нему в подходящее время. Не сейчас — не сегодня и даже не завтра. Сначала с ним поговорит Терон. Он со всеми говорил первым, как ему и подобало. Его Проклятие, его и круг. И когда Терон закончит, когда его изумрудное свечение удалится, оставив самого нового из Неприкаянных наедине со своим страхом и отчаянием, следующим к нему пойдет Фелан, чтобы приободрить его настолько, насколько будет в его силах, и проявить немного доброты в том месте, которое навеки останется местом скорби.

Так происходило почти со всеми. Это стало своего рода ритуалом, хотя и странным, по

правде говоря. Терон и Фелан. Один из них был самым оскорбляемым человеком, который когда-либо ступал по земле, а другой был любим и почитаем больше, чем всякий другой человек за всю историю Тобин-Сера, за исключением Амарида. Однако за время, проведенное с ними в качестве одной из Неприкаянных, она поняла, что в легендах о них было много преувеличений и, в то же время, преуменьшений. Они были людьми или, точнее, призраками людей. И как у всех людей, у них были свои добродетели и свои недостатки.

Терон был надменным и неприветливым. Даже разделяя его мысли, она чувствовала, что в нем есть какая-то отчужденность, желание отдалить себя от остальных. Казалось, он не способен на проявление доброты или теплых чувств. Но он не был злым, как она когда-то считала. Хотя он не хотел признавать этого, он чувствовал раскаяние из-за того, что сделал с другими в этом кругу. Он знал, что проклятие было ошибкой, и хотя в приветствии, с которым он обращался ко вновь прибывшим, не содержалось извинений или даже сочувствия, само оно, как она потом поняла, было попыткой искупления.

Фелан, с другой стороны, являлся олицетворением доброты. Один лишь звук его голоса, который был мягким и глубоким, как волны, накатывающие на берег ранним утром, принес ей некоторое облегчение в тот первый день. Он был так любезен с ней, так вежлив, что она даже смутилась от того, что такой великий человек, как он, столь внимателен к ней. И тем не менее слова утешения, хоть и произносились они от чистого сердца и были приятны, оказались напрасными. В целом, ей легче ничуть не стало; не было избавления от тоски, одиночества и печали. Он, который предпочел стать одним из Неприкаянных, чтобы провести вечность со своим любимым волком, понятия не имел, что значит оказаться в ловушке Проклятия Терона против собственной воли.

Поэтому она будет ждать своей очереди, и, когда придет время, она поговорит с Хивелом, который был всего лишь вторым магом, который присоединился к их кругу после ее смерти. И она расскажет ему о том немногом, что она узнала о существовании в этом царстве света и смерти. Что самое большое страдание происходит не от самого Проклятия и не от Терона, а скорее от сожаления и тоски по утраченным привязанностям, которые он принес собой. Что, несмотря на голоса, которые будут звучать у него в голове, когда он научится слышать их, здесь нет близких отношений, моральной поддержки, дружбы или любви. Есть только свет и воспоминания, и легче не станет никогда.

В следующее мгновение появилось что-то еще. Внезапно шепот в ее голове изменился, приобретая тревожный оттенок, какого Ронуэн никогда раньше не слышала. Даже когда голоса спорили, даже когда возникали разногласия среди Неприкаянных, существовал порядок голосов, который позволял ей понимать то, что говорилось, или точнее, о чем думалось. Это походило на посещение Собраний в Великом Зале Амарида. Но сейчас, вследствие того, что произошло, этот порядок исчез и сменился криками, которые поразили и напугали ее. Она почти ничего не могла разобрать в том, что говорилось; она поняла лишь, что Неприкаянные рассержены и испуганы. Затем одно слово достигло ее, несмотря на бедлам, творившийся в голове. Слово, которое остальные выкрикивали снова и снова. «Сартол!»

Сартол. Единственный, голос которого она никогда не слышала. Единственный маг среди Неприкаянных, к кому ей приказали никогда не обращаться. Она, конечно, знала, кто он такой. Все знали. И будучи членом Ордена, хоть всего и несколько месяцев, она, вероятно, знала о нем больше, чем многие люди в Тобин-Сере. Ей было известно о его предательстве, о его союзе с пришельцами и о том, что ему едва не удалось сделать так, чтобы за его преступления были наказаны другие. И она знала, что в свой первый день в качестве Неприкаянного мага он ослушался Терона и Фелана и чуть не погубил живых магов, которые сражались с пришельцами на Отроге Фелана. За это его изолировали от остальных. Терон велел ей даже никогда не думать о Сартоле.

— Насколько мне известно, — сказал ей как-то Магистр, — его не существует. Пусть он проведет вечность в полном одиночестве. Он заслужил это и при жизни, и после смерти.

Однако сейчас что-то изменилось. Потому что все думали о нем. Все выкрикивали его

имя, и оно стало отдаваться эхом у нее в голове, подобно грому в горах.

— Хватит! — проревел, наконец, Терон, и его голос обрушился на них, как волна, заставляя всех замолчать.

— Можете рассказать нам, что случилось, Магистр? — даже сейчас голос Фелана был глубоким и спокойным.

— Предатель избавился от Проклятия. И он снова разгуливает по стране.

— Как? — раздалось несколько голосов сразу, словно хор в одной из трагедий Цеарбхолла.

— Я не могу этого объяснить, — прогремел Терон. — По крайней мере, сейчас. Каким-то образом он использует тело и церилл живого мага. Он покинул место, где встретил свою первую птицу, и держит путь в Амарид.

— Созывающий Камень. — Ронуэн не знала, что другие услышали ее мысль, пока Терон не обратился к ней.

— Да, маг. Согласен с тобой. Один раз он чуть им не завладел. Он, наверное, думает, что все еще способен управлять им.

— Его можно остановить? — спросил Фелан.

Терон не ответил, и Ронуэн показалось, что у нее в голове надолго наступила полная тишина. Она не могла вспомнить, когда в последний раз переживала такое. Она почувствовала, что и другие ждут, гадая, что предпримет Терон.

— Я видел место, где он встретил первую птицу, — объявил Магистр, внезапно снова входя в их мысли. — Я понимаю, что он сделал.

— И? — спросил Фелан.

— Мы ничем не в состоянии помочь.

Хаос. Крики отчаяния. Вопросы сыплются на Терона со всех сторон.

— Он ничего не сделал, чтобы изменить Проклятие, — сказал Терон, снова заставляя всех замолчать. — Он просто нашел способ воспользоваться силой, которая у него есть. — Терон замолчал и затем сообщил: — Я вам покажу.

Через мгновение некий образ вошел в разум Ронуэн, и она сразу же все поняла. Он был ярок, но столь жесток и запутан, что его трудно было осознать целиком. В образе, посланном Тероном, фигурировало удаленное место на Северной равнине — то самое, где Сартол встретил свою первую птицу. Но вместо того, чтобы увидеть дух Магистра, как это должно было быть, Ронуэн видела только его призрачный посох, воткнутый в землю. Из церилла, закрепленного в наверхник, струился свет, который, подобно крови, сочился по древку посоха на тучную темную землю и тек на восток, по направлению к лесу Тобина и Амарида. Днем ни один живой человек ничего бы не увидел, и даже ночью путник увидел бы посох и, возможно, пятно желтого света у его основания, где энергия Сартола впитывалась в землю, но не более. Только Неприкаянные могли видеть все полностью и догадаться, что сделал Сартол.

Он был прикован к этому месту на равнине Проклятием Терона, но, используя церилл несчастного мага, он-таки нашел способ расширить возможность своего перемещения по стране. Любой из них мог сделать это, потому что все они были олицетворением Волшебной Силы. Но чтобы поступить так, они должны были быть способны на самый худший вид насилия. Это было насилием над личностью, и ничем иным. Любой человек, способный на такое...

Она не позволила себе закончить свою мысль. Ведь она мертва, она — призрак и только. Но она все еще любила страну и все еще верила в Волшебную Силу и в то, что она символизировала. Извратить это подобным образом казалось ей чем-то сродни богохульству.

И они ничего не могли поделать.

— Если бы он каким-нибудь образом изменил Проклятие, — сказал Терон всем им, — он бы, возможно, освободил и нас тоже. Тогда мы бы остановили его. Но если ни один из нас не захочет повторить то, что сделал Сартол, мы бессильны.

— А можем мы, по крайней мере, предупредить кого-нибудь? — спросила Ронуэн. —

Чтобы они сообщили Ордену и Лиге, что Сартол возвращается?

— Конечно, — ответил Терон. — Но, как всегда, они должны прийти к нам первыми. Мы сами не можем наладить с ними связь.

— Мы — воплощение силы, — горько сказал один из призраков. — И все же мы бессильны.

Ронуэн хотелось заплакать, но ее ярость не позволила даже этого. Она уставилась на ослепительный фиолетовый свет, окружавший ее. И на мгновение ей показалось, что она слышит смех, доносящийся до нее издалека.

— Мне хочется есть, мама, — сказала Мин, когда Элайна вела ее сквозь ряды купеческих лавок в районе старых слобод Амарида.

Элайна искала торговца, который продавал рубашки, подходящие Джариду. Его день рождения уже наступил и прошел, но из-за всего, что на них навалилось, они почти и не праздновали.

— Знаю, Мин-Мин, — ответила она. — Мне тоже. Но я хочу найти того торговца, и затем мы поедем, хорошо?

— А конфету можно?

Элайна засмеялась:

— Наверное. После того как поедем.

Они пропутешествовали еще несколько минут; Элайна искала торговца, а Мин напевала песенку себе под нос.

— Прошлой ночью мне приснился сон, мама, — сказала девочка через некоторое время.

— О чем? — рассеянно спросила Элайна, хмурясь и оглядываясь вокруг. Тот человек не мог уйти. Был слишком ранний сезон для того, чтобы купцы из старого района уже ушли в другие города, поменьше.

— О человеке, который идет сюда.

Элайна остановилась и посмотрела на свою дочь. Они сегодня собрали волосы девочки в узел на затылке, а когда ее волосы были убраны со лба и солнечный свет искрился в ее серых глазах, она выглядела прямо как мать Джарида.

— Что это был за сон, Мин-Мин?

— Вещий. Такой же, какой иногда бывает у вас с папой.

Видение. Элайна почувствовала, как ее сердце внезапно заколотилось, и ей пришлось сделать усилие, чтобы ее голос оставался спокойным.

— Мин-Мин, это очень важно: ты помнишь что-нибудь о человеке из своего сна?

— Мне он очень не понравился.

— Почему?

Мин пожала плечами:

— Мне кажется, он подлый. И я не думаю, что он вам с папой понравится.

— Почему ты так говоришь? — спросила Элайна, садясь рядом на корточки.

— Точно не знаю. Ты рассердилась, когда увидела его.

— Он что-нибудь сказал? Или мы что-то ему говорили?

Мин-Мин опустила взгляд и снова пожала плечами:

— Я не знаю, мама. Я заставила себя проснуться побыстрее. Мне очень не нравилось смотреть на него.

— Он тебя напугал, Мин-Мин?

Она кивнула.

— В таком случае ты поступила правильно, что проснулась. — Она заколебалась. Она не хотела заставлять Мин рассказывать то, что может напугать ее, но она также знала, насколько важно узнать как можно больше об этом человеке. — Ты помнишь, как он выглядел, Мин? Можешь рассказать мне о нем немного?

— Да. Он был магом, и он был большим.

— У него были седые волосы? — спросила Элайна, думая, что ее дочери, возможно, приснился Эрланд.

— Нет. Они были темными, но с проседью.

Элайна слегка вздрогнула, но затем улыбнулась собственной глупости. Она знала об одном маге, который подходил под это описание, но это не мог быть он.

— У него был голубой плащ?

— Нет, зеленый.

— А какого цвета был его камень?

— Желтого.

Она снова вздрогнула. Мин описывала Сартола.

— Ты уверена, что это был вещий сон, доченька? Уверена, что он не был таким страшным, что показался вещим?

— Уверена, мама. Я видела этого человека в Великом Зале. Уверяю тебя.

Элайна не хотела верить ей. Сартол был мертв. Он теперь с Неприкаянными, и это означает, что он навечно прикован к Северной равнине. Но Мин была слишком взрослой и хорошо знакомой с Даром прозрения, чтобы распознать видение, когда оно ей являлось.

— Как выглядела его птица? — спросила Элайна, не в силах сдержать дрожь в голосе.

— Это был ястреб, большой, и, кажется, таких я раньше не видела.

Элайна напряглась, пытаясь вспомнить, какой была первая птица Сартола. Он ей как-то говорил в то время, когда учил ее, очень давно, когда они были еще друзьями. До того, как она узнала, что он — предатель и убийца. Столько всего произошло с тех пор; столь многое изменилось. Она не могла больше вспоминать.

— Мама, ты боишься?

Она давным-давно поняла, что невозможно лгать Мин. Дочка была слишком проницательной.

— Немного, Мин-Мин. Человек, которого ты описала, не из тех, кого бы я хотела снова увидеть.

— Он мертв?

Элайна почувствовала, как кровь отхлынула с ее лица.

— Почему ты так решила?

— Потому что так выглядели его глаза, — тихо ответила Мин.

— А как они выглядели? — спросила она, на самом деле не очень-то желая это узнать.

— Так, словно они горели.

Элайна кивнула, точно зная, что имеет в виду девочка. Как-никак, она видела Терона, да и Фелана тоже. Она знала, что значит смотреть в глаза Неприкайным. Остановившись и взяв Мин за руку, она направилась назад, в Великий Зал.

— А как же рубашка для папы?

— Мы ее купим как-нибудь в другой раз. А сейчас мне нужно рассказать папе о твоём сне.

— Помедленнее, мама, — попросила Мин. — Ты идешь слишком быстро.

— Извини, Мин-Мин.

Она заставила себя идти медленнее, но продолжала оглядываться через плечо и внимательно всматриваться в переулки, словно опасаясь, что их преследует призрак Сартола.

Как только они добрались до Великого Зала, Элайна отвела Мин к Джариду и попросила повторить ему то, что она рассказала. Когда Мин опускала подробности, Элайна сама добавляла их, но во всем остальном она позволяла дочери пересказывать сон так же, как она делала в первый раз. После того как Мин закончила, все долго хранили молчание. Джарид с Элайной обменялись взглядом, и она по глазам Орлиного Магистра поняла, что он узнал того, кого описала Мин.

— Мин-Мин, — наконец сказала Элайна, — может, ты пока сходишь на кухню и что-нибудь поешь? Нам с папой надо поговорить.

— Хорошо, — тихо ответила она, направляясь к двери. Но, дойдя до нее, она

остановилась и снова повернулась к ним. — Мне страшно оставаться одной, мама. Я боюсь того человека.

Элайна подошла к ней и крепко ее обняла:

— А что если я позову Валли? Так тебе будет легче?

Мин кивнула, и Элайна отвела ее на кухню. Дав девочке еды и дождавшись Валли, горожанку, которая присматривала за Мин, она вернулась в их покои и села на один из больших стульев. Джарид оставался на том самом месте, где и стоял, когда она уходила. Он пребывал в центре комнаты, уставившись на пустой камин, а его огромный орел, как всегда, сидел на каминной полке.

— Что, по-твоему, это может означать? — спросил он, как только Элайна закрыла за собой дверь.

Она покачала головой:

— Я не хочу ни о чем думать. Я даже не уверена в том, что это — настоящий Дар Прозрения.

— Я тоже это обдумывал, — согласился он. — Но мы никогда не рассказывали ей о Сартоле. Как она могла так точно описать его, если сон не был вещим?

— Не знаю. Но я также не знаю, как это он может идти сюда. Он прикован Проклятием к месту встречи со своей первой птицей.

— А может быть, это был не Сартол? Может, мы позволяем нашим собственным страхам и воспоминаниям вторгнуться в сознание Мин?

Элайна убрала волосы со лба:

— Хотелось бы в это поверить. Но ты слышал, что она сказала о его глазах. Она видела Неприкаянного мага. Да и исходя из всего остального, что она нам рассказала, я вынуждена признать, что это был он.

— Для чего ему идти сюда? Чтобы отомстить?

— Да. И еще — Созывающий Камень.

Лицо Джарида стало пепельно-серым.

— Я и забыл о камне.

— Я ничего не забыла.

Он одарил ее доброжелательным взглядом:

— Твоей вины в случившемся не было. Сейчас ты уже должна понять это.

— Я знаю.

В буквальном смысле все было так. Долгое время после того, как выяснилось, что Сартол — предатель, она винила себя за то, что не распознала его хитрости. Но, наконец, Элайна поняла, что она виновата ничуть не больше, чем любой другой маг Ордена. Сартол провел их всех, а когда она училась у него магии и знала его лучше всех, она также была более восприимчивой к его лжи. Она относилась к нему с почтением. Он был ей словно вторым отцом. И она воспринимала все то, что он говорил, не просто как правду, но и как уроки, которые нужно выучить. Но сейчас, думая о нем после того, как прошло столько времени, чувствуя старый страх от того, что Сартол снова появился в ее мыслях, она не могла не почувствовать, как возвращается и ощущение вины.

И прекрасно зная ее, Джарид это понял. Он подошел и обнял ее:

— Ты знаешь, что это была не твоя вина, но ты все еще чувствуешь себя слегка виноватой.

Она криво улыбнулась:

— Да. Что-то вроде этого.

Он улыбнулся и поцеловал ее. Но затем его лицо снова стало серьезным.

— Мы должны остановить его, Элайна. Один раз мы его уже остановили, и мы снова это сделаем.

— Как? — спросила она, качая головой и чувствуя, что начинает дрожать. — Если ему удалось переменить Проклятие Терона и он настолько уверен в своих силах, что идет за нами в качестве призрака, почему ты надеешься, что мы можем победить его?

— Орлы. Теперь мы знаем, почему они появились. Они здесь, чтобы объединить нас, чтобы примирить Орден и Лигу и даровать нам достаточно сил и мужества для его уничтожения.

— В прошлый раз нам всем с трудом это удалось, — сказала она. — А что, если он сейчас еще сильнее?

— Нам тоже нужно быть сильнее. Какой у нас выбор? — Он всегда был решительным и пылким. Эти его черты тоже сыграли свою роль в том, что она влюбилась в него много лет назад. Но, глядя сейчас в его серые глаза, она увидела в них такую решимость и уверенность, каких никогда не замечала в нем раньше. — Весь Тобин-Сер зависит от нас, — сказал он ей. — Но еще важнее то, что и Мин зависит от нас. Я сам уничтожу его, если именно это потребуется, чтобы спасти ее.

20

Очевидно, лидеры всех больших Налей Лон-Сера заинтересованы в поддержании стабильности и порядка. Мы живем в беспокойные времена, что было столь ярко продемонстрировано недавним убийством Правительницы Уэрелла-Наля Шивонн. А теперь, с трагической смертью Правительницы Мелиор И Лакин, Брагор-Наль понес такую же невосполнимую утрату. Для народа Тобин-Сера настало время скорбных размышлений. Настало время вспомнить нашего павшего лидера и почтить все то, что ей удалось совершить.

Но также это и время страха, время неопределенности. Брагор-Налю нужен лидер, способный провести его через кризис, лидер, который может дать народу Наль уверенность в завтрашнем дне.

По этой причине и в соответствии с процедурами, установленными Договором, заключенным на Мысе Звезд в 2802, я настоящим официально подаю петицию Совету Правителей Лон-Сера о признании моего права на пост Правителя Брагор-Наля и принятии меня в число членов Совета.

Официальная петиция о принятии в Совет Правителей, представленная на рассмотрение Добиром И Ваарином, оверлордом Первого доминиона Брагор-Наля, день 1, неделя 8, весна, год 3068

Вирсия до сих пор точно не знала, почему она согласилась на это. Марар один раз уже ее обманул, и не исключено, что легкость, с которой ее одурачили, стоила Мелиор жизни. И тем не менее всего лишь несколько дней спустя после смерти Брагорской Правительницы она здесь, потому что согласилась встретиться лицом к лицу с Добом, назначенным Правителем. Она почти ничего о нем не знала, не считая того, что он был оверлордом и что когда-то так же, как Мелиор, он был изгоем.

В этом-то, наверное, все и дело. Она подвела Мелиор, позволив Марару обманом заставить ее прервать начавшуюся было зарождаться дружбу между нею и женщиной-гилдрином. В известном смысле, встреча с Добом была ее попыткой загладить свою вину. К несчастью, этот поступок не мог исправить уже ничего.

Доб предложил встретиться в резиденции на Мысе Правителей, в помещении, где обычно проводился Совет. Это было, как она решила, весьма бесцеремонно с его стороны. Его петицию на вступление в Совет еще только должны были одобрить, а он уже приглашает ее на тайную встречу, словно он уже член Совета не первый год. Но именно дерзость его приглашения убедила ее. Очевидно, он хотел обсудить что-то важное, и в свете того, что Вирсия знала о Мараре, у нее не было другого выбора, нежели выяснить, в чем тут дело.

Но когда ее воздухолет подлетал к старой резиденции, она начала испытывать опасения. Что, если Доб считает ее каким-то образом виновной в смерти Мелиор? Или он хочет в качестве прелюдии к вторжению поднять панику в Уэрелла-Нале? Она ничего о нем

не знает, по крайней мере ничего существенного. Что, если это — ловушка?

Услышав такие мысли от другого, Шивонн покачала бы головой. «Подозрительные люди одиноки в этом мире, — сказала она как-то Вирсии, когда та, еще будучи легатом, выразила сомнения относительно Мелиор. — Если ты будешь искать врагов, ты никогда не найдешь друзей».

Конечно, Шивонн теперь мертва, убитая наемницей, которой она позволила подобраться слишком близко. Вирсия потерла лоб рукой и покачала головой. Она не такая доверчивая и никогда ею не была. А недавние события снова напомнили ей почему. Она судила о людях с худшей стороны. И не доверяла Мелиор, потому что боялась ее возможностей как гилдрина и не могла забыть, что она когда-то была изгоем. И тем не менее она почти согласилась на союз с Мараром, которого теперь считала виновным в смерти Мелиор и который был, вероятно, повинен и в смерти Шивонн.

— Мы будем в резиденции через несколько минут, Правительница, — сообщил ей пилот по внутренней связи.

Она чуть не приказала ему, чтобы он развернул воздухолет и летел обратно во дворец. Она уже опустила палец на кнопку, но затем остановилась.

Если ты будешь искать врагов...

Она все-таки нажала на кнопку, но лишь для того, чтобы поблагодарить пилота.

Они приземлились через несколько минут, и Вирсия увидела, что воздухолет Брагорского Правителя уже на месте. Она улыбнулась самой себе. По крайней мере, этот человек так же бесцеремонен со своими собственными людьми, как и с ней. Она не спеша вышла из воздухолета и направилась к резиденции. Может быть, встречу назначил и он, решила Вирсия, но здесь и сейчас только она настоящая Правительница. И она решила дать ему понять это. Она также взяла с собой на редкость большое количество охранников, помимо двух легатов, которые обычно сопровождали ее, и на всякий случай они маршировали, образовав вокруг нее фигуру, напоминающую ромб.

Однако, войдя в резиденцию, она поняла, что смогла предугадать далеко не все. Прежде всего, Доб, вместо того чтобы ждать ее на ступеньках, ведущих в палату, где проводились заседания, стоял на входе в фойе резиденции. И он был один.

— Приветствую вас, Правительница, — бодро сказал он. — Вы и ваши легаты можете пройти в палату Совета, но вашей охране придется остаться здесь, со мной.

— Что? — спросила она. — Почему я должна... — Она внезапно замолчала, когда смысл его слов полностью дошел до нее. — Останется с вами? Мне казалось, что встретиться с вами должна именно я.

— Вы скоро все поймете, Правительница. — Он указал на изогнутую лестницу. — Прошу вас. Время поджидает.

Она пристально смотрела на него несколько мгновений.

— Я не уверена, что могу вам доверять, — призналась она.

Он усмехнулся, а его голубые глаза заискрились под копной непослушных волос. Он был весьма привлекателен, и красота его была по-мужски грубоватой. Она поймала себя на мысли, что он, наверное, был очень хорошим бандитом.

— Я вас не виню, — сказал он. — Поэтому я и стою перед вами один и невооруженный. Если вам причинят вред, ваши охранники смогут отомстить за вас, убив меня.

Она постояла еще несколько секунд, разглядывая его, затем кивнула.

— Следите за ним, — сказала она, поворачиваясь к капитану. — Но если ничего не случится, не трогайте его.

— Слушаюсь, Правительница, — ответил он. Она начала подниматься по ступенькам, сделав своим легатам знак следовать за ней. Было только одно объяснение всему этому, и она точно не знала, как к этому отнестись. С одной стороны, она чувствовала себя спокойно, спокойнее, чем она могла бы предположить. Но она была и рассержена. Сколько еще уловок ей предстоит вытерпеть от своих собратьев Правителей?

Несмотря на то что она была готова к этому, ее легаты не были, и когда они вошли в палату Совета и увидели Мелиор, сидящую на своем обычном месте, в полном здравии, с загадочной улыбкой на губах, они одновременно разинули рты от удивления.

— Забавно, — сухо сказала Вирсия, — на мертвую ты не похожа.

Мелиор улыбнулась еще шире:

— Буду считать это комплиментом.

— Не знаю точно, как ты должна это воспринимать. Ей-богу, Мелиор, что все это значит? Что мы здесь делаем? Почему ты притворяешься мертвой?

Та широким жестом указала Вирсии на стул.

— Пожалуйста, присаживайся, — сказала она. — Я отвечу на все твои вопросы, но на это потребуется время.

Вирсия села неохотно, а садясь, оглядела комнату. Рядом с Мелиор сидело двое мужчин. Один из них — Джибб, глава ее Службы Безопасности, с которым Вирсия встречалась несколько раз ранее. Второго она не знала. У него были длинные руки и ноги, худое лицо и живые светлые глаза, которые на мгновение скользнули по лицу Вирсии, а затем снова стали блуждать по комнате. На нем была такая же форма, как на Джиббе, что означало, что он тоже из Службы Безопасности; но в отличие от Джибба при нем не было никакого оружия.

Мелиор, как обычно, была вооружена лучеметом. Она была одета в темные свободного покроя брюки и тунику цвета слоновой кости. Единственное, что отличало ее от обычного изгоя, — это ее посох, который лежал поперек стола; его темно-красный камень ярко светился, словно напоминая Вирсии, почему она не доверяла Мелиор.

— Прежде всего, — начала Мелиор, торжественно посмотрев на нее, — прими мои извинения за обман. Уверяю тебя, это было крайне необходимо. Я хочу, чтобы Марар считал меня мертвой, и поскольку я не знаю, кого из моих людей он сманил в шпионы, мне нужно, чтобы все они тоже считали меня мертвой.

— Что ж, могу тебе сказать — Марар в этом убежден, — ответила Вирсия. — Он связался со мной несколько дней назад, чтобы сообщить мне об этом, и у него определенно голова пошла кругом от радости. По крайней мере, сначала.

— А потом что случилось?

— Я спросила, как ему удалось так быстро узнать о твоей смерти, и когда он начал юлить, я обвинила его в твоей смерти и в смерти Шивонн тоже.

Мелиор подняла бровь:

— Ты и в самом деле так считаешь?

Вирсия пожала плечами, и ее взгляд снова скользнул по камню Мелиор.

— Теперь я не знаю, что думать. Откровенно говоря, я не доверяю ни одному из вас.

— А если бы я представила тебе доказательство того, что Марар пытался сделать так, чтобы меня убили?

— Какое доказательство?

— Расскажи ей, — сказала Мелиор через плечо.

Лысый охранник прочистил горло и шевельнулся на стуле. У него было большое золотое кольцо в ухе, которого она раньше не заметила.

— Я, — сказал он. — Я и есть это доказательство. Я — предатель. Марар нанял меня убить Правительницу и генерала и заплатил мне большим количеством золота.

Она долго смотрела на него, пока у него на лице не дернулась мышца и он не отвел взгляд. Он мог лгать. Вирсия не могла исключить того, что Мелиор могла заставить его сказать это, чтобы завоевать ее доверие. Подозрительные люди одиноки в этом мире... Но в том-то все и дело, что было не похоже, что он говорит неправду. И Мелиор — тоже. Она посмотрела на Джибба и увидела, что у него перевязано плечо.

— Что случилось с твоей рукой? — спросила она.

— Я пытался обуздать мятежного лорда, и все это закончилось перестрелкой. — Он пожал плечами. — С рукой не все так плохо, как кажется.

— Премель спас ему жизнь, — добавила Мелиор.

Джибб сделал кислое лицо, но ничего не сказал.

В этой истории было гораздо больше, чем они ей рассказали, поняла Вирсия, но это мало ее заботило. Самое главное, что она им верила. И в тот момент она бы не поменялась местами с человеком по имени Премель за все золото Лон-Сера.

— Ну, так чего вы хотите от меня? — спросила Вирсия, снова переводя взгляд на Мелиор.

Та улыбнулась, и облегчение так отчетливо было написано у нее на лице, что Вирсии тоже пришлось улыбнуться.

— Спасибо, — сказала Мелиор.

— Я еще пока ничего не сделала.

— Вообще, ты, вероятно, сделала больше, чем думаешь. Если Марар считает, что он сделал тебя своим врагом, он, скорее всего, захочет иметь дело с Добом, чего мы от него и добиваемся.

— Удивляюсь, что ты не отправилась просто-напросто в Стиб-Наль и не избавилась от него.

— Я бы так и сделала, но я боялась, что это приведет к войне с Матриархией.

Вирсия на некоторое время задумалась и после кивком признала ее правоту:

— Вероятно так бы и случилось.

— Кроме того, — продолжила Мелиор, — Марар кое-чем занят. Он сказал Премелю, что получает золото из Тобин-Сера, и я хочу знать, как такое возможно.

Вирсия бросила взгляд на сотрудника службы безопасности:

— Он в самом деле тебе такое сказал?

Премель кивнул.

— А он сказал что-нибудь еще?

— Нет, — ответила Мелиор. Вирсия снова повернулась к ней. — Мы с Джиббом были рядом во время их разговора, — пояснила она. — Он не сказал ничего конкретного. Вот тут-то ты и сможешь нам помочь. Помимо того, что ты будешь подыгрывать нам, ведя себя так, словно ты веришь, что я мертва, рассматривая петицию Доба и всякое такое, — ты также можешь приказать своим легатам поговорить с некоторыми из купцов, которые часто посещают твои порты. Выясни, не заметил ли кто-нибудь из них необычной активности между Стиб-Налем и Тобин-Сером.

— Хорошо. Еще что-нибудь?

Мелиор задумалась на мгновение:

— Наверное, не помешает, если ты поднимешь шум вокруг встречи, которая должна была произойти у тебя сегодня с Добом. Создай впечатление, что вы с Добом вступили в тесный контакт. Если нам удастся как следует напугать Марара, он, возможно, совершит ошибку. Но будь начеку. Если он решит, что ты представляешь для него угрозу, он, не колеблясь, пошлет еще одного убийцу к тебе во дворец.

— Я знаю, — ответила Вирсия, кивнув. — Безопасность во дворце никогда еще так не усиливалась.

Несколько минут прошло в неловком молчании. Говорить уже было особо не о чем, а им обоим никогда не удавалось особо умело поддерживать разговор.

— Ну, а что ты собираешься делать дальше? — наконец спросила Вирсия.

— Марар все еще должен Премелю определенное количество золота. Сегодня мы собираемся получить его.

— Зачем?

— Я хочу допросить курьеров и выяснить, знают ли они, какие купцы доставляют золото. И я хочу знать, кому еще платят в моем дворце.

Вирсия медленно кивнула, обдумывая сказанное. Она почти не сомневалась, что в Матриархии тоже были предатели, и она бы многое отдала за похожую информацию.

— Дай мне знать, когда ты все выяснишь, — попросила она.

Мелиор улыбнулась:

— Конечно.

После очередного непродолжительного молчания Вирсия встала, ее легаты тоже.

— Нам пора, — сказала она.

— Хорошо. Мы подождем, пока ты со своими людьми не уйдешь. Будет лучше, чтобы твоя охрана меня не видела.

— Они будут знать, что я вообще не разговаривала с Добом. У некоторых из них могут возникнуть подозрения.

Мелиор сжала кончики пальцев обеих рук вместе и нахмурилась. Некоторое время она сидела совершенно неподвижно и затем наконец пожала плечами:

— Ничего не поделаешь. Объясни это им, как сочтешь нужным. Если ты им доверяешь, то мне ничего другого не останется, как тоже им доверять. А если не доверяешь, найди способ помешать им связываться с кем бы то ни было, по крайней мере в течение следующих нескольких дней.

— Ладно, — согласилась Вирсия, несколько неуверенная в том, что ей делать. Ее доверия к ним хватало на то, чтобы брать их с собой, но доверять им в деле такой важности — это совсем другое. На обратном пути ей придется обо всем этом хорошо поразмыслить. Она встретила взглядом с Мелиор и заставила себя улыбнуться. — Не беспокойся об этом, — сказала она. Так или иначе, я сохраню в тайне твой секрет.

— Я в этом и не сомневалась, — сказала Мелиор, тоже улыбаясь. — Да хранит тебя Арик, Правительница.

— И тебя.

Вирсия повела своих легатов к дверям, но на пороге остановилась и оглянулась на Мелиор. Та зажмурила глаза и потирала лоб, словно у нее болела голова. Увидев, как Вирсия поворачивается, Джибб прочистил горло. Через мгновение Мелиор снова смотрела на нее с улыбкой на губах.

— Что-нибудь еще, Правительница?

— Нет, — мягко ответила Вирсия. Ей очень хотелось сказать Мелиор, чтобы она была осторожнее, но их отношения никогда ничего подобного не предусматривали. Кроме того, Мелиор никогда не поступала легкомысленно, предпринимая что-нибудь серьезное. — Нет, — снова сказала она. — До скорой встречи.

Но пока она спускалась по ступенькам и шла к воздухолету, она не могла не думать о том, увидит ли она Мелиор снова.

Когда они вернулись в Золотой Дворец, Премель и Доб устроили целое представление, войдя во дворец вместе и отвлекая охранников столько, сколько требовалось Мелиор и Джиббу, чтобы проскользнуть через вентиляционную шахту и пробраться в комнату Мелиор. Как только они попали туда, им оставалось лишь ждать. Все приготовления предстоящей встречи с курьерами осуществлялись Премелем, в то время как Мелиор внимательно наблюдала, оставаясь невидимой.

Они должны были встретиться с ними час спустя после наступления темноты в туннелях всего лишь в двух квадрах на юг от дворца. Встреча обещала быть довольно простой. Курьеры будут вооружены, но не до зубов. Мелиор предполагала, что большинство курьеров носят по два лучемета; возможно, где-нибудь у них припрятан и нож. Вот и все. Большее количество оружия привлечет внимание и к ним, и к золоту, которое они возят с собой, а это им нужно меньше всего. Из того, что сказал ей Премель, Мелиор сделала вывод, что у курьеров Марара был примерно такой подход к делу.

— Тогда почему я так нервничаю? — спросила она, резко вставая со стула и начиная ходить взад и вперед по спальне.

— Что? — спросил Джибб, даже не потрудившись открыть глаза. Он лежал на ее диване, словно и в самом деле думал, что сможет заснуть.

— Как ты можешь так спокойно лежать?

Он открыл глаза:

— А в чем дело?

— Не знаю. У меня дурное предчувствие относительно сегодняшней ночи. — Ее ладони вспотели, и она вытерла их о брюки.

— Что вы имеете в виду?

Она пожала плечами и скрестила руки на груди, словно продолжала ходить.

Глаза Джибба скользнули по ее посоху с камнем, который был прислонен к стене возле кровати.

— Вы... вы что-нибудь видели?

— Нет. Ничего такого. Это просто предчувствие.

— Может быть, нам не ехать? Мы всегда сможем...

— Нет, — сказала она, останавливаясь перед ним. — Мы сделаем это сегодня ночью. Мы слишком близко подобралась к результату, чтобы теперь останавливаться.

Он провел рукой по своим темным кудрям.

— Хорошо, — вздохнул он. — Но в таком случае не знаю, что вам сказать.

— А я знаю. — Она снова стала ходить по комнате. — Я веду себя глупо. Продолжай спать, Джибб. Со мной все будет в порядке.

— У меня есть идея получше, — сказал он, вставая. — Может, мне оставить вас одну и вы сможете поспать?

Она снова остановилась:

— Нет. В смысле, может быть, ты и прав. Я прилягу ненадолго, но предпочла бы, чтоб ты не уходил. Мне не хочется оставаться одной.

Он улыбнулся и снова сел на диван:

— Как скажете.

Она подошла к кровати и легла. И хотя она не могла заснуть, ей стало спокойнее. А Джибб заснул, и медленный ритм его дыхания также действовал на нее успокаивающе. Словно одно его присутствие давало ей чувство некоторой безопасности.

«Жаль, что я не могу заставить себя полюбить его, — подумала она. — И как хорошо, что он все-таки здесь».

При этой мысли лицо Орриса предстало перед ее мысленным взором, и старая боль шевельнулась в ее груди.

К счастью, несколькими минутами позже Премель постучал в дверь, пробудив Джибба ото сна и оторвав ее от грустных мыслей.

— Правительница, генерал, время подходит, — сказал охранник, просунув голову в комнату.

Мелиор села и убрала волосы со лба:

— Спасибо, Премель. Я скоро буду готова.

— Да, — сказал он. — Я буду ждать в соседней комнате.

Он убрал голову и закрыл дверь.

— Даю вам минуту или две, — сказал Джибб, потягиваясь и направляясь к двери. — Позовите меня, если я вам понадобится.

Через мгновение он вышел, и Мелиор постаралась подготовиться как можно лучше. Она встала, пристегнула лучемер к бедру, а ее кинжал скользнул в ножны на правом сапоге; немного подумав, она взяла второй лучемер из ящика стола и положила его в один из внутренних карманов пальто.

Удовлетворенная тем, что уже собралась, она направилась к двери. Но, дойдя до нее, она услышала плачущий звук, доносящийся с письменного стола. Поначалу она подумала, что это говорящий экран, и решила не отвечать. Было неизвестно, кто это мог быть. Возможно, это Марар, желающий поговорить с Добом. Но затем она поняла, что звук исходит от ее карманного коммуникатора, код которого был известен немногим.

Вернувшись к письменному столу, она вытащила устройство и включила его.

— Да? — сказала она.

— Я просто хотел дать вам знать, что готов ехать и жду вас, Правительница.

Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что этот голос принадлежит водителю.

— Что-что?

— Мобиль уже готов, — сказал Виан, его голос казался тонким и странным через маленький громкоговоритель.

— Мы идем в туннели, — сказала Мелиор, раздумывая, откуда он вообще мог узнать об этой вылазке. Они с Джиббом и Премелем решили никому об этом не говорить. Даже Добу.

— Генерал Премель дал мне понять, что вы передумали.

— Ну, а я не передумала. Будет безопаснее пройти под землей.

— Вы уверены, Правительница? Я могу доставить вас туда в считанные секунды.

— Совершенно уверена, — ответила она. — Но все равно спасибо тебе. — Она выключила устройство, и сразу же раздался стук в дверь.

— Кто там?

Джибб открыл дверь.

— Нам пора.

Она кивнула и вышла вслед за ним из комнаты. Она скажет Премелю о звонке водителя позже.

Они пробрались на подземный этаж по шахте лифта и вошли в туннели через проход, который существовал, как ей сказали, с самых первых дней Консолидации. Отсюда добраться туннелями до места встречи, находившегося на северной границе Шестнадцатого квартала, было парой пустяков. Туннелями в этой части Наля редко пользовались, и они были плохо освещены. Премелю и Джиббу пришлось включить фонарики, а она, конечно, использовала свет от своего камня, но они шли по коридорам медленнее, чем хотелось бы Мелиор.

Когда они оказались в пределах одного или двух поворотов от места встречи, Премель отправился вперед, чтобы найти курьеров. Джибб и Мелиор должны были ждать сигнала, одиночной вспышки света от фонарика Премеля, прежде чем показаться. Но Премель вернулся уже через несколько минут.

— Их еще здесь нет, — тихо сказал он, и его худое лицо нахмурилось.

— А раньше они опаздывали? — спросила Мелиор.

— Нет. Обычно они меня ждут.

Она на мгновение прикусила губу:

— Ну что ж, дадим им несколько минут. Мне бы не хотелось приходить сюда еще раз.

Оба мужчины кивнули, и они прождали там в тишине некоторое время, прислушиваясь к голосам или звукам шагов.

Через несколько минут Мелиор вспомнила о звонке водителя.

— Зачем ты сказал моему водителю, что он нам понадобится сегодня ночью? — спросила она Премеля. — Мне казалось, что мы решили воспользоваться туннелями еще несколько дней назад.

— Я ничего не говорил водителю об этом, — ответил Премель. — Я с ним даже не разговаривал.

Мелиор посмотрела на Джибба:

— Ты?

— Я ни с кем об этом не говорил, за исключением Доба.

— Доба? Зачем ты ему сказал?

— Потому что я хотел, чтобы кто-то знал, куда мы идем.

— Ты думаешь, он мог сказать об этом водителю? — спросил Премель.

Джибб покачал головой:

— Я дал ему ясно понять, чтобы он ни с кем об этом не говорил.

— Водитель сказал мне, что это был ты, — сказала Мелиор, снова поворачиваясь к Премелю. — Я в этом уверена.

— Значит, водитель лгал.

— Точно? — спросил Джибб, глядя на Премеля с явным недоверием.

— Да.

— Потому что, если бы он не лгал и ты сделал бы что-нибудь, чтобы предупредить этих курьеров...

— Тихо! — прошипела Мелиор. — Вы слышали?

Джибб и Премель сразу же замолчали, и Мелиор напрягла слух, чтобы снова услышать тот звук. Он был похож на звук шагов, тихих и медленных, словно кто-то осторожно приближался. Но было в этом что-то странное. Она точно не знала, что именно.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они снова не услышали этот звук, по-прежнему тихий; ошибиться они не могли. Но он скорее доносился не спереди, оттуда, где должны находиться курьеры, а сзади, как будто их кто-то преследовал.

И неожиданно, хотя и слишком поздно, ей все стало ясно: легкость, с которой им удалось организовать эту встречу, звонок Виана, то, почему не появлялись курьеры, — все стало понятно.

— Засада! — успела она крикнуть, хватаясь за лучемер.

Мгновение спустя туннели ожили от лучемерной стрельбы. Лучи ярко-красного света прорезали тьму, неся с собой облака дыма, а попадая в каменные стены, высекали снопы искр и шипели, как жир на сковородке. Мелиор, Джибб и Премель бросились на пол и открыли ответный огонь, но они были в середине прямого коридора, где негде было спрятаться, а нападавшие на них заняли места по углам обоих его концов. Единственное, что спасло их от неминуемой смерти, — это маленькая комната в нескольких футах от того места, где они стояли. И если бы не Премель, Мелиор никогда не узнала бы, что она там была.

Крикнув Джиббу и Мелиор, чтобы они следовали за ним, Премель бросился в комнату. Джиббу также удалось вползти туда, а Мелиор перекатилась по полу, выстрелив еще раз в двух убийц перед ней, а затем перекатилась второй раз в комнату как раз в тот момент, когда два красных луча ударили в дверную коробку над ее головой.

Чудесным образом никто из них не был задет, но их положение намного не улучшилось. Комната давала им некоторое прикрытие, но ширина входа в нее едва позволяла двум из них вести огонь одновременно. Они были там как в ловушке. Они могли только держать нападающих на расстоянии. Выбраться оттуда казалось невозможным.

Так как лишь вдвоем можно было вести огонь одновременно, они периодически сменяли друг друга. Из-за своего ранения Джибб мог стрелять только в одном направлении, что делало их стрельбу по очереди несколько сбивчивой. Но им удавалось поддерживать достаточно постоянный заградительный огонь, вынуждая нападающих не высовываться.

В свою очередь у нападающих времени было хоть отбавляй, и они, кажется, это знали. Они вели огонь нерегулярно, не придерживаясь никакого ритма, который бы позволил Мелиор и ее спутникам выбирать наиболее удобные моменты для своих залпов. Мелиор как-то высунула голову и руку, чтобы выстрелить, и увидела, как пучок пламени сразу же вырвался из лучемета одного из нападавших. Она едва успела отклониться, увлекая за собой Премеля, прежде чем огонь прошел сквозь дверной проем.

После этого все трое стали менять положение, из которого вели огонь, иногда садясь на корточки или становясь на колени, иногда вставая и время от времени даже ложась на живот. Но чем дольше продолжалась перестрелка, тем меньше становились их шансы уцелеть. Все чаще жизнь каждого из них висела на волоске, как у Мелиор некоторое время тому назад. Их комната начала наполняться дымом, а их лучемеры становились все горячее и горячее, и Мелиор уже стала думать, не выйдут ли они из строя вообще.

— Нужно что-то предпринять, — сказал, наконец, Джибб хриплым шепотом, ведя огонь по коридору.

Премель, который тоже стрелял, открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого начал кашлять. В конце концов, он просто выразил свое согласие кивком.

— Идеи есть? — спросила Мелиор, переводя взгляд с одного на другого.

— Думаю, — ответил Премель после очередного приступа кашля, — что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы спрашивать, принесли ли они мое золото.

Мелиор с Джиббом засмеялись так громко, что убийцы моментально прекратили огонь. Однако через несколько секунд после того, как их смех прекратился, нападавшие возобновили огонь, загнав Джибба и Премеля обратно в комнату.

— Ты заметил, — спросил Джибб, — что огонь справа гораздо слабее, чем огонь слева?

— Конечно, — ответил Премель. — Справа всего лишь один стрелок. Слева — двое.

— Я не об этом. Справа стрелок не только один, он еще и не так хорошо стреляет.

Мелиор кивнула. Она тоже это заметила, хотя и не обратила на то особого внимания.

— Готов поспорить, что это — ваш водитель, — продолжал Джибб. — Это означает, что, хотя он вооружен, он не обучен.

— Так что ты предлагаешь?

— Одному из нас нужно броситься на него.

— Ты, наверное, с ума сошел! — сказал Премель. — Кто бы ни стал это делать, его убьют прежде, чем он сделает хоть два шага!

— Или она, — поправила Мелиор. — И этого не произойдет, если те, кто останется, прикроют ее.

Джибб широко улыбнулся ей:

— Вот именно. Вы оба займете места, и, когда вы начнете стрелять, я его возьму.

— Ты никуда не пойдешь, — сказала ему Мелиор. — Только не с одной здоровой рукой, — Она вытащила второй лучемет из своего пальто и затем, немного подумав, сняла его.

— Я не позволю вам это сделать, — сказал Джибб.

Прежде чем Мелиор успела ответить, они услышали шаги в коридоре. Джибб с Премелем сразу же бросились назад к входу и открыли огонь, вынудив убийц отступить.

— Вам нельзя это делать! — крикнул Джибб через плечо, продолжая стрелять. — Если вы не можете послать меня, пошлите Премеля. Но...

— Это не подлежит обсуждению, Джибб. Никто из вас не умеет стрелять и обращаться с ножом так, как я. И к тому же я — Правительница. И я принимаю решения.

Она заметила, как мышцы на его челюсти напряглись, но спустя несколько секунд он кивнул.

Она подошла к входу и припала к земле у ног Премеля. К тому времени в коридоре скопилось много дыма, но это сейчас было ей на руку.

— Когда я скажу, Премель, — прошептала она, — я хочу чтобы ты вместе с Джиббом сосредоточил огонь на тех двоих. Не давайте им ни малейшей возможности выстрелить в меня. Я не хочу, чтобы мне попали в спину.

— А водитель? — спросил Премель низким голосом.

— Я воспользуюсь двумя своими лучеметами. Это должно удержать его у стены на некоторое время, и я успею добраться до конца коридора.

— Что же дальше? — спросил Джибб.

— В тот момент мы должны быть в одинаковом положении, и, если это действительно мой водитель, у него не будет никаких шансов.

— А если нет? Если окажется, что это еще один идиот?

Она подняла взгляд на Джибба и улыбнулась:

— Я все еще высоко оцениваю свои возможности. А ты разве нет?

Гигант усмехнулся и покачал головой:

— Будьте осторожнее.

Она кивнула:

— Увидимся через несколько минут.

Снова переключив внимание на коридор, Мелиор протиснулась между двумя своими спутниками, оставаясь в низкой стойке. Она взяла поудобнее оба лучемета и, переведя дух,

выбралась в коридор.

Она полагала, что Премель стал прикрывать ее, как она ему и велела. В водителя он уж точно не стрелял. А она стреляла из обоих лучеметов, когда быстро продвигалась в серо-голубом дыму все еще в низкой стойке. Она знала, что ее враг, кем бы он ни был, слышит ее шаги, но она ничего не могла с этим поделать.

Она не думала, что до конца коридора очень далеко, но сейчас это расстояние казалось невероятно большим. С каждым шагом она ожидала резкой боли в спине. Но ее не было, и как раз перед тем, как она добралась до конца туннеля, она услышала крики, доносящиеся сзади. Где-то в отдаленном уголке ее сознания у нее возникла мысль, что за крики она слышала и все ли в порядке с Джиббом и Премелем. Но она не замедлила своего передвижения даже на мгновение.

Когда она добралась до угла, не сбиваясь с ритма, она присела, сгруппировавшись, перекатилась через плечо и, встав на одно колено, открыла огонь из обоих лучеметов, целясь из левого понизу, а из правого поверху. Оба залпа попали в цель, отбросив противника назад, хотя перед этим он тоже успел выстрелить.

И когда он упал на пол, крича от боли, Мелиор почувствовала, как жар пронзил ее бедро, подобно ножу. Тяжело дыша, она выронила один из лучеметов и схватилась за рану. Человек перед ней — это действительно был ее водитель — попытался приподняться, собираясь снова открыть огонь, но она выстрелила из лучемета первой, попав ему в запястье, и его оружие вместе с большей частью руки полетели в ближайшую стену.

Мелиор легла на спину, зажмурила глаза и стиснула зубы, сдерживая волну накатившей тошноты. Она чувствовала, что у нее кружится голова, и на мгновение подумала, что может потерять сознание. Но затем она снова открыла глаза и заставила себя поползти к Виану. Он корчился от боли, как раненый зверь. Рука, в которой он раньше держал лучемет, походила на какой-то кровавый обрубок, сам он весь почернел, а на колене и верхней части груди были кровоточащие ожоги.

— Это Марар? — спросила она его хриплым неровным голосом. — Он велел тебе убить нас?

Он взглянул на нее через полуоткрытые глаза, но ничего не ответил.

Она ударила кулаком по его раненому колену, и он закричал.

— Отвечай! — потребовала она. — Это Марар?

— Да, — выдавил он.

— И мы все трое нужны были ему мертвыми?

— Да, все вы.

— А где курьеры?

Он покачал головой.

Она снова занесла кулак:

— Ты не знаешь или не хочешь говорить?

— Я не знаю. Клянусь.

— Почему ты сделал это, Виан? — спросила она, все еще держа кулак над его коленом.

— Спросите Джибба.

Она покачала головой:

— Что?

— Я сказал: спросите Джибба. Спросите его о Селиме.

Она не поняла, что он говорит, но у нее не было сил выяснять это.

Она опустила руку и облокотилась спиной о стену. Дрожь пробегала по ее телу. Губы тоже дрожали.

Она услышала, как кто-то бежит к ним, и с усилием подняла руку, в которой держала лучемет. Но затем показался Джибб, и она снова уронила руку на пол.

— О боги, — прошептал он, устремляясь к ней. — Премель! — крикнул он взволнованным голосом.

Она услышала ответный крик, словно с большого расстояния. Она почувствовала

слабость.

— Вызови врачей! — прокричал он.

— Со мной все в порядке, — сказала она, снова закрывая глаза и сглатывая.

— Нет, не все. Вам нужен врач.

— А ты как? А Премель?

— Все отлично. Премель сейчас с Добом и остальными.

Она открыла глаза:

— Доб?

— Он пришел с юга и застал врасплох тех двоих. Как я уже говорил, я хотел, чтобы кто-нибудь знал, куда мы идем. — Он улыбнулся, хотя в его темных глазах читалось беспокойство.

— Убийцы мертвы?

— Один — да. А второго мы захватили, чтобы вы смогли допросить его.

Она кивнула, позволяя своим глазам снова закрыться:

— Хорошо. Убедись, что Виан выживет. С ним я тоже хочу поговорить.

Он убрал прядь волос у нее со лба и поцеловал ее в голову.

— Не беспокойтесь об этом, — прошептал он. — Не беспокойтесь ни о чем. Просто отдыхайте.

Она снова кивнула. «Да. Я буду отдыхать. А затем убью Марара».

21

Сейчас меня больше всего беспокоит ожидание. Птицы, появившиеся у Джарида и Кайлин, говорят нам о том, что война неизбежна. По крайней мере, этому учит нас история, и, конечно, многие в этом городе приняли этот урок близко к сердцу. Поэтому мы сидим и ждем, видя во всех окружающих возможных врагов. Будет ли Лига сражаться с Орденом? Объединятся ли маги, чтобы сражаться с Храмами, или же Храмы объединят силы с одной из организаций магов для уничтожения другой? Будет ли Народное Движение и его свободные маги воевать с Детьми Богов, вовлекая хранителей Волшебной Силы в этот конфликт? Или нам предстоит сражаться с чужеземным врагом: Аббориджем или Лон-Сером?

Только на эту тему мы и размышляем, только об этом и говорим. Сегодня Джарид и Элайна сообщили магам Ордена, что у их дочери Мин, которая, так же как и они в свое время, проявила признаки владения Даром прозрения, было видение о Сартоле, Неприкаянном маге, который мертв уже одиннадцать лет. Из-за этого ночного кошмара они боятся, что Сартолу, возможно, удалось найти способ обойти Проклятие Терона и снова стать угрозой для нашей страны. Боюсь, что ожидание войны так поглотило нас, что мы теряем чувство реальности. Интересно, сможем ли мы понять, когда придет время наших настоящих врагов, с кем нам нужно объединиться, чтобы одержать победу.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, год 4633*

Джариду потребовалось много времени, чтобы преодолеть сомнения, чтобы перестать думать о том, почему Ритлар выбрала его среди всех остальных магов Ордена. Несколько недель после прибытия в Амарид ему было нелегко носить титул Орлиного Магистра. Он думал о других Орлиных Магистрах в истории Тобин-Сера — Форделе, Декле, Гленисе — и знал, что не заслуживает упоминания в одном ряду с ними. Они были героями. Они спасли страну. А он — просто маг. Не меньше, но в то же время и не больше.

Не раз, когда они лежали в своей постели в Великом Зале, Элайна уверяла его, что подобные сомнения вполне оправданны.

— И я бы сомневалась, — часто говорила она ему. — И любой из нас. Я бы беспокоилась больше, если бы ты не чувствовал себя таким образом.

Хотя на это потребовалось много времени, он, наконец, признал разумность ее доводов. Он научился, в конце концов, жить со своими сомнениями, смог признать, что боги выбрали его по какой-то причине, благодаря тому, что они увидели в нем что-то, чего он сам, возможно, не видит.

И ему это удалось отчасти из-за того, что остальные маги Ордена дали понять, что считают его своим лидером. Их вера в его способности в свою очередь усиливала его собственную. «Если они думают, что я достоин называться Орлиным Магистром, — сказал он себе, — тогда, возможно, мне тоже следует верить в это».

Поэтому сомнения, которые были сейчас написаны на их лицах, внушали сильное беспокойство.

Они с Элайной только что закончили рассказывать собравшимся магам о сне Мин, дав ясно понять, что считают видение девочки пророческим.

— За последние годы мы с Элайной научились полностью доверять Дару прозрения Мин так же, как своему собственному, — заключил он. — Мы верим ей. Мы не знаем, каким образом Сартол способен идти сюда. Очевидно, это означает, что произошло нечто, позволившее изменить сущность Проклятия Терона или позволившее Сартолу обойти ограничения, которые оно налагает.

Сначала неловкое молчание повисло в Палате Собраний, как густой туман. Маги шумно двигались на своих местах, прочищая горло или незаметно бросая взгляды на сидящих рядом. Единственное, чего они не делали, — это не смотрели Джариду и Элайне в глаза. Как-никак Джарид был их Орлиным Магистром, а Элайна — его Первой Помощницей и к тому же — его женой. Разве остальные маги могли сказать, что не верят тому, что они говорят? Разве они могли утверждать, что там, где Джарид с Элайной видят пророчество, они видят темную сторону детского воображения?

Не было похоже на то, что так считают лишь несколько магов, и это беспокоило больше всего. Так считали все, даже Оррис, Радомил и Сонель. Даже Баден.

Баден первым ответил на то, что сказал Джарид.

— Никто из нас не сомневается в том, что Мин — необыкновенный ребенок, Джарид, — начал он, медленно поднимаясь со своего места. — И все мы ожидаем, что когда-нибудь она станет магом, обладающим сильным Даром прозрения. С такими родителями, как вы с Элайной, иначе и быть не должно. Но сейчас она всего лишь ребенок. Она едва ли достаточно выросла, чтобы понять разницу между реальностью и вымыслом. Ты не можешь ожидать от нас, что мы поверим в ее способность отличить видения будущего от обыкновенных снов.

— Баден прав, — добавил Оррис. — Магам не всегда легко решить, видели они вещий сон или нет. Полагаться на суждение ребенка в подобном вопросе, даже если этот ребенок Мин, слишком рискованно.

Элайна попыталась объяснить им, что они ошибаются, что даже ребенок возраста Мин разбирается в том, где правда, а где вымысел, лучше, чем они думают. Транн, у которого было две дочери возраста Мин, поддержал ее в этом. Но остальных это не убедило.

— Это бессмысленно, — сказал им Радомил с огорченным выражением на круглом лице. — Не кажется ли вам, что, если бы Проклятие было каким-нибудь образом обойдено, кто-нибудь бы это заметил?

— Не обязательно, — ответил Транн. — Мы ведь не проводим много времени с Неприкаянными. Пока они нам не нужны, мы избегаем контакта с ними. А люди в Тобин-Сере все еще боятся их. Я точно не знаю, верю ли я в то, что произошло какое-то событие, изменившее Проклятие, но я уверен, что никто бы этого не заметил, если бы такое произошло.

— И даже если бы кто-нибудь заметил, — сказала Элайна, — как бы они дали нам знать об этом? Если бы мы были там и странствовали по земле, разговаривая с людьми так,

как то обычно и происходит, это — одно дело. Но мы здесь, в сотнях миль от места обретения Сартолом уз. Если бы что-то случилось, мы бы об этом узнали последними.

— Ты права, — согласился Оррис. — И возможно, в этом-то и вся проблема. Возможно, мы проводим здесь слишком много времени, говоря о войне, готовясь к войне, выясняя, с кем нам придется столкнуться. Не исключено, что это мешает нам правильно разобраться в собственных суждениях.

— Ты хочешь сказать, *в нашем* суждении, не так ли, — поправил Джарид. — Моем и Элайны.

Дородный маг покачал головой:

— Я этого не говорил.

— Но ты так думал, правда?

— Никто из нас не сомневается в твоём суждении, Джарид, — вмешался Баден, — твоём или Элайны. Но вы оба уже немало времени испытываете огромную нагрузку. Будь любой из нас на вашем месте, нас бы иногда, возможно, тоже несколько заносило.

— Заносило? — напустился на него Джарид. — Значит, вот что ты думаешь?

Сонель положила руку Бадену на плечо и встала рядом с ним.

— Мне кажется, Баден хочет сказать, что даже в самые лучшие времена самым опытным лидерам не всегда легко рассмотреть все возможные сложности и опасности, с которыми они сталкиваются, и отделить более серьезные от менее значительных, — сказала она. — Вы оба прекрасно работали в невероятно сложных условиях, и мы все считаем, что вы и дальше будете работать не хуже. Но сейчас вы, возможно, не совсем правильно оцениваете ситуацию из-за того, что Мин — ваша дочь.

Джарид встал и взял в руки посох:

— Если вы хотите в это верить — прекрасно. Вы можете забыть обо всем, что мы вам сказали. Да, мы устали, и мы обеспокоены. Да, Мин наша дочь, и мы любим ее больше всего на свете. Но даже если бы она была мне чужим человеком, я бы хорошенько подумал, прежде чем отмахнуться от ее видения. Мы с Элайной никогда ничего не говорили ей о Сартоле. Я бы удивился, если бы она хотя бы слышала его имя до того, как все началось. Но вчера эта девочка, у которой действительно есть Дар прозрения и которая раньше нас узнала о том, что мы придем в Амарид занять свои места во главе этого стола, описала нам его так, словно она стояла рядом с ним. А теперь, если кто-нибудь из вас может объяснить мне это так, чтобы я мог забыть о своих страхах, Вирсста, не стесняйтесь. Но пока ни один из вас не в состоянии это сделать, я просто обязан полагать, что Сартол сейчас держит путь сюда. — Он замолчал, обводя стол пристальным взглядом. И никто не возразил. — Заседание окончено, — объявил он, поворачиваясь спиной к столу так быстро, что его плащ описал дугу в воздухе. — Встретимся завтра утром.

Джарид не оглянулся, чтобы посмотреть на них, хотя он взглянул в сторону и увидел, как Ритлар прыгает рядом с ним. Когда он дошел до комнаты Премудрого, он просто вошел в нее и закрыл дверь, не громко, но и не тихо. Он оставил Элайну разбираться с магами и чувствовал себя из-за этого виноватым, но он почти не сомневался, что она поймет.

Оррис, как он знал, опасался паники. Он же боялся, что произойдет как раз наоборот: что они снова расслабятся, и чем дольше они будут сидеть здесь в ожидании войны, тем меньше они будут готовы к войне, когда она, наконец, начнется. Он не мог позволить этому произойти, не мог, пока Ритлар с ним.

Он слышал, как они галдят в Палате Собраний. Какая-то часть его хотела вернуться к столу и присоединиться к обсуждению. Но он ушел оттуда не просто так. И сейчас ему ничего другого не оставалось, нежели ждать, пока Элайна не вернется в их спальню и не расскажет ему об всем. А этого не произойдет, пока все не разойдутся.

Ждать пришлось не так долго, как он думал. Примерно через полчаса последние голоса затихли, и он услышал, как шаги Элайны эхом отдаются от куполообразного потолка Великого Зала, когда она шла к их комнате.

Она вошла, посмотрела на него и закатила глаза.

— Ну и утро. Они испугались, что в самом деле обидели нас. Никогда не слышала, чтобы так много людей говорило столько приятных вещей о Мин одновременно. — Она перевела дух. — Устала, просто сил нет.

Он сделал шаг вперед и обнял ее:

— Извини, что оставил тебя там одну. Мне не стоило уходить таким образом.

— Не извиняйся. Я рада, что ты высказал все. Если бы не сказал ты, это бы сделала я. Но мне кажется, что лучше, когда это исходит от Орлиного Магистра.

— Ты хоть кого-нибудь из них убедила?

Она покачала головой:

— Не думаю. Они так долго ожидали, что нашим врагом будет Лига или Храмы, а Оррис — что это свободные маги. А теперь они отказываются признавать, будто это может быть кто-нибудь еще.

— В частности, Сартол.

— Да, — сказала она с тонкой улыбкой. — Тебе не кажется, что мы придали слишком большое значение сну Мин? — спросила она мгновением позже, и ее улыбка исчезла. — Ей всего лишь семь лет. Может, мы ошиблись, настолько доверившись ее Дару прозрения.

Джарид пожал плечами:

— Думаю, это не исключено. Но она описала его так точно. Даже в цвете церилла она не ошиблась. — Он вскинул руки и медленно покачал головой. — Я не знаю, что еще думать.

— Может, нам надо снова с ней поговорить. Попозже, после того как она закончит уроки.

— Хорошо. А я пока надумал, что мне следует рассказать Кайлин об этом сне, просто чтобы она знала, чем сейчас заняты наши мысли.

— А ты не хочешь подождать, пока мы снова не поговорим с Мин?

Прежде чем он успел ответить, кто-то постучал в дверь. Они обменялись взглядами, и затем Элайна крикнула, чтобы входили. Одна из служанок Зала просунула голову в комнату.

— Орлиный Магистр, Первая, извините, что беспокою вас, но какой-то маг хочет с вами встретиться. Его я раньше не видела.

Джарид почувствовал, как у него внутри все начинает сжиматься. Глядя на Элайну, он заметил, что лицо у нее побледнело.

— Как он выглядит? — спросил он. — Какого цвета его плащ?

— Это — женщина, Орлиный Магистр. И на ней нет плаща. Даже птицы у нее нет. Я поняла, что это маг, только благодаря ее посоху и цериллу. Она хочет поговорить с Премудрым. Я точно не знала, что ей сказать.

Джарид почувствовал, что начинает успокаиваться. Женщина и при этом свободный маг. Странно, конечно, но и только.

— Все в порядке, — сказал он, улыбаясь. — Пришлите ее ко мне. Мы поговорим с ней здесь.

Слушальница кивнула:

— Хорошо, Орлиный Магистр.

Элайна подозвала свою сову к себе на плечо, пока служанка ходила за их посетительницей.

— А Ритлар? — спросила она. — Не лучше ли ее спрятать?

Он покачал головой:

— Новость об орлах обошла весь город. Вероятно, сейчас она уже начинает распространяться по всей стране. Нет смысла больше ее прятать.

Она кивнула:

— Пожалуй, ты прав.

В дверь постучали во второй раз, и какая-то женщина вошла в комнату. Она была молодой, возможно, на год или два старше Кайлин, но не больше. У нее были светлые каштановые волосы и бледные глаза, а ее лицо было бы красивым, если бы оно не казалось

таким суровым. Как и другие свободные маги, которых Джарид встречал за последние годы, она была одета в коричневые брюки и коричневую рубашку, более светлую, чем брюки. Служанка была права: так как у нее не было птицы, определить, что это маг, можно было лишь по ее цериллу, который был голубым, почти таким же, как у Джарида.

Она, увидев Джарида и Элайну, казалось, моментально замерла, словно была удивлена самим их присутствием. Затем она продолжила осматривать комнату и, заметив Ритлар, вздрогнула, ее глаза расширились и потом устремились на Джарида.

— Ваша? — спросила женщина.

— Да. Меня зовут Джарид. Я — Орлиный Магистр Ордена. А это Элайна. Первый Маг и моя жена.

Женщина улыбнулась и кивнула, хотя и не подошла к ним, чтобы пожать руки.

— Меня зовут Таммен. — Ее взгляд вернулся к орлу, и несколько мгновений она ничего не говорила.

— Не хотите ли присесть? — спросила Элайна, указывая на один из больших стульев у камина.

— Конечно, — ответила Таммен, подходя к стулу, но сначала пристально взглянув на Джарида, и затем — на Элайну.

Джариду казалось, что она узнала их.

— Вас что-то беспокоит, Таммен? — спросил он. — Возможно, вы ожидали увидеть здесь Премудрого Радомила вместо нас.

— Да, Радомила. Он был последним Премудрым, о котором я слышала. — Ее глаза снова устремились на Ритлар. — И я ничего не знала об орле.

— Уверяю вас, — сказал Джарид, стараясь не вспоминать о замечаниях Радомила во время утреннего заседания, — я говорю от имени Ордена так же, как и он раньше, и я почти во всех отношениях продолжаю идти по тому пути, который был проложен им и его предшественниками.

Таммен снова улыбнулась:

— Я в этом не сомневаюсь. — Она взглянула на Элайну и затем быстро отвела взгляд. — Сколько вы уже... в смысле, когда у вас появился орел?

— Приблизительно в конце зимы.

Она кивнула и снова посмотрела на птицу, словно пытаясь угадать смысл ее появления.

— Чем мы можем помочь вам, Таммен?

Она снова повернулась к нему, хотя казалась растерянной:

— Примите мои извинения. — Она слегка покачала головой, как, наверное, человек, пытающийся отогнать посторонние мысли. — Я пришла к вам, — начала она наконец, — чтобы обсудить возможный союз между Орденом и Народным Движением.

— В самом деле? — ответил Джарид с непритворным удивлением. — Мне казалось, что свободные маги не хотят иметь ничего общего ни с Лигой, ни с Орденом.

— Да, но это было до того, как Храмы начали получать оружие от пришельцев. Мы теперь в таком положении, что не можем надеяться на то, чтобы достойно противостоять силе любого из наших потенциальных соперников. И в Ордене, и в Лиге гораздо больше магов, чем у нас, а, получив оружие, жрецы стали слишком грозным врагом.

— Почему вы избрали Орден? — спросила Элайна, — Почему бы вам не пойти в Лигу? У них больше магов, чем у нас, а я всегда слышала, что свободные маги ненавидят Орден больше всего на свете, даже больше, чем Лигу.

Таммен заколебалась, но лишь на мгновение:

— Я не согласна. Даже до того, как Движение стало подумывать об этом союзе, оно считало Орден более законным хранителем Волшебной Силы, чем Эрланда и его компанию.

— А что получит Орден от такого союза? — спросил Джарид. — Свободные города согласны принимать услуги магов Ордена? А вы и ваши собратья маги желаете работать вместе с Орденом, чтобы закончить ваш конфликт со жрецами?

— Да, мы бы хотели сделать все это и не только. Мы бы хотели объединить наши силы.

Разве вам не полезно иметь как можно больше магов для улаживания любого конфликта, который бы мог возникнуть между вами и Лигой в будущем?

— Мы надеемся, что никакого конфликта с Лигой не вспыхнет, Таммен. Лидеры Лиги работают с нами, чтобы положить конец всему этому.

Таммен нахмурилась:

— Я понимаю.

— Откуда мы можем знать, что вы говорите от имени Народного Движения, Таммен? — спросила Элайна. — Вы пришли сюда в одиночку, пешком. Почему мы должны связывать себя какими-либо обязательствами, ничего не услышав от других свободных магов и людей, которых вы представляете?

— Вы всегда были так подозрительны к незнакомцам? — спросила Таммен. — Или что-то случилось, что повлияло на вас подобным образом?

Элайна сузила глаза, но ничего не ответила.

— Я ценю то, что вы пришли сюда поговорить с нами, Таммен, — сказал Джарид, вставая. — Мы обсудим ваше предложение с Орденом, когда соберемся утром. А пока вам есть где остановиться в Амариде или вы хотите, чтобы мы помогли вам в этом?

— Спасибо, но в этом нет необходимости. — Она встала, тонко улыбнулась Элайне и направилась к двери. Однако, когда она дошла до нее, то остановилась и снова повернулась к ним. — Надеюсь, вы простите, что я вас обременяю, но я никогда не была в Амариде раньше и поэтому никогда не видела Великого Зала. Вы не возражаете, если я там немного осмотрюсь?

— Нисколько, — ответил Джарид. — Этот Зал принадлежит всему народу Тобин-Сера. Осматривайте его, сколько хотите.

— Благодарю вас. — Она вышла из комнаты и начала медленно обходить Палату Собраний.

Как только она отошла, Джарид с Элайной прошли через комнату и стали у двери, чтобы наблюдать за ней с порога.

— Ты ей не доверяешь, — сказал Джарид, произнося это как утверждение.

— Нисколько. Если бы лидеры Народного Движения были действительно заинтересованы в союзе, то они бы прислали группу, состоящую из горожан и свободных магов.

Он кивнул:

— Наверное.

Таммен медленно обходила по кругу центральную палату Зала, глядя на стол, за которым проводились заседания, на изображение Амарида, украшавшее потолок палаты, на мраморный пол.

— Но если она не представляет Движение, то зачем же она пришла?

Элайна покачала головой:

— Понятия не имею. Что-то в ней меня беспокоит. Не знаю точно, что именно, но мне она очень не понравилась. И ты заметил, какое замечание она сделала относительно моей подозрительности? Кем она себя считает?

Он улыбнулся и положил руку ей на плечо:

— Кажется, она зацепила больное место, а?

— Это не смешно, Джарид. Я так недоверчива из-за Сартола. И не стоило мне об этом напоминать.

— Извини.

Она покачала головой и снова выглянула, чтобы взглянуть на Таммен:

— Все в порядке. Мне просто кажется, что нам не следовало так быстро о чем-то с ней договариваться. По крайней мере, до тех пор пока мы не получим известий от других свободных магов.

— Согласен.

Таммен обошла вокруг стола и снова оказалась возле двери. Она взглянула на них и

улыбнулась.

— Благодарю вас, — сказала она. — Увиденное превзошло все мои ожидания.

Джарид заставил себя улыбнуться в ответ:

— Рад это слышать.

Женщина выглядела так, словно хотела сказать что-то еще, но затем она направилась к двери. Дойдя до нее, она посмотрела на них в последний раз и вышла.

— Ну точно, в ней есть что-то не то, — прошептала Элайна. — Только не знаю, что именно.

Он спал плохо. Когда он ложился, он думал о прошедших за этот день спорах и обо всем том, чего ему не следовало говорить Джариду и Элайне, о видении Мин — и сожаление обо всем этом преследовало его во сне. Оррис почти не сомневался, что его дружба с обоими магами может вынести немало, но он также знал, насколько несправедлив он был по отношению к ним. Им нужна была его поддержка, а Ордену следовало оставаться единым во мнении после ухода Премудрого. И несмотря на все опасения, которые он выразил в своем последнем письме Мелиор, он также знал, что Джарид никогда бы не упомянул о сне своей дочери в стенах этой Палаты, если бы на самом деле не считал его вещим.

Даже зная это, Оррис не был готов поверить, что дух Сартола находится на пути в Амарид. Но ему очень хотелось извиниться перед Джаридом и Элайной и попытаться угадать вместе с ними, что могло означать видение Мин.

Именно об этом он и размышлял, когда услышал, как на посту коменданта зазвенели колокола, извещавшие о тревоге. Через минуту раздались крики, и когда он уже был одет и спускался по ступенькам Аэри, а Криссан плавно летела рядом с ним, звонили колокола Великого Зала и Зала Лиги.

С сильно бьющимся сердцем Оррис выбежал из таверны на маленький внутренний дворик. Транн и Баден уже были там. Крики и плач, казалось, доносились отовсюду.

— Чувствуешь запах? — спросил Транн, поворачиваясь к нему.

Оррис кивнул:

— Дым.

— Да. И где-то поблизости.

Все трое по узким извилистым переулкам поспешили на главную улицу города. Оттуда они увидели большое черное облако дыма, поднимающееся к утреннему небу. Оно росло к северу от них из тесной группы зданий. Бросившись по переулкам обратно, трое магов скоро оказались на месте пожара.

Он уже охватил одно здание полностью — гостиницу — и начал распространяться на два других здания, одним из которых была также гостиница, а другим — лавка. Улицы были полны людей, многие из них бежали в разных направлениях — судя по всему, без определенной цели. Некоторые из них, казалось, заботились о пострадавших, которые лежали на узкой улице перед зданиями. Другие стояли в ряд с ведрами и отчаянно пытались погасить пламя, которое быстро охватывало дома.

Здесь также было трое магов, все — в голубых плащах. В одном из них Оррис узнал Ковета. Двое других, оба старше Ковета, лечили ожоги пострадавших от пожара, а Ковет разговаривал с человеком, лицо которого почернело от дыма и который, дико жестикулируя, показывал на здания.

— Идем, — сказал Оррис, ведя Транна и Бадена к другим магам.

Когда Ковет заметил его, он замолчал и уставился на Орриса, словно не совсем понимая, что тот намерен делать.

— Как мы можем помочь? — спросил Оррис, остановившись перед темноволосым магом. — Внутри еще остались люди?

Ковет мгновение пристально смотрел на него.

— Я как раз пытаюсь это выяснить, — наконец ответил он. — Это — хозяин гостиницы. Он не помнит, сколько комнат было занято прошлой ночью.

— Вчера я рано лег спать, — объяснил тот дрожащим голосом. — Может, моя жена сдала комнаты еще нескольким людям. Я не знаю. Она без сознания. Я едва успел вынести ее вовремя. — Он бросил беспокойный взгляд на пострадавших.

— Иди к ней, — сказал Ковет. — Если внутри есть люди, мы их вытащим.

Тот кивнул и поспешно отошел.

Ковет снова повернулся к Оррису и выжидательно посмотрел на него. Но прежде чем он успел что-нибудь сказать, закричали люди с ведрами, стоящие ближе всех к домам.

— Внутри кто-то есть! — прокричал один из них.

Оррис повернулся к Бадену:

— Оставайся здесь и помогай пострадавшим!

Лысый маг кивнул, а Транн, Ковет и Оррис бросились в здание, промчавшись мимо людей с ведрами, их птицы летели следом.

Жар от пламени, встретивший Орриса, был подобен удару кулака, и у мага перехватило дыхание и заслезились глаза. Огонь и дым были повсюду, и на некоторое время он был так ошеломлен, что даже не мог вспомнить, где дверь. Затем он услышал слабый возглас и почувствовал, как Транн дергает его за плащ.

— Сюда! — крикнул смуглый маг, и его голос едва перекрывал рев пламени.

Они взбежали по лестнице и начали открывать двери во всех комнатах, ударяя в них ногами.

Первые несколько комнат были пусты, но стена огня перекрывала коридор, а из комнат позади нее доносились голоса. Закрыв лица плащами, маги бросились через пламя на ту сторону. Там они обнаружили еще три комнаты. Одна из них полностью сгорела. Казалось, что на маленькой кровати кто-то лежит, но этому человеку помощь уже была явно не нужна.

Однако в двух других комнатах маги обнаружили выживших: молодую пару — в одной, и пожилого мужчину с маленьким мальчиком — в другой. Молодые мужчина с женщиной, кажется, не пострадали, мальчик был без сознания, а пожилой постоянно кашлял.

— Вам очень тяжело? — прокричал Оррис, чтобы его слышали.

Тот покачал головой, и его тело сотряс еще один приступ кашля.

— Нет, — наконец выдавил он. — Мальчик потерял сознание от дыма, а его никак было не вытащить. — Он показал на несколько мешков из парусины в дальнем углу комнаты. — Я не могу их сам вынести.

— Что в них?

— Мой товар. Я торговец. А этот мальчик — мой племянник и ученик.

Где-то в дальней части коридора сверху послышался громкий треск. Здание начинало обваливаться.

Оррис посмотрел на Транна и тот покачал головой.

— Тебе придется оставить их! — сказал Оррис торговцу.

— Не могу! Это дело всей моей жизни!

— Я понесу их, — сказал Ковет, бросаясь вперед и взваливая мешки себе на спину. — Ты бери мальчика! — сказал он Транну. Затем посмотрел на Орриса. — А ты проследи, чтобы старик и двое других смогли выбраться отсюда.

Оррис кивнул. Он помог мужчине встать с постели и, обняв его рукой за плечи, повел к двери. Транн уже взял мальчика на руки и укутывал его плащом, чтобы защитить от жара, когда они пойдут обратно по коридору. Ковет был позади.

Пламя в коридоре дошло до самых стен и теперь полностью перекрыло им дорогу.

— Есть какие-нибудь предложения? — спросил Транн, оглянувшись на Орриса и Ковета.

Часть потолка обрушилась на пол прямо перед ними, и вверх взметнулся сноп искр. Где-то под ними здание начало трещать.

— Никак не пройти? — спросил Ковет. — Ты уверен?

— Уверен.

Маг Лиги сделал кислое лицо.

— А что, если прожечь проход в полу? — спросил Оррис. — Двое спрыгнут вниз, а мы поможем остальным спуститься и подадим сверху вещи старика.

С другой стороны огненной стены обрушилась большая часть потолка и удар от ее падения потряс пол.

Транн с сомнением посмотрел на стены и потолок:

— Мне кажется, у нас не слишком большой выбор. Давай так и сделаем.

Подозвав Криссан, Оррис опустил свой посох и направил вспышку красновато-коричневого пламени на старую древесину. Через мгновение к нему добавилось оранжевое пламя Ковета, и вместе они прожгли в полу отверстие такого размера, что через него все могли пробраться, но не настолько большое, чтобы нарушить устойчивость всего пола.

Оррис присел у края отверстия и спрыгнул вниз. Большая часть того этажа тоже была охвачена пламенем, но все еще оставался узенький проход к двери. Он схватил стул, поставил его под отверстием и, встав на него, жестом показал Транну, что можно передавать ему мальчика.

Через несколько минут мальчик, торговец и молодая пара были на первом этаже. Транн тоже спрыгнул вниз.

— Выводи их отсюда! — сказал Оррис. — А мы с Коветом займемся мешками торговца.

Транн кивнул и начал выводить остальных из здания.

— Подавай их сюда! — крикнул Оррис члену Лиги.

Ковет кивнул и начал передавать мешки.

Но он успел передать Оррису только один мешок, когда очередной грохот эхом прокатился по гостинице. Ковет закричал, и горящие куски дерева посыпались через отверстие на Орриса.

— Что случилось? — крикнул ему Оррис.

Ковет не отвечал.

Посмотрев вверх через дыру в полу, Оррис смог разглядеть лицо мага. Глаза его были закрыты, и он не двигался.

— Тьфу ты, черт! — сплюнул Оррис.

Спрыгнув со стула, он, промчавшись через комнату, кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. По всему коридору валялись горящие балки и обугленные куски упавшего потолка, и Оррису пришлось пробираться через них, чтобы попасть обратно к стене огня, которую они не могли пройти минутой раньше. Он снял плащ и свернул его, чтобы он не загорелся.

— Оррис! — услышал он оклик позади себя.

Он обернулся и увидел Транна на верхних ступеньках лестницы.

— Что ты делаешь?

— Ковет пострадал. Подожди меня внизу. Я собираюсь спустить его через отверстие, и мне понадобится твоя помощь.

Транн кивнул и стал спускаться.

Снова повернувшись вперед, Оррис сделал глубокий вдох и затем бросился в огонь. Он почувствовал, как пламя лижет ему лицо и руки. Его волосы тоже горели, и он начал хлопать себя по спине и шее, упорно продолжая продвигаться вперед. Дым был таким густым, что он ничего не видел, а его легкие горели от нехватки воздуха. И затем он неожиданно ударился обо что-то ногой с такой силой, что начал падать, безуспешно размахивая руками и пытаясь ухватиться за что-нибудь.

Он упал на плечо, прокатился вперед и, наконец, замер на спине, а его нога провалилась в дыру, которую прожгли они с Коветом.

— С тобой все в порядке? — окликнул его Транн.

— Да, — выдавил он.

Он подполз к лежащему Ковету и набросил на него свой плащ, сбивая пламя, которое уже начало подниматься по голубому плащу мага вдоль его ног. Когда пламя погасло, он

положил руку ему на спину. Ковет все еще дышал, хотя у него была опасная рана на лбу и большие ожоги на ступнях и лодыжках.

Он подтащил Ковета к отверстию в полу и опустил его Транну. Затем спрыгнул сам, тяжело приземлившись и упав на пол.

— Идти можешь? — спросил Транн, взваливая Ковета себе на плечи.

Оррис кивнул и с трудом поднялся. У него были ожоги на руках и вне всякого сомнения на лице и на шее тоже. Правая нога болела после падения на верхнем этаже, но он смог, хромая, выйти из здания на яркий солнечный свет.

Едва Оррис вышел на улицу, кто-то подхватил его и помог отойти на несколько ярдов от пожара, где Оррис и лег. Как только он оказался на спине, его охватил приступ кашля.

Немало времени прошло, прежде чем он смог дышать нормально. Когда кашель прекратился, он открыл глаза, чтобы посмотреть, кто ему помог. Это был Джарид, а его большая птица сидела рядом.

— Ты чуть не погиб.

Оррис кивнул, попытался что-то сказать и снова закашлялся. Криссан, которая сидела на земле рядом с ним, дружелюбно дотронулась до него клювом.

«Со мной все в порядке», — мысленно сказал он.

— Дай-ка я займусь твоими ожогами, — предложил Джарид, когда кашель Орриса снова затих.

— Был бы очень благодарен.

Джарид мягко положил руки на лицо Орриса и несколько минут никто из них ничего не говорил. Когда Орлиный Магистр закончил заниматься ожогами Орриса, он переключил свое внимание на ногу мага. Оррис во время процедуры лежал совершенно неподвижно с закрытыми глазами. Он был совершенно обессилен, и, когда боль от ожогов стала медленно затихать, он почувствовал, что засыпает. Он с усилием открыл глаза и несколько раз моргнул.

— Тебе следует отдохнуть, — сказал ему Джарид.

— Твоя помощь, наверное, необходима другим.

— Здесь больше магов, чем нам нужно. А ты уже сделал немало. — Он расслабился и убрал руки с ноги Орриса. — Все должно быть в порядке, — сказал он. — Но я хочу, чтобы ты полежал некоторое время и не двигался. Понял?

— Да, Орлиный Магистр, — ответил Оррис с шутливой покорностью.

Джарид улыбнулся ему во весь рот. Он начал вставать, но Оррис остановил его, схватив за руку.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что.

— И, пожалуйста, извини, если я обидел тебя вчера.

Джарид улыбнулся:

— Да все в порядке. Не беспокойся об этом.

Подошел Транн и присел рядом с ними на корточки:

— С ним все будет в порядке?

— По всей видимости, да, — ответил Джарид. — Немного кое-где поболит, а надолго, мне кажется, болезнь не затянется.

— Хорошо. — Смуглый маг посмотрел на Орриса. — С Коветом тоже, кажется, все в порядке.

Взгляд Премудрого метнулся в сторону Транна, а затем снова в сторону Орриса.

— Ковет? А он-то тут причем?

— Мы втроем помогали выбраться людям из гостиницы, и Ковет пострадал. Оррис спас ему жизнь.

Джарид уставился на него так, словно потерял дар речи, с таким комическим выражением на лице, что Оррис не мог не улыбнуться.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросил маг. — Ты думаешь, мне следовало

оставить его умирать?

— Нет, — ответил Джарид спустя мгновение. — Но я думал, что спасти ему жизнь — это, наверное, самое худшее зло, которое ты мог ему причинить. Теперь он обязан тебе жизнью. Это сведет его с ума.

Оррис засмеялся:

— Ты прав. Об этом я не подумал.

Через минуту к ним присоединились Элайна с Баденом.

— С тобой все в порядке? — спросила Элайна, опускаясь на колени рядом с Оррисом.

— Да, благодаря твоему мужу.

Она улыбнулась, но лишь на мгновение.

— В чем дело? — спросил Джарид, переводя взгляд с Элайны на своего дядю.

Она провела рукой по волосам:

— Мы слышали нечто странное от людей, которых лечили.

— Что, например?

— Некоторые из них говорят, что слышали, как несколько раз что-то громко трещало как раз перед самыми пожарами. А один из них сказал, что видел яркое голубое пламя в то же самое время.

— Я что-то не совсем понимаю.

— Судя по описанию, — сказал Баден, — я бы предположил, что все эти пожары были устроены одним или несколькими магами.

— *Что?* — Джарид встал. — Ты уверен?

Элайна кивнула:

— Только так и можно объяснить то, что они видели и слышали.

— Ты сказал, что кто-то видел вспышку голубого огня? — спросил Оррис, приподнимаясь на локте.

— Да.

Транн выдохнул сквозь зубы:

— Я знаю как минимум пятерых магов в Ордене и Лиге, у которых голубые камни.

Джарид кивнул и показал на свой посох:

— Включая меня.

— А что, если это кто-нибудь из другой организации? — спросила Элайна.

Оррис пожал плечами:

— И Орден, и Лига собрались сейчас здесь. Мне кажется, можно с уверенностью предположить...

— Есть также и свободный маг. И у нее — голубой камень.

— Это не могла быть Таммен, — сказал Джарид. — Она — несвязанная. У нее бы не хватило силы сделать это.

— Таммен? — повторил Баден. — Молодая женщина? С каштановыми волосами и светлыми глазами?

Джарид кивнул:

— Да. Ты ее знаешь?

— Мы с Сонель встретили ее в лесу Тобина, когда шли на это Собрание. Тогда у нее еще была птица, и она с несколькими друзьями помогала свободному городу в споре с Храмом. — Он нахмурился. — Что она здесь делает?

— Она пришла к нам предложить союз между Орденем и Народным Движением.

У Бадена расширились глаза.

— С трудом в это верится.

— Я тоже в это не очень-то поверила, — согласилась Элайна. — Я все время думала, что маги из этого Движения ненавидят Орден.

— Думаю, что ненавидят, но я сейчас даже не об этом. Таммен была настроена очень враждебно ко мне и Сонель, гораздо враждебнее, чем любой из ее спутников. Даже если бы Движение решило найти общий язык с Орденем, мне кажется, они выбрали на редкость

странного представителя. Она была одна?

— Когда мы с ней говорили — да, — ответил Джарид. — Но в Амариде могут быть и другие свободные маги.

Баден покачал головой:

— Действительно, очень странно.

— Она была враждебна по отношению к Ордену, когда ты ее встретил, — сказал Транн Бадену, — но создалось ли у тебя впечатление, что она способна на что-либо подобное?

Магистр посмотрел на улицу, словно пытаясь объять взглядом обгоревшие здания и раненых.

— Нет, — ответил он наконец. — Она показалась мне импульсивной и безрассудной. Но не думаю, что она жестока. И, кроме того, Джарид прав: если она без птицы, она бы не смогла этого сделать.

Элайна открыла рот, словно собираясь что-то сказать. Но затем снова закрыла его.

— Что случилось? — спросил Оррис.

— Пустяки, — ответила она, покачивая головой и натянуто улыбаясь. — У нас скоро заседание, и мне кажется, что никто из вас еще не завтракал. Мы с Джаридом — точно. Почему бы нам всем не пойти в Великий Зал и не поесть там?

Остальные согласились, и Транн с Джаридом помогли Оррису встать. Поначалу у него сильно кружилась голова, и он снова закрыл глаза. Но вскоре он обнаружил, что может открыть их без особого труда. Людям с ведрами не удалось спасти ни одно из трех зданий, но они не дали огню распространиться дальше. Всех пострадавших вроде бы исцелили. Многие из них стояли или хотя бы сидели, а остальные маги собрались на улице в небольшую группу и разговаривали. Больше они ничего не могли сделать.

Оррис и его друзья собрались уходить, но не успели они отойти слишком далеко, как Оррис услышал, что кто-то его окликает. Он медленно повернулся и увидел Ковета, хромающего в его направлении. Джарид сразу же встал рядом с ним. Оррис не думал, что Ковет предпримет здесь что-нибудь, но обнаружил, что крепко сжимает свой посох.

— Кажется, я должен поблагодарить тебя, — сказал маг, останавливаясь перед ним.

Оррис почувствовал, что Джарид начинает свирепеть.

— Ты должен гораздо большее.

Ковет взглянул на Орлиного Магистра и затем на Ритлар.

— Наверное, да, — признал он низким голосом. Он смотрел в сторону, словно не желая встречаться взглядом с Оррисом. — Требовалось большое мужество, чтобы вернуться туда за мной.

— Мужество или глупость.

Лицо мага ожесточилось, и его взгляд вперился в Орриса. Но затем Ковет увидел, что Оррис широко улыбается и мгновение спустя тоже улыбнулся.

— Да, — согласился он. — Или одно, или другое.

— Что скажешь, если мы назовем это и тем и другим? — спросил Оррис. — Много из того, что я сделал за эти годы, можно характеризовать подобным образом. И тем не менее я думаю, что принес некоторую пользу.

Ковет уловил смысл сказанного. Он подумал, словно взвешивая его слова.

— Я этого не забуду, — сказал он наконец.

Оррис улыбнулся:

— Ценю.

Они еще мгновение или два смотрели друг на друга. Затем Ковет повернулся и направился вверх по улице в направлении Зала Лиги.

Оррис наблюдал за тем, как он уходит, думая, окончена ли, наконец, его вражда с Лигой. Криссан снова тронула его клювом, и он погладил ее по подбородку.

— Ну, — мягко сказал Джарид, — пойдем.

Маги продолжили свой путь. Но они прошли совсем немного, как показалась одна из служанок Великого Зала. Она бежала, лицо у нее было красным, а глаза — расширившимися.

Увидев Джарида и Элайну, она остановилась.

— Несчастье в Великом Зале! — сказала она. — Идите скорее!

Не колеблясь, маги кинулись вперед и вместе с женщиной побежали к Залу. Джарид с Элайной были впереди остальных, орел Джарида и большая сова Элайны парили у них над головами.

Когда они, наконец, повернули за угол, показался Великий Зал, и Оррис точно не знал, как истолковать то, что он увидел. Многие служанки Зала, приблизительно дюжина, все одетые в голубые платья, стояли на улице. Джарид с Элайной кинулись вперед, и Оррис понял, что там была и Мин, которая стояла между двумя женщинами. Баден, Оррис и Транн подбежали к Залу несколькими секундами позднее.

— Женщина... — услышал Оррис голос одной из служанок, когда остановился рядом с Джаридом и Элайной. — Та самая, которая приходила к вам вчера. Она угрожала убить нас всех, если мы не уйдем тотчас же. Я не поверила, что она сможет это сделать, потому что у нее не было птицы. Но затем из ее камня вырвался огонь, и я постаралась как можно скорее вывести всех из Зала.

— Ты правильно поступила, Бася, — сказала Элайна. Она взяла Мин на руки и обнимала ее так, словно не собиралась отпускать ее никогда. — Спасибо.

— Похоже, все-таки Таммен устроила пожар, — сказал Джарид, быстро взглянув на Бадена и Транна, а затем на Орриса. — Но я не понимаю, как ей это удалось без птицы.

— Это еще не все, Орлиный Магистр, — сказала служанка, теперь гораздо менее уверенным тоном. — Огонь, появившийся из ее камня, был каким-то странным. Такого я еще раньше не видела.

Элайна уставилась на нее с неожиданно побледневшим лицом:

— Как он выглядел?

Служанка заколебалась:

— Казалось, он состоял из слоев: голубой, желтый и затем снова голубой.

— Конечно, — сказала Элайна, кивая, словно ей заранее было известно, что скажет Бася. — Конечно.

Оррис покачал головой:

— Что? Я не понимаю.

Джарид тоже кивал головой.

— Это Сартол, — прошептал он, поворачиваясь, чтобы взглянуть на зал. — И это ее я видел во сне. Я должен был ее узнать.

— Что? — спросил Оррис.

Орлиный Магистр задумался.

— Неважно, — наконец, сказал он. — Сартол здесь; вот все, что имеет значение. Каким-то образом он использовал Таммен, чтобы покинуть место, где он встретил свою первую птицу, и прийти сюда.

— Но как такое возможно?

— Не знаю. Но он — в Великом Зале, наедине с Созывающим Камнем.

22

Я уже некоторое время считаю, что вопрос: «Кто наш враг?» — не то, что должно нас особенно беспокоить. Послав нам двух орлов, боги тем самым сказали нам, что наш враг грозен. Это все, что мы пока знаем. Вопрос, который беспокоит меня больше всего, таков: «Как мы поведем себя, когда наконец узнаем, с кем нам предстоит сражаться?»

Если предположить на минуту, что нам предстоит конфликт не с Детями Богов или Лигой, то будем ли мы в состоянии забыть о вражде, которая отделяла нас от них столь долгое время? Как я тебе объяснял в последних письмах, наше общество больно мелочной завистью и древней враждой, от которых за одну ночь

не избавишься. Ты, вне всякого сомнения, скажешь мне, что, когда наступит кризис, мы сможем забыть о наших разногласиях и объединиться. Всей душой желаю верить, что так и случится. Но я боюсь того дня, когда наша способность к доверию и прощению будет подвергнута испытанию.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, год 4633*

Если бы это был Радомил, Сартол убил бы его на месте. Даже не зная, насколько Созывающий Камень увеличит его силу, он бы ни на минуту не усомнился, что сможет уничтожить толстого старика. Но Джарид и Элайна — это совсем другое дело. Он был наставником Элайны, он лучше других знал, какой сильной она станет. И он все еще помнил, словно это было вчера, как Джарид, незнакомый с его силой, бывший всего лишь мальчишкой, помешал ему убить Бадена в Великом Зале много лет тому назад. Увидев их здесь, в покоях Премудрых — Джарида с орлом — подумать только, с орлом! — и Элайну с совой, Сартол почувствовал, что у него перехватило дыхание. Магистр не мог не заколебаться. Он знал, что-то произошло; даже до того, как он вошел в Таммен, он видел мигающие цериллы. Но этого он никак не ожидал. Казалось, сами боги послали Джариду и Элайне этих новых птиц в качестве подтверждения, что им уготовано славное будущее, о котором говорили уже их первые птицы, бывшие Ястребами Амарида.

Поэтому вместо того, чтобы вступать с ними в схватку, Сартол поговорил о политике, а затем попросил разрешения совершить небольшую прогулку по Палате Собраний. Он знал, что они наблюдают за ним из своей комнаты, спрашивая себя, кто такая эта Таммен и что ей на самом деле нужно. Поэтому он держался на почтительном расстоянии от камня, осмелившись подойти к нему лишь настолько, чтобы можно было проверить, отреагирует ли он вообще на его присутствие, но так, чтобы его реакция не привлекла их внимания. И лишь тогда, когда он прошел мимо массивного кристалла, он понял, что ему нужно делать. Ибо он увидел кое-что, приблизившись к нему: непродолжительное тусклое мерцание светлого желтого огня, словно мерцание свечи в серебристо-сером свете утра.

Но этого было достаточно. Он все еще был связан с камнем, хотя ему понадобится влить большую часть своей силы в кристалл, прежде чем связь станет настолько сильной, что он сможет контролировать камень полностью. На это нужно время, непрерывное время, хотя и не слишком большое. Через час он станет сильнее, чем любой маг, который пожелает противостоять ему, а может, чем два любых других мага. Через день он будет в состоянии сдерживать натиск всех магов Тобин-Сера. После этого он займется по-настоящему серьезным делом. Ничто не сможет остановить его, и месть, о которой он так долго мечтал, наконец, осуществится. Он был унижен при жизни, оскорблен после смерти. Но сейчас, во второй жизни, данной ему телом Таммен, он отомстит всем, кто причинял ему зло.

Но сначала ему был нужен доступ к камню.

Пожары, устроенные им, принесли мало удовлетворения. По правде говоря, было приятно чувствовать, как Волшебная Сила струится по телу Таммен, подобно волнам Океана Дуклеи. Но это лишь раззадорило его.

Пробраться в Великий Зал было нетрудно. Джарид и Элайна поступили, как он и ожидал, — слепо кинувшись помогать людям, даже не подумав, что все могло быть подстроено специально. Они были слишком доверчивы, потому-то он едва и не завладел камнем еще раньше. Служанки сдались без сопротивления. Та, которая приветствовала его вчера, теперь сообщила Таммен, что Орлиный Магистр и Первая отсутствуют и она может или подождать их, или прийти в другой раз. Сартол велел ей уходить и забирать с собой всех остальных служанок и дочь Джарида и Элайны, иначе он всех убьет. После того как он послал струю магического огня через стол, предназначенный для заседаний, прямо в большой камень, она повиновалась.

Лишь мгновение Сартол обдумывал, стоит ли убивать ребенка. Джарид и Элайна были виновны в том, что приключилось с ним в конце жизни. Забрать жизнь их дочери казалось

ему подходящим наказанием. Но меньше всего ему нужно было, чтобы два его самых опасных врага выступили против него прежде, чем он будет готов, желая свершить правосудие и отомстить за смерть дочери. Поэтому он оставил ее в живых, послав на улицу вместе с остальными служительницами Зала.

Не успел он и глазом моргнуть, как оказался наедине с Созывающим Камнем. Наконец-то. Все оказалось так просто, что он рассмеялся; лишь несколько минут прошло после того, как он поджег город.

К тому моменту, как перестали звонить колокола, тем самым сообщив Сартолу, что пожар прекратился, он весьма преуспел на пути овладения гигантским кристаллом. Камень уже светился цветом его церилла — светло-желтым, как песок на берегах Океана Дуклеи на закате. Он станет ярче — Сартол был уверен в этом. Скоро, очень скоро он будет таким же ярким, как его церилл и как желтое мерцающее пламя в центре голубого камня Таммен. Но даже уже сейчас можно было с уверенностью сказать, что камень принадлежит ему.

Вне всякого сомнения, Джарид, Элайна и их друзья будут знать об этом в тот момент, когда войдут в Зал.

Он стоял спиной к двери и поэтому услышал их прежде, чем увидел. И даже не поворачиваясь, он мог угадать, кто пришел. Кроме Орлиного Магистра и его жены, там были Баден, Транн, Оррис, Радомил и, возможно, несколько других, которых он помнил по последней в своей жизни битве, когда члены Ордена послали его в царство Неприкайнных.

— Прочь от камня! — приказал Джарид довольно суровым тоном.

— А почему я должен это сделать? — ответил Сартол, медленно поворачиваясь к ним. — Ах, Сонель, — добавил он, заметив высокую зеленоглазую женщину, стоящую рядом с Баденом. — Я и забыл о тебе. — Их было восемь. Те, встречу с которыми он предвкушал, плюс Сонель и Мерעד, и все выглядят почти такими, какими он их запомнил, за исключением Бадена, который казался немощным и сильно постаревшим. Сартол был уверен, что сможет победить их.

— Мы знаем, кто ты такой, — сказала Элайна. — Ты не Таммен, ты — Сартол.

Он засмеялся:

— Вообще-то, я и то, и другое. Но не будем придирааться к словам.

— Ты в самом деле думаешь, что мы позволим тебе уйти?

— Душечка ты моя бедненькая, — ответил он, разводя руками и улыбаясь во весь рот. — Вы уже позволили.

— Ты уже вошел сюда, — сказал Баден, делая шаг вперед. — И ты признался нам, кто ты. Почему бы тебе не отпустить теперь Таммен? Она тебе больше не нужна.

— Ах, Баден, всегда заботящийся о тех, кто попал в беду. Ну очень благородно! Боюсь, однако, что Таммен твоя помощь не потребуется. Без меня она умрет. Ты же не хочешь быть виновен в том, что отправил еще одного мага мучиться от Проклятия Терона, не так ли?

— Чего ты хочешь, Сартол? — спросил Джарид.

Он пожал плечами:

— Власти, бессмертия, отомщения, справедливости. Другими словами — мне нужен этот камень, который, как ты можешь заметить, уже принадлежит мне.

Все восемь магов как один посмотрели на большой церилл, и, хотя они попытались сдержать свои чувства, Сартол ясно увидел страх на их лицах.

Он снова засмеялся:

— На этот раз вы пришли слишком поздно. Один раз вы меня остановили, но сейчас я вас победил, в чем никогда и не сомневался.

— Ты не победишь нас до тех пор, пока не будут мертвы все маги в Тобин-Сере, — возразил Джарид. — А пока твоя сила связана с этим камнем, такого никогда не произойдет.

— Верь в это, если хочешь. Возможно, ненадолго это послужит вам небольшим утешением. Но скоро вы все будете мертвы. Ты что, думаешь, я вернусь бы сюда, если бы не был в этом уверен? — Он снова осклабился. — Ведь я мертв, помните? Время для меня ничего не значит. Если бы я не был уверен, что смогу победить, я бы все еще был призраком.

— Тогда нам придется уничтожить тебя, — сказала Элайна.

— А я думал, что ты будешь благодарна мне, Элайна. Как-никак я сохранил жизнь твоей дочери. Разве это ничего не значит?

Она задрожала. Он это увидел, и ему захотелось расхохотаться.

— Ах ты, ублюдок!

— Мне наскучил этот разговор, — сказал Сартол. — У меня есть дела. Уходите или умрите, но разговор окончен.

Джарид с Элайной обменялись взглядом, и Орлиный Магистр кивнул. Мгновение спустя все восемь магов подняли посохи и направили на Сартола потоки магического огня. Голубой и пурпурный, оранжевый и зеленый, красновато-коричневый и коричневый, цвета слоновой кости и серый. Но, даже превратившись в ослепительно-белую смесь, их общий луч не смог победить желто-голубого энергетического щита, который вырвался из Созывающего Камня. Джарид и Элайна были сильны сейчас — гораздо сильнее, чем он их помнил раньше, — но остальные нет, а Баден стал слаб. Употребив почти такое же усилие, которое требовалось ему при жизни, чтоб развести костер, Сартол отразил их атаку и затем направил на них свою энергию.

Они пытались сопротивляться ему. Он почувствовал, как они собираются с силами, готовясь ко второй атаке, он видел напряжение на их лицах и во вздувшихся мышцах рук. Но все, что ему нужно было сделать, это употребить еще немного своей энергии, достаточной для того, чтобы заставить собственный церилл светиться темной ночью. Он разбросал их всех по полу таким ударом, который потряс Великий Зал до основания.

Они с трудом встали на ноги, ошеломленные, как дети, которых отшлепали рассерженные родители. И подобно наказанным детям, они больше не поднимали посохов, чтобы бросить ему вызов.

— Я мог бы убить вас сейчас, — сказал он. — Думаю, это для вас очевидно. Но у меня есть причины оставить вас в живых еще на некоторое время. Так что будьте благодарны и оставьте меня, пока я не передумал.

Джарид с Элайной посмотрели друг на друга. Затем Орлиный Магистр тихо сказал что-то, и маги стали по одному выходить из зала. Однако он и Элайна остались.

— Еще ничего не кончено, Сартол, — сказал ему Премудрый. — Я знаю, ты думаешь, что уже победил, но это не так. Несмотря на все то, что произошло между Орденом и Лигой, члены Лиги присоединятся к нам, когда узнают, что ты вернулся.

Сартол покачал головой:

— Глупец. Ты что, думаешь, еще несколько магов смогут хоть как-то помешать мне? Эрланда я так же боюсь, как тебя.

— А Кайлин? — спросил Джарид.

Он сузил глаза:

— Кто такая Кайлин?

— Орлиный Мудрец Лиги.

Сартол попытался скрыть свою реакцию. Вообще по лицу Таммен они ничего не поймут. Но это уж слишком.

— Второй Орлиный Маг? Я тебе не верю. — Он лгал, потому что видел по лицу Джарида, что тот говорит ему правду. Он слышал это в его голосе.

— Хорошо. Не верь этому. Думай все, что угодно, как будто я тебе об этом не говорил. Но я уверяю тебя, что это правда. И несмотря на все твое бахвальство и все угрозы, я уверяю тебя, что до того, как все это кончится, ты будешь бояться нас. Может, мы всего лишь маги, но боги послали нам двух орлов. Они знали, что ты вернешься, даже если мы и не знали. И они дали нам средство остановить тебя.

— Убирайтесь!

— Тебе не удастся победить, Сартол. Ты выступил не просто против магов и людей. Сами боги против тебя.

— *Убирайтесь!*

Джарид едва успел понять, что сделал Сартол, как второй поток голубовато-желтого огня вырвался из камня, разделившись в последнее мгновение и ударившись об энергетические щиты, которые они подняли, чтобы защититься от него. Удивительно, но они выдержали, хотя сила удара швырнула их о стены Зала. Их птицы закричали и затем, прыгая, направились к тому месту, где они лежали неподвижные и в синяках.

Медленно Джарид поднялся на ноги и затем помог встать и Элайне.

— Убирайтесь! — сказал Сартол в последний раз. — Или, клянусь, я убью вас, даже если мне придется разнести на куски Великий Зал, чтобы сделать это.

Они еще мгновение пристально смотрели на него, а затем направились к двери. У Джарида текла кровь из раны на лбу, а Элайна заметно хромала, но это особенно не подняло Сартолу настроения.

Два орла. Он никогда и представить себе не мог, что такое произойдет. Это не поддавалось объяснению. «Сами боги против тебя», — снова прозвучал голос у него в голове, словно подтверждая его неправоту.

Он усталился на деревянные двери Великого Зала, и в его сознании снова всплыл образ того, как сила, которой он владеет, раскидала магов, выступивших против него, подобно порыву ветра, сметающему осенью палую листву. При этом воспоминании он улыбнулся.

— Боги — ничто, — произнес он вслух, поворачиваясь к Созывающему Камню и видя, как тот замерцал цветом его церилла. — Пусть они позволяют им сразиться со мной. Прежде чем все это закончится, я буду сильнее всех их вместе взятых.

Баден бросился к ним, едва увидел, как они выходят из Великого Зала — Джарид с опасным порезом на лбу и Элайна, хромая и морщась от боли. Он подхватил Элайну и помог ей дойти до обочины дороги, где она смогла присесть и отдохнуть. После утра, проведенного за исцелением жертв пожара, он устал, как и Голив, но он, не колеблясь ни минуты, стал заниматься ее раной. На это у него еще оставались силы.

Положив руки на ногу Элайны, он оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, как там Джарид. Транн уже его лечил.

Баден снова переключил свое внимание на Элайну.

— Это не должно занять много времени, — сказал он. — Кость, кажется, не сломана.

— Спасибо.

Он улыбнулся:

— Такое ощущение, словно все утро только этим и занимаюсь.

— Так оно и есть, Баден, — ответила она с мрачным видом. — Мы ведь воюем.

Он вздрогнул, и его улыбка исчезла. Конечно, она права, конечно. *Мы — воюем.*

И, словно подтверждая слова, прозвучавшие у него в голове, что-то произошло в Великом Зале, и от этого в жилах Бадена стала стечь кровь. Энергетическое поле светло-желтого магического огня, едва различимое в солнечном свете, но в реальности которого можно было не сомневаться, неожиданно окружило здание.

— О боги! — прошептал Баден. — Что он сделал?

— Он позаботился о том, чтобы мы снова на него не напали, — ответила Элайна, уставясь на Зал с мрачным выражением лица.

— Но сила, необходимая для того, чтобы сделать подобное... — Он покачал головой, оставив свою мысль неоконченной.

— Он — Неприкаянный маг, — сказала Элайна. — И он завладел Созывающим Камнем. Одному Арику ведомо, на что еще он способен.

Баден пристально смотрел на нее несколько мгновений. Затем сглотнул и в молчании продолжил лечить ее ногу.

Как только он убрал руки с ее ноги, она стала подниматься.

— Тебе нужно отдохнуть.

Она резко махнула рукой в направлении Великого Зала, окутанного желтым магическим огнем.

— Я отдохну потом, когда все это закончится. — Она попыталась осмотреться. — Где Мин?

— Я велел Валли отвести ее в харчевню, — ответил Баден. — Пока она может побыть там.

— Ну что ж, вполне разумно, — сказала Элайна, нетерпеливо отбрасывая волосы со лба. — Спасибо. А Джарид как? С ним все в порядке?

— Все хорошо, — послышался позади них голос Премудрого.

Баден встал, а затем помог подняться Элайне.

— Мне очень жаль, — сказал Джарид, взяв Элайну за руку. — Я хотел разозлить его, но я и понятия не имел, что он так силен. Из-за меня ты чуть не погибла.

Она отклонила его извинения взмахом руки.

— Ничего, все в порядке. — Он не ответил и тогда она дотронулась до его лица и заставила встретить свой взгляд. — Со мной все в порядке, Джарид, и ты все сделал правильно.

— Хотел бы тебе поверить, но сам я в этом отнюдь не уверен.

— Почему? — спросил Оррис, присоединяясь к ним.

— Я сказал Сартолу о Кайлин, о втором орле. Я не хотел об этом говорить, но он казался таким уверенным в себе. И я просто не мог сдержаться. Мне нужно было хоть как-то поколебать его уверенность.

— Не вижу в этом ничего неправильного, — сказал Оррис.

Премудрый пожал плечами:

— Я думаю, не стоило ли мне скрыть это от него? Посмотри, что он сделал с Залом. Теперь он может готовиться столько, сколько ему нужно. Если бы я не сказал ему, он бы этого не делал и мы бы смогли сразиться с ним еще раз, прежде чем он сделает то, что собирается.

— Может быть, — согласился Баден. — Но мне кажется, что он бы в любом случае поступил точно так же.

— Я тоже так думаю, — сказала Элайна.

Магистр посмотрел на нее, а затем на Джарида.

— Как он отреагировал, когда ты сказал ему о Кайлин?

— Он испугался, — ответила Элайна. — Это можно было видеть на... — Она заколебалась, и посмотрела по очереди на всех. — Это его лицо или ее?

Баден покачал головой:

— Не знаю. Но мне кажется, — продолжил он, снова поворачиваясь к Орлиному Магистру, — что ты поступил правильно. — Если он напуган, он может допустить ошибку. А сейчас все, что отвлекает Сартола от его планов, каковы бы они ни были, играет нам на руку.

— Возможно, ты прав, — сказал Транн. — Но что нам теперь делать?

Бадену все еще непривычно было видеть, как все смотрят на Джарида и Элайну в ожидании ответа на подобный вопрос. Ведь так долго они с Сонель были лидерами Ордена, которые руководили более молодыми магами во время кризиса. Даже после того, как Радомил стал Премудрым, это сохранилось отчасти из-за того, что сам Радомил с радостью был готов подчиниться им во время невзгод. И только лишь орел Джарида внес подлинные изменения в руководство Орденом.

Бадену было трудно примириться с этим. Он стоял во главе или почти во главе Ордена много лет. Но, по правде говоря, бывали времена, когда это его беспокоило. А сейчас ему было легче оттого, что во главе Ордена — Джарид, сын его брата, его бывший ученик, которого он любил как родного. Видя Магистра, стоящего рядом со своим огромным орлом, Баден не мог не гордиться им. Этому способствовало так же и то, что в большинстве случаев Джарид поступал так, как бы он и сам поступил.

— Первое, что нам нужно сделать, — сказал Орлиный Магистр, оглядываясь на Великий Зал, — это пойти в Зал Лиги и рассказать Кайлин, Эрланду и остальным о том, что

случилось.

К этому моменту к ним присоединились остальные маги Ордена, которым их товарищи или служанки Зала сообщили о присутствии Сартола в Палате Собраний. Услышав, что Джарид собирался сделать, двое молодых магов — Трамис и Орланн — вышли вперед.

— Вы уверены, что это разумно? — спросила Орланн. — Один враг только что отобрал у нас Великий Зал. Нужно ли нам идти и объявлять о нашей неудаче другому?

— Лига не является нашим врагом, — спокойно ответил Джарид. — Сартол наш враг. Если у нас появится хоть какая-нибудь возможность победить его, нам понадобится помощь всех магов Тобин-Сера.

— А что, если они, вместо того чтобы помогать нам, решат воспользоваться моментом, чтобы уничтожить нас? Об этом вы подумали?

Джарид открыл рот, собираясь ответить, но Элайна остановила его, положив руку ему на плечо.

— Ты не очень долго была членом Ордена, Орланн, — сказала она. — И я знаю, что ты была совсем молодой и жила в Западном Тобин-Сере, когда погиб Сартол. Поэтому я полагаю, что твои слова — продукт невежества, а не глупости.

Лицо молодого мага покраснело, но Элайна не подавала вида, что заметила это.

— Сартол был моим наставником, — сказала она. — Я знала его почти всю жизнь. Я видела, что он сделал с Джессамин и Передуром, я видела, что сделали с Вотерсбандом люди, с которыми он объединился, а сегодня я видела, что он сделал с магом по имени Таммен, которая, насколько мне известно, ничем не заслужила такой судьбы. Столь жестокого и беспощадного человека еще не было в нашей стране. А сейчас, когда у него есть доступ к Созывающему Камню, он может стать самым могущественным магом в истории Тобин-Сера. Магам Лиги известно о Сартоле, даже если вам — нет. И, несмотря на то что они думают об Ордене, услышав, что он вернулся, они поймут, что единственная надежда Тобин-Сера заключается в нашей способности действовать сообща. Поэтому на твоём месте я бы не искала причин не доверять Лиге, а начала бы стараться привыкнуть к мысли, что они будут нашими союзниками в этой войне. — Она оглядела улицу пристальным взглядом, словно предлагая другим оспорить предложение Джарида, — Наш Орлиный Магистр предложил нам отправиться в Зал Лиги. И мне кажется, что нам пора идти.

Она взяла Джарида за руку и пошла с ним в направлении Зала Лиги. Не говоря ни слова, остальные маги Ордена последовали за ними.

Когда они странной молчаливой процессией шли по улицам Амарида, горожане останавливались, показывали на них друг другу и шептались. Весть о повторном появлении Сартола еще не распространилась, но марш магов по улицам уже провоцировал разные слухи.

«Они собираются воевать!» — услышал Баден одного горожанина.

А другой ответил: «Они будут сражаться с Лигой».

Казалось, Джарид тоже это услышал, потому что мгновение спустя он остановился и поднял руку, давая знак другим магам также остановиться.

— Возможно, не очень разумно идти в их Зал всем вместе, — сказал он. — Я бы не хотел, чтобы они нас неправильно поняли. Пойдем туда мы с Элайной, а также Оррис, Баден, Сонель и Транн. Радомил, — добавил он, поворачиваясь к магу с козлиной бородкой, — я бы хотел, чтобы ты с остальными магами отправился к Совету городских старейшин поговорить о том, где мы теперь сможем собираться. Великий Зал нам недоступен, и мне бы хотелось иметь место, где все члены Ордена смогут обсуждать свои дела.

Радомил кивнул:

— Конечно, Орлиный Магистр. — Он заколебался. — Как это объяснить?

Джарид сжал губы в тонкую линию и провел рукой по лицу.

— Скажи им правду, — наконец ответил он. — Учитывая, что Сартол сделал с Великим Залом, лгать им бессмысленно.

— Хорошо. — Радомил улыбнулся. — Не беспокойся, Джарид. Они тебя послушают.

Джарид схватил его за руку:

— Спасибо, Радомил.

Маленькая делегация стояла в центре улицы и смотрела, как маг плотного телосложения уводит остальных. Затем они снова во главе с Джаридом прошли оставшуюся часть пути до Зала Лиги и постучали в большие деревянные двери здания.

Некоторое время ничего не было слышно, но, когда Джарид поднял руку, чтобы постучать во второй раз, одна из створок отворилась, и выглянула молодая женщина в длинном сером платье.

— Извините, — сказала она, — у Лиги сейчас Конклав, но...

Она замолчала, уставясь на них, не веря собственным глазам.

— Нам нужно срочно поговорить с Лигой Амарида, — сказал ей Джарид. — Пожалуйста, скажите Орлиному Мудрецу Кайлин и Первому Магистру Эрланду, что здесь Орлиный Магистр, Первый Маг Элайна и небольшая депутация, представляющая Орден.

— Н-но они на Конклаве. Их нельзя прерывать.

— Уверен, что в данном случае они нас поймут.

— Но они...

— Если вы еще раз скажете нам, что они на Конклаве, — сказал Оррис, выходя вперед с грозным выражением лица, — я от вашего Зала камня на камне не оставлю. И поверьте мне, что объяснить это Кайлин и Эрланду будет гораздо труднее, чем просто прервать их конклав. — Он пристально посмотрел на нее. — Я понятно выразился?

Женщина кивнула и отступила на несколько шагов от него, прежде чем отправиться передать это послание. Уходя, она даже не закрыла дверь.

Пока они ждали ее возвращения, Баден посмотрел на Орриса и поднял бровь:

— Камня на камне не оставишь?

Дородный маг пожал плечами:

— Но ведь получилось, не так ли?

— Да, — сказал Джарид с легкой улыбкой на губах. — Но получится еще лучше, если ты никому больше не будешь угрожать. Мы здесь ищем союзников.

Мгновение спустя еще одна молодая женщина, которая выглядела запыхавшейся и бледной, появилась в дверях. На ней был голубой плащ, а в руке — посох с золотистым камнем. Но лишь когда рядом с ней появился орел, Баден понял, что это Кайлин.

— Джарид, Элайна, добро пожаловать. — Она посмотрела на остальных, словно показывая, что приветствие относится и к ним, но ее взгляд быстро вернулся к Джариду. — Что случилось?

Орлиный Магистр заколебался:

— Будет лучше, если я расскажу об этом всем сразу.

— Конечно, — сказала Кайлин, кивнув. — Входите.

Она отошла от двери, приглашая их войти. Но когда они направились к большому столу, стоящему в центре Зала Лиги, она оказалась рядом с Оррисом.

— Я знаю, что ты сделал сегодня, — прошептала она. — Думаю, это невероятно благородный поступок.

Через мгновение она отошла, поспешив к своему месту за дальним концом стола, рядом с Эрландом. Баден посмотрел на Орриса и увидел, что лицо у мага было ярко-красным от случившегося. Он едва не начал подшучивать — на языке у него вертелось с полдюжины острот о влюбленности школьников, внезапно пришедших на ум, — но, вспомнив о женщине, которую Оррис любил и оставил в Лон-Сере, Баден решил промолчать.

— Добро пожаловать в наш зал, — сказала Кайлин мгновение спустя, став перед своим стулом и улыбаясь вошедшим.

Эрланд тоже встретил их стоя, хотя он смотрел на магов Ордена с ледяным выражением лица. И несмотря на то что остальные члены Лиги отодвинули свои стулья, чтобы освободить место для Бадена и его спутников, выражение их лиц было скорее таким же, как у Эрланда, нежели как у Кайлин.

Джарид подвел своих друзей к столу и изящным жестом показал, что им следует присесть. Однако сам он остался стоять.

— Орлиный Мудрец, Первый Магистр, благодарю вас, — сказал он, кивая по очереди каждому из них. — Вы оказали нам большую честь своим приветствием и позволением присоединиться к вашему Конклаву.

— Что вам нужно? — спросил Эрланд.

Джарид мгновение холодно смотрел на Эрланда, прежде чем обвести взглядом остальных магов Лиги, сидящих за столом.

— С того момента, как я впервые узнал, что у Лиги есть Орлиный Мудрец, — начал он ровным тоном, — я поклялся, что сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать любого конфликта, который может столкнуть магов Ордена с магами Лиги. Мы все служим стране и желаем защищать ее, а не разделять, и я твердо верил в то, что Лига нам не враг. Кроме того, я был убежден, что боги послали этих орлов для того, чтобы мы могли объединиться, когда придет время сразиться с настоящим врагом, и я поклялся, что как только узнаю о наличии такового, я приду в Лигу и сделаю все возможное, чтобы убедить вас присоединиться к нам в нашей борьбе. — Он замолчал, окидывая зал пристальным взглядом. — По этой причине я и пришел к вам сегодня со своими товарищами.

— Вы знаете, кто это? — чуть слышно спросила Кайлин. — Вы знаете, с кем нам предстоит сражаться на этой войне?

— Мне кажется, правильное будет, — произнес Эрланд прежде, чем Джарид успел ответить, — спросить у Орлиного Магистра, как это он допускает, что мы будем считать врага Ордена своим собственным врагом.

Баден увидел, как у Джарида напряглась нижняя часть лица, и на мгновение он испугался, что Премудрый отпустит в ответ какую-нибудь колкость. И не очень давно он бы так и поступил. Но теперь Джарид был Орлиным Магистром, и он ответил на замечание Эрланда с подобающему своему титулу достоинством.

— Уверяю вас, Первый Магистр, — сказал он, — ни одному магу в этом зале не захочется противостоять подобному врагу. — Я в этом совершенно уверен.

— Кого вы имеете в виду? — спросила Кайлин, бросив жесткий взгляд на Эрланда.

— Это Неприкаянный дух предателя Сартола.

Недоверчивые возгласы, выражающие сомнения, наполнили зал, а самый громкий, как Баден и ожидал, исходил от Эрланда.

— Это невозможно! Проклятие Терона не позволит такому произойти!

— По всей видимости, Сартол нашел способ обойти Проклятие, — ответил Джарид. — Он пришел к нам под видом молодого свободного мага по имени Таммен. Но у нас нет ни малейшего сомнения в том, что это — Сартол. Он здесь — в Амариде.

Эрланд покачал головой:

— Я тебе не верю. — Однако он выглядел напуганным, как человек, который прекрасно знает, что слышит правду.

— Есть еще кое-что, — сказал им Джарид. — Он отобрал у нас Великий Зал. И завладел Созывающим Камнем.

— Что? — спросил Стефан, один из старых магов, который когда-то был членом Ордена. — Как вы могли допустить такое?

— Мы еще не знали, что эта женщина — Сартол. Сегодня утром колокола подали сигнал тревоги, и мы оставили Великий Зал, ни о чем не подозревая. Когда мы вернулись, обнаружили там Таммен — или, скорее, Сартола. Мы небольшой группой попытались сразиться с ним, но, овладев камнем, он стал слишком сильным.

— Так вы думаете, что Сартол устроил пожары? — спросил кто-то. Бадену потребовалось мгновение, чтобы понять, что это маг, которого Оррис спас днем.

— Да.

Стефан покачал головой:

— Да хранит нас всех Арик.

— Я не понимаю, — сказала Кайлин. — Что он может сделать с Созывающим Камнем?

Баден и Эрланд уставились друг на друга через стол. И в этот миг Баден понял, что они задавали себе один и тот же вопрос: как один из лидеров Лиги может быть настолько молод, чтобы не знать этого?

— Прежде чем мы уничтожили Сартола двенадцать лет назад, — тихо пояснил Эрланд, — он начал обретать связь с Созывающим Камнем.

— В смысле, подчинять его себе? — спросила Кайлин, и в ее ярко-голубые глаза стал закрадываться страх. — Так, как маг овладевает своим цериллом?

— Да. После его смерти мы — те, кто был в Ордене в то время, — решили никому не говорить об этом. Мы думали, что не имеет смысла сообщать всем, как близко он подобрался к уничтожению Тобин-Сера.

Кайлин кивнула и посмотрела на Джарида:

— Значит, когда он вернулся сегодня, он сумел снова сделать камень своим?

— Я думаю, что связь между ними никогда не прерывалась, — сказал ей Джарид. — Он был наедине с камнем всего лишь первую половину утра, когда мы были на пожаре, и уже овладел им до такой степени, что смог отбиться от восьмерых магов.

— Сартол... — сказал Эрланд, медленно покачивая головой. — Никогда не думал, что снова придется из-за него беспокоиться.

— Означает ли это, что вы верите им, Первый Магистр? — спросил один из молодых магов Лиги.

И снова Эрланд стал смотреть через стол на магов Ордена, и его взгляд, наконец, остановился на Бадене, а не на Джариде. Странно, но Баден понял. Здесь не имеется старых друзей, но, возможно, самое лучшее, что здесь есть, — это поддержка старого врага.

— Если это какая-то уловка, то мы... — произнес Эрланд и замолчал, а угроза так и повисла в воздухе.

Баден помотал головой:

— Это не уловка. Иначе нам было бы нелегко прийти сюда в поисках помощи после изгнания из Великого Зала. Мы бы не стояли здесь, если бы угроза не была велика.

Эрланд еще несколько мгновений не сводил с него пристального взгляда, а затем неохотно кивнул.

— Да, Геруэн, — сказал он. — Я верю им.

— Рад это слышать, — заметил Джарид. — Теперь мы должны составить план действий. Нам нужно действовать быстро, если...

— При всем должном уважении к вам, Орлиный Магистр, — вмешался другой молодой маг, в тоне которого звучало все, что угодно, кроме уважения, — не вы определяете повестку дня на нашем Конклаве. Это делают Эрланд и Кайлин.

— Спасибо, что напомнила, Вавния, — сказала Кайлин. — Но сейчас происходит военный совет, и у Джарида столько же прав руководить нашим обсуждением, сколько и у меня.

— На каком основании? — спросил Эрланд.

Молодая женщина пристально посмотрела на него:

— По моему праву как Орлиного Мудреца. Если только вы не хотите вернуться к разговору, который велся в вашей комнате на днях.

— Нет, — ответил Магистр после краткого молчания. Он обвел взглядом стол. — Кайлин права: сейчас мы держим военный совет. А по военным вопросам, особенно когда против нас стоит такой враг, нам следует выслушивать и Кайлин, и Джарида.

Кайлин кивнула и снова повернулась к Джариду:

— Вы что-то говорили, Орлиный Магистр?..

Джарид улыбнулся:

— Я говорил, что нам нужно действовать быстро, и я бы добавил, что мы должны быть выше мелочной зависти, которая может проявиться среди магов обеих организаций. Когда все будет кончено, мы вольны снова стать соперниками, но сейчас мы не можем позволить

себе подобного удовольствия. Что бы ни случилось, боги решили послать орлов Кайлин и мне, и если мы хотим уничтожить Сартола, всем вам придется уважать их выбор. Я считаю, что нам нужно обратиться за советом к Неприкайнным. Сартол — из их царства, и они могут знать, как его победить. Кайлин, я бы хотел, чтобы ты выбрала двух или трех магов, которые отправятся с нами встретиться с ближайшим из Неприкайнных. И я был бы рад услышать любого из тех, чей дух находится к нам ближе всего. Я не знаю никого, кто был бы от нас ближе Фелана.

Он поглядел на Элайну, затем на Бадена, и в его светлых глазах застыл немой вопрос.

— Никого не могу припомнить, — сказала Элайна.

Баден покачал головой:

— Я тоже. Поэтому-то мы и сражались с пришельцами у Отрога Фелана в прошлом. Мы решили, что он ближе всех.

— А Ронуэн? — спросила Вавния.

Баден нахмурился:

— Кто?

Но Джарид с Элайной кивали.

— Ронуэн, — ответил Джарид, — была молодым магом, которая вступила в Орден на год позже меня и Элайны. Она нашла себе ястреба, но не прошло и года, как его убил, если не ошибаюсь, охотник. Случайно. И, прежде чем она снова успела стать связанной, у нее открылась горячка. Вскоре после этого она умерла. — Он покачал головой. — Она была последним магом, который вступил в Орден перед тем, как... Он замолчал, но никто в зале не сомневался в том, что он имел в виду. Она была последним магом, который присоединился к Ордену перед разделением Волшебной Силы.

— Так ты говоришь, место, где она встретила свою первую птицу, было в лесу Тобина? — спросил Оррис.

Вавния кивнула.

— Да. Как раз к северу от Отрога Фелана. Путь туда верхом займет не больше недели.

— Тогда, наверное, лучше всего выбрать ее, — сказала Кайлин, снова принимая на себя руководящую роль в разговоре. Она посмотрела на Джарида: — Когда вы хотите отправиться в путь, Орлиный Магистр?

— Сегодня. Как только вы и выбранные вами маги будете готовы.

Она кивнула:

— Дайте нам время до середины дня. Мы встретимся с вами неподалеку от Зала.

— Хорошо. — Джарид подал знак своим спутникам, чтобы они вставали. — А мы пока сообщим об этом остальным членам Ордена.

Он повернулся и повел Бадена и остальных из зала на улицу. Там, к его удивлению, они обнаружили, что их ожидает Урсель.

— Не хочешь ли ты сказать, что уже нашла место? — спросил Джарид.

Та кивнула:

— Когда старейшины слышали, что нам нужно, они предложили здание коменданта. — Она широко улыбнулась: — Кажется, и глава Совета, и комендант — сторонники Ордена.

— Еще что-нибудь произошло? — спросил Джарид, когда они направились к зданию коменданта, которое находилось в центре города около дома Амарида. — Сартол сделал еще что-нибудь?

— Из Зала Собраний исходит свет, наверное, он делает что-нибудь с камнем, но больше мы ничего не знаем.

Джарид сжал губы в тонкую линию и кивнул, но ничего не ответил, и некоторое время они шли молча. Потом Урсель посмотрела на Джарида, а затем оглянулась на Бадена и остальных.

— Как прошел ваш разговор с Лигой? — спросила она наконец.

— Лучше, чем я ожидал, — признал Премудрый. — Группа, состоящая из магов

Ордена и Лиги, отправляется сегодня встретиться с Неприкайнным магом в лесу Тобина.

Ее глаза слегка расширились.

— Это прекрасное начало. Никогда бы не поверила, что подобное может произойти так быстро. Вы, наверное, были очень убедительны.

— Не я, а Сартол. Простого упоминания его имени достаточно, чтобы убедить даже самых упрямых магов забыть о своих разногласиях.

Баден подумал, что Джарид придает слишком мало значения тому, что только что произошло в Зале Лиги, но ничего не сказал. В этот момент он был поглощен другим вопросом, который, как он предвидел, возникнет через несколько минут. Поэтому он просто шагнул, держа Сонель за руку и пытаясь решить, как лучше сообщить Джариду о решении, которое он принял.

Здание коменданта не было особенно привлекательным. Колокольня, возвышающаяся позади, была слишком громоздкой, чтобы считаться красивой. Само же здание было невелико. Семь лет назад, до образования Лиги, оно бы не подошло Ордену. Но поскольку Орден теперь состоял менее чем из тридцати магов, этого здания было более чем достаточно.

Они обнаружили, что Радомил вместе с другими магами ожидал их внутри, стоя в просторной комнате, в которой не было никакой мебели.

— Надеюсь, эта подойдет, Орлиный Магистр, — сказал он, когда Джарид вошел вместе с Баденом и остальными в комнату. — Комендант пообещал нам стулья и стол, но на это может потребоваться день-другой.

— Все прекрасно, Радомил. Благодарю тебя.

— Может, поедим немного, прежде чем возобновим обсуждение?

Джарид покачал головой:

— Нет времени. Скоро мы небольшой группой отправляемся в лес Тобина к месту, где Неприкайнный маг Ронуэн встретила первую птицу.

Когда остальные маги собрались вокруг них, Джарид рассказал о том, что произошло в Зале Лиги и что они с Кайлин решили сделать. Поначалу никто не высказывался против, хотя Баден по выражению лиц Трамиса, Орланни нескольких других молодых магов чувствовал, что они по-прежнему не одобряют идею вступления в союз с Эрландом и его сторонниками.

Однако спустя некоторое время Радомил перевел дух:

— Прости меня, Джарид, но ты думаешь, что будет разумно, если вы с Кайлин покинете Амарид в такой момент? Если Сартол предпримет еще что-нибудь, нам в бою может понадобиться руководство Орлиного Магистра.

— Возможно, ты и прав, Радомил, — ответил Орлиный Магистр, положив руку на плечо дородного мага. — Но я боюсь, что без нас обоим трудно будет убедить Неприкайнных помочь. Кроме того, — добавил он с грустной улыбкой, — я не думаю, что кто-нибудь из нас двоих согласился бы остаться. Я не хочу отдавать все руководство над делегацией Лиге, а Кайлин целиком не доверится Эрланду.

— Понимаю тебя, — тихо сказал Радомил.

— Мы постараемся вернуться как можно быстрее. Сартол окружил Зал своей магией. Мне не кажется, что он будет нападать на кого-нибудь в ближайшее время. Боюсь, у него на уме что-то более серьезное.

— Кого ты возьмешь с собой? — спросил Оррис, когда Орлиный Магистр закончил.

— Ну, я надеялся, что пойдешь ты.

Дебелый маг широко улыбнулся:

— Конечно.

Джарид повернулся к Элайне, но она покачала головой, прежде чем он успел что-либо сказать.

— Один из нас должен остаться с Мин.

— Хорошо. Тогда вместе с Оррисом я беру Бадена и Транна.

Баден сглотнул. Он этого ожидал.

— Сколь сильно я ни хотел бы пойти с тобой, Орлиный Магистр, но, боюсь, мне придется отказаться.

Джарид уставился на него так, словно тот только что объявил ему, что уходит из Ордена и присоединяется к Лиге:

— Почему?

— Это — поход для более молодых магов, Джарид. Вам понадобится пересекать горы как можно быстрее, желательно — верхом, и я буду только задерживать вас.

— Это смешно! Ты ведь знаешь, что Эрланд пойдет. В таком деле он Кайлин не доверится. А он старше, чем ты.

Баден улыбнулся:

— Только из-за того, что Эрланд — старый глупец, я не должен поступать точно так же.

Орлиный Магистр шагнул вперед и положил руку на плечо друга:

— Баден, ты мне нужен. Мне нужна твоя мудрость и твое слово наставника, как и всегда. Прошу тебя, не заставляй меня совершить предначертанное без твоей помощи.

— С тобой будут Транн и Оррис. Я уверен, что у вас троих достанет мужества и мудрости, чтобы справиться с Эрландом и Неприкаянными.

— Не беспокойся об Эрланде и Неприкаянных, — чуть слышно произнес Джарид. — Кто будет помогать советом мне?

Баден притянул его поближе, как для того, чтобы скрыть свои слезы, так для того, чтобы утешить Джарида.

— Ты прекрасно справишься, — сказал он тихо, чтобы его слышал только Джарид. — Боги не ошиблись в выборе, послав этого орла тебе.

Через мгновение он оторвался от Джарида, но перед этим в последний раз слегка сжал его плечо.

— Хорошо, — сказал Джарид, повышая голос, чтобы его слышали все. — Пойдут Оррис, Транн и я. Надеюсь, что мы вернемся не позднее чем через две недели. — Он повернулся к Элайне и заключил ее в объятия. — Береги себя, — сказал он. — И передай Мин, что я ее люблю.

— Обязательно. Если что-нибудь случится, мы воспользуемся связью через цериллы, чтобы дать о себе знать.

Джарид поцеловал ее и затем отпустил.

— Вы оба готовы? — спросил он, поворачиваясь к Оррису и Транну.

— А мы разве не всегда готовы? — ответил Оррис, улыбаясь во весь рот.

Орлиный Магистр улыбнулся в ответ, и все трое направились к выходу.

— Да хранит вас Арик, — крикнул им вслед Баден.

Джарид оглянулся через плечо:

— И вас тоже.

Мгновение спустя они ушли, и Бадену осталось лишь размышлять, правильно ли он поступил.

Сонель подошла к нему и взяла за руку, просунув свои пальцы между его пальцев.

— Для этого требовалось мужество, Баден, — сказала она ему низким голосом. — Я знаю, как сильно ты хотел пойти. И я горжусь тобой.

Он слегка улыбнулся ей, но его улыбка быстро угасла. Сартол вернулся, два Орлиных Мага Тобин-Сера отправились в путь к лесу Тобина, чтобы заручиться помощью Неприкаянных, и хотя Джариду с Кайлин удалось объединить на время Лигу и Орден, недоверие, разделявшее магов много лет, осталось. И тем не менее, хоть это и казалось эгоистичным, Баден не мог не думать о том, предстоит ли ему сыграть роль в спасении страны.

— Я чувствую себя старым, — сказал он, когда Сонель поцеловала его в щеку.

Она улыбнулась игривой мягкой улыбкой, которую он так хорошо знал на протяжении многих лет.

— Ты стар. И я тоже. — Выражение ее лица стало жестким. — Но это не значит, что мы бессильны. Может быть, это война Джарида и Кайлин, но и мы вступим в нее. Так или иначе, вступим, можешь не сомневаться.

23

Когда я пыталась изменить нравы в Нале, я, конечно, столкнулась с сопротивлением оверлордов, лордов, изгоев и даже охранников, находящихся в подчинении у Джибба. И хотя это стало весьма неприятной неожиданностью, большого удивления это не вызвало. В Нале все слишком долго подчинялось одному лишь кодексу правил, и многие извлекали из этого выгоду.

Однако я ожидала, что мои усилия обуздать произвол в Нале завоюют поддержку Сети. Я, как-никак, гилдрин, Хранительница Камня. Как таковая, я считала, что гилдрины Брагор-Наля примут меня в качестве союзника. Я первая среди них, кому удалось подняться так высоко в иерархии Наля; безусловно, я первая, кто добился этого, не скрывая своей родословной. Тем не менее они презрительно отвергали все мои попытки наладить с ними отношения, без всяких объяснений. Я дала ясно понять каждому изгою и лорду в Брагор-Нале, что притеснения гилдринов больше терпеть не буду. Действуя согласно моим приказам, Джибб положил конец преследованию Сети Службой Безопасности. И все-таки они относятся ко мне как к врагу. Понятно, что их поведение приводит меня в замешательство. Но самое главное, оно меня обижает.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 6, неделя 12, зима, год 3067*

Несколько дней подряд Мелиор провела во сне. Каждые несколько часов врачи будили ее, чтобы дать ей болеутоляющее, а затем снова позволяли заснуть. Кое-что она смутно осознавала: тупую боль в правом бедре, Джибба, склонившегося над ней, докторов, входящих и выходящих из ее спальни. Из разговоров Джибба с врачами ей удалось понять, что, хотя ее рана была глубокой, она не была слишком серьезна. За это время у Мелиор было несколько ярких снов, и почти все они — о недавней перестрелке, в которую им пришлось вступить. Но ей также снились сны о том, как она убивает Марара, а в одном, особенно ясном сне она увидела, как ней приходит Оррис и кладет руки ей на ногу, чтобы лечить ее.

Прошлой ночью она, наконец, пришла в себя. Конечно, Джибб был здесь и сидел рядом с ее кроватью с обеспокоенным выражением на круглом лице.

— Я уж стал было сомневаться, проснетесь ли вы когда-нибудь, — сказал он, улыбаясь ей с таким облегчением, что она покраснела от смущения.

— Сколько я была в забытии?

— Три дня. Им пришлось восстанавливать кость хирургическим путем, — добавил он, заметив ее реакцию. — И вы потеряли много крови.

— Три дня, — пробормотала она. Она покачала головой и обнаружила, что от этого у нее начинает кружиться голова. — От Вирсии какие-нибудь известия были? — спросила она, снова закрывая глаза.

— Нет.

— А что Марар? Он пытался связаться с кем-нибудь во дворце?

— Насколько нам известно, нет. — Он взял ее за руку. — Вам не следует беспокоиться обо всем этом. Пока — не стоит. Вам нужно еще немного отдохнуть.

— Отдохнуть? — спросила она, снова открывая глаза. — Я потеряла три дня! Трудно сказать, как он теперь поступит. Насколько нам известно, он уже завербовал кого-то вместо моего водителя и Премеля. — Она села и оглядела комнату, испытав еще одну волну головокружения. — А где Премель, кстати?

Он сделал кислое лицо.

— Я еще не посадил его в тюрьму, если вы спрашиваете об этом.

— Вообще-то, мне было интересно, не убил ли ты его.

Он издал короткий смешок:

— Нет, отнюдь нет.

— Ты говорил с Вианом?

Лицо Джибба внезапно побледнело.

— Да.

— Почему он это сделал? Кем был Селим?

Тот сглотнул. У него был такой вид, словно ему вот-вот станет плохо.

— Селим был изгоем, которого я убил в Восемнадцатом квартале в прошлом году во время перестрелки. По всей видимости, Селим и Виан были единоутробными братьями. Одна мать, разные отцы.

— Вот почему мы никогда об этом не знали, — сказала Мелиор, доводя до конца его мысль. — У них были разные фамилии.

Он кивнул, но ничего не ответил. Вместо этого он уставился на свои руки. По выражению его темных глаз она видела, насколько он зол на себя, и она положила свою ладонь на его запястье.

— Ты не виноват, Джибб. Ведь это я доверяла ему.

— Он говорит, что даже и не собирался убивать вас. Ему нужен был я. Но этого едва не хватило, чтобы и вас чуть не убили.

— Ты не мог этого знать. И никто не мог.

Он перевел дух, и его взгляд на миг метнулся в ее сторону. Он промолчал.

Послышался стук в дверь, и в комнату вошел один из врачей.

— Вы уже проснулись! — сказал он с улыбкой на квадратном лице. — Замечательно.

Он сел рядом с ней и мягко снял повязку, открывая незажившую рану.

Мелиор сглотнула и отвела взгляд.

— Вы думаете, что она ужасно выглядит, — сказал врач. — Видели бы вы ее несколько дней назад.

— Когда я снова смогу ходить? — спросила она, глядя на стену рядом с кроватью, когда он менял бинты.

— Я хотел бы, чтобы вы через день или два начали ходить на костылях. Однако должно пройти некоторое время, прежде чем вы снова сможете бегать по туннелям.

— Что значит «некоторое»?

Он перестал заниматься ее ногой и перевел дух.

— Я бы сказал, что вы не сможете ходить раньше чем в ближайшие четыре недели, — ответил он, наконец, снова переключая внимание на повязку. — Полное выздоровление наступит через шесть, а может быть, через семь недель.

— Шесть недель?

— Может быть, семь.

Она снова покачала головой. Головокружение прекратилось.

— Но это недопустимо! У меня есть дела! Места, в которые необходимо отправиться! *И я должна убить Марара.*

Врач ничего не ответил, когда заканчивал заниматься ее ногой, но затем он повернулся и посмотрел на нее:

— Я не ремонтирую мобиль, Правительница. Я не чиню на скорую руку лучемер. И я не прошу вас ждать так долго ради какого-нибудь особенного лечения. Я просто говорю вам о том, что нужно вашему телу для выздоровления. — Он встал. — Я, конечно, не могу заставить вас слушаться. И, — добавил он, бросая на нее неодобрительный взгляд, — я уверен, что вам не терпится рассчитаться с тем, кто сделал с вами такое. Но я высказал вам свое мнение. Если вы поспешите, то, возможно, никогда не сможете ходить, как раньше.

Он кивнул Джиббу и ушел, закрыв за собой дверь.

— Ну, так вы его слушаетесь?

— Я еще не решила, — сердито ответила она тихим голосом.

— Мелиор...

— Я слышала его, Джибб. Я не глухая и не тупая. Мне просто нужно найти способ последовать его совету, не давая Марару времени приобрести за деньги нового союзника в моем дворце.

— Я могу взять людей, поймать его и привести сюда, к вам.

— Чтобы он увидел, как я лежу здесь в постели, как инвалид? Он умрет, думая, что победил. Нет, должен найтись другой выход.

— Не думаю. Если только вы не хотите рискнуть потерять возможность ходить, как прежде.

И в следующее мгновение она уже знала ответ.

— Но мне и не нужно рисковать, — сказала она, широко улыбаясь.

— Но врач сказал...

— Врач сказал, что пройдут недели, прежде чем я смогу снова бегать. Но также он сказал, что хочет видеть меня на костылях через день или два.

— Так вы собираетесь ковылять в Стиб-Наль на костылях?

— Таков мой план. Мне просто нужна небольшая помощь.

Джибб встал, засунул здоровую руку в карман и начал ходить взад-вперед, чем, казалось, он занимался так часто в последние дни.

— Помощь? Кто может помочь вам в такой идиотской выходке, как эта?

Сказанное было фамильярностью, которой она обычно не терпела даже от Джибба. Но сейчас сложилась необычная ситуация, и она с трудом могла представить себе, как сильно он беспокоился о ней за последние дни. Поэтому она не стала заострять внимания на его последних словах и просто ответила на его заданный вопрос:

— Сеть.

Он остановился в центре комнаты:

— Сеть? Чем она может помочь?

— Ты помнишь Гвилима? — спросила она, чувствуя, как у нее в груди все сжимается при упоминании его имени. Она помнила его так же хорошо, как своего отца. Его добрые карие глаза, его застенчивую улыбку, спокойную уверенность и изящество, с которым он держался. Он прибыл в Брагор-Наль из поселений гилдринов в Даальмаре, поскольку видел Орриса во сне. И так же как ее собственное видение об Оррисе убедило ее оставить жизнь магу и присоединиться к борьбе Орриса против Седрика и завоевания Тобин-Сера, видение Гвилима побудило его отправиться вместе с Мелиор и Оррисом в Уэрелла-Наль. Там, прямо перед дворцом Шивонн, он погиб, пав жертвой убийцы. Но перед тем, как умереть, когда жизнь вместе с кровью вытекала на щебень аллеи, ведущей ко дворцу, он отдал Мелиор свой камень, делая ее таким образом Хранительницей и меняя ее жизнь навсегда.

— Ты говоришь о Хранителе? — спросил Джибб.

Мелиор кивнула, несмотря на то, что пристально смотрела на свой камень в противоположной части комнаты. Теперь он красный, а раньше, когда камень принадлежал Седрику, он был золотисто-коричневым.

— Конечно, я его помню, — ответил начальник Службы Безопасности, заставляя ее перевести взгляд на себя. — Но что это значит?

— Сети удавалось добраться до него почти на всем пути через Уэрелла-Наль и почти на всем пути через Брагор-Наль, и об этом никто не знал, включая Службу Безопасности Шивонн, ПСБ и Седрика. Если они такое в состоянии совершить, они могут помочь нам проникнуть в Стиб-Наль.

— Это не одно и то же, Мелиор. Ведь Хранитель мог ходить.

— Дай мне пару костылей, и я тоже смогу ходить.

Он покачал головой:

— Это неудачная мысль.

— Ну что ж, по крайней мере, прогресс налицо. Несколько минут назад она была

идиотской.

Джибб нахмурился:

— Сожалею, что я так выразился.

— Ты можешь загладить свою вину, если найдешь мне кого-нибудь из Сети.

— Как, во имя Арика, я должен это сделать?

— Не знаю, — ответила она, пожав плечами. — Ты же глава ПСБ, вот и подумай.

Он уставился на нее, качая головой:

— Бессмысленно заставлять вас изменить решение, не так ли?

— Тебе скорее удастся найти кого-нибудь из Сети, чем заставить меня передумать.

— Ладно, — сказал он, смеясь. — Но сейчас я хочу, чтобы вы отдохнули. — Он направился к двери. — Я распоряджусь, чтобы вам принесли поесть, а затем займусь этим. Это вас устроит, Правительница?

Она широко улыбнулась:

— Вполне, генерал. Спасибо.

Несмотря на свою веру в способности Джибба и веселость, с которой она отправила его на поиски члена Сети, Мелиор знала, насколько трудно ее задание. Давным-давно, когда Седрик узнал, что Оррис находится в Брагор-Нале под присмотром Сети, он отправил ее на поиски. Она потратила почти два дня, и ей пришлось задействовать все свои способности.

Вот почему она была поистине шокирована, когда Джибб зашел к ней в комнату на следующий день еще до наступления вечера в сопровождении *молодой* сухощавой и жилистой женщины с темными волосами, одетой в черные брюки, блузку цвета слоновой кости и черное пальто — одежду, которая выдавала в ней изгоя.

— Это наш гилдрин? — спросила Мелиор. До этого она с помощью врача пересела в большое кресло с подушками, стоящее у одного из окон, и сейчас слегка повернулась, чтобы получше рассмотреть женщину.

— Да, Правительница, — ответил Джибб. — Она отрицает это, но мои источники сообщают, что она член Сети. Ее кличка — Мышь. Она не назвала мне своего настоящего имени.

— Ничего, — сказала Мелиор. — Назовет.

Он подошел к ней и дал ей исцарапанный, потерявший цвет лучемер и кинжал с сильно потертой ручкой.

— У нее с собой было это.

— Спасибо, Джибб. А теперь, пожалуйста, оставь нас.

Тот взглянул на Мышь с явным недоверием, но мгновение спустя кивнул и удалился.

Мелиор махнула рукой на кресло, стоящее напротив нее:

— Пожалуйста, присаживайся.

Но женщина просто пристально смотрела на нее, не двигаясь.

— Ну, как хочешь, — сказала Правительница, пожав плечами. Она сузила глаза, оглядывая Мышь с головы до пят. У нее был маленький шрам на подбородке и еще один на запястье, но они были старыми. По тому, как она стояла здесь, в центре спальни Правительницы, в позе человека, готового к бою, с вызовом в голубых глазах и легкой усмешкой на губах, Мелиор догадалась, что она превратилась в настоящего уличного бойца. Во многих отношениях она напоминала Мелиор саму себя в те времена, когда она была еще изгоем. — Значит, ты принадлежишь Сети, — сказала Мелиор.

— Нет, Правительница, — ответила Мышь. — Как я уже говорила этому головорезу из Службы Безопасности, я — не гилдрин. Я просто бедный изгой, который пытается сделать карьеру в Нале.

Мелиор подняла бровь:

— Этот, как ты его называешь, головорез — глава Службы Безопасности, и его источники редко ошибаются.

Мышь пожала плечами и равнодушно оглядела комнату:

— Ну что ж, на этот раз — ошиблись.

— Давай на минуту допустим, что нет.

— Но они ошиблись.

Мелиор тонко улыбнулась:

— Пойди мне навстречу.

Их глаза встретились, и Мелиор не отводила взгляда до тех пор, пока Мышь, наконец, не посмотрела в сторону.

— Хорошо, — пробормотала она.

— Если бы мне потребовалась Сеть, чтобы пробраться в Стиб-Наль, к кому бы мне нужно было обратиться и сколько бы времени тебе понадобилось, чтобы ввести меня в контакт с этим человеком?

Мышь широко развела руками:

— Как я могу ответить на подобный вопрос? Я же говорю, я не гилдрин. Я просто...

— Знаю, — прервала ее Мелиор. — Бедная бандитка, которая пытается сделать карьеру в Нале.

Та бросила на нее дерзкий взгляд и кивнула.

— А почему ты до сих пор не в банде, Мышь? — спросила Правительница, рассеянно играя с потертым кинжалом, который дал ей Джибб.

— Не знаю, — ответила Мышь, снова пожимая плечами. — Наверное, потому, что я еще недостаточно подготовлена.

Мелиор снисходительно улыбнулась, а затем она таким плавным движением, что Мышь еле успела среагировать, взяла кинжал за клинок и метнула в нее.

Как она и ожидала, Мышь бросилась на пол, и клинок прошел над ее головой, не причинив ей вреда, затем перекатилась и приподнялась, протянув руку к лучемету. Или вернее к тому месту, где он должен был быть. Мелиор уже держала оружие в руке, нацелив его ствол с насечками ей в сердце.

— Спокойно, Мышь, — сказала она. — Без глупостей.

— Это вы мне говорите? — спросила Мышь, сверкнув глазами. — Ведь вы пытались меня убить!

— Я не пыталась тебя убить. Я просто хотела доказать то, что уже подозревала. Ты — лгунья. Ни одному изгою, который шевелится, как ты, не составит никакого труда убедить банду взять его в свои ряды. Если только он не хочет остаться независимым. А может, это один из способов поддержания секретности?

Мышь посмотрела в сторону:

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Прекрати. Я уверена, что ты уже многих обманула и обманешь еще. Но не меня. Меня — никогда. Мы слишком похожи.

Та недоверчиво фыркнула.

— Как, по-твоему, я начинала, Мышь? Задумайся на минутку. Я поняла, что я гилдрин, еще когда была маленькой девочкой, а жизнь в кладах я начала, когда мне было пятнадцать. Когда-то я была такой же, как ты. Неужели в это так трудно поверить?

Мышь пристально смотрела на нее несколько мгновений, ничего не говоря. Мелиор видела, что у нее в душе бушует буря, и она могла это понять. Как и Мышь, она годами скрывала свое происхождение от всех, кого встречала. Мелиор было очень трудно открыть свой секрет даже Джиббу, которому она годами доверяла свою жизнь. А то, чего она сейчас требовала от Мыши, было гораздо труднее.

— Я думала, что вы не такая, — сказала та наконец. — Я думала, вы не поддерживаете Сеть. Там все говорили: «Она — гилдрин. Она желает все поменять».

Мелиор поняла, что сказанное было самым близким к тому, что она хотела услышать.

— Я не такая. Я не только гилдрин, — сказала она, указывая на свой посох, который был прислонен к стене у кровати, — но и Хранительница.

— Тогда почему вы поступаете так со мной?

— А как я поступаю? Вопрос, который я задала тебе, был искренним. Мне нужна

помощь Сети, и мне очень нужно поговорить с тем, кто может ввести меня в контакт с ними. — Она пожала плечами. — Просто случилось так, что Джибб нашел именно тебя.

— Повезло мне.

Мелиор усмехнулась:

— Да, повезло. — Затем снова указала на кресло, стоящее перед ней. — Может, все-таки присядешь?

Мышь посмотрела на кресло, щелкнув языком. Наконец, тихо вздохнув и описав глазами круг, она опустилась в кресло, положив ногу поверх мягкого подлокотника, так что она свисала. Мелиор пришлось сдерживать смех; она словно смотрела на свое отражение в зеркале.

— Почему вам нужно попасть в Стиб-Наль?

Мелиор чуть не поддавалась гневу. Это был дерзкий, неуместный вопрос, который эта женщина, бывшая в действительности почти что ребенком, не имела права задавать. И Правительница едва не сказала ей это. Но она была уверена, что именно этого и хотела добиться Мышь. Та искала причин не помогать ей или не отвечать на ее вопросы. И Мелиор не собиралась давать ей еще повод к отказу.

— Правитель Стиб-Наля несколько раз пытался меня убить. — Она небрежно указала на перевязанную ногу. — Это у меня после очередного покушения. Я устала от этого, поэтому я собираюсь в Стиб-Наль, чтобы покончить с ним.

Своей реакцией Мышь вызвала уважение у Мелиор. Она ожидала, что та уставится на нее раскрыв рот, в шоке от откровений Правительницы. А у нее лишь слегка расширились глаза.

— Опасное это дело. Вы уверены, что справитесь?

При ее словах Мелиор рассмеялась.

— Сейчас ты говоришь, как Джибб. Но, — добавила она, и ее веселье испарилось, — я так и не получила ответа на свой вопрос. С кем бы мне потребовалось связаться по поводу такой вылазки и сколько времени бы тебе потребовалось, чтобы ввести меня с ним в контакт?

— А почему Сеть должна помогать вам?

— А почему не должна? — отрывисто спросила Правительница. — Ты сама сказала, что я не такая, как ты думала. Я — Хранительница. Разве это ничего не значит? Я прекратила налеты ПСБ на ваши убежища, покончила с преследованием гилдринов в Нале...

Мышь засмеялась:

— Если бы вы все еще жили в квадах, то знали бы, как вы ошибаетесь. Предубеждение по отношению к нам не исчезло, оно просто ушло в подполье, где его не видно из Золотого Дворца.

— Если на вас все еще нападают, я хочу знать, кто это делает. Обещаю, что не позже чем через день отправлю ПСБ разобраться со всеми.

Та заколебалась:

— Я не видела никаких нападений. Но ненависть по-прежнему сохранилась.

— С этим я ничего не могу поделать. Я могу изменить законы, и те, кто причиняет вред гилдринам, попадут в тюрьму; я могу запретить ПСБ, лордам и изгоям, которые работают на меня, преследовать вас. Но я не могу заставить их думать по-другому. На это требуется время. И может быть, этому поможет то, что в Нале теперь Хранительница в качестве Правителя. Возможно, люди осознают сей факт, и осознание этого начнет менять их мышление. Но я не могу сделать так, чтобы это произошло в одну ночь.

Мышь притворно улыбнулась.

— Именно этих слов я и ожидала от Правительницы.

— Что это значит?

— Вы можете себе позволить велеть гилдринам в квадах быть терпеливыми. Вам со всем этим нет необходимости сталкиваться. Ненависть вам не страшна. — Она сделала неопределенный жест и оглядела комнату. — Это место защищает вас от всего.

— Ты бы удивилась, — сказала ей Мелиор, вспоминая разговор с Премелем, который произошел в тот день, когда она узнала о его предательстве, — если бы узнала о том...

— Что вы имеете в виду?

Правительница покачала головой:

— Не обращай внимания. Значит, то, что я — гилдрин и Хранительница, не имеет никакого значения для таких, как ты, потому что я теперь руковожу Налем и мне не приходится сталкиваться с предубежденным к себе отношением каждый день. Это твое личное мнение?

Та уклончиво пожала плечами и отвела взгляд:

— Так могли бы сказать и гилдрины в квадах.

— Это самое нелепое, что я когда-либо слышала! Ты что, думаешь, я могу забыть, через что мне пришлось пройти за двадцать шесть лет своей жизни? Ты думаешь, что раз я стала Правительницей, я уже не такой гилдрин, как раньше?

— Не знаю. А вы изменились?

— Нет, Мышь. Во всяком случае эта ситуация сделала меня еще большим гилдрином, потому что, став Правительницей, я могла перестать скрывать свою принадлежность к ним. Нас так долго притесняли, что мы стали считать страх неотъемлемым спутником жизни гилдрина. Но это не так. Мне понадобилось много времени, чтобы понять это. И смерть человека, который одарил меня этим камнем. Но теперь я это знаю и полна решимости сделать так, чтобы каждый гилдрин в Брагор-Нале думал так же, как я.

— Но сначала вы хотите убить Марара.

— Он не друг гилдринам, Мышь.

— Может быть, и так, но ведь вы не поэтому жаждете его смерти, верно?

Мелиор хотела возразить, но затем поняла, что не может. Мышь была права.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что, возможно, вы не так уж сильно и отличаетесь от других. Все это очень напоминает мне старый образ действий. Тот самый круг насилия и возмездия, который отравляет нашу страну веками. Это как раз то, чего такие, как мы, пытаются избежать со времен Консолидации.

— Такие, как мы, Мышь?

Та покраснела до кончиков ушей и посмотрела на свои руки.

— Ты права, — сказала Мелиор после продолжительного молчания. — Возможно, убить его — это не выход.

— Мышь подняла взгляд:

— Так я могу идти?

Мелиор покачала головой.

— Нет. Мне все-таки нужно остановить его. Он виновен в смерти Правительницы Уэрелла-Наля, он чуть не убил меня, и он участвует в какой-то кампании против Тобин-Сера.

Последнее больше всего привлекло внимание женщины.

— Чем он вредит Тобин-Серу?

— Еще не знаю. Но собираюсь это выяснить. Это — одна из причин, по которой я хочу попасть в Стиб-Наль. — Мелиор перевела дух. — Пожалуйста, Мышь. Мне нужна помощь Сети.

Мышь долго смотрела на нее с ничего не выражающим выражением лица. Она, безусловно, умела скрывать свои чувства, как и все члены Сети. Это было мастерством, выработанным за годы, проведенные в страхе и строгой секретности.

— Я не буду помогать, если вы собираетесь убить его, — наконец, сказала она. — Если вы собираетесь сделать это, то никто в Сети не станет помогать вам.

— Я не буду убивать его, — сказала Мелиор. — Я поступлю как-нибудь иначе. — Видя сомнение в темных глазах молодой женщины, она добавила: — Клянусь памятью Гвилима, Хранителя Камня, чей посох теперь принадлежит мне.

Мышь сглотнула, затем кивнула:

— Хорошо. — Потом она встала. — Теперь я могу идти?

Мелиор бросила женщине ее лучемер:

— Конечно.

Та засунула лучемер в кобуру, которая висела у нее на бедре, и направилась к двери.

— С вами свяжутся в течение двух дней. Мы надеемся, что вы будете готовы отправиться в путь тотчас же.

— Я буду готова.

Мышь дошла до двери и взялась за ручку. Но затем она остановилась и направилась к своему кинжалу, торчащему из стены. Вытащив его из стены, она плавным движением вернула его в ножны в правом сапоге. Мелиор усмехнулась. Она по-прежнему носила свой кинжал там же.

Женщина повернулась и посмотрела на Правительницу:

— А что, если бы вы ошиблись? Что, если бы я оказалась не так ловка и ваш бросок убил бы меня? Подумали бы вы: «Что ж, ерунда, велю своему головорезу найти другого гилдрина».

— Но ведь я не ошиблась. Не так ли, Мышь?

— Ну а если бы все-таки ошиблись?

Мелиор улыбнулась во весь рот:

— Если бы ты не была так ловка, я бы никогда не стала тебя проверять. Нельзя стать Правительницей, если неправильно оцениваешь людей.

— Тогда как же убийце удалось подобраться так близко, что он смог усадить вас в кресло калеки?

У нее был просто потрясающий талант задавать сложные вопросы.

— Я уже сказала тебе, как я узнала, что не убью тебя, Мышь, — наконец, ответила Мелиор, встречаясь с пристальным взглядом изгоя. — Мы с тобой очень похожи.

Мышь, казалось, на мгновение задумалась, прежде чем подойти к двери и открыть ее.

— Мышь! — окликнула ее Мелиор, когда та уже выходила.

Она остановилась на пороге.

— Во дворце могут быть предатели. Будь осторожна, когда станешь возвращаться в клады.

— Я всегда осторожна, — ответила Мышь, закрывая за собой дверь. — Я — гилдрин.

Он видел ее перепачканной в собственной крови.

Даже когда он думал, что убьет ее, он никогда по-настоящему не представлял, что увидит это. Ее убийство представлялось ему простой гигиенической процедурой. «Сейчас она здесь, живая, — думал он, — а через минуту она отойдет в мир иной». Но он никогда не думал, что увидит, как она истекает кровью. Ведь это — Мелиор И Лакин. Она не просто Правительница, она практически стала легендой.

Но тем не менее он это увидел: ее кровь на брюках и блузке цвета слоновой кости. Ее кровь, капающую на каменный пол туннеля. И тогда, поскольку рана Джибба еще не зажила, а больше помочь никто не мог, он взял ее на руки — она была невероятно легкой, почти как ребенок, — и отнес ее к мобиле скорой помощи, ожидавшему их перед ближайшим выходом на улицу. И после того как мобиль умчался по направлению к Золотому Дворцу, он снова увидел это. Ее кровь. На своей форме.

Позднее, после того как врачи обработали рану и перевезли Мелиор во дворец, Премель отправился проведать ее. Джибб, конечно, уже был там, сидя рядом с ней, как обеспокоенный отец, а она спала. И хотя генерал сердито посмотрел на Премеля, когда тот вошел, а затем не обращал на него внимания все время, пока Премель был там, он не настаивал на том, чтобы тот ушел. Возможно, он знал, что Премель пришел, поскольку беспокоился о Мелиор и хотел выразить свое уважение к ней. Какова бы ни была причина, Джибб не стал прогонять его, и Премель остался и мог наблюдать, как Правительница, бледная и неподвижная, лежит на кровати и выглядит такой беззащитной, какой он никогда

ее не видел.

Премель всегда считал, что превосходит ее, и, хотя он давно знал, что она обращается с лучементом и кинжалом лучше, чем любой мужчина в Брагор-Нале, он никогда не сомневался, что сильнее ее. И только тогда, когда он увидел ее на этой большой кровати, он понял, насколько она уязвима.

Позднее, в это же утро, он впервые увидел ее на костылях, и это завершило процесс, который начался у него в душе несколькими днями ранее. Он никогда не посмотрит на нее посторонним взглядом. Она вовсе не легенда, ее силы гилдрина не сделали ее неуязвимой. Она такой же человек, как и он. И она может истекать кровью, как он.

Но это ничуть не принизило ее в его глазах, а, напротив, заставило казаться человеком более храбрым, искусным в бою, еще более выдающимся. Спустя почти десять лет он, наконец, понял, почему Джибб любит ее. А сейчас он полностью осознал, каким идиотом был, вступив в сговор с Мараром.

Вот почему ему было так приятно, когда Мелиор попросила его сопровождать ее, Джибба и маленькую группу хорошо подготовленных охранников в Стиб-Наль. Какое бы мщение она ни готовила для этого Правителя — со слов Джибба Премель понял, что она больше не собирается убивать Марара, — он хотел принять участие в операции.

Они провели большую часть дня в мобилях, продвигаясь по Верхней дороге от Золотого Дворца к южной границе Девятнадцатого квартала Брагор-Наля. Там они встретили худошавую темноволосую женщину, которая была, по-видимому, членом Сети гилдринов.

— Послали тебя, Мышь? — спросила Мелиор, выбираясь из мобиля в узкий переулок, в котором они остановились. — Я и не думала, что ты желаешь принять в этом участие.

— Я и не желаю, — безжизненным голосом ответила Мышь. — Но мы сошлись на том, что будет лучше всего, если вы и ваши головорезы будете знать о нас как можно меньше. — Она тонко улыбнулась и развела руками. — Поэтому я здесь.

Джибб подал Мелиор костыли, лежащие на заднем сиденье. Она ловко оперлась на них и направилась к женщине-гилдрину. Она замечательно передвигалась с их помощью, особенно если учесть, что в первый раз она их опробовала за ночь до того. И все-таки Мышь была недовольна.

— Вы пойдете на них? — спросила она.

— Конечно. Иначе мне бы пришлось ползти, а это, возможно, заставило бы нас двигаться еще медленнее.

Джибб хохотнул, и Мышь пристально посмотрела на него.

— Это безрассудно, — сказала она, снова поворачиваясь к Мелиор. — Нам нужно пересечь болото и пройти через рошу Стиб. Вы не сможете все это проделать на костылях.

— Ты же сама сказала, что это — менее чем в пятидесяти квадрах отсюда. А если мы пойдем вдоль предгорья, — добавила Мелиор, показывая в направлении Горы Зеленой реки, — нам вообще не придется сталкиваться с болотом.

— ПСБ патрулирует предгорье. Это не тот маршрут, которым мы пользуемся.

Правительница широко улыбнулась и кивком указала на Джибба.

— ПСБ сегодня с нами, Мышь. Единственный раз тебе не приходится прятаться от нее. А также тебе не придется показывать нам, по какому маршруту ты пробираешься в Брагор-Наль и выбираешься из него. Я думала, тебе это будет приятно.

Мышь заморгала, словно такое не приходило ей в голову. Но через мгновение она снова с сомнением смотрела на Правительницу и качала головой:

— А у вас разве нет воздухолета, которым мы бы могли воспользоваться?

— Воздухолет не сможет приземлиться в предгорье. А даже если бы и смог, люди Марара увидели бы его. Нам придется идти пешком.

— Вы ненормальная, — сказала Мышь. — Эти костыли удлинят наш поход на день. А может, и на два. Это при условии, что вы сможете ковылять с приемлемой скоростью, в чем я сомневаюсь.

— Выбирай выражения, — рявкнул Джибб. — Ты разговариваешь с Мелиор И Лакин.

— Все в порядке, Джибб, — тихо сказала Мелиор. — То, что она говорит — правда, и мы знаем это.

Джибб замолчал, но взгляд, который он бросил на темноволосую женщину, мог бы расплавить сталь.

— Не беспокойся обо мне, Мышь, — сказала Правительница. — Ты обещала помочь мне, и я собираюсь заставить тебя сдержат слово, даже если мне придется сделать это, приставив лучемер к твоей спине.

Мышь засмеялась:

— Хорошо. Слово вы...

Прежде чем она успела закончить, Мелиор подняла костыли и ударила Мышь ими одновременно, так что один удар пришелся ей в правый висок, а другой — по боковой стороне левого колена. Эта молниеносная комбинация ударов сбила Мышь с ног. Она тяжело упала на бок и мгновение лежала неподвижно, поскольку была совершенно ошеломлена. А к тому моменту, когда ей удалось перекатиться на спину и посмотреть на Правительницу снизу вверх, Мелиор уже стояла над ней, приставив толстый конец одного из костылей к ее горлу. И она даже не запыхалась. Джибб и остальные улыбались во весь рот, но лицо Мелиор было в высшей степени серьезным.

— Хотя я и ранена, — сказала она, — я все равно быстрее тебя, сильнее и в любой момент могу тебя убить. Никогда не забывай об этом. И никогда даже не думай смеяться надо мной. Понятно?

Мышь несколько секунд пристально смотрела на нее, ничего не отвечая. Наконец, она кивнула, не сводя ни на мгновение взгляда с лица Мелиор.

— Хорошо, — сказала Правительница. Она убрала костыль с горла Мыши, но не отводила его далеко, словно предлагая ухватиться за него.

Спустя еще мгновение Мышь взялась за него и, пользуясь им как точкой опоры, встала на ноги. У нее на виске уже начинал темнеть след от удара.

Мелиор повернулась к Джиббу:

— Не дадите ли вы мне мой посох, генерал?

— Конечно, — ответил он, вытаскивая его из мобиля. Он было протянул посох ей, но, видя, что в обеих руках у нее костыли, заколебался. — Вы хотите, чтобы я его нес? — спросил он наконец.

— Нет. Почему ты не отдаешь его Мыши? Вполне уместно, что камень должен нести гилдрин.

Он с сомнением посмотрел на нее, но она кивнула.

— Ты ведь не против, не так ли, Мышь? — спросила она, взглянув на женщину.

Мышь перевела взгляд с Мелиор на Джибба.

— Нет. — Она запнулась, затем посмотрела в сторону. — Вообще-то, — сказала она, выглядя смущенной, — я была бы... польщена.

Мелиор снова посмотрела на Джибба и кивнула вторично. Генерал покачал головой, нахмурился еще больше, но сделал, как ему было велено, вручив посох со сверкающим алым камнем Мыши.

— Будь с ним поосторожнее, — веселым тоном сказала Правительница. — Он у меня единственный.

Мышь улыбнулась.

— Непременно, Правительница, — ответила она, вызвав улыбку у Мелиор. — Благодарю вас.

— Пора в дорогу, — сказала Мелиор, поворачиваясь к Джиббу. — Мне бы хотелось пройти несколько квадов, прежде чем стемнеет.

— Готовьтесь, — сказал Джибб своим людям. — Берите вещевые мешки. Мы отправляемся.

Генерал ничего не сказал Премелю. Он редко обращался к нему в последние дни. Но Премель знал, что от него ожидают того же, чего от шести других охранников, поэтому он

подошел к автомобилю и взвалил себе на плечи один из мешков. Было только восемь мешков — никто, как нетрудно догадаться, не ожидал, что Мелиор что-нибудь понесет, и она ясно дала понять, что и Мыши не нужно нести ничего.

— Она наш проводник, — объяснила Мелиор. — Она оказывает нам услугу. А еды хватит на всех, даже если мы и задержимся на день.

Джибб снова выглядел не очень счастливым. Конечно, он не доверял этой женщине, что заставило и Премеля относиться к ней с подозрением. Но у Мелиор, казалось, не было никаких сомнений на ее счет. Кроме того, несмотря на их недавнее столкновение и весьма жесткое предупреждение, которое Мелиор сделала Мыши, ей, казалось, была приятна ее компания. Первый час или два они шли вместе позади мужчин и немного отставая от них, хотя Джибб держался рядом с ними, и разговаривали. Судя по тому, что удавалось услышать Премелю, Мелиор, очевидно, задавала женщине вопрос за вопросом, а Мышь, которая вначале отвечала неохотно, становилась все более разговорчивой.

Однако через некоторое время напряжение от ходьбы по мягкой неровной поверхности начало дурно сказываться на Мелиор. Она сделалась молчаливой, и, хотя не отставала от остальных, щеки ее покрыл неестественный румянец. Ее лицо, как и одежда, стало мокрым от пота.

Джибб забеспокоился; он все чаще оглядывался на нее после того, как утро сменилось медленно тянущимся днем. Они по-прежнему были недалеко от болота, и им приходилось вдыхать его зловонный запах. Вокруг них постоянно жужжали насекомые, и Премель уже собирался вытащить лучемет и начать стрелять по ним. Но затем подул легкий ветерок, и погода сделалась более приятной.

— Правительница, — наконец сказал Джибб. — Наверное, нам уже пора остановиться. Скоро стемнеет, и нам следует разбить на ночь лагерь.

Премель посмотрел на солнце, которое едва виднелось сквозь бурю мглу, висевшую над Налем и горами. Возможно, после полудня прошел час. Но не больше. Еще как минимум часа два будет светло. Но Мелиор выглядела плохо.

— Нет, — ответила она. Несмотря на ее вид, голос у нее был уверенный. — Ценю твою заботу, Джибб, но я чувствую себя хорошо.

Генерал кивнул, сжал губы, и они продолжили пробираться к подножию холмов. По мере их продвижения обстановка заметно улучшалась. Зловоние пропадало, и насекомых становилось все меньше.

И все-таки, когда они, наконец, остановились, Мелиор просто рухнула на спину, закрыв глаза, а ее грудь опускалась и поднималась в учащенном ритме. Джибб поспешил к ней, но она слабо улыбнулась и подала ему знак отойти.

— Со мной все в порядке, — тяжело дыша, сказала она. — Мне нужно немного полежать.

Генерал покачал головой, но встал и собрался отойти.

— Почему же со мною нет Орриса, когда он мне так нужен? — чуть слышно пробормотала она. — По крайней мере, он бы смог меня вылечить.

— Присматривай за ней непрерывно, — сказал Джибб, проходя мимо Премеля. — Если ей что-нибудь понадобится, позови меня. А мы с остальными пока разобьем лагерь.

— Я могу заняться лагерем, генерал, — сказал Премель.

Джибб даже не замедлил шага.

— Знаю, — ответил. — Но в данный момент я не хочу быть рядом с ней.

Генерал и остальные охранники установили шесть палаток, прежде чем угасли последние лучи дневного света. Достав еду в таком количестве, чтобы на всех хватило, они стали устраиваться на ночь. Джибб вернулся к Мелиор, которая теперь уже сидела, чтобы предложить ей еду и перевязать рану, но они почти не разговаривали друг с другом. Генерал большую часть времени выкрикивал приказы Премелю и остальным охранникам, а Мелиор смотрела в ночь и была задумчивой и усталой. Мышь держалась сама по себе, хотя она, казалось, не хотела отходить далеко от Правительницы, раз ей был вверен камень Мелиор.

Когда Мелиор, наконец, встала и захромала к своему месту отдыха, Мышь последовала за ней и расположилась в палатке, стоящей рядом с палаткой Правительницы, оставив Джиббу и Премелю ту, что находилась чуть в стороне.

На следующий день они значительно продвинулись вперед, несмотря на то что Мелиор было очень тяжело. Они снялись с места с первыми лучами солнца, позже немного отдохнули и снова остановились в самый разгар дня. И хотя Правительница снова казалась неестественно покрасневшей и изнуренной, она не жаловалась. Им даже не пришлось замедлять шага из-за нее.

— Как ей это удастся? — услышал под вечер Премель вопрос Мыши.

Он мельком взглянул на нее и понял, что она обращается к нему. До этого он даже не осознавал, что она шла рядом с ним.

Премель почувствовал, что краснеет, и, повернув голову, снова стал смотреть прямо перед собой.

— Я, наверное, не тот человек, у которого стоит спрашивать об этом. *Я — предатель.* Я просто не так хорошо ее знаю.

— Ты должен знать ее лучше, чем я. Сколько лет ты уже на нее работаешь?

Он пожал плечами, чувствуя себя довольно неловко:

— Лет десять.

— И ты все еще ее не знаешь?

Премель снова посмотрел на Мышь. Она разглядывала его со слегка изумленным выражением лица и насмешливой улыбкой на губах. Он видел этот взгляд очень часто за последние полтора дня и решил, что это — его постоянное выражение. Она, вообще-то, была весьма привлекательной, несмотря на трудные обстоятельства их похода.

— Ты надо мной насмехаешься? — спросил он.

— Вовсе нет.

Он поднял бровь, и она засмеялась.

— Я не говорю, что вообще неспособна смеяться над тобой, — уступила она. — Или что не буду потом делать этого впредь. Но сейчас я не насмехаюсь.

Премель осклабился:

— Ну что ж, это обнадеживает. — Он снова посмотрел в сторону. — По правде говоря, я не думаю, чтобы кто-нибудь знал ее очень уж хорошо, за исключением Джибба и, может быть, колдуна, который был здесь несколько лет назад.

— Я слышала о том чудотворце, — сказала Мышь. — Это правда, что они с Правительницей полюбили друг друга?

Премель знал об этом немало. Он достаточно долго дружил с Джиббом и был осведомлен о том, какие страдания чувства Мелиор к колдуну причинили ему. Но это, решил он, не дело Мыши.

— Как я уже говорил, я не слишком хорошо ее знаю.

— А сейчас ты лжешь, — сказала Мышь. — Но ничего. Мне, наверное, не следовало спрашивать.

Некоторое время они шли молча, а солнце медленно опускалось все ниже. Премелю хотелось бы поговорить с ней еще. Джибб с ним теперь почти не разговаривал, и хотя остальные охранники по-прежнему ничего не знали о его вероломстве, они смотрели на него как на старшего офицера, а не как на друга. Однако он никогда не пользовался особым успехом у женщин, и Мышь заставила его почувствовать смущение и неуверенность в себе. И тем не менее общение с ней бодрило его, а она, казалось, была рада идти рядом с ним.

— Как ты узнала, что я лгал? — наконец спросил Премель, глядя себе под ноги. Немногие бы смогли это понять. *Джибб и Мелиор — не могли.*

— Я лгу каждый день, — ответила она. — Таков мой образ жизни. Через некоторое время научаешься определять, когда и другие лгут. — Она посмотрела на него. — Так почему ты мне солгал?

— Я думал, что тебе не следует знать что-то столь личное о Правительнице.

— Может быть, и не следует. Но ты знаешь ее лучше, чем хотел показать, не так ли?

— Наверное, — ответил он. — Что же касается того, что по-настоящему ее никто не знает, так это правда. Возвращаясь к твоему первому вопросу, могу сказать, что, по-моему, причина всего, что она делает и при этом делает хорошо, заключается в том, что она — гилдрин.

Мышь застыла, делая шаг, но лишь на мгновение.

— Какое это имеет отношение ко всему происходящему? — спросила она, и ее голос прозвучал довольно резко.

— Благодаря этому она почувствовала, что должна преуспеть. До того как она стала Правительницей, с гилдринами в Нале обходились грубо и жестоко. Их преследовала ПСБ точно так же, как и изгой.

Мышь покачала головой и горько рассмеялась:

— Вы все думаете, что многое изменилось.

— Ты ведь жива, не так ли? — спросил Премель, глядя на нее. — Ты путешествуешь с Правительницей и восемью людьми из Службы Безопасности. Ты в самом деле думаешь, что любому гилдрину было бы позволено такое при правлении Дарелла?

Она начала отвечать, но затем замолчала.

— Может, ты и прав, — сказала она, наконец, — хотя немало еще времени пройдет, прежде чем гилдрины начнут чувствовать себя в безопасности на местах. Но я все-таки не понимаю, какое отношение это имеет к Мелиор и к тому, кем она стала.

— А следовало бы, — раздался голос позади них.

Они оба повернулись и увидели, как Правительница приближается к ним, хромая. Ее лицо было красно как огонь, вылетающий из дула лучемета, а мокрые от пота волосы липли к лицу и шее. Но она улыбалась.

— Извините, Правительница, — сказал Премель. — Я не знал, что вы слушаете нас.

— Все в порядке, Премель, — ответила она, когда подошла к ним. — Может, мне и не стоило подслушивать.

Она не остановилась, поэтому Премель и Мышь снова двинулись вперед рядом с ней, он — с одной стороны, а она — с другой.

— Но раз уж я слышала, — продолжила Мелиор мгновение спустя, — я подумала, что мне стоит высказать свое мнение.

— Какое? — спросила Мышь.

— Оно заключается в том, что Премель прав: я такая, какая есть, потому что я — гилдрин. И ты лучше всех остальных должна понимать это.

— Ах да, — сказала она, иронично кивнув головой. Затем посмотрела мимо Мелиор на Премеля. — Правительница намекает, что мы с ней очень похожи.

— Вообще-то я говорила, — поправила Мелиор, — что она в точности такая же, какой была я десять лет назад.

Премель на мгновение задумался, а потом улыбнулся. Отличия, конечно, имелись, если быть абсолютно точным. В драке между ними он бы поставил на Мелиор, и в то время, когда она была в возрасте Мыши, она уже возглавляла банду и успешно продвигалась на пути к лордству. Но в целом Правительница была права: они действительно были похожи.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Мышь.

— Она права, — ответил он. — Ты — как она.

Мышь остановилась и покачала головой.

— Нет, я не такая, — возразила она.

Мелиор с Премелем тоже остановились.

— Я многое о вас знаю, — сказала Мышь Правительнице. — Я знаю, что вы убивали из-за честолюбия и по злобе, знаю, что вы никогда не присоединялись к Сети, что вместо этого вы предпочли повернуться к нам спиной до тех пор, пока вам не понадобилась наша помощь. И я знаю, что одно время вы собирались возглавить вторжение в Тобин-Сер.

— Кто тебе это сказал? — выдохнула Мелиор с расширившимися глазами.

Мышь обнажила зубы в жесткой усмешке:

— Не важно. Просто я это знаю. Так же, как и то, что мы с вами совсем непохожи.

— Тогда почему ты мне помогаешь?

— Я вам помогаю потому, что об этом меня попросила Сеть. Ее члены подумали, что, может быть, если я это сделаю, вы измените ситуацию в квадрах в лучшую для нас сторону. Я сказала, что вы этого не сделаете, потому что считаете, что все и так прекрасно, но они настояли, и поэтому я здесь. Но я делаю это ради своих, а не ради вас.

Она резко повернулась и гордо зашагала прочь, а Премель и Правительница молча смотрели ей вслед. Через минуту охранник взглянул на Мелиор:

— Правительница, я...

— Все в порядке, Премель, — сказала она низким голосом. Она снова двинулась вперед, с такой силой взявшись за костыли, что у нее побелели костяшки пальцев.

24

Прошу тебя, не думай, что я намереваюсь упрекнуть тебя в чем-либо. Я очень рад за мир, который существует между нашими странами, и, хотя меня смущают некоторые последствия оживленной торговли, развившейся за последние годы, я также вижу ее выгоды. Но я не могу не поражаться иронии, заключающейся в том, что происходит в нашей стране. Двенадцать лет назад я со своими братьями магами давал отпор захватчикам из Лон-Сера. Через четыре года после этого мы с тобой уничтожили Седрика, чтобы предотвратить подобные вторжения в будущем.

Тем не менее каждый раз, когда я иду по лесу Тобина и вижу все больше участков леса, уничтоженного во имя торговли; всякий раз, когда я попадаю в горную местность и вижу склоны, изрытые рудокопами, — я вынужден задумываться о том, стало ли нашей стране лучше, чем было бы, не нанеси мы поражение пришельцам. Да, народу Тобин-Сера платят за лес и руду. И нас никто не порабощает. Но наша страна разоряется. В этом я несколько не сомневаюсь.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
зима, год 4633*

Сейчас дела обстояли хуже, чем несколько недель назад, когда он шел по лесу Бога с Элайной и Мин. Это казалось вообще невозможным, ведь прошло так мало времени. Но сейчас все выглядело совершенно иначе — так быстро исчезал лес.

Джарид знал, что есть более важные дела, о которых следует беспокоиться. Если они не смогут остановить Сартола, о деревьях переживать уже не придется. Но пока их группа скакала на юг, к месту, где Ронуэн встретила свою первую птицу, боль при виде стольких пней и изборозженных склонов холмов раздирала его сердце, словно когтями. И, судя по выражению лиц Транна и Орриса, они чувствовали то же самое.

Всего их было шестеро. Кайлин и Эрланд выбрали Вавнию, молодую женщину, которая первой предложила отправиться к Ронуэн в качестве сопровождающей. Она была крепкого сложения и высокого роста, волосы ее были длинными и желтыми, а глаза — зелеными. Она, казалось, совершенно свободно чувствовала себя в седле и хорошо знала местность, по которой они проезжали, так как большую часть детства провела неподалеку от Отрога Фелана. Кроме того, Ронуэн служила в деревне Вавнии во время своего недолгого членства в Ордене. По словам Кайлин, Вавния точно знала, где можно найти дух Ронуэн.

Они покрыли расстояние до южной части леса всего за пять дней, и Вавния была уверена в том, что они доберутся до места, где Ронуэн встретила свою первую птицу, сегодня, еще до того, как начнет смеркаться. Но, несмотря на быстрое перемещение и тот факт, что члены Лиги и Ордена путешествуют вместе, Джарид почти что не замечал никаких признаков того, что временное перемирие, которое они с Кайлин заключили перед этой

поездкой, сохранится впоследствии. Эрланд держался в стороне, только чтобы не видеть Джарида и его друзей. Если не считать ядовитых взглядов, которые он бросал на Орриса время от времени, он совершенно их игнорировал. И хотя казалось, что Вавнии не слишком-то приятно находиться рядом с Эрландом, она ясно дала понять, что предпочитает его компании обществу любого мага, носящего зеленый плащ. Джарид не был слишком удивлен всем этим, но, вопреки здравому смыслу, он все же рассчитывал на большее. Только Кайлин пыталась хоть как-то перекинуть мост через пропасть, разделяющую магов Лиги и Ордена. Она часто скакала рядом с Джаридом, Оррисом и Транном, позволяя Эрланду и Вавнии ехать впереди без нее. Вечерами, после того как ее собратья, члены Лиги, ложились спать, она надолго оставалась с Джаридом, Оррисом и Транном и участвовала в их разговорах либо молча сидела и слушала их. Поначалу Джарид полагал, что это — всего лишь результат дружбы, которая завязалась между ними во время их частых встреч в течение весны. Но скоро он понял, что на самом деле лишь Оррис интересует ее. Она почти не отходила от него, когда они ехали верхом, а по ночам, когда все сидели у костра, она не сводила с него глаз.

При других обстоятельствах это могло бы казаться забавным, не было никаких сомнений в глубине ее чувств. Любой, кто еще помнит, сколь сильна первая любовь, был бы тронут выражением ее сапфировых глаз. При всем своем высоком положении и власти, несмотря на большого орла, который парил над ней, когда она ехала по лесу, Кайлин была еще почти девочкой.

Но любой, наблюдая за Эрландом, когда Кайлин была рядом с Оррисом, не мог также не заметить, что Первый Магистр никогда не простит ее за то, что она влюбилась в человека, которого он считает предателем. И что еще хуже, Джарид, хорошо зная Орриса, видел, как тяготит Орриса то внимание, которое оказывает ему Орлиный Магистр. Ведь Оррис любил Правительницу Брагор-Наля. Он любил ее много лет, и Джарид поверил своему другу, когда тот сказал, что не способен еще кого-нибудь полюбить.

Нет, ничего забавного во всем этом не было. А могло бы быть. Подобное происходит всегда. Но, напротив, это ставило все под удар: поездку к Ронуэн, хрупкий мир, который существовал между Лигой и Орденем, способность Кайлин возглавлять Лигу в сотрудничестве с Эрландом. Джариду ничего другого не оставалось, нежели пустить все это дело на самотек.

Проезжая по очередному расчищенному участку, который когда-то был лесом, Джарид поднял руку, давая остальным понять, что он хочет остановиться. Вавния и Эрланд ехали впереди, поэтому он их окликнул.

— В чем дело? — спросил Эрланд, разворачивая коня.

— Я хочу минутку отдохнуть.

— Здесь? — спросила Вавния, рассматривая вырубку с явным отвращением.

Джарид указал на маленький мутный ручеек, который пересекал узкую тропу между ним и магами Лиги.

— Здесь есть вода. А моему коню нужно попить.

Вавния и Эрланд обменялись взглядами, а затем, нахмурившись, направились к ручью.

Джарид спешился, что сделали и остальные, и, пока лошади пили, они достали из мешков еду и приступили к своей скромной трапезе.

— Долго еще нам ехать? — спросил Джарид у Вавнии, нарушив затянувшееся молчание.

Желтоволосая женщина снова осмотрела вырубку и слегка покачала головой:

— Вроде бы нет. Трудно сказать. Я хорошо знала лес, когда его еще не вырубали. Но сейчас... — Она пожала плечами.

— Ты все-таки сможешь найти Ронуэн, не так ли?

— Да, Орлиный Магистр, — раздраженно ответила она. — Не беспокойтесь, к Ронуэн я вас отведу.

Джарид почувствовал, что Оррис начинает свирепеть, и положил руку на плечо магу.

— Спасибо, — сказал он Вавнии.

Они отдохнули еще несколько минут, никто из них ничего не говорил и не смотрел друг другу в глаза.

Стоя среди пней и срубленных сучьев, Джарид почувствовал, что его опасения усиливаются. Он знал, что им необходимо найти способ скрыть разногласия от Неприкайнных. Если у Терона или Фелана создастся впечатление, что Лига и Орден не способны действовать сообща, вероятность того, что они будут им помогать, станет гораздо меньше. И Арик знает — без помощи Неприкайнных у магов Тобин-Сера нет никакой надежды сокрушить Сартола. Тем не менее Джарид даже не представлял себе, как заговорить об этом с Эрландом и Вавнией и тем более как найти с ними общий язык.

— Ну, мы готовы? — спросил Эрланд с явным нетерпением в голосе.

— Думаю, да, — ответил Джарид, подходя к своему коню и садясь в седло.

Остальные тоже взобрались на своих лошадей, но, когда Эрланд и Вавния развернули коней, собираясь тронуться, Первый Магистр оглянулся через плечо, метнул взгляд на Орриса, а затем перевел его на Орлиного Мудреца.

— Кайлин, — сказал он, — почему бы тебе не проехать некоторое время рядом с нами?

— Нет, благодарю тебя Эрланд. Я поеду с Джаридом. Но ты можешь к нам присоединиться.

Седовласый маг прочистил горло и заставил себя улыбнуться:

— Я подумал, что нам, возможно, следовало бы поехать некоторое время вместе, чтобы обсудить, как сегодня вечером начать разговор с Ронуэн.

— Это должны решать мы с Джаридом, Эрланд, — спокойно ответила Кайлин. — Ведь это у нас орлы.

— Вообще-то, — вмешался Джарид, — мне кажется, что это должны обсуждать мы все. — Он перевел взгляд с Кайлин на Эрланда. — Вот почему предложение Кайлин столь удачно: почему бы нам не ехать всем вместе?

Глаза Первого были прикованы к Кайлин.

— Ты в это дело не лезь, Джарид.

Оррис указал на Эрланда выпрямленным пальцем:

— К нему следует обращаться: Орлиный Магистр.

— А к тебе следует обращаться: предатель!

— Хватит! — резко сказала Кайлин, послав через церилл в небо струю золотого огня.

Эрланд кивнул, сверкнув глазами:

— Вот такого-то спектакля я и ожидал от подстилки предателя.

На мгновение все застыли. Затем лицо Кайлин стало пунцовым, из глаз потекли слезы, она вскочила на своего коня и, проскакав мимо Эрланда и Вавнии, скрылась в лесу.

— Ах ты, ублюдок! — прорычал Оррис, спрыгивая с лошади и наступая на Эрланда, сжав кулаки. — Сейчас я тебя разорву на куски!

Эрланд опустил свой посох так, чтобы его церилл был нацелен Оррису в сердце.

— Если только я сначала тебя не убью, предатель. Сделав шаг, Оррис застыл.

— Не делай этого, Эрланд, — предупредил Джарид, направляя свой посох на старика.

— Ты знаешь, как долго я этого ждал, Оррис? — спросил Эрланд, словно он вообще не слышал Джарида. — Ты знаешь, сколько ночей я мечтал убить тебя?

— Эрланд! — крикнул Джарид.

Но Первый Магистр, казалось, забыл обо всех и вся, за исключением Орриса. Джарид почти не сомневался, что он убьет Орриса в следующее мгновение, не протяни Вавния руку и не положи ее на посох Эрланда.

— Прошу вас, не делайте этого, — сказала она твердым голосом, несмотря на испуганный вид.

Он посмотрел на нее и, казалось, слегка вздрогнул. Она осторожно убрала руку с его посоха. Он снова повернулся к Оррису, и оба несколько секунд молча сверлили друг друга взглядом. Затем, словно договорившись, они одновременно отвели взгляд в сторону, и Оррис

вернулся к своему коню и вскочил в седло.

Некоторое время, которое казалось вечностью, никто ничего не говорил и не двигался. Джарид напрягал слух, пытаясь услышать стук копыт коня Кайлин, но, кроме журчания маленького ручейка и отдаленного крика сойки, он вообще ничего не слышал.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Транн.

— Мы продолжим путь к тому месту, где Ронуэн встретила первую птицу, — ответил Оррис, прежде чем Джарид успел что-нибудь сказать. — А после того как мы прибудем туда, я попытаюсь найти Кайлин.

Эрланд резко поднял глаза, словно собираясь, что-то сказать. Вместо этого, однако, он снова отвел взгляд, а его челюсти сжались, подобно кулакам.

Оррис пришпорил своего коня, но, поравнявшись с Эрландом, он остановился.

— Не то чтобы это тебя касалось, но я ни разу до нее не дотронулся. У меня и в мыслях такого не было, — сказал он. Потом пришпорил коня и исчез в лесу.

Через несколько секунд Эрланд и Вавния последовали за ним, оставив Джарида с Транном одних на вырубке.

— Эрланд убил бы его, — сказал Джарид. — Я в этом уверен.

Смуглый маг кивнул:

— Возможно. Но Оррис, соскочив со своего коня, хотел не меньшего.

— Думаешь, мне от этого легче?

Транн осклабился:

— Вряд ли.

— Как мне поступить, Транн? Держать их врозь оставшуюся часть пути? Или позволить только одному из них пойти с нами, когда мы будем разговаривать с Ронуэн? Потому что мы не можем...

— Подобное больше не повторится, Джарид, — произнес маг с такой уверенностью, что тот удивленно уставился на него:

— Почему ты так уверен?

— Я знаю их обоих. И при всех своих недостатках они оба любят нашу страну так сильно, что не позволят своей ненависти уничтожить ее.

— Но ты же видел, что произошло.

— Да.

— И ты по-прежнему в этом уверен?

Транн улыбнулся и кивнул:

— Да. Им просто было необходимо, чтобы произошло что-нибудь подобное. Они шли к некоторого рода столкновению очень долго с тех пор, как Оррис освободил Барама из тюрьмы. Может быть, даже и с более ранних пор. А теперь, когда им удалось разрядиться, не исключено, что они смогут действовать сообща.

— Надеюсь, ты прав, — ответил Джарид и последовал за остальными, сопровождаемый Ритлар, кружившей над ним.

— Я тоже.

Вскоре Вавния велела им остановиться в густом, нетронutom участке леса. Спешившись и оглядевшись, она кивнула.

— Вот мы и приехали, — сказала она. Затем посмотрела на Джарида. — Здесь Ронуэн и нашла своего ястреба.

Орлиный Магистр хотел спросить, совершенно ли она уверена, но ведь когда-то нужно начинать доверять друг другу, и от него зависело, когда это начнется.

— Хорошо, — сказал он, соскакивая с лошади. — Молодец, маг.

Ее брови поползли вверх, словно он удивил ее, но через мгновение она улыбнулась:

— Благодарю вас, Орлиный Магистр.

Джарид посмотрел на остальных:

— Мы должны как можно скорее найти Кайлин. Солнце скоро сядет, а нам при разговоре с Ронуэн без нее не обойтись.

— Я займусь этим, — сказал Оррис. — Я ее найду.

— Мы все будем искать ее, — ответил ему Джарид.

Лицо Орриса посуровело, но через мгновение он кивнул утвердительно.

Они решили разделиться — Джарид заметил про себя, что это, возможно, единственное, на что он мог заставить всех согласиться. — и встретиться на закате в том же месте. Однако, когда все начали уходить из чащи, Джарид подозвал Орриса к себе.

— Извини, — сказал он тихо. — После всего происшедшего я посчитал, что нужно послать на ее поиски всех.

Оррис кивнул и улыбнулся:

— Понимаю.

— Сейчас главное — найти Кайлин. Ты — единственный, кому это может удастся, потому что она хочет, чтобы ее нашел именно ты.

Лицо мага застыло, но он не отвел взгляда в сторону.

— Я знаю. — Затем он заколебался. — То, что я сказал Эрланду, было правдой, Джарид. Между нами ничего нет. Мое сердце... принадлежит другой.

— Знаю. — Джарид грустно улыбнулся. — Постарайся не обидеть ее, когда будешь об этом говорить.

— Конечно.

Оррис развернул коня и стал удаляться. Через несколько мгновений Джарид потерял его из виду.

Переведя дух, Джарид направился на запад и занялся поисками. Но он почти что не сомневался в том, что его предчувствия оправдаются: только у крепко сбитого мага есть хоть какой-то шанс найти Орлиного Мудреца. Вопрос, занимающий Джарида, заключался в том, хочет ли Кайлин вообще, чтобы ее нашли. Он видел выражение ее лица, когда она уезжала с вырубки. Он видел униженность в ее глазах и слезы на щеках. У нее был орел, и она руководила Лигой; она была сильна и мудра не по годам. Но, помимо этого, она была юна, а Эрланд назвал ее подстилкой.

Он знал, что найдет ее и долго ему искать не придется. Да, какая-то часть ее души хотела оказаться так далеко, как только смог бы увезти ее конь. Оррис не винил бы ее за такой поступок. За то недолгое время, что он был с ней знаком, Оррис пришел к мысли, что Кайлин — это отнюдь не просто ребенок с огромной птицей. Боги сделали правильный выбор, послав ей орла, почти такой же правильный, вынужден был он признать, как и в случае с Джаридом.

Поэтому, когда он заметил ее коня сквозь просвет в деревьях менее чем в лиге от того места, где остановилась их группа, он не был удивлен. Он спешил и неторопливо зашагал в ее сторону. Животное пило из небольшого водопада и, услышав приближение Орриса, подняло голову, моргнуло и затем продолжило пить. Однако сначала он не заметил никаких признаков Кайлин.

— Орлиный Мудрец? — крикнул он.

— Уходи, — донесся ответ, и прозвучал он гораздо ближе, чем Оррис ожидал.

Она сидела на большом камне над водопадом, обхватив колени руками. Волосы ее разметались по лицу, а глаза распухли и покраснели от слез. Она выглядела еще моложе, чем обычно.

— Я уйду, — мягко сказал Оррис, — если ты этого хочешь.

Она некоторое время пристально смотрела на него, а затем опустила взгляд на свои колени.

— Ты меня любишь?

Он никогда не был слишком искусен в разговорах о своих чувствах, особенно с красивыми женщинами. Но этот вопрос показался ему на редкость трудным.

— Не в том смысле, в каком бы тебе хотелось, — ответил он наконец. — Прости.

Она снова заплакала, и когда ее тело начало содрогаться от рыданий, она опустила

голову на колени.

Оррис закрыл глаза и покачал головой. Джарид бы ответил удачнее. Транн, Баден и даже Сартол, коли на то пошло. Оставив коня утолять жажду, маг вскарабкался туда, где сидела Кайлин. Ее орел, сидящий рядом с ней, окинул его пронизательным взглядом, когда он сел возле Кайлин.

— Прости, — снова сказал он.

— Дело в том, что я моложе тебя? — спросила Орлиный Мудрец невнятным, приглушенным голосом.

— Отчасти. Я в два раза старше тебя. — Ему очень хотелось, чтобы его слова звучали как можно убедительнее, но он знал, что они скорее производят обратный эффект. — Дело еще кое в чем, — добавил он.

Она посмотрела на него. Ее щеки были мокры, но на мгновение слезы перестали течь.

— Других это не останавливает. Девушки моего возраста выходят замуж за людей, которые еще старше, чем ты.

— Я знаю, Кайлин. Как я уже сказал, разница в возрасте — всего лишь одна из причин.

— Так в чем дело? — спросила она, вытирая лицо рукавом плаща. — Во мне?

Он улыбнулся:

— Конечно нет. Любой нормальный мужчина влюбился бы в тебя.

Одинокая слеза покатилась у нее по щеке, но она улыбнулась в ответ:

— А ты у нас, значит, ненормальный.

— Безусловно, есть люди, готовые это утверждать, — ответил Оррис, смеясь. Затем перевел дух. — Причина, по которой я не могу полюбить тебя, в том, что я люблю другую. Люблю уже много лет.

Кайлин снова опустила взгляд.

— О, прости, — тихо сказала она. — Я не знала.

— Ты и не обязана была знать.

Некоторое время они сидели молча: она устремила взгляд на воду, падающую мимо скалы, на которой они находились, а Оррис украдкой за ней наблюдал. Через несколько минут он осторожно бросил взгляд на запад, чтобы посмотреть, где солнце. До того момента, когда им нужно будет возвращаться к остальным, времени оставалось немного, но ему не хотелось вести разговор второпях.

— Она, наверное, совсем на меня не похожа, верно? — спросила, наконец, Кайлин, тяжело вздыхая.

— Трудно сказать. В некоторых отношениях вы совершенно не отличаетесь друг от друга, а кое в чем вы... — Он заколебался, затем улыбнулся. — Вы почти полная противоположность.

— Она очень красивая?

— Да. — Он наклонился вперед, пристально глядя на нее, так что и ей пришлось, в конце концов, взглянуть ему в глаза. — Так же, как и ты, Кайлин.

Она застенчиво улыбнулась и отвела взгляд в сторону:

— Как ее зовут?

— Мелиор.

Кайлин наморщила нос. В Тобин-Сере это имя не было распространенным, хотя Мелиор как-то сказала ему, что это вполне обычное женское имя в Нале.

— А она тоже маг?

Оррис снова заколебался. Он понятия не имел, как отреагирует Кайлин, узнав, что Мелиор из Брагор-Наля. Ее родители были убиты пришельцами, и хотя она благосклонно отнеслась к нему, узнав, что именно он освободил Барама из тюрьмы, это было совсем другое дело. И все-таки он решил, что должен сказать ей правду.

— Нет, — ответил он. Она не маг. Она — Хранительница.

Девушка покачала головой:

— А что такое Хранительница?

— Хранительница — это та, кто происходит от Гилдри, одного из последователей Терона, который покинул Тобин-Сер после Проклятия и смерти Терона.

Она озадаченно взглянула на него:

— Мелиор живет в Лон-Сере. С ней я познакомился, пока был там.

У нее расширились глаза.

— Она из завоевателей?

— Да. Она — Правительница Брагор-Наля, — Сейчас пришла очередь Оррису отводить взгляд. — Прости, если это неприятно поразило тебя.

— Нет, не поразило. Раньше могло бы, но не сейчас. — Она замолчала, словно обдумывая услышанное. — Вообще-то, — продолжила она через мгновение, — это в каком-то смысле все упрощает. Мы столь непохожи, что я никак не могу сравнивать себя с ней.

— Ну что ж, как я уже говорил, в некоторых отношениях вы похожи. Вы обе сильные, умные, красивые женщины. Но, кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Она снова вздохнула, а затем взяла его под руку и положила голову ему на плечо. Оррис слегка напрягся, думая, не пытается ли она заставить его передумать.

— Прости, — сказала она, поднимая голову. — Ты на это не сердишься?

— Нет, все в порядке. До тех пор, пока ты понимаешь, что между нами ничего большего быть не может.

Она кивнула и снова положила голову ему на плечо:

— Я понимаю.

Он еще раз посмотрел на запад:

— Скоро нам нужно будет возвращаться.

— Я знаю. Еще несколько минут. — Она замолчала, но лишь на мгновение. — Как ты с ней познакомился?

Оррис широко улыбнулся и пожал плечами:

— Она послала нескольких человек убить меня, с этого все и началось.

Она снова выпрямилась и улыбнулась:

— В самом деле? Стало быть, если бы Ковет говорил правду и это я послала бы его и двух других магов по твоим следам, у меня был бы шанс?

Он снова засмеялся:

— Не могу сказать точно, но давай не будем выяснять, хорошо?

Он встал и подал ей руку, чтобы помочь подняться. Однако, как только она оказалась на ногах, она шагнула вперед и нежно поцеловала его в губы.

Он нахмурился:

— Кайлин...

— Я знаю, — сказала она, улыбаясь и заливаясь румянцем. — Но я должна была это сделать хотя бы раз.

— Пойдем, — ответил он, соскочив с камня и направляясь к своему коню. — Нам пора ехать.

Она слезла с возвышения и взобралась в седло, но, усевшись там, больше не двигалась.

Оррис, уже тронувшийся в путь, сейчас остановился и оглянулся на нее:

— В чем дело?

— Я совсем не горю желанием видеть Эрланда.

— Не осуждаю тебя, Кайлин. Но я сказал ему и сказал им всем, что это неправда, что между нами ничего не было.

— Это почти не имеет значения, — ответила она. — Он не имел никакого права говорить то, что сказал.

— Ты права, не имел. Но он сказал это из-за гнева на меня, а не на тебя.

— Называть тебя предателем у него также не было права.

— Может быть. Но все это не имеет значения сейчас. Ты — Орлиный Мудрец, и тебе нужно показать ему, что если он не может забыть о своем гневe даже ради блага страны, то ты — можешь. — Он улыбнулся. — А теперь поехали. Скоро стемнеет.

Она улыбнулась в ответ, кивнув, и они направились к тому месту, где Ронуэн встретила свою первую птицу.

Они присоединились к остальным, когда последние лучи солнца пробивались сквозь кроны лесных деревьев. Эрланд поднял взгляд, когда они показались из-за стволов, и снова отвел его. Оррис с Кайлин переглянулись, и затем Оррис пожал плечами, а Кайлин улыбнулась и покачала головой.

К ним подошел Джарид и взял лошадь под уздцы, когда Кайлин спешила.

— Рад вас видеть, Орлиный Мудрец.

— Благодарю вас, — ответила она, краснея. — Прошу прощения за то, что неожиданно ускакала.

Орлиный Магистр покачал головой:

— Не стоит.

Вавния подошла к ним и посмотрела сначала на Джарида, а потом на Кайлин:

— Каков наш план?

— Пока у нас нет никакого, — ответил Джарид. — Нам нужно выяснить, как Сартолу удалось выбраться с того места, где он встретил первую птицу и что он сделал с Таммен. И нам нужно узнать, есть ли у Неприкаянных возможность и желание помочь нам.

— А что, если нет? — спросил Оррис.

— Я бы предпочел не думать об этом сейчас, — ответил Джарид, встречаясь с пристальным взглядом Орриса.

Транн развел костер, и все собрались вокруг него, чтобы немного поесть. Оррис, однако, был совсем не голоден, поэтому он просто стоял, уставясь себе под ноги. Он не был человеком, который с легкостью поддается страху, но никак не мог унять бешеное сердцебиение и избавиться от неприятного ощущения в желудке. До их встречи с Сартолом в Великом Зале ему никогда не приходилось сталкиваться с Неприкаянным лицом к лицу. Он был несвязанным, когда Джарид, Элайна и остальные отправились к Отрогу Фелана сражаться с пришельцами, и с тех пор других случаев встретиться с одним из духов ему не представлялось.

— Бояться нечего, — сказал Джарид, словно читая его мысли.

Оррис поднял взгляд и обнаружил, что Орлиный Магистр даже не смотрел на него.

— Я знаю, — ответила Кайлин, потирая руки над костром. — Но мне очень мало известно о Неприкаянных.

— Я тоже мало о них знаю, — сказал ей Транн, — но, кажется, у духа такой же характер, как у живого мага. Зная мага, ты знаешь и его дух. Ронуэн была доброй и мягкой при жизни, и, я предполагаю, такой же она осталась и после смерти. Ее характер не изменился.

Оррис по-прежнему дрожал. Сказанное почти не избавило его от опасений. Переведя дух, он отвернулся от костра и устремил взгляд в лес, в котором становилось все темнее. И так случилось, что ему первому пришлось увидеть дух Ронуэн, приближающийся к ним.

— Джарид, — настойчивым шепотом позвал он.

Он почувствовал, что остальные тоже повернулись, хотя он не отводил глаз от приближающегося света. Он услышал, как Кайлин сделала резкий вдох, и почувствовал, что она придвинулась к нему поближе.

Джарид встал перед ними, а его орел занял место сбоку от него. Постояв там некоторое время, наблюдая, как фиолетовый свет становится все ярче, он развернулся и протянул руку Кайлин.

— Идите сюда, Орлиный Мудрец, — позвал он спокойным голосом. — Для этой встречи мы и явились сюда.

Она кивнула и взяла Джарида за руку, на мгновение оглянувшись на Орриса. Затем они оба в сопровождении своих великолепных птиц и остальных магов, идущих следом, зашагали вперед — навстречу призраку Ронуэн.

Ронуэн была крепкой женщиной с круглым юношеским лицом и темными волосами,

ниспадающими на плечи. Или, скорее, была при жизни. Оррису было легко смотреть на нее просто как на еще одного человека до тех пор, пока ее пристальный взор не упал на него и он не поразился тому, что увидел в ее глазах. Ибо, в то время как вся она мягко светилась легким фиолетовым цветом, ее глаза сверкали, подобно пламени, или, подумал он, как покрытые стеклом фонари, которые он видел на улицах Лон-Сера семь лет назад.

Тем не менее, хоть она и была призраком и умерла почти десять лет назад, она все же оставалась Ронуэн и казалась испуганной, когда заговорила.

— Это действительно орлы? — спросила она, и ее голос казался одновременно и мягким, и громким, подобно стремительному горному потоку, журчащему по каменистому дну.

— Да, маг, — ответил Джарид. — Я — Орлиный Магистр Ордена Магов и Магистров Джарид, а это Орлиный Мудрец Лиги Амарида Кайлин. С нами также Первый Магистр Эрланд и маг Вавния из Лиги Амарида и Магистр Транн и маг Оррис из Ордена.

Ронуэн кивнула:

— Я помню тебя, Джарид, как и большинство твоих спутников. Надеюсь, Элайна здорова.

— Да, — подтвердил Джарид, улыбаясь. — Здорова, спасибо.

Дух повернулся к Кайлин:

— Я никогда тебя не встречала, но я знаю о тебе и знаю, сколько тебе пришлось перенести, будучи ребенком. Мне очень жаль.

Кайлин кивнула, но потребовалось некоторое время, чтобы она снова обрела дар речи.

— Благодарю. И мне тоже жаль тебя.

Ронуэн улыбнулась и развела руками:

— Я мертва. И жалеть меня бесполезно.

— Я просто хотела сказать...

— Ничего, — сказала ей Ронуэн, по-прежнему улыбаясь. — Кажется, я понимаю.

— А меня ты тоже помнишь, Ронуэн? — спросила Вавния, выходя вперед.

Улыбка духа исчезла.

— Вроде бы помню, — ответила она ледяным тоном. — Я помню девочку по имени Вавния, у которой были желтые волосы, такие же как у тебя. Я помню, что ее и мои родители когда-то были друзьями. Но та Вавния, которую я знала, мечтала о том, чтобы носить зеленый плащ, а не голубой. Она готова была всегда защищать страну и Волшебную Силу и никогда бы не сделала ничего, что бы могло ослабить ее. Поэтому я вынуждена предположить, что мы с тобой никогда не встречались.

Лицо мага побледнело.

— Так нечестно, — прошептала она.

— Разве? Выбор Кайлин я могу понять, а что касается Эрланда, у меня такое чувство, что он искал скорейшего пути к власти.

Оррис увидел, что Первый Магистр стиснул зубы, но Ронуэн, казалось, не обратила на это внимания.

— Ты должна была быть осмотрительнее, — продолжала она. — Теперь Волшебная Сила слабее, чем когда бы то ни было, как раз в тот момент, когда она должна быть сильнее всего. Такие маги, как ты, привели страну к гибели.

— Хватит, — строго сказал Джарид. — У нас на этот разговор сейчас не имеется времени.

Оррис слегка вздрогнул, ожидая, что дух обидится на тон Джарида. Из всего того, что Джарид с Элайной рассказывали о своих предыдущих встречах с Неприкаемыми, Оррис заключил, что духи не терпят даже намека на дерзость. Но, с другой стороны, это были встречи с Тероном и Феланом. Ронуэн умерла в возрасте Джарида, и она никогда не возглавляла Орден. У нее также никогда не имелось связи с орлом. Поэтому вместо того, чтобы рассердиться на замечание Джарида, она уступила.

— Вы правы, Орлиный Магистр. Приношу извинения. Как я понимаю, вы пришли

поговорить с нами о Сартоле.

— Да. Он сейчас в Великом Зале. И он овладел Созывающим Камнем.

Она уставилась на Джарида так, словно это он был призраком, а она — живым магом.

— О боги! Он им уже завладел?

— Да. Много времени ему на это не потребовалось. Кажется, камень принадлежал ему все эти годы. — Джарид широким жестом указал на остальных. — Мы объединились и пришли сюда вместе, чтобы просить Неприкаянных о помощи. Мы не понимаем, как Сартолу удалось покинуть место, где он встретил первую птицу. Мы не знаем, что он сделал с Таммен и что он способен сделать с народом Тобин-Сера.

— Если то, что ты говоришь, правда и у него имеется доступ к камню, его возможности безграничны. — Дух покачал головой. — Да хранит вас всех Арик.

— Нам нужно нечто большее, чем твои молитвы, Ронуэн. Нам нужно знать, как он этого добился. — Джарид перевел дух. — Он изменил Проклятие? Он таким образом покинул Северную равнину?

— Нет, — ответила Ронуэн. — Это-то и пугает больше всего. Он добился своего, вообще не меня Проклятия. Любой из нас мог бы это сделать, если бы мы об этом подумали и у нас хватило бы жестокости пойти на это.

— Так что он сделал? — Его слова звучали так мягко, словно он выуживал информацию у ребенка.

— Трудно объяснить это понятным вам языком. Единственный способ, каким Терону удалось объяснить это нам, заключался в том, что он послал нам образ этого. — Она замолчала, снова качая головой. — Он использует церилл Таммен, — продолжила она несколько неуверенно, — чтобы поддерживать связь с тем местом, где была встречена первая птица.

Джарид сузил глаза:

— Но ведь у него с собой камень Таммен.

— Да, я знаю. Но энергия Сартола перетекает из его собственного посоха, который остается на Северной равнине, в ее церилл.

— Так вот в чем его слабость, — сказал Эрланд. — Если нам удастся что-нибудь сделать с ее камнем или прервать этот поток энергии, мы сможем остановить его.

Ронуэн холодно смотрела на него.

— Может быть, — произнесла она наконец. — Но если он контролирует Созывающий Камень, у вас нет никаких шансов отобрать у него посох Таммен. Его собственный посох существует только в царстве Неприкаянных, до него вы добраться не можете. И нет способа заблокировать его энергию. — Она отвела взгляд. — Я как-то предложила нечто подобное Терону, и он посмеялся надо мной. Он сказал, что это невозможно.

— А он не сказал почему? — спросил Джарид.

Она кивнула:

— Энергия Сартола течет по земле, как кровь по нашим телам. Пытаться остановить его энергию — это все равно что пытаться остановить ветер. Ее слишком много.

— А Терон не сказал, есть ли вообще хоть какой-нибудь способ остановить его? — спросила Кайлин.

— Нет, если только один из нас не захочет сделать с другим магом то, что Сартол сделал с Таммен.

— И что же? — спросил Джарид.

Оррис замер, чувствуя, что они подобрались к самой сути дела.

Ронуэн пристально посмотрела на него светящимися глазами со скорбным выражением на круглом лице:

— Для этого просто нет слов. Он забрал у нее все. И сейчас он живет в ее теле; без него она жить не сможет.

— А он может жить без нее?

— Не знаю, — ответила она. — Но это не имеет значения. При той силе, которой он

сейчас владеет, вы все равно не сможете убить ее. И ничто не сможет, даже время.

— Ты хочешь сказать, что он бессмертен? — спросил Оррис. — Этого не может быть.

— Нет, — ответил Джарид, поворачиваясь к нему. — Он не бессмертен. Подумай об этом, Оррис: Сартол уже мертв. Он существует только как магия. — Он снова посмотрел на Ронуэн. — Это верно, не так ли? Вы все являетесь воплощением Волшебной Силы.

— Да.

— Поэтому он сам — нескончаемый источник энергии. И он может сохранить тело Таммен молодым навсегда.

Дух кивнул:

— Точно.

— Значит, все кончено, — тихо произнесла Вавния. — Мы не в состоянии победить его.

— Я отказываюсь с этим смириться, — сказал Джарид. — Должен быть какой-нибудь выход.

Ронуэн развела руками и покачала головой:

— Мне очень жаль, Орлиный Магистр, но...

— Я хочу спросить у Терона.

Глаза призрака расширились.

— Терона?

— Да. Скажи ему, что Орлиный Магистр Джарид, носитель его посоха, желает поговорить с ним.

Она посмотрела на его посох, на котором, несмотря на светящийся церилл сапфирового цвета, который Джарид закрепил в верхней его части много лет назад, все еще сохранились черные царапины с той ночи, когда Терон наложил свое Проклятие на магов Тобин-Сера.

— Конечно, — ответила она. — На это потребуется несколько мгновений.

Она закрыла глаза, что сделал и худой серый ястреб на ее плече, и несколько мгновений ничего не происходило. Джарид оглянулся на Орриса, а затем на Транна, на лице его застыло серьезное выражение, но никто из них ничего не произносил. Оррис позволил своему взгляду перенестись на лицо Кайлин, но Кайлин уставилась на Джарида, словно видела его впервые. То же самое, заметил Оррис, сделали и Эрланд с Вавнией. Казалось, в этот момент Оррис с Транном были единственными, кто не испытывал благоговейного трепета перед ним. И это было вызвано только лишь тем, что они давным-давно поняли, насколько особыми людьми были Джарид и Элайна.

В следующее мгновение Ронуэн снова открыла глаза.

— Он здесь, Орлиный Магистр, — сказала она, и, казалось, ее голос доносится с большого расстояния. — Он просит меня передать вам и вашим спутникам свои приветствия.

— Поблагодари его за то, что он позволил обратиться к нему за советом, — сказал Джарид. Он замолчал, давая ей время передать его пожелание. — Нам нужно знать, существует ли какой-нибудь способ остановить Сартола, — начал он мгновение спустя, — такой, чтобы никому из нас не приходилось жертвовать жизнью и следующий Неприкаянный маг не стал бродить по земле.

— Прежде всего, — сказала Ронуэн после непродолжительного молчания, — Магистр говорит, что даже он не может победить сейчас Сартола, раз тот уже овладел Созывающим Камнем. И он не знает, как остановить его, не имея доступа к Камню. — На мгновение она опустила глаза, прежде чем снова встретить пристальный взгляд Джарида. — Он говорит, что вам ничего другого не остается, нежели уйти всем из города и, возможно, из Ястребиного леса тоже.

— Ты, наверное, шутишь, — прошептал Джарид.

— Боюсь, что нет. Он говорит, что Амарид нужно покинуть точно так же, как были покинуты город Терона Рольде и лес Теней тысячу лет назад. Пока сила Сартола связана с Созывающим Камнем, дальше он забраться не сможет. По крайней мере, так народ Тобин-Сера будет в безопасности.

Джарид покачал головой. На его щеках дрожали слезы, в которых отражалось фиолетовое свечение Ронуэн и голубой свет его собственного церилла.

— Покинуть Амарид, — сказал он.

Ронуэн кивнула. На ее лице появились полосы черного цвета, и Оррис понял, что это слезы.

— Существует единственный выход. Мы сделали его отверженным среди Неприкаянных, а теперь вы должны...

Она запнулась с озадаченным выражением на лице.

Оррис тоже услышал это: второй голос, разносящийся по лесу, подобно легкому ветерку.

— Что это было? — прошептал дух. — Это прозвучало, как...

Не успев закончить, она просто исчезла, подобно тому, как от внезапного сквозняка пропадает огонек горящей свечи. Маги стояли совершенно неподвижно, словно не зная, что сказать или сделать. Через некоторое время Джарид повернулся к Транну и Оррису, раскрыв рот. Но в это мгновение вернулась Ронуэн, которая казалась растерянной и испуганной.

— Что происходит? — спросила она со страхом в голосе. — Я не понимаю.

— Это он, — донесся другой голос, глубокий и отдаленный, подобный грому во время грозы, происходящей где-то за горизонтом. Это был, понял Оррис, тот же голос, который он слышал, перед тем как исчезла Ронуэн.

— Это невозможно, — с отчаянием произнесла Ронуэн.

Но в ту ночь, в то время, казалось, возможно все. Ибо внезапно в лесу появилась вторая фигура, которая светила так же, как и Ронуэн, хотя и зловещим изумрудно-зеленым оттенком, который так же отличался от мягкого свечения Ронуэн, как молния от света звезд.

И в центре этого света стоял внушительный мужчина с длинной ниспадающей бородой и жестким пронизательным взглядом. На его плече сидел темный ястреб, но посоха у него не было. Потому что, и Оррис знал это, он двенадцать лет назад отдал его Джариду.

— Магистр! — изумленно пробормотал Джарид. — Как такое возможно?

— Такого и не должно быть, — прогремел он. — Это делает предатель.

Предатель. Орриса так долго называли предателем, что ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что Терон имел в виду Сартола.

— Но как?

Терон покачал головой:

— Я не знаю. Он что-то делает. Он заставляет нас собраться в Амариде.

Вскоре появились и другие. Неприкаянные все до одного стояли перед шестью магами в цветной радуге, словно некое зловещее искажение Шествия Света. Оррис узнал Передура, его молочно-белые глаза светились, как и его церилл. Также он узнал еще одного, хотя никогда и не знал его при жизни. Он был огромным и могучим, мерцал, как луна во время полнолуния, а рядом с ним стоял великолепный серебряный волк.

«Фелан, — подумал Оррис. — Я смотрю на Волчьего Магистра».

Их были целые дюжины, больше, чем Оррис когда-либо мог бы себе представить. Тем не менее глаза его не обманывали. Это были они все: призраки, скопившиеся за тысячу лет. И не успели они появиться, как тут же начали бледнеть, словно кто-то тащил их обратно в ночную тьму.

— Я не знаю, что он сделал, — сказал Терон, и его голос казался даже более отдаленным, чем раньше, словно крик козодоя, доносящийся издалека. — Но он изменил мое Проклятие. Мы ему для чего-то нужны.

— Ты можешь сразиться с ним? — спросил Джарид.

Терон покачал головой. Он быстро тускнел. И все остальные тоже, даже Ронуэн, которая была не ярче, чем все остальные.

— Сейчас с ним невозможно сражаться, — сказал Магистр голосом, напоминающим ветер, дующий сквозь ветви дерева, на котором нет ни листочка. — Но ты разве не видишь? Он изменил мое Проклятие.

— Я не понимаю.

— Подумай, Джарид! — выдохнул ветер. — Вот способ победить его, вот как спасти страну, спасти всех нас! Вы должны вернуть мое Проклятие к прежнему состоянию!

Они исчезли, И не осталось никаких признаков того, что они вообще здесь были. Свет исходил лишь от цериллов Орриса и его товарищей. Единственными звуками, которые они слышали, было потрескивание углей от костра, разведенного у них за спиной, и шелест листвы над головами.

— Вернуть Проклятие к прежнему состоянию, — тихо произнес Джарид.

Кайлин посмотрела на него, и у нее в глазах отразился свет ее золотого церилла.

— А это вообще можно сделать?

— Наверное, — ответил Джарид с мрачным видом. — Но для этого нужен Созывающий Камень.

25

Причина, по которой я никогда не пишу тебе о Стиб-Нале, заключается в том, что он сам, занимаемое им положение в Лон-Сере и его Правитель, вызывающий раздражение мужичонка по имени Марар, не идет ни в какое сравнение с моим Налем или Налем Шивонн. Стиб-Наль является не чем иным, как пережитком Консолидации, крошечной копией Брагор-Наля, которой Дарлек, Правитель Брагор-Наля времен конца гражданской войны в Лон-Сере, позволил выжить только для того, чтобы иметь второй решающий голос в Совете Правителей. Пока Брагор-Наль и Уэрелла-Наль были соперниками, мои предшественники продолжали рассчитывать на поддержку Стиб-Наля, но сейчас, когда мы с Шивонн заключили союз, Марар потерял даже эту маленькую долю влияния.

В другое время при подобных обстоятельствах Стиб-Наль был бы поглощен Брагор-Налем. Его земля стала бы частью нашей территории, его войска и экономика просто подкрепили бы нашу военную и экономическую мощь. Но мы с Шивонн поклялись воздерживаться от того, что делали наши предшественники. Если Марар или кто-нибудь из его преемников не совершит чего-нибудь поистине идиотского, Стиб-Наль останется таким, каким является сегодня: крошечным, слабым, но неприкосновенным.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 1, неделя 7, зима, год 3067*

Мышь не сказала ей ни слова после их столкновения в предгорье. Она едва смотрела на Правительницу. Мелиор по-прежнему была убеждена, что женщина-гилдрин ведет ее и людей Джибба туда, куда нужно, — какой у нее был выбор? — но ей не хотелось даже осведомляться у Мыши об их продвижении.

Она по-прежнему считала, что у нее с Мышью было много общего, что Мышь была зеркальным отражением ее самой в молодости. Но из-за этого отвращение, которое к ней испытывала Мышь, воспринимать было еще труднее. Действительно ли она повернулась спиной к своему наследию гилдрина? Она сама считала так до того дня, когда Гвилим отдал ей свой посох — последний жест прощения и исключительной доброты умирающего человека. Хранитель простил ее, и, поступив таким образом, он заставил ее простить себя саму.

Тем не менее всегда существовала в ее душе крупинка сомнения, чувство, скрытое в глубинных тайниках ее сердца, что она была недостойна дара Гвилима. Сеть Брагор-Наля подкрепила это сомнение за годы, прошедшие с тех пор, как она стала Правительницей, отказываясь принимать ее в качестве союзника. «Вы можете считать себя одной из нас, — как бы говорили они ей. — А мы придерживаемся другого мнения». Это было почти то же

самое, что Мышь высказала ей столь резко на днях.

— Я делаю это ради своих, — сказала она, — а не для вас.

Мелиор в тот момент хотелось поднять свой посох над головой и заставить огонь изливаться из церилла, так же как это получалось у Орриса. Она хотела вытянуть посох прямо перед лицом Мыши.

— Посмотри на это! — хотелось ей закричать. — Я — Хранительница! Если и это не делает меня одной из вас, то что же тогда?

Но ей оставалось лишь наблюдать, как Мышь уходит вперед, унося с собой камень Мелиор. И она не могла не думать, что Мышь заслуживает его больше, чем она сама.

Мышь возвращала ей камень каждый вечер после того, как они разбивали лагерь на ночь. Она ничего при этом не говорила, конечно. Большинство ночей они даже не встречались друг с другом взглядами. Но камень она все-таки возвращала. А каждое утро, когда Мелиор брала свои костыли, девушка-гилдрин снова забирала его, словно она тоже думала, что у нее есть право на этот камень.

На шестой день после того, как они оставили квады Брагор-Наля, из бурых облаков над их головами пошел небольшой дождь и показалась роща Стиба, небольшой участок леса, отделяющий Наль Марара от Гор Зеленой реки. Подобный лесок был в каждом Нале. Это было основным условием Прокламации о защите зеленых насаждений 2899 года, договора, подписанного Правителями трех Налей, в котором признавалось — что было несколько необычно, хотя и прямо не выражалось, — чрезмерное усердие Налей в уничтожении лесов. В нем заключалось требование, чтобы каждый Наль сохранил небольшой участок леса, который никогда не будет тронут, а минимальный размер этого лесного заповедника будет определяться численностью его населения. Поэтому, теоретически, Брагорский лес должен был быть самым большим, за ним должен был идти Уэрелланский зеленый парк, а замыкать троицу следовало роще Стиб. Однако случилось так, что Уэрелланская Матриархия сохранила существенно больше леса, чем требовалось по минимуму, сделав Зеленый парк самым большим лесом в стране.

Но роща Стиба, как и Брагорский лес, была ничуть не больше, чем требовалось по договору. Она едва превышала лесную полосу в сто квадов длиной и двадцать — шириной. Иными словами, она была не больше, чем один квартал в Брагор-Нале.

Увидев лес, они ненадолго остановились и немного перекусили, прежде чем продолжить свой путь. Во время отдыха Мышь сообщила свои соображения Джиббу, а он решил чуть позже передать их Правительнице. После того как они отдохнули и снова тронулись в путь, Джибб поравнялся с Мелиор и сообщил ей, что, по мнению гилдрина, они к наступлению темноты смогут добраться до опушки леса.

— При условии, что вы чувствуете себя готовой к такой нагрузке, — добавил он, взглянув на ее ногу. — В противном случае, завтра...

— Я готова, — ответила Мелиор более раздраженно, чем ей бы хотелось. — Моя нога уже не так болит, — продолжила она мгновение спустя, надеясь, что ее тон звучит мягче. — Тебе бы врачом служить.

На его лице промелькнула улыбка, которая тут же исчезла.

— Я рад, что вам лучше.

Ей было лучше, и не только из-за того, что ее нога заживала. Ведь и ее руки делались сильнее. С каждым днем идти долгое время на костылях без перерыва становилось все легче. Несмотря ни на что, ей нравилось быть за пределами своего дворца и Наля вообще. Впервые за несколько лет она по-настоящему из кожи вон лезла, двигаясь к намеченной цели, и это было приятно.

— Может быть, мне вас оставить? — спросил Джибб после продолжительного молчания.

— В этом нет необходимости. — Она замолчала, думая, как продолжить разговор. — Ну, как твои мальчики? — наконец, спросила она.

— Прекрасно. Им не терпится поскорее добраться до Стиб-Наля, прикончить Марара и

вернуться во дворец. — Он улыбнулся. — Уверен, что все этого хотят. *Вовсе нет.*

— Ну а в остальном — все отлично.

— Хорошо.

— Однако должен сказать вам, что некоторые выражают опасения насчет Мыши.

Мелиор посмотрела на него:

— Какие опасения?

— Они ей не доверяют. Им кажется, что она может попытаться сорвать наше предприятие.

— Ты разделяешь их опасения?

Он пожал плечами таким образом, что было понятно, он — разделяет.

— Я их понимаю, — сказал Джибб некоторое время спустя. — Он быстро взглянул на нее, а затем перевел взгляд, наморщив лоб. — Она ненавидит вас, Мелиор. Вы должны это понять.

— Да. Но я не думаю, что ей хочется меня ненавидеть.

— В смысле?

— Она ненавидит меня, потому что думает, что я предала гилдринов, что я сделала слишком мало для улучшения их жизни в Нале. Но мне кажется, она скорее предпочтет увидеть, как я меняюсь, нежели то, как я терплю неудачу. Именно поэтому остальные члены Сети и послали ее помочь нам. И хотя она и не хочет признаваться в этом сейчас, она разделяет их надежду. Поэтому, даже если она и ненавидит меня, она не сделает ничего, чтобы уничтожить меня. Представь ей возможность выбирать между любым другим Правителем и мной, она, скорее всего, предпочтет меня.

Джибб поднял бровь:

— Вы в этом уверены?

— *Нет.* — Она выдавила улыбку. — Вполне.

Он думал о предателе Виане, она это знала. Он все еще винил себя. Но она поняла, что в некотором отношении он также винил и ее за доверие к водителю. Вне всякого сомнения, он считал, что она совершает ту же самую ошибку в отношении Мыши.

— Будем надеяться, что вы правы. — Вот и все, что он ей сказал.

К закату Мелиор выбилась из сил. Как оказалось, роща смотрелась гораздо ближе, чем находилась на самом деле, хотя в конце концов им удалось до нее добраться. Дворец Марара находился менее чем в двадцати пяти квадрах, а сейчас, когда они миновали предгорье, земля обещала быть более ровной. Дождь прекратился, хотя с деревьев в роще все еще капало. Плечи и руки Мелиор были сведены судорогой и стертые, но, опершись спиной о широкое дерево и закрыв глаза, Правительница не могла не испытывать удовольствия от успеха, которого они добились.

Она не знала, что Мышь подошла к ней, пока не услышала, как посох опустился на землю перед ней с глухим стуком. Она открыла глаза и подняла взгляд, но та уже развернулась и направилась прочь.

— Подожди минутку, Мышь, — крикнула Мелиор.

Гилдрин остановилась, громко вздохнула и повернулась к ней:

— Что вам угодно?

— Чего вы хотите, Правительница? — поправила Мелиор.

Мышь мгновение смотрела на нее.

— Что вам угодно? — повторила она.

Стараясь сдержать свой гнев, Мелиор приказала:

— Присядь.

— Я лучше постою.

— А это не просьба! — оборвала ее Правительница. Нечего тут с ней церемониться. — А теперь — сядь.

Мышь оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, слышали ли все это остальные. Оказалось, что да. Мелиор видела, что несколько охранников, включая Джибба и Премеля,

бросили свои дела и пристально смотрели на Мышь. Та неохотно села.

— Много ли нам еще осталось пройти? — спросила Мелиор.

— Квадов или дней?

— Дней.

Мышь на мгновение поджала губы:

— Дня полтора. Двигаясь в обычном темпе, мы могли бы быть там завтра ночью, но мы движемся так медленно... — Она пожала плечами, не закончив своей мысли.

— Когда мы можем наткнуться на Службу Безопасности Марара? — продолжила Мелиор, не обращая внимания на насмешку.

— Завтра мы дойдем до колючей проволоки и мин. Они начинаются менее чем в кваде отсюда.

— Ты знаешь, как их пройти?

Мышь кивнула.

— А его охранники? Когда мы можем столкнуться с ними впервые?

— Мы, возможно, наткнемся на них, как только наступит полдень. Они обычно не осмеливаются углубиться в рошу дальше, чем на десять квадов. Однако к завтрашней ночи они будут повсюду. — Она ослабилась. — Вот тогда-то и начнется веселье.

Мелиор тоже улыбнулась, борясь с желанием сказать ей еще раз, насколько они похожи.

— Тебе удастся провести нас мимо них? — спросила она.

— Это будет несколько труднее. Я думаю, мы сможем избежать большинства из них, но это нас задержит. — Она посмотрела в сторону. — Расклад таков, что мы не доберемся до дворца к завтрашней ночи независимо от скорости нашего передвижения.

— Ценю твою честность.

Мышь бросила на Мелиор такой взгляд, словно думала, что Правительница над ней насмехается. Но, увидев выражение лица Мелиор, которое было совершенно спокойным, она снова опустила взгляд.

— Не стоит благодарности, — ответила Мышь голосом, который едва перекрывал шум легкого ветерка, раскачивающего ветки над ними.

Мелиор перевела дух, набираясь решимости. Ее следующий вопрос вызовет, вероятно, очередную бурю негодования у Мыши, но задать его все-таки нужно.

— Знаешь, Мышь, — начала она, — если мы наткнемся на людей Марара, нам придется сразиться с ними. Я знаю, что мысль об убийстве кого бы то ни было тебе неприятна, но мне нужно знать, можем ли мы рассчитывать на твою помощь, если дело закончится перестрелкой.

— Существуют способы вывести из строя охранников, не убивая их.

— Я это знаю, — сказала Мелиор. — Но людей Джибба приучили реагировать особым образом. Я велю ему сказать им, чтобы они по возможности старались не убивать, но в разгар боя выработанные в них навыки могут возобладать.

Мышь холодно посмотрела на нее:

— Что ж, значит, мне придется провести вас мимо патрулей так, чтобы вы их вообще не увидели, верно?

— Да, так было бы лучше всего. Но мне все-таки нужен ответ на мой первоначальный вопрос.

— А что вы хотите услышать от меня, Правительница? — спросила Мышь, повышая голос. — Вы хотите, чтобы я сказала, что буду убивать ради вас? Да?

Правительница посмотрела Мыши в глаза, и ни одна из них не отвела взгляда.

— Если не будешь, значит, ты проведешь нас мимо мин и проволоки, а дальше мы проберемся сами.

— Вы знаете дорогу?

— Я довольно четко представляю себе, где находится дворец Марара. Возможно, я не знаю самого быстрого или безопасного пути, но я могу довести нас до туда.

Мышь пожала плечами:

— Если вы этого хотите...

Мелиор закрыла глаза. Эта женщина невыносима.

— Я этого не хочу, Мышь, — сказала она, снова смотря на гилдрина. — Я хочу, чтобы ты провела нас. Но мне нужен прямой ответ.

Мышь на мгновение уставилась на нее, затем оглянулась через плечо на Джибба и его людей.

— Никогда не думала, что придется работать с ПСБ, — тихо произнесла она. Затем снова посмотрела на Правительницу. — До сих пор, насколько я помню, ПСБ была моим врагом. Она была врагом каждого гилдрина в Брагор-Нале.

— Нет, не была, — возразила Мелиор. — Я знаю, что ты так думаешь. Но в последние семь лет это было не так. Я не скажу, что ПСБ была вашим другом, потому что ты мне неверишь. Но уверяю тебя, что с кампанией против гилдринов покончено с того дня, как Джибб стал ее главой. Я в этом убедилась.

— Если бы я сказала, что буду сражаться рядом с вами, вы бы мне поверили?

— Безусловно.

— А генерал?

Мелиор заколебалась, вызвав усмешку у Мыши.

— Понятно, — сказала та.

— Джибб очень беспокоится обо мне, Мышь. Он видит, как ты относишься ко мне, и поэтому ему трудно доверять тебе.

— Это, кажется, не очень вас беспокоит.

— Я понимаю тебя лучше, чем он.

Та подняла бровь:

— Вы думаете, что понимаете меня? — Но прежде чем Мелиор успела ответить, она покачала головой и отвела взгляд. — Не отвечайте. Я точно не знаю, что обеспокоило бы меня сильнее: услышать, что вы не знаете самого главного обо мне, или выяснить, что все-таки знаете.

Мелиор снова улыбнулась, но ничего не сказала.

После непродолжительного молчания Мышь снова посмотрела на нее.

— Не волнуйтесь из-за меня. Если дело дойдет до схватки, я буду рядом с вами.

— Это все, что мне нужно было услышать, — сказала Мелиор. — Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Мышь кивнула, а затем встала:

— Нам нужно поговорить о чем-нибудь еще?

— Нет. Можешь идти.

Та постояла еще мгновение, словно ей не хотелось уходить.

— Ты хочешь что-то обсудить? — спросила Мелиор.

Мышь покачала головой, хотя у Мелиор создалось впечатление, что у той все-таки было нечто на уме. Спустя еще мгновение Мышь повернулась и направилась к остальным.

Мелиор наблюдала за тем, как она уходит, и при этом заметила, что Джибб тоже наблюдает за женщиной мрачным взглядом. После того как Мышь прошла мимо него, он направился к Мелиор. Подойдя к ней, он опустился на колени и стал менять повязку у нее на ноге. Поначалу он ничего не говорил, но Мелиор заметила, как он сердит.

— О чем был разговор? — спросил он, наконец, глухим голосом.

— Мы говорили о Службе Безопасности Марара и о том, чего мы можем ожидать завтра, проходя через рошу.

На мгновение он поднял взгляд, но затем снова переключил внимание на ее ногу.

— Я хочу, чтобы завтра вы держались рядом со мной, просто на всякий случай.

— Не беспокойся, Джибб. Я не допущу, чтобы тебя ранили.

Тот так быстро поднял голову, что Мелиор громко рассмеялась. Лицо его стало пунцовым, и он снова занялся ее ногой.

— Мне нужно было покинуть вас давным-давно, — пробормотал он.

— Кто бы тебя взял?

— Я мог бы отправиться в одно из святилищ Лона и провести остаток жизни клириком.

Она снова засмеялась, и на этот раз он поднял на нее взгляд с усмешкой, дрожащей в уголках рта. Он еще несколько минут молча занимался ее раной, но когда он закончил накладывать свежую повязку, то посмотрел ей в глаза, и в серьезности его взгляда нельзя было усомниться.

— Шутки в сторону, Мелиор, — то, что я недавно сказал, было совершенно серьезно. Я хочу, чтобы вы завтра держались рядом со мной. Я знаю, что вы думаете о Мараре, но, даже если он и дурак, он проявил себя опасным дураком. И как я слышал, его охрана не так уж плоха.

Мелиор кивнула, слегка вздрогнув:

— Хорошо.

Он поднял голову, по-прежнему глядя ей в глаза.

— О чем был разговор с Мышью? Он носил конструктивный характер. Я гарантирую. Что я еще должна сказать?

— Этого будет достаточно, — ответил он, улыбнувшись и поднимаясь на ноги.

Затем он помог ей встать, и они вместе направились к костру, где остальные уже принялись за еду.

Как Мышь и предсказывала, отряд добрался до первых заграждений из колючей проволоки менее чем через час после того, как снялись с лагеря на следующее утро. ПСБ никогда не прибегала к колючке, потому что она была относительно неэффективным сдерживающим средством для любого, кто действительно хотел войти в Наль или выйти из него. Она представляла собой длинную, прочную, но гибкую металлическую проволоку с острыми зубринами. Проходить ее нужно было осторожно; она могла срезать плоть и даже кость при малейшем прикосновении. С другой стороны, огонь из лучемета мог с легкостью прорубить проволоку, и, хотя этот первый барьер состоял из колец, накрученных друг на друга, и, насколько мог охватить взгляд, был растянут вправо и влево, он не представлял особых трудностей для Джибба и его людей.

Опасность, по словам Мыши, заключалась в том, что охранники Марара имели обыкновение дополнять заграждения из проволоки обширными минными полями, которые могли быть шириной в квад. Поэтому вместо того, чтобы идти прямо через проволоку, отряд выжидал некоторое время, пока юная гилдрин шла вдоль края барьера в поисках знака, который бы указывал, где следует проходить.

Охранники с сомнением наблюдали за ней, пока она занималась поисками, но, когда она, наконец, нашла то, что искала, все столпились вокруг нее, чтобы тоже посмотреть на это. Однако они освободили место для Мелиор, позволяя ей протиснуться на костылях.

— Что ты обнаружила? — спросила Мелиор, возвышаясь над Мышью, стоявшей на коленях с чуть заметной улыбкой на губах.

Та подняла взгляд на нее и затем указала на маленький круг из камешков прямо перед проволокой. Никто из них не обратил бы на него никакого внимания. Решили бы, что это случайность. В этом-то и было все дело.

Мышь встала, и, когда охранники расступились, чтобы дать ей пройти, она сделала несколько шагов вдоль проволоки, прежде чем снова присесть на корточки. Мелиор последовала за ней и увидела, что там был выложен второй круг.

— Вот здесь мы и пройдем, — сказала Мышь. — На противоположной стороне должен быть коридор, который позволит нам проскочить минные поля.

Мелиор некоторое время пристально смотрела на камни, качая головой.

— Как люди из Сети смогли это узнать? — прошептала она. — Откуда они получают подобную информацию?

— Не знаю, — ответила Мышь. — Но когда тебе нужна информация, чтобы выжить и защитить свою семью, ты пойдешь на что угодно, чтобы добыть ее. — Она подобрала

камешки и разбросала их в разные стороны, затем вернулась к первому кругу и сделала то же самое. — Не хочу, чтобы люди Марара обнаружили эти круги, когда узнают, что мы прошли через колючую проволоку, — объяснила она. Потом направилась к Мелиор и ее охранникам и остановилась перед ней. — Чего вы ждете? Ведите нас.

— Джибб, — сказала Мелиор, даже не шелохнувшись.

Генерал моментально отдал приказ, и его люди начали прокладывать дорогу сквозь проволоку с помощью лучеметов. Через несколько минут они были на другой стороне и принялись ждать, пока Мышь не найдет ориентиры, оставленные Сетью, которые укажут путь через минные поля Марара. И снова это оказались камни, выложенные парами с каждой стороны тропы через определенные промежутки. И опять они не заметили бы их, если бы не искали.

Они во главе с Мышью и Премелем, которые устремили глаза на землю в поисках ориентиров — он шел с одной стороны тропинки, а она с другой, — постарались пересечь минное поле как можно быстрее. Конец поля был отмечен второй парой кругов, которые Мышь оставила нетронутыми, чтобы можно было найти их по дороге обратно.

В течение оставшейся части утра и первых часов после полудня они наткнулись на еще три проволочных заграждения; все граничили с минными полями. Но теперь, когда люди Джибба знали, что нужно искать, проходы удавалось обнаружить быстрее.

— Думаю, что это — последнее, — сообщила Мышь, обращаясь к Мелиор, после того как они преодолели четвертое минное поле.

— Ты уверена?

— Не совсем. Но если я ошибаюсь, это означает, что мы наткнемся на еще одно заграждение из проволоки. А если я права, это значит, что надо готовиться к встречам с патрулями.

Мелиор посмотрела на Джибба, который, как и обещал, был рядом с ней весь день.

— Тебе лучше предупредить своих ребят.

Он кивнул и, свистнув, махнул рукой, подзывая к себе охранников.

Пока Джибб говорил со своими людьми, Мышь вернула Мелиор ее посох.

— Вам лучше постараться найти способ нести его, — сказала она. — Нам, возможно, понадобится мой лучемет, и я не хочу, чтобы эта штука мешала мне.

— Закрепи его у меня на спине. У Джибба есть веревка.

Через несколько минут они снова тронулись в путь, идя тесной группой, один из них разведывал путь и находился на четверть клада впереди, второй на таком же расстоянии позади, и по одному охраннику шло с каждой стороны, на расстоянии примерно в двести шагов. Они старались идти как можно тише, не теряя при этом в скорости, и, по мнению Джибба, им уже удалось пройти почти десять кладов.

То ли по чистому везению, то ли благодаря их осторожности им удавалось избегать людей Марара большую часть дня. Они не видели никаких патрулей, хотя иногда попадались брошенные обертки от еды и маленькие кострища.

Однако под конец дня вернулся запыхавшийся и взволнованный разведчик, шедший впереди.

— Что случилось? — спросил Джибб, когда тот вытянулся перед ним.

— Патруль, сэр, примерно в половине клада отсюда, направляется в нашу сторону.

Генерал подал знак двум охранникам позвать тех, кто шел по бокам.

— Сколько их? — спросил он, снова повернувшись к разведчику.

— Точно не знаю. Как минимум, полдюжины. Может, и больше.

— В патрулях обычно задействованы двенадцать человек, — сказала Мышь Джиббу. — Десять — с ручными лучеметами и двое — с лучеметами побольше. У всех есть гранаты и кинжалы для ближнего боя.

Брови генерала поползли вверх.

— Спасибо.

— Я так же, как и вы, не хочу, чтобы меня убили, — сухо сказала она.

— Желательно избежать схватки, если удастся, — сказала Мелиор. — Будет гораздо лучше, если мы застанем Марара врасплох.

Джибб кивнул:

— Я тоже так думаю.

Отряд отступал до тех пор, пока они не встретились с замыкающим, а затем направился на запад через лес, двигаясь как можно незаметнее. Некоторое время спустя они услышали голоса далеко позади, но никаких признаков патруля видно не было.

— Отлично, — прошептала Мелиор Джиббу.

Генерал кивнул:

— Ну а вы как, Правительница?

— Прекрасно.

— Вы не устали?

Она сузила глаза:

— Что это у тебя на уме?

— Если мы остановимся и разобьем лагерь, а затем один из патрулей неожиданно нападет на нас, у нас не будет возможности ускользнуть. С другой стороны, если мы продолжим двигаться, то патрули будет легко заметить — им придется зажечь фонарики. Мы заметим, как они идут, по крайней мере, с расстояния в четверть квада. Нам даже не понадобятся разведчики.

— Да, но ведь нам тоже потребуются фонарики.

— Может быть, и нет, — сказал Джибб.

Он указал на небо, и Мелиор, подняв взгляд, увидела неполную луну, проглядывающую сквозь деревья и бурую мглу.

— Этого света нам должно хватить на первые четыре-пять часов темноты, — сказал Джибб. — А вашего камня хватит на остальные.

Мелиор повернулась к Мыши, которая слушала их разговор.

— Ты сможешь довести нас до дворца в темноте?

— Конечно, — ответила она. — Пока я вижу луну, я могу указывать дорогу.

— Хорошо, — сказала Правительница, снова поворачиваясь к Джиббу. — Давай попытаемся.

Отряд чуть не наткнулся на второй патруль перед самым закатом, но все-таки ему удалось избежать и этой неприятной неожиданности. Однако, как и предвидел Джибб, сразу после захода солнца патрули можно было заметить гораздо легче. И хотя луна давала не слишком много света, его вместе с ярко-красным свечением камня Мелиор хватало на то, чтобы не свернуть себе шею, споткнувшись о корни или упавшие ветки. Был момент, когда они оказались между двумя патрулями и им ничего другого не оставалось, как растянуться на земле с оружием, изготовленным к бою. Но когда командиры обоих патрулей поняли, насколько близко они подошли друг к другу, они оба изменили направление движения. Мелиор и остальные подождали, пока их фонарики не удалятся, а потом возобновили продвижение к дворцу Марара.

Мелиор ожидала, что она выбьется из сил задолго до наступления полуночи. Но она чувствовала, что отряд подходит все ближе к дворцу, и, вместо того чтобы испытывать усталость, ощущала волнующий прилив сил, такой же, как и в те времена, когда она была лордом и готовилась к вылазке. «Неудивительно, что столь многие не одобряют изменений, которые я пытаюсь произвести в Нале, — думала она про себя, пробираясь по затененной роще. — Ведь то, что мы сейчас делаем, это так весело».

Через два часа ходьбы после двух патрулей показался дворец. Здание было так ярко освещено, что сначала в роще был виден свет, а потом уже — сам дворец. Но только когда они увидели освещенные окна дворца, Мелиор подала отряду знак остановиться.

— Что вы хотите предпринять? — шепотом спросил Джибб.

Поблизости появился патруль, вынудив Мелиор и остальных броситься на землю и не двигаться, пока он не пройдет.

— Во дворце должен быть подземный ход, — сказала она, как только снова можно было говорить. — Мы войдем через него и пробьемся к комнате Марара.

Мышь покачала головой:

— Не знаю, самое ли это смелое, что я когда-либо слышала, или самое глупое.

Еще один патруль прошел мимо. Им снова пришлось пригнуться.

— Боюсь, что вынужден согласиться, — сказал Джибб.

Мелиор кивнула:

— Я знаю — это кажется безумием, но я убеждена, что все получится. Я не считаю себя ученицей Седрика, но как-то раз он сказал мне то, чего я никогда не забуду. Он сказал, что, когда совершаешь налет на жилище другого человека или его штаб-квартиру — я думаю, это относится и к дворцам тоже, — ты находишься в очень невыгодном положении. Твой противник знает, где что расположено, знает слабые места в системе защиты и сильные стороны предстоящего поля боя гораздо лучше, чем ты. В качестве налетчика твое единственное преимущество заключается в желании и готовности уничтожить здание, на которое нападаешь. Противоположная сторона хочет спасти его — это ее основная цель. Поэтому ты должен использовать гранаты и лучеметы, чтобы разрушить здание. Если ты сможешь это сделать, ты победишь.

— Значит, мы будем уничтожать дворец? — спросил Джибб.

— Мы его с землей сравняем, если потребуется.

Мышь усмехнулась:

— Похоже, предстоит веселенькое дельце.

— Премель, — сказала Мелиор, поворачиваясь к высокому охраннику. — Ты знаешь весь план дворца?

Даже в темноте Правительница видела, как побледнело его лицо, и на мгновение она пожалела, что задала этот вопрос в присутствии остальных. Но ничего уже было не поделать, и он, казалось, тоже это понимал.

— Да, — ответил он низким голосом, между тем как другие охранники с любопытством уставились на него. — Комната Марара на втором этаже в передней части дворца и выходит на сады и Наль. Это место охраняется лучше всего.

— Хорошо, — сказала Мелиор. — Спасибо. — Она смотрела на остальных и улыбалась решимости, которую прочитала в их глазах. Она была не единственной, получающей удовольствие от происходящего. — Поосторожнее там, — сказала Мелиор. — И приглядывайте друг за другом. Я хочу, чтобы вы все вернулись домой.

— Даже я? — спросила Мышь.

Мелиор усмехнулась:

— Да, Мышь. Даже ты.

Поначалу он подумал, что спит. Иногда он все еще видел сны о тех временах, когда он был лордом и действовал в квадрах с лучеметом на поясе и кинжалом в рукаве пальто. Но когда звуки взрывов сделались громче и настойчивее, он начал пробуждаться ото сна. А когда граната взорвалась прямо перед дверью его спальни, он резко сел в постели и стал шарить в ящике ночного столика в поисках лучемета.

Держа оружие в дрожащей руке, он протянул руку к тому же ящику и взял рацию, по которой связывался со Службой Безопасности. Мгновение спустя, однако, он швырнул устройство на пол, так и не нажав на светящуюся красную кнопку. Если перед его спальней взрываются гранаты, что-то, наверное, случилось с Грэггором и Бэйном. И тот, кто мог ответить на его вызов с просьбой о помощи, был либо мертвецом, либо предателем.

Он вылез из постели, чтобы припасть к полу и быть готовым встретить залпом из лучемета любого, кто войдет в дверь его спальни. По крайней мере, он намеревался так поступить.

И только тогда, когда он лежал ничком на полу и его затылок горел от удара о стену, а в ушах звенело, он понял, что взорвалась еще одна граната. В комнате стоял дым, и он

слышал, как вдалеке кричат люди. Время от времени он слышал шипение лучемета, но звук был беспорядочным и редким. Какое бы сопротивление ни оказала его охрана, оно было сломлено.

— Мелиор, — сказал он себе. — Это, наверное, ее дело.

Марар попытался сесть, но не успел пошевелиться, когда кто-то схватил его, вырвал лучемет и рывком поставил на ноги. Сквозь дым трудно было что-либо разглядеть, а перед глазами у него по-прежнему все расплывалось после удара по голове. Но затем люди, которые держали его за руки, стали выводить его из комнаты, и один из них произнес: «Сюда, Правитель». И он понял, что не ошибся.

— Здравствуй, Премель, — выдавил Марар, несмотря на то, что начал кашлять, едва открыв рот.

— Откуда он знает ваше имя, сэр? — спросил другой охранник, на что и надеялся Марар.

— Неважно.

— Я знаю его имя, — сказал Марар, борясь с очередным приступом кашля, — потому что он работал на меня с начала прошедшего лета. Не так ли, Премель?

Охранник ничего не ответил, хотя его хватка стала мучительно жесткой. Теперь они были в коридоре снаружи его комнаты и, направляясь к ступенькам, перешагивали через обломки и время от времени попадающиеся тела. Грэгор тоже валялся на полу, его грудь почернела и была окровавлена, а ничего не видящие глаза уставились в потолок. Губы Марара судорожно дернулись.

Дым рассеялся, а зрение Правителя постепенно прояснялось, и он мог увидеть, что сделали с его дворцом. Почерневшие стены были разбиты. Когда они дошли до лестничной площадки, он увидел, что большинство скульптур уничтожено. Раненые охранники лежали на ступеньках и на полу, но Марар увидел, что только один или двое выглядят мертвыми. Каким-то образом Мелиор и ее люди ухитрились сделать все так, что Марар до последнего момента ничего даже не подозревал о нападении. Он с превеликим удовольствием убил бы их всех, начиная с прекрасной Правительницы, которая должна была быть где-то здесь. Но рядом был лишь Премель, поэтому Марар просто шел за ним, выжидая.

— О чем он говорит, полковник? — спросил наконец второй охранник. — Это все правда?

Марар нашел в себе силы ухмыльнуться.

— Конечно, правда, — сказал он, прежде чем Премель успел ответить. — Почему, потвоему, он такой тихий?

— Сэр? — чуть ли не взмолился охранник.

— Молчать! — приказал Премель. — Вы оба! Просто закройте рты! Правительница! — крикнул он, перегнувшись через перила. — Он у нас в руках!

— Мы идем, — крикнула в ответ Мелиор.

— Нелегко быть предателем, не так ли Премель? — тихо спросил Марар. — Предать свою Правительницу, своего генерала и даже тех, кто с тобой служит. Наверное, это очень трудно.

Марар слышал шаги на первом этаже, приближающиеся к ступенькам. Он видел стеклянные двери — теперь, конечно, разбитые, — ведущие в его сады, и он почувствовал странную волну облегчения от того, что с ними ничего не случилось. Премель смотрел вперед, лицо его было пунцовым, но оно совершенно ничего не выражало. Второй парень, молодой охранник с квадратной челюстью, массивными руками и толстой шеей, уставился на Премеля так, как может смотреть мальчик на отца, узнав, что тот — убийца. Он стал держать руку Марара так слабо, что Монарх даже некоторое время подумывал о том, чтобы вырваться и схватить лучемет охранника. Но Премель сжимал вторую руку Марара так, словно думал, что это его горло. Любая попытка, которую бы предпринял Правитель, чтобы вырваться, дала бы Премелю повод, которого тот искал, чтобы убить его.

Поэтому Марар продолжал говорить. Это, как-никак, удавалось ему лучше всего.

— Сколько золота я тебе уже передал, а, Премель? Я не помню. Уж точно хватит на то, чтобы купить себе...

Прежде чем он успел выговорить остальное, Премель впечатал свой кулак ему в лицо. Колени Правителя подогнулись, и он бы упал, но Премель по-прежнему держал его за одну руку, а молодой охранник — за другую. Премель снова ударил его, и Марар почувствовал, как у него из носа потекла кровь.

— Премель, не надо! — услышал он крик Мелиор. Навстречу им теперь бежали люди, перепрыгивая через ступеньки. Но они обязательно бы опоздали. Премель убил бы его, прежде чем остальные успели бы до них добежать. В светлых глазах охранника сверкала ярость, и он уже замахнулся, чтобы в очередной раз ударить Марара. Монарх вздрогнул и закрыл глаза.

— Прекратите, полковник! — сказал молодой охранник.

Снова открыв глаза, Марар увидел металлический блеск лучемета охранника. Тот направил его на Премеля, который, дрожа, уставился на оружие расширившимися глазами. Остальные охранники собрались вокруг них, подошла и какая-то молодая темноволосая женщина.

— Все в порядке! — крикнула Мелиор охраннику с лучеметом, когда поднялась по ступенькам в сопровождении какого-то гиганта, судя по всему Джибба. А затем Марар заметил нечто, отчего у него голова пошла кругом: она была на костылях. Мелиор сделала все это с ним, и в то же время она была на костылях. На Марара накатила волна тошноты.

— Нет, Правительница, — сказал охранник, когда Мелиор остановилась перед ними. — Не все в порядке. По словам Правителя Марара, полковник — предатель.

Остальные охранники уставились на Премеля так же, как и молодой. Только Мелиор и Джибба, казалось, не встревожила эта новость.

— Вообще, — сказала Мелиор, тонко улыбаясь и бросая пристальный взгляд на Марара, — Марару только кажется, что это правда. Премель пришел к генералу и ко мне сразу же после того, как Марар связался с ним в первый раз. Он взял золото Правителя только лишь потому, что мы ему велели.

У Марара отвисла челюсть. Она лжет. Он знал это, так как выражение лица Джибба было таким же, как его собственное. Но у охранников не было причин сомневаться в ее словах.

Спустя мгновение молодой охранник опустил оружие.

— Приношу свои извинения, полковник, — сказал он.

Премель что-то пробормотал, чего Марару не удалось разобрать. В тот момент ему вообще было на это наплевать.

— Ты лжешь! — сказал Монарх, и его слова казались криком отчаяния и звучали, как он знал, неубедительно. — Премель предал тебя! Он предал вас всех!

Мелиор рассмеялась:

— Если он это сделал, зачем же мне брать его на такое задание?

Марар раскрыл рот, затем закрыл его и с такой силой сжал кулаки, что стало больно костяшкам пальцев.

— Премель, возьми с собой людей и прочешите до конца дворец. А мы с Джиббом отведем Марара в какой-нибудь тихий уголок, где и поговорим.

Премель кивнул с выражением глубокой признательности в глазах:

— Слушаюсь, Правительница.

— Я бы хотела присутствовать при этом, если можно, — сказала темноволосая женщина.

Мелиор смотрела на нее несколько секунд, а затем кивнула:

— Пожалуйста.

Джибб схватил Марара за шиворот и вместе с Мелиор и молодой женщиной, идущими позади, направил Марара в одну из комнат в другом конце коридора. После того как женщина закрыла за ними дверь, Джибб толкнул Марара, и тот растянулся на роскошном

диване. Но вместо того чтобы подойти к нему, чего и ожидал Марар, генерал повернулся к Мелиор.

— Как вы могли так поступить? — возмутился он. — Как вы могли лгать?

— Я не хочу унижать Премеля, — спокойно ответила она. — И уж конечно, я не собираюсь позволять ему, — она кивнула на Марара, — решать, когда и вообще стоит ли говорить о дурных поступках Премеля остальным. Это решать мне и никому другому. Даже не тебе, Джибб.

— Так значит, это правда, — прошептала темноволосая женщина.

— Которая не должна выйти за пределы этой комнаты, Мышь, — сказала Мелиор, мельком взглянув на нее.

Та наклонила голову.

Правительница на костылях подошла к Марару:

— А что до тебя, Правитель, я бы сказала, что тебе повезло, потому что мы с Джиббом подросли вовремя. А не то Премель мог бы тебя убить.

Он медленно сел и покачал головой:

— Ситуация была под контролем. Тот молодой охранник был готов казнить его как предателя, пока ты не рассказала свою маленькую басню.

— Ну что ж, значит, ты счастливчик, — сказала она холодно. — Потому что, если бы это произошло, я бы убила тебя на месте.

Марар тонко улыбнулся:

— Я не знал, что ты так о нем беспокоишься. Неужели он твой любовник? Надеюсь, что нет. Это бы жутко меня разочаровало. Ведь я, сидя здесь, строил такие изумительные планы относительно тебя и твоей молодой подруги.

Он взглянул на Мышь, и его улыбка стала еще шире.

— Что он только что сказал? — спросила та, делая шаг вперед.

Мелиор вытянула руку, останавливая ее:

— Успокойся, Мышь. Он надеется на какую-нибудь реакцию. Поэтому не показывай ее.

— Мышь, — повторил Марар. — Какое очаровательное имя. Ты — любимое животное Правительницы? Она поэтому взяла тебя с собой?

— Нет, свинья ты разэтакая. Я была ее проводником. Это я провела ее через проволоку и минные поля.

Мелиор закрыла глаза:

— Мышь...

— А, теперь я понимаю, — сказал Марар. — Действительно, есть только одно объяснение. Кто бы еще смог помочь Мелиор в таком деле? Ты гилдрин, член Сети.

Мышь усмехнулась:

— Собственной персоной.

— Уж я не забуду наказать наших гилдринов за участие в этом деле.

Ее улыбка исчезла так же быстро, как появилась.

— Они никакого отношения к этому делу не имеют.

— Никакого? — спросил он, поднимая бровь. — В это очень трудно поверить. Кто показал тебе проход через мои минные поля? Кто рассказал тебе, как избежать патрулей? Только Сеть Стиб-Наля могла сделать все это. И они еще поплатятся.

— Ах ты, ублюдок! Если ты...

— Тихо, Мышь! — сказала Мелиор. — Он не сможет никого наказать. Его дни как Правителя сочтены.

— Я в этом сомневаюсь, — возразил он. — После того как Вирсия узнает, что ты сделала сегодня, она исключит тебя из Совета. Она ненавидит гилдринов даже больше, чем...

Удар был нанесен так быстро и с такой силой, что ему потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять, что она ударила его толстым концом одного из костылей.

— Есть ли что-нибудь, что ты не в состоянии превратить в оружие? — спросил он, потирая ссадину, которая уже начала проявляться у него на скуле.

— Если Вирсия выступит против меня, — сказала Мелиор, — я сделаю Джибба Правителем Стиб-Наля, и она никогда не получит еще одного голоса. — Мелиор покачала головой, а ее зеленые глаза были прикованы к его глазам. — Но я уверена, что до этого не дойдет. Она знает о Шивонн и о покушениях на мою жизнь. Что бы я ни решила сделать с тобой, она это одобрит. Поэтому сейчас я пытаюсь решить, что же это будет. Джибб вот хочет тебя убить, так же как и Премель. — Она ухмыльнулась. — И ты не сделал ничего, чтобы превратить Мышь в союзника.

Ему в голову пришла еще одна насмешка, но внезапно Марар почувствовал себя не так самоуверенно, как несколько мгновений назад.

Он облизал губы:

— Договор запрещает смертную казнь в подобных случаях.

— Забавно, что ты вдруг так забеспокоился обо всяких договорах. Ведь ты игнорировал Договор большую часть года.

— Да, но...

— Как я уже сказала тебе, Марар, если я решу тебя убить, Вирсия возражать не станет. Хотя я сделаю Джибба гораздо счастливее, если передам тебя ПСБ.

Генерал зловеще осклабилась, и Марар вздрогнул.

— С другой стороны, — сказала Мелиор, — я также не прочь подумать о простой ссылке в Абборидж.

Он уставился на нее:

— В самом деле?

— Я хочу знать, как ты получаешь золото из Тобин-Сера.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

На этот раз он успел заметить, откуда последует удар, хотя и не мог предотвратить его. Ее хромированный костыль описал дугу и, угодив ему в висок, отправил его на пол.

— Подними его, — услышал он голос Мелиор.

Мгновение спустя Джибб схватил Марара и посадил его на диван, словно он был ребенком.

— Кто дает тебе золото, Марар? И что они получают взамен?

Он сглотнул. За сегодняшний день его били столько, сколько не били в самые первые дни в квадах, а тогда ему было гораздо легче переносить побои.

— Ты должна понять, — сказал он, — они пришли ко мне первыми...

Она ударила его в третий раз, и он снова очутился на полу.

— Не лги мне, Марар, — сказала она скучающим тоном, когда Джибб поднял его и снова толкнул на диван. — Кто бы додумался обратиться к тебе. Сейчас мне плевать, как все это началось, и я не хочу слушать очередную ложь. Или ты отвечаешь на вопрос, или я оставлю тебя ненадолго с Джиббом наедине. — Она ласково улыбнулась. — Он не так добр, как я.

Генерал вытащил кинжал из-за пояса и начал поигрывать им, не сводя глаз с Марара.

— Хорошо! — сказал Правитель. — Хорошо! — Он перевел дух. Он мечтал о богатстве и власти, но, кажется, теперь у него очень мало шансов. А при таких условиях ссылка в Абборидж представляется довольно привлекательной.

— Оно — от их Храмов Детей Богов, как они себя называют. — Он облизал губы и посмотрел в сторону. — А взамен я посылаю им оружие.

— О боги! — выдохнула Мышь.

— Примерно так я себе это и представляла, — сказала Мелиор. — Она повернулась и направилась к двери, а Мышь пошла следом. — Бери его с собой, Джибб. Пора нам выбираться отсюда. Вызови мой воздушный транспорт — обратно пешком идти я уже не смогу.

Джибб снова схватил его за шиворот и заставил подняться с дивана.

— Могу я хотя бы взять с собой кое-какие вещи? — крикнул Марар вслед Мелиор. —

Могу я взять хотя бы немного золота?

Она остановилась в коридоре:

— Золота? Что ты будешь с ним делать в тюрьме?

— Н-но ты сказала, что меня сошлют, если я скажу тебе все.

— Я солгала. — Она продолжала идти к лестнице. — Будь благодарен, что я тебя вообще не убила, — крикнула она через плечо. — Я бы с радостью это сделала, но Мышь заставила меня пообещать не делать этого.

— М-да, — протянула Мышь, даже не оглядываясь на него. — Сейчас я об этом жалею.

26

Я пишу вам от имени Орлиного Магистра Джарида и всех членов Ордена, чтобы попросить у вас помощи в борьбе с серьезной угрозой безопасности Тобин-Сера. Я знаю, что Орден и Храм долгое время были соперниками, и сожалею об этом так же, как и Орлиный Магистр. Отношения Ордена с Лигой Амарида тоже были напряженными, и тем не менее в тот момент, когда я пишу это послание, Орлиный Магистр находится вместе с Первым Магистром Эрландом и Орлиным Мудрецом Кайлин в поездке, имеющей чрезвычайное значение. Возможно, это даст вам представление о том, насколько мы все обеспокоены возвращением Сартола.

Я знаю, что вы будете обсуждать этот вопрос со жрецами ваших Храмов. Вне всякого сомнения, вам придется преодолевать сопротивление многих, если вы решите присоединиться к нашему делу; Орлиному Магистру Джариду и мне пришлось делать то же самое, прежде чем обратиться к вам с подобной просьбой. Но я прошу вас не откладывать ее обсуждение. Я боюсь, что Сартол скоро прибегнет к использованию своих широких возможностей против народа Тобин-Сера.

*от Первой Помощницы Премудрого Ордена Магов и Магистров
Элайны Бревилу, Верховному Жрецу Детей Богов, весна, год 4633*

Таммен стояла перед ним на равнине, ее шелковистые волосы развевались на ветру, а на губах замерла легкая улыбка. Он видел светлый огонь Сартола, слабо горевший в ее глазах, подобно костру, который был оставлен догорать на ночь, но ему было наплевать на это. Она была там, с ним. И когда она движением плеч сбросила плащ, который упал на траву, а затем стянула блузку через голову и сняла брюки, являя совершенной формы грудь и плавный изгиб бедер, он не мог ничего поделать, нежели устремиться вперед и заключить ее тело в свои объятия. Однако в тот момент, когда он оказался рядом с ней и ощутил ее мягкую кожу на своих руках и плечах, и прикоснулся к ее шее губами, он услышал, как она смеется голосом Сартола и, внезапно вспыхнув столбом пламени, сжигает его. Огонь. Повсюду только огонь.

Вздвигнув, Нодин проснулся и, открыв глаза, увидел низкий дощатый борт телеги и ее парусиновую крышу. Солнце светило сквозь полог леса Тобина, отбрасывая неправильной формы тени на ткань. Он слышал пение птиц на фоне стука копыт пахотной лошади и дребезжание повозки; он с усилием приподнялся, опершись на руку, и оглядел из своего укрытия лес и дорогу, по которой они ехали.

— Ты опять видел сон, — сказала Янзе, обернувшись с козел.

— Да.

— О своей подруге? О той, которую забрал Сартол?

Целительница не проявляла особой теплоты к нему во время поездки и задавала довольно бестактные вопросы, наподобие этого, почти каждый день. Но она спасла ему жизнь, и она покинула свою деревню и своих родственников по первой его просьбе лишь для того, чтобы помочь ему найти Таммен. Хоть он и очень хотел сказать ей, чтобы она

занималась своими собственными делами, он не мог заставить себя сделать это. Несомненно, она знала это так же, как и он, поэтому и задавала подобные вопросы с самого начала.

— Да, — ответил он, наконец. — Мне снилась Таммен.

— Ты любил ее?

— Где мы, Янзе? Скоро ли мы доберемся до гор Парне?

Она повернулась и посмотрела на него:

— В чем дело, маг? Ты устал от моего общества?

Нодин усмехнулся и поглядел в сторону, покачивая головой:

— Мне просто не терпится попасть в Амарид.

— Мне тоже, — сказала она, и ее лицо стало серьезным.

Она отвернулась, а Нодину стало неловко за свою неблагодарность и бестактный ответ.

— У тебя дома осталась семья? — спросил он.

Она снова взглянула на него, и луч солнца упал на ее седые волосы.

— Мы вместе почти уже две недели, и тебе вдруг стала интересна моя семья?

— Нет, не вдруг. Мне это было интересно с тех пор, как мы выехали. Но я не был уверен, хочешь ли ты, чтобы об этом спрашивали.

— А сегодня, значит, я дала тебе каким-то образом понять, что хочу поделиться подробностями своей жизни?

Маг пригорюнился:

— А вы трудная в общении женщина, целительница.

Это заставило ее улыбнуться.

— Спасибо, маг.

Нодин засмеялся, и это вызвало сильную боль. Видя, как он морщится, Янзе щелкнула языком и натянула поводья, останавливая лошадь.

— Пора менять примочки, — сказала она, залезая в телегу и становясь на колени рядом с ним. Ее лоб был наморщен, что бывало всегда, когда она занималась своим ремеслом, и Нодин видел обеспокоенность в ее глазах. Некоторые его ожоги заживали плохо. Она сказала ему об этом за ночь до этого дня. А сейчас, когда она осторожно сняла повязки с его спины, она громко выдохнула сквозь зубы.

— Стало хуже? — спросил он.

— Да. — Она снова щелкнула языком и перевела дух. — Я бы хотела найти какого-нибудь мага, прежде чем отважиться углубиться в горы. Тебе нужен более сильный целитель, чем я.

— Все маги сейчас в Амариде.

— Не все. Фарреку ведь повезло найти тебя, не так ли?

— Я думаю, что повезло как раз мне.

— Наверное, — сказала она. — Ты мог бы снова попытать удачи. Нам нужно найти свободного мага.

— Вы можете сказать мне, где мы?

Она накладывала новые повязки на его ожоги и теперь остановилась.

— Я бы сказала, что мы не более чем в двух днях пути от гор и, возможно, в двадцати лигах от самого северного водопада Реки Четырех Водопадов.

Нодин почувствовал щемящее чувство в груди и некоторое время молчал. Он, Таммен и Хенрик были здесь поблизости ранней весной.

— Я хорошо знаю этот район, — сказал он ей наконец. — Поверните к реке, когда будет возможность. Вдоль берега расположено несколько свободных городов.

— Хорошо, — ответила она и снова занялась его спиной. — Нам все равно нужно раздобыть еще еды.

Через несколько минут Янзе вернулась на свое место и велела лошади трогаться в путь. Спустя примерно час они добрались до развилки и направились к реке. В конце концов, Нодин задремал; казалось, он делал это все время, когда целительница не занималась его ожогами и не кормила его.

Когда он снова очнулся, солнце по-прежнему стояло высоко в небе, но шум реки подсказал ему, что они проехали немало, пока он спал.

— Мы приближаемся к деревне, — сообщила целительница, повышая голос, чтобы перекрыть рев реки. Он точно не знал, как ей это удастся. Она никогда и слова не произносила, чтобы разбудить его, но она никогда не позволяла ему долго лежать молча после того, как он проснется. Тем не менее он ни разу не видел, чтобы она повернулась и посмотрела, открыты ли у него глаза.

— Спасибо, — прошептал он, моргая, чтобы прояснить зрение, и зевая при этом. Она все время предупреждала его, когда они приближались к какой-нибудь деревне. Это было единственной любезностью, которую она оказывала ему с самого начала. После встречи с Сартолом он не видел себя в зеркале, однако во всех местах, где они проезжали, люди с таким ужасом смотрели на него, что не оставалось никаких сомнений в том, как сильно его обезобразили ожоги. С этим он ничего не мог поделать. Самые страшные ожоги у него на лице были перевязаны; если его лицо закрыть еще хоть немного, он не сможет нормально видеть и дышать. Но он все-таки был благодарен за такую реакцию случайных людей. Он хотя бы мог подготовиться к тому, что увидит в глазах тех, с кем им предстояло встретиться.

Как оказалось, в этой деревне не было свободных магов. Однако жители упомянули, что видели группу из трех магов менее двух недель назад. Большинство считало, что эти маги — все они были мужчинами — направлялись на юг. После того как Нодин и целительница уговорили хозяина гостиницы дать им немного еды, Янзе направила повозку обратно на лесную дорогу и поехала на юг по течению реки к следующей деревне.

Стемнело раньше, чем они успели добраться до нее, и им пришлось остановиться на ночь в лесу. Но с первыми лучами солнца они снова тронулись в путь и доехали до второй деревни еще до полудня. И опять жители сказали, что видели недавно группу свободных магов, но те уже ушли.

— Прошло всего несколько дней, не больше, — прошептала беззубая старуха. — Кажется, они направились на юг. Там много свободных городов. Это я им и сказала. — А затем, взглянув на лицо Нодина и наморщив нос, добавила: — Уже пора менять эти примочки, вам так не кажется?

На мгновение Нодин испугался, что Янзе слезет с повозки и расквасит старой карге нос, но вместо этого она улыбнулась, а затем щелкнула языком лошади. Но большую часть дня она тихо ворчала обо всяких назойливых старухах, которые ничего не смыслят в целительстве.

К исходу дня они еще не добрались до следующей деревни. Солнце исчезло за вереницей темных серых облаков, из-за чего стало казаться, что скоро наступит закат, хотя в действительности до него было не так мало времени. Янзе погрузилась в молчание, однако постоянно оглядывалась на Нодина. Маг попытался заснуть, но впервые это ему не удалось.

Они все еще ехали вдоль реки, а так как Нодин лежал, ему было трудно различить какие-либо звуки на фоне шума воды. Поэтому, когда он услышал какие-то голоса, поначалу не обратил на них внимания, решив, что это — плод его воображения.

Но когда Янзе сказала: «Да славится Арик», и велела лошади остановиться, он понял, что слышал голоса на самом деле.

— Что случилось? — спросил он.

Она слезла с телеги, улыбаясь во весь рот.

— Маги, — ответила она. — Их двое.

Она окликнула их, сделала несколько шагов вниз по дороге, и он потерял ее из вида. Он слышал, как они ответили, но не мог разобрать ничего из того, что было сказано. Через несколько секунд он услышал шаги около телеги, а затем Янзе появилась с задней стороны повозки с двумя мужчинами, и они стали внимательно смотреть внутрь, под парусиновый навес.

Один из них был молодым человеком с вьющимися желтыми волосами, на плече у него сидел худой серый ястреб, а посох был увенчан светло-зеленым камнем. В Тобин-Сере было

мало свободных магов, но Нодин был уверен, что никогда раньше не видел этого человека. Однако его спутника Нодин узнал. Его звали Ортан, и, хотя седых волос у него стало больше, чем было, когда Нодин видел его в последний раз, он почти не изменился. Он по-прежнему был внушительным мужчиной с широкими плечами и квадратной челюстью, длинными волосами и темными карими задумчивыми глазами. И на его плече все еще сидел Ястреб Амарида. Свободный маг с Ястребом Амарида. Все они воспринимали это как знак того, что боги одобряют их Движение, а Ортан стал лидером бесплащовых магов.

При обычных обстоятельствах Нодин был бы несказанно рад его видеть. Но пристальные взгляды магов, шокированных его ожогами, заставили его чувствовать себя неловко, а если бы Ортан узнал Нодина, тот бы почувствовал себя униженным.

— О боги! — прошептал молодой маг, увидев раны Нодина. — Кто мог сделать такое?

Ортан положил руку ему на плечо:

— Успокойся, Шэви. — Он забрался в повозку и улыбнулся Нодину. — Здравствуй, друг. Меня зовут Ортан. Целительница попросила меня помочь вылечить твои раны. И если ты не возражаешь, я бы хотел снять твои повязки и посмотреть, могу ли я что-нибудь сделать.

— Конечно, — ответил Нодин, избегая пристального взгляда Ортана, — Спасибо тебе.

Ортан стал снимать повязки и примочки со спины Нодина и действовал он почти так же искусно, как Янзе.

— Цвет твоего камня кажется мне знакомым, друг, — сказал темноволосый маг, занимаясь его спиной. — Мы раньше встречались?

Нодин закрыл глаза.

— *Неужели мое лицо и вправду так изуродовано?* Я в этом сомневаюсь.

— Ну а как тебя зовут?

— Простите, — сказал Нодин надтреснутым голосом. — Я бы предпочел не отвечать.

Он услышал, как Ортан выдохнул:

— Понимаю. Прости меня.

Нодин заплакал, и от слез начали болеть ожоги на лице. Таммен пропала, Хенрик мертв. У него больше не осталось друзей в этом мире. А сейчас этот человек предлагал ему дружбу и проявлял к нему доброту, а он мог лишь думать о том, как ему стыдно из-за своего уродства.

— Это я, Ортан, — прошептал он спустя несколько минут. — Нодин.

Маг перестал заниматься его спиной.

— Нодин? — Он пересел, чтобы посмотреть Нодину в лицо. Он выглядел так, словно нашел потерянного брата. — Это ты. — Он медленно покачал головой. — Просто невероятно. А мы с Шэви тут недавно одного из твоих друзей встретили.

Нодин похолодел.

— Кого? — спросил он, дрожа.

Ортан нахмурился:

— Женщину. — Затем повернулся к своему молодому спутнику: — Как ее звали, Шэви? Ты помнишь? Я помнил это в тот день, когда мы ее встретили, но...

— Таммен, — сказал Нодин, прежде чем Ортан успел закончить.

Ортан снова посмотрел на него:

— Да. Правильно. Таммен. Она сказала, что вы путешествовали вместе, но потом разделились из-за несогласия по поводу того, как дальше должно действовать Движение.

Нодин снова плакал. Простое упоминание ее имени вслух причинило ему гораздо более сильную боль, чем то, что она — точнее Сартол — сделала с ним. Но узнать, что другие видели ее и говорили с ней о нем, это уже слишком.

— Она вам солгала, — сказал он сквозь рыдания, которые сотрясали его тело, причиняя боль. — Точнее, он.

— Он?

— Сартол.

У Ортана расширились глаза.

— Предатель?

— Да. Он... он внутри нее. Он контролирует ее разум и тело.

Ортан взглянул на Янзе, которая все еще стояла позади телеги. Целительница в ответ пожала плечами.

— Ты думаешь, я сошел с ума.

Ортан снова посмотрел на него. Он по-доброму улыбался ему, но Нодин заметил следы сомнения в его глазах.

— Я думаю, что тебе через многое пришлось пройти, — сказал маг, и, казалось, он с осторожностью выбирает каждое слово. — Ты сильно пострадал. У тебя лихорадка. И мне кажется, что ты к тому же горюешь, хотя я точно не знаю почему.

— Я горюю, — ответил Нодин сквозь слезы, потому что женщину, которую я любил, забрали у меня и потому что мой самый близкий друг мертв.

— Какой друг?

— Хенрик. Сартол убил его так же, как пытался убить и меня. А сейчас он держит путь в Амарид. Насколько я понимаю, он уже там.

— А ведь она и сказала, что направляется туда, — вставил Шэви, пристально глядя на Ортана. — А вдруг он прав? Что, если это действительно Сартол?

Ортан провел рукой по лицу:

— Тогда, возможно, мы тоже потеряли друга.

Нодин переводил взгляд с одного на другого:

— Что вы имеете в виду?

— Мы путешествовали с еще одним магом, — ответил Ортан. — Его звали Хивел. Он ушел вместе с твоей подругой Таммен и согласился сопровождать ее в город Первого Мага.

— *Ушел вместе...* — Нодин ненадолго закрыл глаза, борясь с нахлынувшей ревностью. — *Наверное, я сошел с ума. Она умерла. А Хивел просто еще одна жертва, а не соперник.* Надеюсь, ваш друг переживет это путешествие.

— Неужели что-либо подобное возможно?

Ортан снова посмотрел на него, и взгляд его был таким, каким рассматривают незнакомое растение или драгоценный камень неизвестной стоимости.

— Затрудняюсь ответить, — признал он. — Таммен действительно вела себя странно, когда мы встретили ее, но я не заметил никаких признаков того, что ее контролирует Сартол. С другой стороны, у меня нет никаких оснований сомневаться в словах Нодина, а раз так, то она опасна, независимо от того, контролирует ли ее Сартол или нет.

— Говорю же, она у него в руках. В противном случае она бы не сделала со мной такого.

— Так или иначе, Ортан, — сказал Шэви, — мы должны пойти вслед за ней. Ради Хивела.

Тот кивнул:

— Дай-ка я закончу осматривать раны Нодина, и затем мы сможем отправиться в путь.

Нодин схватил его за руку:

— Я должен пойти с вами, Ортан. Прошу тебя.

— Дай я сначала посмотрю, чем смогу помочь тебе. Если это действительно Сартол, нам нужно спешить. И тебе, возможно, подобное путешествие окажется не по силам.

Нодин еще мгновение не отводил глаз от его пристального взгляда, затем кивнул и опустил глаза. Ортан был прав, конечно. Кто мог знать, что у Сартола на уме относительно жителей Амарида?

В конце концов Ортану удалось сделать довольно много, чтобы облегчить Нодину боль и избавить от воспаления, которым была охвачена глубокая рана у него на спине. На это ему потребовался весь день и еще несколько часов после наступления темноты. И ему пришлось позвать на помощь Шэви. Ожоги были серьезными и покрывали почти все тело Нодина, а жар, казалось, не хотел отступать. Но вместе обоим магам все-таки удалось вылечить

Нодина.

— Мне бы так хотелось сообщить тебе, что шрамы исчезнут, Нодин, — произнес Ортан после того, как они закончили. Нодин лежал возле слабо горевшего костра, наслаждаясь его теплом, чего он не мог делать с той ночи на Северной равнине. — Некоторые из них начали постепенно пропадать, и я надеюсь, что некоторые другие тоже исчезнут со временем. Но большинство шрамов останется. Ты никогда не будешь выглядеть, как прежде. Извини.

— Не нужно извинений, — сказал Нодин. — Ты сделал для меня больше, чем я мог попросить. А шрамы эти будут напоминать мне о том, что моя любовь к Таммен возобладала над здравым смыслом и дружбой с Хенриком.

— Как все это случилось, Нодин? Как Сартолу удалось подобраться так близко к Таммен, чтобы сделать с ней такое?

Нодин сглотнул, обнаружив, что ему трудно смотреть Ортану в глаза:

— Мы сами пришли к нему. Таммен считала, что нам нужно каким-то образом усилить Движение. У Ордена и Лиги больше магов, чем у нас, а у Храмов появилось оружие. Нам тоже нужно было что-нибудь придумать. Она предложила отправиться к Неприкаянным, чтобы узнать, не могут ли они нам помочь. Мы начали с Передура, который был Первым Помощником Премудрого, но он отказал нам. Тогда Таммен предложила пойти к Сартолу.

— Но почему? Она разве не знала, что он делал в течение своей жизни?

— Она из Вотерсбанда, — ответил Нодин. — Она...

Ортан поднял руку и покачал головой:

— Ясно. Не надо больше ничего говорить. Я понимаю.

— Она действительно верила, что он нам поможет. В противном случае она бы такого не сделала.

Ортан по-доброму улыбнулся:

— Я в этом не сомневаюсь, — Он слегка сжал руку Нодина и встал. — Теперь тебе нужно отдохнуть. Нам с Шэви — тоже. Надеюсь, что, проспав ночь, ты будешь готов к пути.

— Значит ли это, что вы берете меня с собой в Амарид?

Ортан осклабился:

— А можно ли тебе помешать?

— Нет, — ответил Нодин, улыбаясь. — Спасибо, Ортан.

Маг кивнул, перешел на другую сторону костра и прилег.

Нодин закрыл глаза и стал слушать потрескивание пламени, чувствуя, как ему все больше хочется спать. Но прежде чем погрузиться в сон, он услышал чьи-то шаги. Открыв глаза и повернувшись, он увидел, как Янзе забирается в телегу.

— Целительница, — позвал он.

Она подошла к нему:

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, все в порядке. Но я хотел поблагодарить вас за все, что вы сделали. Если бы не ваша забота и эти дурно пахнущие примочки, я бы умер, прежде чем Ортан с Шэви успели бы помочь мне. Я обязан вам жизнью.

Она пожала плечами и моментально отвела взгляд:

— Ты обязан жизнью Фарреку. Это он тебя нашел.

— Вы спорите со всеми своими пациентами, целительница? Или только со мной?

Несколько секунд она не отвечала, и Нодин стал бояться, что обидел ее. Но затем она отвела взгляд, и в уголках рта у нее задрожала кривая усмешка.

— Я спорю со всеми, маг. Даже если они не мои пациенты. Такой уж у меня характер.

Нодин улыбнулся:

— Рад это слышать.

Некоторое время они сидели молча, а затем Янзе наклонилась вперед и положила руку ему на лоб:

— Жар прошел.

— Да.

— Ты по-прежнему считаешь, что Сартол сделал все это с тобой и что твоя подруга под полным его контролем?

— Я в этом уверен, — ответил Нодин. — Клянусь жизнью моего друга Хенрика, которого он убил.

Она задрожала, словно подул холодный ветер:

— Я надеялась, что это не так. Я бы предпочла совершить это путешествие безо всякой причины, вместо того чтобы узнать, что все это правда. — Она покачала головой. — Да хранит нас всех Арик.

Он хотел сказать что-нибудь, чтобы успокоить ее. Он хотел сказать ей, что они найдут способ остановить Сартола. Но он испытал на себе силу огня призрака и видел, с какой легкостью тот подавил Таммен и убил Хенрика. Поэтому он ничего не ответил. Лжи она не заслуживала.

Янзе побыла с ним еще минуту или две. Затем поднялась и направилась к повозке.

— Спокойной ночи, маг, — сказала она, прежде чем забраться в телегу. — Рада, что вам лучше.

«Мне не лучше, — чуть не сказал он. — Я снова здоров, благодаря вам, Ортану и Шэви. Однако мне не будет лучше, пока Таммен не освободится от Сартола». Но он опять придержал язык. Это его бремя, а не ее. И она сделала для него все, что было в ее силах.

Это началось, как самая обычная простуда. Небольшой жар, и из носа немного текло. А два дня спустя она уже лежала в постели не в силах пошевелиться. Линвен плохо разбиралась в лечении, но хорошо знала свое тело. И она поняла, что это было началом конца. Заболевание, которое бушевало внутри нее последние полгода, сделало свое дело и настолько ослабило ее, что эта пустяковая болезнь, эта несчастная простуда могла ее прикончить. Она уже давным-давно смирилась с неизбежностью своей смерти, но подобная ирония судьбы оказалась ей не по силам.

Она больше ни о чем не беспокоилась, если не считать того, что ей очень хотелось успеть увидеть Кайлин в последний раз. Все остальное не имело значения. Не орлы, не оружие или леса. Только Кайлин. У Линвен не было собственных детей, но сейчас, незадолго до смерти, она поняла, что значит быть матерью.

Ей теперь совершенно надоели целители, и именно это она сказала им в то утро, отказываясь окончательно от всех их услуг. Они просто пытались облегчить хоть как-нибудь ее страдания и отсрочить по возможности смерть на день или два. Это все, что они могли сделать, но она отказалась от этого. Вне всякого сомнения, они посчитали ее поступок глупым, и ей пришлось признать, что, если она действительно хотела снова увидеть Кайлин, ей бы не помешала их помощь. Но сейчас она не хотела иметь ничего общего с ними.

Она сидела в постели, опираясь на подушки, которые они принесли ей, и следила за тем, как за единственным в комнате окном проходит день. И она ждала, что придет Кайлин и она сможет тогда умереть спокойно. Ее завтрак стоял нетронутым на маленьком столике у кровати и около него жужжали две большие мухи.

В конце концов, Линвен погрузилась в сон, который был прерван стуком в дверь.

— Дайте мне поспать, — сказала она, снова закрывая глаза.

— Линвен, пожалуйста, — раздался в ответ мужской голос. — Это Бревил. Мне нужно поговорить с тобой.

— Я умираю, Бревил. Ты что, не можешь оставить меня в покое?

Дверь отворилась, и в комнату вошел Верховный Жрец с обеспокоенным выражением круглого лица.

— Боюсь, что нет. Не сейчас.

— Убирайся отсюда! — сказала она, наклоняясь вперед с усилием, которое заставило ее захрипеть. — Как ты смеешь входить ко мне без разрешения?

Теперь, оказавшись в комнате, он выглядел растерянным, словно боясь, что, если он подойдет к ней слишком близко, это и у него вызовет полную потерю сил.

— Прости меня. Но мне нужно обсудить кое-что с тобой.

— Я не прошу тебя! А теперь убирайся! — Она выглядела жалкой и немного не в себе, но сдержаться не могла. Он ей никогда не нравился, и сам в свою очередь не выказывал никаких признаков того, что она нравится ему. А сейчас она не желала притворяться. — Я просто хочу побыть одна, Бревил, — сказала она, откидываясь на подушки и закрывая глаза. — Ты что, этого не понимаешь?

— Да, Линвен. Пожалуйста, поверь мне, что я действительно тебя понимаю. Но дело и вправду очень важное.

Что-то в его тоне привлекло ее внимание, заставив снова открыть глаза и поднять на него взгляд. У него в руке был плотно свернутый листок пергамента, перевязанный ярко-голубой атласной лентой. Она на мгновение уставилась на него, а затем встретила его пристальный взгляд.

— Что это?

Он передал свиток ей:

— Послание от Ордена, от Первой Помощницы Премудрого Элайны.

Она посмотрела на него еще мгновение, прежде чем развязать ленту и развернуть послание.

— О боги! — воскликнула она, начав читать. — Когда ты это получил?

— Сегодня!

Она продолжила читать, с трудом веря в написанное.

— Ты ничего об этом не знала? — спросил он, когда она закончила читать и бессильно опустила руку с пергаментом. — Разве Кайлин ничего тебе об этом не говорила?

— Нет. Ни единого слова. Мне кажется, что они отправились в поездку, о которой упоминает Элайна, как только все это произошло.

Он опустился на стул возле ее кровати, пристально глядя на нее:

— Ты этому веришь?

— Мне кажется более важным спросить, веришь ли в это ты. Ведь именно ты — Верховный Жрец Богов, а не я.

— Не знаю, что и думать, — признался он. — Я мало имел дел с Орденом, гораздо меньше, чем ты в свою бытность Верховной Жрицей.

— Это было давно. Некоторое время я знала Сонель и Радомила. Но я никогда даже не встречалась с Джаридом и Элайной.

— Но ты знаешь Орден. Могло бы это быть какой-нибудь уловкой? Попыткой со стороны Ордена втянуть нас в их конфликт с Лигой?

— Нет, — ответила Линвен с уверенностью, которая удивила и ее саму, и, как казалось, Бревилу тоже. — Я не думаю, что они стали бы лгать. Вероломство Сартола стало позором для них. Сонель считала, что все члены Ордена несут ответственность за то, что Сартолу удалось причинить столько вреда стране, и у меня постоянно было такое чувство, что остальные думали так же. Они бы не затронули снова эту тему, если бы это не было правдой.

— Так что же нам делать?

Линвен улыбнулась:

— А вот это, к счастью, решать не мне.

— Я знаю, Линвен. Но я прошу у тебя совета.

— Я не уверена, что могу давать его по вопросу такой важности.

— Ты все еще участвуешь в Ассамблее жрецов, — сказал он. — Я не спрашиваю у тебя того, чего бы я не спросил у остальных. — Он заколебался. — Прошу тебя, Линвен. Я знаю, что ты ненавидишь меня, что, по-твоему, я опозорил Храм.

Она вздрогнула. Она все еще помнила, как говорила ему это, и сожалела о сказанном. Несмотря на то, кем она его считала, это было нечестно.

— Мне нужно, чтобы ты забыла на время о своих чувствах, — продолжил он. — Это касается не только тебя и меня. И даже не только Храма. Если Элайна говорит правду, речь, возможно, идет о выживании всех людей в Тобин-Сере.

— В таком случае, — сказала ему Линвен, — мне кажется, ты ответил на свой собственный вопрос.

Он заморгал:

— Что ты имеешь в виду?

— Если ставки действительно столь высоки, то у тебя нет выбора. Ты должен помочь им.

Он встал и направился к окну, взвешивая, как казалось, ее слова:

— Возможно, ты права, но, по-твоему, я смогу убедить в этом остальных?

— Не знаю. Ненависть к Ордену глубоко запала в души членов Ассамблеи. И те, кто не был Верховными Жрецами, не всегда понимают, что иногда наступают времена, когда необходимо действовать сообща с Волшебной Силой, а не против нее. — Линвен чуть было не добавила, что он еще раньше осложнил ситуацию, оправдывая приобретение оружия из Лон-Сера утверждениями об угрозе, которую представляет для Храма Волшебная Сила. Но когда она сама была Верховной Жрицей, она тоже способствовала напряженности в отношениях Ордена и Храма. И поэтому ее вина в этой давней вражде была ничуть не меньше, чем его.

— Могу я рассчитывать на твою помощь, Линвен? Мне нужно привлечь на свою сторону как можно больше жрецов, и те, которые не послушают меня, наверняка прислушаются к тебе.

Все, чего она хотела — это отдохнуть и спокойно умереть, когда придет время. Но что она могла поделать?

— Да. Я помогу тебе.

Он улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он, подходя к ее постели, чтобы забрать послание. — Мне пора. Нужно как можно скорее сообщить об этом письме остальным жрецам. — Он остановился на пороге, и выражение на его круглом лице стало чуть ли не добрым. — Отдохни как следует, Линвен. Да хранит тебя Арик.

Она кивнула, а он стал закрывать за собой дверь.

— Бревил, — окликнула его она.

Тот в ожидании просунул голову в комнату.

— Верховный Жрец, — поправила она себя. — Мне не следовало говорить тебе о том, что ты опозорил Храм. Это было слишком самонадеянно с моей стороны.

Он несколько секунд смотрел на нее, словно не зная в точности, какого ответа она ожидает.

— Спасибо, — прошептал он наконец. Затем закрыл дверь, и Линвен услышала его удаляющиеся шаги во дворе.

Снова закрыв глаза, она откинулась на подушки и тяжело вздохнула. Она так устала. Кайлин никогда бы этого не поняла, но она действительно была готова к смерти. Однако, оказалось, что боги еще в ней нуждались.

Они были с ним двое суток, пропадая из вида с рассветом и возвращаясь на закате, чтобы встать перед ним, подобно светящимся статуям. Ему удалось изменить Проклятие Терона настолько, чтобы суметь собрать их в Великом Зале, но чтобы сделать остальное, чтобы использовать их так, как он намеревался, ему было необходимо еще больше овладеть Созывающим Камнем. Поэтому он вливал свою энергию в гигантский кристалл, пока призраки ждали, думая, вне всякого сомнения, о том, зачем он собрал их в Великом Зале и что он для них уготовил. Терон — их лидер во всем — спрашивал его об этом, не переставая, сначала пользуясь молчаливым способом общения Неприкаянных, а затем, не добившись успеха, обратился к произносимым вслух словам мира живых. После первого дня Совинный Магистр устал от этого, и Фелан продолжил его бесплодные попытки. Но Сартол по-прежнему не отвечал. Он не видел в этом необходимости, и у него были дела поважнее. Но помимо этого, ему было приятно принуждать их ждать, оставляя в неведении наедине с

тревожным любопытством. Неважно, что они делали с ним почти то же самое много лет. Он заставлял их ждать по самой очевидной причине. И хотел, чтобы они это поняли.

Однако на третью ночь он был готов.

Снова говорил Терон, спрашивая у него, наверное, в тысячный раз, что он от них хочет, и выглядел при этом скучающим и смирившимся, словно и не надеялся уже на ответ. Поэтому, когда Сартол повернулся к нему и ко все остальным, он был шокирован.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я ответил? — спросил Сартол, произнося слова вслух голосом Таммен, лишая Терона тем самым доступа к своим мыслям. — Ты действительно хочешь знать, что у меня на уме относительно вас?

— Мы спрашиваем тебя уже несколько дней, — ответил Магистр, быстро оправившись от удивления. — Конечно, мы хотим знать.

Сартол поглядел на остальных:

— Ну а вы? Готовы ли вы узнать свою судьбу?

Никто из них ничего не ответил, предпочтя вместо этого обратиться к Терону.

— Нечего смотреть на него в ожидании совета, — сказал Сартол. — Он ничто. Отныне я управляю вами всеми, включая Терона.

Магистр поднял бровь:

— В самом деле? А что ты собираешься делать со стаей призраков?

— Ты хочешь сказать, с армией призраков.

У Терона отвисла челюсть, и Сартол почувствовал, как расплывается в широкой улыбке. Он так долго этого ждал.

— Все правильно, Терон. Ты теперь мой — и все вы тоже, и я собираюсь использовать вас для завоевания страны. А к тому времени, как я с этим покончу, я буду силен настолько, что смогу послать вас на тот берег моря Арика, чтобы вы завоевали и Лон-Сер тоже. По иронии судьбы мы в конце концов станем захватчиками, а пришельцы — несчастными жертвами — как вам это, а?

— Я в это не верю, — слабо возразил Магистр. — Проклятие не позволит сделать такое.

— Проклятие? — рассмеялся Сартол. — Проклятие теперь тоже в моих руках. Оно позволяет мне все, чего бы я ни захотел. И я решил, что Неприкаянные помогут мне править страной.

— Этому не бывать никогда.

— Еще как бывать. Ведь все так безупречно. Армия, которая не может умереть, которой не нужно спать, есть или даже отдыхать; армия, которую я могу послать куда угодно практически силой одной лишь мысли. Владыки Аббориджа пошли бы на все ради этого.

— Мы сразимся с тобой! — воскликнул Терон, и его зеленые глаза ярко сверкнули. — Мы не позволим тебе сделать это!

Сартол улыбнулся, но ничего не ответил. Вместо этого он извлек некоторое количество своей энергии из камня — совсем немного, едва ли крупицу той силы, которая была теперь в его распоряжении, — и одной лишь мыслью заставил Терона поднять свою светящуюся руку над головой и метнуть струю изумрудного огня в изображение Амарида, украшавшее потолок Палаты Собраний. Огонь попал в голову Первого Мага и дымящиеся обломки каменного потолка посыпались на стол, за которым проводились заседания, и на мраморный пол зала, а на месте лица Амарида появилась почерневшая отметина.

Несколько мгновений никто из них не двигался. Затем Терон медленно опустил руку, уставясь на ее пальцы с таким комическим видом, что Сартол снова рассмеялся. А остальные наблюдали за Совиным Магистром с таким выражением лица, словно только что узнали, что Арик смертен.

— Терон из Рольде, — усмехнулся Сартол. — Первый Совиный Магистр, автор страшного Проклятия. И тем не менее не такой уж и могущественный, несмотря на ни на что. — Он начал разглядывать остальных призраков, и его взгляд, наконец, остановился на Фелане. — Вы не сможете сопротивляться мне. Я сильнее, чем вы все вместе взятые. Я

сильнее, чем любой из вас. — На мгновение он снова взглянул на Терона. — Даже чем ты, Магистр. Камень у меня в руках, я бессмертен, вы тоже принадлежите мне, а скоро и Тобин-Сер будет моим.

— Боги не допустят этого, — сказал Фелан. — Даже если мы не можем остановить тебя, они смогут.

— Как? Своими орлами и жалкими магами, которые их носят? Я так не думаю. Если только сам Арик не готов сразиться со мной, мне нечего бояться. А даже если он и готов, мне кажется, я смогу одержать победу. Я сделал Проклятие Терона своим собственным и овладел Неприкаянными. Меня нельзя ни убить, ни контролировать. Некоторые сказали бы, что я бог. А прежде чем я закончу то, что нужно, все жители страны встанут передо мной на колени, как и подобает стоять перед богом.

Фелан открыл рот, собираясь что-то добавить, но Сартол сделал легкий жест рукой, лишая Волчьего Магистра способности говорить.

— Хватит, — сказал Сартол, когда глаза Фелана расширились. — Сейчас я пошлю вас обратно в те места, где вы встретили своих первых птиц. Пора нам приступить к войне с Тобин-Сером. Пора начать завоевание страны.

— Нет! — крикнул кто-то.

Он посмотрел на нее, улыбаясь. Она была крепкой женщиной с худой серой птицей на плече и фиолетовым камнем на посохе.

— Боюсь, что да. Вам не стоило отрезать меня ото всех. Не нужно было изгонять меня. Я знаю, что эта мысль принадлежала Терону и Фелану, но вы все за это заплатите. Все вы любили свою страну, поэтому я заставлю вас уничтожить ту часть, которую вы любили больше всего. — Он повернулся к Терону. — За исключением тебя. Ты никогда не любил страну. Но я придумал для тебя задание, которое ты тоже сочтешь очень неприятным.

Терон гордо поднял подбородок:

— И в чем же оно будет заключаться?

— Ты, конечно, останешься здесь, со мной. Мне нужно присматривать за остальными, дабы убедиться, что они делают то, что нужно. Когда Джарид с Элайной снова придут сюда, а мы оба знаем, что так и будет, мне понадобится тот, кто будет говорить с ними от моего имени. — Его насмешливая улыбка стала еще шире. — Ты будешь моим представителем.

— Никогда.

Сартол покачал головой, принадлежащей Таммен, и глубоко вздохнул. А затем с таким же легким усилием, как и в первый раз, он заставил Магистра поднять руку и поразить стол для заседаний зеленым огнем. Стол разбился на мелкие кусочки, словно он был стеклянным, а стулья вокруг него с грохотом разлетелись по сторонам.

Терон яростно уставился на него, но больше он ничего не мог сделать.

— Ты инструмент, Магистр. И только. Ты делаешь то, что я хочу и когда я хочу. А ты сам, напротив, не делаешь ничего. Отныне таково твое существование. Привыкай к нему. — Он обвел остальных пристальным взглядом. — Пора вам отправляться.

Он подошел к Созывающему Камню и положил на него руки Таммен. И призраки один за другим начали исчезать из палаты, и наконец там остались только он и Терон. Он повернулся к Магистру и увидел, что дух наблюдает за ним с выражением, которое, как ему показалось, он распознал.

— Я вижу зависть в твоих глазах, Магистр.

Терон покачал головой:

— Нет, предатель. То, что ты видишь, — это презрение, а не зависть.

— Ну что ж, я в хорошей компании. Вне всякого сомнения, ты так же смотрел и на Амарида.

Изумрудный призрак издал резкий смешок:

— И опять ты ошибся. Несмотря ни на что, Амарида действительно был достоин того, чтобы ему завидовали. А ты при всей своей силе — ничто по сравнению с ним. И хоть ты меня и контролируешь, даю тебе слово: я найду способ уничтожить тебя.

— Охотно позволяю попробовать, — сказал Сартол, снова переключаясь на Созывающий Камень. — Но шансы добиться успеха у тебя такие же, как были у Таммен.

27

Будучи кочующим магом, как мы в Ордене называем его члена, бродящего по стране, а не живущего в одном месте, я превратился во что-то вроде реликвии. В то время как Орден и Лига борются друг с другом за верность каждого отдельного города по всей стране, все больше и больше магов предпочитают обосноваться где-нибудь, делая, таким образом, себя друзьями и соседями людей, которым они желают служить. А сейчас, когда Баден решил устроить домашний очаг с Сонель, я остался единственным кочующим в Ордене. Насколько мне известно, в Лиге нет ни одного такого. Свободные маги по-прежнему странствуют, но я слышал, что, так как все больше городов объявляют себя свободными, даже они начинают оседать...

Само собой разумеется, что у тех из нас, кто не привязан к одной местности Тобин-Сера домом или семьей, есть определенные уголки в стране, которые мы любим больше других. Возможно, это деревня, в которой прошло детство, или место встречи с первой птицей. Для меня таким особым местом является равнина Тобина, где я вырос и встретил Пордата, первого своего ястреба. Хотя я и люблю Изумрудные холмы и побережье Южного Шелтера, эта равнина была и навсегда останется моим истинным домом. У всех нас есть подобное место, которое мы любим больше, чем любое другое. И каждый из нас, скитается он или живет дома, маг Лиги, Ордена или свободный маг, отдал бы жизнь, чтобы не позволить причинить этому месту вред.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
осень, год 4632*

Они надеялись вернуться в Амарид так же быстро, как им удалось добраться до места, где Ронуэн встретила первую птицу. Джарид хотел отправиться обратно в ту ночь, когда они встретились с Ронуэн, Тероном и остальными Неприкаемыми, но Оррис с Транном убедили подождать до утра. Лошадям нужно отдохнуть, сказали они. Нельзя так изнурять лошадей, если на них придется переходить через горы. В конце концов, Джарид уступил.

На следующее утро они направились на север, тронувшись в путь с первыми серебристо-серыми проблесками утра. Два дня они торопились, пока их лошади не утомились настолько, что Кайлин стала думать, имело ли смысл ночами отдыхать перед скачкой.

Конечно, она понимала, почему так спешит Орлиный Магистр. Очень плохо, что Сартол завладел Созывающим Камнем и обошел Проклятие Терона для некоей цели, которой она даже представить себе не могла. Если бы ее семья была в Амариде, как семья Джарида, она бы точно с таким же упорством подгоняла отряд.

Но единственная семья, которая у нее была, погибла, а услышав то, что Ронуэн и Терон сказали о Сартоле и силе, которой он теперь овладел, Кайлин не могла не думать о том, есть ли вообще какой-нибудь смысл пытаться остановить Сартола. Несомненно, он убьет любого, кто бросит ему вызов. Возможно, магам Тобин-Сера было бы лучше оставить город Первого Мага, как посоветовал Терон, и посвятить себя защите остальной части страны от любых атак, которые предпримет Сартол. Ей было очень грустно думать о чем-то подобном — она полюбила этот великий город. Но лучше потерять Амарид, чем пожертвовать жизнями дюжины магов в тщетной попытке одолеть призрак Сартола.

Она держала эти мысли при себе, разумеется. У нее было такое чувство, что Вавния, возможно, согласилась бы с ней, но она была уверена, что остальные — нет. Ни Эрланд, ни Транн и уж конечно ни Джарид или Оррис, а их мнение значило для нее очень много. Поэтому она просто ехала с мрачным видом и молчала, как и ее спутники. Но ее сомнения

росли.

Они продолжали скакать довольно долго после заката, до тех пор пока последний призрачный отблеск дневного света не угас в лесу Бога и Кайлин не начала думать, позволит ли им Орлиный Магистр вообще отдохнуть. И действительно, он бы не позволил, не поравняйся с ним Транн и Оррис и не заговори они резкими настойчивыми голосами. Неохотно кивнув, Джарид поднял руку, подавая остальным знак остановиться.

— Разобьем лагерь здесь, — сказал он, слезая с коня и исчезая среди деревьев.

— Почему мы его вообще слушаемся? — приглушенно спросила Вавния.

— Потому что он — Орлиный Магистр, — ответила Кайлин. — И потому что любой приказ, исходящий от него, также является и моим.

Вавния неодобрительно скривила губы.

— Куда это он пошел? — спросила Кайлин у Орриса после того, как Вавния с Эрландом отошли, чтобы помочь Транну собрать дров для костра.

— Ты о Джариде?

Она кивнула.

— Он отошел, чтобы связаться с Элайной. И ночи не проходит, чтобы они не связывались друг с другом, используя связь через цериллы.

— Ах вот как! — тихо произнесла она, чувствуя щемящую боль в сердце. Она хотела знать, каково это — участвовать в подобной мысленной связи. Она хотела испытать ее с мужчиной, стоящим возле нее.

Казалось, каким-то образом Оррис угадал ее мысли, ибо через мгновение он неловко прочистил горло и направился вслед за Транном и остальными, сказав:

— Нужно помочь им раздобыть дров.

— Конечно, — ответила она, глядя ему вслед. Сама она осталась на месте, проклиная боль в груди и дрожание своих рук.

Она все еще стояла в задумчивости, когда вернулся Джарид.

— Куда все разошлись?

— Собирают дрова для костра. Как Элайна и Мин?

Орлиный Магистр слегка улыбнулся:

— Спасибо, хорошо.

— Произошло еще что-нибудь?

— Насколько им известно, нет, но это — вопрос времени. Она сказала, что из окон Зала исходил странный свет, словно в Палате Собраний было много цериллов.

— Или много призраков, — прошептала Кайлин.

Он угрюмо посмотрел на нее:

— Да.

— Возможно, Ронуэн была права, Джарид, — сказала она. — Возможно, нам придется оставить Амарид.

Она затаила дыхание, ожидая, что он напустится на нее. Но он ее удивил.

— Я знаю, — тихо ответил он, глядя в сторону. — Но я хочу сделать это, только если все наши попытки окончатся ничем. — Он встретил ее пристальный взгляд. — Ты должна поступать так, как считаешь лучшим для Лиги, Кайлин. Я это знаю. Но мне будешь нужна ты и все члены Лиги, если я смогу найти иной способ справиться с ситуацией.

Она пристально посмотрела на него. Она знала, что, если бы на ее месте был Эрланд, он бы потребовал какой-нибудь уступки в обмен на обещание поддержки Лиги. Ведь Сартол захватил Зал Ордена, а не Лиги. Если они будут вынуждены покинуть город Первого Мага, это будет неудачей Ордена. А если с помощью Лиги Ордену удастся победить Сартола, Кайлин и ее собратья маги станут героями. Так или иначе, Лига будет придерживаться своей линии, и как одному из ее лидеров на долю Кайлин выпало извлечь как можно больше пользы из данной ситуации. Но в то время, как цвет ее плаща требует, чтобы она извлекла выгоду из просьбы Джарида, большая птица, стоящая рядом, не позволит ей сделать это. А также и дружба, которая завязалась у нее с Орлиным Магистром за последние несколько

недель. Несмотря на ее собственные сомнения, можно ли спасти город, она знала, что обязана предоставить Джариду и всему Тобин-Серу шанс сделать это.

— Мы сделаем все, что тебе от нас потребуется, — сказала она и улыбнулась. — Несмотря ни на что, Лига и Орден являются союзниками в этой войне.

— А Эрланд?

Кайлин неловко усмехнулась. Она все еще слышала, как он называет ее шлюхой; она все еще чувствовала, как ее щеки горят от стыда.

— Предоставь Эрланда мне.

Джарид, казалось, хотел что-то сказать, но только сжал плотнее губы и кивнул. А через мгновение Кайлин услышала звуки приближающихся шагов. Возвращались остальные.

В оставшуюся часть вечера маги мало общались. Вавния продолжала дуться на поучения Кайлин, Джарид казался растерянным и обеспокоенным, Транн и всегда говорил немного, а Кайлин, Оррис и Эрланд отказывались даже смотреть друг на друга. Когда Джарид, наконец, объявил, что он идет спать, остальные охотно последовали его примеру.

Второй день после их встречи с Ронуэн и остальными Неприкаянными прошел в целом так же, как и первый. Они скакали весь день, почти не разговаривая, остановились с наступлением темноты и молча поужинали. Даже если бы они и хотели что-нибудь сказать, у них просто не хватило бы сил поддерживать разговор. За этот день они прошли больше, чем за предыдущий, и под вечер достигли гор Парне. Если им хоть немного повезет, они будут в Амариде не позже, чем через, три дня.

Это Кайлин сказала себе, когда засыпала во вторую ночь, заставляя себя думать об их путешествии, а не об Оррисе, который опять разместился далеко от нее. Но когда она проснулась на следующее утро, она обнаружила, что промокла под проливным дождем и дрожит от свирепого ветра, который дул с гор, сметая все на своем пути, подобно армии Аббориджа. Остальные маги уже проснулись, их плащи потемнели от дождя, а волосы были спутаны и прилипли ко лбу, пока они с трудом пытались найти укрытие для лошадей.

Кайлин поспешила к своему коню и повела его по узкой тропинке к небольшой группе деревьев, где Транн шепотом успокаивал свою лошадь и лошадь Джарида.

Джарид тоже был там и, выглядывая из-под деревьев, смотрел на густые серые тучи, покрывающие горную цепь, подобно туману над побережьем Океана Дуклеи.

— Сейчас уже слишком поздно для подобного ветра, — проговорил он твердым голосом. — У нас никогда не бывало весной северных ураганов.

Кайлин взглянула на другую группу деревьев примерно в ста шагах в стороне, где стояли со своими лошадьми Эрланд, Вавния и Оррис. Она не могла даже вообразить, о чем они разговаривают.

— Это очень необычно, — сказал Транн. — Но раньше такое вроде бы тоже бывало.

— Так ты не думаешь, что это делает Сартол?

Она обернулась к нему.

— Сартол? — выдохнула она. — Ты думаешь, он может устраивать бури?

Джарид посмотрел на нее и пожал плечами:

— Я не знаю, на что он способен. Он изменил Проклятие Терона. Это нам известно. Кто знает, как далеко простирается его сила?

— Не настолько, — сказал Транн с уверенностью, которую Кайлин сочла обнадеживающей, — чтобы управлять природными явлениями. Он, возможно, и сильнее, чем любой маг, который когда-либо жил на свете, но стихиями управляют боги. Даже Созывающий Камень не в состоянии этого изменить.

Орлиный Магистр перевел дух и кивнул:

— Наверное, ты прав.

Однако, вопреки заверениям Транна, буря могла исходить и от Сартола. Она бушевала все утро и продолжалась днем. Стала ослабевать через несколько часов после полудня, и небо ненадолго прояснилось. Но затем показалась новая черда мрачных туч, и дождь с ветром возобновились, сделавшись еще сильнее, чем раньше.

Если бы они скакали через лес Тобина, то смогли бы продвигаться вперед, несмотря на бурю, хотя, вероятно, и ненамного. Но им нужно было пересечь горы, а так как в предгорье дул столь сильный и холодный ветер, никто из них не сомневался, что даже самые нижние перевалы будут непроходимы. Поэтому во время бури им придется оставаться на месте.

Так думала Кайлин. Но ближе к вечеру отряд решил отступить в лес Бога, который защищал лучше, чем небольшие подлески предгорья. Несмотря на то что их плащи промокли, сами они устали, а лошади дрожали от холода, они снялись с места, вернулись и укрылись в самой густой роще, которую им удалось найти. Даже там дождь и ветер не оставляли их в покое, но они, по крайней мере, могли развести костер, вокруг которого и собрались в наступающей темноте.

— Нам нужно повернуть на восток, к океану, — сказал Эрланд, нарушив продолжительное молчание, — и проехать по берегу мимо гор к Ястребиному лесу.

Джарид взглянул на Орриса, и в его светлых глазах читался вопрос.

— Это удлинит наше путешествие на семьдесят или восемьдесят лиг, — произнес желтоволосый маг. — И большую часть пути нам придется идти по песку, что уменьшит и нашу скорость. — Он пожал плечами. — С другой стороны, на перевалах скоро выпадет снег, который замедлит движение еще больше.

— На сколько дней? — спросил Джарид.

— Через горы получится дня на три дольше по сравнению с побережьем.

Орлиный Магистр, казалось, мгновение обдумывал услышанное. Затем покачал головой:

— Нет. Нужно переждать бурю здесь. Будем надеяться, что она в течение завтрашнего дня перестанет и мы сможем тронуться в путь.

— Принятие желаемого за действительное — ненадежная основа для лидерства, — ледяным тоном сказал Эрланд.

— Сарказм — тоже! — не задумываясь, парировала Кайлин.

Несмотря на то что свет от костра и цериллов был слабым, Кайлин увидела, что лицо Первого Магистра сделалось красным.

— Я понимаю твою озабоченность, Эрланд, — спокойно ответил Джарид. — Может быть, я совершаю ошибку. Но подобные бури весьма редки поздней весной, поэтому у меня есть основания полагать, что и эта будет кратковременной.

Эрланд тяжело дышал, его глаза неотрывно глядели на костер, и он не хотел встречаться с пристальным взглядом Джарида. Но через некоторое время кивнул.

«Теперь ты знаешь, каково мне было, ублюдок, — хотела сказать ему Кайлин. — Теперь ты знаешь, что значит быть униженным перед всеми».

— Так мы будем переживать бурю здесь? — спросила Вавния.

— Я бы предпочел поступить именно так, — ответил Джарид. — Но если у тебя есть еще какое-нибудь предложение, я с радостью его выслушаю.

Та покачала головой:

— Нет. Мне кажется, ваше — наиболее удачно.

Орлиный Магистр слегка улыбнулся и посмотрел на Орриса, а затем на Транна:

— Ну а вы что скажете?

— Я думаю, лучше остаться здесь, — сказал Транн.

Оррис кивнул:

— Я — тоже.

— Кайлин?

— Полностью согласна, — ответила она.

— Тогда, похоже, мы остаемся, — сказал Джарид.

Остальные выразили свое согласие, а Транн встал на колени, чтобы подбросить дров в костер.

— Кайлин, — глухо произнес Эрланд, — можно поговорить с тобой минутку?

Она заставила себя посмотреть на него:

— Конечно. О чем?

Он нахмурился:

— Наедине, Кайлин.

Орлиный Мудрец взглянула на Орриса, но тот поднял бровь и слегка пожал плечами.

— Хорошо, — вздохнула она и последовала за Эрландом, который направился подальше от остальных в соседнюю рощу. Ритель прыгала возле нее, и капли дождя скатывались с золотого оперения на ее шее.

Как только они дошли до центра соседней рощи, Эрланд повернулся к ней, так что свечение его серого камня отражалось у него в глазах и в глазах его круглоголовой совы. Она ожидала, что он будет бранить ее, но, когда он заговорил, его голос был удивительно спокойным.

— Кайлин, нам с тобой нужно поговорить.

— О чем?

Он снова нахмурился:

— Мне кажется, ты сама знаешь.

— Ты имеешь в виду то, что мы друг другу не нравимся? Я думала, что на эту тему мы уже говорили.

— Ерунда, — сказал он с вымученной улыбкой. — Мы никогда...

— Прекрати, Эрланд, — сказала она. — Мы с тобой носим плащи одинакового цвета, и так сложились обстоятельства, что мы оба возглавляем Лигу, но я не собираюсь притворяться, что мы друзья.

— Я и не прошу тебя притворяться. Я просто прошу проявлять ко мне определенное уважение.

Ей следовало попридержать язык. Атака на него неизбежно принесла бы больше вреда, чем пользы. Но он опозорил ее, а она не была готова простить его. Она вообще не была уверена, что когда-нибудь сможет сделать это. Поэтому она сказала то, что первым пришло ей в голову, хоть и знала, что ее опрометчивая реакция спровоцирует Эрланда.

— Ты противоречишь сам себе, Эрланд.

Его лицо ожесточилось.

— Прекрасно, Кайлин. Если ты считаешь, что должна оскорблять меня в качестве возмездия за боль, которую я тебе причинил, пусть будет так. Но нам предстоят еще многие годы совместной работы, и я ожидаю, что ты будешь проявлять ко мне определенное уважение в присутствии остальных, независимо от того, хочешь ты этого или нет.

— А если я откажусь?

— Не стоит. После того как твое пребывание в должности Орлиного Мудреца закончится, я все еще буду возглавлять нашу организацию. А ты ведь не хочешь иметь Первого Магистра своим врагом?

Она иронично кивнула.

— Ах, да. Я как раз собиралась обсудить это с тобой. Я не очень уверена, что ты будешь Первым Магистром. Я решила, что мне и самой нравится возглавлять Лигу.

Эрланд уставился на нее, раскрыв рот.

— Но у нас же был уговор?! Ты дала слово.

— Да, дала, — насмешливо бросила она ему. — А затем ты обозвал меня подстилкой. Или ты об этом забыл?

Он покачал головой:

— Нет, не забыл. И я глубоко об этом сожалею, Кайлин. Ты должна мне верить. Оррис сказал мне, что я ошибался, что между вами ничего нет. И я ему верю.

— А до этого?

— Я вижу, как ты смотришь на него. Я знаю, что у тебя есть чувства к нему.

— И это дает тебе право унижать меня?

— Нет, — ответил он низким голосом. — Не дает. Но и моя недалекость не может позволить тебе отказаться от нашего соглашения, которое мы заключили по чести и

совести.

Она улыбнулась:

— Ты, кажется, напуган, Эрланд. Не думаешь ли ты, что сможешь отобрать у меня власть, если захочешь?

— Надеюсь, до этого не дойдет.

— Конечно, надеешься. Потому что ты понимаешь, что, если мы победим Сартола и при этом возглавлять магов страны будем мы с Джаридом, я смогу руководить Лигой столько, сколько пожелаю.

Первый Магистр сжал губы в тонкую линию.

— Любой конфликт между мной и тобой может послужить лишь ослаблению Лиги, Кайлин. А слабость Лиги облегчит Сартолу победу.

— Но подобный конфликт может возникнуть, только если мы победим Сартола, — напомнила она ему. — Он может ослабить Лигу по отношению к Ордену, но он не подвергнет опасности страну.

— Все, что улучшает положение Ордена, вредит стране, — сказал он жестко. — Год назад ты бы это поняла. Но что-то с тобой случилось. Этот орел изменил тебя в некотором отношении, и я даже не могу понять, в каком именно. Это меня печалит.

— Ты прав: Ритель изменила меня. Она сделала меня мудрее и напомнила, что наша клятва в первую очередь относится к стране, а не к Лиге.

— Я клялся и стране, и Лиге, — ответил он. — И я намерен выполнять эту клятву. А если ты не можешь выполнять свою, то, возможно, ты уже больше не принадлежишь Лиге.

— Может быть, ты и прав, — согласилась она, чувствуя, как у нее в голове начинает зреть идея. — Но пока я собираюсь остаться при своем.

— Я тоже.

— А это означает, что мы снова возвращаемся к тому, с чего начался наш разговор. — Еще не договорив до конца, она знала, что произносит слова, которые не соответствуют действительности. Идея продолжала созревать. Все меняется. И Лига тоже изменится. Но Эрланд не знал этого. Пока.

— Наверное. — Он перевел дух. — Я сожалею о том, что сказал тебе на днях, Кайлин. Искренне сожалею. Ради Лиги и страны я приложу все усилия, чтобы проявлять к тебе уважение, которое ты заслуживаешь. Обещаю тебе это.

Ради Лиги и страны. Кайлин пришло в голову, что он всегда, и на словах, и на деле, сначала думает о Лиге, а потом уже о стране. Она была поражена, что раньше этого не замечала.

— Обещаю тебе то же самое, Эрланд. Ради страны.

Если он и обратил внимание на то, какие она выбрала слова, то никак этого не показал.

— Благодарю тебя, — сказал он, улыбаясь, — Мне кажется, что ради общего дела мы будем вместе, а потому — сильнее.

Мгновение они стояли в неловком молчании, а дождь все продолжал идти.

— Ну, наверное, пора возвращаться, — наконец, сказал он, и на его губах вновь появилась натянутая улыбка.

Она жестом предложила ему идти вперед и затем пошла следом за ним к тому месту, где у костра стоял отряд. Остальные подняли на них взгляд, когда они приблизились, и освободили для них место, но никто ничего не сказал. И через несколько минут Джарид опустился на сырую землю и, собираясь спать, свернулся калачиком возле костра так, чтобы его не доставали языки пламени. Остальные последовали его примеру, а Оррис по какой-то причине позволил Кайлин спать рядом с ним.

Когда они проснулись, буря еще не кончилась. Она, пожалуй, еще усилилась, ветер стал свирепее, а дождь — подобен водопаду.

— Еще не поздно пойти на восток, — сказал Эрланд, пристально глядя на Орлиного Магистра, но тон его был спокоен. — Даже после того, как буря утихнет, перевалы будут завалены снегом.

Джарид перевел дух, словно стараясь не поддаваться раздражению.

— Лошади нам помогут, — ответил он. — Может, мы и потеряем день-другой, но это все равно лучше, чем проделать весь путь по побережью.

— Возможно. Но что, если буря продлится еще один день или два, а может, даже и три? Что тогда?

— Если вам так не терпится идти, — вмешался Оррис, прежде чем Джарид успел ответить, — идите. Но Орлиный Магистр принял решение, а остальные уже согласились ему подчиниться.

— Все в порядке, Оррис, — тихо сказал Джарид. Затем снова повернулся к Эрланду. — Как я уже говорил этой ночью, я знаю, что рискую, решив здесь остаться. Но мне кажется, что это правильное решение. Надеюсь, ты останешься с нами, Первый Магистр, хотя я пойму, если ты сочтешь, что должен уйти.

Кайлин сдержала усмешку. Эрланд не собирался отправляться в одиночку — вне всякого сомнения, Джарид знал об этом, так же как и она. И вынуждая Первого Магистра остаться, Джарид в то же время лишал его права жаловаться. Эрланд, казалось, тоже это почувствовал, потому что его лицо снова покраснело, почти так же, как тогда, когда Кайлин выступила против него минувшей ночью.

— Наверное, нам лучше все-таки остаться здесь, — произнес Эрланд после короткой паузы с видом глубокого сожаления.

Джарид кивнул:

— Я тоже так думаю.

Эрланд величественно зашагал прочь, что-то бурча о ясновидении своему коню, а Джарид, Кайлин и Оррис улыбнулись.

Однако, несмотря на эту маленькую победу, остаток дня прошел из рук вон. Ветер и дождь по-прежнему не ослабевали, пока Кайлин не начала думать, не был ли Эрланд все-таки прав. Продлись так еще день или два, и отряд не только потеряет впустую много времени, но и горные тропы окажутся непроходимыми даже для лошадей.

На протяжении всего дня маги говорили мало. Транн сидел неподалеку и вырезал из кусочков дерева фигурки людей и птиц, которые он, по его собственным словам, собирался подарить дочери Джарида. Вавния большую часть дня провела с закрытыми глазами в молчаливом раздумье. А остальные просто стояли вокруг костра, топая ногами, чтобы не замерзнуть, и время от времени отходя, чтобы собрать еще дров. Они ели мало, хотя Кайлин думала, что все так же голодны, как она. Запасы пищи уменьшались, и, несмотря на то что все послали своих птиц на охоту, почти никакой еды раздобыть не удалось. Почти все лесные обитатели попрятались от разбушевавшейся природы так же, как и маги.

Наступила ночь без всяких изменений в погоде. Кайлин поела немного сыра и сушеных фруктов и легла спать, а Ритель устроилась возле нее. Она проснулась на рассвете. И услышав, как дождь стучит по листьям над ее головой, почувствовала, что сердце ее упало.

— Ветер немного стих, — прошептал Оррис, лежащий рядом; он каким-то образом почувствовал, что она открыла глаза.

— Это уже что-то, — сказала она, садясь, чтобы посмотреть на него.

— Возможно. Кто знает, что там в горах творится.

Она сделала кислое лицо и кивнула.

Остальные проснулись чуть позже. Джарид выглядел бледным и обеспокоенным. Кайлин могла только догадываться, что он чувствовал. Эрланд, напротив, казался весьма довольным, но у него хватало ума помалкивать.

Утро прошло в замедленном темпе, и, хотя ветер утих, дождь не ослабевал. Однако около полудня небо, наконец, начало проясняться, а дождь, барабанивший по деревьям, стал ослабевать.

Настроение сразу же начало повышаться. Даже Эрланд казался довольным. Однако же путники были настороже. Как напомнил им Джарид, буря уже один раз ввела их в заблуждение. Но к началу второй половины дня сомнений уже не оставалось: тучи

рассеивались; даже солнце пару раз проглянуло сквозь них, осветив лес и развесив в воздухе пар, исходящий от земли.

— Я не знаю точно, когда снова наступит полнолуние, — сказал Джарид после того, как все оседлали коней и приготовились тронуться в путь. — Но, несмотря на это, я бы хотел, чтобы мы ехали и ночью как можно больше. А дорогу, если понадобится, мы будем освещать нашими цериллами.

Оррис широко улыбнулся:

— За последние два дня я так хорошо отдохнул, что смогу ехать без сна, если нужно, неделю.

Они начали выезжать из рощи, но не успели сделать и ста шагов, как Транн окликнул Джарида. Все остановились и оглянулись на смуглого мага, который застыл на своей лошади как каменный. Пространство позади него было частично скрыто лесом, но, подъехав поближе, Кайлин увидела то, от чего кровь застыла у нее в жилах, а по телу пробежала дрожь.

Люди. Их были десятки. А может, и сотни. Они очень медленно шли одной бесконечной колонной. Их одежда и волосы были мокры от дождя. Многие несли маленьких детей, которые плакали, спали или скулили, как зверьки. Другие сидели на телегах, запряженных лошадьми или быками, и на этих телегах лежали свернутые постельные принадлежности, кухонная утварь, сельскохозяйственные орудия и прочие домашние принадлежности, уложенные в спешке и не защищенные от непогоды.

— Что, во имя Арика?.. — выдохнул Джарид, разворачивая своего коня и направляя его к Транну.

Кайлин и остальные последовали за ним.

В то же самое время люди во главе колонны заметили отряд и устремились вперед.

— Маги! — воскликнули они. И закричали: — Хвала Арику!

Они обступили магов и все разом принялись кричать. Кайлин сумела разобрать слова «призрак», «огонь» и сделала вывод, что они бежали из своих домов, но помимо этого она почти ничего не поняла из того, что они говорили.

— Прошу вас! — наконец воскликнул Джарид, поднимая посох над головой, и его сапфировый церилл замерцал подобно сигнальному огню.

Толпа притихла, хотя шум голосов продолжал непрерывно доноситься с противоположного края колонны, которая растянулась настолько, насколько хватало взгляда.

Орел Джарида кружил в воздухе вместе с Ритель, и сейчас Орлиный Магистр позвал его к себе на плечо и сморщился от боли, когда когти вонзились в его тело.

— Я — Джарид, Орлиный Магистр Ордена, — сказал он, повышая голос, чтобы перекрыть шум толпы. — Со мной находится Орлиный Мудрец Кайлин и Первый Магистр Эрланд из Лиги. Может ли кто-нибудь из вас сказать нам, что случилось?

Волна разговоров прокатилась по толпе при появлении его птицы, но они быстро смолкли, и несколько секунд ему никто не отвечал. Затем какой-то пожилой мужчина выступил вперед. У него были седые волосы стального цвета, темные глаза, а на лбу и руках — страшные свежие ожоги.

— Если вы Орлиный Магистр, то вы должны знать, что идет война.

— Да, — нерешительно ответил Джарид, — Но наш враг — в Амариде.

— Ваш враг — на Отроге Фелана, — возразил тот. — И это не кто иной, как сам Волчий Магистр.

— Что? — Джарид, казалось, от удивления отшатнулся при одной мысли об этом. — Фелан сотворил это с вами?

— Да. Он уничтожил наши деревни, сжег наши дома, убил наших родственников и друзей.

— Это невозможно!

— Я бы тоже так подумала, — согласилась какая-то женщина, которая вышла вперед и стала рядом с мужчиной. Кайлин показалось, что они муж и жена. — Мы прожили на Отроге

всю нашу жизнь. Мы часто встречали Волчьего Магистра, и он никогда раньше не творил ничего подобного. Но две ночи назад он пришел в нашу деревню и пустил струю белого огня в наш дом и в дома наших соседей. Я видела, как он убил целую семью.

В глазах Джарида стояли слезы.

— Он сказал что-нибудь? Он объяснил, почему он так делает?

— Что бы он вообще мог сказать, чтобы оправдать подобное? — спросил мужчина.

Но женщина положила руку на плечо мужа и прошептала ему что-то.

Мгновение спустя тот кивнул и поднял взгляд на Джарида:

— Примите мои извинения, Орлиный Магистр.

Джарид покачал головой:

— Да ничего, все в порядке.

— Он велел нам уходить, — произнесла женщина. — Он сказал, что Отрог теперь принадлежит ему и что, если мы когда-нибудь вернемся, он нас убьет.

Орлиный Магистр посмотрел поверх толпы, стоящей перед ним, и Кайлин с остальными сделала то же самое. Он по-прежнему плакал, так же, как и Транн, Оррис, Вавния и даже Эрланд. Кайлин задумалась о том, почему она сама проявляет такую стойкость перед лицом трагедии. И, словно в ответ на вопрос, она услышала, как у нее в сознании раздался голос. Голос ее матери. *«Ты это уже видела, — напомнил он ей. — Ты это пережила».*

— С остальными из вас произошло то же самое? — крикнул Джарид. — Фелан сделал это со всеми вами?

Его вопрос был встречен кивками и криками.

— Так вот что у него было на уме, — услышала Кайлин свой собственный голос.

Джарид посмотрел на нее, и она почувствовала на себе взгляды других магов тоже.

— Он заставляет их вести его войну, — продолжила она, не сводя пристального взгляда с Орлиного Магистра. — Он использует Неприкайнных в качестве своей армии.

— Ничто подобное не возможно, — сказал Премудрый. В его серых глазах стоял страх.

— Терон сказал, что Сартол изменил Проклятие, — напомнил ему Оррис.

Джарид повернулся в седле и взглянул на мага:

— Если то, что они говорят, правда, то он не просто изменил Проклятие. Он изменил саму природу Неприкайнных. Позволить им появляться где угодно, помимо места, где они встретили своих первых птиц, — это одно дело. Но Фелан как-то сказал мне, что Неприкайнные не могут воздействовать на наш мир, по крайней мере, сами по себе. Все они должны действовать как один. Очевидно, Сартол изменил и это их качество тоже.

— Может быть, и нет, — сказал Транн. — Не исключено, что он этого не менял; возможно, он стал настолько сильным, что смог навязать им свою волю и ему удалось заставить их действовать как одно целое.

Джарид вздохнул:

— Даже не знаю, что пугает меня больше.

— Нам нужно вернуться в Амарид, — сказала Кайлин. — Неизвестно, сколько еще деревень пострадало так же, как эта. — Она встретила взглядом с Джаридом, и ей показалось, что они вновь повторяют разговор, который у них состоялся несколькими днями ранее. — Теперь уже речь не идет о том, чтобы оставить Амарид, — сказала она ему, словно реагируя на то, что он сказал. — Сартол может добраться до нас где угодно, поэтому мы должны уничтожить его.

Орлиный Магистр кивнул:

— Если нам удастся.

— А мы, Орлиный Магистр? — спросил мужчина, стоящий перед ними. — Что нам делать?

Джарид с грустью поглядел на него, а затем посмотрел на остальных, стоящих неровной колонной.

— Мы можем заняться вашими ранами, — наконец, ответил он. — Ну, а потом... даже

не знаю, что вам сказать. Мы сделаем все, чтобы отвоевать для вас ваш Отрог. Но пока мы этого не сделаем, вам придется самим заботиться о себе или найти где-нибудь поблизости деревню, которая предоставит вам кров и еду.

Орлиный Магистр начал было слезать с коня, за ним — Кайлин и все остальные, но женщина остановила их.

— Поберегите свою силу, Сыны Амарида, — сказала она, повышая голос так, чтобы ее спутники тоже слышали, — и направляйтесь как можно скорее в город Первого Мага. Среди нас есть целители, которые смогут заняться нашими ранами. Я и сама — целительница. Вы нужны стране гораздо больше, чем нам.

— Вы уверены? — спросил Джарид, даже не скрывая, насколько ему не терпится тронуться в путь.

— Езжайте. Да хранит Арик вас и ваших спутников.

Джарид опустил голову, словно кланяясь ей:

— Да хранит он и вас всех тоже, добрая женщина. И пока столь мужественные люди, как вы, продолжают жить в нашей стране, врагу никогда не победить.

Женщина покраснела.

— Езжайте, — повторила она. — Нанесите удар ради всех нас.

Орлиный Магистр подал знак, и отряд дружно повернулся и начал свой долгий путь в Амарид.

Перед ней прошли столь многие. Она была одной из последних, и хотя Сартолу было известно о ней и он ненавидел ее так же, как остальных, она была гораздо менее важна по сравнению с остальными. Первым был Фелан, конечно; Сартол бы иначе и не поступил. И было видно, что предатель получал удовольствие от страданий Передура. Но, хоть сначала он мстил другим, Ронуэн ничуть не сомневалась, что и ее время придет. Ей оставалось только ждать.

Она вернулась в места, где встретила свою первую птицу. Стояла ночь, и она видела лес Тобина. Она слышала отдаленный шум волн реки Четырех Водопадов и крик рогатой совы. Если бы она как следует постаралась, она смогла бы даже представить прикосновение прохладного весеннего ветерка к своей коже. Но она не могла ни двигаться, ни говорить. Она поняла кое-что из того, что делал Сартол, и знала, что он мог отправить в атаку лишь одного из них в любое время, но в то же время он был в состоянии помешать остальным предупредить кого-либо. Таким же образом, каким он творил это с ней.

Она как-то сравнила свои ощущения, когда была Неприкаянной, с теми, которые возникали, когда она была заточена в своем церилле, словно в тюрьме из света. Но этот образ никогда не казался столь уместным, как сейчас. То, как она раньше чувствовала себя, когда просто была заточена в церилл, не шло ни в какое сравнение с тем, что она ощущала сейчас, словно была ранним цветком, закованным в лед поздней зимней бурей. Она оказалась совершенно бессильна.

Но дело было не только в этом. Ибо, хотя она ничего не могла сделать, она видела все. Все, что видели ее собратья духи, все, что видел Сартол, доходило также и до нее. Когда Фелан напал на рыбацкую деревню, которая была его родиной, и стал сжигать дома и устроил резню, убивая мужчин, женщин и детей, она переживала все это так, словно сама убивала. А после того, как Фелан закончил, она оказалась в другой части леса Тобина, наблюдая, как Передур уничтожал деревни, находящиеся неподалеку от места, где он встретил первую птицу. Затем она очутилась на Северной равнине, погрузившись в сознание еще одного призрака, а потом попала на Изумрудные холмы. Места действия продолжали меняться на протяжении всей ночи, но видения были одинаковыми. Люди умирали, дома горели, а виноваты в этом были Неприкаянные.

Сартол в первую ночь не пришел за ней, а когда, наконец, появился дневной свет, занимая все ее зрение, она знала, что спасена на несколько часов. Сартол изменил Проклятие Терона ради своих целей, но он не смог изменить его до такой степени. Он мог заставлять ее

нападать в течение дня, но сам становился на это время слепым, так же, как и она. Поэтому Сартол просто контролировал ее и остальных, ожидая заката, чтобы продолжить свою войну. Но даже когда опустилась тьма, ее очередь не пришла. Их было столько по всему Тобин-Серу, а она ничего не значила в его жизни. Она даже еще не училась магии, когда он погиб.

И все-таки в конце концов он пришел за ней, так же, как он приходил за другими. На миг она оказалась вообще не способной двигаться, а в следующее мгновение — уже шла, а в голове у нее звучал голос Сартола.

— Твоя очередь, маг, — насмешливо сказал он.

«Я буду сопротивляться тебе. Тебе придется заставлять сделать меня хоть что-нибудь».

Ее сознание наполнилось смехом, который грохотал, как гром в горах, до тех пор, пока ей не стало казаться, что она сейчас закричит от ужаса.

— Я уже принуждал магов, которые при жизни были сильнее, чем ты во много раз. Я подчинил себе Фелана. Почему ты думаешь, что сможешь противостоять мне?

И, словно, чтобы доказать свою правоту, он заставил ее поднять посох и пустить струю фиолетового огня в старый дуб, стоящий в нескольких ярдах в стороне. Дерево переломилось посередине, обе части упали на землю, и за несколько секунд обе половинки были полностью охвачены пламенем.

Ронуэн уставилась на то, что сделала. При жизни она была на такое не способна.

— Я сделал тебя сильнее после смерти, чем ты когда-либо была при жизни, маг, — сказал Сартол, читая ее мысли. — Ну, и как тебе — владеть такой силой?

Если бы у нее что-нибудь было в желудке, ее бы стошнило.

Ронуэн почувствовала, как снова стала идти, и знала, что ничего не сможет с этим поделать. Она также знала, что другие наблюдают за происходящим, видя это посредством ее глаз, и от сознания этого ей становилось еще хуже. А также от сознания того, куда она направлялась. Он посылал ее на запад, в родную деревню, в которой все еще жила ее мать.

— Я могу пощадить ее, если хочешь, — прошептал Сартол, дыша ей в ухо, словно любовник. — Я могу сделать тебе это маленькое одолжение, но ты должна об этом попросить.

Он отбирал у нее все, так же как у остальных, и так же, как он поступил с телом женщины, которое использовал. Так же, как он намеревался обойтись со всем Тобин-Сером.

И что ей оставалось, кроме как просить?

«Да, пожалуйста, — мысленно сказала она, чувствуя, как слезы текут у нее из глаз. — Пожалуйста, не убивай ее».

И снова он засмеялся, и Ронуэн усомнилась в том, собирался ли он на самом деле пощадить ее мать или это было очередной жестокой игрой.

Она увидела маленькие дома перед собой и попыталась освободиться, остановиться и упасть на землю. Смех Сартола отдавался у нее в голове.

Дойдя до первого дома, она почувствовала, как поднимает посох. Она попыталась закрыть глаза, но он не позволил ей даже этого.

— Подумай об остальных, — сказал он. — Они хотят посмотреть.

Она почувствовала, как по ее телу движется волна энергии, подобно тому, как ветер проходит сквозь ветви деревьев. Это было ощущение, которого она не испытывала со времен своей смерти, и на какое-то мгновение ей показалось, что она наслаждается им. Но когда огненный шар, который вырвался из ее посоха, разбил стену первого дома, сотрясая землю и вызвав крики ужаса у людей, находящихся внутри, ей стало стыдно. *«Чувствовал ли Передур себя так же? — хотела спросить она. — А остальные?»*

— Нет, — ответил ей Сартол, смеясь. — Ты — единственная.

Она продолжала идти, уничтожая дом за домом. Когда сельчане выбегали из горящих зданий, оглядываясь на нее на бегу с лицами, искаженными от страха и горя, она посылала огонь им вслед. Она понимала, что все они узнали ее. Некоторые умоляли ее, другие выкрикивали ужасные проклятия в ее адрес. Кто мог винить их за это? Как бы они ни думали

о ней, это было ничто по сравнению с тем, что она думала о себе в этот момент.

— Прекрасно работаешь.

— *Оставь меня в покое!* — сказала она ему тихо. — *Перестань разговаривать со мной!*

— Но мне так приятно то, что ты для меня делаешь. Определенно немножко поощрения не повредит.

Она попыталась закрыть свой разум от него, чтобы не слышать его голоса, даже если и не могла освободиться от его воли. Но его насмешки не прекращались, так же как и ее нападение на деревню.

К тому моменту, когда она подошла к дому своей матери, вся деревня уже была предупреждена о ее присутствии. Небо было объято пламенем, а из зала для встреч и Храма Арика доносился тревожный звон колоколов. Ее мать была на улице, но, в отличие от других, которые в ужасе бежали от нее, она просто стояла в центре дороги, пристально глядя на нее. Слезы катились у нее по щекам. А ее седые волосы свободно ниспадали на плечи.

— Ронуэн, за что? — спросила она дрожащим голосом.

«Он заставляет меня делать это, мама. Прости».

— Потому что ты никогда не приходила ко мне, мать, — эту фразу вложил в ее уста Сартол. — Потому что я была одинока все эти годы, а ты никогда не приходила поговорить со мной. Ни разу.

Это было правдой: ее мать ни разу не приходила на то место, где она встретила птицу. Каким-то образом Сартол узнал об этом. Но Ронуэн понимала свою мать. Она умерла почти сразу после смерти своего отца. А для ее матери это было слишком.

— Я хотела, Ронуэн. Правда, хотела. Но уж точно это не повод для... — Ее мать указала на пламя и трупы. — Для этого.

— *Конечно, не повод, мама. Не слушай его. Не слушай меня.*

— Большой причины мне и не надо.

Ронуэн снова плакала и надеялась, что ее мать увидит ее слезы и поймет их.

Сартол снова заставил ее поднять посох и направить на сердце матери.

«Ты же обещал!» — мысленно воскликнула она.

В самый последний момент Сартол отклонил ее руку так, чтобы огонь из ее церилла прошел мимо матери и ударил по ее дому, дому детства Ронуэн. Сила удара сбила ее мать с ног на землю, но она все еще была жива и, как казалось Ронуэн, не была ранена.

Мгновением позже Ронуэн снова пошла по деревне, нападая на остальные дома. Она слышала, как ее мать снова зовет ее, но Сартол не позволил ей повернуться и посмотреть назад. И на этот раз Ронуэн была благодарна ему.

Нападение не заняло много времени — ее деревня никогда не была большой. Менее чем через час все дома пылали, а тела мертвых и раненых в беспорядке валялись на узких дорожках между домами. К счастью, многим жителям удалось убежать в лес, и Сартол не считал очень важным заставить Ронуэн преследовать их.

— Нам нужны свидетели, — объяснил он ей, и по его тону казалось, что он очень доволен собой. — А тебе пора направляться в следующую деревню. Я оставляю тебя на время, но скоро вернусь, и мы снова сделаем это.

— *Ах ты, ублюдок!* — Она дрожала от ярости, горя и отвращения к тому, кем стала, к тому, кем он заставил ее стать. — *Ты — больной ублюдок!*

— Ронуэн! — послышался голос ее матери.

Она почувствовала, как поворачивается, и увидела свою мать, стоящую перед ней. Она все еще плакала, а на ее щеке темнел синяк. По-видимому, рушащийся дом все-таки ее задел.

— Я устал от этого, — сказал Сартол. — Ты должна сказать ей, чтобы она бежала.

— *Пожалуйста! Ты же обещал!* — За эту ночь она пролила больше слез, чем за все годы, что она была Неприкайнным магом. И тем не менее они по-прежнему оставались напрасными. — *Оставь ее в покое!*

— Больной ублюдок, значит?

Ее посох снова поднялся, и она ничего не могла сделать, чтобы остановить его или задержать сиреневый огонь, вылетевший из ее церилла.

28

Судьбе было угодно, чтобы твое послание относительно оружия, поступающего из Лон-Сера жрецам ваших Храмов, прибыло в тот самый день, когда люди из Службы Безопасности Джибба перехватывали груз золота из вашей страны, предназначенный для Правителя Марара. Очередная партия оружия уже была погружена на торговое судно, но она была изъята и уничтожена. А что касается золота Храмов, я ожидаю указаний из твоей страны о том, что с ним следует делать. Будь я на твоём месте, я бы потребовала, чтобы оно было возвращено народу Тобин-Сера в качестве компенсации за то, что было сделано с вашими лесами, но это — мое личное мнение.

..Я надеюсь, что, прекратив поток оружия от Марара в вашу страну, нам удалось облегчить некоторые из ваших забот, о которых ты писал мне в последних письмах, но у меня такое впечатление, что эта проблема была лишь одной из многих. Если я могу еще чем-то помочь, пожалуйста, имей в виду, что тебе нужно лишь попросить. Я тоже устала от расстояния, которое нас разделяет, хотя этот эпизод с оружием каким-то образом заставил меня почувствовать себя ближе к тебе, чем когда бы то ни было.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 2 неделя 11, весна, год 3068*

В течение нескольких дней после их успешного нападения на дворец Марара, Мелиор и Джиббу удалось вытянуть кое-какую информацию из Правителя относительно его контактов с церковниками Тобин-Сера и наемниками, которых он использовал в пределах Брагор-Наля, чтобы доставлять золото Премелю. Марар, конечно, поначалу сопротивлялся. Он не делал никаких усилий, чтобы скрыть свою горечь от того, что его посадят в тюрьму, так как Мелиор ранее намекала на возможность ссылки, и он на несколько часов погрузился в молчаливое раздумье после того, как они привезли его в Брагор-Наль и поместили в одну из подземных камер Золотого Дворца. Но физическая боль и угроза продолжительной пытки делали даже самых неразговорчивых заключенных словоохотливыми.

В действительности Мелиор неохотно прибегала к пыткам. Они слишком долго использовались против ее сословия многими главами СБ. И Мышь, которая попросила, чтобы ей было позволено остаться на несколько дней до тех пор, пока участь Марара не будет решена, ясно дала понять, что не одобряет пытку почти так же, как она до этого не одобрила убийство Марара.

К счастью, как они узнали двумя днями ранее во дворце Марара, у Правителя был на редкость низкий болевой порог. Джибб сделал едва ли больше, чем просто свирепо посмотрел на него, как Марар начал лепетать о том, каких купцов он использовал, чтобы посылать свое золото, и кто был его курьерами здесь, в Брагор-Нале. Он даже добровольно назвал имена своих наемников в Уэрелла-Нале, сообщив информацию, которой Мелиор тут же поделилась с Вирсией. Что более важно, Правитель назвал имена жрецов Храмов Тобин-Сера, с которыми он связывался с помощью посредников из Аббориджа. Эти имена Мелиор быстро отослала Оррису, хотя и знала, что пройдет много недель, прежде чем ее письмо дойдет до него.

— Как вы все-таки с ним повстречались? — спросила Мышь, после того как Мелиор отправила свое письмо.

Они стояли в кабинете Мелиор, полуденное солнце пробивалось сквозь бурую дымку над Налем и освещало помещение.

— Ты имеешь в виду Орриса?

Мышь одарила ее странным взглядом, и Мелиор улыбнулась.

— Это — имя колдуна, — добавила она.

— Оррис, — повторила гилдрин. — Как вам удалось стать его другом? Я знаю, что он приезжал в Наль. Я еще не была в Сети тогда, но люди, которых я знаю, все еще говорят об этом.

— Я познакомилась с ним, — ответила Мелиор, — потому что Седрик, бывший в то время моим оверлордом, велел мне найти его. Это, конечно, было после того, как я послала Джибба убить его.

Глаза женщины расширились.

— Вы шутите!

— Нисколько. Седрик намеревался завоевать Тобин-Сер, а я должна была быть лидером сил вторжения. Благодаря этому я бы в то время смогла стать оверлордом или даже Правительницей, а это было все, чего я хотела. У меня было видение об Оррисе, и я осознала, что он прибыл, чтобы остановить вторжение, поэтому я и решила устранить его.

Мышь все еще пристально смотрела на нее, но изумление на ее лице сменилось отвращением.

— Я знаю, что ты думаешь, Мышь, но не суди меня строго. У меня была масса других возможностей убить его после того, как это не удалось Джиббу, и я не воспользовалась ни одной из них. Кроме того, я присоединилась к его делу, и в результате меня саму чуть не убил один из наемников Седрика.

— Так Оррис простил вас?

Она снова улыбнулась, вспоминая, как много прошло времени, прежде чем они стали доверять друг другу, и сколь быстро это доверие переросло в любовь.

— Да, простил.

Мышь несколько мгновений молча смотрела на нее, прежде чем отвернуться и подойти к окну.

— Так что дальше? — спросила она. — Что вы собираетесь делать с Мараром?

— Тебе не кажется, что пришло время, чтобы и ты простила меня, Мышь?

Та снова повернулась к ней:

— Я?

— Ты, Сеть, мой народ.

— Неужели это имеет для вас такое значение?

— А для тебя это имело бы значение?

— Наверное, имело бы. По правде говоря, я уже не знаю, за что мы должны вас прощать.

— Зато я знаю, — сказала Мелиор, грустно улыбаясь. — И если ты хоть немного подумаешь об этом, ты тоже поймешь.

Их глаза ненадолго встретились, прежде чем Мышь отвела взгляд.

— Так что для этого потребуется? — спросила Мелиор.

— Вам действительно нужен ответ?

Правительница издала короткий смешок:

— Думаю, да.

— Тогда дайте мне подумать об этом, — сказала Мышь, улыбаясь. — Ведь пока вы же сами еще не ответили на вопрос, что ожидает Марара?

Мелиор согнула ногу, которая, по словам врачей, заживала вполне хорошо. «Определенно, она болит меньше, чем раньше». Затем она опустилась в большое кресло.

— Я еще точно не знаю. Сегодня попозже приезжает Вирсия, и мы попытаемся остановиться на чем-нибудь, но мне кажется, что и она тоже не знает. — Мелиор с интересом посмотрела на Мышь: — А что? У тебя есть какой-нибудь совет?

— Я знаю, что бы я сделала. Я бросила бы Марара в тюрьму до скончания его дней.

— Если бы речь шла об обычном человеке, то это определенно явилось бы самым простым решением, но, когда имеешь дело с Правителями, все несколько усложняется.

Несмотря на то что я сказала у него во дворце о нарушении им Прокламации о защите зеленых насаждений, оправдывая его арест, Марар был прав: для дел подобного рода существуют определенные процедуры. Его нельзя казнить, нельзя поместить в общую тюрьму, и он не может быть наказан односторонне лидером лишь одного Наля. Мне нужно одобрение Вирсии, прежде чем предпринять хоть что-нибудь, и, несмотря на то что Стиб-Наль имеет малый вес в Совете, их новый Правитель получит законные основания для протеста, если мы предпримем что-либо, нарушая закон.

— Так вы все-таки собираетесь отправить его в изгнание?

— Я бы предпочла этого не делать. Зная Марара, я могу смело утверждать, что это лишь вопрос времени, когда он снова начнет причинять неприятности.

— Похоже, это — серьезная проблема, — сказала Мышь. — Хорошо, что я не Правительница.

Прежде чем Мелиор успела ответить, раздался стук в дверь, и через мгновение Джибб просунул голову в комнату:

— Мы можем... — Увидев Мышь, он замолчал и нахмурился.

— Я как раз собиралась уходить, — с притворной улыбкой произнесла гилдрин, неторопливо направляясь к двери.

— Не уходи далеко, — сказала ей вслед Мелиор. — Я бы хотела еще поговорить с тобой несколько позже.

— Хорошо. До встречи, генерал, — добавила она, проскакивая мимо Джибба.

Тот несколько секунд пристально смотрел ей вслед и затем закрыл дверь.

— Мне не нравится, что она свободно расхаживает по дворцу, — сказал он. — Кто знает, что ей удастся узнать о нашей системе безопасности?

Мелиор едва не рассмеялась. Действительно, работа сотрудника Службы Безопасности и состоит в том, чтобы быть подозрительным, но иногда ей было интересно, способен ли Джибб доверять хоть кому-нибудь. *«Он доверял Премелю, — произнес голос в ее голове. — И посмотри, что случилось»*. Если призадуматься, то это, возможно, не так уж и смешно.

— Я не думаю, что нам нужно о чем-нибудь беспокоиться, — сказала она спокойно. — Если бы она хотела причинить мне какую-нибудь неприятность, она могла бы сделать это на пути в Стиб-Наль, во дворце Марара и уж как минимум с полдюжины раз с тех пор.

— Действительно, — ответил он без особого энтузиазма.

— Брось, Джибб. Она провела нас туда, как и обещала, и сражалась бок о бок с нами так же эффективно и преданно, как любой из твоих людей. Разве она не заслужила хотя бы немного доверия и уважения?

— Наверное. — Он сел в кресло напротив нее. — Она хорошо обращается с лучеметом, и она храбрая.

Мелиор подняла бровь. Это была очень высокая похвала в устах Джибба.

— Кажется, она произвела на тебя впечатление.

Он отмахнулся от ее комментария.

— Это не значит, что она мне нравится. Она дерзкая и несносная, и я возмущен тем, каким тоном она с вами разговаривает. Я не понимаю, почему вы с этим миритесь.

— По той же самой причине лорды мирились со мной, когда я была моложе, и по той же самой причине я мирилась с тобой, когда мы впервые встретились. Я вижу ее потенциал, я вижу в ней качества, которые можно усовершенствовать.

Он пожал плечами, словно не будучи убежденным.

— Может быть, — сказал он. — А затем, усмехаясь, добавил: — Я, наверное, никогда не был таким плохим.

— Может, ты и не был таким несносным, но ты был в два раза более заносчивым.

Они оба рассмеялись, а затем ненадолго замолчали.

— Поэтому я понимаю, почему она тебе не нравится, — сказала Мелиор. — Но тебе не кажется, что ты бы мог с ней работать?

— Вы что? Издеваетесь?

— Нисколько.

— Вы хотите ввести ее в ПСБ?

Правительница перевела дух.

— Я сама еще точно не знаю. Но у нее есть талант, Джибб, и он пропадает впустую где-то в Нале. Она должна стать кем-то, а не быть изгоем, который с трудом сводит концы с концами в квадах.

— Она сама это выбрала, и вы это знаете. Будучи независимой, она может сделать для Сети то, чего бы она никогда не смогла сделать в банде.

— А работая на Правительницу, она сделала бы еще больше.

Он закрыл рот, не успев толком ответить, затем откинулся в кресле.

— Понимаю, — тихо сказал он.

— Ты мог бы найти для нее место?

Генерал улыбнулся, и Мелиор поняла, что он найдет. Когда он мог хоть в чем-нибудь ей отказать?

— Дайте-ка я немного подумаю.

— Хорошо. — Она продолжала пристально смотреть на него, ожидая дальнейшего разговора. Он пришел к ней, и она знала почему. Но некоторое время назад она решила, что разговор об этом должен начать Джибб.

Глава Службы Безопасности прочистил горло и шевельнулся в кресле:

— Есть еще одно дело, которое нужно обсудить, — наконец начал он. — Теперь, когда мы разобрались с Мараром, нам нужно решить, как поступить с Премелем.

— Джибб...

Он поднял руку, останавливая ее:

— Я знаю, что вы собираетесь сказать. Вы простили его и сызнава научились ему доверять. А я нет, Мелиор, причем именно мне приходится работать с ним каждый день. Он нас предал, из-за него вас едва не убили; он отчасти виновен в смерти трех моих людей и в том, что еще несколько были ранены. Я не могу не обращать на это внимания и не могу притворяться, что ничего этого не происходило. — Джибб на мгновение отвел взгляд. Мелиор видела, что у него дрожали руки. — Он заслуживает того, чтобы его казнили. Или, по крайней мере, чтобы его посадили в тюрьму.

— Так мы притворимся, что он не спас тебе жизнь и не сыграл существенной роли в разгроме Марара?

Он не ответил.

— Я не могу так поступить, Джибб. Так же, как ты не в состоянии закрыть глаза на его преступления, я не могу игнорировать тот факт, что он искупил свою вину.

— То, что моя жизнь спасена, не может вернуть людей, которые погибли во время взрыва!

— Я знаю, — тихо ответила она.

Джибб на несколько секунд устался на свои руки, а затем перевел дух:

— Мне не нравится ставить вам ультиматумы, Правительница. Думаю, вы это знаете. Но если вы настаиваете на том, чтобы Премель остался на своем посту, я ухожу из ПСБ. Я не могу больше с ним работать.

И в этот момент ее осенило. Вот он — способ удовлетворить их обоих и добиться того, чтобы все, ради чего Мелиор трудилась, продолжилось.

— А что, если тебе не придется работать с ним? — спросила она.

Он устался на нее, и в его темных глазах читался вопрос. Мелиор улыбнулась.

Сегодня Премель отпустил людей с занятий на несколько минут раньше. Он видел, как Джибб направлялся в кабинет Правительницы, и по тому, как генерал взглянул на него, он понял, что будет предметом их разговора. Существовала вероятность того, что сегодня — его последний день в качестве офицера ПСБ. Завтра все узнают, что он предатель, поэтому он посчитал, что сегодня можно не перегружать людей занятиями. Вдруг это хоть немного

смягчит их реакцию. Он покачал головой и мрачно улыбнулся. А может, и нет.

Он все еще стоял в одиночестве на плацу, погруженный в размышления, когда молодая женщина-гилдрин заметила его и окликнула по имени.

Премель недолго думал, не стоит ли ему извиниться и удалиться в свою комнату, но вопреки ее странному поведению и тому факту, что их первый разговор в предгорье закончился неудачно, она ему понравилась. Кроме того, сейчас ему не стоило лишаться возможных друзей.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, подойдя ближе. — Где все остальные?

Он пожал плечами:

— Я их отпустил сегодня пораньше. Какая-то доброта нашла на меня сегодня. — Он попытался улыбнуться, но в его теперешнем настроении с юмором обстояло неважно.

— Так Мелиор по-прежнему позволяет тебе тренировать охранников?

Премель сузил глаза:

— Что значит «по-прежнему»?

— Ничего, — ответила она, бледнея. — Я просто...

— Она сказала тебе, да? — Он отвернулся, качая головой. — Поверить не могу, что она тебе сказала.

— Никто мне ничего не говорил, Премель. Я была вместе с Мелиор, когда она допрашивала Марара в его дворце. Вот как я узнала.

Охранник взглянул на нее, желая верить в то, что она говорила.

— Я говорю тебе правду. Мелиор мне ничего не сообщала. Кроме того, она заставила меня поклясться, что я сохраню все в тайне. — Она пожала плечами, затем слегка усмехнулась. — Но мне никогда не приходило в голову скрывать это от тебя.

При этих словах он не смог сдержать улыбки:

— Дворцовые условности могут иногда немного сбить с толку.

— Наверное, — ответила она, а усмешка так и не сходила с ее лица. — Так почему ты это сделал? — спросила она после короткого молчания.

У него внутри все напряглось.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему ты предал Мелиор?

Он сжал губы в тонкую линию и оглянулся на дворец. Он не очень-то хотел обсуждать это с кем-либо, в особенности с ней. Тем не менее в Мыши было что-то, помешавшее ему просто развернуться и уйти. Да, она была красивой, но дело было не только в этом. По какой-то причине он хотел, чтобы она его поняла.

— Я ошибся, — ответил он низким голосом. — Я никогда не должен был делать этого.

— Я не о том спрашивала.

Он пристально посмотрел на нее, словно определяя по выражению ее глаз, насколько откровенным он может быть.

— Марар предлагал мне много золота.

— Так ты сделал это из жадности?

Премел нахмурился:

— Ты меня осуждаешь?

— Я пытаюсь понять тебя.

— Зачем?

Женщина пожала плечами.

— Это была жадность? — снова спросила она.

— Отчасти, наверное, да.

— Ты сделал это, потому что она гилдрин?

«Мне нужно было уйти, пока была возможность. Я должен был предвидеть подобный вопрос». Что ему оставалось сказать? В предгорье она доказала ему, что может определить, когда он лжет.

— Я сделал это по нескольким причинам.

— И эта была одной из них?

— Да. Мне очень жаль.

Мышь долго смотрела на него с грустью в светлых глазах. В тот момент она казалась ему моложе, чем когда бы то ни было.

— Ты так ненавидишь мое сословие?

— Я думал, что ненавижу. По правде говоря, я ничего не знаю о твоём сословии. До встречи с тобой Правительница была единственным гилдрином, которого я когда-либо знал. И поэтому, когда она начала реформировать Наль, что мне не нравилось, я винил ее на основании того факта, что она — гилдрин. Вот как я объясняю свое предательство.

Он ожидал, что Мышь в ярости напустится на него, а возможно, даже ударит. Если бы он был на ее месте, он пришел бы в бешенство. Но она продолжала смотреть на него, хоть и с явной грустью. И Премель понял, что ему вовсе и не следовало удивляться. Она сталкивалась с таким же бездумным предубеждением по отношению к гилдринам, как и его собственное, каждый день. Ничего нового для нее он не открыл. Люди относились так к гилдринам тысячу лет. И от этого он почувствовал еще больший стыд.

— Что она изменила? — спросила Мышь. — За что ты так на нее разозлился, что стал сотрудничать с Мараром?

Он почувствовал, что краснеет:

— Тебе это покажется глупым. Сейчас это и мне самому кажется глупым. Меня возмущало то, что она пытается покончить с насилием. Я осуждал ее за то, что она делает Брагор-Наль слишком похожим на Уэрелла-Наль.

Мышь засмеялась и покачала головой.

— Что тут смешного? — спросил Премель.

— Мое сословие годами порицало ее за то, что она не прилагает достаточно усилий, чтобы реформировать Наль, и больше всех я. А сейчас я выясняю, что ты предал ее потому, что считаешь, что она его слишком сильно изменила. — Она снова покачала головой. — Я знаю, что у нее золота больше, чем я могу представить, и больше власти, чем у любого человека в Лон-Сере, но мне кажется, что я бы не захотела оказаться на ее месте.

Премель начал было соглашаться, но в это мгновение увидел, как из дверей дворца показались Джибб и Мелиор, которые направились в их сторону.

— Ну, а как тебе нравится место, которое я занимаю? — спросил он. — У меня такое чувство, что оно скоро освободится.

Она с сочувствием взглянула на него, но ничего не сказала.

Вообще-то он знал, что его место меньше всего ее манит. Он был предателем, а в Брагор-Нале предателей казнят. Тем не менее он чувствовал себя на удивление спокойно, наблюдая за приближением Джибба и Правительницы.

Мелиор все еще была на костылях, но она научилась невероятно ловко управляться с ними, так что казалось, что это Джибб с трудом поспевает за ней.

— Рада, что нашла вас обоих вместе, — сказала Правительница, остановившись перед ними. Она улыбалась, несмотря на то что Джибб выглядел мрачным, и хотя Премелю было страшно об этом думать, он не мог удержаться от мысли, что его, может быть, и вовсе наказывать не будут.

— Чему же вы рады? — спросила Мышь, попадаясь на удочку.

Мелиор взглянула на Джибба, но выражение лица генерала не изменилось. Что бы они ни решили, Джибб не был от этого в полном восторге.

— Как бы ты отнеслась к тому, чтобы работать на меня, Мышь? — спросила Мелиор. — Точнее говоря, на Джибба?

— На ПСБ? — спросила гилдрин с видом глубоко потрясенного человека. — Вы хотите, чтобы я работала на ПСБ?

Правительница подняла руку:

— Выслушай меня, прежде чем примешь решение. Я хочу создать новое подразделение в СБ, полностью посвященное защите гилдринов. Оно будет действовать в сотрудничестве с

Сетью. — Ее взгляд переместился на Премеля. — Вы оба будете руководить им, Премель — со стороны СБ, а ты — со стороны Сети. Это будет равноправным партнерством. — Мелиор выжидающе посмотрела на них обоих, подобно ребенку, которому не терпится открыть подарки к Празднеству в честь Лона. — Ну? — спросила она. — Что скажете?

Мышь выдохнула сквозь зубы:

— Мне — и работать на СБ. Даже не знаю.

— Ты будешь работать и на Сеть тоже, Мышь. Ты будешь делать для гилдринов Брагор-Наля за один день больше, чем за всю свою жизнь в качестве изгоя.

— Почему вы так решили? — спросила Мышь. — Почему вы хотите нанять меня?

На губах Мелиор появилось подобие улыбки.

— Я делаю это потому, что могу. Думаю, что я, наконец, нашла способ защитить гилдринов Брагор-Наля. И мне нужна ты, потому что, мне кажется, я узнала тебя немного за последние несколько недель. Я видела, как ты действуешь, как ты управляешься с лучемером. Я думаю, ты подходишь для такой работы. — Она заколебалась, но лишь на мгновение. — Я также считаю, что кое в чем обязана тебе. Я ценю твою помощь. — Она широко улыбнулась. — И я также научилась ценить твою прямооту.

Мышь неохотно улыбнулась, но ее лицо вновь снова стало серьезным.

— А я смогу набрать еще людей из Сети в помощь себе?

— Конечно.

— И у меня будет полная власть над теми, кого я наберу? И никакого вмешательства с вашей стороны или со стороны СБ?

Правительница взглянула на Джибба:

— Она говорит, прямо как ты.

Джибб промычал что-то в ответ. Это могло быть смехом, хотя трудно было сказать наверняка. Выражение его лица оставалось суровым.

— У тебя будет власть над своими людьми, но в свою очередь ты несешь ответственность за все, что они делают. Если они напортачат, ты будешь за это отвечать.

— И я буду работать с Премелем? — спросила Мышь, глядя в его сторону.

— Да, — ответила Мелиор.

Мышь подняла бровь и оценивающе оглядела его.

— Ну что ж, потянет, — сказала она, наконец. — Я согласна.

Правительница снова улыбнулась и кивнула.

— Я рада. Ну а ты? — спросила она, поворачиваясь к Премелю.

Премель перевел дух и начал смотреть прямо на Джибба до тех пор, пока генерал не встретился с ним взглядом.

— Ну, а ты как, не против?

Джибб нахмурился, и его темные глаза мгновенно метнулись в сторону.

— Имеет ли это какое-нибудь значение?

— Да, имеет. Если ты больше не хочешь, чтобы я был в ПСБ, я подам в отставку.

Джибб пристально смотрел на него несколько секунд, прежде чем снова отвести взгляд.

— Я не знаю, чего я хочу. С одной стороны, я хотел бы видеть тебя в тюрьме. С другой — мне бы хотелось сделать вид, что ничего особенного не происходило, и ты бы оставался моим полковником.

Премель ничего не ответил. Он просто ждал.

— Проблема в том, Премель, что я тебе больше не доверяю. Но Мелиор доверяет тебе, и она — моя Правительница. Поэтому, мне кажется, я должен согласиться с ее решением.

— Это не совсем хорошо, Джибб, — сказала Мелиор, прежде чем Премель успел ответить. — Именно это я тебе говорила у себя в кабинете. Возможно, я не всегда буду твоей Правительницей, и мне нужно знать, что эта договоренность сохранит свою силу на долгий срок после того, как я перестану быть Правительницей.

— Вы никогда этого не говорили! — прошептал Джибб, и весь румянец мгновенно схлынул с его лица. — Вы никогда ничего подобного не говорили! — Он покачал

головой. — Что бы могло помешать вам быть Правительницей?

Мелиор пожала плечами и отвела взгляд.

— Трудно сказать наверняка. Я просто знаю, что не хочу быть Правительницей всю оставшуюся жизнь.

Даже Премель, который знал ее не так хорошо и знал очень мало о тех событиях, благодаря которым она стала Правительницей, понял, что она имела в виду. Кудесник. Она хотела быть с колдуном.

Лицо Джибба, которое побледнело мгновением раньше, ожесточилось.

— Понимаю, — тихо сказал он.

Мелиор взяла генерала за руку:

— Ты же все время знал, Джибб. Мне не стоило тебя посвящать. — Она попыталась улыбнуться, но ей это не удалось. — Пока что я не собираюсь покидать своего поста. Я даже не знаю, когда это случится. Но я должна быть уверена, что гилдрины всегда будут в безопасности. Нужно, чтобы ты мне это пообещал.

— Но вы должны знать, что, как только вы уйдете, я не стану больше возглавлять ПСБ.

При этих словах она улыбнулась:

— Конечно, не станешь. Ты будешь Правителем.

Глядя на то, как Джибб отреагировал, Премель не мог не улыбнуться иронии судьбы. Сначала он предал Мелиор, потому что хотел, чтобы Джибб стал Правителем, а все это время она, оказывается, желала того же. Но по тому, как Джибб смотрел на Мелиор, он видел, что Джибб смотрит на дело иначе. *«Я не хочу быть Правителем, — казалось, говорило выражение его глаз. — Мне нужны вы».*

Премель взглянул на Мышь, затем уставился на свои ноги, лишь бы не смотреть на Джибба и Правительницу.

Но после недолгого молчания Джибб удивил его.

— Что ж, если я буду Правителем, мне потребуется любая помощь, которую я смогу получить.

Премель снова поднял взгляд, и их глаза встретились.

— Если ты согласен на этот пост, — сказал ему Джибб, — тебе следует принять его. С моей стороны возражений нет никаких. Думаю, это будет хорошим применением для твоих талантов. И может быть, благодаря этому ты узнаешь больше о гилдринах.

— О, я об этом позабочусь, — сказала Мышь.

Мелиор засмеялась, а мгновение спустя ее примеру последовали и Джибб с Премелем.

— Ты уверен? — спросил Премель, когда смех затих.

Джибб кивнул:

— Но помни: я буду наблюдать за тобой. Если ты снова меня разочаруешь, даже Правительница не сможет тебя спасти.

— Я запомню, — ответил Премель. Он взглянул на Правительницу, которая внимательно смотрела на него. Но он острее всего чувствовал взгляд Мыши. Даже не глядя на нее, он знал, что она тоже внимательно за ним наблюдает. И вопреки себе, он улыбнулся. По какой-то причине все трое давали ему еще один шанс, и хотя он почти ничем не обидел молодую женщину — именно ей он был благодарен больше всего.

Это была тюрьма. Не что иное, как тюрьма. То, что она была чистой и хорошо освещенной по сравнению с общими тюрьмами Брагор-Наля или тюрьмами в его собственном Нале, мало что меняло для Марара. Он был Правителем! У него было золото, власть и уважение в Лон-Сере. Просто нелепо, что с ним так обращаются. Да, он нарушил несколько пунктов Договора, заключенного на Мысе Звезд, и Прокламации о защите зеленых насаждений. Но те же самые соглашения включали в себя защиту для Правителей даже при чрезвычайных обстоятельствах, защиту, которую Мелиор проигнорировала, выставив его из дворца и бросив в тюрьму.

Он дважды говорил ей об этом в течение каждого из ее недолгих визитов к нему. И оба

раза она реагировала одинаково, высмеивая его и предлагая остаться наедине с Джиббом, чтобы они могли с глазу на глаз обсудить то, как с ним обращаются.

В следующий раз будет по-другому, решил он. Когда она снова придет к нему, он потребует, чтобы она связалась с Вирсией и договорилась о заседании Совета в Резиденции Правителей, чтобы они могли втроем, как равные, обсудить данную ситуацию, как и полагалось победителям Консолидации. При таких условиях, думал Марар, у него, возможно, появится шанс. И Мелиор, и Вирсия должны будут одобрить любое наказание за его преступления, а они проявили себя как люди, почти полностью неспособные о чем-либо договориться. Учитывая, что он был виновен в преступлениях против Брагор-Наля и Матриархии, было вполне возможно, что они разойдутся во мнениях по вопросам юрисдикции. А если это произойдет, он освободится от условий Договора. Он знал, что не стоит особо на это надеяться, но и это лучше, чем ничего.

Прошло два дня после того, как она приходила в последний раз, и оба ее посещения состоялись перед самым закатом. Поэтому Марар не был удивлен, когда услышал, что ее голос приближается к его камере в конце дня.

Сев на холодные стальные нары, на которых он перед этим лежал, Марар привел в порядок голубое штатское платье, которое ему выдали, и провел рукой по спутанным волосам. Затем Правитель выжидающе посмотрел на металлическую дверь, которая вела в его камеру, и стал ждать.

— Добрый день, Марар, — сказала Мелиор, открывая дверь и входя в узкую камеру.

Он поклялся не тратить впустую время.

— Мелиор, — твердо начал он, поднявшись. — Я бы...

Он замолчал и у него отвисла челюсть, когда в камеру вслед за Мелиор вошла Вирсия. Она была одета как всегда — в малинового цвета платье, на голове у нее был чепец, и, как обычно, на ее лице застыла слегка насмешливая улыбка, которая стала шире, когда она увидела выражение его лица.

— Салют, Марар, — сказала она. — Ты, кажется, удивлен, что видишь меня.

Он в изумлении уставился на обеих, зная, как глупо он, должно быть, выглядит, и все-таки не в состоянии скрыть свое изумление.

— Он потерял дар речи, — смотря на Вирсию, с удивлением сказала Мелиор. — Если бы я знала, что твое появление — все, что нужно для этого, я бы пригласила тебя в Золотой Дворец давным-давно.

Вирсия засмеялась, и Марар почувствовал, как у него внутри все сжимается.

Мелиор все еще была на костылях, но одета по-боевому, как, казалось, одевалась всегда. На ней была светлая блузка, темные брюки и сапоги с металлическими носами, которые носили бойцы в квадах. Волосы ниспадали ей на плечи волнами цвета янтаря, а в зеленых глазах отражалось алое свечение камня, который был закреплен в навершии ее древнего посоха. Она была убийственно прекрасна и таинственна.

Переведя взгляд с Мелиор на Вирсию, Марар не мог не поразиться разнице между ними. Мелиор была привлекательна, Вирсия — сурова, Мелиор была гибкой и компактной, как боец, Вирсия — твердой и внушительной. Одежда Мелиор напоминала всем, кто ее встречал, о ее жестоком прошлом нарушительницы закона. Парадное же одеяние Вирсии придавало ей стоический и невозмутимый вид духовного лица. По отдельности каждая была страшным врагом. Вместе они были неприступны. И они знали это так же, как и он.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил он, отказываясь в это мгновение от всех своих стратегий и уловок, о которых он думал последние дни. — Вы не можете казнить меня. Вы не можете держать меня в общей тюрьме.

— Мы могли бы оставить тебя в этой, — сказала Вирсия. — По-видимому, никакого конфликта в плане юрисдикции не будет.

— Или в тюрьме во дворце Вирсии, — добавила Мелиор, словно подтверждая ее правоту. — Но, — добавила она, снова обращаясь к Вирсии, — мне кажется, что тюремное заключение — слишком малое наказание за его преступления.

— Это все, что вам позволено! — сказал он дрожащим голосом.

— Вообще-то, это не так, — сказала Вирсия. — Я потратила время на то, чтобы прочесть условия Договора, касающиеся наказания Правителей, прежде чем приехать сюда. Они вполне определенно говорят о том, чего мы не можем сделать. Но они очень неясно сформулированы относительно того, что мы можем предпринять. По-видимому, наши возможности почти безграничны.

— Я тебе не верю.

Она подняла бровь и щелкнула пальцами. Тотчас в коридор вошел один из ее легатов, неся потрепанный том.

— Здесь все сформулировано, — произнесла Уэрелланская Правительница, когда легат вручил ей книгу. — Хочешь, чтобы я тебе прочитала?

Марар сел на нары.

— Нет, — пробормотал он. — Не утруждай себя.

— Проблема в том, Марар, — сказала Мелиор, — что никто из нас не хочет взваливать на себя эту ношу и содержать тебя в тюрьме до конца твоих дней. Мы не хотим, чтобы ты находился в наших дворцовых тюрьмах.

Он нетерпеливо поднял взгляд. Возможно, еще оставалась надежда.

— Ссылка? — спросил он.

— Я связалась с Верховной Владычицей Аббориджа, — сказала ему Вирсия. — Ей ты тоже не нужен.

Мелиор непринужденно оперлась о прутья решетки.

— Какое-то время я думала, не отправить ли тебя в Тобин-Сер, но и им от тебя никакого толка, а я бы не хотела рисковать и испортить наши отношения с тамошними магами.

Они с ним играли.

— Хватит! — воскликнул он, снова вставая и начиная бродить по камере взад-вперед. — Просто скажите, что вы собираетесь со мной делать, и все!

— Ну, вообще-то мы ничего не можем с тобой сделать, — ответила Мелиор, пожав плечами. — Поэтому мы собираемся тебя отпустить.

Он застыл, уставившись сначала на одну, потом на другую:

— *Что?*

— Ты свободен.

Он покачал головой:

— Это какая-то шутка, да? Вы опять играете со мной в игры.

Вирсия покачала головой:

— Нет, не играем.

— Тебе придется возвращаться в Стиб-Наль пешком, — сказала Мелиор. — Я не собираюсь тратить свое золото, чтобы оплатить тебе воздухолет. Но прогулка пешком — это тоже неплохо. — Она усмехнулась. — Уж я-то знаю.

«Ерунда, — подумал он. — Я найму лодку. Как только люди узнают, кто я, они поймут, что у меня есть золото, чтобы заплатить им».

— Прекрасно, — сказал он, прилагая усилия, чтобы скрыть ликование. Он нерешительно шагнул к двери. — Так я могу идти?

Мелиор пожала плечами:

— Как только захочешь. — Она нажала на красную кнопку позади себя, и дверь его камеры заскользила, открываясь. — Можешь уходить прямо сейчас.

Все еще не веря в происходящее, Марар вышел из камеры и повернулся к обеим:

— Благодарю вас, Правительницы. Я буду всегда помнить, что вы сегодня сделали для меня.

Они обе кивнули, но ничего не ответили. После момента некоторой неловкости Марар повернулся и направился к двери, ведущей из тюрьмы. Сердце его бешено колотилось, руки дрожали, и он позволил себе улыбнуться. Ведь никто из них этого не видел.

И в этот момент его ликование было нарушено.

— Есть еще кое-что, Марар, — сказала Мелиор, вынуждая его остановиться.

Он медленно повернулся. Они обе улыбались, и от их улыбок кровь застыла у него в жилах.

— Вирсия дала мне разрешение завоевать Стиб-Наль, — произнесла гилдрин. — После всех тех неприятностей, которые ты нам доставил за последние месяцы, мы сошлись на том, что будет лучше, чтобы в Лон-Сере было два Наля, а не три. Взамен я уступила Матриархии права на разработку месторождений в северной части Срединного хребта.

Марар почувствовал, что у него подгибаются колени, и он схватился за притолоку, чтобы не упасть.

— Вы не можете этого сделать, — слабо возразил он. Но в действительности ничто не могло их остановить. Любое официальное объявление войны делало недействительным договор. Что означало...

— Ты же знаешь, что можем, — сказала Мелиор. — А поскольку Брагор-Наль и Стиб-Наль скоро будут воевать, мне придется взять тебя в плен.

В какой-то момент в ее праве будет казнить его.

— Пожалуйста, — выдохнул он. — Я сделаю все, что ты захочешь.

— Все? — спросила Мелиор.

Он кивнул.

— Я отменю вторжение, если ты не будешь добиваться выполнения условий Договора, которые мешают посадить тебя в тюрьму.

Он закрыл глаза. Общая тюрьма. Неизвестно, что другие заключенные сделают с ним, узнав, кто он такой. Казнь — лучший выбор. К сожалению, он слишком труслив, чтобы остановиться на нем.

— Мы договорились? — спросила Вирсия.

— Да, — прошептал он. — Я не буду требовать выполнения этого условия.

Уэрелланская Правительница вытащила документ и ручку из складок своего платья. Он снова закрыл глаза и тихо пробормотал проклятие. Они все это планировали с самого начала. Они знали, что он у них в руках, и тем не менее заставили его пройти через все это: ложную надежду, сокрушительное разочарование, унижение.

Она вручила ему бумагу и ручку.

— Хоть бы мои убийцы добрались до вас обеих, — сказал он, подписывая документ, даже не удосужившись прочесть его.

— Они могут, — ответила Мелиор. — Но они уже не будут убийцами, посланными тобой.

— Вы хотя бы позвольте мне выбрать тюрьму?

Женщины переглянулись.

Мгновение спустя Мелиор пожала плечами:

— Конечно.

— Спасибо. Я отправлюсь в Матриархию. — Он знал, что это ничего не изменит. Нарушители закона есть нарушители закона. Но говорили, что условия в Уэрелланских тюрьмах лучше.

— Я ж тебе говорила.

Вирсия улыбнулась:

— Так будет правильной. Я знаю, что он причинил тебе, но он убил Шивонн. Справедливость требует, чтобы мы забрали его.

Мелиор кивнула:

— Надеюсь, это послужит некоторым утешением тебе и твоему народу.

Марар снова закрыл глаза. Мелиор и Вирсия — союзники. Они, наверное, стали еще ближе, чем когда-то были Мелиор и Шивонн. Все его планы и все его золото ни к чему не привели.

Вирсия дважды хлопнула в ладоши, и появились четверо ее стражей.

— Отведите его в воздухолет, — приказала она, с безразличием указав на Марара. — Не спускайте с него глаз, но обращайтесь с ним вежливо. Он когда-то был Правителем.

— Да, Правительница, — ответил один из них.

Двое охранников вывели его через дверь в широкий коридор и направились к мраморной лестнице на противоположном его конце.

— Марар, — окликнула Мелиор. Охранники остановились и развернули его.

Она снова широко улыбалась, и он очень хотел отвернуться, лишь бы не услышать ее, что бы она ни сказала. Однако охранники не позволят ему этого.

— Тебе никогда не следовало пытаться убрать Джибба. Если бы ты удовольствовался тем, что поручил Премелю убить меня, у тебя бы все получилось. Ты стал стремиться слишком ко многому, и это стоило тебе всего. — Ее улыбка стала еще шире. — Это тебе пища для размышлений, пока ты будешь гнить в тюрьме.

Он уставился на нее на несколько секунд, затем взглянул на одного из охранников.

— Уведите меня отсюда, — сказал он.

Они снова развернули Марара и вывели его из дворца к воздухолету Вирсии.

«Ты стал слишком ко многому стремиться». Мелиор была права. Он знал, что это так. И знал, что ее слова будут терзать его до самой смерти, напоминая ему, как близко он подобрался к осуществлению своих замыслов. Этого она и добилась, ему в наказание.

29

И снова я пишу вам с просьбой о помощи в деле чрезвычайной важности, и снова я делаю это от имени Орлиного Магистра Джарида. Каким-то образом — то ли силой, то ли хитростью — Сартол, враг, о котором я писала вам в прошлом письме, привлек на свою сторону Неприкаянных в войне против народа Тобин-Сера. Мы начинаем получать сообщения о зверствах, совершенных духами в деревнях возле тех мест, где они встретили первых птиц.

Независимо от того, как вы отреагировали на мою предыдущую просьбу, я прошу вас помочь в нашем стремлении предупредить народ Тобин-Сера об этой новой угрозе. Оповестите жрецов во всех деревнях Тобин-Сера как можно скорее, используя любые средства, находящиеся в вашем распоряжении. Уже есть жертвы. Целые деревни уже уничтожены. Люди должны понять, что, даже если дух возле их деревни раньше был милостивым, теперь ему или ей нельзя доверять.

*от Первой Помощницы Премудрого Ордена Магов и Магистров
Элайны Бревилу, Верховному Жрецу Детей Богов, весна, год 4633*

Свежий снег в горах замедлял скорость их передвижения, но, помимо этого, он отражал лунный свет и свет цериллов, позволяя им ехать глубокой ночью. Джарид подгонял себя и своих спутников так упорно, как только могли позволить их животные, и хотя остальные сначала роптали на скорость, которую он задал, когда они покинули место, где Ронуэн встретила первую птицу, никто из них больше не жаловался после их встречи с людьми из Отрога Фелана.

Вне всякого сомнения, с каждой наступающей ночью возобновлялись нападения Неприкаянных на деревни по всему Тобин-Серу. Как они могли отдыхать?

Они добрались до Амарида на исходе четвертой ночи, въехав в великий город и проскакав по улицам к зданию коменданта намного позже того, как последний из купцов упаковал свой товар и удалился. Джарид связался с Элайной ранее и сообщил ей, когда ожидать их, поэтому она не спала и ждала их стоя на пороге комендатуры с большой совой на плече. Мин тоже была там, выглядела сонной, но была рада снова увидеть Джарида.

— Она настояла, — тихо сказала Элайна со снисходительной улыбкой на губах.

Джарид улыбнулся в ответ:

— Конечно. — Он поцеловал Элайну, затем поднял Мин и поцеловал ее в лоб. — Я скучал по тебе, Мин-Мин.

— Я тоже скучала по тебе, папа, — ответила она, кладя голову ему на плечо.

— Но тебе нужно поспать, доченька, а нам с мамой — о многом поговорить.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза:

— Вы собираетесь говорить о том человеке?

Джарид почувствовал, как на его сердце нахлынула волна страха.

— *Арик, дай мне силы защитить ее.* Да.

Она снова обняла его за шею и крепко прижалась на несколько мгновений. Затем выскользнула из его рук, крепко обняла Элайну и ушла вместе с Валли обратно в таверну, где они с Элайной остановились после того, как Сартол захватил Великий Зал.

— Мы должны вернуться в Зал Лиги, — сказала Кайлин. — Нам с Эрландом нужно поговорить с остальными членами Лиги обо всем, что случилось с тех пор, как мы ушли. Через несколько часов наступит рассвет. Почему бы нам здесь не встретиться утром?

— Хорошо. Мне тоже нужно поговорить с остальными магами Ордена, — сказал Джарид. — Но у меня мало сомнений относительно того, что мы решим делать. Нам нужно сразиться с ним, Кайлин. Нам нужно попытаться победить его сейчас. Скоро он станет еще сильнее.

— Я согласна, — ответила Кайлин. — Я сделаю все, что в моих силах, для того чтобы убедить остальных.

— Если это хоть что-нибудь значит для вас, — добавил Эрланд, все еще сидя в седле и выглядя очень величественно в голубом плаще и с белой бородой, — я с вами согласен.

— Благодарю тебя, Эрланд, — сказал Джарид, улыбаясь ему. — Это очень много значит.

Эрланд и Вавния повернули своих лошадей, собираясь уезжать, но Кайлин задержалась еще на минутку, пристально глядя на Орриса с таким видом, словно хотела что-то сказать. Но затем развернулась и последовала за Эрландом и Вавнией.

— Я дам остальным знать, что вы вернулись сегодня вечером, — сказала Элайна. — Они ждут вас внутри.

Они вошли в здание коменданта вместе с Оррисом и Транном, которые шли на шаг позади них, а Ритлар прыгала перед ними.

— Еще какие-нибудь новости есть?

Элайна кивнула:

— Сартол убрал энергетический щит, который был создан вокруг Великого Зала. Мы не знаем, какой в этом смысл. Мы не слышали ни о каких новых нападениях, но это ничего не значит. Было бы не похоже на Сартола, если бы он остановился сейчас.

— Он по-прежнему в Великом Зале? — спросил Транн.

— Да, и с ним Терон.

— Ты уверена, что это Терон? — спросил Оррис.

Элайна с Джаридом слегка улыбнулись.

— Уверена, — ответила она. — Этот оттенок зеленого я узнаю где угодно.

Они вошли в главную комнату здания, и остальные маги во главе с Баденом и Сонель встали, чтобы поприветствовать их. Никто не произнес ни слова, когда Оррис и Транн заняли свои места за столом, а Джарид с Элайной направились в переднюю часть комнаты.

— Благодарю вас, что вы пришли, — начал Джарид. — Я знаю, сейчас поздний час, мы бы все предпочли отдохнуть. Но пока продолжается эта война, народ Тобин-Сера не может отдыхать, поэтому, наверное, справедливо, что и мы не можем.

— Ты узнал что-нибудь от Ронуэн? — спросил Баден. — Ты знаешь, как остановить Сартола?

— Когда Сартол забирал Неприкаянных с тех мест, где они встретили первых птиц, нам явился Терон, — ответил Джарид. — Он сказал нам, что Сартол изменил его Проклятие и, сделав так, он дал нам единственный шанс победить его. — Джарид замолчал, зная, как

это прозвучит. — Мы должны сами нарушить Проклятие.

Остальные сохраняли полное молчание, уставясь на него так, словно он предлагал им затмить солнце.

— Я даже не знаю, как попытаться сделать такое, — сказал Баден чуть ли не шепотом. — А он сказал что-нибудь еще?

Джарид перевел дух:

— Нет. Я полагаю, нам нужно отобрать у Сартола контроль над Созывающим Камнем, но я понятия не имею, что мы должны делать кроме этого. Все, что я знаю, так это то, что нам нельзя ждать. Мы должны сразиться с ним завтра.

— Завтра? — спросил Транн. — Или завтра ночью?

— Если мы будем ждать до ночи, — сказал Баден, — он пошлет за нами Неприкайнных. И это сильно все осложнит.

Транн кивнул:

— Верно. Но если мы подождем до ночи, мы также дадим передышку остальному Тобин-Серу, пусть даже и на время. Но что важнее, так это то, что Терон произносил Проклятие ночью; может быть — это единственное время, когда его можно нарушить.

— Кроме того, — добавила Элайна, — если Терон будет там ночью, он, может быть, сумеет помочь нам.

Джарид посмотрел на своего дядю:

— Что ты думаешь, Баден?

Старый маг ненадолго задумался:

— То, что они говорят, имеет смысл. Кто знает? Может, и остальные Неприкайнные сумеют как-нибудь помочь нам. Нужно пойти туда ночью.

— Я склонен согласиться, — сказал Джарид. — Будем надеяться, что члены Лиги тоже согласятся.

— А Бревил уже ответил на твою просьбу помочь нам, Элайна? — спросил Радомил.

Та покачала головой.

— Еще нет, — ответила она грустно. — Может быть, мы получим ответ от него завтра.

Никто ничего не ответил: по тону Элайны было ясно — она очень слабо надеется, что жрецы придут к ним на помощь.

Обсуждать было больше практически нечего. Они почти ничего не знали о силе Сартола и о Неприкайнных, раз он теперь изменил Проклятие. Все, что они могли сделать, это сразиться с ним и надеяться, что совместных усилий магов Лиги и Ордена окажется достаточно. Тем не менее даже после того, как Джарид объявил перерыв, все остались, чувствуя, что, может быть, это — их последнее собрание. Говорили мало, но, казалось, маги находят утешение в том, что они просто вместе. А когда первые лучи утреннего солнца проникли сквозь окна здания, маги Ордена вышли друг за другом на улицу, встречая день.

Элайна снова взяла Джарида за руку:

— Странно подумать, что к этому времени завтра утром все будет кончено. В любом случае.

— В любом случае, — повторил он.

— Ты не думаешь, что нам удастся победить его?

Он огляделся вокруг, и ему казалось, что никто больше его не слушает.

— Я не знаю, — признал он. — Орден раньше ни с кем столь могущественным не сталкивался. Я не думаю, впрочем, что когда-либо существовал кто-нибудь столь же могущественный. Мы должны победить его, но я понятия не имею, как это сделать.

— Мы найдем способ, — ответила она с такой уверенностью, что он и вправду поверил ей. — Что нам еще остается?

Вскоре, когда солнце появилось над плоскими крышами города, Кайлин привела магов Лиги к зданию коменданта. Ритлар стояла на земле рядом с Джаридом и, увидев орла Кайлин, издала резкий крик, на который другая птица ответила.

— Доброе утро, Орлиный Магистр, — сказала Кайлин голосом, который донесся до

всех стоящих там магов, — Мы, члены Лиги Амарида, пришли, чтобы сразаться бок о бок с вами ради народа Тобин-Сера. Три раза Орлиным Магистрам удавалось привести нашу страну к победе. Сегодня боги в четвертый раз желают, чтобы вы сделали это снова. Мы отдаем себя в ваше распоряжение. Что мы должны делать?

Джарид пристально смотрел на нее, не веря в происходящее. Как ей удалось заставить Эрланда и остальных согласиться на подобные формулировки?

— Орлиный Мудрец Кайлин, я... я потрясен.

Она улыбнулась, и ее яркие голубые глаза сверкнули в лучах солнца.

— Это было нелегко, — тихо сказала она. — Прими наше предложение, пока они не передумали.

— Мои собратья маги и я сам с радостью принимаем вас как союзников в этой войне, — сказал Джарид так, чтобы все слышали. — Когда Волшебная Сила объединена, ее нельзя победить.

— Несколько старых магов, включая Эрланда, думают, что разумнее сразиться ночью, — сказала Кайлин более тихим голосом. — Точно не знаю, согласна ли я с ними, но я подумала, что следует сказать об этом.

— Вообще-то, мы пришли к такому же выводу. Я думаю, что это имеет смысл по нескольким причинам, но если ты не убеждена...

Она покачала головой:

— Я подчинюсь твоему и их суждению. — Она нахмурилась и ненадолго отвела взгляд. — Я чувствую себя сегодня очень молодой.

— Не стоит, — сказала Элайна. — Никто из нас о тебе так не думает.

Кайлин улыбнулась:

— Спасибо. Так мы откладываем дело до наступления ночи? — спросила она Джарида.

— Да. На закате нам нужно будет собраться у Великого Зала.

— А пока?

Он развел руками:

— Я точно не знаю, есть ли способ подготовиться к этому, Кайлин. Отдыхайте, сделайте что-нибудь, чтобы этот день стал особым. — Он посмотрел на яркое голубое небо без облачка: — Наслаждайтесь солнечным светом. Кто знает, что принесет нам завтрашний день?

— Он принесет победу, — сказала Кайлин, словно она в этом и не сомневалась.

— Я говорила ему то же самое, — сказала Элайна. — Но он мне не верит.

Джарид улыбнулся им:

— Я хочу верить вам обеим.

— Этого недостаточно, — сказала Кайлин. — Ты обязан верить нам. Ты ведь руководишь нами. Если ты не будешь уверен, что мы способны одержать победу, мы не сможем победить.

Он знал, что она права, что они обе правы. Тем не менее он не мог избавиться от чувства, что на этот раз все иначе, что теперь маги Тобин-Сера столкнулись со слишком могущественным врагом.

— Буду об этом помнить, — ответил он. Это было все, что он мог сказать.

Кайлин нахмурилась, словно чувствуя оставшееся у него опасение:

— На закате? У Великого Зала?

— Да.

— Хорошо, — сказала она, отходя, чтобы сообщить об этом остальным магам Лиги.

Вскоре все маги Ордена и Лиги стали расходиться; они походили на школьников, у которых отменили занятия. На мгновение Джарид подумал, не совершает ли он ошибки.

— Ты выглядишь очень усталым, — сказала Элайна. — Тебе нужно немного поспать.

— Я не хочу спать, — ответил Джарид. — Давай найдем Мин и выберемся из города на прогулку.

— Куда ты хочешь пойти?

Он снова посмотрел на небо. Такой день нельзя тратить впустую. Особенно сейчас.

— Куда угодно. Мне все равно. Пусть решает Мин.

Как оказалось, она выбрала место, которое выбрал бы и сам Джарид: озеро Дакии, небольшой водоем за городом в Ястребином лесу. Скакать до него верхом было недалеко, но как только они добрались, стало казаться, что они словно бы уехали на много лиг от Великого Зала, а именно это ощущение и было Джариду необходимо. Несколько часов все трое играли, плавали и смеялись. Ритлар кружила в воздухе большую часть времени и иногда подлетала к Джариду, словно чтобы удостовериться, что он на месте, а сова Элайны спала поблизости на старом пне. Но на некоторое время, впервые за столь долгий срок, Джарид и Элайна снова были по-настоящему мужем и женой, отцом и матерью, а не Премудрым и его Первой Помощницей.

На исходе дня они неохотно забрались в седла, Элайна посадила Мин перед собой, и они поскакали обратно в Амарид. За весь день Джарид не нашел никакой причины считать, что маги одержат победу, но обрел некоторый покой, словно боги уверили его в том, что, каким бы ни был исход предстоящей битвы, Тобин-Сер найдет способ выжить. *Неважно насколько он силен*, казалось, говорили они посредством солнечного света, который сверкал на воде, и теплого ветерка, который колыхал ветви дубов и тополей, окружающих озеро, *он не сможет уничтожить все это*.

Они добрались до города перед заходом солнца и отвезли Мин обратно в таверну, где ее ждала Валли. Джарид с Элайной пытались попрощаться беззаботно и непринужденно, но Джарид не мог не прижать к себе свою дочь, когда настала его очередь. Элайна уже отвернулась, чтобы Мин не увидела ее слез, а Джариду пришлось приложить немало усилий, чтоб самому не заплакать.

— Все в порядке, папа, — сказала Мин, отходя назад, чтобы посмотреть ему в глаза. — Уверяю тебя. Прошлой ночью мне снилось, что мы все снова были дома. Мы скоро тронемся в путь.

Он улыбнулся и обнаружил, что все-таки плачет. Он чуть не спросил, был ли этот сон вещим, но не был уверен, хочет ли он это знать. И в этот момент он не настолько доверял твердости своего голоса, чтобы заговорить. Поэтому он снова поцеловал ее, прошептал: «Я тебя люблю» — и ушел вместе с Элайной.

Они пришли к Великому Залу среди последних. Кайлин и Эрланд уже были там с остальными магами Лиги, и все, кроме одного или двух магов Ордена, тоже были на месте, собравшись тесной группой вокруг Бадена и Сонель.

— Мы уж начали было подозревать, что вы передумали, — сказал Баден, когда они остановились перед ними. Но затем, увидев красные глаза Элайны, Совиный Магистр наморщил лоб. — Все в порядке?

Джарид кивнул:

— Прощаться с Мин было... трудно.

Баден сочувственно нахмурился и положил каждому из них руку на плечо.

— Мне очень жаль.

Через мгновение появился последний из магов Ордена, и Джарид сделал знак рукой Кайлин и остальным магам Лиги подойти ближе.

— Мне почти нечего сообщить, чего бы вы все не знали. Мне неизвестно, с чем мы столкнемся там внутри. Просто берите пример с Кайлин и меня. Если дела пойдут плохо и мы погибнем, продолжайте сражаться изо всех сил. Наша цель — отобрать у Сартола контроль над Созывающим Камнем на такое время, чтобы можно было успеть разрушить Проклятие Терона. Если нам удастся это сделать, мы сможем уничтожить Сартола и его армию.

— Как мы это сделаем? — спросил один из магов Лиги.

— Я точно не знаю, — признал Джарид. — Но если мы бросим всю нашу мощь на Сартола — или скорее на Таммен, тело которой он контролирует, — мы, возможно, найдем способ добиться своего. Как только войдем, мы должны рассыпаться по периметру Палаты

Собраний. Удостоверьтесь, что у вас свободная линия атаки на Сартола, и, — добавил он, бросая неловкий взгляд на Кайлин, — помните, что он может направить свой огонь только на одного или двух из нас одновременно.

— Не поможет ли вам сила еще двух магов? — спросил голос позади него.

Джарид обернулся и увидел трех человек, стоящих неподалеку. У всех троих были цериллы, хотя только у двух из них сидели ястребы на плечах. На них не было плащей, и Джарид предположил, что это — свободные маги.

— Меня зовут Ортан, — сказал первый маг. Он был крупным мужчиной с темными глазами и длинными черными волосами с проседью, которые были собраны в узел на затылке. На плече у него сидел Ястреб Амарида; Джарид раньше никогда не слышал о свободном маге, у которого была бы такая птица. — Со мной — Шэви и Нодин. Как вы, наверное, поняли, мы — свободные маги. Нас много по всей стране, но только мы трое оказались достаточно близко, чтобы предложить вам свои услуги. И для нас было бы большой честью сразиться вместе с Орденом и Лигой против врага.

— Мы будем очень признательны, — ответил Джарид. Он взглянул на двух остальных. Один из них был молодым и худощавым, у него были желтые волосы и приятное лицо. Но именно ко второму, который не имел птицы, был прикован взгляд Джарида. Его лицо и руки были в ужасных шрамах и у него на голове и лице не было ни единого волоса, словно он прошел через магический огонь.

— Нодин? — прошептал Баден. — Это действительно ты?

Тот кивнул, но резко опустил взгляд:

— Да, Совиный Магистр.

— Сартол сделал это с тобой?

— Да.

— После того, как он забрал Таммен?

Тот в очередной раз кивнул.

— Мне очень жаль, — выдохнул Баден. — Ужасно жаль.

— Джарид, — прошептала Элайна, — мы не можем больше ждать. Уже почти стемнело. Скоро Неприкаянные начнут нападать на деревни.

— Ты права. — Он посмотрел на Ортана и Шэви. — Как я уже сказал, мы с радостью примем вашу помощь.

— А можно и мне пойти с вами, Орлиный Магистр? — спросил Нодин, делая шаг вперед. Он слегка прихрамывал. Джарид даже представить не мог, что ему пришлось вынести. — Я знаю, что несвязан и все еще слаб после ожогов. Но я любил Таммен и думаю, что и она немного любила меня.

Как он мог отказать?

— Конечно, Нодин. Ты окажешь нам честь, присоединившись к нам.

Тот грустно улыбнулся, и от этого его изуродованное лицо показалось еще более страшным.

— Вопросы есть? — спросил Джарид, поворачиваясь к остальным магам.

Все промолчали.

— Тогда — вперед! Да хранит вас всех Арик и даст нам сил для победы!

Когда маги Тобин-Сера начали подниматься по мраморным ступеням зала, Джарид искоса взглянул на Кайлин:

— Нам с тобой нужно стоять на противоположных сторонах зала, на тот случай, если с одним из нас что-нибудь случится. Ты будешь справа, а я — слева.

Кайлин кивнула.

— Где быть мне? — спросила Элайна.

Он взял ее за руку и поднес ее к губам:

— Со мной, конечно.

Они поднялись до верха лестницы, и Джарид с Кайлин с большими орлами, сидящими у них на плечах, распахнули двери и ввели магов внутрь. Джарид ожидал, что Сартол

направит на них огонь, как только они войдут, но он этого не сделал. Более того, наклонившись над Созывающим Камнем в противоположном конце Зала и пребывая в теле Таммен, как будто в платье, он устоял в большой светящийся кристалл, словно видел, как в нем разворачивалась предстоящая битва. И он не обращал на них внимания, словно их присутствие его совершенно не беспокоило.

«Лучше бы он напал на нас», — подумал Джарид.

Они быстро построились кругом по периметру Палаты Собраний, и так получилось, что маги Ордена последовали за Джаридом, а маги Лиги — за Кайлин, и сторонний наблюдатель мог бы подумать, что маги пришли в Великий Зал, чтобы биться друг с другом.

Ритлар испустила приглушенный крик, и Джарид протянул вверх руку, чтобы погладить ее подбородок. *«Будь мужественной, моя хорошая, — мысленно сказал он. — Для этого боги и соединили нас».*

И только когда все маги были внутри, Сартол выпрямился и посмотрел на них с изумленной улыбкой на лице Таммен.

— Добро пожаловать в мой Зал, — сказал он женским голосом. На мгновение он взглянул на полупрозрачные окна, как раз в тот момент, когда последние золотые лучи солнечного света упали на стекло. — Вы пришли вовремя, что самое главное.

Словно в подтверждение его слов призрачный ястреб Сартола появился на плече Таммен. А через мгновение перед ними появился Терон с ярко горящими зловещими глазами, охваченный изумрудным светом.

Лицо Таммен растянулось в улыбке.

— Извините, что не могу с вами сразиться, — сказал Сартол. — Но вот почему здесь Терон.

Не произнеся больше ни слова, он снова повернулся к Созывающему Камню. В то же самое время Терон сделал шаг вперед и поднял кулак, словно грозя им всем.

— Вам нужно было прийти раньше, — сказал Совиный Магистр, метнув свой мерцающий взгляд на Джарида и Элайну. — Теперь все потеряно.

— Защищайтесь! — услышал Оррис крик Джарида как раз перед тем, как рука Терона стала опускаться, посылая волну изумрудного огня.

Мгновенно Оррис поднял энергетический щит, что сделали и все остальные маги, находящиеся в зале, за исключением Нодина, оба товарища которого растянули свои щиты, чтобы защитить и его тоже. Желтый и голубой, пурпурный и оранжевый, красновато-коричневый самого Орриса, бурый — Транна рядом с ним и десятки других оттенков осветили палату. Все вместе щиты магов образовали стену наподобие радуги, с одного ее конца был сапфировый цвет Джарида, а с другого — золотой Кайлин, и эти два были самыми яркими. И хотя зеленый огонь Терона врезался в их стену с силой тысяч армий Аббориджа, заставив Великий Зал сотрясаться до основания и заскрипеть, щит выдержал.

— Почему вы пришли ночью? — прогремел Терон в тот момент, когда посылал на них еще одну волну огня. — Вы же знали, что он сделал нас своими слугами! Вы же знали, что он может послать нас сражаться с вами!

Третья большая волна зеленой энергии накатила на щит, и Оррис заметил, что его руки начинают дрожать от усталости. Он почувствовал, что Криссан устает, и понял, что птицы других магов тоже выбиваются из сил. Их энергетическая стена все еще могла выдержать атаку духа, но надолго ли ее хватит?

— Мы думали, что нужно подождать, Совиный Магистр, — ответил Джарид. — Нам казалось, что нужно прийти ночью, чтобы сделать то, что мы намеревались.

Эти слова, казалось, привлекли внимание Сартола, ибо Таммен снова выпрямилась и, подойдя, стала рядом с Тероном.

— И что же? — спросил их враг.

Оррис увидел желтый огонь, горящий в глазах женщины, маленькое пятнышко желтого пламени в центре ее голубого церилла, и содрогнулся. Какие бы страдания ни замыслил он

для тех магов, которые пришли сразиться с ним, они были ничем по сравнению с тем, что он сделал с Таммен.

Джарид не ответил на вопрос Сартола, и через мгновение Таммен топнула ногой, как капризный ребенок. Еще одна стена зеленого огня вырвалась из руки Терона; она была сильнее, чем предыдущие. Оррис заметил, что несколько магов, включая Бадена, упали на одно колено. Но тем не менее их щит выстоял.

— Говори! — прорычал Сартол.

— Мы пришли уничтожить тебя, предатель! — ответил Джарид сквозь стиснутые зубы, с лицом, мокрым от пота. — Что еще тебе нужно знать?

Сартол взглянул на Бадена:

— Ну, и каково быть старым, Баден? Каково ощущать, когда тебя вытесняют дети?

— Эти «дети» мудрее, чем ты когда-либо был, Сартол, — ответил Баден. — И прежде чем закончится этот день, они уничтожат тебя.

Призрак покачал головой и рассмеялся:

— Ты все еще думаешь, что есть способ победить меня, не так ли? Вы действительно так думаете, иначе вы бы не пришли сюда! — Лицо Таммен ожесточилось. — А теперь говорите, что вы задумали!

Еще одна стена огня обрушилась на щиты магов, и она была гораздо мощнее, чем прежние атаки Терона. Маги были отброшены к стенам Палаты, а ястребы и совы, крича, взлетели в воздух. Двое старых магистров Лиги пролежали несколько мгновений на полу, прежде чем зашевелились и с трудом поднялись на ноги. Но и на этот раз их защита выдержала нападение.

— Мы так долго не продержимся, — хрипло прошептал Транн.

Оррис думал о том же самом:

— Я знаю.

— Мы тебе ничего не скажем! — сказал Джарид, вызывающе глядя на Сартола. — Неважно, насколько ты силен, ты не сделаешь нас своими рабами.

И снова на губах Таммен появилась ухмылка.

— А мне и не надо, — ответил Сартол. — У меня уже есть рабы. — Он повернулся к Терону. — Скажи мне, что им известно. Как они намереваются сражаться со мной?

— Я тебе ничего не скажу, — прогремел дух Совиного Магистра. Он закрыл глаза, оставаясь совершенно неподвижным.

— Ты не сможешь сопротивляться мне, призрак, и ты это знаешь! Твой разум открыт для меня.

Терон ничего не ответил, хотя его лоб наморщился, словно для концентрации.

— Перестань сражаться со мной! Это бесполезно!

Но, казалось, что усилия Сартола становятся все более отчаянными.

Терон начал дрожать и обнажил зубы.

— Давайте! — крикнул он напряженным голосом. — Уничтожьте его!

Джарид поднял посох и направил поток голубого пламени на Таммен. В следующее мгновение все маги в Палате присоединились к атаке. Мириады оттенков магического огня слились в один сверкающий шар белого пламени.

Сартол отразил эту атаку. Без всякого видимого усилия он окружил себя энергетической оболочкой. Она была желтой с тонкими полосками голубого цвета Таммен. И эта оболочка, казалось, впитала их огонь, как сухая земля впитывает летний дождь.

Терон схватился руками за голову и закричал от боли, голосом, который потряс Зал так же, как и его огонь незадолго до этого.

Маги продолжили атаку на Таммен, но она оказалась совершенно безрезультатной.

— Скажи мне, что тебе известно! — спокойно приказал Сартол.

Терон упал на колени с нечленораздельным ревом, вцепившись пальцами в волосы. Мгновением позже он перекатился на бок.

— Джарид! — воскликнул Баден. — Это бесполезно, и мы только перенапрягаем

наших птиц!

Орлиный Магистр неохотно опустил посох. Остальные сделали то же самое, и энергетический щит Сартола исчез.

— Проклятие, — сказал Сартол, улыбаясь. — Вы думали, что сможете меня уничтожить, разрушив Проклятие.

Терон лежал совершенно неподвижно на полу.

— Ты убил его! — воскликнул Эрланд с расширившимися глазами.

— Глупец! Он же призрак. Его нельзя убить, так же как и меня! Вы думаете, что сможете победить меня? Вы даже не в состоянии вести атаку в течение двух минут так, чтобы Баден не скулил о своей птице.

— Может быть, они и не в состоянии, — произнес кто-то с порога. — Но зато мы — в состоянии.

Оррис обернулся, чтобы посмотреть на вошедшего, и чуть не упал, не веря своим глазам. Это был Бревил, Верховный Жрец Богов, с двадцатью людьми, и у всех было в руках оружие из Лон-Сера.

Снова посмотрев на Таммен, Оррис заметил следы удивления на ее лице и — могло ли ему такое показаться? — некоторого страха. Однако это длилось всего лишь мгновение. Затем знакомая усмешка снова растянула губы Таммен.

— Я планировал со временем уничтожить и Храмы, Верховный Жрец, — сказал Сартол. — Но буду рад начать прямо сегодня.

Желто-голубой огонь вылетел из Созывающего Камня в направлении Бревила и его людей. Но маги, действуя как одно целое, отразили удар мерцающей энергетической стеной.

— Рассредоточьте своих людей, Верховный Жрец! — крикнул Джарид. — Но оставайтесь позади нас, чтобы мы могли защитить вас.

Люди Храма быстро разместились вдоль стены палаты, пока огонь Сартола продолжал струиться из камня. Однако, когда они открыли по Таммен огонь из своего оружия, Сартол был вынужден снова поднять энергетическую защиту.

— Вы видите это? — воскликнул еще один голос. Оррису потребовалось мгновение, чтобы понять, что это Нодин, маг со шрамами. — Вы видите? В его огне есть голубой цвет! Голубой цвет Таммен! Она все еще жива! Ее еще можно спасти!

Сартол посмотрел на него, и глаза Таммен сузились. Затем ее лицо исказилось от презрения.

— Ты! — сказал Сартол. — Ты по-прежнему жив? Это невозможно!

— Не существует ничего невозможного! — сказал ему Джарид, заставляя Сартола снова обратить на него пристальный взгляд. — Теперь ты начинаешь это понимать, не так ли? Нодин должен был умереть, но он жив. Было невозможно, чтобы Лига, Орден, свободные маги и Дети Богов объединили силы в борьбе против тебя, потому что они должны были ненавидеть друг друга, и тем не менее мы — здесь.

— Вы все глупцы! — сказал Сартол. — Я ожидал большего от тебя и Элайны, Премудрый, но, наверное, я ошибался. Вы могли привести сюда всех мужчин и женщин Тобин-Сера, и все-таки вы бы не победили. — В глазах Таммен появилось странное выражение, и она снова улыбнулась. — Позвольте мне вам показать почему.

Она снова ждала. Еще два раза Сартол приходил к ней, доставлял ее в какую-нибудь деревню и заставлял убивать и калечить людей. Скоро он сделает это опять. Ронуэн начала чувствовать некую периодичность в его нападениях на страну. Ронуэн знала, что ее очередь скоро снова наступит.

В каком-то смысле ее это больше не волновало. Она словно оцепенела, такую боль он ей причинил. Хватало и того, что он заставил ее уничтожить родную деревню и даже дом, в котором она провела детство. Но когда он заставил ее поднять посох и убить собственную мать, он также убил и ее саму так, как этого не сделала даже лихорадка, унеся ранее ее жизнь. Она не могла даже горевать. И в отчаянии ей было отказано. Не осталось ничего —

все забрал Сартол.

Тем не менее она осознала, что он всегда мог найти новый способ причинить ей боль. Ожидая в темноте, она неожиданно почувствовала, что Сартол и Терон ведут бой, что Совиный Магистр нашел в себе силы сопротивляться воле Сартола. Эта попытка оказалась напрасной. Она почувствовала, что даже Терон знал это с самого начала. Но, вступив в бой, он, казалось, говорил остальным Неприкаянным, что им нужно делать то же самое независимо от того, чего это будет им стоить.

И лишь мгновения спустя, после того, как Терон начал сопротивляться, Ронуэн узнала, насколько большой может быть эта цена. Боль пронзила ее разум, словно мечом, вырвав из ее горла крик, который походил на мучительный рев Терона. Все-таки он сопротивлялся, и, несмотря на боль, несмотря на свое собственное горе и то, в чем ей, как она думала, отказано, она стала бороться, чтобы помочь ему. Так поступили все призраки. По всей стране каждый Неприкаянный дух послал Терону свою силу. И этого оказалось недостаточно. Им даже близко не удалось подойти к успеху.

Внезапно боль прекратилась, и голос прошептал ей и всем остальным: «Когда все будет кончено, вы заплатите за то, что сделали сегодняшней ночью».

Ронуэн подумала, что все это прекратится, по крайней мере на время. Но всего лишь через несколько секунд она почувствовала, что ее переносят так же, как и в первую ночь, когда Сартол забрал ее с места, где она встретила первую птицу, в Великий Зал. Неожиданно она погрузилась в темноту. Даже ее церилл потемнел, словно он был пламенем свечи, *аволя* Сартола — внезапным порывом ветра. Она ничего не видела и не слышала. Только когти Тревдана на ее плече говорили ей, что она все еще существует.

И когда паника начала когтями охватывать ее сердце, она оказалась в свете Великого Зала. Остальные тоже были там: Фелан и Передур, Пэдвин, чей сын Ниалль когда-то служил стране, и Хивел, который стал призраком позже всех. Терон тоже был там, но он был распростерт на мраморном полу с закрытыми глазами и ртом, открытым словно в немом вопле. Насколько она понимала, он был потерян навсегда.

Но лишь когда Ронуэн увидела живых магов, стоящих по периметру Палаты Собраний, она поняла все. «*Вы заплатите за то, что сделали сегодня ночью*». Кто мог знать, что он так быстро найдет подходящее наказание? Словно того, что он заставил ее убить мать и уничтожить родной дом, оказалось недостаточно, и сейчас он намеревался вынудить ее уничтожить Волшебную Силу. Они были его армией, его слугами.

— Видите? — торжествуя воскликнул Сартол, словно чтобы подтвердить ее опасения. Он взмахом руки указал на Терона. — Даже без великого Совино Магистра я могу разгромить вас. Мне и пальцем пошевелить не придется. Я дам приказ самой мощной армии, которую когда-либо видела эта страна! Она и уничтожит вас!

— *Сопротивляйтесь ему.* — Она услышала голос, подобный едва различимому шепоту, который был лишь немного громче шелеста травы на равнине от ветра. Но она узнала голос. Это был Терон, все-таки не потерянный безвозвратно.

— *Как, Совиный Магистр? Мы пытались, но он слишком силен.*

— *Сопротивляйтесь ему,* — повторил Терон. — *Вы должны найти способ.*

— Даже у тебя ничего не вышло, Совиный Магистр! — начал злорадствовать Сартол, который тоже мог слышать голос Терона. — Ты был самым сильным из всех них, и у тебя ничего не вышло. Как, по-твоему, остальные смогут выстоять против меня?

И, словно в подтверждение своей правоты, Сартол заставил их поднять цериллы и направить огонь на магов и людей Храма. Маги выставили энергетические щиты, чтобы защитить себя и Верховного Жреца, но даже Ронуэн смогла определить, что мужчины и женщины, с которыми она сражалась, очень устали. У них не было ни малейшего шанса. Люди Храма подняли свое оружие и открыли огонь по призракам, но красное пламя, конечно, проходило сквозь них, не причиняя вреда.

— Все ясно? — спросил Сартол, торжествуя смеясь. — Никому не выстоять против меня. Даже Лон-Сер будет моим, прежде чем я все закончу!

Но те слова донеслись до нее снова, по-прежнему едва различимые, но настойчивые:
— *Сопровождайтесь ему. Вы — наша последняя надежда. Если у вас ничего не выйдет, страна погибнет.*

30

Учитывая все то, что я писал тебе о свободных магах и о своих отношениях с Лигой, ты, вероятно, считаешь меня дураком, если я надеюсь, что Волшебная Сила сможет защитить нашу страну, как того хотел Амарида. Вне всякого сомнения, в том, каким образом произошел раскол среди магов со времен моей поездки в твою страну, есть моя вина. Но, в конечном счете, мне приходится верить, что у нас много общего, и это важнее, чем разногласия, разделяющие нас. Даже если наши плащи разного цвета, даже если некоторые из нас вообще не носят плащей, у всех у нас есть птицы, которых мы любим, мы все передаем нашу силу с помощью камней, носящих наши цвета. Несмотря на раскол Ордена, мы все связаны Созывающим Камнем. Рано или поздно мы все познаем горечь утраты своей птицы, и в такое время даже наш страх перед Проклятием Терона объединяет нас друг с другом.

Поэтому, пока все это продолжает определять Волшебную Силу, я не оставляю надежды, что мы во времена кризиса сумеем сплотиться и действовать сообща ради блага страны. Возможно, думать так неразумно; возможно, мне и моим собратьям по Ордену следует решить, как нам поступить, когда эта надежда на примирение не оправдывается. Но перестать надеяться я не могу. Мне кажется, что лучше быть глупцом, чем пессимистом.

*от мага Орриса Мелиор И Лакин, Правительнице Брагор-Наля,
весна, год 4633*

Баден знал, что Сартол ненавидит его больше, чем кого-либо. Их судьбы переплетены уже много лет, и сейчас был не первый раз, когда будущее страны и их вражда столкнулись в стенах Великого Зала. При жизни Сартол хотел сделать так, чтобы Бадена казнили как предателя, но это привело лишь к тому, что маги Ордена, объединив усилия, убили его самого после того, как Баден доказал, что именно Сартол предал страну. Но после смерти, с появлением Неприкаянных в Палате Собраний, решил отомстить им всем. И больше всего — Бадену.

Баден об этом знал и поэтому не удивился, когда Сартол послал против него Фелана.

— Кажется, вы раньше встречались, — крикнул им Сартол, когда Неприкаянные начали наступать на магов. — Фелан когда-то помог тебе нарушить мои планы, Баден. Моя ненависть к нему почти так же глубока, как и к тебе. Поэтому кого же еще я мог выбрать, чтобы убить тебя?

Баден ничего не ответил. Он просто немного согнулся, поднял посох и приготовился к защите. Быстро оглядев Палату, он увидел, что другие маги сделали то же самое, и он почувствовал, как у него душа в пятки ушла. Это совсем не то, что бой с Тероном несколькими минутами ранее. До этого магам приходилось сражаться лишь с одним призраком, который посылал волны огня на них всех: сейчас они оказались в некотором меньшинстве. Один общий щит на всех больше им не поможет. Теперь каждому придется сражаться за самого себя. Старым и молодым, сильным и слабым.

Сартол послал по два призрака против каждого Орлиного Мага и по два — против Орриса и Транна. Очевидно, он знал, что на данном этапе своей жизни Баден не представлял такой угрозы, чтобы получить двух противников. Ведь стар был не только он, но и Голив. Почти любой из призраков был бы Бадену не под силу. Но Сартол послал Волчьего Магистра, потому что хотел, чтобы все прошло без сучка и задоринки. Потому что он ненавидел Бадена.

В глазах Фелана было выражение глубокой грусти, когда он со своим волком вышел вперед, чтобы уничтожить его. Баден все еще помнил свою единственную встречу с Волчьим Магистром так же отчетливо, как и то, как впервые стал связанным. Эта встреча с Магистром состоялась ясной летней ночью на Отроге Фелана, и Волчий Магистр, действующий вместе с ними от имени всех Неприкаянных, помог Бадену и его собратьям магам разгромить пришельцев. По выражению лица Фелана Баден видел, что дух тоже это помнит. *«Мне очень жаль, — казалось, говорил Волчий Магистр. — Я не хочу убивать тебя».*

Баден краем глаза увидел вспышки магического огня и услышал тревожные крики живых магов. Битва началась. Возможно, самая последняя битва магов Тобин-Сера. Но он не осмелился оторвать взгляд от Фелана. И мгновение спустя призрак поднял мощную руку, держащую посох, и послал в него струю огня. Огонь был белым, словно Волчий Магистр — сам Тобин, бросающий молнию. Баден встретил удар завесой оранжевой энергии, но его с такой силой швырнуло на пол, что у него перехватило дыхание. Голивас, его славная белая сова, испустила крик, когда парила над ним и затем быстро устремилась вниз, чтобы избежать второго потока огня, который предназначался для нее.

Где-то в центре палаты смеялся Сартол.

Фелан снова поднял посох, словно это был светящийся молот, и направил огонь в грудь лежащего Бадена. Совиному Магистру ничего не оставалось, как окружить себя энергетической оболочкой. С трудом, но она все-таки выдержала, хотя мощный удар во второй раз выбил воздух из его легких. Он попытался откатиться в сторону, но Фелан напал на него прежде, чем он успел это сделать. Снова и снова Волчий Магистр вколачивал в него потоки огня, и от каждого удара у Бадена перехватывало дыхание — маг даже стал бояться, что потеряет сознание. Голивас опять парила над ним, изо всех сил стараясь удержаться в воздухе. Если бы Фелан решил напасть на нее во второй раз, она бы почти ничего не смогла сделать, чтобы избежать удара. Однако Волчьему Магистру, казалось, нравится продолжать атаку на Бадена.

И не без оснований. Силы Бадена истощались. Каждый удар ослаблял его. Оранжевое свечение его щита тускло. Белизна огня Фелана проникала все глубже и глубже, и Бадену стало казаться, что он почти ощущает его жар. От каждого удара в голове у него звенело, как от удара молотом по наковальне. Но он все еще мог воспринимать, что творится в палате. Он слышал крики ужаса и боли своих собратьев. Он знал, что умирали мужчины и женщины. Он слышал, как Сонель кричит рядом с ним, и не мог даже повернуть головы, чтобы посмотреть почему.

«Вот как все закончится, — подумал он. — Они будут нападать на нас до тех пор, пока мы полностью не выбьемся из сил».

И словно в подтверждение его правоты следующий удар Фелана пробил его энергетический щит, обжигая ему грудь, и из горла Бадена вырвался крик боли. Голивас крикнула в ответ и, хлопая крыльями, опустилась на пол рядом с ним, словно она была слишком слаба и не могла больше летать. Непонятно почему, Баден был все еще жив; по-видимому, его щиту, удалось поглотить большую часть огня Фелана. Но когда Фелан снова поднял посох, чтобы продолжить атаку, Баден понял, что следующий удар будет последним.

Он обратился к Голивас, но у нее не осталось энергии, чтобы дать ему. Поэтому вместо того, чтобы извлекать из нее последнюю силу, он соприкоснулся своим разумом с ее сознанием. *«Благодарю тебя, моя хорошая, — мысленно сказал он, — за твою силу и мужество».* В его сознании появился образ Северной равнины, деревья в самой дальней части леса темнели на горизонте. Место, где они впервые встретились. *«Это место я тоже помню. Я любил тебя больше, чем любую другую птицу. Возьми мою любовь с собой, когда я умру».*

Затем Баден закрыл глаза и стал ждать последнего удара Фелана.

Она совершала ошибки в своей жизни. Ей-богу. Временами она бывала высокомерной, отмахивалась от тех, кто не владел Волшебной Силой, нетерпеливой с теми, кто был не

таким умным, смелым или решительным, как она. Она не всегда вежливо обращалась с людьми, которые проявляли к ней интерес, и, возможно, поэтому у нее было мало друзей. Она знала все это и тем не менее почти ничего не сделала, чтобы измениться.

— Это все из-за того, что когда-то случилось со мной, — говорила она себе то и дело, хотя знала, что приводит слабое оправдание. — Это все из-за Вотерсбанда.

Но Таммен даже представить себе не могла, что она такого сделала, чтобы заслужить подобную участь.

Было ли дело в том, что она позволила Нодину любить себя, когда оказалось, что ответного чувства она не испытывает? Могло ли это оправдать такую судьбу? Или все дело в том, что она решила довериться Сартолу, несмотря на предупреждения Хенрика и дурные предчувствия Нодина?

После того как Сартол в ней поселился, она не один день мысленно повторяла эти вопросы. Поначалу, когда она тщетно боролась, пытаясь освободиться, и обнаружила, что господство Сартола над ней было всепоглощающим и к нему никак не подступиться, эти мысли стали единственным способом излить отчаяние и жалость к самой себе. Позднее, когда Сартол начал всерьез оскорблять ее, когда он начал трогать ее — заставлять ее трогать саму себя — так, как она никогда себе даже представить не могла, она стала задавать эти вопросы в качестве своеобразной отдушины, словно спрашивая у богов: «За что?» — она могла забыть, что с ней делали в тот момент.

И только после того как он — они вместе? — убили Хивела в лесу под горами Парне, она прекратила задавать себе эти вопросы и закрыла свой разум. Сжав ее рукой горло Хивела, Сартол почувствовал, как она ужасается.

— Это ведь для тебя не в новинку, — сказал он, снова насмехаясь над ней. — Ты убила Хенрика, помнишь? И Нодина тоже.

Конечно, она этого не забыла. Но из-за того, что последовало за этим, она не отдавала себя полностью горю, которое испытывала сейчас. Казалось, убийство Хивела воскресило в памяти весь ужас того, что она сделала с Нодином.

— *Он был твоим любовником!* — ликующе сказал Сартол, заставляя ее снова и снова воспроизводить в памяти ту ночь с Нодином. — *Красота, да и только!*

Борясь, чтобы изгнать образы того, как они занимались любовью, а затем образ Нодина, дико извивающегося в пламени, охватившем его тело следующей ночью, которую Сартол тоже заставил ее вспомнить, Таммен наконец удалось закрыть свой разум. Ей никак не освободиться от Сартола. Теперь она это знала. А если то, что сказал ей Сартол в ту первую ночь на Северной равнине — правда, смерти тоже не будет. А посему ей придется терпеть всегда, будто она сама стала Неприкаянной.

Тогда лучше сдаться, позволить разуму зачахнуть и провалиться в пустоту, подобно осенним листьям, которые вырываются на свободу после порыва ветра, чем продолжать бороться и переносить каждое оскорбление как очередное поражение. «*Ты не сможешь бороться со мной,* — сказал ей Сартол той ночью, когда вошел в ее тело и разум. — *Это тело теперь — мое.*». Сколько раз он доказывал ей это с тех пор? Сколько раз Таммен пыталась сопротивляться ему и обнаруживала лишь, что ничего не может поделать? Лучше бы она не подчинялась ему в ту первую ночь и тем самым уберегла бы себя от мук, которые за этим последовали. Если она не смогла найти покоя в смерти, она, по крайней мере, может уменьшить боль от того, что живет.

Она лишь смутно осознавала их прибытие в Амарид и захват Великого Зала. Сартол пытался заставить ее наблюдать, как Неприкаянные начинают войну против страны, но даже тогда ему не удалось добраться до нее. Он мог сделать так, чтобы образы появились в ее разуме, но не мог заставить ее видеть их. Когда маги пришли бросить ему вызов, Таммен видела их словно издалека, но их речь была для нее шепотом, а на ответы Сартола она не обращала внимания. Это была их война; свою она проиграла давным-давно.

Но затем до нее донесся голос, проникнув каким-то образом в крошечный мир, который был еще ее собственным. Этот голос был ей знаком, хотя она не рассчитывала

когда-либо услышать его снова.

«Ты мертв, — хотела она сказать. — Ты не можешь быть здесь».

Тем не менее, слыша этот голос, допуская возможность того, что он настоящий, она также услышала ответ Сартола:

— Ты! Ты еще жив?

И затем она поняла, что это — правда, что это действительно был Нодин, которого она все-таки не убила.

Она позволила себе увидеть то, что видел Сартол ее глазами, поэтому она узрела обезображенное лицо Нодина. *«Я сделала это с тобой! — Если бы это было возможно, она бы закричала и бросилась к нему. — Прости меня! — взмолилась бы она. — Я никогда не хотела причинить тебе боль! Мне жаль, что я не любила тебя!»*

Глядя на Нодина, она заметила и остальных тоже. Почти все маги Тобин-Сера были здесь. Тем не менее она не чувствовала в Сартоле никакого страха вообще. А в следующее мгновение его армия Неприкаянных магов появилась в Великом Зале, и она поняла зачем. Таммен попыталась уединиться, закрыть свой разум, чтобы не видеть этой заведомо проигранной битвы. Но теперь, когда Сартол снова овладел ею, он не позволил ей уйти.

— *Нет,* — прошептал он. — *Ты будешь смотреть. Это наша победа, твоя и моя. Я хочу, чтобы и ты наслаждалась ею.*

Этого было не избежать. Она не могла отвернуться или закрыть глаза. И в это мгновение она, наконец, поняла, почему ее наказывают. Это было не ее высокомерие или то, как она использовала Нодина. Бога часто прощали гораздо более серьезные грехи, чем эти. Дело было в том, что она доверила Сартолу помогать им. В конце концов, дело оказалось не в том, что она была злой или жестокой. Все заключалось в том, что она была глупой. И только по этой единственной причине страна должна была погибнуть.

— *Сопrotивляйся ему.*

Она слышала этот голос так же, как и Сартол, и остальные Неприкаянные. Шепот, слабый и отчаянный. Но хотя Сартол смеялся над призывом Терона, думая, что Совинный Магистр просит невозможного от остальных Неприкаянных магов, Таммен прекрасно поняла. Терон говорил с ней.

— Я ничего не могу поделать, — попыталась ответить она. Но она даже не могла сказать ему это.

— *Сопrotивляйся ему. Ты — наша последняя надежда. Если у тебя ничего не выйдет, страна погибнет.*

Она увидела, как призраки наступают на магов, и, несмотря на ненависть, которую когда-то испытывала к Ордену, и презрение, с которым относилась к Лиге, она стала умолять богов помочь им.

— *Ты должна бороться с ним. Ты должна остановить его.*

Неужели Терон не понимал, что она беспомощна? Разве он не знал, что Сартол держал ее под более полным контролем, чем Неприкаянных?

«Начали!» — мысленно скомандовал Сартол.

Сразу же потоки Волшебного Огня вылетели от духов, осветив Великий Зал оттенками голубого, красного, желтого и зеленого, и врезались в энергетические барьеры, поднятые магами, с такой силой, что пол Великого Зала содрогнулся, словно от толчка при землетрясении. Снова и снова призраки вколачивали в них потоки магического огня. Она знала, что они никогда не устанут. Бревил и его люди упали первыми — маги себя-то едва могли защитить. Как можно было от них ожидать, что они защитят также Бревила и его людей? И хотя Таммен когда-то сражалась против Храмов, ей горестно было видеть, как погибают Бревил и его люди. Затем призраки полностью переключились на магов, а ее горе превратилось в муку. Было ясно, что у магов нет ни малейшего шанса выстоять против армии призраков Сартола. В считанные мгновения несколько старых Магистров упало, не в состоянии сконцентрировать достаточно энергии, чтобы защитить себя. Некоторые были охвачены пламенем и, горя, кричали от ужаса и боли. Другие были отброшены с такой

силой, что молча упали и неподвижно валялись на полу.

— *Останови это,* — сказал ей Терон. — *Только у тебя есть средство.*

— *У меня нет средства,* — хотела она сказать...

— *Да нет же, есть!*

Таммен стала бороться, чтобы вновь обрести контроль над собой. Каким-то образом Терон слышал ее. Она говорила с ним, и он ее слышал. Сартол, что она осознала, был так занят боем и контролем над действиями каждого призрака в своей армии, что не обращал на нее внимания. Он все еще удерживал ее. Она не могла двигаться или говорить вслух. И конечно, не могла сама избавиться от него. Но, возможно, она была в состоянии что-нибудь сделать.

— *Как?* — мысленно спросила она.

И снова Терон каким-то чудом услышал ее.

— *Твой церилл.* — Вот и все, что он сказал.

Она поняла.

— *Что?* — Голос Сартола. Неожиданно он осознал, что она разговаривает с Совиным Магистром, и начал действовать, чтобы снова подавить ее.

Но было слишком поздно. Достигнув с помощью разума своего церилла и почувствовав поток энергии Сартола от места, где он встретил свою первую птицу, к ее камню, она влила всю свою силу, которой все еще владела, в кристалл, почти так же, как если бы ей нужно было заставить камень ярко светиться. Конечно, она была несвязанной — Сартол позаботился об этом давным-давно, — и ее возможности были ограничены. Не будь он так поглощен битвой, она бы ни за что не смогла сделать даже этого. Но он лишь на мгновение дольше, чем следовало, не обращал на нее внимания, и несмотря на все то, что произошло с ней до этого, церилл по-прежнему был ее. Внезапно поток магии Сартола прекратился.

Она услышала, как рычит своим голосом от его ярости. Она увидела, что армия Неприкаянных магов внезапно остановилась в самом разгаре боя и повернулась в ее сторону. Она почувствовала, как он пробивается через ее разум с помощью силы, которой он все еще владел, силы, истекающей от призрачного ястреба на ее плече, и содрогнулась от боли. Но все уже было не так, как раньше.

— *Я убью тебя за это!* — сказал он ей. — *Я тебя уничтожу!*

— *Ты убил меня давным-давно, ублюдок!* — ответила она, зная, что он слышал ее, хоть его контроль над ней был не таким, как раньше. — *А сейчас я убила тебя.*

Она чувствовала сильнейшую усталость в руках и плечах. Ее мышцы дрожали от напряжения, а пот с нее лил, подобно дождю во время грозы. Двое призраков беспощадно атаковали ее по очереди, так, чтобы у нее не было возможности отдохнуть. Ритель была сильна, гораздо сильнее, должна была признать она, чем ее любимый Маркран когда-либо. Но даже большой орел не мог терпеть это вечно, дольше, чем она. И тем не менее, хотя все ее тело болело, а ее разум цепенел от бесконечной последовательности ударов, она могла еще кое-что сделать.

Когда духи внезапно прекратили атаку, Кайлин решила, что это какая-то уловка. Но затем она услышала, как Сартол невразумительно ревет от бессилия, и поняла: что-то произошло.

Призраки повернулись к Таммен и направились к ней, а Кайлин осторожно последовала за ними.

Терон снова был на ногах и, увидев Кайлин, резко махнул ей рукой:

— Быстрее, Орлиный Мудрец! У нас мало времени!

— Она никуда не пойдет! — сказал Сартол, направляя на нее посох Таммен.

Кайлин подняла свой посох и приготовилась к защите.

— Не бойся, — сказал ей Терон. — Мы займемся предателем.

И в этот момент неприянные духи, которые несколько мгновений назад подчинялись приказам Сартола, подняли стену светящейся многоцветной энергии, которая протянулась от

мраморного пола Великого Зала до куполообразного потолка. Сартол, стоящий в центре этой тюрьмы из света, зарычал во второй раз и начал посылать желтый огонь поток за потоком в стены своей камеры. И ничего не происходило.

— Нет! — закричал он, снова и снова поливая стены огнем. — Нет!

— Некоторое время мы сможем его удерживать, — сказал Терон. — Но, в конечном счете, он снова подключится к источнику своей энергии. Нам нужно действовать, прежде чем он успеет это сделать.

Не исключено, что Сартол слышал слова Совиного Магистра. Или, может, он просто понял, что ему нужно делать. Потому что внезапно он успокоился. Закрыв глаза Таммен, он поднял посох над головой и затем замер.

— Он сейчас делает попытку. Давайте быстрее! — Терон посмотрел на Джарида. — Ты тоже, Орлиный Магистр.

Джарид поспешил к Совиному Магистру и Кайлин, они вместе с призраком Терона зашагали к Созывающему Камню, а Ритель и птица Джарида следовали за ними.

— Положите руку на камень, — сказал дух. — Вы оба. — Он оглянулся на Сартола, который по-прежнему стоял, как статуя, в центре Палаты Собраний. — Поторопитесь!

Кайлин сделала, как было велено, Джарид — тоже.

— А теперь поднимите посохи и вливайте свою энергию в кристалл.

Кайлин мысленно связалась с Ритель, и мгновение спустя золотисто-желтый огонь вырвался из ее церилла, и к нему через долю секунды добавился ослепительный голубой огонь Джарида. А когда их энергия стала втекать в гигантский кристалл, тот начал светиться голубым с одной стороны, желтым — с другой и зеленым — в центре, где их цвета сливались, и казалось, словно огонь Терона лежал в основе плазменного потока.

— А теперь — остальные! — крикнул Терон. — Все вы, подойдите сюда и добавьте своей энергии в камень!

— А мы, Совиный Магистр? — спросил один из Неприкаянных магов.

— Нет. Это — только для живых магов. Мы бессильны против Проклятия. Стерегите предателя. Вот самое большее, что мы можем сделать.

Остальные маги, некоторые — в голубых плащах, некоторые — в зеленых и трое — вообще без плащей, начали собираться вокруг гигантского кристалла и направлять на него свою магию. Элайна успела первой, а вслед за ней почти сразу же последовали Транн и Оррис, Эрланд и Вавния и все остальные, которым удалось уцелеть после атаки Неприкаянных.

— Баден! — крикнул Джарид. — Где Баден?

Он стал отходить от камня.

— Стой на месте! — приказал Терон.

— Но...

— Нет времени, Орлиный Магистр! Мы должны победить сейчас, прежде чем предатель снова обретет силу!

— Все в порядке, Джарид, — раздался слабый голос. Остальные маги расступились, и Баден вышел вперед, поддерживаемый Сонель. На груди его плащ почернел, а лицо выглядело бледным и изможденным, однако он улыбался, хотя его белая широкоглазая сова с настороженным видом сидела у него на плече. — Со мной все в порядке, — повторил Баден. — Давайте доведем дело до конца.

Джарид широко улыбнулся:

— Давайте.

Все были там, по крайней мере, все, кто выжил; их сила вливалась в кристалл, и он ярко заиграл белым светом, словно был звездой, упавшей с неба Леоры. А самая мощная энергия исходила от Джарида и Кайлин. Вот для чего были посланы орлы. Вот в чем их цель, их предназначение. Кайлин чувствовала, что энергия Ритель проходит сквозь нее, как свет через стекло. Она была мощной, словно само солнце, и Кайлин даже стала бояться, что не сможет справиться с ней. Тем не менее каким-то образом ей это удалось. Джарид также

управился с энергией своего орла. И сила Джарида и Кайлин, Ритлар и Ритель, подкрепленная энергией остальных магов, казалось, оживила большой камень, который был охвачен огнем.

— Джарид и Кайлин, — взглянув на них обоих, сказал Терон. — Повторяйте мои слова в унисон. Говорите в точности то же, что и я. Не меняйте ничего. Вы поняли? — Они кивнули. — Остальные молчите и сфокусируйте свою энергию на камне. У нас есть лишь одна возможность сделать, что надлежит.

Он снова обрел контроль над Таммен, а это было самым главным. И хотя он потратил немного времени на то, чтобы снова добраться до источника своей силы на Северной равнине, он дал ей понять, что она дорого заплатит за то, что сделала.

— Это — лишь начало, — сказал он ей, обжигая разум Таммен с силой, которой он все еще владел. — Как только я верну всю свою мощь, ты пожалеешь, что не умерла в Вотерсбанде.

Он почувствовал, как она содрогнулась от боли, и удовлетворенно улыбнулся. Она по-прежнему боролась с ним, но он мог удерживать ее, и скоро он будет в состоянии снова ее подавить.

Его глаза были закрыты, а его разум переносился через горы и лес Тобины к Северной равнине. Он слышал, как Терон говорит с магами. Неприкаянные могли помешать ему напасть на Джарида и его друзей, но они не могли помешать ему вернуть обратно его силу, и Совиный Магистр знал это. Он видел огни, горящие на Изумрудных холмах.

— Повторяйте мои слова... — услышал он голос Терона.

Перед его мысленным взором расстилалась равнина. Он видел остроконечные вершины Береговых гор позади нее, залитых серебристым светом восходящей луны.

— Начиная с этой ночи... — сказал Терон.

Джарид и Кайлин откликнулись вместе:

— Начиная с этой ночи...

Он увидел свой посох, по-прежнему торчащий из земли, подобно светящемуся копью. Взяв его в руку, он почувствовал, как сквозь него хлынула энергия, океан света и огня.

— Покой будет дарован всем магам...

— Покой будет дарован всем магам...

Он протянул свой разум обратно через страну, добираясь до Созывающего Камня, который все еще принадлежал ему, даже несмотря на огонь четырех дюжин магов, струящийся сквозь него.

— Погибнут ли они связанными...

— Погибнут ли они связанными...

Он видел его, он почти чувствовал его жар. Массивный кристалл, казалось, звал его, словно протягивая ему каменную руку. До этого он уже принадлежал ему, и он снова завладеет им. Ему нужно лишь схватить...

— Или несвязанными...

— Или несвязанными...

У него в голове вспыхнул белый огонь, который был ярче тысячи солнц. Он услышал крик своего ястреба, услышал, как сам кричит голосом Таммен, а затем понял, что крик исходил от самой Таммен. Он почувствовал, как энергия неожиданно хлынула из него, словно сами боги решили выпустить кровь из его тела. А когда последний отзвук крика Таммен достиг его, отразившись от потолка Великого Зала, Сартол почувствовал, как его втягивает в ледяную непроницаемую тьму. Он попытался закричать, уцепиться за что-нибудь — за что угодно. Но не было ни воздуха, ни света, ни звука. Один лишь мрак, который поглотил его, словно море в середине зимы безлунной ночью.

— Или несвязанными...

Как только эти слова сорвались с уст его и Кайлин, ослепительный белый свет

вырвался из Созывающего Камня со звуком, с каким рушатся горы. Великий Зал, казалось, поднялся со своего основания, а затем с грохотом опустился, а маги, словно куклы, полетели на пол.

Несколько минут Джарид неподвижно лежал на холодном мраморе, в ушах у него звенело, глаза были открыты, но он ничего не видел, кроме следов ослепительного света, вырвавшегося из камня.

Затем он почувствовал, как кто-то дотронулся до его руки.

— Джарид. — Это была Элайна, которая лежала рядом с ним.

— Да, — прошептал он, обнимая ее.

— Все кончено?

— Думаю, да.

Он с трудом сел и, когда его зрение прояснилось, осмотрел Палату Собраний. Неприкаянные маги исчезли. Терон, Фелан, Передур, Ронуэн... Все. Они, наконец, обрели покой. В противоположном конце зала лежали тела шести магов, Верховного Жреца и его людей. В середине палаты, прямо под портретом Амарида, который, казалось, был поврежден магическим огнем, неподвижно лежала Таммен; ее глаза слепо уставились на окна как раз над тем местом, где сидел Джарид.

Он повернулся, чтобы посмотреть на остальных магов, и, делая это, заметил нечто заставившее его содрогнуться до глубины души.

— О боги!

— Что случилось? — Элайна застыла, раскрыв рот. — Да хранит нас всех Арик, — выдохнула она.

Разлетевшийся вдребезги Созывающий Камень валялся на полу, его осколки были разбросаны полумесяцем вокруг древней деревянной подставки, на которой он стоял лишь несколькими минутами ранее. Сама подставка местами обуглилась и была сломана. Джарид медленно встал и подошел к ней. Осколки большого кристалла вонзились в деревянную подставку и в каменную стену позади нее. А когда другие маги зашевелились и заковыляли к нему, он увидел, что у многих из них были порезы и раны, так как осколки попали и в них.

— Просто чудо, — осознал он, — что никого не убило.

Орлиный Магистр взглянул на свой посох, который когда-то принадлежал Терону. У него по-прежнему были почерневшие края и тонкие бороздки в намерзшей древке, которые образовались, когда Совиный Магистр создавал Проклятие. Сегодня ночью, разрушив его, они разбили Созывающий Камень, так же, как Терон разбил свой церилл тысячу лет назад.

Снова подняв взгляд, Джарид увидел, что остальные смотрят на него.

Кроме одного. Он услышал рыдания, доносящиеся из центра зала, и, когда остальные маги повернулись, чтобы взглянуть, в чем дело, Джарид увидел стоящего на коленях Нодина, держащего на руках Таммен.

Джарид подошел к нему и, опустившись на колени рядом с ним, положил ему руку на плечо.

— Я хотел спасти ее, — сказал Нодин нетвердым голосом, и слезы покатались по его испещренным шрамами щекам. — Я думал, может, есть способ.

— Мне кажется, что она была потеряна для всех в ту ночь, когда Сартол завладел ею, — сказал ему Джарид. — Не думаю, что кто-либо из нас мог спасти ее. Но, возможно, она спасла нас.

При этих словах маг поднял на него взгляд.

— Терон сказал, что Сартолу нужно было снова обрести свою силу. Наверное, Таммен нашла способ остановить его или, по крайней мере, задержать настолько, чтобы мы успели разрушить Проклятие.

— Вы действительно так думаете?

— Что-то произошло, — сказал Джарид. — В одно мгновение меня убивали двое Неприкаянных магов, а в следующее они обратили свой огонь на него.

— Фелан уже поднял руку, чтобы прикончить меня, — добавил Баден. — Я, возможно,

никогда не узнаю, почему он этого не сделал, но мне кажется, объяснение Джарида имеет право на существование так же, как и любое другое.

Нодин поднял взгляд на худого Совиного Магистра, и несколько секунд они пристально смотрели друг на друга. Затем Нодин кивнул:

— Спасибо. — Его глаза метнулись на Джарида, а затем снова на Бадена. — Спасибо вам обоим.

— Ты знаешь, как это все случилось? — спросила Кайлин. — Ты знаешь, как Сартолу удалось завладеть ею?

Нодин снова опустил взгляд и осторожно убрал прядь волос со лба Таммен.

— Она отдала себя ему. Она думала, что он сможет помочь Народному Движению.

— Но почему она так поступила? Разве она не знала?..

— Она — из Вотерсбанда, — ответил Нодин, и слезы снова потекли по его лицу. — Она была всего лишь ребенком в то время, но память об этих событиях не давала ей покоя. Почти вся ее деревня была уничтожена захватчиками. Сартол остановил их нападение и убил всех виновных. Ей было все равно, почему он это сделал, и ей было наплевать на то, что остальные считали его предателем. Для нее Сартол стал героем.

Кайлин уставилась на него, ее юное лицо внезапно побледнело, а губы задрожали.

— Таммен была из Вотерсбанда? — прошептала она.

Нодин пристально посмотрел на нее:

— Да. — Затем сузил глаза. — Ты тоже там была?

— Каэра. Я была единственной, кто выжил там.

— Конечно, — сказал он. — Ты — Кайлин. Я сразу должен был вспомнить тебя.

Но Кайлин, казалось, не слушает его:

— Это могло произойти и со мной. Она на несколько лет старше и не носит плаща. Но в остальном мы одинаковы.

— Нет, — сказал Нодин. — Я бы хотел, чтобы это было так. Возможно, тогда она была бы по-прежнему жива, а я бы не носил эти шрамы. Но вы вовсе не одинаковые. Ты и она пережили страшное горе, ночной кошмар. Но это сделало с ней что-то темное. Как иначе она могла позволить Сартолу завладеть собой? Боги бы никогда не послали тебе этого орла, если бы видели в тебе ту же самую тьму.

Кайлин, казалось, ощутила правду его слов, ибо через мгновение краска схлынула с ее щек.

— Благодарю тебя, — сказала она.

— Что нам делать теперь, Джарид? — спросил Оррис. — *Теперь, когда камень разбит, а Неприкайнные исчезли. Теперь, когда нет никакого Проклятия, которое бы не давало покоя несвязанным магам.*

Оррис не сказал этого; они и так знали, что он имел в виду.

Джарид не понимал, радоваться ему или плакать, хотя он подозревал, что, прежде чем окончится этот день, ему, вероятно, придется делать и то, и другое.

— Мы скажем народу Тобин-Сера, что они могут больше не бояться Сартола и Неприкайнных, — ответил Орлиный Магистр.

— А Созывающий Камень?

— Камень потерян, — сказал Джарид. — Я не знаю, что мы можем с ним сделать. Амарида с Тероном принесли его сюда из Цериллона и изменили таким образом, чтобы он был связан со всеми нашими цериллами. Наверное, мы могли бы принести еще один подобный кристалл, но я не знаю, как сделать с ним то, что сделали они.

Остальные маги молча стояли перед ним, словно обдумывая то, что значит не иметь Созывающего Камня. Теперь больше не существует ничего, что бы связывало их друг с другом. Нет способа созывать их всех на Собрание или сообщить им о смерти Премудрого. Кроме того, без камня не было необходимости в самом Премудром. И уж точно не было особой нужды в том, чтобы Премудрый и Первая Помощница оставались в Амариде. Всегда именно Созывающий Камень вынуждал их быть здесь. Это было их обязанностью —

созывать остальных в город Первого Мага во времена кризиса. А если кризис требовал, чтобы маги направились куда-то еще, они могли использовать камень, чтобы отправить группу магов в любую сторону Тобин-Сера.

— Волшебная Сила не остается неизменной, — мягко сказал Эрланд, словно читая его мысли. — Камень утрачен, Проклятия больше нет. — Он покачал головой. — Никогда не думал, что доживу до чего-нибудь подобного.

— Возможно, — сказала Кайлин, — сейчас подходящее время, чтобы покончить с враждой между Лигой и Орденом. Мы вместе разгромили врага, и мы потеряли способность быстро откликаться, когда мы понадобится стране. Продолжать наше соперничество было бы глупо.

Джарид улыбнулся:

— Я согласен.

Но она не закончила, и в следующее мгновение Джарид понял, что ее слова в первую очередь предназначаются Эрланду. Вручив свой посох Оррису, Кайлин сняла свой плащ, и он упал на пол.

Эрланд уставился на нее, раскрыв рот.

— Что ты делаешь?

— Я ухожу из Лиги. Ты хотел, чтобы я передала свои полномочия тебе, как только война будет окончена. Я делаю даже больше. Тебе больше не придется беспокоиться о том, что я снова стану у тебя на пути, Эрланд. Теперь я — свободный маг. Я просто служу стране, и все.

Оррис положил ей руку на плечо:

— Кайлин, может быть, сейчас не стоит?

— Еще как стоит! — ответила она, осторожно убирая его руку. — Я ждала достаточно. Лига — это пустяк. Страна — вот что имеет значение. Пора ему это понять.

— Но если ты уйдешь, остальные тоже уйдут! Лига будет ослаблена. Ты ведь этого не хочешь! — сказал Эрланд.

— По правде говоря, Эрланд, мне все равно. Некоторые останутся с тобой: Тойнан, Ковет, Стефан. — Она внезапно замолчала, и краска снова схлынула с ее лица. — Где Стефан? — спросила она, оглядывая зал. Через мгновение она, казалось, вспомнила о мертвых, лежащих по краям палаты. — О нет, — выдохнула она, устремляясь к ним.

Она с минуту ходила среди них, затем с криком упала на колени возле одного из тел и заплакала.

Некоторое время все молчали, подходя к ней и глядя, кто еще пал в бою. Спустя несколько минут к ней приблизился Оррис. Он подобрал ее плащ и попытался набросить ей его на плечи.

— Нет, — сказала она. — Мне это не нужно.

Он заколебался, а затем, уронив ее плащ, снял свой собственный и отдал его ей.

Всего погибло четыре мага Лиги, все — старики. Орден потерял двух магов: Нейсу, молодую женщину, которая получила свой плащ за год до Джарида и Элайны, и Эйфиона, самого старого члена Ордена.

— Мы должны почтить их память процессией по городу от Великого Зала к Залу Лиги, — сказал Джарид.

— Следует включить в нее и людей Храма, — предложила Сонель. — Они пришли к нам на помощь, когда мы нуждались в них, и они потеряли своего Верховного Жреца.

— Хорошо. Ты сможешь сообщить им?

— Конечно.

— Благодарю тебя, — сказал Орлиный Магистр. Затем повернулся к Элайне, взял ее за руки и каким-то образом нашел в себе силы улыбнуться. — Пойдем поищем Мин.

В свете событий этой весны и потери Созывающего Камня мы придерживаемся мнения, что больше не можем рассчитывать на то, что Волшебная Сила и Храмы будут защищать нас и руководить нами во времена кризиса. Мы, конечно, по-прежнему с радостью будем принимать услуги и добрые советы от магов Тобин-Сера и жрецов. Но мы считаем, что пришло время народу Тобин-Сера принимать более активное участие в управлении страной. С этой целью мы просим вашей помощи в создании Народного Совета. Этот Совет будет состоять из одного представителя от каждой деревни и села в стране, выбранного голосованием. Как только они будут выбраны, каждый из них направится на Ассамблею Совета, которую мы надеемся разместить в деревне или селе в южной части леса Тобина — в месте, которое будет одинаково доступно для всех. Ассамблея будет длиться в течение нескольких месяцев каждый год; этого хватит на то, чтобы изучить все вопросы, требующие ее рассмотрения...

Мы понимаем, что до некоторой степени не в интересах Храма, Лиги или Ордена помогать нам в этом начинании. Но мы надеемся, что вы в мудрости своей и любви к стране будете думать не только о своих собственных интересах, но и об общем благе.

Открытое письмо Ордену Магов и Магистров, Лиге Амариды и жрецам Храмов Арика от лидеров свободных деревень Тобин-Сера, весна, год 4633

На следующее утро Кайлин проснулась рано, проведя ночь в гостинице неподалеку от Зала Лиги. Ей не нравилось спать в помещении — во время Конклавов она обычно спала в Ястребином лесу. Но после битвы с Сартолом она устала почти до потери пульса и решила сделать исключение на одну ночь.

Таким образом, поначалу она сочла мрачное настроение, в котором проснулась, и странные образы, посылаемые ей Ритель, результатом ужасного испытания прошлой ночи и непривычки спать в постели. Она оделась не спеша, предварительно вымывшись душистым мылом, которое было в ее комнате. Она также надела свой плащ, прежде чем вспомнила, что поклялась никогда больше не носить его. Снова сняв его, она провела пальцами по вышивке на рукавах и капюшоне. Она слегка сомневалась, не слишком ли поспешно оставила Лигу, даже несмотря на то, что подумывала об этом со времен столкновения с Эрландом под дождем в лесу Тобина. Она чувствовала стеснение в груди и знала, что Стефан не одобрил бы этого, но смог бы ее понять.

— Это было правильным поступком, — сказала она вслух, глядя на Ритлар. — Мы с Эрландом не можем работать вместе. Мы оба это знаем. Мне было пора уходить.

В качестве ответа Ритлар снова послала один из странных образов. Большая птица парила высоко в безоблачном голубом небе над местом, которое она не узнавала.

Кайлин покачала головой. *Я не понимаю*, — мысленно сказала она. — *Что ты?..* — и в этот момент ее осенило.

Война была окончена, а орлы никогда не остаются с магами в мирные времена.

За последние недели они с Ритель стали близки, но никогда Кайлин не любила орла так же сильно, как она любила Маркрана, своего славного маленького ястреба. Однако понимая, что Ритель была готова оставить ее, Орлиный Мудрец стала плакать. Птица, подпрыгивая, приблизилась к ней и дружелюбно ткнула в плечо Кайлин огромным клювом. Образ того, как они становились связанными, вошел в разум Кайлин, и она улыбнулась.

Я тебя тоже никогда не забуду.

Она вытянула руку, и птица взобралась на нее.

— Ну, — сказала Кайлин, вытирая слезы и поглаживая подбородок орла. — Выйдем на улицу.

Увидев, как она спускается по лестнице с Ритель на плече, хозяин гостиницы вышел из-за стойки, торжественно посмотрел на нее:

— Премного благодарен вам, Орлиный Мудрец. Вам и вашей Лиге. Мы боялись, что призраки нападут на нас перед тем, как вы победили.

— В этом есть и заслуга Ордена, — ответила Кайлин. — Если бы не Орлиный Магистр и его маги, Сартол уничтожил бы нас.

У того брови поползли вверх, но через мгновение он кивнул:

— Не хотите ли позавтракать, Орлиный Мудрец? Я могу раздобыть сырой баранины и для вашей птицы.

Кайлин подавила желание расплакаться:

— Нет, благодарю. Мы поедем позднее.

Трактирщик улыбнулся и после короткого неловкого молчания вернулся за стойку.

Выйдя на яркий дневной свет, Кайлин ласково погладила золотисто-коричневые перья на шее птицы.

Ритель подняла взгляд на небо и тихо крикнула.

— Я знаю, — сказала Кайлин с тупой болью в груди. — Береги себя, моя хорошая. Да хранит тебя Арик.

Орел крикнул во второй раз, прежде чем слететь с ее плеча на булыжник у дороги. Затем, сделав быстрый шаг и тяжело рассекая воздух огромными крыльями, птица взмыла в безоблачное голубое небо, где, описывая круги, стала кричать, обращаясь к Кайлин, и подниматься все выше. Уже через несколько мгновений она стала немногим больше, чем темная точка в небе, и, пока Кайлин наблюдала за Ритель, ей показалось, что к ней присоединилась вторая птица, которая некоторое время кружила вместе с ней. Затем, издав по последнему тихому крику, обе взмахнули крыльями, поднялись еще выше и исчезли в глубине небес.

Вытерев слезы и медленно выдохнув, Кайлин пошла прочь от гостиницы, собираясь пройти по городу и направиться в Ястребиный лес. Однако через несколько минут она обнаружила, что стоит перед Великим Залом. Она колебалась лишь мгновение, а затем поднялась по ступенькам и вошла в куполообразное здание. Как она и ожидала, Джарид с Элайной находились там и, стоя в центре Палаты Собраний, осматривали повреждения. Тела, конечно, были уже убраны, но обломки Созывающего Камня остались, так же как и сломанная подставка, и остатки того, что когда-то было столом для заседаний.

— Доброе утро, — сказала Кайлин, и ее голос громко отдался эхом от потолка.

Они обернулись. Сова Элайны сидела у нее на плече, но орла Джарида не было видно.

— Твой тоже улетел? — спросила его Кайлин.

— Да, сегодня утром.

— И Ритель. Странно, не правда ли?

— И да и нет. До того, как Ритлар появилась у меня, я долгое время был несвязанным. Поэтому в известном смысле все это кажется мне очень знакомым.

Из задних комнат появилась их дочь, держа в руке маленькую куклу.

— Мама! Смотри, что я нашла! — Увидев Кайлин, она замолчала и улыбнулась. — Здравствуйте, Орлиный Мудрец. — Ее улыбка быстро исчезла, и она озадаченно нахмурилась. — Где ваш плащ?

Кайлин, застенчиво улыбаясь, взглянула на Джарида и Элайну.

— Я избавилась от него, — ответила она.

— Вы собираетесь присоединиться к Ордену?

— Мин! — воскликнула Элайна.

Но Кайлин знаком остановила ее.

— Нет, Мин, — ответила она девочке. — Но и в Лиге я не хочу оставаться.

— О, — сказала девочка, глубокомысленно кивая головой. — Вы теперь свободный маг.

Все трое магов рассмеялись.

— Да, — ответила Кайлин. — Наверное, да.

— Ты уверена, что это правильное решение? — спросил Джарид.

— Не совсем. Но, с другой стороны, я не помню, когда я в последний раз была в чем-нибудь уверена. — Она засмеялась, но это далось ей с трудом.

Джарид с Элайной сочувственно улыбнулись, и Кайлин отвела взгляд, чувствуя себя смущенной.

— Я точно не знаю, имеет ли это какое-нибудь... — сказала она, начиная медленно бродить по Палате.

Лицо Джарида побледнело.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне интересно, в чем сейчас заключается материальное воплощение Волшебной Силы? Созывающий Камень утерян, Неприкаянные обрели покой. Что, если все кончено? Терона и Амарида нет. Может быть, это означает, что их магии тоже больше нет?

Орлиный Магистр и Элайна переглянулись.

— Я тоже об этом думал, — признался он. — Мне пришло в голову, что, может быть, Ритлар стала моей последней птицей.

— Я так не думаю, — сказала Элайна. — Возможно, Волшебная Сила меняется и мы не можем играть ту роль, которую играли когда-то — но мне не кажется, что боги решили покончить с нашим ремеслом.

Кайлин пожала плечами, остановившись перед тем местом, где когда-то стоял Созывающий Камень:

— Надеюсь, ты права.

Она постояла еще некоторое время, трогая носком башмака осколки огромного кристалла. Затем подняла взгляд и выдавила улыбку:

— Я не хотела входить без приглашения. Я просто оказалась перед Залом и захотела... — Она снова пожала плечами. По правде говоря, я не знаю, чего я хотела.

— Ты можешь приходить сюда в любое время, Кайлин, — сказал ей Джарид. — И независимо от того, будет на тебе плащ или нет, мы надеемся, что ты всегда будешь считать нас своими друзьями.

На этот раз она улыбнулась с легким сердцем:

— Конечно.

Вскоре она оставила их и, пробираясь через городские предместья, дошла до Храма Верховного Жреца. Окна Храма были забиты досками, и они такими останутся в течение следующих сорока дней, в знак траура по погибшему Верховному Жрецу Бревилу. Перед тем как ступить на преддверье Храма, Кайлин зажгла одну из свечей в маленькой молельне у ворот. Затем она через внутренний двор поспешила в комнату Линвен.

Воздух в комнате был тяжелым, горячим, и в нем пахло магическим суслом и шаном. В углу сидела прислужница, но, когда вошла Кайлин, она кивнула и удалилась. Линвен лежала в постели с одеялом, натянутым до подбородка. Под глазами у нее были черные круги, а скулы так выступали сквозь бледную натянутую кожу, что Кайлин испугалась, как бы они ее не прорвали. Но Верховная Жрица улыбнулась, увидев Кайлин, а ее голубые глаза казались далеко не безжизненными.

— Я надеялась, что ты придешь! — сказала она голосом, больше похожим на шепот.

— Я уже давно хотела это сделать. Извини, что так долго не приходила.

Линвен щелкнула языком и ненадолго закрыла глаза, словно желая дать понять, что извиняться не нужно.

— У тебя были более важные дела. Мне сказали, что ты теперь у нас — герой.

— Мы все герои. — Она улыбнулась. — Даже Эрланд.

— С трудом в это верю, — лукаво ответила она. Затем легким кивком указала на кровать. — Садись рядом со мной. И расскажи обо всем, что случилось.

Кайлин села, и Верховная Жрица поморщилась от движения кровати.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Линвен ненадолго закрыла глаза, а затем открыла и снова улыбнулась:

— Нет, дитя. Со мною все хорошо.

— *Хорошо?* — Глядя на нее, Кайлин хотелось плакать.

Некоторое время они говорили о битве, произошедшей прошлой ночью. Линвен засыпала ее вопросами и часто просила уточнить тот или иной момент. Когда Кайлин закончила говорить, Верховная Жрица в очередной раз закрыла глаза, словно отдыхая после тяжелого испытания. Но она вскоре снова их открыла.

— Где твой плащ? — спросила она, словно только сейчас заметила, что на ней нет плаща.

— Я его больше не ношу. Я ушла из Лиги.

— Когда? — спросила Линвен, широко раскрыв глаза.

— Прошлой ночью, после того как мы победили Сартола.

— Эрланда, наверное, удар чуть не хватил!

Кайлин засмеялась:

— Да.

— Остальные последовали за тобой?

— Насколько мне известно, нет.

— Они это сделают, — с уверенностью сказала Линвен. — Подожди и увидишь. — Ее глаза бежали комнату. — А твой орел?

— Ритель покинула меня сегодня утром. Война окончена. Обоих орлов нет.

Линвен грустно посмотрела на нее:

— Так, значит, ты теперь снова несвязана?

Кайлин пожала плечами, затем кивнула.

— Неважно, — ответила она, не желая подробно останавливаться на потере своей птицы и на возможности того, что она больше не будет связанной. — Я думаю, самая большая потеря — это Созывающий Камень.

— Наверное, ты права, — сказала Линвен. — Я даже представить себе не в состоянии, что бы это могло значить.

Затем Верховная Жрица снова закрыла глаза.

Кайлин начала вставать, двигаясь медленно, чтобы постель не шелохнулась.

— Тебе нужно поспать.

— Пожалуйста, не уходи, — попросила Линвен, хотя ее глаза оставались закрытыми. — Я не хочу умирать одна, Кайлин. И я не хочу, чтобы какая-то прислужница, которую я даже не знаю, была последним человеком, видевшим меня живой.

Кайлин подавила рыдание.

— Перестань, дитя. Ты уже давно знала, что это случится. Поэтому смились с неизбежным. Я готова отправиться в последний путь.

— Но я не готова потерять тебя! — воскликнула Кайлин, и у нее из глаз полились слезы.

— Ты бы предпочла, чтобы я жила с этой болью?

— Конечно нет.

Линвен улыбнулась:

— Тогда позволь мне отправиться в последний путь. Посиди здесь, пока боги не придут за мной, и затем отпусти меня. Прошу тебя.

Что она могла ответить? Она вытерла глаза, кивнула; ей даже удалось улыбнуться.

— Вот умница, — сказала Линвен. — А теперь расскажи мне еще раз о своей схватке с двумя призраками. Она показалась мне такой ужасной!

Они стали говорить о событиях той ночи, и Линвен, наконец, заснула. Кайлин решила было уйти, но только лишь осторожно слезла с постели и опустилась на стул, стоявший рядом. Слушая затрудненное дыхание Верховной Жрицы, Кайлин вскоре сама заснула и проснулась через некоторое время, когда уже всходила луна. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что разбудило ее. Дыхание Линвен остановилось.

Кайлин сидела, пристально глядя на лицо Верховной Жрицы, которое казалось полнее и здоровее в лунном свете и свечении церилла. На рассвете раздался стук в дверь, и вошла

прислужница, но уже другая. Она замерла, увидев лицо Линвен, а затем повернулась к Кайлин с немым вопросом в глазах.

— Боги пришли за ней ночью.

Та вздохнула:

— Теперь пройдет восемьдесят дней, прежде чем окна снова будут открыты.

Кайлин чуть не напустилась на нее за ее бессердечность. Но затем передумала. Прислужница была молодой, моложе даже, чем Кайлин. И для нее Линвен была просто старой больной женщиной. Поэтому Кайлин встала, взяла посох и сказала, проходя мимо женщины:

— Так и должно быть.

В последующие дни предсказание Линвен оправдалось. Одиннадцать магов Лиги, почти половина всех членов организации, сняли плащи и объявили себя свободными магами. Неудивительно, что большинство из тех, которые последовали примеру Кайлин, были молодыми магами, и среди них — Арслан с Вавнией. Несколько магов Ордена также отказались от своих плащей, но их было немного. В результате, в Лиге теперь стало меньше магов, чем и в Ордене, и в Народном Движении.

За это время Кайлин лишь дважды видела Эрланда: в первый раз — на процессии в честь погибших, во время которой они шли вместе, ведя магов Лиги по улицам Амарида, но не разговаривая друг с другом. Однако вторая их встреча оказалась более содержательной. Рано утром, за день до того, как она должна была покинуть Амарид, чтобы возобновить свои странствия, она остановилась у Зала Лиги. Она точно не знала почему; по какой-то причине ей нужно было увидеть его снова. Войдя, она подумала, что Зал пуст — все казалось совершенно неподвижным, — и решила, что ей никто не помешает.

Но когда она стала медленно обходить вокруг большого стола в центре зала, то услышала шаги позади себя.

— Ты вернулась, чтобы посмеяться надо мной?

Пораженная, она повернулась, чтобы посмотреть на него. Он казался более сутулым, чем был в последний раз, когда она его видела, а его обычно румяное лицо выглядело землистым и искаженным.

— Вовсе нет. Я покидаю Амарид, если хочешь знать.

— Ты убила Лигу, и тебе об этом известно.

— Нет, не убила. В Лиге еще много...

— Мы стары, Кайлин. Все кто остались, стары. Когда мы умрем, Лига умрет вместе с нами. И ты об этом знаешь.

Она заколебалась. Он был прав, и она знала это.

— Это не входило в мои намерения.

— Нет, входило. Ты хотела отомстить мне. Вот почему ты сделала это перед всеми, чтобы унижить меня. И, самое главное, я не могу винить тебя за это.

— По правде говоря, Эрланд... — она запнулась. В его словах правды было больше, чем ей хотелось признать. — Я никогда не хотела уничтожать Лигу, — ответила она. — Я сделала это для себя, потому что знала, что мы не можем больше работать вместе. И потому что я устала от вражды с тобой.

— Но ты знала, что они последуют за тобой. Ты теперь их герой.

— Я знала, что некоторые так и поступят. Но не знала кто или сколько.

— Хотелось бы в это верить.

— Мы победили, Эрланд. Мы разгромили Сартола. Вот что имеет значение. Вот о чем ты должен думать. Для этого потребовались усилия всех нас. Это была победа твоя и Лиги, так же, как Джарида и моя.

Он пристально смотрел на нее, словно взвешивая ее слова. Затем повернулся и направился в свою комнату.

— Прощай, Кайлин, — сказал он с порога. — Да хранит тебя Арик.

— И тебя, Эрланд, — ответила она, когда он закрыл дверь. Она даже не была уверена,

что он ее слышал.

Чуть позже она отправилась в Великий Зал, надеясь найти Орриса. Когда его там не оказалось, она спросила Джарида, где она может найти его, и он направил ее в трактир.

Дойдя до внутреннего двора, она подумала, что Джарид ошибся. Уж конечно ни один уважающий себя маг не остановится в таком месте. Но, когда она вошла в мрачное помещение, ее встретил аромат, от которого у нее заурчало в животе и потекли слюнки, и она решила, что Оррис все-таки где-то здесь. Через мгновение она заметила его в дальнем углу зала. Он был один, если не считать его прекрасного белого ястреба, и ел из миски горячее тушеное мясо с овощами.

— Можно к тебе присесть? — спросила она, приблизившись к его столу.

Подняв взгляд, он улыбнулся, заставив ее сердце заплескаться от радости:

— Конечно.

Она села напротив него, и они несколько мгновений молчали и неловко смотрели друг на друга.

— Я завтра покидаю Амарид, — наконец сказала она, внутренне поеживаясь от того, как резко и неуместно это прозвучало.

— Очень жаль. Надеюсь, что наши пути скоро пересекутся.

— Правда?

Оррис вздохнул:

— Кайлин...

— Я знаю, — сказала она, останавливая его, подняв руку. — Извини.

Они снова погрузились в молчание.

— Куда ты отправишься? — спросил он наконец, прежде чем положить в рот еще кусок мяса.

— На юг, наверное. Пора людям снова заселить лес Теней и область вокруг леса Терона. Я бы хотела внести в это свою лепту.

— Прекрасная идея, — сказал Оррис.

Она просияла:

— А ты?

Он опустил взгляд, заколебавшись.

— Я еще не решил. Это — новый мир, и я еще точно не знаю, где я приживусь.

— *Пойдем со мной!* Мне кажется, ты приживешься везде, где бы ни захотел.

При этих словах он улыбнулся, снова посмотрев ей в глаза:

— Спасибо.

Разговор в третий раз зашел в тупик, и Кайлин решила, что лучше ей уйти, пока она не поставит себя в еще более неловкое положение.

Она встала и протянула руку:

— Прощай, Оррис. Да хранит тебя Арик.

Он взял ее руку в обе свои:

— И тебя, Кайлин. Пусть даруют тебе боги безопасность и принесут счастье.

Она пристально смотрела на него еще несколько секунд, затем неохотно убрала руку и ушла. Оказавшись на улице, она кратчайшим путем направилась из города в лес. Она намеревалась провести последнюю ночь здесь, прежде чем направиться на юг. Но было еще рано, и она попрощалась со всеми, кто был важен для нее. Поэтому, оглянувшись на город в последний раз, она стала медленно подниматься в горы.

У нее не было плаща или птицы, но она была свободным магом, и в этом понятии, казалось, содержалась большая точность. В первый раз, насколько она помнила, она была совершенно одна. Она слегка поежилась при этой мысли, точнее, от некоторого страха и от охватившего волнения.

Так как приближалась середина лета и все члены Ордена все еще находились в Амариде, Джарид решил в качестве своего последнего действия как Орлиного Магистра созвать годовое Собрание пораньше и потребовать выборов нового Премудрого. В прошлом

считалось правильным, что только Магистры могли рассматриваться в качестве кандидатов на этот пост. Но с разделением Ордена число Магистров стало таким маленьким, что, когда Сонель перестала быть Премудрой, все члены Ордена, маги и Магистры, были приглашены участвовать в выборе преемника. Таким образом, Радомил стал первым Премудрым, который, как сам Амарид, был избран всем Орденом.

Кроме того, выборы лидера Ордена обычно выдавали честолубцев, которые при обычных обстоятельствах были совершенно незаметны. Но в этот год, из-за всего того, что случилось, казалось, вопрос будет не в том, кого выберут, а в том, кто согласится на этот пост.

Радомил, который был Премудрым до того, как у Джарида появился орел, казался Джариду подходящей кандидатурой. Но Магистр отклонил эту честь.

— Я уже занимал этот пост, — сказал он. — И не уверен, что окажусь на своем месте.

Остальные стали заверять его, что он прекрасно справился с ролью Премудрого, но он не поддался на уговоры. Это послужило началом долгого обсуждения других возможных кандидатов, среди которых были упомянуты Баден, Сонель, Транн, Меред и Элайна.

Фраза «Я слишком долго был вдали от дома» так часто повторялась на протяжении первых двух дней Собрания, что стала вызывать смех.

Наконец, на третий и последний день обсуждения Джарид поднял вопрос, который впервые пришел ему в голову в ночь их битвы с Сартолом.

Встав в момент временного затишья в обсуждении и неловко прочистив горло, он спросил:

— А должны ли Премудрый и Первый Помощник обязательно оставаться в Амариде?

Он опасался реакции, которую мог вызвать его вопрос, и поэтому был удивлен, когда никто вообще ничего не возразил.

— Они всегда были должны, — ответил Баден после долгого молчания.

— Но это ведь из-за камня, не так ли? Им приходилось быть здесь на тот случай, если остальных членов Ордена нужно будет созвать в Амарид. — Он указал на куски разбитого Камня, которые были собраны в аккуратную кучу у сломанной подставки: — Но теперь это больше не так.

Транн поднял бровь:

— То, что он говорит, имеет смысл. Можно задаться вопросом, нужен ли нам теперь Премудрый.

— Конечно, нужен, — сказал Оррис. — У меня по-прежнему ястреб, поэтому я ничего не выигрываю, говоря это. Нам нужен лидер, который будет руководить нашими дебатами и представлять нас в отношениях со страной.

— Я согласен, — сказал Джарид. — Но ты думаешь, что он должен жить в Великом Зале?

Оррис, казалось, на мгновение задумался над этим вопросом:

— Думаю, да. Как я уже сказал, Премудрый — это наше связующее звено со всей страной и всем миром. За последнюю тысячу лет, даже если человек не знал имени Премудрого, он всегда знал, где его или ее можно найти. Мне не кажется, что это нужно менять.

После его слов никаких других мнений высказано не было. Когда они голосовали по этому вопросу, все высказались за то, что Премудрый должен пребывать в Амариде. И это снова привело их к вопросу, кто будет руководить ими.

В конце концов, после того как маги потратили на обсуждение несколько часов, Транн согласился выполнять эту функцию, а Радомил предложил стать его Первым Помощником.

— Илианна очень полюбила Амарид, — объяснил он.

Прежде чем заседание было закрыто, маги Ордена единодушно согласились добавить еще один медальон к созвездию золотых звезд, которые украшали крышу Великого Зала. Медальон Терона. Это было нужно сделать, как они все согласились, еще много лет назад.

После этого им мало что оставалось делать, и Транн объявил Собрание закрытым и

пригласил их в дом Первого Мага на празднество, которое проводилось позднее в тот же вечер.

Несмотря на то что у служанок Великого Зала было лишь несколько дней на подготовку, Шествие Света и следующее за ним празднование стали самыми приятными из тех, которые Джарид мог вспомнить. И дело не в том, что еда была лучше, чем обычно, или процессия более зрелищной, чем каждый год до этого. Но впервые за многие годы казалось, что над Орденом не нависают никакие тени.

Ночь, когда Джарид впервые участвовал в процессии и торжестве и получил свой плащ, стала одной из самых памятных в его жизни. Но это все происходило перед походом в лес Терона. А сегодня ночью, наконец, длительная борьба, которая началась с нападений пришельцев на Тобин-Сер, была окончена.

Транн разослал приглашения на это празднество не только горожанам, но и членам Лиги и тем свободным магам, которые все еще были в Амариде. И хотя Кайлин уже не было в городе, а Эрланд отклонил приглашение, несколько свободных магов и членов Лиги его приняли. Волшебная Сила все еще была разделена — Джарид примирился с мыслью, что это, вероятно, уже навсегда, — соперничество среди различных групп, ею обладающих, казалось, ослабло вследствие войны с Сартолом. Да, победа далась дорогой ценой. По всей стране люди скорбели о потерянных родственниках и друзьях. А кто мог сказать, какое будущее уготовано Волшебной Силе, раз Созывающего Камня больше нет? Но война окончена. Наконец страна может начать приходить в себя после тяжких испытаний.

— Когда вы уезжаете? — спросил Баден после того, как они сели, переводя взгляд с Джарида на Элайну.

— Скоро, — опередила их Мин с ответом.

Все рассмеялись.

Элайна наклонилась и поцеловала Мин в голову:

— Она права: скоро. Завтра, если получится.

— А ты? — спросил Джарид, перед тем как снова набить рот.

— Мы с Сонель тоже уезжаем завтра. Я скучаю по дому.

Оррис засмеялся:

— Только послушайте его. С трудом верится, что он когда-то был странником. Мне придется взглянуть на этот дом, чтобы понять, что в нем такого особенного.

Баден с удивлением смотрел на него.

— Конечно, Оррис. Добро пожаловать в любое время.

— Спасибо. Транн едет домой за своей женой, и я собираюсь поехать с ним. Я всегда хотел провести некоторое время в пустыне. Но после этого я с радостью заеду к тебе и Сонель.

— Конечно.

— А мы? — спросила Мин с набитым хлебом ртом.

— Если твои папа и мама не будут против, я приеду к вам от дяди Бадена.

— Замечательно, — сказала Элайна, широко улыбаясь.

Но Джарид просто уставился на своего друга, чувствуя, что он планирует все это не просто так. Дом Транна, Баден, а затем их собственный. А куда потом?

Оррис посмотрел в его сторону, и глаза их встретились.

— Что? — спросил дородный маг, снова смеясь. — У тебя такой вид, словно ты не хочешь меня видеть у себя в гостях.

— Вовсе нет, — ответил Джарид. Затем покачал головой. — Пустяки. — Если Оррис что-то и скрывал, то делал это мастерски.

Празднование, как это часто бывает, затянулось до утра. Джарид с Элайной возвратились в Великий Зал лишь за час или два перед рассветом, и Джарид нес спящую Мин на руках. И все-таки поздним утром их вещи были упакованы, а лошади — оседланы. И после того, как они в последний раз попрощались с Баденом и Сонель, Радомилом и Илианна, Оррисом и Транном, они выехали из города и пустились в долгий обратный путь к

берегам Южного Шелтера.

— Тебе не кажется странным, что Оррис собирается навестить всех нас? — спросил Джарид, когда они ехали по Ястребиному лесу.

Элайна немного подумала:

— В целом — нет. Ему не нравилось оставаться у друзей, когда Лига преследовала его, потому что он беспокоился, как бы чего не случилось с нами. А сейчас, когда они, кажется, согласны оставить его в покое, он снова готов бывать у нас. Мне это кажется вполне естественным.

— Я об этом не подумал, — признал он. — Наверное, ты права.

Днем, когда они сначала пересекли лес, а затем стали пробираться по предгорью, Мин заставила их петь с ней песни и рассказывать ей сказки. Но через некоторое время Джарид замолчал, предоставив это Элайне.

Он не мог не вспоминать то, что сказала ему Кайлин: возможно, они не будут снова связанными никогда. Он очень долго был несвязанным после смерти Ишаллы, и, хотя Проклятия больше не было, мысль о том, чтобы провести остаток жизни без птицы, не доставляла ему удовольствия. Он, как и Элайна, хотел верить в то, что боги продолжают посылать птиц магам Тобин-Сера, несмотря на утрату Камня и разрушение Проклятия. Но какая-то часть его души сомневалась в этом.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила Элайна, придерживая свою лошадь, чтобы поравняться с Джаридом. Заснувшая Мин сидела перед ней.

Он криво усмехнулся и покачал головой:

— Тебе не нужно знать.

— Ты беспокоишься о том, будешь ли снова связанным?

Он неохотно кивнул.

— Я не думаю, что тебе стоит беспокоиться. Волшебная Сила была частью жизни страны на протяжении тысячи лет. Она такая же часть Тобин-Сера, как морские побережья или лес Тобины. И пока есть ястребы и орлы, летающие над равнинами и лесами, и пока есть люди, которые заключают в себе Дар Леоры, Волшебная Сила не исчезнет.

Он отчаянно хотел верить ей. Помимо Элайны и их дочери, он больше всего на свете любил быть магом. И тем не менее его сомнения не рассеивались, подобно туману над океаном прохладным весенним утром.

— Ты все еще не уверен, не так ли? — Она покачала головой. — Ты был прекрасным Орлиным Магистром, Джарид. Ты — чудесный муж и отец. Я вижу, как ты относишься к Оррису, Транну и Бадену, и вижу, что ты отличный друг. Но я не видела никого, кому бы с таким трудом давалась участь несвязанного.

Он засмеялся чуть громче, чем следовало, и Мин начала просыпаться.

— Что тебя так рассмешило? — спросила она, зевая.

— Ничего, доченька. Можешь снова...

— Папа, смотри! — прошептала она. Она пристально смотрела вперед, показывая на что-то.

И, повернувшись, чтобы проследить за ее взглядом, Джарид резко перевел дух.

Прямо перед ними на низкой ветке сидела великолепная сова. Она была большой и мощной, с умными желтыми глазами и треугольными ушами, придававшими ей сходство с кошкой. И она пристально смотрела прямо на него. Ему хватило времени понять, что это был тот же тип совы, с которой была связана Элайна, и это его не удивило. *«Пока есть ястребы и совы, — сказала она. — Пока есть люди, которые заключают в себе Дар Леоры»*. Она все-таки оказалась права.

Это стало его последней ясной мыслью. Ибо в следующее мгновение волна образов и эмоций обрушилась на его разум, подобно прибою на песчаный берег. И так началось его новое связывание.

Эпилог

Как я уже говорила тебе, я с большим облегчением услышала о вашей победе над Сартолом и об обещании нового лидера Храмов не приобретать больше оружия из Лон-Сера. Если ты получил более ранние мои письма, прости за то, что повторяюсь. Но я уже давно не получала от тебя известий, и мне хочется знать, все ли с тобой в порядке. Я беспокоюсь о том, что, возможно, твоя вражда с магами Лиги не окончена, как ты считал, или каким-то образом Сартол оказался более стойким врагом, чем ты думал...

Я пришла к достаточно важному решению, которым мне не терпится поделиться с тобой, но мне не хочется этого делать до тех пор, пока я не получу известий, что с тобой все в порядке. Прошу тебя, напиши мне поскорее. Я не хочу, чтобы наша переписка окончилась.

*от Мелиор И Лакин, Правительницы Брагор-Наля, магу Оррису,
день 6, неделя 2, год 3069*

Она думала об этих строках уже почти год и не раз пыталась намекнуть Джиббу на свои намерения, чтобы он был готов. Но, хотя с того дня, как они взяли на службу Мышь и поручили Премелю заниматься отношениями с Сетью, он знал, что она не собирается всегда быть Правительницей, он, казалось, не хотел или был не в состоянии смириться с тем, что ее пребывание на этом посту скоро закончится.

Этим-то и объяснялось выражение его лица в данный момент.

— Но, — он замолчал и наверное уже в двадцатый раз покачал головой, — но что вы будете делать? Куда вы отправитесь?

Она подошла к окну и посмотрела на Наль. Воздух был тяжелее и гуще, чем когда бы то ни было. Даже гроза, которая прошла утром, ничуть его не очистила. Ей нужно выбираться отсюда.

Мелиор провела почти всю жизнь в Нале. Она покидала его лишь дважды: один раз, чтобы спастись от убийц Седрика, и второй — чтобы захватить Марара. Она не то чтобы жаловалась. В конечном счете, он устраивал ее на протяжении многих лет. Он дал ей почти все, о чем она когда-либо мечтала: сильные эмоции, власть, золото. Она была Правительницей и гордилась теми изменениями, которые произвела в Нале, и тем, как улучшила жизнь гилдринов Брагор-Наля. Процесс этот только лишь начинался, и в течение ее жизни он не будет завершен. Но это по-прежнему было большим, чем многие считали возможным. И уж конечно это больше, чем сделали другие Правители.

Но, учитывая все то, что она сделала, учитывая богатство и власть, которыми она теперь обладала, она не знала, что со всем этим поделаться. Понимание впервые пришло к ней в туннелях как раз перед перестрелкой, в которой она едва не погибла. Ее снова осенило во время похода ко дворцу Марара, когда возбуждения от их вторжения в Стиб-Наль с лихвой хватило на то, чтобы компенсировать неудобство от путешествия на костылях. Ей было скучно.

Годами ее единственный честолубивый замысел заключался в том, чтобы попасть в Золотой Дворец. И некоторое время спустя после того, как она туда попала, ей нравилось управлять Налем. Но при всей своей власти и несмотря на то, что за золото можно столько всего купить, она часто чувствовала себя во дворце подобно узнице. За все это время она постепенно осознала, что быть Правительницей гораздо менее увлекательно, чем лордом. Она не то чтобы хотела вернуться в квады. Она просто хотела заниматься чем-то еще. И чем бы она ни занялась, она не хотела делать этого в одиночку.

— Я не знаю, чем я собираюсь заняться, — наконец сказала она, отвечая на вопрос генерала. Она надеялась, что к этому моменту уже получит известия от Орриса. На самом деле она хотела отправиться в Тобин-Сер, чтобы быть с ним. Но как она могла сказать такое Джиббу? Кроме того, ей не очень удобно было отправляться к магу, не предупредив его о

своем приезде. — Может, я отправлюсь на поселения в Даальмаре.

— Вы собираетесь жить с гилдринами?

— Какая-то часть моей души считает, что мое место там. — Она показала на свой посох. — В частности, вот этот камень.

— Этот камень принадлежит вам, где бы вы ни были. Вам не нужно покидать дворец, чтобы заслужить его.

Она выслушала его слова, пожала плечами и снова повернулась к окну.

— Когда в последний раз вы получали от него известия?

Она скрестила руки на груди, словно чтобы унять биение сердца:

— Некоторое время тому назад.

— Вы писали ему снова?

Она чуть было не сказала ему, чтобы он занимался своими собственными делами. Но она знала, насколько ему тяжело говорить с ней об Оррисе, и поэтому просто кивнула.

— Вы мне сказали, что он много путешествует. Что он ходит по стране весь год. Может быть, он не смог вручить свои письма купцам. Наверное, в этом-то все и дело.

Она посмотрела на него через плечо и слабо улыбнулась:

— Наверное. Спасибо, Джибб.

— Но пока вы не получите от него известий, разве не имеет смысла остаться здесь, где он сможет найти вас?

Джибб был прав.

— Полагаю, это имеет смысл.

— И в любом случае, — непринужденно сказал он, — вы же не захотите оставить меня в полном одиночестве, не так ли?

— Ты и не будешь один, — ответила она с усмешкой. — Премель всегда будет с тобой.

Пропасть между Джиббом и Премелем сохранялась большую часть прошедшего года, и Джибб все еще не доверял ему, как прежде. Но Мелиор заметила, что за последние недели в их отношениях начинает появляться прежняя теплота, словно Джибб нашел в себе силы простить Премеля за его предательство.

— Премель, — повторил Джибб, покачивая головой. — На данный момент Мышь практически превратила его в гилдрину.

Мелиор подняла бровь:

— Осторожнее, генерал. Помните, с кем вы разговариваете.

Джибб засмеялся, и Мелиор удалось сделать то же самое. Однако спустя несколько секунд их веселье пропало и они уставились друг на друга.

— Я не готов потерять вас, Мелиор, — сказал Джибб с тревожащим напором.

Ей не хотелось причинять ему боль, но иногда ему нужно было напоминать о собственном праве.

— Я никогда не была твоей.

— Это не так. Даже если вы никогда не любили меня, вы были самым близким моим другом.

— Я всегда буду твоим другом, Джибб. Неважно, куда я пойду или с кем я буду.

Он опустил взгляд:

— Я это знаю.

— Знаешь, — сказала Мелиор, пытаясь изменить его настроение. — Как Правитель, ты смог бы иметь любую женщину, которую пожелаешь.

— Вы знаете это по личному опыту?

Она сдержанно улыбнулась:

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я на это ответила?

Он сильно покраснел, и Мелиор рассмеялась.

Раздался плакающий звук от сигнального устройства его говорящего экрана.

— Похоже, мне пора идти, — сказал он. — Никуда не уходите из дворца, пока я не вернусь, хорошо?

— Ладно, — согласилась она.

Джибб вышел из комнаты, а она возвратилась к окну.

— Это больше не мой дом, — сказала она, устремив пристальный взгляд на хмурое небо. — Я даже не уверена, был ли он у меня когда-нибудь.

Она не ожидала, что снова увидит Джибба до следующего дня, но позднее в этот же день, когда она бродила по саду, генерал приблизился к ней со странным выражением круглого лица.

— В чем дело, Джибб?

Он остановился перед ней, наморщив лоб:

— Не знаю, как лучше это сказать. — Он перевел дух и затем произнес: — Мне кажется, я знаю, почему Оррис так долго не писал вам.

У нее пересохло во рту и перехватило дыхание.

— Почему?

И словно в ответ, генерал повернулся и указал на вход в сад.

Там, в мраморных воротах, стоял маг, его желтые волосы были собраны в узел на затылке, так же как это было, когда она в последний раз видела его, а на плече сидел прекрасный белый ястреб.

Ей хотелось кинуться ему навстречу и обвить руками его шею. Но она боялась сделать даже шаг. Она пристально смотрела на него, а он в ответ — на нее.

— Я вас оставляю, — тихо сказал генерал.

— Спасибо, Джибб, — прошептала она.

— Мелиор, — позвал он.

Она оторвала взгляд от Орриса и посмотрела на Джибба:

— Я рад за тебя. Правда.

Она улыбнулась, чувствуя, как по щеке потекла одинокая слеза:

— А я так признательна тебе за это.

Джибб тоже улыбнулся. Затем повернулся и направился к выходу из сада.

Снова повернувшись к Оррису, Мелиор перевела дух.

— А я все думала, что же с тобой случилось, — сказала она. Было странно снова говорить на Тобинмире. Она годами писала письма на языке мага, но не говорила на нем с тех пор, как оставила Орриса на опушке Южного леса восемь лет назад.

Он медленно направился к ней, словно чувствуя неуверенность в своих силах.

— Прости, что не посылал тебе писем. На перешейке появляется мало купцов, особенно зимой и ранней весной. Но я писал. Позже я смогу тебе показать эти письма.

— Ты что, прибыл сюда пешком? Ты мог приплыть на торговом судне.

— Вообще-то, я приехал верхом. — Он невольно усмехнулся. — Я гораздо лучше переношу езду на лошади, чем плавание на корабле.

Она вытаращила на него глаза.

— Ты привел лошадь в Наль?

— Я отпустил ее на берегу перешейка, прямо перед лесом. Ей должно быть там очень хорошо.

— Никогда не думала, что снова тебя увижу, — выдохнула она.

— А я никогда не думал, что вернусь.

Сделав последний шаг вперед, он заключил ее в объятия и крепко поцеловал. Мелиор не раз мечтала об этом, надеясь, вопреки всему, что когда-нибудь в видении ей откроется, что эта встреча состоится. Она ответила на его поцелуй со страстью, которая пылала в ней столько лет, что даже не хотелось считать.

Некоторое время спустя она заметила, что ястреб Орриса, которого согнали с плеча их объятия, кружит над ними, громко крича.

Она отступила и посмотрела Оррису в глаза:

— Кажется, твоей птице я не очень нравлюсь.

— Она к тебе привыкнет.

— Означает ли это, что ты останешься со мной?

Он снова поцеловал ее:

— Я здесь, Мелиор. Я провел почти полгода, пересекая перешеек. Разве тебе это ни о чем не говорит?

Конечно, это о многом говорило, хотя она чуть ли не боялась поверить в это.

— Но почему ты вдруг покинул Тобин-Сер? Я никогда не думала, что ты так поступишь.

Он покачал головой с грустью в темных глазах:

— Там все меняется. — Он криво усмехнулся. — Я с трудом переношу перемены.

— А приезд сюда — это разве не перемена?

— Это — другое дело. Я был магом и членом Ордена двадцать один год. А десять лет до этого я мечтал о том, чтобы носить магический плащ. После того как я оставил Тобин-Сер в первый раз, — а фактически, из-за того, что я уехал, — все то, что подразумевала собой жизнь мага, начало меняться. У меня совершенно нет слов, чтобы описать, каково видеть Орден распавшимся и знать, что это все — по моей вине. Но даже тогда Волшебная Сила по сути своей оставалась неизменной. Но сейчас... — Он снова покачал головой. — А с потерей Созывающего Камня нас ничего больше не сплачивает, и свободных магов стало больше, чем магов Ордена. Слишком многое изменилось.

Она поняла только часть того, что он ей говорил, но в известном смысле этого было достаточно, по крайней мере пока.

— Кроме того, — продолжил он, снова улыбаясь ей, — у меня была веская причина приехать сюда. Не понадобятся ли Правительнице Брагор-Наля услуги мага?

Ответ пришел в голову внезапно, ответ, который мог бы заставить его залиться краской, но она точно не знала, как сказать это на его языке. В любом случае у нее были новости для него.

— Я хочу сказать тебе... — Она запнулась, смущенная трудностью, с которой ей дается речь на Тобинмире. — Я уже очень долго собираюсь сказать тебе кое-что. Я не хочу больше быть Правительницей.

У него расширились глаза.

— Почему?

— Я не могу сказать тебе сейчас. Потом, когда я смогу найти подходящие слова. Но это — мой собственный выбор. Я приняла такое решение.

— Понимаю, — сказал он, кивая. — И что ты собираешься делать?

— Я собиралась поехать в Тобин-Сер, — ответила она. — Я хочу увидеть твою страну. Но теперь ты здесь.

Маг издал краткий смешок:

— Наверное, надо было все же прислать письмо.

Мелиор улыбнулась:

— Ну, так что теперь? Ты хочешь вернуться в свою страну?

— Пока нет. — Он взял ее руки в свои. — Когда-нибудь вернусь, Мелиор. Я тоже захочу снова увидеть ее. Я захочу встретиться с друзьями. Но сейчас я не готов вернуться.

— Тогда что?

— Ты когда-то просила меня поехать с тобой в деревню Хранителя.

— В Даальмар? — спросила она с изумлением, вспомнив свой утренний разговор с Джиббом. — Ты хочешь отправиться туда?

— Да, — ответил он. — Мне кажется, пора почтить память Гвилима. И, думаю, пора кому-нибудь принести Волшебную Силу гилдринам Лон-Сера.

— Ты думаешь, это возможно? — спросила она, и от одной этой мысли по ее телу пробежала дрожь. — Сила Гилдри покинула его, когда он пришел сюда. Так гласит легенда. И с тех пор не существует ни малейшего признака того, что такая сила живет среди моего народа.

— Это я знаю. Но Гилдри пришел сюда тысячу лет назад. Подумай о том, сколько всего

изменилось с того времени.

— Но все-таки...

Он поднял руку, останавливая ее. И ослепительная улыбка озарила его лицо.

— Я мечтал об этом, Мелиор. Пока я пересекал перешеек, я мечтал о магах в Даальмаре.

Она уставилась на него. Желая верить ему. И в то же время боясь.

— Правда? — спросила она так тихо, что сама едва услышала собственные слова. — У тебя было видение?

Он кивнул.

Она покачала головой, снова чувствуя слезы на своем лице:

— Какой чудесный сон.

Он улыбнулся и опять поцеловал ее:

— Вообще-то, большая его часть была о том, что мы вместе.